

ДИАНА ГЭБЛДОН

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

КНИГА 2

ЗОВ
ВРЕМЕНИ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Annotation

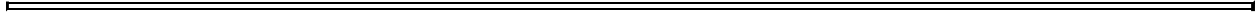
Сага о великой любви Клэр Рэндол и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. Воссоединившейся после гражданской войны семье Фрэзеров предстоит вновь пройти нелегкие испытания. На этот раз им придется противостоять не только старым врагам, но и внезапно разбушевавшейся стихии. Смогут ли Клэр и Джейми преодолеть очередные невзгоды и сохранить мир и покой на собственных землях?

- [Диана Гэблдон](#)
 -
 - [Часть шестая](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Часть седьмая](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)

- [Глава 79](#)
- [Глава 80](#)
- [Глава 81](#)
- [Глава 82](#)
- [Глава 83](#)
- [Глава 84](#)
- [Глава 85](#)
- [Глава 86](#)
- [Глава 87](#)
- [Глава 88](#)
- [Часть восьмая](#)
 - [Глава 89](#)
 - [Глава 90](#)
 - [Глава 91](#)
 - [Глава 92](#)
 - [Глава 93](#)
 - [Глава 94](#)
 - [Глава 95](#)
- [Часть девятая](#)
 - [Глава 96](#)
 - [Глава 97](#)
 - [Глава 98](#)
 - [Глава 99](#)
 - [Глава 100](#)
 - [Глава 101](#)
 - [Глава 102](#)
 - [Глава 103](#)
 - [Глава 104](#)
 - [Глава 105](#)
 - [Глава 106](#)
 - [Глава 107](#)
 - [Глава 108](#)
 - [Глава 109](#)
 - [Глава 110](#)
 - [Глава 111](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

Диана Гэблдон

Огненный крест. Книга 2. Зов времени

Diana Gabaldon

THE FIERY CROSS

Copyright © 2001 by Diana Gabaldon

© Гавва Н., Парахневич Е., Гусакова К., Галицкая Е.,
Стрепетова М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Часть шестая

Война с регуляторами

Глава 56

«...говорили, что у них достаточно людей, и мы их убьем»

Показания Уайтстила Эвери, свидетеля

Северная Каролина

Мекленбургский округ

Уайтстил Эвери свидетельствует и утверждает, что шестого марта текущего года в девять или десять часов утра он, свидетель, находился в доме некоего Хадджинса, который проживает в нижней части Лонг-Айленда.

Свидетель видел там тридцать или сорок человек, которые именуют себя регуляторами, и затем был насильно задержан в качестве пленника одним из них, назвавшимся Джеймсом Маккуистоном, от имени всего движения. Вскоре после этого некий Джеймс Грэхэм (или же Граймс) произнес свидетелю следующие слова: «Отныне вы заключенный и не должны передвигаться без стражи», затем он тут же добавил: «Держитесь рядом со своими охранниками – и не пострадаете».

Затем свидетель под охраной из двух человек был доставлен в лагерь регуляторов, где находилось множество людей, именующих себя подобным образом, и еще многие присоединились спустя несколько часов. Свидетель полагает, что всего их там находилось примерно двести тридцать человек.

От самих регуляторов свидетель узнал имена пяти капитанов, или же вожжаков. А именно: Томас Гамильтон и еще один Гамильтон, Джеймс Граймс (или Грэхэм), Джеймс Хантер, Джозуа Тиг и некий Гиллеспы. Свидетель слышал, как многие неизвестные ему люди говорили оскорбительные слова в адрес Губернатора, судей Верховного суда, выступали против Ассамблеи и других чиновников. В это же время вышеупомянутый Томас Гамильтон стоял среди них и произносил речь следующего содержания и характера (толпа с ним соглашалась и

подтверждала правдивость его слов):

«Почему Морис Мур стал судьей, никакой он не судья, его не назначал Король, ни его, ни Хендерсона. Они не будут вершить правосудие. Ассамблея приняла Акт против беспорядков, но теперь люди разгневаны как никогда. На благо этой страны мы вынуждены убивать всех чиновников и законников, мы убьем их всех, и да будь я проклят, если они не будут казнены. Если бы не этот Акт, некоторых бы пощадили. Акт против беспорядков! Никогда подобного закона не было в Англии или любой другой стране, кроме Франции! Сперва этот закон, затем инквизиция?»

Многие говорили, что Губернатор поддерживает законников и что Ассамблея помешала регуляторам ввести законы о дополнительных сборах. Хазбенда заперли в тюрьме, чтобы он не увидел их мошеннические слушания, а Губернатор и Ассамблея приняли ровно те законы, которых хотели они сами. Губернатор – друг законников, и они продолжают творить то, что им угодно, назначать слабых мировых судей для личных целей.

В провинции не должно быть законников, они будут прокляты, если останутся там. Фаннинга объявили вне закона с двадцать второго марта, и любой регулятор, встретивший его после указанной даты, его убьет, а некоторые заявляли, что не намерены ждать, что клянутся убить его, если встретят в Солсбери. Иные желали выпороть судью Мура, другие – его убить. Некий Роберт Томсон сказал, что Морис Мур – клятвопреступник, и называл его оскорбительными словами, например: подлец, мошенник, злодей, негодяй и др.; прочие присутствующие соглашались.

Когда пришли известия о том, что капитан Разерфорд и его рота маршируют по улицам Солсбери, свидетель услышал, как некоторые рьяно убеждали других, будто вся армия регуляторов, присутствующая там, должна также выступить на Солсбери и сразиться; они говорили, что у них достаточно людей, и мы их убьем, мы им покажем, как выступить против нас.

Дано под присягой и записано восьмого дня марта 1771 год с моих слов

(подписано) Уайтстил Эвери

(засвидетельствовано) У. Гаррис, мировой судья

Уильям Трион генералу Томасу Гейджу

Северная Каролина

Нью-Берн, 19 марта 1771 г.

Сэр,

вчера Совет Его Величества постановил, что вооруженным силам, состоящим из нескольких подразделений ополчения, надлежит под моим командованием вступить в поселения мятежников, которые своими возмутительными действиями и заявлениями бросили вызов правительству.

Поскольку мы располагаем лишь малым количеством военных орудий, я вынужден просить вашей помощи в обеспечении вооруженных сил всем необходимым (пушки, ружья, знамена, барабаны, и пр.), указанным ниже.

Я намерен начать кампанию из этого города после двадцатого марта и собирать ополчение по мере продвижения войск. Мой план состоит в том, чтобы собрать армию из полутора тысяч мужчин, однако, учитывая настроения Правительства, данное количество может существенно возрасти.

С большим уважением и почтением

Ваш покорнейший слуга

Уильям Трион

Глава 57

И сейчас ложусь я спать...

Фрейзер-Ридж

15 апреля 1771 г.

Роджер лежал в постели, прислушиваясь к писку невидимого комара, который пробрался в хижину через край шкуры, прикрывающей окно. Кроватка Джемми была накрыта марлевой сеткой, но у них с Брианной такой защиты не было. Если бы только чертово насекомое опустилось на него, Роджер бы его тут же прихлопнул... но комар без устали нарезал круги над кроватью, изредка напевая свое противное «ни-и-и-и» прямо у Роджера над ухом, а потом вновь исчезая в темноте.

После нескольких бурных дней Роджер должен был так вымотаться, что мгновенно заснул бы даже под атакой целой комариной эскадрильи. Два дня скачки по горным хребтам и долинам – они распространяли известие о сборе по близлежащим поселениям, чьи жители, в свою очередь, передавали его дальше. Весеннюю посевную закончили в рекордные сроки – все мужчины от рассвета и до заката трудились в полях. В теле Роджера до сих пор бился адреналин, посылая краткие импульсы в мозг и мышцы, будто он принимал кофе внутривенно.

Сегодня Роджер целый день помогал готовить усадьбу к их отъезду, и отдельные картины домашней работы всплывали в сознании, стоило ему только прикрыть глаза. Починка забора, перевозка сена, срочный бросок к мельнице за мукой для полка на марше. Починка обода колеса и порванных постромок, поимка белой свиньи, которая умудрилась сбежать из загона, рубка дров и, наконец, час бодрого копания грядок перед ужином, чтобы Клэр посадила немного батата и арахиса.

Несмотря на спешку и тяжелую работу, копание в сумерках показалось Роджеру долгожданным отдыхом от бешеного дня, и даже сейчас мысль об этом помогла ему немного успокоиться.

Стоял необычайно теплый апрель, и садик Клэр вовсю зеленел: виднелись ростки, листва и крошечные яркие цветочки, по заборчику вилась лоза. Становилось прохладнее, и Роджера окружали сильные, как

ладан, запахи растений и свежей земли. К цветкам подлетали насекомые, мелькающие, словно белые, серые и черные тени. Налетели и тучи мошек и комаров, которых манила его влажная от пота кожа. Потом появились стрекозы, темные, с узкими крылышками и мохнатыми тельцами, и закружились над цветками алтея с яростью футбольных фанатов.

Роджер вытянул ноги под одеялом, едва коснувшись спящей жены, и вспомнил ощущение твердого края лопаты под стопой, удовлетворение, когда лезвие вонзалось в податливую почву, как влажно блестела сырая земля с белыми корневищами и извивающимися червяками.

Над головой пролетела огромная бабочка, которую тоже привлекли садовые ароматы. Ее светло-коричневые крылышки были украшены похожими на глазки узорами и казались прекрасными, неземными.

Кто возделывает сад, тот в согласии с Богом – гласила надпись на старых солнечных часах, что стояли в саду дома в Инвернесе, где Роджер вырос. По иронии судьбы преподобный не имел ни свободного времени, ни способностей к возделыванию земли, поэтому сад весь зарос травой и старыми розовыми кустами. Роджер улыбнулся, вспоминая, и мысленно обратился к тени преподобного.

Спокойной ночи, отец. Да благословит тебя Бог.

Роджер давным-давно утратил привычку вот так желать доброй ночи семье и друзьям и читать детскую молитву перед сном, которая заканчивалась длинным списком: «Боже, благослови бабушку, дедушку Гая на небесах, и моего лучшего друга Питера, и собаку Лилиан, и кота бакалейщика...»

Прошло много лет, но теплые воспоминания об этом небольшом ритуале подвигли его придумать новый список. Куда лучше, чем считать овец, решил он про себя. Да и ему куда больше хотелось возродить это ощущение теплоты и покоя, чем просто заснуть.

Спокойной ночи, миссис Грэхэм. Роджер улыбнулся, вызывая в памяти яркий образ престарелой домработницы священника – как она, макнув пальцы в воду, брызгала на сковородку, чтобы проверить, заплещут ли капельки. *Боже, благослови.*

Преподобный, миссис Грэхэм, ее внучка Фиона с мужем Эрни... Родители Роджера – формальный кивок двум безликим фигурам. Клэр в большом доме и – после краткого колебания – Джейми. Потом и его собственная маленькая семья. В груди потеплело.

Спокойной ночи, малыш. Роджер повернул голову к колыбельке, где спал Джемми. *Да благословит тебя Господь.*

И Брианна. Роджер всмотрелся в темный овал лица спящей. Затем как

можно осторожнее устроился на боку и продолжил ее разглядывать. Огонь уже потух, ведь им все равно рано утром в путь, поэтому в комнатухе было темно, и Роджер мог разобрать лишь тень бровей и губ Брианны.

Она никогда не лежала без сна. Перекатывалась на спину, потянувшись, и уже через три глубоких вдоха спала. Может, дело было в усталости, а может – в крепком здоровье и чистой совести. Но иногда Роджер думал, что она просто хочет ускользнуть в мир своих снов, где свободно несется вперед за рулем автомобиля, а волосы развеваются на ветру.

«Что же она видит сейчас?» – гадал Роджер, ощущая теплое дыхание на своем лице.

Вчера мне приснилось, что мы с Роджером занимались любовью. Эта запись в ее дневнике продолжала его терзать, как он ни старался о ней забыть. Роджер уже было начал погружаться в сон, убаюканный своей молитвой, но воспоминание о дневнике Брианны вновь вытаскило его в реальность. Пусть, черт возьми, только попробует видеть такой сон сейчас!

Роджер вновь закрыл глаза, сосредотачиваясь на ровном дыхании Брианны и почти касаясь ее лба своим. Может, так получится уловить эхо ее снов, сквозь кости черепа?

Брианна с ребенком тоже уедут утром. Их вещи стояли наготове возле котомки Роджера у двери. Мистер Вемисс отвезет их в Хиллсборо, где Брианна, вероятно, будет в безопасности... а еще весьма выгодно нарисует портрет миссис Шерстон.

«Будь чертовски осторожна», – в третий раз за вечер повторил ей Роджер. Хиллсборо находился в самом центре территорий регуляторов, поэтому он вообще сомневался, стоит ли ей ехать. Брианна лишь отмахнулась – что им с Джемми может там угрожать? Скорее всего, она права... и все же Роджер подозревал, что она вела бы себя точно так же даже в случае опасности. Брианне буквально не терпелось взяться за этот проклятый заказной портрет, она и сквозь вооруженную толпу прорвалась бы, чтобы попасть в Хиллсборо.

Она тихонько напевала себе под нос – «Лох-Ломонд», и надо ж было из всех песен выбрать эту! – «Пойдешь верхним путем, а я нижний возьму, и домой раньше тебя я прибу-у-уду...».

«Ты меня слышишь?» – спросил Роджер, схватив ее за руку.

«Да, дорогой», – проурчала Брианна, нарочито покорно хлопая ресницами.

Это рассердило Роджера настолько, что он резко развернул ее к себе лицом.

«Я серьезно».

Он глядывался в глаза Брианны, широко распахнутые, но по-прежнему слегка насмешливые, и крепко стиснул ее запястье. Брианна высокая и сильная, но ее кости казались Роджеру изящными, почти хрупкими. Он вдруг как наяву увидел их – высокие, широкие скулы, округлый череп, длинные белые зубы... И Роджер грубо притянул Брианну к себе, а затем поцеловал, столкнувшись с ее зубами своими, чтобы ощутить их, и плевать, если это причинит боль.

На Брианне была лишь нижняя рубашка, но Роджер не потрудился ее снять, а лишь задрал выше бедер, толкнув жену на постель. Брианна выставила руки, однако он успел вжать их в простыни, а потом навалился на нее всем весом, вдавливая, двигаясь на ней, ища уверенности в той тонкой плоти, что отделяла их кости друг от друга.

Они не издавали ни звука, краем сознания помня о спящем ребенке. И все же в какой-то момент тело Брианны ответило ему глубоким и поразительным способом, который был сильнее всяких слов.

«Я серьезно», – тихо повторил Роджер, прижимаясь губами к ее спутанным волосам.

Он лежал на ней, обнимая, не позволяя ей двигаться. Брианна дернулась, и Роджер сжал ее сильнее. Брианна вздохнула и, шевельнувшись, мягко вонзила зубы чуть ниже его ключицы. Роджер, выдохнув, невольно выпустил Брианну из рук.

«Знаю, – ответила она и прижала его к себе уже свободными руками. – Я тоже».

– Этого ты хотела? – шепнул он сейчас едва слышно, чтобы не разбудить. Ее тело излучало спокойное тепло; она крепко спала.

Чего же она хотела? Ее завели грубые ласки? Или же она ощутила силу скрытого за ними отчаянного желания уберечь ее от опасности?

Если дело все же в грубости... Роджер сглотнул, стиснув кулаки при мысли о Стивене Боннете. Брианна никогда не рассказывала, что произошло между ней и Боннетом, а для Роджера было немыслимым задать вопрос о подобном. И еще более немыслимо – подозревать, что в том насилии нечто могло ее постыдным образом возбудить. Но все же она действительно заметно возбуждалась в тех редких случаях, когда Роджер брал ее резко, без привычной нежности.

Теперь ему стало не до молитв.

Роджер вновь чувствовал, что увяз в аду среди рододендронов, в лабиринте из переплетенных влажных корней и свисающей листвы, которые будут везде, куда бы он ни свернул. Сумрачные переходы давали

надежду на спасение, однако вели лишь к новым поворотам и сильнее запутывали.

Мы с тобой не встретимся вновь на прекрасных берегах Лох-Ломонда...

Кожу покалывало, а мышцы ног подергивались от закипевшей в нем беспокойной энергии. Мимо прозвенел комар, но Роджер промахнулся. Не в силах лежать на месте, он тихонько выскользнул из постели и сделал несколько приседаний, чтобы размять сведенные напряжением мышцы.

Потом стал отжиматься от пола, беззвучно ведя счет. Раз. Два. Три. Четыре. Он сосредоточился на растущем жжении в груди и плечах, на монотонном счете. Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь...

Наконец, когда мышцы задрожали от усталости, Роджер встал, отвел край шкуры от окна и постоял перед ним, обнаженный, впуская влажный ночной воздух. Может, он впустил еще и других комаров... а может, выпустил того единственного.

Лес серебрился в свете луны, в его самой глубине виднелся слабый огонек костра – лагерь ополчения. Люди прибывали в течение всего дня, на мулах или косматых лошадках, с лежащими поверх свернутых одеял мушкетерами. Роджер уловил звук голосов и смеха – их принес ветерок. По крайней мере, он бодрствовал не один, и эта мысль его успокоила.

У края большого дома загорелся более яркий свет – фонарь. Приближались две фигуры, одна высокая, другая пониже.

Мужчина что-то вопросительно пробурчал, и Роджер узнал Джейми. Слов он, впрочем, не разобрал.

– Нет, – ответил голос Клэр, когда они подошли ближе, и она взмахнула руками. – Я грязная после посадки и пойду мыться. А ты ложись спать.

Высокая фигура поколебалась, затем отдала ей фонарь. В его свете мелькнуло лицо Клэр – она смотрела вверх и улыбалась. Джейми коротко ее поцеловал.

– Тогда поспеши, – сказал он с ответной улыбкой в голосе. – Я плохо сплю без тебя под боком, саксоночка.

– Да ты сразу заснешь, как коснешься головой подушки, – добродушно поддела его Клэр.

– Не сразу, нет. – Джейми исчез в темноте, но ветер, дующий в сторону хижины, принес из теней его слова. – Я же не могу заняться кое-чем другим без тебя рядом, правда?

Клэр негромко рассмеялась.

– Начинай без меня, – сказала она, уходя к колодцу. – Я догоню.

Роджер постоял у окна, пока Клэр не вернулась с покачивающимся от быстрого шага фонарем и не скрылась в доме. Ветерок сменил направление, и голосов из леса уже не было слышно, хотя костер продолжал гореть.

– Что-то ты рано, дружок, – произнес он, легонько подтолкнув пальцем светлячка. – Думаешь, там еще кто-нибудь есть?

Светлячок немного сдвинулся и опять замер, упрямо мигая светящимся брюшком. Роджер глянул в сторону леса. Кожа покрылась мурашками – холодно! Роджер рассеянно потер грудь, зацепив едва заметно темнеющее местечко, куда его укусила Брианна. Интересно, останется ли оно до утра?..

Потянувшись, чтобы закрыть окно обратно, Роджер заметил отблеск лунного света на стекле. На полочке рядом лежали вещишки Брианны – пара черепаховых гребней, которые ей подарила Иокаста, серебряный браслет. Небольшой флакончик пижмового масла, два-три кусочка губки рядом. И большая банка с семенами атаманты. Брианна не успела использовать масло, но Роджер готов был поклясться жизнью, что семена она приняла еще днем.

Он опустил шкуру на окно и вернулся к постели, задержавшись у колыбельки, чтобы послушать дыхание малыша.

Джем сбросил одеялко. Роджер приподнял сетку и на ощупь его поправил, подворачивая плотнее. Рука наткнулась на что-то мягкое... а, тряпичная куколка, которую Джемми прижал к груди. Роджер немного постоял, касаясь его спинки и ощущая мерное дыхание малыша.

– Спокойной ночи, парнишка, – наконец шепнул он и невесомо похлопал Джемми по круглой попке. – Пусть Господь благословит и сохранит тебя.

Глава 58

С днем рождения

1 мая 1771 г.

Майский военный лагерь

Я проснулась на рассвете, почувствовав, как по ноге ползет насекомое. Нога дрогнула, и насекомое поспешно сбежало в траву, видимо, испугавшись, что я жива. Я на всякий случай пошевелила пальцами ног, но больше незваных гостей не обнаружила. Затем глубоко вдохнула свежий воздух и расслабилась.

Неподалеку слышалась возня – топали и фыркали лошади, которые просыпались задолго до людей. В самом лагере царила тишина – ну, насколько так можно сказать о лагере в несколько сотен мужчин. Сквозь ткань палатки уже виднелись тени листвы, но солнце еще не взошло полностью. Я прикрыла глаза, наслаждаясь тем, что еще могу спокойно полежать... и что когда я встану, завтрак будет уже готов.

Мы встали лагерем на плантации полковника Брайана ночью, после извилистого спуска с гор и марша вдоль предгорья. Прибыли вовремя; Трион еще не привел войска из Нью-Берна, и не явились полки из округов Крэйвен и Картерет, которые перевозили полевые орудия и вертлюжные пушки. Триона ожидали сегодня, как за ужином сказал полковник Брайан.

На ткань палатки с шумом приземлился кузнечик – и, по счастью, застыл, не делая попыток проникнуть внутрь. Наверное, мне все-таки следовало принять предложение миссис Брайан, которая хотела устроить меня в доме с женами других офицеров. Джейми был согласен ночевать только в поле со своими людьми, и я пошла с ним. Лучше постель с Джейми и насекомыми, чем пустая.

Я скосила на него глаза, предусмотрительно стараясь не шевелиться, вдруг еще спит. Но Джейми не спал, а тихонько разглядывал правую руку, разминая пальцы. Сустав безымянного не сгибался, средний был слегка кривым, с глубоким белым шрамом вокруг костяшки, а посреди ладони розовел крошечный след от гвоздя. На бронзовой обветренной коже росли выгоревшие на солнце золотистые волоски. Ужасно красиво.

– С днем рождения, – тихо произнесла я. – Проводишь ревизию?

Джейми уронил руку на грудь и с улыбкой повернулся ко мне.

– Ага, вроде того. Вообще, у меня еще есть несколько часов. Я родился в полшестого, так что не проживу ровно полвека до самого ужина.

Я рассмеялась и, сбросив одеяло, легла на бок. Воздух еще был по-прежнему восхитительно прохладным.

– Боишься, что к ужину рассыплешься? – поддразнила я.

– Ну, вряд ли у меня что-нибудь успеет отпасть, – задумчиво проговорил Джейми. – А вот рабочее состояние...

Он выгнулся, потягиваясь, и упал обратно с блаженным стоном, когда я его коснулась.

– Похоже, все прекрасно работает, – заверила его я и легонько дернула, отчего Джейми слегка взвизгнул. – И ничего не отпадает.

– Отлично. – Он обхватил мою руку своей, чтобы удержать от дальнейших несанкционированных действий. – Откуда ты знаешь – про ревизию, я имею в виду?

Я устроилась подбородком на его груди, во впадинке, будто для этого и созданной.

– Я всегда так делаю в день рождения... точнее, в ночь перед ним. Вспоминаю прошлый год, свои поступки... Наверное, не я одна. Просто чтобы убедиться, что ты все тот же человек, что и вчера.

– Ну, я совершенно точно остался тем же, – уверенно произнес Джейми. – Ты ведь не видишь явных изменений, а?

Я подняла голову и окинула его внимательным взглядом. На самом деле мне было сложно оценивать Джейми объективно. Я слишком привыкла к нему и так любила его тело, что замечала самые крошечные, дорогие мне мелочи – родинку на мочке уха, немного выступающий вперед резец... Однако никогда не оценивала его как единое целое.

– Да, – наконец заключила я с довольным вздохом, – это все еще ты.

Снаружи раздалась возня – повар споткнулся о дышло и выругался. Дисциплиной лагерь не блистал. В нескольких ротах, где собрались бывшие вояки, еще поддерживали порядок, но у остальных с этим дело обстояло сложнее – на лугу то тут, то там попадались кривые палатки и разбросанное обмундирование.

Послышались удары в барабан, но ничего не произошло. Армия продолжала дремать.

– Как думаешь, губернатор справится с этим войском? – усомнилась я.

Мое личное олицетворение войска тоже, кажется, решило заснуть. Впрочем, когда я задала вопрос, длинные рыжие ресницы лениво

затрепетали.

– Ага. Трион – солдат, он знает, что делать... по крайней мере, в начале. Заставить людей маршировать строем и копать выгребные ямы несложно, знаешь ли. Вот заставить их драться – другое дело.

– А он сумеет?

Грудь под моим подбородком приподнялась в глубоком вздохе.

– Может, да. А может, нет. Вопрос в том, придется ли ему?

Джейми был прав. Слухи кружили, как вихрь осенней листвы. Регуляторы выдвинули десятитысячное войско на Нью-Берн. Из Нью-Йорка, чтобы усмирить колонию, плыл генерал Гейдж. Ополчение округа Орандж взбунтовалось и убило своих офицеров. Половина мужчин из округа Уэйк дезертировали. Эрмона Хазбенда арестовали и доставили на корабль, чтобы увезти его в Лондон и судить по обвинению в государственной измене. Регуляторы взяли Хиллсборо и теперь готовились поджечь город, а также предать Эдмунда Фаннинга и всех его товарищей мечу. Я очень надеялась, что последнее неправда. А если правда, то Хьюберт Шерстон не окажется в их числе.

Среди всего вороха слухов, предположений и диких вымыслов мы были уверены лишь в одном: губернатор Трион на пути к лагерю ополчения. Тогда и увидим, что будет дальше.

Свободная рука Джейми лежала на моей спине, поглаживая лопатку большим пальцем. Его, похоже, сейчас не волновали туманные военные перспективы.

– Ты когда-нибудь думала... – начал он и умолк.

– О чем? – Я поцеловала его в грудь, одновременно выгибаясь, чтобы он провел ладонью по моей спине. Он так и поступил.

– Не знаю, как объяснить... я вдруг понял, что прожил дольше моего отца... Не ожидал, – добавил он с кривоватой улыбкой. – Просто... ну, странное ощущение. И мне стало интересно, не задумывалась ли о подобном и ты... ты ведь тоже рано потеряла мать?

– Да. – Я уткнулась лицом в его грудь, и голос прозвучал глухо из-за складок рубашки. – Раньше задумывалась... когда была младше. Это как отправляться в путешествие без карты.

Рука Джейми на мгновение замерла.

– Ага, так и есть, – слегка удивленно согласился он. – Я более-менее знаю, каково быть тридцатилетним, сорокалетним... но что теперь?

– Создавать себя, – тихо произнесла я из-под упавших на лицо волос. – Смотреть на других женщин или мужчин, примерять их жизни. Брать все, что может пригодиться, искать в себе то, что нигде больше не найдешь. И

всегда... всегда... гадать, идешь ли ты верным путем.

Джейми почувствовал, как внезапные слезы намочили его рубашку, и коснулся моих волос.

– Да, так и есть, – повторил он мягко.

Снаружи оживал лагерь. С лязганьем, топотом, хриплыми сонными голосами. Сверху застрекотал кузнечик – будто кто-то скреб гвоздем по медному горшку.

– Это утро, которое мой отец так и не встретил, – проговорил Джейми тихо; слова едва рождались в его груди. – Наш мир и каждый день в нем – это дар, сердце мое... и не важно, что принесет завтра.

Я глубоко вздохнула, прижавшись к нему щекой. Джейми осторожно вытер мне нос своей рубашкой.

– А что касается ревизии... – добавил он деловито. – У меня до сих пор все зубы и все части тела, а член каждое утро встает сам по себе. Могло быть и хуже.

Глава 59

Военные действия

Журнал кампании против мятежников

Ведет Уильям Трион, губернатор

Четверг, второе мая

Подразделения округов Крэйвен и Картерет вышли из Нью-Берна с двумя полевыми орудиями, шестью вертлюжными пушками, установленными на повозках, шестнадцатью фургонами и четырьмя телегами с боеприпасами и провизией, необходимой для пропитания нескольких подразделений, которые присоединятся к ним на марше к плантации полковника Брайана, месту общего сбора.

Губернатор покинул Нью-Берн двадцать седьмого апреля и прибыл к месту общего сбора первого мая. Сегодня подошли отряды двух округов.

Пятница, третье мая, объединенный лагерь

В полдень Губернатор провел смотр армии на лугу у Смитс-Ферри на западном берегу реки Ньюс.

Суббота, четвертое мая

Марш к суду округа Джонстон, девять миль.

Воскресенье, пятое мая

Марш к месту встречи с войсками майора Теофила Хантера в округе Уэйк, тринадцать миль.

Понедельник, шестое мая

Армия разбила лагерь, и Губернатор провел смотр подразделения округа Уэйк. Полковник Хинтон доложил Губернатору, что сумел набрать лишь двадцать два человека в связи с недовольством среди населения округ Уэйк.

Губернатор заметил недовольство в данном подразделении, когда проходил мимо первой шеренги батальона, и также увидел, что вооружен

лишь один из каждых пяти человек. На призыв пойти добровольцами на службу правительству они ответили отказом, и Губернатор скомандовал армии окружить батальон и трем полковникам выбрать сорок наиболее видных и крепких мужчин, что посеяло немалую панику в подразделении, состоящем на тот момент из примерно четырехсот человек.

Во время призыва офицеры армии убедили мужчин завербоваться и в течение двух часов увеличили состав Уэйкского полка на пятьдесят человек. Ночью подразделение было распущено, пристыженное своим бесчестием и поведением, которое к нему привело. Армия вернулась в лагерь.

Среда, восьмое мая

Подразделение полковника Хинтона было оставлено в тылу, дабы предотвратить недовольство в данном округе и объединение людей в пользу регуляторов в примыкающих округах.

Этим утром подразделение подошло к жилищу известного регулятора Тернера Томлинсона, доставило его в лагерь в качестве пленника и заключило под стражу. Томлинсон признал, что он регулятор, однако новой информации не сообщил.

Армия переместилась и стала лагерем возле Бута у реки Нью-Хоуп-Крик.

Пятница, десятое мая

Остановка для починки фургонов и прочего, а также подковки лошадей. Произведен смотр двух полков округа Орандж в Хиллсборо.

Вечером этого дня пленник Томлинсон сбежал из-под стражи. Погоня не увенчалась успехом.

Воскресенье, двенадцатое мая

Пересекли реку Хоу и разбили лагерь на западном берегу. Ожидалось, что регуляторы окажут сопротивление роялистам при переходе через реку, как они намеревались. Однако регуляторы не ожидали, что армия выйдет из Хиллсборо раньше понедельника, поэтому потерпели неудачу в своих планах.

Днем получено срочное донесение: регуляторы вынудили генерала Уоддела отступить за реку Ядкин.

Преподобный Маккартни провел богослужение и произнес проповедь на тему: «Ежели нет меча, то продай одежду и купи оный».

Двадцать джентльменов присоединились к армии в качестве

добровольцев, в основном из округов Грэнвилль и Бьют. Они образовали отряд легкой кавалерии под командованием майора Макдональда. Патруль обнаружил в засаде вооруженного ружьем регулятора. Из его жилища была изъята бочка рома, заготовленная для нужд регуляторов, а также несколько бочонков, предназначенных для семьи.

Понедельник, тринадцатое мая

Армия выступила маршем к О'Нилу. В полдень прибыл курьер от генерала Уоддела с устным сообщением, так как опасались перехвата письма. Сообщение заключалось в следующем: вечером четверга, девятого числа этого месяца, регуляторы в количестве двух тысяч человек окружили лагерь генерала и в самой наглой манере потребовали, чтобы генерал отступил за реку Ядкин, находящуюся в двух милях от лагеря. Генерал ответил отказом, настаивая, что исполняет приказы Губернатора. Это привело регуляторов в ярость, и они попытались запугать людей генерала громкими индейскими выкриками.

Под командованием генерала находилось не более трехсот человек. Сражаться они не желали и в большинстве своем перешли на сторону регуляторов. Генерал был вынужден выполнить требования и ранним утром следующего дня отступить за реку Ядкин с пушкой и припасами. Регуляторы согласились разойтись по местам своего обитания.

Для обсуждения данных вестей был немедленно собран военный совет, состоящий из distinguished Джона Разерфорда, Льюиса Дероссета, Роберта Палмера и Сэма Корнелла, а также членов совета Его Величества, полковников и полевых офицеров армии. На совете было решено выйти на дорогу из Хиллсборо в Солсбери, затем пересечь реки Малый и Большой Аламанс и, не теряя времени, объединиться с генералом Уодделом. Соответственно, армия выступила на марш и к ночи разбила лагерь на западном берегу Малого Аламанса. Большой отряд был отправлен в качестве арьергарда, дабы занять западный берег Большого Аламанса прежде врага.

Этим же вечером пришло сообщение о том, что регуляторы отправляют разведчиков по всем своим поселениям и собираются у Сэнди-Крик.

Основные силы дошли маршем к западному берегу Большого Аламанса, который был избран местом для укрепленного лагеря. Здесь армия будет ожидать провизию из Хиллсборо, для этой цели уже освобождены и отправлены несколько фургонов.

Разведка доложила, что мятежники намереваются ночью атаковать

лагерь. Были приняты необходимые меры. Одной трети армии приказано оставаться на постах всю ночь, а остальным – лечь спать с оружием наготове. Нападения не было.

Вторник, четырнадцатое мая

Солдатам приказано оставаться в лагере.

Армия ложится с оружием, как и в прошлую ночь. Нападения не было.

Среда, пятнадцатое мая

Около шести часов вечера Губернатор получил письмо от мятежников, которое было рассмотрено на военном совете. Было решено выступить против регуляторов рано утром. Губернатор должен отправить им письмо с условиями, а в случае отказа – объявить атаку.

Люди всю ночь не расставались с оружием. Нападения не было, хотя мятежники расположились в пяти милях от лагеря.

Из дневника Брианны:

Хиллсборо, пятнадцатое мая

Вчера я рано заснула и проснулась перед рассветом, окутанная серым облаком. Весь день я будто брожу в тумане. Люди со мной говорят, но я их не слышу. Вижу, как двигаются их губы, киваю и улыбаюсь, а потом ухожу прочь. Воздух горячий и спертый, все словно раскаленным металлом пахнет. У меня болит голова, а повар гремит кастрюлями.

Пытаюсь вспомнить, что мне снилось, и не могу. Помню только что-то серое и страх. Я никогда не видела сражений, но у меня такое чувство, что мне приснился дым пушек.

Глава 60

Военный совет

Джейми вернулся с военного совета уже после ужина и кратко рассказал людям о намерениях Триона. Большинство мужчин одобрили решение губернатора, а некоторые и вовсе обрадовались.

– Это есть хорошо, – отозвался Эвальд Мюллер, вытянув длинные руки и прохрустев костяшками. – Дольше стоять, мхом зарастать!

Остальные рассмеялись и согласно закивали. Настроение солдат заметно поднялось, и они, оживленно переговариваясь, расселись у костров. Закатное солнце блестело на оловянных чашках и начищенных стволах мушкетов, которые бережно лежали у ног.

Джейми быстро всех проверил, отвечая на вопросы и вселяя уверенность, а потом вернулся к нашему костерку. Я окинула его внимательным взглядом: несмотря на грядущую битву, в нем ощущалось некое удовлетворение. Подозрительно.

– Что ты уже натворил? – Я протянула ему большой ломоть хлеба и миску с тушеным мясом.

Джейми даже не стал ничего отрицать.

– Поймал Корнелла после совета и расспросил о Стивене Боннете. – Он откусил хлеба и проглотил, почти не жуя. – Господи, умираю от голода! Целый день ничего не ел, только по ежевике ползал на животе, как змея.

– Вряд ли ты там ловил Сэмюэля Корнелла.

Корнелл, богатый торговец из Идентона, был одним из членов Королевского совета. Его положение, тучная комплекция и характер явно не подходили для ползания в ежевике.

– Нет, это было позже.

Джейми макнул хлеб в миску и откусил еще, а потом взмахнул рукой, временно неспособный говорить. Я вручила ему кружку сидра.

– Мы искали позиции мятежников, – объяснил Джейми, прожевав. – Не так уж они и далеко. Хотя «позиция» – слишком громко сказано. Я такого сброда не видел с тех самых пор, как воевал во Франции, где мы захватили деревню контрабандистов вина. Половина в обнимку со шлюхами, все пьяны... Наши мятежники немногим лучше. Хотя шлюх было поменьше, – добавил он справедливости ради и сунул остаток хлеба в рот.

Как минимум половина армии губернатора прямо сейчас была

навеселе, но я промолчала, протянув Джейми еще хлеба, сосредотачиваясь на куда более важной теме.

– Значит, ты выяснил что-то о Стивене Боннете?

– Корнелл не встречался с ним лично, однако слышал разговоры. Боннет передвигается по Внешним отмелям, потом исчезает на три-четыре месяца и вдруг возникает вновь: пьет в тавернах Идентона или Роанока, сорит золотом.

– Привозит товары из Европы и продает? – За три-четыре месяца можно как раз сплавать на корабле в Англию и обратно. – Наверняка контрабандные.

Джейми кивнул:

– Корнелл тоже так думает. И знаешь, куда он привозит товары? На пристань Уайли. По слухам.

– Что? Филип Уайли с ним в сговоре?!

Джейми покачал головой.

– Не знаю. Но пристань точно примыкает к плантации Филипа Уайли. И этот маленький поганец был с Боннетом, когда тот добрался до «Горной реки», – добавил он и махнул рукой, временно закрывая вопрос об Уайли. – Корнелл сказал, что Боннет опять исчез в прошлом месяце. Так что тетушка и Дункан пока в безопасности. Одной проблемой меньше. И хорошо, поводов для тревоги у нас достаточно, – без тени иронии заметил Джейми, окинув лагерь взглядом.

С наступлением вечера вдоль берега реки начинали загораться костры, в сумерках похожие на сотни светлячков.

– Здесь Эрмон Хазбенд, – произнес Джейми.

Я перестала накладывать в миску новую порцию и подняла голову.

– Ты с ним говорил?

Джейми качнул головой:

– Не мог подойти. Он же с регуляторами. Я прятался на холмике и увидел его издали в толпе народу. Такой наряд, как у него, ни с кем не спутаешь.

– Что он будет делать? – Я отдала Джейми наполненную миску. – Сражаться он точно не станет... и остальным не позволит.

Мне казалось, что присутствие Эрмона Хазбенда – добрый знак. У регуляторов не было предводителя, но он пользовался авторитетом, его слушают.

Джейми вновь покачал головой:

– Не знаю, саксоночка. Сам он не возьмет оружие в руки, а вот остальные...

Джейми умолк, задумавшись. Затем вдруг вернул мне миску и поспешил прочь.

Я увидела, как он коснулся плеча Роджера и отвел его в сторонку. Они переговорили, а потом Джейми достал из сюртука нечто белое. Роджер уставился на этот предмет, кивнул и спрятал к себе. А Джейми хлопнул его по плечу и вернулся, по пути обмениваясь парой грубых шуточек с братьями Линдси.

Он с довольной улыбкой забрал у меня миску.

– Велел Роджеру Маку с утра первым делом разыскать Хазбенда. Надо привести его сюда, пусть поговорит с Трионом. Если Триона убедить не получится, – а не получится точно, – сам Трион сумеет показать Хазбенду, что он настроен серьезно. И тогда, поняв, что все закончится кровопролитием, возможно, Хазбенд убедит своих людей отступить.

– С трудом верится...

Днем прошел небольшой дождь, и небо на востоке по-прежнему было затянуто тучами. Их края светились красным – не от косых закатных лучей, а от костров регуляторов на другом берегу реки.

Джейми тщательно вытер миску последним кусочком хлеба и сунул его в рот.

– А есть другие варианты? – просто ответил он.

Я кивнула и наклонилась, чтобы подложить в костерок дров. Вряд ли сегодня кто-то ляжет спать рано.

Костры горели весь день, испуская клубы дыма и шипя от капель. Сейчас, когда морось прекратилась, тучи разошлись в стороны длинными полосами, что сияли на небосводе, словно пламя. Куда там огонькам на земле...

– Смотри, – коснулась я руки Джейми.

Он обернулся, ожидая очередную проблему, но тут же выдохнул, когда я указала вверх.

Если бы Фрэнка попросили посмотреть на какое-нибудь чудо природы, когда он занят своими делами, он бы выждал немного, чтобы не показаться невежливым, затем сказал бы: «О да, прекрасно, не так ли?» – и обо всем забыл.

«Да что с тобой такое? – упрекнула я себя. – Почему ты никак не отпустишь Фрэнка?»

Джейми приобнял меня за плечи.

– В Шотландии небо весь день было бы свинцовым, а солнце опускалось бы за море, словно раскаленное пушечное ядро. Такого неба там никогда не бывает.

– Почему ты вспомнил про Шотландию? – Любопытно: его мысли, как и мои, обратились к прошлому.

– Рассвет и сумерки, время года, – произнес он с легкой улыбкой. – Всякий раз, когда вокруг меня что-то меняется, я задумываюсь о том, что было и что есть. Дома такого не бывает, а в полях я часто просыпаюсь от снов, где вижу тех, кого раньше знал, и потом сижу в сумерках, вспоминая другие времена и места. – Джейми пожал плечами. – Вот сейчас солнце опускается, и я думаю о Шотландии.

Закатное солнце касалось его лица золотыми лучами, разглаживая напряженные черты.

– Я тоже думала о других временах и местах, – сказала я, откидываясь головой на плечо. – Не могу думать ни о чем другом.

– М-да? – Джейми немного поколебался, затем все же осторожно заговорил: – Я не спрашивал об этом, саксоночка, ведь если ответ будет «да», я мало что смогу исправить... Ты часто скучаешь... по другим временам?

Я выждала три удара сердца, которое билось под моим ухом в груди Джейми, и сжала левую ладонь, касаясь золотого кольца.

– Нет. Но я их вспоминаю.

Глава 61

Ультиматумы

Лагерь на Большом Аламансе

16 мая 1771 г.

Людам, что именуют себя регуляторами

В ответ на ваше обращение я должен сообщить, что всегда действовал исходя из истинных интересов страны и каждого ее жителя. Я сожалею о неминуемой необходимости, к которой вы меня принудили, отказавшись от милости Короны и законов своей страны, требовать, чтобы вы, регуляторы, сложили оружие, выдали своих главарей и, подчинившись нашим законам, сдались на милость Правительства. Приняв эти условия в течение часа после получения данного послания, вы предотвратите кровопролитие, так как в данный момент вы находитесь в состоянии войны и мятежа против своего Короля, страны и законов.

Уильям Трион

Джейми ушел, прежде чем я успела проснуться. Его аккуратно сложенное одеяло лежало рядом. Также исчез Гидеон, которого Джейми вчера привязал у дуба.

– Полковник на военном совете, – сообщил Кенни Линдси, зевая во весь рот. Затем он моргнул и встряхнулся, словно мокрый пес. – Чаю или кофе, мэм?

– Чаю, пожалуйста.

Наверное, именно последние события и натолкнули меня на мысль о Бостонском чаепитии. Я не помнила, когда эта свистопляска должна завертеться, но меня терзало смутное чувство, что я должна пить чай всякий раз, как мне выпадет такая возможность, ведь потом его не будет. В общем, как медведь, который пожирает корешки и ягоды в ожидании зимы.

Занимался тихий и ясный день. Пока что стояла прохлада, но в воздухе уже витал намек на духоту. Я потягивала чай, а прядки волос, выбившиеся из прически, прилипали к щекам из-за поднимающегося из чашки пара.

Подкрепившись, я взяла пару ведер и отправилась к реке. Во мне теплилась надежда, что они не понадобятся, но лучше иметь под рукой запас кипяченой воды, хотя бы на всякий случай. Если не понадобится в медицинских целях, постираю чулки, они давно уже заждались.

Несмотря на название, Большой Аламанс не впечатлял размерами – пятнадцать-двадцать футов в ширину почти по всей длине. А еще эта река была мелкой, илистой и растекалась по всей долине множеством крошечных протоков. Наверное, здесь хороший военный рубеж – армия его, конечно, с легкостью пересечет, но не сможет сделать это бесшумно.

Над головами двух отливавших в мутную воду ополченцев мелькали стрекозы. Я тактично подождала за кустами, пока мужчины не ушли, компанейски переговариваясь на ходу, затем спустилась к реке. М-да, как же хорошо, что большинство здешних вояк выпьют простой воды, только если будут умирать от обезвоживания.

Когда я вернулась в лагерь, все уже были на ногах. Царила атмосфера скорее бдительности, чем готовности к битве. А вернувшийся на ловко переступающем между кострами Гидеоне Джейми вызвал не более чем обычный интерес.

– Что там, Макдью? – спросил Кенни, вставая в знак приветствия, когда Джейми остановил коня. – Заварушка?

Джейми покачал головой. Вид у него был опрятный, почти суровый – зачесанные назад волосы, на поясе кинжал и пистолеты, на боку шпага. Готов к битве, поняла я, и по моей спине пробежали мурашки.

– Губернатор отправил письмо регуляторам. Четыре шерифа везут по копии, которую зачитают каждой встреченной группе. Ждем, что будет дальше.

Я проследила за его взглядом в направлении третьего костра. Роджер, скорее всего, уехал, как только рассвело, когда весь лагерь еще спал.

Я вылила ведра в котел для кипячения и уже было собралась идти с ними к реке, когда Гидеон вдруг вскинул голову и коротко заржал. Джейми тут же заставил его шагнуть вперед, чтобы он закрыл меня телом. Я ничего не видела за широкой грудью коня, однако заметила, как ладонь Джейми расслабилась. Значит, прибыл друг.

Или не совсем друг, но Джейми хотя бы не собирался зарубить его немедленно. Я услышала знакомый голос, прокричавший приветствие, и выглянула из-под головы Гидеона. Через маленький луг ехал губернатор Трион в сопровождении двух адъютантов.

На лошади Трион держался прилично и был одет в типичные для военной кампании одежды – добротный синий мундир и замшевые

бриджи. На шляпе желтела офицерская кокарда, а на поясе висела кавалерийская сабля – не для видимости, как можно было понять по зарубкам на рукояти и потертым ножнам.

Трион остановил коня и кивнул, коснувшись шляпы. Джейми ответил тем же. Заметив в тени Гидеона меня, губернатор вежливо снял треуголку и поклонился в седле.

– К вашим услугам, миссис Фрейзер. – Он глянул на ведра в моих руках и повернулся к адъютанту. – Мистер Викерс, будьте любезны, помогите.

Я с благодарностью передала ведра мистеру Викерсу, розовощекому молодому человеку восемнадцати лет, но вместо того, чтобы пойти с ним, попросту указала ему направление. На недовольно вскинутую бровь Триона я ответила вежливой улыбкой и осталась стоять на месте – никуда не уйду.

Триону хватило ума это понять и не возмущаться.

– Ваши люди готовы, полковник Фрейзер?

Трион демонстративно огляделся. Единственными людьми в поле зрения оказались Кенни, уткнувшийся носом в чашку, и Мердо Линдси с Джорди Чишолмом, которые увлеченно играли в «ножички» в тени деревьев.

– Да, сэр.

Губернатор скептически хмыкнул:

– Позовите их, сэр. Я хочу проверить готовность.

Джейми помолчал, затем, прищурившись, окинул лошадь губернатора оценивающим взглядом.

– Мерин у вас хороший, сэр. Спокойный, не пугливый?

– Конечно, – нахмурился губернатор. – О чем вы?

Джейми запрокинул голову и издал пронзительный горский клич – такой явно должно быть слышно по всему горному склону. Конь губернатора дернулся, натягивая повод и сверкая глазом. Из зарослей посыпали люди Джейми, завывая, словно банши, а с деревьев облаком пушечного дыма взвилась перепуганная стая ворон. Конь поднялся на дыбы – Трион рухнул в траву, – и унесся к деревьям на дальнем краю луга.

Я предусмотрительно сделала несколько шагов назад.

Побагровевший губернатор сел, хватая ртом воздух, и понял, что оказался в кольце смеющихся вояк. Он зло глянул в дуло, что едва ли не ткнулось ему в лицо, и отпихнул его, издавая тихие полузадушенные звуки, словно сердитая белка. Джейми многозначительно кашлянул, и люди вновь тихо растворились в зарослях.

Вряд ли губернатор оценит, если я подам ему руку; поэтому я тактично отвернулась и отошла в сторону, как будто увидела очень интересное растение.

Из лесу выбежал удивленный мистер Викерс с ведрами в руках.

– Что случилось? – Он шагнул было к губернатору, но я успела ухватить его за рукав. Пусть Трион сперва восстановит дыхание и чувство собственного достоинства.

– Ничего серьезного, – ответила я, забирая ведра, пока Викерс не расплескал всю воду. – Э-э... вы не знаете, сколько здесь собралось людей?

– Тысяча шестьдесят восемь человек, мэм, – изумленно произнес он. – Не считая части генерала Уоддела, конечно. Но что...

– И у вас есть пушки?

– У нас два артиллерийских подразделения, мэм. Две шестифунтовых пушки, десять вертлюжных и две восьмифунтовые мортиры. – Викерс даже приосанился, осознавая всю эту разрушительную мощь.

– За рекой находятся две тысячи человек, сэр, но большинство почти не вооружены. У многих ничего нет, кроме ножа, – раздался голос Джейми.

Я оглянулась. Джейми уже спешил и стоял рядом с губернатором, держа его шляпу. Тот принял ее со всем достоинством, на которое только был способен в данный момент.

– Я информирован, мистер Фрейзер, – сухо отозвался Трион. – Хотя приятно осознавать, что ваши сведения совпадают с моими. Мистер Викерс, будьте так любезны, приведите мою лошадь.

Лиловый оттенок уже схлынул с лица Триона, и пусть губернатор по-прежнему держался напряженно, его злость рассеялась. Справедливость и – самое главное – чувство юмора помогли ему преодолеть результат проверки готовности войска.

Джейми кивнул:

– Думаю, ваши разведчики также сообщили, что у регуляторов нет предводителя?

– Напротив, мистер Фрейзер. Таковым уже долгое время является Эрмон Хазбенд, один из главных вдохновителей этого движения. Я часто встречал его имя в бесконечных жалобах и обращениях, которые получал в Нью-Берне. И другие: Гамильтон, Гиллеспы...

Джейми нетерпеливо отмахнулся от стайки мошек.

– При определенных обстоятельствах, сэр, я бы поспорил с вами о том, что сильнее – перо или меч... Но не на поле битвы. Смелые листовки не помогут вести людей в бой. Тем более Хазбенд – квакер.

– Да, наслышан, – согласился Трион и указал в сторону реки. – И все

же он здесь.

Джейми немного помолчал, оценивая настрой губернатора. Трион был напряжен, его глаза блестели. Однако битвы еще можно было избежать, – чувства он держал в узде, он еще мог слышать.

– Я принимал этого человека у своего очага, – осторожно произнес Джейми. – А он – меня у своего. Хазбенд не скрывает своих убеждений. Если он и прибыл сюда, то наверняка это причиняет ему муки.

Джейми перевел дыхание.

– Я отправил человека на ту сторону, сэр, чтобы найти Хазбенда и попросить его со мной встретиться. Возможно, я сумею убедить его, дабы он использовал свое значительное влияние на этих людей... этих горожан, – Джейми коротко кивнул в сторону реки, – чтобы они оставили свое пагубное действие, которое приведет лишь к трагедии. – Он прямо взглянул Триону в глаза. – Могу я просить вас, сэр... могу я умолять вас... если Хазбенд отзовется, не согласитесь ли вы встретиться с ним лично?

Трион замер, забыв о пыльной треуголке, которую рассеянно вертел в руках. Эхо недавней суматохи стихло. В ветвях вяза пел маленький виреон.

– Жители колонии... – наконец проговорил Трион. – Мне жаль, если они пострадают. Я не раз признавал – публично! – что их обиды небезосновательны, и предпринимал шаги к исправлению ситуации.

Он посмотрел на Джейми, как будто хотел убедиться, что тот согласен. Джейми молча ждал. Трион глубоко вздохнул и хлопнул треуголкой по бедру.

– И все же я – губернатор. Я не могу видеть, как нарушают мир, как попирают закон, как безнаказанно устраивают мятеж и кровопролитие! – Трион холодно глянул на меня. – И не стану.

Его внимание вновь обратилось к Джейми.

– Вряд ли он придет, сэр. Они приняли решение... Как и я. И все же... – Помедлив, Трион покачал головой. – Нет. Конечно, попытайтесь его переубедить, и если он согласится мирно распустить своих людей по домам, приведите его ко мне, мы обсудим условия. Но я не могу гадать.

Мистер Викерс разыскал коня губернатора и сейчас стоял чуть в стороне, держа обеих лошадей под уздцы. Я заметила, как он слегка кивнул, словно в подтверждение слов Триона. Его щеки пылали, в глазах горел огонь – мальчишка рвался в бой.

А Трион – нет, хоть и был к этому готов. Как и Джейми.

Джейми принял неизбежное.

– Как скоро? – негромко спросил он.

Роджер отсутствовал почти два часа. Сколько ему еще понадобится,

чтобы разыскать Эрмона Хазбенда и вернуться?

– Войска в боевой готовности. – Губернатор глянул на заросли, дернув уголком рта, и вновь обратил потемневший взгляд к Джейми. – Скоро. Будьте готовы, мистер Фрейзер.

Трион развернулся и, нахлобучив на голову шляпу, вскочил в седло. Затем он уехал, не оглядываясь. Адъютант последовал за ним.

Джейми с непроницаемым лицом проводил их взглядом.

Глава 62

Праздношатающиеся и подозрительные личности

Пункт 12: Ни один офицер или солдат не должен покидать пределы лагеря.

Пункт 63: Командующие офицеры обязаны проверять всех праздношатающихся и подозрительных и, если они не способны предоставить правдивые сведения о себе, взять их под арест и доложить в штаб.

«Устав лагеря». Приказы его превосходительства Губернатора Триона. Северная Каролина.

Роджер коснулся кармана бриджей, куда спрятал оловянный значок ополченца. Кружок диаметром в полтора дюйма с грубо выбитыми буквами «ОФ» – Отряд Фрейзера, – который пришивали к сюртуку или шляпе. У пехоты губернатора не было военной формы, и лишь такие значки и кокарды отличали их от регуляторов.

«И я узнаю, в кого стрелять? – иронично поинтересовался Роджер у Джейми, когда тот пару дней назад за ужином вручил ему значок. – Пока рассмотришь, есть значок или нет у этого гада, он уже успеет меня прикончить».

Джейми ответил не менее ироничным взглядом, однако благородно удержался от замечаний касательно меткости Роджера и его способности кого-либо ранить из мушкета.

«Я бы не стал ничего высматривать, – ответил он. – Если на тебя бежит человек с ружьем – стреляй и надейся на лучшее».

Несколько мужчин, сидящих у соседнего костра, приснули от смеха, но Джейми не обратил на них внимания. Он взял палку и вытащил из углей три печеных батата, которые теперь лежали рядом, черные и дымящиеся на прохладном вечернем воздухе. Джейми осторожно отпихнул один обратно в угли.

«Это мы, – объяснил он и отпихнул второй клубень. – Это люди полковника Лича, а это, – к тем двум подкатился и третий, – полковника Эша. Понял? Каждый полк движется по заданному маршруту, так что свои тебе вряд ли попадутся. По крайней мере, вначале. А те, кто направляется нам навстречу, скорее всего, враги. – Джейми чуть усмехнулся, кивнув на ужинающих вокруг людей. – Ты здешних уже знаешь? Ну, в них не стреляй,

и все будет хорошо».

Роджер печально улыбнулся, осторожно спускаясь по склону, покрытому крошечными желтыми цветочками. Дельный совет, да. Роджера куда меньше волновала возможность поймать пулю, чем страх случайно попасть в кого-то из своих или лишиться пальцев.

Про себя он решил, что не будет ни в кого стрелять ни при каких обстоятельствах. Он знал многое о жизни некоторых регуляторов – Абея Макленнана, Эрмона Хазбенда. Несмотря на неизбежные преувеличения, брошюры Хазбенда были пропитаны горечью из-за вопиющей несправедливости. Можно ли убить или искалечить человека лишь за то, что он выступает против наглого злоупотребления властью и продажности?

Будучи историком, Роджер понимал, насколько глубоки корни этой проблемы, откуда она выросла и как сложно ее исправить. Он сочувствовал Триону – в какой-то мере, – но все равно не собирался воевать за сохранение королевской власти и особенно – за сохранение репутации и богатства самого Триона.

Роджер замер, расслышав голоса, и тихонько отошел за ствол огромного тополя. Через мгновение он увидел троих мужчин. У каждого было ружье и лядунка для зарядов, однако эти люди казались скорее друзьями, вышедшими поохотиться на зайцев, чем солдатами накануне битвы.

И правда – у одного с пояса свисала связка пушистых тушек, а другой нес сумку, запятнанную свежей кровью. Первый мужчина остановился и вскинул руку; его товарищи напряглись, словно гончие псы, уставившись на рощу невдалеке.

Даже зная, куда смотреть, Роджер не сразу разглядел небольшого оленя, замершего между молодыми деревьями, – его удачно скрывали тени и пятна света, падающие сквозь весеннюю листву.

Первый мужчина осторожно снял с плеча ружье и потянулся за шомполом и зарядом, однако один из спутников положил руку ему на плечо.

– погоди, Авраам, – произнес он тихо. – Не надо стрелять так близко к реке. Ты же слышал полковника, регуляторы как раз напротив, на другом берегу. – Он указал на заросли ивы и ольхи, за которыми скрывалось течение. – Не надо их дразнить, еще рано.

Авраам неохотно кивнул:

– Да, наверное. Как думаешь, сегодня начнется?

– Скорее всего. – Третий мужчина достал из рукава желтый платок и вытер лицо. Погода стояла теплая, душная. – Трион наготове с самого

рассвета, он никому не позволит застать его врасплох. Может, дождется людей Уоддела...

Авраам фыркнул:

– Чтобы разбить этот сброд? Ты их видел? Тоже мне солдаты, жалкое зрелище!

Мужчина с платком ядовито улыбнулся.

– Ну, пусть так. А наших из захолюстья видел? Не сброд? Не важно, какие регуляторы солдаты, их очень много. Двое на одного нашего, по словам капитана Нила.

Авраам заворчал, невольно глянув в сторону леса и реки за ним.

– Сброд, – повторил он уверенно и отвернулся. – Идем уже.

Охотники были на той же стороне, что и Роджер, – он видел на их шляпах и сюртуках блестящие на солнце значки. Однако Роджер оставался в тени, пока мужчины не скрылись из виду. Наверняка Джейми направил его по собственной инициативе, и лучше никому не попадаться.

Ополченцы относились к регуляторам в лучшем случае презрительно. В худшем – среди высших чинов – с холодной жадой расправы.

«Раздавить их раз и навсегда!» – отрезал вчера Касвелл за чашкой кофе у костра. Ричард Касвелл, плантатор с востока колонии, ничуть не сопереживал тяжелой судьбе регуляторов.

Роджер вновь коснулся кармана, раздумывая. Нет, значок лучше оставить там. Если спросят – он его тут же достанет. Вряд ли кто-то будет стрелять в спину безо всякого окрика. И все-таки Роджер чувствовал себя невероятно уязвимым, когда пробирался через зеленеющий речной луг, а затем вздохнул с облегчением, оказавшись в прохладной тени ивовых ветвей.

С одобрения Джейми он не взял никакого оружия, кроме кинжала на поясе. И кроме большого белого платка, аккуратно лежащего в кармане сюртука.

«Если тебе будут угрожать – где угодно, – маши им и кричи: «Перемирие!» – наставлял его Джейми. – А потом проси позвать меня и ничего больше не говори до моего прихода. А если тебя не задержат, приведи ко мне Хазбенда».

Представив, как он поведет Эрмона Хазбенда обратно с белым платком на палке, словно гид группу туристов в аэропорту, Роджер чуть не расхохотался.

Кругом было тихо, только шумела поблескивающая в лучах солнца вода. В поле зрения – ни души, а если кто-то и шевелился, то за плеском течения не было слышно. Если свои, может, и не выстрелят в спину, то

Роджер весьма сомневался, что регуляторы не выстрелят ему в лицо, увидев, что он пересекает границу со стороны правительственных войск.

Однако нельзя весь день прятаться среди деревьев! Выбравшись на берег, Роджер осторожно прошел вниз по течению к месту, о котором говорили охотники. Здесь был брод – мелкая вода и каменистое дно. Если регуляторы где-то поблизости, то вели они себя чертовски тихо.

Сложно представить себе более мирную картину, и все же сердце Роджера бешено колотилось. Он вдруг почувствовал, что кто-то стоит за спиной, и обернулся. Никого; только течение реки и ветерок в ивовых ветвях.

– Это ты, отец? – пробормотал Роджер и тут же почувствовал себя невероятно глупо. Однако ощущение чужого, доброжелательного присутствия не спешило его покидать.

Мысленно пожав плечами, он стянул ботинки и чулки. Наверное, дело в похожей ситуации. Конечно, странно сравнивать переход мелкой речушки в поисках квакера с ночным перелетом через Ла-Манш на «Спитфайре» для бомбардировки Германии. Однако задание есть задание.

Роджер вновь огляделся, но увидел лишь головастика на отмели и с кривой усмешкой шагнул в воду, заставляя их броситься в разные стороны.

– Ну что, в атаку: – Сказал он утке. Птица не обратила на него никакого внимания, слишком занятая поиском корма в темно-зеленых листьях кресса.

С другого берега по-прежнему не доносилось ни звука, кроме радостного щебета птиц. А вот когда Роджер уселся на нагретый солнцем камень, чтобы надеть ботинки и чулки, он наконец получил подтверждение, что и на этом берегу есть люди.

– Ты чего хочешь, сладкий? – раздался женский голос из кустов.

Роджер замер. Кровь бешено застучала в висках. Однако, не успев пошевелиться или придумать ответ, он расслышал низкий, характерный смех, и расслабился. Чутье подсказало, что голоса с такими интонациями ему не опасны.

– Не знаю, милая, сколько с меня возьмешь?

– О-о-о, вы только посмотрите! Что, нет ни пенни?

– Не беспокойтесь, дамы, мы соберем пожертвования для такого дела.

– Ах вот как? Отлично, сэр, только знайте, что в нашем приходе сперва пожертвования, а потом остальное!

Голоса принадлежали трем мужчинам и двум женщинам, и можно было не сомневаться, что независимо от финансовых вопросов никто внакладе не останется.

Роджер взял ботинки в руки и тихонько дал деру. Дисциплина у армии регуляторов, по сравнению с правительственными войсками, явно хромала.

Позже он понял, что «хромала» – это еще слабо сказано. Некоторое время он держался берега реки, так как не знал, где находится основной лагерь, и прошел почти полмили, не встретив ни души, кроме тех двух шлюх и их клиентов. Чувствуя себя как во сне, Роджер бродил по небольшим сосновым рощам и вдоль зеленых лугов, но видел лишь птичек да оранжево-желтых бабочек.

– Да кто, черт побери, так воюет? – буркнул он, пробираясь через кусты ежевики.

Роджер будто очутился в научно-фантастическом рассказе, где все, кроме героя, вдруг исчезают с лица земли. Он уже начинал беспокоиться, что не сумеет найти проклятого квакера, – или вообще армию! – до начала атаки.

А за извилиной реки появились первые признаки лагеря регуляторов – группа женщин стирала одежду в потоке воды между валунов.

Роджер поспешно нырнул в кусты и, ободренный, пошел прочь от берега. Если здесь женщины, то и мужчины недалеко.

Так и оказалось. Через несколько ярдов Роджер слышал звуки лагеря – голоса, смех, звяканье ложек и котелков, удары топора по дереву. Обогнув заросли боярышника, он чуть не столкнулся с толпой молодых людей. Те с улюлюканьем промчались мимо, догоняя товарища, который несясь вперед, размахивая над головой свежесрезанным хвостом енота.

На Роджера никто даже не взглянул, и он пошел дальше уже не так осторожно. Его не окликали – дозорных не было. Несколько мужчин мельком окинули его взглядом, но сразу же вернулись к разговорам.

– Я ищу Эрмона Хазбенда, – обратился Роджер к мужчине, который жарил белку на небольшом костерке.

Мужчина не понял.

– Ну, квакера, – уточнил Роджер.

– А, этого... – прояснилось лицо мужчины. – Кажется, где-то там, – указал он палкой с обугленной белкой на конце.

Роджер прошел мимо еще трех лагерей, прежде чем добрался до основных сил армии регуляторов, – если ее можно было так назвать. Да, здесь царила более серьезная атмосфера и было меньше шалостей, которым он стал свидетелем около реки. И все же это место и близко не напоминало стратегический штаб.

Роджер начал робко надеяться, что насилия удастся избежать, даже если армии столкнутся лицом к лицу. Тем не менее, чем дальше он

забирался, уточняя дорогу у каждого костра, тем сильнее ощущал перемену настроения. Мужчины сбивались в небольшие группки и вели тихие разговоры, склонив головы, или сидели поодиночке, мрачно заряжая оружие и затачивая ножи.

По мере приближения к цели имя Эрмона Хазбенда узнавали уже все и уверенно показывали пальцем направление. Имя будто магнитом затягивало Роджера в сгущающуюся толпу мужчин и юношей, вооруженных и напряженных. Шум нарастал, голоса били по ушам, словно молотки по наковальне.

Хазбенд стоял на камне, как загнанный в угол серый волк, в окружении тридцати или сорока сердито гомонящих людей. Они явно требовали ответа, но не могли умолкнуть, чтобы его услышать.

– Мы должны! Ты сам знаешь, Эрмон, у нас нет выбора! – кричал долговязый тип в потрепанной шляпе.

– Выбор есть всегда! – проревел в ответ Хазбенд. – Настал час выбирать, и, Бог даст, мы поступим мудро!

– Ага, когда на нас направят пушки?

– Нет, нет, вперед, мы должны идти вперед, или все потеряно!

– Потеряно? Мы уже все потеряли! Мы должны...

– Губернатор отнял у нас выбор, мы должны...

– Должны...

– Должны!..

Слова тонули в яростном и разочарованном реве. Поняв, что ждать бесполезно, Роджер без раздумий протолкнулся между двумя фермерами и ухватил Хазбенда за рукав.

– Мистер Хазбенд! – прокричал он на ухо квакеру. – Надо поговорить!

Хазбенд, не глядя, стряхнул чужую руку, потом замер и моргнул. Квадратное лицо над торчащей бородой побелело, глаза расширились; квакер качнул головой, а потом уставился на Роджера, будто увидев привидение.

Сердито отмахнувшись от толпы, он спрыгнул с камня и потянул Роджера в ветхую покосившуюся лачугу, которая стояла в тени кленовой рощи. За ними последовали несколько человек, продолжая яростно жестикулировать и возражать, но Роджер захлопнул дверь прямо у них перед носом и задвинул щеколду, а затем еще и привалился к ней спиной. Затхлый воздух пропах пеплом и горелой едой.

Хазбенд схватил черпак и принялся жадно пить из ведра – единственного предмета в этой лачуге, расположенного у очага. На полу валялся мусор. Видимо, хозяину лачуги пришлось спешно ее покинуть, и

все вещи он захватил с собой.

Успокоившись, Хазбенд одернул рубашку и пригладил волосы.

– Как вы здесь очутились, друг Маккензи? – спросил он, как всегда, мягко. – Вряд ли вы решили присоединиться к делу регуляторов?

– Верно, – согласился Роджер и бросил беспокойный взгляд на окно. Однако, несмотря на продолжающийся снаружи спор, штурмовать лачугу никто пока не собирался. – Прошу вас перейти со мной реку – под белым флагом, гарантией вашей безопасности, – чтобы переговорить с Джейми Фрейзером.

Хазбенд тоже глянул на окно.

– Боюсь, время разговоров давно минуло, – произнес он, скривив губы. Роджер тоже так считал, но был намерен выполнить свое задание.

– Губернатор не желает кровопролития в колонии. Если уговорить людей мирно разойтись...

– Думаете, это возможно? – иронично спросил Хазбенд, махнув рукой в сторону окна.

– Нет, – признал Роджер. – И все же, если вы пойдете... если они увидят, что еще есть шанс...

– Если бы был шанс примириться и восстановить справедливость, переговоры предложили бы куда раньше, – перебил его Хазбенд. – Губернатор так выражает искренность своих намерений – войсками и пушками? Письмом, которое...

– Не справедливость, – прямо сказал Роджер. – Я имел в виду шанс спасти ваши жизни.

Хазбенд молчал. Краска уже схлынула с его щек, и лицо стало спокойным.

– Значит, вот как? – тихо спросил он.

Роджер глубоко вздохнул:

– Времени мало. Мистер Фрейзер просил передать вам, если вы не сможете переговорить с ним лично, что против вас направлены две артиллерийских роты и восемь пехотных. Все хорошо вооружены и готовы к бою. Губернатор будет ждать самое позднее до рассвета.

Роджер знал, что выдавать такую информацию врагу – это измена, но Джейми Фрейзер сделал бы на его месте то же самое.

– Здесь почти две тысячи человек, – произнес Хазбенд. – Две тысячи! Неужели подобное зрелище не пошатнет его уверенность? Неужели зря так много людей оставили дома и выступили против...

– Губернатор считает, что они мятежники и ведут войну. – Роджер снова глянул на окно, которое кое-как прикрывала рваная вощеная

бумага. – И должен сказать, что, увидев их, он только убедится в правильности своих суждений.

– Это не мятеж, – упрямо заявил Хазбенд. Он выпрямился и достал из кармана потертую черную ленту, чтобы собрать волосы. – Наши законные жалобы остались без внимания! У нас лишь один выход: предстать перед мистером Трионом всей мощью, доказать ему справедливость наших требований.

– Кажется, еще недавно вы говорили о том, что выбор есть, – сухо заметил Роджер. – И если теперь настал час выбирать, как вы выразились, то большинство регуляторов выбрали насилие... судя по фразам, которые я слышал по пути сюда.

– Возможно, – неохотно признал Хазбенд. – И все же мы... они не армия мстителей, не безумная толпа...

Однако невольный взгляд на окно подтвердил его опасения, что именно такая толпа и собралась на берегу Аламанса.

– Здесь есть предводитель, тот, кто может говорить от имени недовольных? – Роджеру не терпелось передать сообщение и уйти. – Вы сами или, например, мистер Хантер?

Хазбенд помолчал, вытирая рот ладонью, будто хотел избавиться от вьевшегося в губы прогорклого вкуса.

– У них нет предводителя, – покачав головой, тихо сказал он. – Джим Хантер достаточно смел, но лишен дара командовать людьми. Я спрашивал... Он считает, что каждый человек должен действовать сам по себе.

– У вас есть этот дар. Вы можете их возглавить.

Хазбенд поразился так, будто Роджер обвинил его в шулерских талантах.

– Нет!

– Вы привели их сюда...

– Они сами пришли! Я не просил никого...

– Вы здесь. Они последовали за вами.

Хазбенд слегка вздрогнул, поджав губы. Заметив, что эти слова подействовали, Роджер продолжил приводить свои доводы:

– Вы говорили с ними раньше, и они слушали. Люди пришли с вами, за вами. И они наверняка послушают вас снова!

Шум снаружи нарастал – толпа теряла терпение. Что сделают люди, когда узнают, кто Роджер такой, зачем сюда явился?.. Вытирая взмокшие ладони о сюртук, он ощутил в кармане значок и пожалел, что не закопал его где-нибудь, как только пересек реку.

Хазбенд застыл на мгновение, а потом схватил за руки:

– Помолитесь со мной, друг.

– Я...

– Ничего не говорите, не надо. Я знаю, вы папист, ничего, квакеры не молятся вслух. Просто помолчите со мной, попросите всем сердцем мудрости... не только для меня, для всех здесь собравшихся...

Роджер кивнул, сдерживая нетерпение, и стиснул его руки в знак искренней поддержки.

Хазбенд замер, отпустив голову. В хлипкую дверь лачуги забарабанили кулаки.

– Эрмон, ты там в порядке?

– Давай уже, Эрмон! У нас нет времени! Колдуэлл вернулся от губернато...

– Час, Эрмон! Он дал нам всего час!

Между лопатками Роджера стекла капелька пота. Он поднял взгляд с обветренных рук Хазбенда на его лицо и понял, что тот тоже на него смотрит, но с отсутствующим выражением, будто прислушиваясь к чему-то далекому, не замечая криков за стенами.

Удары в дверь превратились в нетерпеливый стук, а потом и вовсе стихли. Роджер слышал, как его собственное сердце тоже замедляет своей бешеный бег, и тревога рассеивается.

Он закрыл глаза, собираясь с мыслями. В голову приходили лишь отдельные строки.

Помоги нам, Господи...

Услышь нас...

«Помоги нам, Господи, – прошептал голос отца, другого отца, преподобного, где-то на окраине сознания. – Помоги нам, Господи, помнить, как часто люди грешат не из-за недостатка любви, а из-за недостатка ума, и как хитры силки, нас подстерегающие».

Каждое слово вспыхивало в сознании подобно горящему листку, поднятому из костра порывом ветра, и превращалось в пепел прежде, чем Роджер успевал за него ухватиться. Наконец он сдался и просто стоял, сжимая руки Хазбенда и слушая его низкое хриплое дыхание.

Снаружи по-прежнему доносились голоса, однако сейчас они отошли куда-то на второй план, звучали тихим фоном – так издалека доносится пение птиц. Затхлый воздух посвежел, будто по лачуге пролетел ветерок. Роджеру стало легче дышать, удары сердца замедлились.

Как он открыл глаза, Роджер не помнил. На светло-серых радужках Хазбенда виднелись голубые и черные точки. Ресницы его были

густыми, а на краешке века назревал ячмень. Маленькая выпуклость была гладкой и красной, с малиновым оттенком, цвета рассветного неба в день Создания. Лицо прорезали глубокие морщины – возле носа и рта, над широкими, кустистыми бровями, изящными, словно крылья птицы. Губы – полные и гладкие, темного-розового цвета; белые зубы, поразительно твердые, по сравнению с мягкой плотью вокруг...

Роджер стоял, не двигаясь, и поражался открывшейся ему красоте. Мысль, что на самом деле Хазбенд – коренастый мужчина средних лет с невыразительными чертами, не имела никакого значения. Роджер видел потрясающее своеобразие, уникальное и чудесное, неповторимое.

Он вдруг осознал, что уже испытывал подобное чувство – когда рассматривал своего новорожденного сына, изумляясь совершенству каждого крошечного пальчика, изгиба щеки и ушка, сиянию нежной кожи, сквозь которую светилась невинность. Сейчас перед ним было то же создание, не новорожденное и не такое невинное, но не менее поразительное.

Роджер опустил взгляд и обратил внимание на свои руки, сжимающие меньшие по размеру ладони Хазбенда. Его вдруг охватил трепет, когда он осознал красоту собственных пальцев, изгибы запястья и костяшек, восхитительное очарование тонкого красного шрама на большом пальце.

Хазбенд глубоко вздохнул и выпустил его руки. На краткий миг Роджер почувствовал себя опустошенным, затем вновь ощутил глубокое спокойствие, что пришло на смену изумлению перед красотой.

– Благодарю вас, друг Роджер, – тихо произнес квакер. – Я не надеялся на такую милость... но с радостью ее принимаю.

Роджер молча кивнул, а Хазбенд без колебаний отодвинул щеколду и распахнул дверь.

Толпа невольно отступила. Однако удивление тут же сменилось нетерпением и злостью. Хазбенд пропустил мимо ушей град вопросов и призывов и направился напрямик к лошади, которая стояла позади лачуги. Отвязав поводья от деревца, он вскочил в седло и только тогда взглянул на других регуляторов.

– Отправляйтесь домой! – провозгласил он. – Мы должны покинуть это место!

На мгновение воцарилась тишина, за которой тут же последовали изумленные и разъяренные выкрики.

– Какой дом? – воскликнул молодой человек со всклокоченной рыжей бородой. – У тебя, может, дом и есть, а мне идти некуда!

Хазбенд не шевельнулся.

– Отправляйтесь домой! – вновь прокричал он. – Предупреждаю вас – здесь остается только насилие!

– Ага, и мы на него пойдем! – проревел кряжистый мужчина, под приветственные возгласы вскидывая ружье над головой.

На Роджера регуляторы почти не обращали внимания. Он стоял чуть поодаль, наблюдая, как квакер медленно двинулся вперед. Хазбенд то и дело наклонялся, крича и жестикулируя в ответ людям, которые бежали за ним. Кто-то схватил его за рукав, и Хазбенд остановил лошадь, чтобы выслушать пламенную речь. Затем выпрямился, качая головой, и нахлобучил на голову шляпу.

– Я не хочу, чтобы пролилась кровь. Если вы останетесь здесь, друзья, свершится убийство. Уходите! Пока еще можете – уходите, умоляю вас!

Хазбенд вскинул взволнованное лицо и заметил Роджера в тени кизила. Хотя спокойствие покинуло его, в глазах светилась все та же решимость.

– Я ухожу! И молю вас всех – возвращайтесь домой!

Он уверенно повернул лошадь и пустил ее рысью. Несколько человек побежали следом, но быстро остановились и пошли обратно с обиженным видом.

Шум стал вновь нарастать – все одновременно говорили, спорили, доказывали, возражали. Роджер тихонько зашагал к кленовой роще. Хазбенд отбыл, пора и ему.

На его плечо легла рука.

– А ты, черт возьми, кто такой? Что ты наговорил Эрмону?

Напротив Роджера стоял грязный мужчина в рваном кожаном жилете, сжимая кулаки от злости и готовый выплеснуть гнев на ближайшего человека.

– Я сказал, что губернатор не хочет никому причинять вреда, если этого можно избежать, – произнес Роджер.

– Ты от губернатора? – поинтересовался другой мужчина, чернобородый, скептически разглядывая поношенную домотканую одежду Роджера.

Роджер, все еще под впечатлением от встречи с Хазбендом, чувствовал себя защищенным от агрессии и начинающейся истерии, что охватили пространство вокруг лачуги, но это ощущение быстро выветривалось. К допрашивающим мужчинам подходили другие, которых привлек разговор.

– Нет, – сказал Роджер громче. – Я пришел предупредить Хазбенда... предупредить вас всех. Губернатор хочет...

Его прервал хор возмущенных голосов, утверждающих, что плевать

они хотели на желания Триона. Роджер оглянулся, но не увидел ни одного снисходительного лица, не говоря уже о дружелюбном.

– Дело ваше, – как можно холоднее сказал он. – Мистер Хазбенд дал вам наилучший совет, я его повторяю.

Он хотел было уйти, но его вновь схватили за плечи и развернули к толпе.

– Не так быстро, дружок, – произнес мужчина в кожаном жилете, до сих пор багровый от гнева. Кулаки он, впрочем, уже не сжимал. – Ты говорил с Трионом, так?

– Нет, – признался Роджер. – Меня отправил... – Можно ли назвать имя Джейми Фрейзера? Нет, лучше не надо, оно вызовет куда больше проблем. – Я пришел попросить Эрмона Хазбенда перейти реку и самому убедиться, как обстоят дела. Вместо этого он доверился моему мнению. Вы видели его ответ.

– Так я тебе и поверил! – Грузный мужчина с рыжими бакенбардами воинственно задрал подбородок. – И зачем же нам доверять твоему мнению, а? – передразнил он шотландский говор Роджера под хохот товарищей.

Спокойствие, которое Роджер вынес из лачуги, еще не совсем его оставило.

– Я не могу заставить вас слушать, сэр. Но те, у кого есть уши, – услышат.

Он обвел взглядом лица собравшихся, и они неохотно, один за другим, умолкли.

– Войска губернатора хорошо вооружены и стоят в полной боевой готовности. – Собственный голос показался Роджеру странным, будто кто-то говорил издали. – Хотя я не видел губернатора лично, я слышал о его намерениях: он не желает проливать кровь, но твердо намерен применить силу, если понадобится разогнать ваше объединение. Если же вы мирно разойдетесь по домам, он проявит снисходительность.

Тишину прервал звук плевка. В грязь у ботинка Роджера шлепнулся комок коричневой от табака слюны.

– Вот, – емко заметил плюнувший человек, – это губернатору.

– А это тебе, дурень! – заявил его товарищ, замахиваясь на Роджера.

Тот уклонился и, подставив плечо, сбил мужчину с ног. Однако за ним стояли другие, поэтому Роджер замер со стиснутыми кулаками, готовый защищаться.

– Не бейте его, парни, – одернул их мужчина в кожаном жилете. – По крайней мере, пока.

Он обошел Роджера, предусмотрительно держась на расстоянии.

– Видел ты рожу Триона или нет, не важно, но вот его войска-то ты видел, верно?

– Да.

Сердце колотилось в груди, в висках стучало, и все-таки Роджер почему-то не боялся.

– Так сколько у Триона людей?

Мужчина не сводил с Роджера внимательного взгляда. Отвечать лучше честно. Скорее всего, они знают правду; ничто не мешало регуляторам пересечь Аламанс.

– Чуть больше тысячи, – произнес Роджер, точно так же изучая лицо мужчины. На нем не отразилось удивление – он знал. – Зато они обучены. И у них есть артиллерия. Полагаю, у вас ее нет, сэр?

Лицо мужчины стало непроницаемым.

– Полагай, что хочешь. Можешь передать Триону, что нас в два раза больше. Обучены мы или нет... Мы все вооружены, у каждого по ружью.

Он запрокинул голову, щурясь на солнце.

– Час, верно?.. Идите-ка назад, на ту сторону, сэр. Передайте губернатору, что мы хотим высказаться и сделаем это по-своему. Если он прислушается и выполнит наши требования, отлично. Если нет... – Регулятор коснулся висящего на поясе оружия и мрачно кивнул.

Роджер окинул взглядом умолкших людей, не говоря ни слова, развернулся и ушел. В шелесте весенней листвы ему слышался голос преподобного.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Хорошо бы попытку тоже зачли.

Глава 63

Журнал хирурга

Пункт 28: Хирург обязан вести журнал и записывать сведения о каждом поступившем человеке: имя, роту, день обращения за помощью, день выписки.

Из «Устава лагеря»

Прохладный ветерок коснулся щеки, и я вздрогнула, хотя день стоял теплый. В голову пришла абсурдная мысль, что меня коснулось перышко, словно мимо по своим мрачным делам пролетел Ангел смерти.

– Чушь, – буркнула я вслух.

Эван Линдси услышал и тут же глянул на меня – мимолетно. Он, как и все остальные, глазел на восток.

Люди, не верящие в телепатию, никогда не служили в армии и не ступали на поле битвы. Что-то передается от человека к человеку, когда войско готово выдвигаться. Это чувство звенит в воздухе; наполовину страх, наполовину нетерпение, оно щекочет кожу и вгрызается в позвоночник, словно вдруг нахлынувшая похоть.

Вестника еще не было, но я знала, что он появится. Что-то где-то случилось.

Все словно вросли в землю в ожидании. Меня охватило страшное желание пошевелиться, развеять чары, руки так и чесались что-то сделать. Котел закипел, и вода ждала своего часа, накрытая куском чистой ткани. На пне стоял мой медицинский сундучок. Я откинула его крышку и в который раз принялась бездумно перебирать содержимое, хотя прекрасно знала, что там все в порядке.

Атропин, белладонна, настойка опия, лавандовое масло, масло можжевельника, болотная мята, язвенник... и коричневая бутылочка спирта. Без него никак. В фургоне у меня стоял целый бочонок.

Краем глаза я уловила движение. Джейми. Его рыжие волосы вспыхнули в лучах солнца, проникающих сквозь листву деревьев, под которыми он проезжал. Он то наклонялся шепнуть кому-то слово, то касался чьего-то плеча, словно волшебник, возвращающий статуи к жизни.

Я замерла, сжав передник в пальцах. Джейми шутил и подбадривал, небрежно касаясь рук людей, и все же в нем чувствовалась напряженность. Когда он в последний раз стоял с армией, ждал приказа о наступлении?..

У Каллодена, с содроганием подумала я, и волоски на руках встали дыбом, бледные в лучах весеннего солнца.

Раздался топот копыт, затрещали кусты. Все развернулись на звук, сжимая в руках оружие. А потом дружно вздохнули и удивленно забормотали, когда первый всадник появился на поляне, наклоняя ярко-рыжую голову, чтобы не зацепить кленовую ветвь.

– Господи Иисусе! – воскликнул Джейми на всю поляну. – А она-то какого черта здесь делает?!

Мужчины, узнавшие ее, рассмеялись, и напряжение треснуло, словно лед. Плечи Джейми немного расслабились, однако навстречу он пошел с крайне мрачным видом.

К тому времени, как Брианна остановила лошадь и спрыгнула с седла рядом с Джейми, я тоже успела к ним приблизиться.

– Что... – начала я, но Джейми уже подошел к дочери вплотную и, схватив ее за руку, быстро и тихо говорил по-гэльски.

– Простите, мэм, она настояла... – Из зарослей показалась вторая лошадь, на которой с виноватым видом сидел чернокожий парень, Джошуа, конюх Иокасты. – Я не смог ее остановить, миссис Шерстон тоже. Мы очень старались.

– Ясно, – вздохнула я.

Щеки Брианны, выслушивающей отповедь отца, пылали, но садиться на лошадь и уезжать она не собиралась. Она что-то ответила, тоже по-гэльски, и Джейми попятился, будто его оса в нос ужалила. Брианна коротко кивнула, довольная результатом, и отвернулась. Тут она увидела меня, и ее лицо осветила широкая улыбка.

– Мама!

Брианна меня обняла. От нее слабо пахло свежим мылом, воском и терпентином. На подбородке виднелся след голубой краски.

– Здравствуй, милая. Откуда ты приехала?

Я поцеловала Брианну в щеку и отступила, радуясь ее появлению, несмотря ни на что. Одета она была очень просто: в коричневое платье из грубого домотканого полотна. Длинные рыжие волосы были собраны в косу. За спиной, на шнурке, висела соломенная шляпа.

– Из Хиллсборо. Вчера у Шерстонов были гости, за ужином они рассказали, что здесь расположился ваш лагерь... вот я и приехала. Привезла немного еды, – она махнула на набитые седельные сумки, – и трав из сада Шерстонов, может, тебе пригодятся.

– Да, чудесно. – Я почувствовала спиной, как надо мной возмущенно навис Джейми. – Э-э... не подумай, что я тебе не рада, солнышко, но скоро

здесь начнется битва и...

– Знаю. – Румянец, так и не схлынувший с ее щек, стал ярче. – Ничего страшного. Я приехала не сражаться. Иначе надела бы бриджи.

Брианна бросила взгляд за мое плечо, откуда донеслось громкое фыркание в сопровождении хохота братьев Линдси. Я тоже не сдержала улыбки.

– Я останусь с тобой, – произнесла она тише и коснулась моей руки. – Придется ухаживать за ранеными... я помогу.

Я колебалась. Если дело дойдет до сражения, лишние руки мне пригодятся. Брианна, разумеется, не медсестра, зато знала о микробах и антисептиках, а это в каком-то смысле важнее, чем анатомия или физиология.

Бри расправила плечи, пробежала взглядом по лицам собравшихся в тени клена мужчин.

– Где Роджер? – спросила она спокойно.

– В порядке, – заверила ее я, надеясь, что так и есть. – Утром Джейми отправил его на ту сторону реки, под белым флагом, чтобы он привел Эрмона Хазбенда для разговора с губернатором.

– Он там? – Брианна невольно повысила голос, потом взяла себя в руки. – У врага? Если их можно так назвать.

– Он вернется. – Джейми стоял рядом со мной, рассматривая дочь без удовольствия, но смирившись с ее присутствием. – Не волнуйся, малышка. Под белым флагом его никто не тронет.

Внезапно побелев, Бри вскинула голову, вглядываясь в сторону реки.

– А этот флаг ему поможет, когда начнется стрельба?

Ответом, который она знала и сама, было «скорее всего, нет». Джейми даже не стал произносить это вслух, как и то, что стрельбы, возможно, получится избежать. Воздух потяжелел и пропитался едкими запахами просыпанного пороха и человеческого пота. Все замерло в ожидании.

– Он вернется, – повторил Джейми мягче и убрал с лица Брианны упавшую прядку волос. – Обещаю, милая.

Она внимательно посмотрела на отца и молча кивнула. Поцеловав дочку в лоб, Джейми отошел к Робу Бирнсу.

Бри глянула ему вслед, а потом развязала шнурок своей шляпы и присела рядом со мной на камень. Руки ее слегка дрожали. Брианна глубоко вздохнула и зажала их между колен.

– Я могу сейчас помочь? – спросила она, кивнув на открытый сундучок. – Что-нибудь принести?

Я покачала головой:

– Нет, у меня все есть. Остается только ждать, – скорчила я гримасу. – Самое сложное.

Брианна что-то буркнула, неохотно соглашаясь, и с хмурым видом оценила мои приготовления: костер, кипящую воду, раскладной стол, большой набор инструментов и маленькую сумку с предметами первой необходимости.

– А что там? – Она легонько ткнула ботинком холщовую сумку.

– Спирт и бинты, скальпель, щипцы, пила для ампутации, жгуты. Если получится, раненых будут приносить ко мне или к другим хирургам. Но если придется отправиться на поле боя к тяжелораненому, все необходимое должно лежать наготове.

Брианна сглотнула и вновь побледнела так, что на носу резко выделилась россыпь веснушек. Затем набрала было воздух, чтобы заговорить, и вдруг подозрительно принюхалась. Длинный нос шевельнулся, словно хоботок муравьеда.

Я тоже чувствовала этот запах – из рощи доносилась вонь свежих испражнений.

– Такое часто бывает перед сражением, – тихонько пояснила я, стараясь не смеяться над тем, как дочь кривится. – У бедняг расстройство.

Взгляд Брианны вновь начал блуждать по поляне, от одного человека к другому. Я знала, о чем она думает. Как такое возможно? Как смотреть на человека, целого и живого – вот он наклоняется к товарищу, тянет руку за флягой, то хмурясь, то улыбаясь, – и понимать, что скоро он будет ранен... или убит?

Тому, кто не видел, такого и не представить. Но можно помнить... Я кашлянула, надеясь отвлечь нас обеих.

– Что ты сказала своему отцу, а? Когда приехала, вы заговорили по-гэльски.

– А, ты про это. – Веселый румянец оживил бледное лицо Брианны. – Он стал меня ругать: мол, что за игру я затеяла, хочу оставить своего ребенка сиротой, раз рискую своей жизнью, как и Роджер. – Она смахнула прядь рыжих волос, что настойчиво лезла ей в рот, и слегка раздраженно улыбнулась. – Ну, я и сказала ему, что если здесь так опасно, а он не против твоего присутствия, то он что, хочет ставить сиротой меня?

Я тихо рассмеялась.

– Ты ведь здесь в безопасности, правда? – Брианна оглядела лагерь. – В тылу?

– Да. Если сражение подойдет слишком близко...

Донесся топот копыт, и весь лагерь встрепенулся. Прибыл вестник –

мальчишка-адъютант Триона, запыхавшийся и бледный от возбуждения.

– Будьте наготове! – крикнул он.

– А мы чем с самого утра заняты, а? – нетерпеливо отозвался Джейми. – Что, бога ради, происходит?

Как выяснилось, на переговоры с губернатором прибыл священник от регуляторов.

– Священник? – перебил Джейми. – Квакер?

– Не знаю, сэр, – ответил адъютант. – Священник по имени Колдуэлл, преподобный Дэвид Колдуэл.

Несмотря на религиозную принадлежность посла, Трион остался непоколебим: он не может и не будет договариваться с толпой, точка. Пусть регуляторы разойдутся, и тогда он обещает рассмотреть все жалобы, предоставленные должным образом. Однако регуляторы обязаны разойтись в течение часа.

– Можешь-будешь в коробке? – пробормотала я. Ожидание почти выбивало меня из колеи.

– Или у лисы в норе?^[1] – Джейми снял шляпу, и рыжие волосы ярко вспыхнули на солнце.

Бри сдавленно хихикнула.

– Не может и не будет толпу он знать, – тихо отозвалась она в тон. – Не может и не будет... убивать?

– А вот это Трион может, – заметила я вполголоса. – И боюсь, что будет.

В сотый раз за утро я глянула на ивы, за которыми исчез Роджер.

– Час, – повторил Джейми слова адъютанта и тоже посмотрел на ивы. – Сколько еще осталось?

– Около получаса. – Адъютант, вдруг показавшийся еще младше своих лет, сглотнул и надел шляпу. – Я должен возвращаться, сэр. Слушайте пушку, сэр, и удачи вам!

– И вам, сэр.

Джейми коснулся руки адъютанта на прощание, а потом хлопнул коня по крупу своей шляпой, отправляя его в галоп.

Лагерь ожил. Люди проверяли и перепроверяли заряженные ружья, расстегивали и застегивали пряжки, натирали до блеска значки, отряхивали от пыли шляпы и крепили к ним кокарды, подтягивали и подвязывали чулки, встряхивали фляги, проверяя, не испарилось ли их содержимое за последние четверть часа.

Суэта оказалась заразной. Я опомнилась, вновь перебирая бутылочки, словно бусины четок. Их названия звучали в голове, как слова пылкой

молитвы. Розмарин, атропин, лаванда, гвоздичное масло...

Среди суматохи выделялась одна Бри – сидела неподвижно на камне, не сводя глаз с деревьев вдалеке. Я расслышала, как она что-то пробормотала, и обернулась.

– Что там?

– Этого нет в книгах.

Брианна стиснула руки, лежащие на коленях, будто могла усилием воли заставить Роджера появиться из завесы ивовых ветвей. Она вскинула подбородок, указывая на поле, деревья, людей вокруг нас.

– Этого, – произнесла она, – нет в книгах по истории. Я читала о Бостонской бойне в исторических книгах там и в газетах здесь. Но ни слова не видела ни о губернаторе Трионе, ни о Северной Каролине, ни о реке Аламанс. Значит, ничего не будет, – воскликнула она отчаянно. – О крупном сражении обязательно написали бы. А раз не написали... значит, ничего не будет. Ничего!

– Надеюсь, ты права, – отозвалась я и почувствовала, как холодный страх слегка отступил.

Наверное, так и есть. Ну, или произойдет мелкая стычка. Революция разразится всего через четыре года, и даже небольшие конфликты, предшествовавшие ей, были хорошо известны.

Бостонская бойня случилась чуть больше года назад. Уличная драка, столкновение между толпой горожан и взводом нервных солдат. Несколько оскорбительных выкриков, несколько брошенных камней. Первый случайный выстрел, беспорядочная стрельба. Пять погибших. Об этом писали, причем весьма предвзято, в одной из бостонских газет. Я читала ее у Йокасты; кто-то из друзей прислал ей экземпляр.

Двести лет спустя незначительный инцидент увековечили в детских учебниках, как доказательство растущего недовольства колонистов. Я оглядела готовящихся к битве мужчин. Если здесь произошло сражение, в котором королевский губернатор усмирил, по сути, мятеж налогоплательщиков, уж конечно, об этом должны были написать!

По крайней мере, так логично предположить... Я с тревогой понимала, что история просто не оценила значимость того, что вот-вот случится.

Джейми стоял возле привязанного к дереву Гидеона. Он собирался идти в бой пешим, со своими людьми, и сейчас вытаскивал из седельной сумки пистолеты, укладывая запасные заряды в мешочек на поясе. Я вдруг страшно захотела его коснуться, что-то сказать. Я пыталась переубедить себя, что Бри права, что ничего не произойдет, что никто даже не выстрелит... но на берегах Аламанса собрались три тысячи вооруженных

мужчин, готовых пролить кровь.

Я оставила Брианну, которая по-прежнему сидела на камне и смотрела на лес, и поспешила к нему.

– Джейми...

Я коснулась его руки. Она как будто превратилась в высоковольтный провод. Под изоляционным покрытием кожи гудела энергия, готовая вырваться ослепительной вспышкой. Говорят, отпустить такой провод невозможно. Жертва прикипает к нему, не в силах пошевелиться и спастись, пока поток электричества выжигает мозг и сердце.

Джейми накрыл мою руку ладонью.

– Моя красавица, – чуть улыбнулся он. – Пришла пожелать мне удачи?

Я как можно шире улыбнулась ему в ответ, хотя изнутри меня сжигал тот самый ток.

– Не могу отпустить тебя, не сказав... хоть что-то. Думаю, «удачи» сойдет. – Слова застряли в горле, на них у меня просто не было времени. И наконец я сказала только самое важное. – Джейми... я тебя люблю. Будь осторожен!

Он говорил, что не помнит Каллоден. Распространяется ли потеря памяти на те часы перед битвой, когда мы сказали друг другу «прощай»?.. Я взглянула ему в глаза и поняла, что нет.

– «Удачи» сойдет, – произнес он и сжал мою руку, точно так же прикипев к потоку, что циркулировал в наших телах. – Но «я тебя люблю» куда лучше.

Джейми коснулся моих волос, лица, глядя на меня так, словно хотел запечатлеть мой образ, – если наша встреча окажется последней.

– Может настать день, когда мы вновь разлучимся, – тихо проговорил он, невесомо дотронувшись до моих губ. – Но не сегодня.

Из-за деревьев донеслись звуки горна, пронзительные, как клекот дятла. Брианна по-прежнему сидела на камне, неподвижная, словно статуя, и смотрела на лес.

Глава 64

Сигнал к атаке

Примечание: на марше выстрел трех пушек служит сигналом для боевого построения, а пяти – сигналом к атаке.

«Порядок сражения», У. Трион

Роджер неторопливо отошел от лагеря регуляторов, заставляя себя не оглядываться. В его сторону выкрикнули несколько оскорблений и угроз, а потом толпа потеряла к нему интерес и вернулась к собственным распрям.

Отойдя подальше, Роджер остановился. Голова кружилась от гулявшего по телу адреналина. Стоя в кольце враждебных лиц, он ничего, ровным счетом ничего не чувствовал. Теперь, на безопасном расстоянии, ноги начали трястись, а кулаки свело от напряжения.

Похоже, ночной перелет над Ла-Маншем под зенитным огнем не очень и страшен...

Однако он жив, он вернется домой к жене и сыну. Мысль вызвала странные чувства: пробирающее до самых костей облегчение и глубокую, неожиданную тоску об отце, которому не так повезло.

Легкий ветерок обдавал влажные волосы долгожданной прохладой. И рубашка, и сюртук пропитались потом, а платок будто норовил удушить. Роджер скинул сюртук, дрожащими пальцами сорвал с шеи ткань и замер, закрыв глаза и наслаждаясь свободой, пока тошнота наконец не отступила.

Он вызвал в памяти образ Брианны – она стоит с Джемми на руках в дверном проеме, ее влажные от слез ресницы, печальные глаза малыша, – и его настиг отголосок чувства, испытанного в лачуге с Хазбендом: видение красоты и радость, которые успокоили разум и облегчили душу. Надо к ним вернуться, вот все, что имело значение.

Роджер открыл глаза и, подняв с земли сюртук, отправился дальше.

Он не привел Хазбенда к Джейми, однако цели добился. Возможно, толпа регуляторов – армия из них никакая, что бы там ни думал Трион – попросту разойдется по домам, лишившись даже слабого подобия предводителя.

Или нет. В бурлящем котле отчаяния и злости мог возникнуть новый лидер, способный повести их вперед. Вспомнились слова, смутно доносившиеся сквозь стук в дверь лачуги.

«У нас нет времени!»

«Колдуэлл вернулся от губернатора!»

«Час, Эрмон! Он дал нам всего час!»

– Черт, – выругался вслух Роджер.

Дэвид Колдуэлл, пресвитерианский священник, который поженил их с Бри. Наверняка это он от имени регуляторов отправился на переговоры с Трионом. И получил лишь предупреждение.

Всего час. Чтобы разойтись мирно? Или чтобы ответить на ультиматум?

Роджер сунул шейный платок в карман, к неиспользованному белому флагу. Не важно, что означал этот час, – ему самому уж точно пора уходить.

Стоял ясный и жаркий день, пропахший сочной зеленью. Мысли о лагере регуляторов гудели в голове, словно шершни, и мешали оценить красоты вокруг. И все-таки глубоко внутри еще жило то спокойствие, которое он вынес из лачуги. Роджер размышлял об этом по пути к реке, даже не замечая колючие заросли ежевики.

Удивительно, думалось ему. Ведь, в сущности, ничего необычного, сверхъестественного не произошло. Однако он никогда не забудет то, что произошло. Удастся ли объяснить это Брианне...

Свисающая ветвь чуть не задела лицо, и Роджер отвел ее в сторону. Даже в столь простом действии он с удивлением отметил, насколько листва гладкая на ощупь, как изящны ее изгибы и остры зубчики. Вновь накатили отголоски той пронзительной красоты, слабые, но узнаваемые. Видела ли подобное Клэр? Видела ли она красоту в телах, которых касалась? Не потому ли она стала целительницей?

Хазбенд видел наверняка. И увиденное только подтвердило его квакерские принципы, поэтому он покинул поле битвы, неспособный ничинить насилие, ни его поощрять.

А принципы самого Роджера? Если он и раньше не собирался ни в кого стрелять, то теперь и подавно.

В воздухе до сих пор висели весенние ароматы. Мимо пролетела беззаботная синяя бабочка. День оставался прекрасным, однако иллюзия спокойствия рассеялась. Роджер еще чувствовал запах пота, грязи и страха, которые окружали лагерь регуляторов.

А принципы Джейми Фрейзера? Он частенько задумывался о мотивах Фрейзера, к которому его влекла как личная симпатия, так и профессиональный интерес историка. Роджер принял решение: он не причинит никому вреда намеренно, хотя предполагал, что ему, при необходимости, придется защищать свою жизнь. А Джейми?

Роджер был практически уверен, что Джейми сочувствует делу

регуляторов. Вдобавок вряд ли его тесть предан Короне. Ни один человек, переживший Каллоден и его последствия, не будет считать себя обязанным хранить верность королю Англии, не говоря уже о чем-то большем. Нет, дело не в Короне. Может, в Уильяме Трионе?

Явно не преданность, исходящая из личных мотивов... однако некие обязательства все равно присутствовали. Трион призвал Джейми Фрейзера, и тот откликнулся. Но оказавшись здесь, станет ли он сражаться?

А как иначе? Он должен вести вперед своих людей, и если начнется битва... Роджер оглянулся, словно мог увидеть над деревьями облако гнева, окружавшее регуляторов. Да, Джейми придется сражаться, невзирая на его мнение об этой затее.

Роджер попытался представить, как направляет ружье на человека, ничем его не обидевшего, и спускает курок. Или, еще хуже, рубит соседа саблей. Например, бьет по голове Кенни Линдси. Но воображение его подвело. Неудивительно, что Джейми хотел прибегнуть к помощи Хазбенда, прежде чем все начнется.

Впрочем, Клэр однажды упоминала, что в молодости Джейми сражался во Франции в качестве наемника. То есть, скорее всего, убивал людей, которые ни в чем перед ним не провинились. Как...

Роджер скользнул под завесу ивовых ветвей, за которыми скрывался брод, и услышал голоса. На берегу реки находилась группа женщин, сопровождавших лагерь. Некоторые стирали, наклонившись над водой, другие относили мокрые вещи к деревьям и кустам, чтобы развесить. Роджер мимоходом скользнул по ним взглядом, как вдруг заметил... Что? Что там?

Вот. В ней не было ничего примечательного – и все же она выделялась среди других женщин, словно кто-то обрисовал ее силуэт черными чернилами на фоне потока воды и цветущей зелени.

– Мораг, – шепнул Роджер, и его сердце радостно забилось. Жива.

Он почти выбрался из-под ив, когда наконец задумался, что творит. Впрочем, уже было поздно.

Несколько женщин глянули в его сторону, еще несколько настороженно замерли. Но Роджер был один и без оружия, а их – около двадцати, и мужья, в случае чего, располагались неподалеку, поэтому женщины наблюдали за ним просто с любопытством.

Она стояла неподвижно по колено в воде, подобрав юбку. Его узнала, однако виду не подала. Остальные женщины на всякий случай отступили, и лишь Мораг осталась на месте, среди порхающих стрекоз. Из-под чепца выбилась прядь каштановых волос, из рук свисала забытая мокрая сорочка.

Роджер вышел из воды и остановился перед ней.

– Миссис Маккензи, – тихо произнес он. – Рад встрече.

Она улыбнулась краем рта. Глаза у нее были карими. Роджер раньше этого не замечал.

– Мистер Маккензи, – отозвалась Мораг и коротко кивнула.

Роджер лихорадочно соображал. Надо ее предупредить, но как? Не в присутствии же остальных... Сообразив, он схватил плавающую у ее ног одежду и пошел с ней к берегу. Мораг поспешила следом.

– Вы что творите? – воскликнула она. – Эй, верните мою одежду!

Роджер дошел до пролеска и небрежно уронил вещи на куст, все же постаравшись, чтобы они не испачкались.

– Да что вы себе позволяете, воруете? – возмутилась раскрасневшаяся Мораг. – А ну отдайте!

– Я ничего не ворую, – заверил ее Роджер. – Просто хочу поговорить с вами наедине.

– М-да? – подозрительно глянула Мораг. – И о чем?

Роджер улыбнулся. Худая, с загорелыми руками и здоровым цветом лица, одета она была чисто и утратила тот мертвенно-бледный затравленный вид, который имела на «Глориане».

– Я хотел спросить, все ли у вас хорошо, – тихо произнес Роджер. – И как ваш сын... Джемми?

Имя заставило его вздрогнуть, и на мгновение образ Брианны с сыном в дверном проеме наложился на воспоминание о Мораг с ребенком на руках в полумраке трюма.

– А-а... – Ее подозрение немного ослабло, сменившись неохотным осознанием, что у Роджера есть право на подобный вопрос. – У нас все хорошо... у обоих. И у моего мужа тоже, – подчеркнула она.

– Рад слышать, – вновь заверил ее Роджер. – Очень рад. – Он подыскивал слова, чувствуя себя неловко. – Я... я думал о вас порой... гадал, все ли в порядке. А сейчас... вот решил спросить.

– Понимаю. Ну, большое вам спасибо, мистер Маккензи. – Мораг серьезно взглянула в его глаза. – Я знаю, что вы для нас сделали. Я не забуду. И молюсь за вас каждую ночь.

– Ох. – Роджеру показалось, будто что-то легкое толкнуло его в грудь. – Э-э... спасибо.

Временами он задавался вопросом, думает ли Мораг о нем. Помнит ли поцелуй, который он подарил ей в трюме, ища ее тепла, чтобы спастись от пробирающего до костей одиночества? Роджер закашлялся, покраснев от воспоминания.

– Вы... живете неподалеку?

Мораг покачала головой, и какая-то мысль заставила ее сжать губы.

– Жили... ну, теперь это не важно. – Она вдруг деловито принялась снимать одежду с куста, встряхивая ее, прежде чем свернуть. – Большое спасибо за ваше беспокойство, мистер Маккензи.

Разговор был явно окончен. Роджер вытер ладони о бриджи и переступил с ноги на ногу, не желая уходить. Он должен ей рассказать... однако, найдя ее вновь, он почему-то не хотел просто предупредить ее и следовать дальше своей дорогой. В нем кипело любопытство... и странное ощущение связи.

Может, не такое уж и странное. Все-таки эта маленькая загорелая женщина была его семьей. Единственным человеком его крови, которого он знал после смерти родителей. И все-таки очень странное, понял он, когда взял ее за руку. Она ведь была его далеким предком.

Мораг напряглась, пытаясь отстраниться, но Роджер держал крепко. Ее кожа была холодной от воды, а под его пальцами бился пульс.

– Подождите, прошу. Всего мгновение. Мне... мне нужно вам рассказать... кое-что.

– Нет, не нужно. Я не хочу.

Она потянула руку сильнее и выдернула ее из ладони Роджера.

– Ваш муж. Где он?

Ему в голову пришла запоздалая мысль. Если Мораг не живет поблизости, значит женщины у реки, и она в том числе, действительно сопровождают лагерь. Мораг не шлюха, значит, она последовала за мужем, то есть...

– Он очень близко!

Мораг отскочила на шаг назад, поглядывая на оставшееся белье. Между ней и кустом стоял Роджер, мимо которого надо было пройти, чтобы забрать нижние юбки и чулки.

Вдруг осознав, что она его боится, Роджер поспешно схватил наугад какие-то вещи.

– Простите. Ваша стирка...

Роджер сунул ей одежду, Мораг машинально ее схватила. Что-то упало – детская рубашка, – и они оба наклонились, звонко столкнувшись лбами.

– Ай! Святая дева! – Мораг схватилась за голову, не забывая одной рукой прижимать к себе чистые вещи.

– Боже, все в порядке? Мораг... миссис Маккензи, с вами все в порядке? Простите!

Роджер коснулся ее плеча, прищурившись от боли, затем наклонился

за маленькой рубашечкой и тщетно попытался отряхнуть ее от грязи. Удивленно моргнув, Мораг невольно рассмеялась.

Столкновение каким-то образом разрушило напряженность. Мораг хоть и отступила, но уже не боялась.

– Ничего. – Она шмыгнула носом, вытирая глаза, а потом осторожно коснулась назревающей шишки. – У меня крепкий череп, как всегда говорила мама. А вы как?

– Нормально. – Роджер дотронулся до своего лба и вдруг остро осознал, что он повторяет изгиб лба напротив. – И у меня крепкий череп, – улыбнулся Роджер, чувствуя себя нелепо счастливым. – Семейная черта.

Он осторожно протянул Мораг испачканную рубашечку.

– Простите, – снова извинился он. – Ваш муж. Я спросил о нем потому, что... он ведь из регуляторов?

Мораг вскинула бровь:

– А вы разве нет?

Конечно. Кто же еще мог быть на этой стороне Аламанса? Войска Триона в полном боевом порядке заняли луг на другом берегу, а здесь, словно пчелы, роились регуляторы, без предводителя и без управления, гудящая от гнева масса, готовая к насилию.

– Нет, – ответил Роджер. – Я с ополчением.

Он махнул в сторону дыма от костров армии Триона, за рекой. В глазах Мораг вновь отразилась тревога.

– Об этом я и хотел вам сказать. Предупредить вас и вашего мужа. Губернатор настроен серьезно, он привел организованную и вооруженную армию, у него пушки.

Роджер наклонился к Мораг, передавая ей оставшиеся чулки. Она протянула руку, не сводя с него выжидающего взгляда.

– Он собирается подавить мятеж любой ценой. Отдан приказ убивать в случае сопротивления. Понимаете? Вы должны передать мужу, заставить его уйти, прежде... прежде, чем что-нибудь случится.

Мораг побледнела и невольно прижала руку к животу. Влага от стиранных вещей промочила ее муслиновое платье, и Роджер заметил под ним небольшую выпуклость, круглую и гладкую, как дыня. Он ощутил укол страха, будто мокрые чулки в руках Мораг проводили электричество.

«Жили... ну, теперь это не важно», – сказала она. Мораг могла иметь в виду лишь то, что они переехали, но... она стирала и детские вещи, значит, сын с ней. А муж где-то в бурлящей толпе.

Одинокий мужчина вполне мог взять ружье и присоединиться к мятежу просто из скуки или на пьяную голову. Женатый и с ребенком так

не поступил бы. Подобное говорило о серьезном недовольстве, последовавших за ним лишениях и обидах. А раз он привел и жену, и ребенка, значит, не сумел найти для них безопасного места.

Роджер подумал, что, скорее всего, у Мораг с мужем и вовсе не осталось дома. Если мужа покалечат или убьют, как она вырастит Джемми и еще не рожденного малыша? У нее здесь больше никого нет.

Вернее, есть, но она об этом не знает.

Роджер схватил ее за руку, притягивая к себе, преисполненный желанием защитить Мораг и ее детей. Он уже однажды их спас и спасет снова.

– Мораг, – произнес он. – Выслушайте меня. Если что-то случится, что угодно, найдите меня. Если вам что-нибудь понадобится. Я о вас позабочусь.

Она всмотрелась в его лицо, и меж ее бровей залегла небольшая морщинка. Роджера охватило непреодолимое желание установить с Мораг физическую связь – не только ради него самого, но и ради нее. Он наклонился и очень нежно ее поцеловал.

А затем, открыв глаза и подняв голову, понял, что смотрит через плечо Мораг на изумленное лицо еще одного своего предка.

– А ну отошел от моей жены!

Уильям Бакли Маккензи с громким треском выскочил из кустов. На его лице застыло злое выражение. Он был высоким, почти как Роджер, на плечах бугрились мышцы. Остальные детали казались неважными, учитывая, что у него, вдобавок, был нож. Все еще в ножнах на поясе, но Уильям многозначительно положил ладонь на рукоять.

Роджер сдержал порыв сказать: «Это не то, что вы думаете». Так и было, однако объяснить свой поступок внятно ему все равно не удалось бы.

– Я не хотел проявить неуважение, – произнес он и медленно выпрямился. Сейчас не следовало действовать резко. – Извините.

– Да? А что же ты этим хотел проявить, черт возьми?

Маккензи властно положил руку на плечо жены. Она вздрогнула – пальцы мужа впились в ее плоть.

– Я встретил вашу жену... и вас на борту «Глорианы», год или два назад. А когда увидел ее здесь, то решил спросить, как дела у вашей семьи. И все.

– Уильям, он не замышлял ничего дурного. – Мораг коснулась руки мужа, и болезненная хватка ослабла. – Он говорит правду. Разве ты его не узнаешь? Это он нашел нас с Джемми, когда мы прятались в трюме... Он принес нам еды и воды.

– Вы попросили меня о них позаботиться, – веско добавил Роджер. – Во время драки, когда моряки выбрасывали больных за борт.

– Да? – Маккензи немного расслабился. – Так это был ты? Не разглядел лица в темноте.

– И я вашего.

Зато сейчас Роджер его увидел. Значит, вот он, непризнанный сын Дугала Маккензи, бывшего военного вождя клана Маккензи из Леоха. Присмотревшись, Роджер легко различил широкие скулы и высокий лоб, которые Джейми Фрейзер унаследовал от клана своей матери. Ну, и рост – Маккензи был выше шести футов, почти вровень с Роджером.

Мужчина слегка повернулся, и в ярких зеленых глазах сверкнуло солнце. Роджеру захотелось прикрыть свои, чтобы Маккензи вдруг не осознал то же самое, что и он.

Впрочем, тот все равно отвлекся. Из кустов появились двое, беспокойные и грязные от долгой лагерной жизни. Один держал ружье, другой был вооружен лишь дубинкой, смастеренной из толстой ветки.

– Кто это, Бак? – спросил мужчина с ружьем, разглядывая Роджера с подозрением.

– Как раз пытаюсь выяснить. – Лицо Маккензи вновь помрачнело. Развернув жену, он подтолкнул ее в сторону реки. – Ступай к женщинам, Мораг. Я с ним разберусь.

– Уильям... – Мораг с беспокойством перевела взгляд с Роджера на мужа. – Он не сделал ничего...

– Ничего, да? Ничего, что он нахальничает с тобой на людях?

Уильям зло на нее глянул, и Мораг зарделась, явно вспомнив поцелуй, однако продолжила:

– Я... в смысле... он был к нам добр, нельзя...

– Я сказал, ступай!

Мораг открыла рот, чтобы возразить, но тут же вздрогнула – Уильям замахнулся на нее кулаком. Не раздумывая, Роджер врезал ему в челюсть – так сильно, что от удара свело руку.

Уильям пошатнулся и рухнул на колено, тряся головой, как оглушенный бык. Аханье Мораг потонуло в изумленных возгласах мужчин. Прежде чем Роджер успел к ним повернуться, он услышал тихий звук, от которого в жилах застыла кровь – холодный щелчок взведенного курка.

Раздалось короткое шипение вспыхнувшего пороха, и ружье с ревом выстрелило, испустив облако черного дыма. Все дернулись, и Роджер вдруг понял, что уже борется с одним из мужчин, кашляя и почти ничего не слыша. Отпихнув врага, Роджер мельком увидел Мораг, стоящую на

коленях и вытирающую лицо мужа мокрой одеждой. Уильям грубо оттолкнул жену и, с трудом поднявшись на ноги, с выпученными глазами и покрасневшим от ярости лицом понесся к Роджеру.

Поскользнувшись на листьях, Роджер стряхнул руку мужчины с ружьем и рванул к кустам, ломая ветки, что царапали лицо и руки. Сзади послышался треск и тяжелое дыхание, а затем плечо Роджера стиснула железная ладонь.

Он схватил эту руку и с силой выкрутил. Сустав и кость хрустнули, и владелец руки взвыл, отскочив в сторону. Роджер бросился головой в брешь между кустами, а затем, проломившись сквозь заросли, соскользнул вниз и шлепнулся в воду.

Он кое-как нащупал ногами дно, кашляя и стряхивая воду, и увидел замершего на берегу Уильяма Маккензи. Тот, понимая невыгодное положение Роджера, с воплем прыгнул к нему.

В грудь Роджера словно ударило пушечное ядро, и он с плеском рухнул под отдаленные вскрики женщин. Он не мог дышать и ничего не видел, но упрямо хватался за месиво из одежды и конечностей, поднимая со дна ил в тщетной попытке встать и вдохнуть воздух пылающими легкими.

Наконец вынырнув, Роджер, как рыба, открывал и закрывал рот, слыша, как из груди вырывается хрип. Маккензи стоял напротив по пояс в воде, рыча, словно мотор. Роджер согнулся, упираясь дрожащими руками в бедра. Сделав вдох, он сумел выпрямиться и отбросил с лица мокрые волосы.

– Послушайте, я...

Маккензи бросился вперед. На его лице застыло странное, хищное выражение. Зеленые глаза горели.

Роджер запоздало вспомнил кое-что еще. Этот человек был сыном не только Дугала Маккензи, но и Гейлис Дункан, ведьмы.

Откуда-то из-за ив донесся звук взрыва. С деревьев взвились стаи испуганных птиц. Сражение началось.

Глава 65

Аламанс

Губернатор отправил капитана Малкольма, одного из своих адъютантов, и шерифа округа Орандж с письмом, в котором требует от мятежников сложить оружие, сдать главарей и т. д. Около половины десятого капитан Малкольм и шериф возвратились с сообщением, что шериф несколько раз зачитал письмо различным подразделениям мятежников, которые с презрением отвергли предложенные условия со словами, что они не желают никакого времени на рассмотрение, и громкими выкриками стали призывать к сражению.

Из «Журнала кампании против мятежников», У. Трион

– Высматривайте Маккензи. – Джейми коснулся плеча Джорди Чишолма, и тот коротко кивнул.

Они хорошие парни и будут осторожны. Они его найдут, он на пути сюда.

Джейми повторял это сам себе уже в десятый раз, однако уверенности не прибавлялось. Господи, что с ним там приключилось?.. Если парни будут внимательны, они заметят Маккензи вовремя и не выстрелят. По крайней мере, так уговаривал себя Джейми, прекрасно понимая, что в пылу сражения каждый стреляет во все, что движется, а в дыму не видно лиц.

Да и вообще нет никакой разницы, кто убьет Маккензи. Если это случится, Брианна и Клэр обвинят Джейми, причем справедливо.

А потом, к его облегчению, стало не до раздумий. На открытой местности люди рассредоточились группами по три-четыре человека – по одному опытному бойцу на каждую – и побежали вперед, пригибаясь и виляя. Где-то позади раздался первый пушечный выстрел, громом прорезавший ясное небо.

Джейми увидел регуляторов – они выбежали на луг справа, – проревел «Casteal an Duin!»^[2] и понесся в атаку, вскинув ружье над головой, как знак для своих людей. Воздух заполнился ревом и криками. Захваченные врасплох регуляторы замерли, бестолково размахивая оружием.

– *Thugham! Thugham!*

Ко мне, ко мне!.. Джейми упал на одно колено и, склонившись над ружьем, выстрелил над головами мечущихся людей.

Сзади донеслось тяжелое дыхание и удары кремня, а затем –

оглушительный залп.

Пара регуляторов тоже присели, отвечая выстрелами. Остальные бросились за маленький, поросший травой холмик.

– *A draigha!* Налево! *Nach links!* Отрезайте их! – услышал Джейми собственный рев и рванул вперед.

Небольшая группа регуляторов разделилась: несколько человек бросились к реке, остальные, сбившись в кучу, как овцы, убежали к холму и скрылись за ним. Джейми отозвал своих людей резким свистом, перекрывшим нарастающий грохот пушек. Слева донеслись ружейные выстрелы, и Джейми двинулся в том направлении, зная, что люди последуют за ним.

Ошибка. Земля там оказалась болотистой, полной ям и вязкой грязи. Джейми указал в сторону более высокого места – пусть лучше враг пойдет к ним и увязнет, – растопырил пальцы и махнул рукой, приказывая рассредоточиться.

Кровь бешено стучала в венах, кожу покалывало. Над ближайшими деревьями поднялось серое облако дыма, едко пахнущего порохом. Орудийные расчеты вошли в ритм, превращая грохот артиллерии в стук огромного медленного сердца.

Джейми продвинулся чуть дальше на запад. Кустарник в основном состоял из сумаха, багрянника и ежевики, достигающей ему до пояса. Над головой возвышались сосны. Видимость была слабая, но Джейми смог бы услышать любого, кто приблизится, задолго до того, как увидит их. Или они его.

Никого из своих в поле зрения не было. Джейми спрятался около кизила и издал резкий клич, похожий на звук куропатки. Сзади донеслись похожие отклики. Спереди – ни одного. Отлично, теперь они примерно представляют, кто где находится. Джейми осторожно двинулся сквозь заросли дальше. Хотя в тени деревьев стало прохладнее, воздух оставался вязким, а по шее и спине стекал пот.

Джейми расслышал топот ног и прижался к сосне, скрываясь за ее темными ветвями. Ружье он направил в брешь между кустами. Неизвестный быстро приближался. Раздался треск веток под ногами, и из кустов выскочил молодой человек. Без ружья, с одним ножом для свежевания в руке.

Паренек показался знакомым, и Джейми успел вспомнить его имя прежде, чем палец нажал на курок.

– Хью! – позвал он тихо, но резко. – Хью Фаулз!

Молодой человек испуганно вскрикнул, заметил Джейми и замер, как

кролик. Потом на его лице отразилась паническая решимость, и он с криком бросился в атаку. Пораженный Джейми едва успел поднять ружье, чтобы отбить лезвие дулом. Нож со скрежетом прошелся по металлу и зацепил пальцы. Юный Хью снова замахнулся, но Джейми коротко пнул мальчишку в колено и отступил в сторону, когда тот зашатался, бешено дергая рукой с ножом. Джейми снова пнул Хью, и тот рухнул на землю, воткнув нож в землю.

– Ты прекратишь? – сердито поинтересовался Джейми. – Бога ради, парень, ты что, меня не узнал?

Узнал ли его Фаулз или нет, услышал ли вообще?.. Мальчишка барахтался, с бледным лицом и вытаращенными глазами, в попытках встать и одновременно вытащить из земли нож.

– Так ты... – начал было Джейми и отпрянул, когда Фаулз, рыча, бросился на него с голыми руками.

Фаулз потянулся к горлу пошатнувшегося Джейми, однако тот уронил ружье и, подставив плечо, прекратил всю эту возню быстрым и жестким ударом в живот. Хью Фаулз скорчился на земле, подергиваясь, как раненая многоножка.

Джейми слизнул с костяшек кровь. Нож мальчишки зацепил все четыре пальца, а удар еще и ухудшил ситуацию – они горели огнем, а кровь на языке отдавала раскаленным серебром.

Вновь топот – кто-то быстро приближался. Джейми едва успел схватить ружье, как из кустов с треском вылез тесть Фаулза, Джо Хобсон с собственным ружьем наготове.

– Ни с места!

Джейми нацелился в грудь Хобсону. Тот замер, словно невидимый кукловод дернул его за ниточки.

– Что ты с ним сделал? – Хобсон мельком глянул на зятя и вновь уставился на Джейми.

– Ничего смертельного. Опустить ружье, а?

Хобсон не шевельнулся. На грязном лице со всклокоченной бородой горели внимательные глаза.

– Я не причиню вам вреда. Опустить!

– Нас не возьмешь. – Палец Хобсона лежал на курке, но в голове прозвучала нотка сомнения.

– Вас уже взяли, дурень. Не волнуйся, ни с тобой, ни с паренком ничего не случится. В тюрьме куда безопасней, чем здесь.

Его слова подтвердили свистящий звук и треск веток, как будто что-то пролетело в нескольких футах над головами, ломая деревья. Цепные ядра,

машинально подумал Джейми, невольно пригнувшись от неожиданности.

Хобсон в ужасе отпрянул, тыча дулом в сторону Джейми, а потом дернулся и изумленно распахнул глаза. На его груди медленно расцвело алое пятно. Он в замешательстве опустил на него взгляд, а потом выронил ружье и, привалившись к стволу дерева, умер.

Развернувшись, Джейми увидел Джорди Чишолма, покрытого сажей от выстрела и изумленного тем, что случилось.

Вновь раздался грохот. Неподалеку, сломав ветви, упало очередное ядро. Джейми ощутил дрожь земли даже сквозь подошвы башмаков. Он бросился на живот и пополз к Хью Фаулзу, который умудрился встать на четвереньки и теперь изрыгал содержимое желудка.

Джейми схватил Фаулза за руку и, не обращая внимания на лужу рвоты, резко дернул.

– Давай! – Он поднялся на ноги и, подхватив мальчишку за талию и плечо, потащил к роще. – Джорди! Джорди, помоги!

Чишолм подбежал, и вдвоем они наполовину потащили, наполовину понесли Фаулза в укрытие.

Воздух наполнился резким запахом древесного сока, что выступил из сломанных веток, и Джейми внезапно подумал о садике Клэр, о свежевскопанной земле борозд и могил и о Хобсоне, который сидел в лучах солнца у дерева с застывшим в глазах удивленным выражением.

От Фаулза несло рвотой и дерьмом. Джейми надеялся, что все же от Фаулза. Он подумал, что его самого вот-вот вырвет от нервного напряжения, и до крови прикусил язык, одновременно сжимая мышцы живота, чтобы сдержаться.

Слева кто-то поднялся из кустов. Джейми машинально вскинул ружье, которое держал в левой руке, и выстрелил. Когда дым рассеялся, он увидел, что незнакомец побежал прочь, врезаясь в деревья.

Фаулз уже мог стоять на ногах, и Джейми отпустил парня, оставив его на Джорди, сам же упал на одно колено, нащупывая порох и пулю. Затем разорвал заряд зубами и, чувствуя на языке вкус пороха вперемешку с кровью, засыпал его в ствол, утрамбовал, проверил кремьень... При этом он с удивлением отмечал, что руки совершенно не дрожат, а действуют спокойно и ловко, будто сами по себе.

Впереди показались трое, и он вскинул ружье, но с последним обрывком сознательной мысли дернул его вверх и выстрелил над их головами. Мужчины остановились, а Джейми бросил ружье и, сорвав с пояса кинжал, с криком помчался на них.

Слова царапали горло, саднящее от дыма.

– Бегите!

Мужчины прыснули в разные стороны, как испуганные перепелки. А Джейми, как волк, погнался за самым медленным, перепрыгивая через ямы в земле. В животе расцветала странная звериная радость, которая перетекала в ноги. Джейми чувствовал, что может бежать вечно. Холодный ветер обдувал кожу, в ушах звенело, а весенняя земля пружинила под башмаками так, словно он летел над травой и камнями.

Человек, которого он преследовал, оглянулся через плечо и с воплем ужаса врезался в дерево. Джейми прыгнул на свою жертву, услышав хруст ребер, сжал в пальцах сальные волосы, задрал голову мужчины вверх и в последний миг удержался, чтобы не полоснуть по открытому незащитному горлу. Он уже чувствовал, как лезвие взрезает плоть, как хлещет горячая кровь...

Джейми судорожно схватил ртом воздух. Затем очень медленно отвел клинок от бьющейся на горле вены. И задрожал от неудовлетворенного желания, словно его оттащили от тела женщины, когда он вот-вот был готов излиться семенем.

– Ты мой пленник, – произнес Джейми.

Мужчина непонимающе на него уставился. Он плакал, и слезы прочерчивали дорожки на грязном лице. Он пытался что-то сказать, но не мог вдохнуть достаточно воздуха из-за вздернутой кверху головы. До Джейми смутно дошло, что он говорил на гэльском, и этот человек его просто не понял.

Он заставил себя выпустить голову жертвы, затем попытался вспомнить английские слова, похороненные под бьющейся в сознании жаждой крови.

– Ты... мой... пленник, – наконец сумел выговорить Джейми, хватая воздух ртом между словами.

– Да! Да! Что угодно, только не убивайте, пожалуйста, не убивайте!

Всхлипывающий человек сжался, втянув голову в плечи и закрыв шею руками, словно Джейми мог впиться в нее зубами и перегрызть хребет.

Мысль об этом всколыхнула в нем смутное желание, однако грохот стучащей крови уже утихал. Проявились окружающие звуки. Ветер уже не пел ему, а одиноко отправился по своим делам, шелестя листвой вверх. Вдалеке раздавались ружейные залпы, но взрывов артиллерии уже не было.

С подбородка и лба капал пот, рубашка вымокла и воняла. Джейми медленно соскользнул с пленника и опустился рядом с ним на колени. Его вдруг охватила невыразимая нежность по отношению к этому человеку, и он протянул было руку, чтобы его коснуться, но нежность тут же сменилась

внезапным ужасом, который тоже неожиданно ушел. Джейми закрыл глаза и сглотнул. Его тошнило. Прикушенный язык пульсировал от боли.

Сила, которую он впитал из земли, постепенно вытекала из ног и возвращалась в землю. Джейми неловко похлопал пленника по плечу и с трудом поднялся.

– Вставай, – приказал он.

Руки дрожали. Он лишь с третьей попытки смог вложить кинжал в ножны.

– *Cíamar a tha thu, Mac Dubh?*

Оказавшийся рядом Ронни Синклер спрашивал, в порядке ли он. Джейми кивнул и отступил, а Синклер поднял пленника на ноги и заставил его надеть вывернутый наизнанку сюртук. Приходили и остальные, в одиночку или по двое: Джорди, братья Линдси, Галлегер. Они собирались вокруг Джейми, словно железные опилки вокруг магнита, и тоже приводили пленников. Всего их было шесть, угрюмых, испуганных или просто изможденных, в вывернутых наизнанку сюртуках. Среди них был и Фаулз, бледный и несчастный.

Сознание Джейми уже прояснилось, но тело казалось вялым и тяжелым. У Генри Галлегера на лбу красовалась кровавая царапина. Один мужчина из Браунсвилля – Лайонел? – держал руку под неестественным углом, очевидно, сломал. Остальные на первый взгляд были целы. И то хорошо.

– Спросите, видели ли они Маккензи, – попросил он Кенни по-гэльски, коротко указав на пленников.

Стрельба почти стихла, раздавались лишь редкие выстрелы. Над головами пролетела испуганная стая голубей.

Роджера Маккензи никто не знал и не видел. Джейми кивнул и рукавом вытер пот с лица.

– Ладно, что случилось, то случилось. Вы были великолепны, парни... а теперь идем.

Глава 66

Необходимая жертва

Вечером мертвых с военными почестями предали земле. Трое преступников, захваченных в ходе сражения, были повешены перед всей армией. Казнь доставила людям огромное удовлетворение, и в то же время это была необходимая жертва, дабы утихомирить ропот солдат, что настаивали на немедленном осуществлении правосудия и казни преступников, в борьбе с которыми они храбро сталкивались с множеством опасностей, а также теряли жизни и кровь.

Из «Журнала кампании против мятежников», У. Трион

Роджер с силой дернул руками, но веревка лишь сильнее впилась в запястья. Содранная кожа горела и, кажется, сочилась кровью, но кисти так оцепенели, что Роджер не мог сказать наверняка. Пальцы распухли, как сосиски, кожа на них натянулась.

Он лежал в тени поваленного дерева, куда его, предварительно связав по рукам и ногам, бросили Бакли с товарищами. Одежда после падения в реку насквозь промокла. По шее стекал пот, щеки горели, а голова буквально раскалывалась от прилива кипящей крови.

Рот ему заткнули белым флагом, затолкав так глубоко, что Роджер едва не задохнулся, и завязали сверху его же шейным платком. Роджер горел желанием как следует искалечить Уильяма Бакли Маккензи, даже если это будет последним делом в его жизни, и плевать, что он расправится с собственным предком.

Поблизости по-прежнему раздавались выстрелы, однако уже не залпами, а скорее треском жареной кукурузы. Воздух провонял порохом, и время от времени что-то свистело между деревьями, как Бармаглот у Кэрролла, с грохотом и треском ветвей. Цепные ядра?

Некоторое время назад на берег реки, разбрызгав грязь, обрушилось пушечное ядро, которое тут же остановило драку. Один из товарищей Бакли вскрикнул и помчался к деревьям, но другой остался, не обращая внимания на вопли и стрельбу, пока они с Бакли не сумели окунуть голову Роджера под воду. Он до сих пор чувствовал жжение в пазухах.

Теперь Роджер ухитрился встать на колени, согнувшись, как гусеница, только голову поднять над поваленным стволом не осмеливался, боясь выстрела. В его венах текла такая ярость, что он не испытывал страха,

невзирая на кипящее вокруг сражение, хотя еще не полностью потерял способность мыслить.

Он с силой потерся о кору, пытаясь сорвать повязанный вокруг головы платок. План сработал: ткань зацепилась за сучок и после рывка сползла под подбородок. Кряхтя от усилий, он слегка вытолкнул изо рта белый флаг и при помощи все того же сучка сумел вытащить его из глотки.

К горлу тут же поднялась желчь. Роджер поспешил жадно глотнуть воздух, и желудок слегка успокоился.

Отлично, теперь можно дышать. А что дальше? Стрельба продолжалась. Слева раздался треск кустов, через которые пробежала группа людей.

Топот ног приближался. Роджер нырнул за ствол дерева как раз вовремя – в него чуть не врезалось перелетевшее через преграду тело. Новый сосед поднялся на четвереньки, прижимаясь к стволу, и только тогда заметил Роджера.

– Ты!

Чернобородый из лагеря Хазбенда уставился на Роджера, и его лицо медленно налилось кровью. Роджер буквально чувствовал исходящую вонь страха и злобы.

Чернобородый схватил его за грудки и дернул к себе.

– Это все ты виноват! Ублюдок!

Связанный, Роджер не мог сопротивляться, но все равно попытался его оттолкнуть.

– Пусти, осел!

Именно в этот момент чернобородый заметил путы и от неожиданности действительно выпустил его из рук. Роджер потерял равновесие и завалился на бок, больно ободрав лицо о кору. Глаза чернобородого выпучились от удивления, а потом сузились от веселья.

– Клянусь папашей, да тебя повязали! Вот так удача! Кто тебя словил, дурень?

– Он мой. – Низкий голос с шотландским выговором возвестил о появлении Уильяма Бакли Маккензи. – Что значит «это все ты виноват»?

– Вот это! – Чернобородый махнул рукой на поле вокруг. Артиллерия уже смолкла, издали доносились лишь одиночные ружейные выстрелы. – Утром явился в лагерь, спрашивал Эрмона Хазбенда, а потом увел его на пару слов. Не знаю, что он, черт возьми, наговорил, но Хазбэнд пошел напрямик к лошади, велел нам всем возвращаться домой и уехал!

Чернобородый мрачно уставился на Роджера, а затем с размаху отвесил ему оплеуху.

– Что ты ему наговорил, зараза проклятая?!

Не дожидаясь ответа, он повернулся к Бакли, который с глубоким интересом наблюдал за ним и Роджером.

– Если бы Эрмон остался, мы бы выстояли! – разорвался чернобородый. – Но он уехал и просто выбил землю у нас из-под ног! Никто не знал, что делать, а когда мы очухались, Трион заявил, чтоб мы сдавались. Черта с два, конечно, вот только драться мы были все равно не готовы...

Он умолк, заметив взгляд Роджера и осознав, что тот видел его паническое бегство.

Стрельба прекратилась. Роджер медленно осознал, что битва не просто закончилась, – регуляторы ее безнадежно проиграли. То есть очень скоро здесь окажутся свои. Глаза еще слезились от оплеухи, однако Роджер моргнул и прямо посмотрел на чернобородого.

– Я сказал Хазбенду то же, что говорю и вам, – произнес он со всей значимостью, на которую был способен, лежа на земле связанным, как рождественский гусь. – Губернатор настроен серьезно. Он намерен подавить восстание и, судя по всему, уже это сделал. Если вам дорога ваша шкура, советую...

Чернобородый зарычал и, схватив Роджера за плечи, попытался разбить ему голову о дерево. Роджер, извиваясь, отпрянул, а затем рванул вперед и врезался лбом в нос чернобородого. Раздался хруст. Довольный, Роджер упал на локоть.

Ему еще не доводилось использовать этот прием, который назывался «поцелуй Глазго», но, кажется, получилось отлично. При падении Роджер повредил запястье, однако сейчас ему было на это плевать. Пусть только Бакли приблизится – получит то же самое.

Маккензи смотрел на него со смесью веселья и невольного уважения.

– Ох, какой ты одаренный! Предатель, соблазнитель чужих жен, хороший драчун – и все таланты в тебе одном уместились, да?

Чернобородый вскинул голову, давясь кровью из разбитого носа, но Роджер не обратил на него внимания, а следил за Бакли, прекрасно понимая, кого стоит опасаться.

– Человек, уверенный в своей жене, не станет волноваться, что ее соблазнит другой, – произнес он. – Я в своей уверен и в твоей не нуждаюсь, *adamain*^[3].

Загорелый и покрасневшийся из-за сражения Бакли и вовсе побагровел. Однако он держал себя в руках и слегка усмехался.

– А, так ты женат? Должно быть, твоя жена уродина, раз ты вокруг

моей вьешься. Или она тебя из постели выгнала, потому что ты ее обслужить нормально не способен?

Впившаяся в запястья веревка напомнила Роджеру, что он не в том положении, чтобы обмениваться колкостями. Поэтому прикусил язык и проглотил слова, готовые с него сорваться.

– Хочешь оставить жену вдовой? – Он кивком указал в сторону, откуда доносились далекие голоса. – Битва закончилась, вы проиграли. Не знаю, намерены ли они брать пленников...

– Нескольких взяли, – перебил его Бакли.

Он нахмурился, раздумывая, как поступить. Выбор не такой уж богатый, подумал Роджер. Отпустить, бросить связанным, убить. Первые два вполне устраивали Роджера. Что касается третьего... ну, если бы Бакли хотел его смерти, уже убил бы.

– Лучше уходи, пока не поздно, – предложил Роджер. – Жена будет беспокоиться.

А вот Мораг он упомянул зря. Бакли резко помрачнел, но прежде чем успел что-то сказать, перед ними появилась его жена в сопровождении человека, который чуть ранее помогал Бакли вязать Роджера.

– Уилл! Ох, Уилли! Слава богу, ты жив! Ты не ранен?

Она была бледна и встревожена, а за ее шею, как обезьянка, цеплялся ребенок. Несмотря на свою ношу, Мораг протянула к мужу руку, чтобы убедиться в его невредимости.

– Не волнуйся, – грубо бросил Бакли, – я цел.

Однако он погладил ее по руке и неловко поцеловал в лоб.

– А что с этим будем делать, Бак? – Друг Бакли заинтересованно ткнул Роджера носком ботинка.

Мораг, заметив лежащего на земле Роджера, приглушенно вскрикнула и тут же зажала рот ладонью.

– Что ты натворил, Уилли? – воскликнула она. – Отпусти его, бога ради!

– Нет. Он мерзкий предатель. – Бакли мрачно сжал губы, недовольный, что жена обратила внимание на пленника.

– Нет, не может быть!

Крепко прижимая к себе сына, Мораг наклонилась к Роджеру. Разглядев его связанные руки, она ахнула и разгневанно повернулась к мужу:

– Уилли! Нельзя так обращаться с человеком, который спас твою жену и малыша!

«Господи, Мораг, хватит!» – подумал Роджер, заметив, как кулак ее

мужа вдруг сжался. Бакли и без того был ревнивым ублюдком, а проигранная битва только разжигала его гнев.

– Убирайся, – приказал Бакли, выразив мысль Роджера менее галантным образом. – Здесь не место ни тебе, ни ребенку.

Чернобородый успел прийти в себя и маячил возле Бакли, прижимая руку к распухшему носу.

– Перерезать ему горло, и дело с концом. – Он для наглядности пнул Роджера по ребрам.

Мораг с яростным криком врезала чернобородому по голени.

– Оставь его в покое!

Чернобородый взвизгнул от неожиданности и отпрыгнул. Второй товарищ Бакли посчитал это крайне смешным, но тут же умолк, стоило Бакли кинуть на него злой взгляд.

Мораг уже стояла на коленях и пыталась одной рукой разрезать путы при помощи крошечного ножичка. Роджер очень ценил ее добрые намерения, однако искренне желал, чтобы она его не трогала. Очевидно, что душой Уильяма Бакли Маккензи овладел демон ревности, и теперь именно он сверлил Роджера яростным изумрудным взглядом.

Бакли схватил жену за руку и вздернул на ноги. Испуганный ребенок заплакал.

– Хватит, Мораг! – прорычал Бакли. – Уходи сейчас же!

– Да, уходи! – сердито встрял чернобородый. – Нам не нужна твоя помощь, потаскушка!

– Не смей так говорить о моей жене!

Развернувшись, Бакли резко ударил чернобородого в живот. Мужчина осел, комично открывая и закрывая рот. Роджер ему почти сочувствовал, зная, каково это – оказаться между двух Маккензи.

Второй товарищ Бакли, наблюдавший за происходящим с азартом теннисного болельщика, воспользовался случаем и вмешался, пока Мораг успокаивала ребенка:

– Так или иначе, Бак, давай уже с этим покончим.

Он с тревогой кивнул на реку. Судя по доносящемуся гулу голосов, к ним приближалась группа людей. Явно не бегущие прочь регуляторы. Солдаты губернатора ловят пленных?

– Да. – Бакли глянул в ту же сторону, а затем взял жену за плечи, но теперь уже нежно. – Уходи. Я боюсь за тебя.

Мораг расслышала в его голосе мольбу, и выражение ее лица смягчилось. Однако она все равно перевела взгляд на Роджера, который с растущим отчаянием пытался прибегнуть к телепатии.

Уходи, женщина, уходи, бога ради, пока ты меня не прикончила!

Мораг повернулась к мужу, решительно сжав губы.

– Поклянись, Уильям Бакли, что ты не тронешь и волоска на голове этого человека!

Бакли слегка выпучил глаза и сжал кулаки, но она, маленькая и яростная, твердо стояла на своем.

– Поклянись! Или, Бог свидетель, я не лягу в постель с убийцей!

Бакли глянул на угрюмого чернобородого и другого товарища, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу, словно очень хотел в туалет. Солдаты Триона приближались. Затем Бакли посмотрел жене в лицо.

– Хорошо, Мораг, – проворчал он и подтолкнул ее. – Давай, иди!

– Нет.

Она взяла руку мужа и притянула к себе. Маленький Джемми уже успокоился и теперь прижимался к плечу матери, шумно посасывая большой палец. Мораг положила ладонь Бакли на головку сына.

– Поклянись головой сына, Уилл, что ты не причинишь вреда этому человеку и не дашь ему умереть.

Роджер мысленно заплодировал этому жесту, но все равно испугался, что Мораг зашла слишком далеко. Бакли оцепенел, к его лицу прилила кровь. Однако затем он коротко кивнул.

– Клянусь, – тихо произнес он и опустил руку.

Лицо Мораг расслабилось, и она, не говоря больше ни слова, поспешила прочь. Роджер наконец выдохнул. Господи, что за женщина! Он отчаянно надеялся, что с ней и с ребенком все будет в порядке... хотя если ее тупоголовый муж хочет споткнуться о чью-нибудь нору и сломать себе шею...

Уильям Бакли уставился на Роджера, задумчиво сощулив зеленые глаза.

– Давай же, Бак! – Его товарищ оглянулся в сторону реки, откуда доносились громкие выкрики – солдаты прочесывали местность. – У нас нет времени. Говорят, Трион будет вешать пленников!

– В самом деле? – негромко отозвался Бакли.

Он некоторое время смотрел Роджеру прямо в глаза, и тому показалось, что в глубине зелени шевельнулось нечто знакомое. По спине прошел холодок.

– Он прав, – подтвердил Роджер. – Идите. Я тебя не выдам... ради твоей жены.

Бакли задумчиво сжал губы.

– Нет, – наконец сказал он. – Вряд ли ты сможешь. В смысле, меня выдать. – Он поднял с земли влажный и грязный белый флаг. – Иди, Джонни. Присмотри за Мораг. Я приду позже.

– Бак...

– Иди! Я в безопасности.

Не сводя глаз с Роджера, Бакли с легкой усмешкой достал из кармана маленький серебристый предмет. Потрясенный Роджер узнал собственный значок с грубо выжженными на олове черными буквами «ОФ».

Подбросив значок на ладони, Бакли повернулся к чернобородому.

– У меня есть одна мысль, сэр, насчет нашего общего друга, – кивнул он на Роджера. – Вы со мной?

Чернобородый глянул на Роджера, потом на Маккензи, и под его красным опухшим носом расплзлась ухмылка. Холодок, пробежавший по спине Роджера, вдруг превратился в полноценный страх.

– Помогите! – взревел он. – Солдаты, на помощь! Помогите!

Роджер перекатился, избегая их рук, но чернобородый успел схватить его за плечи. Из-за деревьев донеслись голоса и топот ног.

– Нет уж, сэр, – произнес Уильям Бакли, а затем железной хваткой вцепился в челюсть Роджера, вынуждая открыть рот. – Я правда не думаю, что вы заговорите.

С легкой усмешкой он вновь затолкал Роджеру в глотку влажную ткань бывшего флага и крепко завязал рот изодранным шейным платком.

Когда кусты раздвинулись, он повернулся в их сторону и махнул рукой со значком, сердечно приветствуя пришедших.

Глава 67

Последствия

Сейчас половина третьего; враг полностью разбит. Армия находится в пяти милях от лагеря, однако людям желательно не терять время и незамедлительно вернуться в лагерь у Аламанса. Оттуда высланы пустые фургоны для перевозки погибших и раненых лоялистов и даже нескольких раненых мятежников, которым, несмотря на обстоятельства, тоже была оказана помощь.

Из «Журнала кампании против мятежников», У. Трион

Ружейный выстрел раздробил локоть Дэвида Уингейта. Ему не повезло: если бы пуля попала на дюйм выше, она сломала бы кость, зато травма легко бы зажила. Я сделала полукруглый надрез с внешней стороны сустава и выскребла расплюснутую пулю с осколками кости. Хрящ был сильно поврежден, а сухожилие бицепса полностью оторвано, его серебристый конец прятался в темно-красной мышечной плоти.

Я задумчиво пожевала нижнюю губу. Если ничего не сделать, рука останется безнадежно искалеченной. Если удастся прикрепить оторванное сухожилие и правильно расположить кости в суставной капсуле, бедолага, вероятно, еще сможет ей хоть как-то пользоваться.

Лагерь сейчас напоминал станцию скорой помощи – повсюду лежали тела, инструменты, окровавленные повязки. Большинство тел, слава богу, шевелились или хотя бы ругались и стонали. Один человек умер до того, как друзья донесли его до лагеря, и лежал в тени дерева, завернутый в одеяло.

Для двоих я мало что могла сделать, только держать их в тепле и надеяться на лучшее. Брианна постоянно проверяла несчастных на предмет шока и лихорадки, а в промежутках поила водой с медом тех, чьи раны были не столь тяжелы.

Вскоре после окончания битвы мне пришлось ампутировать ногу мужчине из полка Мерсера, который расположился рядом с нами, так как там не было хирурга. Снаряд оторвал несчастному стопу, и плоть свисала кровавыми лохмотьями с раздробленной кости. Я думала, что Брианна рухнет в обморок, когда отрезанная конечность упала в грязь прямо ей под ноги. Брианна тоже так думала, но каким-то чудом устояла, поддерживая пациента, который как раз лишился чувств, – спасибо Господу за его

милосердие, – пока я с сумасшедшей скоростью прижигала сосуды и перевязывала обрубок.

Джейми привел людей в лагерь, крепко меня обнял и поцеловал, а потом ушел с братьями Линдси, чтобы отвезти пленных к губернатору и по пути поспрашивать о Роджере.

Возвращение Джейми наполнило мое сердце радостью. Хотя в груди тяжестью лежал страх за Роджера, на время работы я о нем забывала. Отсутствие новостей – еще не худший вариант, однако это могло успокоить лишь на время, и я с радостью принималась за лечение раненых, лишь бы утихомирить собственное воображение.

Срочных дел пока не прибавлялось. Мужчины все еще добирались до лагеря; их с надеждой в глазах встречала Бри. Если кому-то понадобится моя помощь, Брианна меня позовет. Ладно, решила я, попробую. Терять было нечего, разве что мистер Уингейт немного больше помучается от боли. Спрошу, согласен ли он.

Уингейт был бледен как мел и покрыт потом, но держался. Он кивнул, давая мне разрешение, и я вновь протянула ему бутылку виски, которую он поднес к губам здоровой рукой, словно эликсир жизни. Я попросила одного из мужчин держать руку Уингейта во время моей работы и ловким движением сделала надрез в виде перевернутой буквы «Т» над сгибом локтя, обнажая нижний конец бицепса. Потом взяла самые длинные щипцы и стала вытаскивать тугие серебристые нити сухожилия, натягивая их как можно сильнее, чтобы затем пришить. И приступила к тонкой работе – соединению разорванных концов.

Я потеряла связь с реальностью, сосредоточившись лишь на своей задаче. Смутно помню тихое «кап... кап... кап...» у ног – то ли мой пот, то ли кровь пациента. Очень пригодилась бы помощь квалифицированной медсестры, однако приходилось рассчитывать лишь на себя. Все же у меня была хорошая хирургическая игла и тонкие нити вываренного шелка. Стежки выходили маленькими и аккуратным; черный зигзаг надежно держал скользкую блестящую плоть. Обычно для внутренних швов я использовала кетгут, который постепенно рассасывается, но сухожилия так медленно заживают, что я боялась рисковать. Шелковые нити навсегда останутся на месте; главное, чтобы это не вызвало дополнительных проблем.

Когда с самой сложной частью было покончено, время пошло снова. Дэвид мужественно выдержал испытание. Он кивнул и попытался слабо улыбнуться, когда я сказала, что дело сделано, хотя все еще стискивал зубы, а его щеки были мокрыми от слез. Только закричал, когда я промыла

рану разбавленным спиртом, – они всегда кричат, бедняги, – а потом ссутулился, дрожа, пока я перевязывала рану.

Я наконец обратила внимание на окружающий мир. У меня за спиной двое как раз обсуждали сражение и нахваливали губернатора Триона.

– Ты видел, видел? – нетерпеливо спрашивал один. – Он правда сделал так, как говорят?

– Пусть меня выпотрошат и зажарят на завтрак, если это не так, – напыщенно отвечал другой. – Своими глазами видел! Он проехал в ста ярдах от этих свиней и приказал им сдаться. Они с минуты не могли ответить, просто переглядывались, будто искали того, кто все-таки заговорит с губернатором. Потом кто-то выкрикнул, мол, нет, черт возьми, никогда они не сдадутся. Ну и губернатор, мрачнее тучи, поднял клинок и махнул им вниз с криком «Огонь!».

– И вы открыли огонь?

– Ничего мы не открыли, – вставил третий голос довольно сухим тоном. – Получить сорок шиллингов за вступление в войска – это одно, а хладнокровно стрелять по знакомым – совсем другое. Кого, по-вашему, я увидел на той стороне? Кузена моей жены, который нагло мне ухмылялся! Не что чтобы этого плута любили в семье, но как я вернусь домой и скажу Салли, что понаделал в ее кузене Милларде дыр?

– Лучше так, чем ждать ту же услугу от кузена Милларда, – со смехом отозвался первый голос.

– Верно. Однако мы не стали этого дожидаться. Губернатор весь побагровел, когда его люди замешкались, встал на стремянах, замахнулся клинком и заорал: «Стреляйте, черт вас побери! Стреляйте в них или в меня!»

Рассказчик пылко изобразил эту сцену, и слушатели восхищенно забормотали.

– Вот это солдат! – восхитился кто-то, чем вызвал одобрение остальных.

– И тогда мы начали стрелять, – продолжил рассказчик. – Все закончилось довольно быстро. А кузен Миллард, как выяснилось, весьма шустрый, успел удрать, гад.

Вновь раздался смех, и я улыбнулась, поглаживая Дэвида по плечу. Он тоже прислушивался к беседе, с радостью отвлекаясь от боли.

– Верно, сэр, – согласился еще один человек. – Думаю, на этот раз Трион настроен на полную победу. Слышал, он намерен повесить главарей регуляторов прямо на поле.

– Он что?! – мгновенно развернулась я с повязкой в руке.

– Да, мэм, – отозвался мужчина, неловко коснувшись края шляпы. – Мне об этом сказал человек из отряда Лиллингтона.

– Жаль, если повесят квакера, – печально заметил еще один. – Старик Хазбенд – настоящий ужас в печати, но он не злодей. Как и Джеймс Хантер, и Ниниан Гамильтон.

– Может, Трион повесит кузена Милларда, – пошутил третий, пихнув соседа локтем. – Тогда ты от него избавишься, а жена будет винить губернатора!

Вновь раздался смех, но уже не такой веселый.

Война – это всегда плохо, даже если она неизбежна. А хладнокровная месть победителя выходила за все рамки. Однако, с точки зрения Триона, она необходима. Битва прошла, причем и быстро, и малокровно. Под моей опекой находилось всего двадцать раненых. Лишь один погиб. Судя по разговорам, это было бегство, а не резня, солдаты не очень-то горели желанием убивать соотечественников. Значит, большинство регуляторов уцелели. Наверняка губернатор чувствовал, что для закрепления победы необходим решительный жест, чтобы запугать выживших и раз и навсегда затоптать тлеющий огонек опасного восстания.

Раздались звуки возни, затем топот конских копыт. Я подняла взгляд. Бри тоже вскинула голову, и мы увидели Джейми и Мердо Линдси на одной лошади. Они оба спешили и, попросив Мердо позаботиться о Гидеоне, Джейми тут же подошел ко мне.

По его встревоженному виду я поняла, что о Роджере он ничего не узнал. Джейми глянул на мое лицо и прочел в нем ответ на свой вопрос. Его плечи на миг поникли.

– Поищу на поле боя, – тихо сказал он. – Я уже передал другим отрядам. Если его найдут, нам тут же сообщат.

– Я с тобой. – Брианна уже успела стянуть грязный передник.

Джейми внимательно на нее посмотрел и кивнул:

– Хорошо, девочка, конечно. Только погоди немного, я позову маленького Джоша в помощь твоей матушке.

– Тогда я... я приготовлю лошадей.

Брианна выронила бутылку с водой и сумела ее поднять лишь после нескольких неуклюжих попыток.

– С ним все будет хорошо, – произнесла она. – Мы его найдем.

– Да, – подтвердила я, сжав ее руку. – Я знаю, что найдете.

Я наблюдала, как Брианна спешит через поляну, приподняв юбки, и чувствовала, как где-то в животе тяжелым комом оседает страх.

Глава 68

Казнь

Роджер медленно пришел в себя. Все болело, страшно хотелось пить. Он понятия не имел, ни где находится, ни как сюда попал. Вокруг раздавались голоса; за пределами его понимания что-то говорили, а скорее, кричали, как гарпии. В какой-то момент Роджеру показалось, что голоса звучат в его голове. Он даже видел их в виде маленьких коричневых существ с кожаными крыльями и острыми зубами. Хорошо бы кто-нибудь раскрыл его череп, выпустил голоса, чтобы осталась лишь ослепительно-белая, пустая кость.

Роджер сам не понял, как открыл глаза, и какое-то время оцепенело смотрел вперед, думая, что эта картина – продолжение его видений. Перед ним толпились люди, разношерстное море цветов – синего, красного, желтого с пятнами зеленого и коричневого...

Все виделось фрагментами – вот отдаленное скопление голов, висящих в воздухе, словно волосатые воздушные шары; вот рука с алым знаменем, отделенная от тела. Несколько пар ног, совсем рядом... Он сидит на земле? Да. Мимо уха с жужжанием пролетела муха и села на верхнюю губу. Роджер машинально дернулся и только тогда понял, что он действительно в сознании. И до сих пор связан.

Кисти онемели и утратили чувствительность, зато боль терзала напряженные мышцы рук и плеч. Роджер потряс головой, пытаясь рассеять туман, и тут же об этом пожалел. От ослепительной вспышки боли на глазах выступили слезы.

Он зажмурился и глубоко вздохнул, заставляя себя ухватиться хоть за клочок реальности. Сосредоточься. Держись. Пронзительные голоса стихли, оставив звон в ушах, однако разговоры продолжались. Роджер улавливал отдельные слова и прокручивал их в голове, пытаясь понять.

- Пример.
- Губернатор.
- Веревка.
- Моча.
- Регуляторы.
- Тушеное мясо.
- Нога.
- Вешать.

– Хиллсборо.

– Вода.

Последнее слово имело смысл. Роджер знал, что такое вода. Он ее хотел, жаждал. В горле пересохло, а в рот будто запихали... да, там что-то есть.

– Губернатор.

Кто-то совсем рядом повторил это слово. Роджер поднял взгляд и с трудом сосредоточил его на лице – худом, смуглом и мрачном.

– Уверен?

– Да, сэр, – ответил другой голос, и Роджер разглядел второе лицо, знакомое, обрамленное густой черной бородой. – Видел его в лагере Эрмона Хазбенда, с которым он как раз и трепался. Спросите других пленников, сэр, они подтвердят.

Первое лицо кивнуло, а потом повернулось в сторону и вверх, обращаясь к кому-то высокому. Роджер поднял взгляд и резко дернулся, приглушенно вскрикнув: на него смотрели холодные зеленые глаза.

– Это Джеймс Маккуистон, – произнес зеленоглазый. – Из Хаджинс-Ферри.

– Вы видели его в битве?

Теперь Роджер хорошо рассмотрел первого человека – мужчину сорока лет в военной форме. И еще кое-что показалось знакомым... Джеймс Маккуистон...

– Он убил человека из моего отряда, – гневно сказал зеленоглазый. – Хладнокровно застрелил, когда тот лежал на земле, раненный.

Губернатор... это, должно быть, губернатор... Трион! Вот его имя!

Губернатор хмуρο кивал.

– Возьмите и его, – произнес он и отвернулся. – Трех пока достаточно.

Роджера вздернули на ноги и потащили вперед. Он потерял равновесие, однако не упал – его с двух сторон поддерживали мужчины в форме. Он попытался вырваться и найти зеленоглазого – черт возьми, как же его зовут? – но его грубо развернули и повели к возвышенности, где рос огромный дуб.

Холм окружало море людей, однако они тут же расступались, пропуская Роджера и его конвоиров. Маккуистон. Имя вдруг вновь возникло в сознании. Джеймс Маккуистон. Один из второстепенных вдохновителей движения регуляторов, подстрекатель из Хаджинс-Ферри.

Почему, черт побери, этот зеленоглазый... Бакли! Облегчение от того, что он наконец-то вспомнил имя, мгновенно сменилось потрясением, когда Роджер понял, зачем Бакли назвал его Маккуистоном. Почему...

Сформулировать вопрос он не успел. Первые ряды раздвинулись, и он увидел под деревом лошадей. С ветвей, над пустыми седлами, болтались петли.

* * *

Лошадей держали под уздцы, пока пленников сажали верхом. По щеке мазнули листья, в волосах запутались веточки, и Роджер машинально пригнулся, чтобы не повредить глаза.

Он вдруг различил в толпе женщину с ребенком на руках – эдакую маленькую Мадонну в коричневом, и резко выпрямился. В груди полыхнуло огнем от воспоминания о Бри с Джемми. Роджер бросился вбок и стал падать, однако его водрузили на место, отвесив крепкую затрещину. Он затряс головой и сквозь пелену выступивших слез увидел, как Мадонна передала свою ношу кому-то в руки, а затем, подхватив юбки, понеслась вперед, словно за ней гнался сам дьявол.

Что-то упало на грудь, тяжелое и скользкое, как змея. Шеи коснулась колючая пенька, затянувшись сильнее, и Роджер закричал сквозь кляп.

Он боролся, не думая о последствиях, ведомый отчаянным стремлением выжить. Несмотря на кровоточащие запястья, сведенные мышцы, возмущенно взбрыкнувшую лошадь, чьи бока он слишком сильно сжал ногами, он бился в путах с такой силой, которую никогда в себе не ощущал.

Заплакал ребенок, потерявший мать. Толпа успела стихнуть, и крики малыша разносились по всей поляне. Смуглый солдат сидел на коне, подняв руку с клинком, и что-то говорил, но Роджер ничего не слышал из-за грохота собственной крови в ушах.

Кости запястий хрустнули, и по одной из рук прокатился жар – порвалась мышца. Клинок понесся вниз, вспыхнув на солнце. Ягодицы Роджера соскользнули с крупа лошади, ноги беспомощно обвисли. Мучительный толчок...

Он болтался, дергая ногами, пиная воздух, и слышал отдаленный гул толпы. В груди горело, спина выгнулась, а перед глазами стояла темнота, лишь в уголках глаз иногда вспыхивали молнии. Он хотел обратиться к Богу, но в душе не нашлось мольбы о спасении, лишь крик «Нет!» отдавался эхом в костях.

А затем упрямое желание жить его оставило, и тело обвисло, стремясь вернуться в землю. С дуновением прохладного ветерка Роджер ощутил

тепло стекающих по ногам испражнений. В глазах вспыхнул яркий свет, и последним, что Роджер услышал, был далекий плач осиротевшего ребенка.

Глава 69

Жуткое положение

Джейми и Бри уже были готовы ехать. Очень многие, несмотря на усталость, предложили помочь с поисками, от чего Брианна закусила губу. Я знала, что она искренне им благодарна, но на подготовку большой группы требовалось время. От нетерпения на коже Брианны выступили алые пятна.

«Маленький Джош» слегка побаивался новой должности помощника хирурга, но, в конце концов, конюх привык лечить лошадей. Единственная разница в том, пояснила я, заставив его рассмеяться, что люди могут рассказать, где болит.

Я мыла руки, готовясь зашить разбитую голову очередного пациента, когда с края поляны донесся непривычный шум. Джейми тоже его расслышал и, повернувшись, поспешил в ту сторону.

– Что там? – спросила я.

К нам бежала молодая женщина. Она была маленькой и сильно хромала, потеряв по дороге ботинок, но из последних сил упрямо двигалась вперед. Мердо Линдси, поддерживавший ее с одной стороны, что-то ей говорил, пытаясь успокоить.

– Фрейзер! – выдохнула она. – Фрейзер!

Женщина протолкнулась сквозь толпу собравшихся мужчин, отчаянно вглядываясь в их лица. Ее каштановые волосы спутались, из них торчали листья; кожа была покрыта свежими царапинами.

– Джеймс... Фрейзер... я должна... Это вы?

Джейми шагнул вперед и схватил ее за руку.

– Я Джейми Фрейзер. Меня ищешь?

Женщина кивнула, не в силах отдышаться. Я поспешно плеснула воды в стакан и протянула ей, но она яростно замотала головой, тыча рукой в сторону реки.

– Род... жер... – вымучила она, словно выброшенная на берег рыба. – Роджер... Маккен... зи.

Еще прежде, чем она успела выговорить последний слог, Брианна была рядом.

– Где он? Ранен? – схватила она женщину за руку, одновременно добиваясь ответа и поддерживая.

Голова женщины безвольно мотнулась из стороны в сторону, и она

выдохнула:

– Вешают... они... они его... вешают! Губернатор!

Брианна бросилась к лошадям. Джейми, с той же ловкостью и сосредоточенностью, как перед боем, уже отвязывал поводья. Он без слов опустил, подставляя сложенные руки, и Брианна взмыла в седло, сразу посылая лошадь в галоп. Гидеон с Джейми нагнал ее кобылу в считанные мгновения, и оба всадника исчезли за завесой из ивовых ветвей.

Я что-то пробормотала себе под нос – то ли ругательство, то ли молитву. Потом сунула иглу с нитью Джошу и, схватив мешочек с инструментами, побежала к своей лошади. Женщина с каштановыми волосами упала на траву, от напряжения ее вырвало.

Догнала я их быстро. Мы не знали, где именно Трион устроил суд, и теряли драгоценное время, когда Джейми приходилось останавливаться и выяснять дорогу. Ответы зачастую мы получали путанные и противоречащие друг другу. Бри замкнулась в себе и только подрагивала, как стрела на тетиве.

Я пыталась подготовиться к любому повороту событий, включая наихудший. Я понятия не имела, как вершит суд Трион, сколько времени пройдет между обвинением и самой казнью. Впрочем, я знала Триона достаточно давно, чтобы понять: он предпочитает действовать вдумчиво, но решительно.

А что касалось причин... Воображение меня подводило. Оставалось лишь надеяться, что та женщина ошиблась, перепутала кого-то с Роджером. Хотя чувствовала: это не так. Брианна тоже – она гнала лошадь через болотистую местность так отчаянно, что была готова спрыгнуть с седла и тянуть животное за собой.

День близился к концу, и вокруг нас вились тучки мошек, но Джейми даже не пытался их отогнать. Его плечи окаменели, готовые принять на себя груз знания. Это, как и мой страх, говорило мне, что Роджер, скорее всего, мертв.

Мысль билась в голове, как маленький и острый молоток. До сих пор чувство потери охватывало меня лишь на краткие мгновения, когда я смотрела на бледное лицо Брианны, думала о том, что маленький Джемми осиротеет, словно наяву слышала глубокий голос Роджера, смеющийся и поющий. Я даже не пыталась избавиться от назойливых мыслей; я знала, что не сломаюсь, пока не увижу тело.

И даже тогда я сдержу все внутри, ведь я буду нужна Брианне. Джейми поддержит ее, как скала, сделает все, что надо... а потом я буду нужна и

ему. Никто не избавит его от вины, но я, по крайней мере, смогу стать для него исповедником. А моя скорбь подождет достаточно долго.

Заросли расступились, открывая широкий луг, и Джейми выслав Гидеона в галоп. Остальные лошади понеслись следом. Наши тени летели по траве, словно летучие мыши, а стук копыт терялся в гомоне собравшейся толпы.

На возвышении в дальнем конце луга рос огромный белый дуб. Листва ярко зеленела в лучах солнца. Мы проскочили мимо группы мужчин, и я увидела три свисающих с ветки фигуры. Молоток ударил в последний раз, и мое сердце треснуло, как лед.

Слишком поздно.

* * *

Казнь была неумелой. Трион не смог найти человека, который выполнил бы отвратительную работу палача на должном уровне. Трех приговоренных усадили на лошадей, накинули на шеи несчастным веревки, перекинутые через ветви дерева, а затем, по сигналу, отогнали лошадей, и мужчины остались болтаться в петлях.

Лишь одному из них повезло умереть от перелома шеи. Его голова висела под неестественным углом, члены обмякли. Это был не Роджер.

Остальные умирали медленно. Тела скорчились, застыв в последнем мгновении отчаянной борьбы за жизнь. Один человек... одно тело сняли, когда я подъехала поближе, и его унес прочь брат несчастного. Их лица почти не отличались: искаженные, потемневшие, каждое от своей муки. Для повешения использовали первую попавшуюся веревку, новую и нерастянутую. Ноги Роджера почти касались земли; он был выше остальных. Он сумел освободить из пут руки, однако пальцы почти почернели из-за недостатка кровообращения. Я не сразу подняла взгляд на его лицо, поэтому смотрела на Брианну, бледную и неподвижную. Джейми замер точно так же, но если глаза Брианны были пусты от потрясения, его глаза горели, как темные провалы в черепе. Затем он что-то тихо сказал по-гэльски, перекрестившись, и вытащил кинжал.

– Я его подержу. Перережь веревку, девочка.

Джейми протянул клинок Брианне, не глядя на нее, и приподнял тело Роджера, чтобы ослабить натяжение веревки.

Роджер застонал. Джейми оцепенел, держа его под грудной клеткой, и уставился на меня круглыми от изумления глазами. Звук был очень тихим,

и только реакция Джейми убедила меня, что я его действительно расслышала. Как и Брианна. Она подскочила к веревке и принялась пилить ее с молчаливым остервенением.

Я бросилась вперед и успела обхватить голову Роджера ладонями, пока Джейми укладывал его на землю. Он был холодным, но твердым. Конечно, если он жив, то все верно, однако я готовилась дотронуться до вялой мертвой плоти, и ощущение, что под моими руками еще теплится жизнь, потрясло.

– Доску, – выдохнула я, словно кто-то ударил меня в живот. – Брус, дверь, что угодно... Его надо положить. Нельзя двигать голову.

С трудом сглотнув, Джейми кивнул и отошел, сперва скованно, затем все ускоряя и ускоряя шаг, мимо скорбящих родственников и зевак, чьи любопытные взгляды обратились в нашу сторону.

Брианна до сих пор сжимала кинжал. Я мельком увидела ее лицо – все такое же бледное и омертвевшее, но теперь в глазах горел темный огонь, готовый сжечь любого, кто окажется слишком близко.

У меня не было времени на споры с остальными, да и вообще на что угодно. Роджер почти не дышал; грудь не вздымалась, губы и ноздри не шевелились. Я тщетно пыталась нащупать пульс на запястье – искать его на опухшей шее было бесполезно – и наконец обнаружила, как он едва заметно бьется чуть ниже грудной клетки.

Петля глубоко врезалась в плоть. Я лихорадочно нащарила в кармане перочинный нож. Веревка действительно была новой, из шершавой пеньки, на которой запеклась кровь. Я отметила этот факт отстраненно, словно отдельной частью сознания, пока руки занимались делом. Новые веревки нужно растягивать; у профессионального палача всегда есть собственные, уже растянутые и промасленные. Пенька больно колола пальцы, а я упрямо резала ее и разрывала ногтями.

Последнее волокно лопнуло. Запрокидывать голову нельзя – если шейные позвонки повреждены, это покалечит или убьет Роджера. Я схватила его за челюсть и попыталась очистить рот от слизи и других преград. Бесполезно – мешал распухший язык. Впрочем, воздуху нужно куда меньше места, чем пальцам. Я плотно зажала Роджеру нос, пару раз глубоко вдохнула, а потом прижалась губами к его рту и начала дуть.

Если бы я посмотрела на его лицо, то сразу бы поняла, что он жив. Да, он был без сознания, а веки и губы посинели, но само лицо еще не почернело от скопившейся крови, и глаза были закрыты, а не выпучены. Кишечник опорожнился, однако спинной мозг не был сломан, и Роджер не задохнулся – пока.

Хотя уже был к этому близок. Я снова попыталась вдуть воздух, удерживая руку на его груди. Ничего. Выдох. Никакого движения. Выдох. Уже что-то, но недостаточно. Выдох. Воздух вытекал наружу из уголков моего рта. Выдох. Как будто я пыталась надуть камень, а не воздушный шар. Еще выдох.

Над головой раздались смутные голоса. Что-то кричала Брианна. Рядом возник Джейми.

– Вот доска, – спокойно сказал он. – Что нам делать?

Я вытерла губы.

– Возьми его за бедра, Бри – за плечи. Поднимайте по сигналу, не раньше.

Они быстро перенесли Роджера, пока я поддерживала его голову, словно Святой Грааль. Вокруг нас толпились люди, но мне было некогда смотреть на них или прислушиваться к разговорам. Сорвав с себя нижнюю юбку, я зафиксировала ей шею Роджера. Когда мы его подняли, я не расслышала ни треска, ни хруста, однако во всем остальном мне приходилось положиться на удачу. Что помогло – его упрямство или просто чудо, но Роджер был жив. При этом он почти час был подвешен за шею, и опухоль в горле грозила совсем скоро довершить то, что не сумела веревка.

Я не знала, сколько времени у меня в запасе, однако процесс неизбежно двигался к завершению, и можно было сделать лишь одно. Сквозь массу раздутой плоти проникали считанные молекулы воздуха, и опухоль норовила перекрыть доступ совсем. Если воздух не может проникать через нос или рот, необходимо проделать еще одно отверстие.

Я повернулась в поисках Джейми, но рядом со мной присела Брианна. Шум сзади давал понять, что Джейми разбирается со зрителями.

Коникотомия?.. Быстрая и не требующая особых умений, однако надрез будет сложно держать открытым. И, возможно, все равно будет недостаточно. Моя ладонь лежала на груди Роджера, и под пальцами билось сердце, мягко, но достаточно сильно... Можно попробовать.

– Так, – обратилась я к Брианне, надеясь, что мой голос звучит спокойно. – Мне нужна помощь.

– Хорошо, – ровно ответила Бри. – Что делать?

По сути, ничего сложного: держать голову Роджера откинутой назад и неподвижной, пока я разрезаю его горло. Конечно, такое натяжение может порвать спинной мозг, если уже есть повреждения, или необратимо его защемить. Однако Брианна не должна беспокоиться – или вообще знать – о подобном.

Она встала на колени у головы Роджера и сделала, как я ей сказала.

Средостение его трахеи выпятилось, обтянутое фасцией и кожей. Вот оно, прямо между двумя большими кровеносными сосудами. При малейшей ошибке можно перерезать сонную артерию или внутреннюю яремную вену, и Роджер истечет кровью прямо у меня на руках.

Я вытащила из кармана маленькую бутылочку спирта, чуть не выронив в процессе, плеснула ее содержимое на пальцы, а потом протерла скальпель и кожу Роджера. Меня вновь охватил хирургический транс, и руки стали действовать увереннее.

Прикрыв глаза, я прижала пальцы к шее Роджера и ощутила легкое биение артерии, а затем нащупала щитовидную железу. Шевельнула ее, сдвигая вверх – есть, получилось. Помассировав перемычку железы, убрала ее с пути, а другой рукой приставила лезвие к четвертому трахеальному хрящу.

Этот хрящ имел форму подковы, а за ним скрывался мягкий и уязвимый пищевод, поэтому нельзя погружать скальпель слишком глубоко. Кожа и фасция разошлись, раздался легкий хлопок – лезвие проникло внутрь. Послышалось громкое бульканье и влажный свист воздуха, проходящего через кровь. Грудь Роджера приподнялась, и только тогда я поняла, что мои глаза до сих пор закрыты.

Глава 70

Все хорошо

Вокруг сгустилась теплая темнота. Он почувствовал слабое шевеление за ее пределами, болезненное, назойливое присутствие – и вновь скрылся в безопасной тьме. Однако она уже начинала таять, медленно обнажая его перед лицом безжалостного света.

Он открыл глаза, попытался понять, на что смотрит. Голова пульсировала, множество мелких точек по всему телу взрывались болью. Его словно пронзали иглы, какими прищипливают бабочку к доске. И если он сможет их выдернуть, то удастся улететь...

Он вновь закрыл глаза, ища спасения в уютной темноте. Вернулось смутное воспоминание о страшных усилиях, когда легкие разрывались без воздуха. Еще была вода, заполнившая нос, вздувающая одежду... Он тонул? Мысль вызвала легкую вспышку тревоги. Говорят, что это легкая смерть, что ты как будто засыпаешь. Может, он тонет, проваливается в коварную и окончательную свободу, которая видится ему притягательной тьмой?

Он дернулся, взмахивая руками, в попытке развернуться и достичь поверхности. Грудь взорвалась болью, в горле начало жечь. Откашляться не получилось, воздуха не было...

Над ним возникло лицо – размытое светлое пятно со вспышкой рыжих волос. Брианна? Имя всплыло в сознании, словно яркий воздушный шар. Затем глаза немного сфокусировались, и он разглядел более грубые, суровые черты. Джейми. Имя зависло перед мысленным взором, странно обнадеживая.

Давление, тепло... одна ладонь сжимала его руку, другая с силой упиралась в плечо. Он моргнул, и зрение постепенно прояснилось. Воздух не проходил ни через нос, ни через рот, горло было сжато, а в груди пекло, но он дышал. Значит, не утонул.

– Ты жив, – сказал Джейми. Синие глаза оказались так близко, что лицо обдало теплым дыханием. – Ты жив. Ты цел. Все хорошо.

Он отстраненно исследовал эти слова, взвешивая их, словно тяжелую горстку камешков в мысленной руке.

Ты жив. Ты цел. Все хорошо.

Нахлынул странный покой. Все важное он узнал, остальное потом. Долгожданная темнота вновь окутала его теплотой, и он благодарно в нее

погрузился, все еще слыша слова, звучащие перебором струн арфы.
Ты жив. Ты цел. Все хорошо.

Глава 71

Слабая искорка

– Миссис Клэр?

У входа в палатку топтался Робин Макгилливрей. Его темные жесткие волосы торчали, словно ершик, а сам он был похож на измученного енота, так как успел очистить от сажи лишь кожу вокруг глаз.

Клэр тут же поднялась и схватила инструменты.

– Иду.

Она оказалась у двери прежде, чем Брианна успела что-то сказать.

– Мама!

Паника, прозвучавшая в хриплом шепоте, заставила Клэр развернуться. Взгляд янтарных глаз метнулся от лица Брианны к Роджеру, затем обратно.

– Следи за его дыханием, – произнесла Клэр. – Держи мундштук чистым. Дай ему воды с медом, если он очнется и будет в состоянии глотать. И касайся его. Он не может повернуть голову, но ему нужно знать, что ты рядом.

– Мама... – Брианна умолкла, пересохший рот отказывался слушаться. «Не уходи! – хотелось ей закричать. – Не оставляй меня одну! Я не могу, я не знаю, что делать!»

– Я нужна им, – мягко отозвалась Клэр.

Она шагнула к нетерпеливо ожидающему Робину и растворилась в сумерках.

– А мне нет? – шевельнулись губы Брианны. Сумела ли она произнести это вслух? Неважно. Клэр ушла; она осталась одна.

Голова закружилась. Брианна вдруг поняла, что задерживает дыхание, и медленно вздохнула. Страх ядовитой змеей обвил спину, проскользнул среди мыслей, готовый вонзить клыки в сердце. Схватив извивающуюся тварь за голову, Брианна швырнула ее в корзину и захлопнула крышку. Хватит паники.

Мать не ушла бы, если бы Роджер оставался в опасности, если бы надо было срочно оказать ему медицинскую помощь. Значит, все хорошо. Брианна вновь вздохнула так глубоко, что скрипнули кости корсета.

«Касайся его. Говори с ним. Дай ему знать, что ты рядом», – говорила Клэр, смывая кровь после импровизированной трахеотомии.

Брианна повернулась к Роджеру, тщетно пытаясь найти место,

прикосновение к которому не причинит ему боль. Его багровые руки распухли, как надутые перчатки, сломанные пальцы почернели. Веревка так глубоко впивалась в запястья, что иногда Брианна с содроганием думала, будто видит в рубцах белесую кость. Все это казалось ненастоящим, словно плохой грим для фильма ужасов.

Однако руки Роджера выглядели куда лучше, чем лицо. Разбитое и опухшее, с жутким рядом пиявок под подбородком, искаженное до неузнаваемости, будто это был зловещий незнакомец, лишь притворявшийся Роджером.

На руках тоже красовались пиявки – наверное, все, которых только смогли достать. Клэр отправила Джоша к другим хирургам с просьбой поделиться запасами, а потом послала его и двух ребят Финдли на берега реки срочно искать еще.

Следи за его дыханием. Это Брианна могла. Она села, двигаясь тихо из-за странной боязни разбудить Роджера, и легонько приложила ладонь к его груди. Облегчение от того, что он теплый, заставило ее вздохнуть. Роджер вздрогнул, ощутив дыхание Брианны на лице, а затем вновь расслабился.

Его собственное дыхание было настолько поверхностным, что Брианна убрала руку, опасаясь, что ее вес не позволит груди вновь подняться. И все же она слышала, как в мундштуке слабо посвистывает воздух. Клэр реквизировала привезенную из Англии трубку мистера Касвелла и безжалостно отломала от нее янтарный мундштук. Его торопливо прополоскали в спирте, и, несмотря на оставшиеся табачные пятна, он хорошо справлялся с новым предназначением.

Два пальца правой руки Роджера были сломаны. Все ногти были сломаны или полностью выдраны. У Брианны самой перехватило дыхание от мысли о том, как яростно он боролся за жизнь. Его состояние казалось ей таким хрупким, что она боялась его коснуться, словно могла случайно столкнуть за невидимую границу между жизнью и смертью. И все же Брианна понимала, о чем говорила мать. Прикосновение могло удержать Роджера, не позволить шагнуть за край и потеряться во тьме.

Брианна сжала его бедро под одеялом, накрывающим нижнюю половину тела. Он издал тихий звук. Брианне пришла абсурдная мысль коснуться его гениталий.

– Уж это точно дало бы ему понять, что я здесь, – пробормотала она, проглотив желание истерически рассмеяться.

Нога Роджера слегка дрогнула.

– Ты меня слышишь? – тихо спросила Брианна, наклоняясь. – Роджер, я здесь. Это я... Бри. Не волнуйся, ты не один.

Собственный голос казался ей странным – слишком громким, слишком грубым.

– *Bi socair, mo chidhe*, – прошептала она. – *Bi samnach, tha mi seo*^[4].

Произносить слова на гэльском было проще; этот язык стал тонкой дамбой, что сдерживала наплыв чувств, в которых Брианна утонула бы. Любовь, страх, злость – все сплелось так сильно, что у нее дрожали руки.

Брианна вдруг осознала, что ее грудь набухла и болит. За последние несколько часов у нее совершенно не было времени, чтобы даже вспомнить о кормлении ребенка. Соски покалывало, и Брианна сжала зубы, чувствуя, как тонкая струйка молока, перемешанная с потом, намочила ткань корсета. Ей внезапно захотелось прижать Роджера к груди, позволить жизни перетечь из нее в него.

Касайся его. Она все время забывала. Брианна погладила его руку, мягко сжала предплечье. Роджер почувствовал ее пальцы – он приоткрыл глаз, в глубине которого мелькнуло понимание.

– Ты похож на мужскую версию Медузы Горгоны, – выдала Брианна первое, что пришло на ум.

Темная бровь слегка дернулась.

– Из-за пиявок. – Брианна коснулась темного существа. Оно сыто шевельнулось. – У тебя как будто борода из змей. Ты их чувствуешь? От них не больно? – спросила она, не сразу вспомнив слова матери.

Роджер с видимым усилием произнес беззвучное «нет» одними губами.

– Не говори ничего!

Брианна смущенно оглянулась на вторую постель – лежащий на ней человек молчал, закрыв глаза. Затем она быстро поцеловала Роджера, едва дотронувшись до его губ. Они дернулись, словно в попытке улыбнуться.

Ее хотелось на него накричать. Что случилось? Что, черт возьми, ты натворил?! Но Роджер не мог ответить. Брианну вдруг охватила ярость, однако она помнила о людях неподалеку, поэтому лишь сжала его плечо – одно из относительно не пострадавших мест – и прошипела: «Как ты, бога ради, в это вляпался?!» ему на ухо.

Роджер поднял взгляд на ее лицо и скорчил непонятную гримасу. Плечо под ладонью Брианны начало подрагивать. Она пораженно на него уставилась... и вдруг осознала: он смеется. Смеется!

Мундштук в его шее дернулся и издал хрипящий звук, что окончательно вывело Брианну из себя. Она встала, сжимая ноющую грудь руками.

– Я скоро вернусь, – бросила Брианна. – И только попробуй куда-

нибудь деться, черт тебя дери!

Глава 72

Трут и угли

Джеральд Форбс был успешным адвокатом; даже одетый в походную форму и перепачканный пороховой сажой, он излучал твердую уверенность, что очень помогало ему, как капитану. И сейчас уверенность его не покинула, хоть он и чувствовал себя не в своей тарелке, комкая поля шляпы на входе в палатку.

Сперва я решила, что ему просто не по себе от вида раненых, как часто бывает с людьми. Или он испытывает неловкость от осознания обстоятельств, при которых Роджер оказался травмирован. Но, очевидно, дело было в чем-то другом; Форбс едва кивнул Брианне, сидящей у постели Роджера.

– Искренне сочувствую, мэм, – произнес он и сразу же повернулся к Джейми: – Мистер Фрейзер, могу я попросить вас на пару слов? И вас, миссис Фрейзер, – добавил он, отвесив мне поклон.

Я глянула на Джейми и поднялась, машинально хватая медицинский набор.

Исайя Мортон лежал на боку в палатке Форбса, с мертвенно-бледным и блестящим от пота лицом. Он еще дышал – редко и с ужасающим бульканьем, которое неприятно напомнило мне звук, вырвавшийся из проткнутого горла Роджера. К счастью, Мортон был без сознания. Я быстро его осмотрела и присела на пятки, вытирая лицо подолом передника. К вечеру не особо похолодало, а в палатке было тесно и жарко.

– Пуля пробила легкое, – сказала я.

– Выстрел в спину, – мрачно произнес Джейми.

Он глянул на Форбса, который не сводил глаз с раненого.

– Нет, – тихо произнес он в ответ на невысказанный вопрос. – Он не трус. Мы наступали, сзади никого не было.

– Никаких регуляторов? Метких стрелков, засады? – спрашивал Джейми, но Форбс начинал качать головой прежде, чем Джейми успевал договорить.

– Мы гнали регуляторов до самой реки. Потом остановились и дали им уйти. – Форбс до сих пор машинально теребил шляпу. – Я не хотел никого убивать.

Джейми молча кивнул. Я откашлялась и аккуратно поправила рваную рубашку Мортонна.

– Стреляли дважды.

Вторая пуля только зацепила предплечье, но я четко видела направление царапины.

Джейми ненадолго прикрыл глаза.

– Брауны, – бросил он с мрачной уверенностью.

– Брауны? – удивился Форбс. – Он тоже так сказал.

– Он говорил? – Джейми опустился на корточки рядом с раненым и хмуро свел рыжие брови, а потом глянул на меня. Я покачала головой, держа запястье Исая Мортон. Пульс был мерцающим, слабым. Вряд ли Мортон снова заговорит.

– Когда его принесли, – Форбс присел рядом с Джейми и наконец выпустил несчастную шляпу из рук, – он звал вас, Фрейзер. А потом произнес: «Скажите Элли. Скажите Элли Браун». Повторил несколько раз, а потом... – Форбс молча махнул на Мортон, из-под полуприкрытых век которого виднелись белки закатившихся в муке глаз.

Джейми очень тихо и очень грязно выругался по-гэльски.

– Ты правда думаешь, что это они? – вполголоса спросила я. Пульс под моим большим пальцем дрогнул, сбиваясь.

Джейми кивнул.

– Зря я их отпустил, – проговорил он, имея в виду Мортон и Алисию Браун.

– Ты не мог их остановить. – Я протянула к нему свободную руку, но не дотянулась, привязанная к пульсу раненого.

Джеральд Форбс смотрел на меня в замешательстве.

– Мистер Мортон... тайно сбежал с дочерью человека по имени Браун, – тактично объяснила я. – Ее семье это не понравилось.

– Ясно. Брауны... Фрейзер, вы знаете, под чьим они командованием?

– Под моим, – коротко ответил Джейми. – Были, по крайней мере. Не видел их после битвы. Ты совсем ничего не можешь для него сделать, саксоночка?

Я качнула головой, не выпуская запястья Мортон.

– Нет. Думала, что он уже умер, но пока нет. Пуля, скорее всего, не задела крупные сосуды. И все же... – Я снова качнула головой.

Джейми глубоко вздохнул.

– Понятно. Ты останешься с ним, пока он не...

– Конечно. Возвращайся в палатку, проверь, как там дела. Если Роджер... В общем, позови меня, если понадобится.

Джейми кивнул и ушел. Джеральд Форбс осторожно коснулся плеча Мортон.

– Его жена... Я прослежу, чтобы ей помогли. Если он вдруг очнется, передадите ему мои слова?

– Конечно, – повторила я, но сомнение в моем голосе заставило его вскинуть брови. – Дело в том, что... э-э... у него две жены. Он уже был женат, когда сбежал с Алисией Браун. Отсюда и сложности с ее семьей.

На лице Форбса отразилось комичное удивление.

– Ясно. А-а... первая миссис Мортон... вы знаете ее имя?

– Нет, боюсь...

– Джесси.

Слово, сказанное едва ли не шепотом, прозвучало как выстрел и заставило нас умолкнуть.

– Что?!

Наверное, я слишком сильно сжала его запястье. Мортон поморщился, и я ослабила хватку. Его лицо по-прежнему оставалось мертвенно-бледным, но глаза были открыты, затуманенные от боли.

– Джесси... – снова шепнул он. – Дজেза... бель... Джесси Хэтфилд. Воды...

– Во... точно!

Я тут же потянулась за кувшином. Мортон мог бы выпить его целиком, но я пока позволила ему сделать лишь несколько маленьких глотков.

– Дজেзабель Хэтфилд и Алисия Браун, – четко повторил Форбс, явно заноса их в мысленную картотеку своего адвокатского ума. – Верно? А где эти женщины живут?

Мортон вздохнул и закашлялся, мучаясь от боли.

– Джесси... в Гранит-фолс, Элли... в Гринсборо.

Дыхание было поверхностным, однако в горле не булькала кровь, она же не сочилась ни из носа, ни изо рта. Я все еще слышала чавкающий звук из-за раны и, ведомая внезапной мыслью, легонько потянула раненого вперед и задрала рваную рубаху.

– Мистер Форбс, у вас есть бумага?

– Что?.. Да, есть... в смысле...

Форбс машинально сунул руку в карман и извлек свернутый лист. Я его тут же выхватила и, развернув, плеснула на бумагу воды. А затем прижала к маленькой дырочке под лопаткой Мортонна. По бледной коже потекли темные ручейки чернил вперемешку с кровью, но чавкающий звук прекратился.

Придерживая лист на месте, я чувствовала биение сердца раненого. Все еще слабое, но более ровное... да, определенно более ровное.

– Будь я проклята... – Я наклонила голову и взглянула на Мортонна. –

Умирать ты не собираешься, верно?

По его лицу градом катился пот. К груди липли темные лохмотья рубашки. Однако уголок рта дернулся в подобии улыбки.

– Верно, мэм, – ответил Мортон. – Не собираюсь. Элли. Ребенок... в следующем... месяце... Обещал... вернуться.

Я вытерла его лицо краем одеяла.

– Мы сделаем все возможное, чтобы ты вернулся, – заверила я, а потом глянула на адвоката, который наблюдал за происходящим с отпавшей челюстью. – Мистер Форбс, думаю, лучше перенести мистера Мортон в мою палатку. Не найдете для этого пару человек?

Форбс тут же закрыл рот.

– Да. Конечно, миссис Фрейзер. Немедленно.

С места он, впрочем, так и не сдвинулся, мельком бросив взгляд на прилепленный к спине Мортон лист. Я смогла разобрать между пальцами лишь несколько слов, но их хватило, чтобы понять: оскорбительные замечания Джейми о том, что Форбс – содомит, не очень-то верны. «Моя дорогая Валенсия», – начиналось письмо. Я знала только одну женщину с таким именем в окрестностях Кросс-Крика, или даже во всей Северной Каролине. И это была жена Фаркуарда Кэмпбелла.

– Мне ужасно жаль, что так получилось с вашим письмом, – произнесла я и, удерживая взгляд Форбса, тщательно потерла листок, безвозвратно пачкая слова смесью крови и чернил. – Боюсь, она безнадежно испорчена.

Форбс глубоко вздохнул и надел шляпу на голову.

– Ничего страшного, миссис Фрейзер. Я... я приведу людей.

* * *

Вечер принес избавление не только от жары, но и от мух. Привлеченные запахами пота, крови и навоза, они тучами вились над лагерем, всех кусая, везде ползая и гудя самым отвратительным образом. Даже после их исчезновения я продолжала машинально хлопать себя по рукам и шее – чудилась щекотка от их лапок.

Однако они наконец-то улетели. Я оглядела свое маленькое королевство и убедилась, что все дышат, – причем с поразительным разнообразием звуков, – а потом вышла из палатки на свежий воздух.

Люди недооценивают возможность дышать. Я немного постояла с закрытыми глазами, наслаждаясь тем, как легко поднимается и опадает моя

грудь. Проведя несколько часов в стараниях, чтобы не дать воздуху проникнуть в грудную клетку Исайи Мортонa, и в попытках вдохнуть этот самый воздух Роджеру, я высоко ценила такую привилегию. Они оба не могли вдохнуть без боли – и все же оба дышали.

Остальными серьезно ранеными занимались другие хирурги или личный врач губернатора. Те, кто получил лишь мелкие повреждения, уже вернулись к товарищам хвастать будущими шрамами или заливать боль элем.

Я замерла, прислушиваясь – вдалеке раздалась торжественная барабанная дробь, которая резко стихла. Через мгновение тишины последовал пушечный залп.

Братья Линдси, лежащие у костра, подняли головы.

– Что это? – спросила я у них. – Что происходит?

– Хоронят мертвых, миссис Фрейзер, – отозвался Эван. – Не волнуйтесь, ага?

Я помахала им рукой и отправилась к реке. Пение лягушек вторило барабанной дроби. Почести для павших в битве. Интересно, где похоронят повешенных? Там же или в менее почетном месте, если их тела не заберут семьи? Трион не из тех, кто оставит даже врагов на съедение мухам.

Он ведь уже знает. Придет ли он принести извинения? Да и какое извинение тут можно принести? Роджер остался жив благодаря чистой удаче и новой веревке.

И он по-прежнему может умереть.

Коснувшись Исайи Мортонa, я почувствовала, как горит пуля, засевшая в легком. Но его яростное желание выжить, несмотря ни на что, горело еще сильнее. Коснувшись Роджера, я ощутила... лишь слабую искорку. Я слушала его свистящее дыхание и представляла выгоревшие угли, среди которых еще тлел только один, готовый вот-вот потухнуть.

«Трут», – пришла мне в голову нелепая мысль. Он нужен, чтобы не дать костру потухнуть. Надо раздуть искру, однако без древесного угля ей не разгореться.

От созерцания камышей меня отвлек скрип колес, и я увидела небольшой фургон, запряженный лошастью.

– Миссис Фрейзер?

Голос я узнала не сразу.

– Мистер Макленнан? – изумилась я.

Он остановил фургончик рядом и коснулся шляпы. В свете звезд его лицо казалось тусклым и суровым.

– Что вы здесь делаете? – понизила я голос, придвинувшись ближе,

хотя больше на берегу никого не было.

– Приехал забрать Джо, – ответил он, слегка кивнув на свой фургон.

Я весь день имела дело со смертью, и я была мало знакома с Джо Хобсоном. Однако я не знала, что он мертв, и у меня по коже пробежали мурашки. Я обошла фургон и заглянула внутрь.

Тело лежало без савана, с большим и не совсем чистым платком на лице, на котором неподвижно сидели три огромные черные мухи. Я смахнула их тыльной стороной ладони. Мухи взвились, жужжа, и тут же сели чуть дальше.

– Вы сражались? – спросила я, не глядя на Макленнана.

Он был на стороне регуляторов, но от него не пахло порохом, как от остальных.

– Нет, – тихо произнес он у меня за спиной. – Я не хотел драться. Я прибыл с Джо Хобсоном, мистером Гамильтоном и другими... а когда запахло жареным, ушел. Добрался до мельницы на другом конце города. А потом, когда солнце зашло и Джо не вернулся... я приехал снова.

– И что теперь? – Мы оба говорили тихо, как будто могли потревожить сон мертвеца. – Помочь его похоронить? Мой муж...

– О нет, – мягко перебил меня Макленнан. – Я заберу его домой, миссис Фрейзер. Благодарю вас за доброту. Впрочем, если найдется немного воды и еды в дорогу...

– Конечно. Подождите здесь.

Я поспешила обратно в палатку, по пути прикидывая расстояние отсюда до Дранкард-спринга. Четыре дня, пять, шесть? А солнце палит неумолимо, и мухи... Но я могла распознать по голосу, когда шотландец настроен решительно, и потому не стала спорить.

Оба пациента дышали. Шумно, болезненно – однако дышали. Я заменила влажную бумагу на спине Мортонна кусочком промасленной ткани, который прилепила по краям медом. Никакой утечки, отлично.

Брианна до сих пор сидела у постели Роджера. Раздобыв деревянный гребень, она расчесывала его спутанные волосы, осторожно вытаскивала колючки и веточки, терпеливо распутывала колтуны. При этом напевая под нос детскую песенку «Братец Яков». На лифе платья виднелись мокрые круги. Брианна уже выходила раз или два, чтобы сцедить молоко, но оно вновь накопилось. От этого зрелища я сама живо вспомнила подобную боль.

Брианна подняла взгляд и увидела меня. Я коснулась своей груди и кивнула на вход в палатку, вопросительно вскинув брови. Хотя она слабо улыбнулась, храбро пытаясь показать, что все хорошо, в ее глазах

поселилось уныние. Наверное, Брианна осознала, что если Роджер и выживет, то больше никогда не сможет петь или даже разговаривать.

В горле встал ком; я еще раз кивнула и поспешила наружу, сжимая сверток под рукой.

Из темноты мне навстречу вдруг выступила фигура. Я резко замерла, вскрикнув и прижав сверток к груди.

– Мои извинения, миссис Фрейзер. Не подумал, что вы меня не видите.

Губернатор шагнул в полосу света, падающего из палатки. Он был один и выглядел очень уставшим, хмурое лицо побледнело и осунулось. Судя по легкому запаху алкоголя, его советники и офицеры отмечали победу. Однако взгляд Триона оставался ясным, а шаг – твердым.

– Ваш зять, – произнес губернатор и глянул на палатку. – Он...

– Он жив, – закончил за него тихий глубокий голос.

Губернатор повернулся с приглушенным восклицанием, а я вскинула голову. Тень шевельнулась, обретая форму, и рядом с нами возник Джейми, который до этого сидел под гикори, невидимый в темноте. Как долго он там пробыл?..

– Мистер Фрейзер.

Трион стиснул зубы и сжал кулаки. Ему приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть Джейми в лицо, и я видела, что губернатору это не нравится. Джейми тоже видел, и ему было плевать. Он подошел ближе, нависая над Трионом с таким выражением лица, которое испугало бы большинство людей.

Все же Трион лишь вскинул подбородок, твердо намеренный сказать то, что собирался.

– Я пришел, чтобы извиниться за принесенные вашему зятю страдания. Это была наидосаднейшая ошибка.

– Наидосаднейшая, – иронично повторил Джейми. – А не будете ли вы так любезны, сэр, пояснить, как эта... ошибка... произошла?

Он двинулся вперед, и Трион машинально отступил, постепенно багровея.

– Это была ошибка, – процедил он сквозь зубы. – Его неверно опознали как одного из главарей регуляторов.

– Кто опознал? – вежливым тоном поинтересовался Джейми.

На щеках губернатора вспыхнули красные пятна.

– Я не знаю. Несколько человек. У меня не было причин подвергать их свидетельства сомнению.

– Вот как. А разве Роджер Маккензи ничего не сказал в свою защиту?

Не сказал, кто он такой?

Губернатор на мгновение закусил верхнюю губу.

– Он... не говорил.

– Потому что был, черт возьми, связан и с кляпом во рту! – Я лично вынимала этот кляп, когда Джейми с Брианной резали веревку. – Вы не дали ему ничего сказать, вы... вы!..

Горжет Триона, серебряный полумесяц, блеснул в свете, падающем из палатки. Джейми медленно – так медленно, что Трион ничего не заподозрил, – поднял руку и обхватил горло губернатора как раз над горжетом.

– Клэр, оставь нас, – произнес Джейми.

Его голос звучал как ни в чем не бывало, спокойно. В глазах Триона мелькнула паника, и он отшатнулся. Горжет опять вспыхнул на свету.

– Как вы смеете поднимать на меня руку, сэр?! – Паника тут же уступила место гневу.

– Смею. Как вы посмели поднять руку на моего сына.

Я не думала, что Джейми действительно собрался покалечить губернатора. С другой стороны, он явно не просто запугивал. Я чувствовала в нем холодную ярость, видела обжигающий льдом взгляд. Трион тоже.

– Это была ошибка! И я пришел ее исправить, насколько могу! – упрямо стоял на своем Трион.

Джейми презрительно фыркнул:

– Ошибка. Лишение невинного человека жизни – для вас всего лишь ошибка? Вы будете убивать и калечить ради собственной славы, не обращая внимания на горе, которое вы приносите. Лишь бы расширить список своих заслуг. Как это будет описано в отчетах, которые вы отправляете в Англию, сэр? Что вы направили пушки против своих горожан, вооруженных ножами и дубинками? Или доложите, что подавили восстание и сохранили порядок? А укажете, что в своем стремлении к мести вы повесили невинного? Что допустили ошибку? Или сообщите, что наказали зло и свершили правосудие во имя короля?

На лице Триона заиграли желваки, но он сдерживал гнев. Губернатор глубоко вдохнул и выдохнул через нос и лишь потом заговорил:

– Мистер Фрейзер. Я скажу вам кое-что, известное лишь единицам, то, что еще не стало достоянием общественности.

Джейми вскинул бровь. Его немигающие глаза смотрели холодно и мрачно.

– Я назначен губернатором колонии Нью-Йорк, – произнес Трион. –

Письмо прибыло более месяца назад. К июлю я уеду, а на мое место назначен Джосайя Мартин. – Он глянул на меня, а потом перевел взгляд обратно на Джейми. – Таким образом, вы сами понимаете, что у меня нет никакой личной заинтересованности в этом деле, нет нужды прославлять свои подвиги, как вы изволили выразиться.

Его страх сменился таким же холодом, как у Джейми.

– Я делал то, что должен был. Я не мог оставить колонию в состоянии мятежа, с которым пришлось бы разбираться моему преемнику. Хотя имел полное право так поступить.

Он вновь глубоко вздохнул и сделал шаг назад, заставляя себя разжать кулаки.

– Вы знаете, что такое война, мистер Фрейзер, и знаете, что такое долг. И если вы справедливый человек, то признаете, что ошибки случаются – и часто – и там, и там.

Трион прямо встретил взгляд Джейми. Некоторое время они простояли в тишине.

Я отвлеклась от их спора, услышав плач ребенка. Из палатки тут же выскочила Брианна, в спешке шелестя ткань юбок.

– Джем! – воскликнула она. – Это Джемми!

Взволнованные голоса приближались с дальнего конца лагеря, и мы увидели округлую подпрыгивающую фигуру Фиби Шерстон, напуганной, но решительной. За ней следовали два раба – мужчина с парой огромных корзин и женщина с орущим и извивающимся свертком на руках.

Брианна рванула к свертку, словно стрелка компаса к северу. Рев тут же прекратился. Из одеял высунулась рыжая головка малыша, который радостно засучил ножками, а затем мать с ребенком поспешно исчезли в темноте под деревом. Миссис Шерстон же принялась объяснять собравшимся зрителям, что она так опечалилась, слушая рассказы о сражении, так ужасно, и она так боялась... а потом прибыл раб мистера Резерфорда и сказал, что все хорошо... и она решила, что может быть... и поэтому... а ребенок так плакал...

Джейми и губернатор оставили игру в гляделки и тоже удалились в темноту. Я различала лишь две смутные фигуры, высокую и пониже. Впрочем, их тет-а-тет уже не казался напряженным. Джейми даже слегка наклонил голову к Триону, внимательно слушая.

– ...принес еду, – рассказывала мне Фиби Шерстон, порозовевшая от собственной важности. – Свежий хлеб, масло, немного ежевичного повидла, холодного цыпленка и...

– Еда! – Я вдруг вспомнила о свертке, который все так же прижимала к

себе локтем. – Прошу меня простить!

Я лучезарно улыбнулась и сбежала, оставив миссис Шерстон стоять с отвисшей челюстью у палатки.

Абель Макленнан дожидался меня на том же самом месте. Он отмахнулся от моих извинений и поблагодарил за еду и эль.

– Я могу еще что-нибудь... – начала я и умолкла. А что я еще могла для него сделать?

– Юный Хью Фаулз, – произнес Макленнан, бережно убирая сверток под сиденье. – Говорят, его взяли в плен. Не мог бы... не мог бы ваш муж за него попросить? Как он сделал для меня?

– Думаю, мог бы. Я спрошу.

У реки было тихо. Лагерь располагался достаточно далеко, чтобы доносящиеся оттуда разговоры тонули в пении лягушек и сверчков.

– Мистер Макленнан, – заговорила я, поддавшись порыву, – куда вы отправитесь? В смысле, после того как отвезете Джо Хобсона.

Он снял шляпу и поскреб лысеющую голову, однако этот жест не показался признаком растерянности; напротив, Макленнан будто готовился сказать то, что уже давно для себя решил.

– О, – произнес он, – я никуда не собирался. Там же остались женщины. И детишки. А из мужчин никого, раз Джо погиб, а Хью в плену. Я останусь.

Макленнан поклонился мне и надел шляпу. Я пожала ему руку – к его большому удивлению, – он забрался в фургон и цокнул языком, чтобы лошадь двинулась вперед. Макленнан вскинул ладонь на прощание, и я махнула в ответ, вдруг осознавая, как он изменился.

Да, в его голосе до сих пор звучала печаль, скорбь давила ему на плечи. Однако он сидел ровно, говорил с уверенностью и твердо пожимал руку. Если Джо Хобсон отправился в загробный мир, то Абель Макленнан вернулся к живым.

В лагере все стихло. Губернатор и миссис Шерстон с рабами ушли. Исайя Мортон спал, то и дело постанывая. Роджер лежал неподвижно, как памятник на могиле, с черными от синяков лицом и руками. Из дыхательной трубки доносилось посвистывание, еле слышное за голосом Брианны, напевающей колыбельную малышу.

Лицо малыша было расслабленным, ротик приоткрылся в крепком сне. Поддавшись внезапному порыву, я протянула руки, и удивленная Брианна позволила мне его взять. И я очень бережно уложила его обмякшее и тяжелое тельце на грудь Роджера. Брианна дернулась, будто хотела поддержать малыша... но рука Роджера медленно поднялась и обняла

спящего мальчика. А вот и необходимый трут, с удовлетворением подумала я.

Джейми ждал снаружи, прислонившись к стволу гикори. Убедившись, что в палатке все хорошо, я подошла к нему. Джейми молча раскрыл объятия, и я обняла его в ответ.

Мы стояли вдвоем в темноте, слушая треск огня в кострах и пение сверчков.

Мы дышали.

Лагерь у Большого Аламанса

Пятница, 17 мая 1771 г.

Пароль – Грэнвилль

Отзыв – Оксфорд

Губернатор, исполненный признательности, благодарит офицеров и солдат своей армии за щедрую поддержку, оказанную вчера в ходе битвы у Аламанса. Именно их доблесть и стойкость помогли ему с благословения всемогущего Господа одержать важнейшую победу над упрямыми и безрассудными мятежниками. Его Превосходительство, наряду со всеми лоялистами, скорбит о храбрых мужчинах, что пали или пострадали во время сражения. Однако, когда он размышляет о том, что от успеха этого дня и действий во имя Короля и страны зависела судьба Закона, он рассматривает потери (хотя и ставшие причиной горя родственников и друзей) как памятник вечной славы и чести этим людям и их семьям.

Павшие будут преданы земле вечером в пять часов с полными воинскими почестями. После церемонии планируются благодарственные молитвы, так как эту важнейшую победу армии даровало Божественное Провидение.

Часть седьмая

Тревожные сигналы

Глава 73

Бледный, как смерть

К моему удивлению, миссис Шерстон оказала нам щедрое гостеприимство, и мы с Брианной, Джейми и двумя пациентами переехали в большой дом. Джейми пришлось разрываться между Хиллсборо и лагерем ополченцев, хотя Трион считал, что регуляторы разбиты наголову и волноваться не о чем.

Пуля засела глубоко в легких – щипцами не достать, но Мортон это не особенно беспокоило, да и рана затягивалась неплохо. К счастью, крупные сосуды были не задеты; в принципе, с этим вполне можно существовать – если инородное тело не начнет шевелиться. Я знавала многих ветеранов, которые так и жили – Арчи Хэйз, например.

Я вовсе не была уверена, что моего скромного запаса пенициллина хватит, но, похоже, сработало: заражения удалось избежать. Появление Алисии Браун с огромным животом значительно ускорило его выздоровление: уже через час Мортон сидел в койке, бледный, но торжествующий, нежно поглаживая рукой своего нерожденного ребенка.

А вот у Роджера дела обстояли иначе. В общем и целом раны были не слишком опасные, не считая раздавленного горла. На пальцы я наложила шины, так что переломы срастутся без проблем. Синяки тоже довольно быстро из багрово-красных превратились в фиолетовые, зеленые и желтые; он стал похож на труп, выкопанный из могилы через неделю после похорон. Жизненные показатели были в норме, а вот жизненной силы не хватало.

Роджер много спал, однако сон не приносил облегчения: он словно из всех сил стремился к забытию, буквально цеплялся за него – и это меня беспокоило.

Брианна будила его каждые несколько часов, чтобы дать лекарство и обработать раны. Во время процедур Роджер устремлял взгляд куда-то вдаль, в пустоту, едва реагируя, когда к нему обращались; затем вновь закрывал глаза, откидывался на подушки, сложив перевязанные руки на груди, как покойник, и застывал. С кровати доносился лишь тихий присвист из трубки.

Через два дня после битвы при Аламансе вернулся Джейми, уставший от долгой дороги, весь в красноватой пыли.

– Потолковал сегодня малость с губернатором, – сказал он, залпом

выпив стакан воды и утерев пот рукавом. – Хотел от меня спрятаться – мол, дел неспорно. Да только я не собирался оставлять это просто так.

– Понятно, – пробормотала я, помогая Джейми снять пыльный курток. – Куда ему тягаться с шотландцем, тем более с Фрейзером!

В ответ я получила лишь кривую ухмылку. «Упрямые, как ослы» – эту емкую характеристику клана Фрейзеров мне поведали много лет назад. В общем-то, с тех пор ничего не изменилось.

– Ну... – Джейми пожал плечами и сладко потянулся. – Ох, умираю с голоду! Вроде едой пахнет? – Он задрал кверху длинный нос, с надеждой прихлебываясь.

– Окорок и пирог с бататом, – пояснила я совершенно излишне – медовые запахи густо витали в воздухе. – Ну и что же сказал губернатор после того, как ты нагнал на него страху?

По довольному виду Джейми я догадалась, что недалеко от истины.

– Да так, всякое-разное. Главное – я заставил его вспомнить тот день, когда привели Роджера: кто сдал, когда и как. Я намерен докопаться до сути. – Он снял ремень со лба и встряхнул влажными от пота кудрями.

– И что ему удалось вспомнить?

– Немного. Говорит, их было трое; у одного – кокарда отряда Фрейзера, вот Трион и решил, что это мои люди. По крайней мере, так он утверждает.

Вполне логичный вывод, подумала я. Однако Джейми явно не был настроен рассуждать логически.

– Так, может, он ее у Роджера и забрал, – предположила я. – Остальные же все вернулись – кроме Браунов, а они тут точно ни при чем. – Воспользовавшись суматохой боя, Брауны слиняли, чтобы отомстить Исайе Мортону и вовремя исчезнуть. У них попросту не было времени ошиваться вокруг Роджера, не говоря уж о мотиве.

Джейми кивнул, жестом отменяя гипотезу.

– Да, но зачем? Оказывается, Роджера связали и засунули в кляп; бесчестное обращение с военнопленным – так я ему и заявил.

– А он что на это? – Трион все же не настолько честлюбив; его труднее оскорбить, чем Джейми.

– Сказал, мол, это не война, а восстание, измена родине, и потому он имел право на скорый суд. Вот так схватить и повесить человека, не дав ему и слова сказать в свою защиту... – Лицо Джейми постепенно наливалось кровью. – Клянусь тебе, если бы Роджер Мак умер на том конце веревки, я бы сломал Триону шею и бросил воронам!

Нисколько не сомневалась, что он поступил бы именно так: перед

глазами до сих пор стояла его рука, медленно, аккуратно сжимающая шею губернатора чуть выше серебристого воротника. Интересно, осознал ли Уильям Трион, какая опасность грозила ему в ту ночь?

– Он не умер и не умрет. – Я произнесла эти слова как можно более уверенным тоном и положила руку на плечо Джейми. Мускулы так и ходили ходуном от подавленного желания ударить кого-нибудь, но от моего прикосновения расслабились. Джейми вздохнул раз, другой, барабанил пальцами по бедру; наконец ему удалось справиться с гневом.

– Ну, в общем, Трион сказал, что якобы тот человек опознал Роджера как Джеймса Маккуистона – одного из вожаков регуляторов. Я пораспрашивал людей про Маккуистона, – добавил он, постепенно успокаиваясь. – Представь себе, саксоночка, никто не знает его в лицо. Странно, правда?

Действительно странно, признала я. Джейми кивнул, постепенно приходя в норму.

– Вот и я удивился: в газетах его читают, а самого никто не видел. Ни старый Ниниан, ни Хермон Хазбенд – ни один из регуляторов, с кем я разговаривал; правда, большая часть залегла на дно. Я даже нашел печатника, который подготовил одну из его речей: тот сказал, что рукопись ему подсунули под дверь вместе с куском сыра и двумя мелкими банкнотами в качестве оплаты.

– Вот оно как... – Я осторожно убрала руку: вроде бы окончательно успокоился. – Думаешь, имя ненастоящее?

– Похоже на то.

Неожиданно меня осенила мысль:

– Слушай, а что, если человек, опознавший Роджера как Маккуистона, и есть сам Маккуистон?

Брови Джейми взметнулись:

– И он подставил Роджера вместо себя? Удобно: никто не станет искать мертвого. Да, неплохая идея, хоть и немного порочная, – рассудительно добавил он.

– Ага, совсем чуть-чуть.

Мы подошли к колодцу, на краю которого стояло полупустое ведро, нагревшееся от дневной жары. Джейми закатал рукава и плеснул себе на лицо, резко тряхнув головой, так что брызги полетели прямо на гортензии миссис Шерстон.

– А он не помнит, как выглядели эти люди? – спросила я, подавая мятое льняное полотенце.

– Только одного, с кокардой, – тот разговаривал больше всех. Такой

светловолосый верзила, ладно скроенный, глаза вроде зеленые. Конечно, Трион его не особо разглядывал – не до того было. Вспомнил все, что мог.

– Боже правый! – воскликнула я. – Высокий, светловолосый, зеленоглазый... Вдруг это Стивен Боннет?

Джейми вытаращился на меня поверх полотенца, пораженный неожиданным предположением.

– Господи Исусе, – пробормотал он, рассеянно вешая полотенце. – Такое мне в голову не приходило!

И мне тоже. Боннет не очень-то вписывался в портрет типичного регулятора: большей частью это были люди бедные и отчаявшиеся, как Джо Хобсон, Хью Фаулз или Абель Макленнан. Некоторые до сих пор оставались яростными идеалистами, вроде Хазбенда и Гамильтона. В принципе, Боннету наверняка приходилось впадать в нищету и отчаиваться, но ему в жизни не пришло бы в голову требовать у правительства сатисфакции. Взять силой – запросто; убить судью или шерифа в отместку – вполне возможно. Но вот... Да ну, глупости! Стивен Боннет не платил налоги – уж в чем-чем, а в этом я уверена.

– Нет. – Джейми покачал головой, явно придя к тем же выводам, и вытер каплю на носу. – Деньгами тут и не пахнет. Даже Триону пришлось обратиться к графу Хиллсборо за средствами на ополчение. А уж регуляторы... – Он махнул рукой, отметая мысль о том, что те могли кому-то заплатить. – Этого типа на поле боя приведет только жажда золота.

Из открытого окна послышалось звяканье фарфора и мелодичный звон серебра, сопровождаемые тихими голосами рабов: накрывали к обеду.

– Значит, Боннет никак не мог быть Джеймсом Маккуистоном?

Джеймс засмеялся, впервые расслабившись.

– Нет, саксоночка. Боннет ни читать, ни писать не умеет – разве что свое имя.

– Откуда ты знаешь?

– Сэмюэль Корнелл рассказал. Сам-то он Боннета не встречал, но однажды к нему пришел Уолтер Пристли – просил срочно занять денег. Тот еще удивился, ведь Пристли – человек состоятельный. Выяснилось, что Пристли ожидал партию товара, за которую нужно заплатить золотом: продавец не берет никакие расписки, банкноты, чеки – не доверяет словам, написанным на бумаге, даже если ему прочитать вслух. Берет только золото.

– Да, похоже на Боннета. – Я встряхнула сюртук и принялась выколачивать пыль. – Кстати, о золоте... А не мог Боннет случайно оказаться в Аламансе?

Некоторое время Джейми обдумывал эту мысль, затем покачал головой и принялся засучивать рукава.

– Заварушка была не особенно серьезная – не из таких, чтоб человека запросто застали врасплох и утащили. Армии стояли друг напротив друга не больше пары дней, а линия сторожевых постов походила на рыбачью сеть – кто угодно мог выбраться из Аламанса или объехать вокруг. Тот, кто пытался убить Роджера, явно приехал туда по своим делам.

– Значит, возвращаемся к таинственному мистеру Маккуистону, кем бы он ни был.

– Наверное, – протянул он с сомнением в голосе.

– Ну а кто еще? – возразила я. – Вряд ли какой-то регулятор затаил злобу на Роджера.

– Так-то оно так, – признал Джейми. – Только мы все равно ничего не узнаем, пока он сам не расскажет.

* * *

После ужина я поднялась проверить Роджера. Джейми вошел со мной и знаком отпустил рабыню, сидящую у окошка со штоккой. Кто-то постоянно должен находиться с Роджером – следить, чтобы трубка не забилась или не сместилась, ведь больше ему пока дышать нечем. Через несколько дней опухоль вокруг поврежденных тканей спадет, и тогда можно вытаскивать.

Я проверила пульс и дыхание, затем кивнула Джейми, и тот присел у кровати.

– Ты знаешь имена тех, кто тебя сдал? – спросил он без всяких предисловий.

Роджер нахмурился, сведя темные брови, затем кивнул и поднял один палец.

– Одного. А сколько всего их было?

Три пальца. Пока совпадает с рассказом Триона.

– Регуляторы?

Кивок.

Джейми покосился на меня, затем снова перевел взгляд на Роджера.

– Случаем, не Стивен Боннет?

Роджер резко приподнялся, открыл рот и вцепился в трубку, тщетно пытаясь что-то сказать и яростно трясая головой.

Я схватила его за плечо, успокаивая. От резких движений трубка чуть

не выпала из надреза; из приоткрывшейся раны вытекла струйка крови. Роджер не замечал этого, напряженно уставившись на Джейми и шевеля губами.

– Нет-нет, если ты сам лично не видел, то его там не было. – Джейми взялся за другое плечо, помогая мне уложить больного на подушку. – Просто Трион описал того парня: высокий, волосы светлые, глаза зеленые. Вот мы и подумали...

Лицо Роджера расслабилось. Он снова покачал головой, слегка скривив рот.

– Но все-таки ты его знаешь, – напирал Джейми. – Доводилось встречаться раньше?

Роджер отвел глаза и кивнул с раздраженным и в то же время беспомощным видом; его дыхание участилось, из трубки раздавался натужный свист. Я неодобрительно покосилась на Джейми.

Впрочем, Джейми не обратил на меня внимания. По пути наверх он захватил коробку Бри с рисовальными принадлежностями и теперь, положив на нее лист бумаги, протянул Роджеру кусок твердого угля.

– Попробуй еще разок.

С тех самых пор, как Роджер пришел в себя, Джейми побуждал его объясняться на бумаге, но раненый плохо держал карандаш. К счастью, пиявки и массаж сделали свое дело: синяки и припухлости постепенно сходили. Первые два пальца были сломаны, и шины торчали буквой «V» – довольно уместный символ в данных обстоятельствах.

Роджер сосредоточенно нахмурился и принялся что-то царапать. Джейми внимательно следил за ним, прижимая бумагу. В результате долгих усилий мы получили грязный листок, на котором можно было различить буквы «У» и «М», затем пропуск и корявое «МАК».

– Уильям? – Джейми поднял глаза на Роджера. Тот коротко кивнул; щеки его блестели от пота.

– Уильям Мак, – прочитала я, заглянув ему через плечо. – Шотландец, значит, – или имя шотландское.

Не то чтобы это сильно сужало круг поисков: Маклеод, Макферсон, Макдоналд, Мак... куистон?

Роджер поднял руку и ударил себя в грудь, затем еще раз и что-то произнес одними губами. Припомнив популярные телешоу с шарадами, я догадалась быстрее Джейми.

– Маккензи?

Моя сообразительность была вознаграждена оживленным взглядом зеленых глаз и кивком.

– Маккензи... Уильям Маккензи. – Джейми наморщил лоб, мысленно пробежая список знакомых с такой фамилией.

Я наблюдала за Роджером: его лицо постепенно приобретало нормальные черты, несмотря на багровый шрам под челюстью; однако сейчас на нем застыло странное выражение. В глазах плескались физическая боль, беспомощность и отчаяние из-за невозможности толком все рассказать; и что-то еще – не то недоумение, не то смущение.

– Ты знаешь какого-нибудь Уильяма Маккензи? – спросила я.

Джейми задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Четверых или пятерых, – ответил он, хмуря брови. – Правда, в Шотландии. А здесь ни одного...

При слове «Шотландия» Роджер резко поднял руку, и Джейми умолк, напряженно уставясь на него, как собака, взявшая след.

– Шотландия, – повторил он. – Что-то связанное с Шотландией? Свежий переселенец?

Роджер яростно затряс головой и тут же сморщился от боли, зажмурившись, затем открыл глаза и нетерпеливо потянулся к куску угля.

После нескольких попыток он изможденно откинулся на подушку; ворот рубашки вымок от пота и был заляпан кровью из раны. Результаты его усилий, размазанные и нечеткие, все же угадывались: «Дугал».

Джейми насторожился.

– Дугал, – медленно повторил он, вспоминая нескольких Дугалов, в том числе жителей Северной Каролины. – Крисхольм? О’Нил?

Роджер покачал головой, свистя трубкой от напряжения, и энергично ткнул рукой в Джейми, но в ответ получил лишь недоуменный взгляд. Тогда он снова потянулся за углем и накорябал имя, от которого мой позвоночник словно пронзило током.

«Гейли».

Какое-то время Джейми смотрел на листок, затем слегка вздрогнул и перекрестился.

– О Господи... – тихо пробормотал он. Мы понимающе переглянулись.

Заметив это, Роджер откинулся на подушки, тяжело дыша.

– Сын Дугала и Гейлис Дункан. – Джейми повернулся к Роджеру; на его лице крупными буквами было написано изумление. – Кажется, ребенка назвали Уильямом... Точно? Ты уверен?

Роджер коротко кивнул и закрыл глаза, затем открыл, поднял дрожащий сломанный палец и указал на свою радужку – темно-зеленую, цвета мха. Он побелел как полотно, измазанные углем руки дрожали, рот кривился: ему страшно хотелось заговорить, объяснить все, однако с

дальнейшими объяснениями придется подождать.

Его рука бессильно упала, и глаза снова закрылись.

* * *

Опознание личности Уильяма Бакли Маккензи не изменило желания Джейми его найти, но внесло коррективы в намерение прикончить на месте.

Брианна, призванная на семейный совет, явилась в мою комнату в рабочем халате, воняя скипидаром и льняным маслом; на мочке уха виднелось пятно кобальтовой сини.

– Да, я слышала о нем, – ответила она, удивленная прямым вопросом Джейми. – Уильям Бакли Маккензи, подменыш.

– Кто-кто? – Брови Джейми взметнулись вверх, чуть ли не к волосам.

– Я его так прозвала, когда увидела генеалогическое древо Роджера и сообразила, кто он, – пояснила я. – Помнишь, Дугал отдал ребенка Уильяму и Саре Маккензи? А они назвали его именем малыша, которого потеряли за два месяца до того.

– Роджер упоминал, что видел Уильяма Маккензи с женой на борту «Глорианы», когда отплывал из Шотландии, – вставила Бри. – Только он в тот раз не понял, кто это, а поговорить им не удалось. Так, значит, он здесь – Уильям, в смысле. Но зачем вдруг ему понадобилось убивать Роджера, да еще таким способом?

Брианна поежилась, хотя в комнате было тепло. Началось лето, и даже открытые окна не спасали от влажного, горячего воздуха.

– Ведьмино отродье, – коротко отозвался Джейми, как будто этого было достаточно; впрочем, может, и так...

– Меня тоже считали ведьмой, – напомнила я ему. Ответом мне были взгляд искоса и поджатые губы.

– Было дело, – сказал Джейми, утирая рукавом потный лоб. – Ладно, выясним со временем. Имя – уже кое-что. Пошлю к Дункану и Фаркаурду – пусть поспрашивают народ.

Он раздраженно выдохнул.

– Но вот что с ним делать, когда найду? Ведьмино отродье или нет, это ведь моя кровь, я не могу его убить! Особенно после того, как Дугал... – Джейми смущенно кашлянул и умолк. – Ну, то есть он же сын Дугала, мой двоюродный брат.

Я поняла, что он на самом деле имеет в виду. Лишь четверо знали о

произошедшем в той мансарде в Каллодене за день до битвы; один из них мертв, другой исчез и наверняка тоже погиб в горниле восстания. Из свидетелей смерти Дугала остались лишь я и рука, что пролила кровь. Какое бы преступление Уильям Маккензи ни совершил, Джейми не мог его убить – из-за отца.

– Ты собирался прикончить этого типа, даже не узнав, кто он? – Как ни странно, Бри эта мысль не шокировала. Она медленно вертела в руках тряпку, заляпанную красками.

Джейми повернулся к ней.

– Роджер Мак – твой муж, сын моего рода, – ответил он очень серьезно. – Разумеется, я отомщу за него.

Бри бросила на меня быстрый взгляд и отвернулась, задумавшись. Отчего-то мне стало не по себе.

– Хорошо, – тихо сказала она. – Когда найдешь его, дай знать.

* * *

Брианна выдавила каплю сине-зеленого на край палитры и нанесла мазок на бледно-серую основу. Помедлив, наклонила палитру под углом, изучая оттенок в оконном свете, затем добавила кобальта с другой стороны основы, добившись нежного перехода от серо-голубого до серо-зеленого. Посторонний глаз вряд ли отличил бы эту сложную гамму от обычного белого цвета.

Она взяла толстую кисть и короткими мазками проработала линию челюсти. Да, то, что надо: бледный, как необожженная глина, но с явно различной тенью – одновременно хрупкий и земной.

Брианна целиком погрузилась в живопись, не замечая ничего вокруг, сравнивая возникающий образ с тем, что прочно запечатлелся в памяти. Вообще-то ей уже случалось видеть мертвых: ее отца – Фрэнка – хоронили в открытом гробу, да и пожилых друзей семьи в свое время приходилось провожать в последний путь. И все же искусственный грим бальзамировщика выглядел грубо в сравнении со свежим трупом – контраст поразил ее до глубины души.

Дело в крови, подумала она, выбирая тоненькую кисть и добавляя точку неразбавленного сине-зеленого в уголке глазницы. Смерть не в силах повлиять на изгибы костей или тени, которые они отбрасывают; зато кровь их подчеркивает. В жизни она струится под кожей, выдавая самые разные оттенки голубого, красного, розового, лаванды; в смерти застывает,

накапливается и темнеет: глиняно-голубой, фиолетовый, индиго, пурпурно-коричневый... и нечто новое: этот нежный, едва заметный зеленый, которому мышление художника уже придумало жестокое название: «цвет начального разложения».

Из холла донеслись незнакомые голоса. Бри настороженно подняла голову, прислушиваясь. Фиби Шерстон обожала приводить гостей полюбоваться процессом. Как правило, Брианна не возражала и даже любезно поясняла, что именно делает, но сейчас момент был сложный, а времени мало; с такими нежными оттенками можно работать только перед закатом, когда свет еще ясный, но уже слегка рассеянный.

Голоса удалялись в сторону гостиной, и она расслабилась, снова взяв толстую кисть и восстановив в памяти образ: мертвец, лежащий под деревом в Аламансе, рядом с временным полевым госпиталем ее матери. Казалось бы, боевые раны и смерть должны шокировать, а Бри испытывала любопытство. Ей доводилось видеть ужасные вещи, однако это совсем не то же самое, что мамины обычные операции: там было время сочувствовать пациентам, подмечать мелкие отвратительные детали слабой, больной плоти. На поле же боя все происходило слишком быстро; слишком многое нужно успеть – не до брезгливого разглядывания.

Несмотря на спешку, каждый раз, проходя мимо дерева, она останавливалась на минутку, откидывала одеяло и вглядывалась в мертвое лицо (ужасаясь своему нездоровому интересу, но не делая попытки его подавить), стараясь запомнить поразительную, неумолимую смену цветов и теней, окоченение мышц, изменение формы по мере прилегания кожи к костям и прочие процессы разложения, завораживающие своей жуткой магией.

Ей не пришло в голову спросить, как зовут мертвеца. Может, она бесчувственная? Наверное, хотя в то время эмоции были направлены совсем в другую сторону – и до сих пор оставались там. И все же Брианна закрыла глаза и помолилась за упокой души неизвестного «натурщика».

Открыв глаза, она заметила, что за окном начинает темнеть, и принялась отмывать кисти и руки, медленно и неохотно возвращаясь во внешний мир.

Сын уже покушал и искупался, но не уснет, пока его не покормят и не укачают. При мысли об этом слегка закололо в грудях, приятно заполненных молоком; к счастью, Джем начал переходить на твердую пищу, и ощущение болезненного распираания стало редким.

Да, она уложит его и зайдет в кухню поужинать. Общую трапезу пришлось пропустить, чтобы воспользоваться вечерним светом, и теперь в

животе урчало, а в воздухе витал насыщенный аромат еды, заглушая резкие запахи скипидара и льняного масла.

А потом... потом она поднимется к Роджеру. При мысли об этом губы непроизвольно сжались, и Брианна заставила себя расслабить их, с силой выпустив воздух изо рта.

Как назло, в этот момент в дверь просунулась голова Фиби Шерстон. Услышав неприличный звук, хозяйка дома моргнула, но сделала вид, что ничего не заметила.

– А, вот ты где! Не заглянешь в гостиную на минутку – мистер и миссис Уилбур ужасно хотят с тобой познакомиться.

– Э... Да, конечно, – ответила Брианна как можно более светским тоном. – Только переоденусь.

Миссис Шерстон жестом отмела эту идею, явно желая продемонстрировать свою «придворную» художницу в живописном рабочем одеянии.

– Нет-нет, не беспокойся. У нас сегодня просто, по-домашнему.

– Ладно, но только на минутку – нужно уложить Джема.

Миссис Шерстон поджала хорошенькие губки: о ребенке вполне могут позаботиться рабы. Однако мнение Брианны на сей счет она уже знала и потому решила промолчать.

В гостиной сидели и родители. Уилбуры оказались приятной пожилой парой. Они в подобающей мере выказали удовольствие от знакомства, вежливо запросились посмотреть портрет, выразили восхищение художницей (хоть и несколько опешили от выбранной темы) – словом, вели себя вполне мило, и Брианна расслабилась.

Она как раз собиралась извиниться и сбежать к сыну, когда мистер Уилбур воспользовался паузой в разговоре.

– Миссис Маккензи, я так понимаю, вас можно поздравить.

– А? Э-э... благодарю, – ответила она, совершенно не представляя, о чем речь, и вопросительно взглянула на мать. Клэр слегка нахмурилась и покосилась на Джейми. Тот кашлянул.

– Губернатор Трион выделил Роджеру пять тысяч акров земли в дальнем районе, – пояснил он ровным, почти бесцветным тоном.

– Да? – удивилась Брианна. – А... с чего вдруг?

В гостиной воцарилось общее ощущение неловкости. Раздались тихие покашливания; Шерстоны и Уилбуры по-супружески переглянулись.

– Компенсация, – кратко ответила мать, в свою очередь бросив многозначительный взгляд на мужа.

Только теперь Брианна поняла: все слишком хорошо воспитаны, чтобы

открыто упоминать повешение Роджера, хотя этот случай произвел сенсацию в светских кругах Хиллсборо. Внезапно до нее дошло: а ведь гостеприимство миссис Шерстон вызвано не только душевной добротой. Повешенный в доме – как пикантно! Теперь к Шерстонам приковано все внимание друзей и знакомых, и немудрено – это будет поинтереснее нетрадиционного портрета!

– Надеюсь, ваш муж поправляется? – тактично прервала затянувшееся молчание миссис Уилбур. – Мы так переживаем из-за его травмы!

«Травма» – какое осторожное, завуалированное определение того, что случилось...

– Да, ему уже намного лучше, спасибо, – ответила Брианна, вежливо улыбнувшись, и обратилась к отцу: – А Роджер знает?

Тот взглянул на нее и отвернулся, кашлянув.

– Нет. Я думал, ты сама захочешь ему рассказать.

Первой мыслью было ощущение благодарности: теперь есть о чем поговорить с Роджером. Ужасно неловко разговаривать с человеком, который не в силах ответить. В течение дня она запасала словесный «фураж»: мелкие мысли или события, которые можно растянуть в повествование. Однако запас быстро иссякал, и ей приходилось хвататься за ерунду.

Потом возникло раздражение. Почему он не сообщил ей заранее? Зачем выставлять семейные дела напоказ перед совершенно незнакомыми людьми?.. Тут она заметила, как родители переглянулись, и поняла, что мать задала отцу тот же самый молчаливый вопрос – и он ответил, почти неуловимо блеснув глазами сперва в сторону мистера Уилбура, затем миссис Шерстон, и тут же опустил длинные рыжие ресницы.

Лучше сказать правду перед уважаемыми свидетелями, чем позволить сплетням распространяться стихийно.

Собственная репутация ее не особенно заботила; «дурная слава» – слишком слабое определение в данном случае. Однако к этому времени Брианна уже нахваталась достаточно светских тонкостей, чтобы осознавать, какой вред может причинить отцу серьезный скандал. Если, к примеру, разнесется молва, что Роджер и вправду был вожаком регуляторов, то и лояльность Джейми будет поставлена под сомнение.

Слушая разговоры в гостиной Шерстонов, за последние несколько недель она постепенно начала понимать, что колония представляет собой обширную паутину: по многочисленным ниточкам осторожно пробираются пауки – крупные и средние, чутко прислушиваясь к еле уловимому жужжанию мухи, попавшей в сеть, постоянно ищут слабое звено.

Более мелкие существа скользят по краям паутины, одним глазом отслеживая перемещение крупных, ведь пауки – каннибалы, как и все амбициозные люди.

Положение отца было видным, однако не настолько стабильным, чтобы не зависеть от расшатывающего действия сплетен и подозрения. Они с Роджером как-то обсуждали эту тему наедине: напряжение постепенно нарастало; уже наметились трещины, грозящие перерасти в пропасть, – достаточно глубокую, чтобы отделить колонии от Англии.

Стоит только нитям, связывающим Фрейзер-Ридж с остальной колонией, натянуться сильнее, и они лопнут, обернувшись толстым коконом вокруг ее семьи и оставив их на растерзание кровопийцам.

Какие нездоровые мысли, подумала про себя Брианна.

Ни Уилбуры, ни Шерстоны, похоже, не заметили ее настроения, но от матери ничего не укрылось: та одарила ее долгим, задумчивым взглядом. Обменявшись подобающими любезностями, Брианна извинилась и покинула гостиную.

В детской настроение отнюдь не улучшилось: Джемми не дождался ее и уснул со слезами на щеках. Она склонилась над кроватью и осторожно положила руку ему на спину, чтобы ребенок почувствовал ее близость и проснулся. Крошечное тельце слегка вздымалось и опадало в теплом ритме внутреннего покоя, но он не пошевелился. В складках шейки влажно блестел пот.

Нагретый за день воздух поднимался вверх, и к вечеру на втором этаже всегда было душно. И конечно же, окно закрыто наглухо, чтобы ночные испарения не повредили ребенку. Хотя своих детей у миссис Шерстон не было, она твердо знала, какие меры предосторожности следует принимать.

В горах Брианна тут же открыла бы окно, но в густонаселенном Хиллсборо, где постоянно шляются чужаки с побережья, полно застойных лоханей и сырых колодцев...

Взвесив относительную опасность малярийных комаров, Брианна ограничилась тем, что сняла с сына легкое одеяльце и сорочку, и он раскинулся на простыне почти голенький; в свете сумерек влажная кожа отсвечивала розовым.

Вздыхнув, она задула свечу и вышла, оставив дверь открытой. Уже почти совсем стемнело; свет пробивался с первого этажа сквозь перила, коридор же был окутан сумерками. Позолоченные столики миссис Шерстон и портреты предков мистера Шерстона обрели призрачные формы.

Дверь в комнату Роджера была закрыта, но снизу пробивалась полоска

света, чуть захватывая край голубой дорожки. Мысли о еде вытеснил чувственный голод. Грудь начала побаливать.

В углу тихо дремала рабыня, уронив вязание на колени. При появлении Брианны она вскинулась и виновато захлопала глазами.

Бри тут же бросила взгляд в сторону кровати: оттуда доносился обычный свист его дыхания. Она слегка нахмурилась и жестом отпустила женщину; та неуклюже подобрала неоконченный носок и вымелась прочь, стараясь не встречаться с ней взглядом.

Роджер лежал под простыней на спине с закрытыми глазами. Какой худой, подумала она. И когда только успел так быстро похудеть? Конечно, сейчас он едва в состоянии проглотить пару ложек супа и пенициллиновой похлебки Клэр, однако вряд ли за два-три дня можно так отощать – аж кости торчат!

Тут она поняла, что Роджер похудел давно из-за тягот военной кампании; ее родители тоже выглядели тоньше обычного. Прежде выступающие кости были замаскированы жутким опуханием; теперь же опухоль спала и вновь заострились высокие скулы.

Брианна вдруг поймала себя на том, что внимательно изучает цветовую гамму синяков. Желтовато-зеленый оттенок заживления отличался от нежного серо-зеленого, присущего свежей смерти; не менее тошнотворно, но все же это цвет жизни. Она вздохнула, внезапно осознав, что и здесь окно заперто, и пот стекает по спине, просачиваясь между ягодицами.

Звук поднимающейся рамы разбудил спящего: он повернул голову и слабо улыбнулся.

– Как ты? – спросила она приглушенным тоном, словно в церкви. Собственный голос всегда казался ей слишком громким.

Роджер вяло пожал плечом и произнес одними губами: «Нормально». Темные волосы у висков были мокрыми от пота.

– Ужасно жарко, правда?

Он кивнул, показав на воротник своей рубашки. Брианна поняла намек и развязала тесемки, как можно больше обнажив грудь.

У него были маленькие, аккуратные соски с коричневато-розовыми ареолами в зарослях темных курчавых волос; это напомнило ей собственные груди, полные молока. Внезапно ее охватило безумное желание стянуть сорочку, взять его за голову и... Ей живо вспомнилось, как он уже делал это – там, под ивами, и горячая волна обдала все тело, от груди до промежности. Покраснев, Брианна отвернулась к столику с едой: холодная мясная похлебка, начиненная пенициллином, и бутылка со

сладким чаем. Она взяла ложку и вопросительно подняла бровь.

Роджер чуть поморщился, но кивнул на похлебку.

– Открывайте ворота, – весело пропела Брианна, поднося ложку к его рту. – Заводите лошадку!

Он раздраженно закатил глаза к потолку.

– Когда я была маленькой, – начала она, игнорируя его гримасу, – мои родители в таких случаях приговаривали: «Вот идет буксир, поднимайте мост» или «Открывайте гараж, едет машинка». С Джемом это уже не годится. А твоя мама тоже придумывала машины и самолеты?

Его губы дрогнули и сложились в неохотную улыбку. Роджер покачал головой и поднял руку, указывая на потолок: на штукатурке темнело неясное пятно. Присмотревшись, она различила пчелу, залетевшую из сада и прикорнувшую в тени.

– Да? Ладно. Открывай ротик, сейчас прилетит пчелка, – тихо сказала Брианна, засовывая ложку ему в рот. – Ж-ж-ж-ж...

Ей трудно было поддерживать игривый тон, и все же напряжение немного спало, и она принялась болтать о сыне. В последнее время тот изобрел новое слово – «вага»; пока никто не догадался, что оно означает.

– Сначала я думала – кошка, но ту он зовет «мяу-мяу». – Брианна вытерла пот со лба тыльной стороной ладони и снова окунула ложку в похлебку. – Миссис Шерстон считает, что ему пора ходить. У ее сестры дети в годик уже пошли. А мама сказала, что с ним все в порядке – пойдет, когда будет готов. У детей ведь по-разному: от десяти месяцев до восемнадцати; чаще всего – в пятнадцать.

Приходилось внимательно следить за ложкой; тем не менее Брианна ощущала на себе его пристальный взгляд и боялась поднять глаза. Кто знает, что там, в этой зеленой глубине, – Роджер или молчаливый незнакомец, висельник?

– Ах да, чуть не забыла! – прервалась она на середине рассказа о Уилбурах. На самом деле, конечно, не забыла; просто не хотелось вываливать новости сразу, в лоб. – Папа сегодня разговаривал с губернатором, и он – губернатор то есть – выделил тебе земельный участок: пять тысяч акров.

Произнеся это вслух, Брианна поразились абсурдности идеи: пять тысяч акров дикой местности в обмен на почти отнятую жизнь. Хотя и не «почти», подумала она, глядя на Роджера.

Он недоуменно нахмурился, затем покачал головой, поднял руки в бессильном жесте и откинулся на подушку, закрыв глаза, словно полученная информация была слишком далекой от здравого смысла.

Может, так оно и есть.

Внезапно Брианне захотелось прикоснуться к нему, пробить барьер молчания. Она осторожно дотронулась пальцами до его скулы и легонько обвела контуры синяка, всматриваясь в размытые края и темные сгустки крови под кожей там, где разорвались капилляры. Синяк начинал желтеть; мама объясняла, что на травмированный участок прибывают лейкоциты и постепенно разрушают поврежденные клетки, экономно перерабатывая вытекшую кровь, а смена цветов как раз является результатом этого клеточного «домохозяйства».

Роджер открыл глаза и пристально посмотрел на нее. Брианна поняла, что выглядит взволнованной, и попыталась улыбнуться.

– Ты не похож на мертвеца.

Это замечание разрушило невозмутимый фасад: брови дернулись вверх, а в глазах мелькнула слабая искорка смеха.

– Роджер... – Не зная, что сказать, Брианна порывисто наклонилась к нему. Он слегка напрягся, инстинктивно ссутулившись, чтобы защитить трубку, торчащую из горла. Она осторожно обняла его за плечи, остро нуждаясь в физической близости.

– Люблю тебя... – прошептала Брианна, крепче сжимая руку, словно хотела убедить в этом силой.

Губы были теплыми и сухими, привычными и в то же время пугающе неживыми, без теплого дыхания – будто маску целуешь. Из глубин легких через янтарную трубку со свистом вырывался воздух, словно испарения из пещеры. Брианна ощутила, как по коже побежали мурашки, и отодвинулась.

Его глаза все еще были закрыты, крепко зажмурены; под кожей перекачивались мускулы челюсти.

– Ну, ты... отдыхай, – выдавила она дрожащим голосом. – Спокойной ночи.

Брианна спустилась вниз, даже не заметив, что в коридоре горит свеча, а рабыня тихо проскользнула обратно в комнату.

Вернулось чувство голода. Хорошо бы поесть – но сперва нужно избавиться от скопившегося молока, и она пошла в сторону родительской спальни. Несмотря на удушливый, спертый воздух, руки заledenели, словно скипидар все еще испарялся с кожи.

Прошлой ночью мне приснилась подруга Дебора. В студенческом союзе она зарабатывала гаданиями на картах Таро; предлагала и мне, но я всегда отказывалась.

В пятом классе сестра Мари Ромейн сказала, что католикам настрого запрещено гадать. Никаких спиритических столиков, карт Таро или хрустальных шаров – это соблазны С-А-Т-А-Н-Ы (она всегда произносила по буквам, никогда – одним словом).

Уж не знаю, дьявол ли тому виной, только я почему-то никак не могла собраться с духом и разрешить Деборе мне погадать. Как ни странно, во сне она занималась именно этим.

Мне приходилось видеть, как она гадает для других. Карты Таро всегда меня притягивали; возможно, лишь потому, что считались запретным плодом. У них были завораживающие названия: Старшие арканы, Младшие арканы, Рыцарь Пентаклей, Паж Кубков, Дама Посохов, Король Мечей, Императрица, Маг. И Повешенный.

Ну, правильно, что еще мне могло присниться? И запомнилось так хорошо: вот он, прямо посередине веера карт.

«Человек подвешен за ногу к перекладине; руки связаны за спиной и вместе с головой образуют треугольник с вершиной вниз; ноги сложены в форме креста. В каком-то смысле Повешенный все еще связан с землей, поскольку нога крепится к шесту», – объясняла Дебора.

Эта карта всегда казалась мне странной: судя по выражению лица, Повешенному было абсолютно все равно – его нисколько не беспокоило, что он висит вниз головой с завязанными глазами.

Деб постоянно перемешивала карты и раскладывала снова, и каждый раз выпадала она.

«Повешенный символизирует процесс жертвоприношения и капитуляции. – Дебора взглянула на меня и постучала пальцем по карте. – Здесь заложено очень глубокое значение, однако большая его часть скрыта, и додумываться нужно самой. Готовность принести себя в жертву ведет к преобразованию личности, но человек должен возродиться без посторонней помощи».

Преобразование личности – именно этого я и боялась. Личность Роджера нравилась мне ровно такой, какая есть!

А, чушь собачья! Не знаю, имеет ли С-А-Т-А-Н-А к этому отношение, но лучше не заглядывать так далеко в будущее. По крайней мере, сейчас.

Глава 74

Звуки тишины

Понадобилось еще десять дней, прежде чем Пенелопу Шерстон наконец устроил портрет. К тому времени оба раненых достаточно оправились для путешествия. Принимая во внимание скорое появление отпрыска Мортон и тот факт, что отцу нельзя было и близко подходить к Гранитным Водопадам или Браунсвиллю, Джейми договорился поселить их с Алисией на пивоварне мистера Шерстона; как только Исая окончательно восстановит силы, его ждет место водителя.

– Даже не знаю, с чего я так привязался к этому бесстыжему сукину сыну, – признался Джейми наедине. – Мне бы не хотелось, чтобы его пристрелили как собаку.

После приезда Алисии Исая молниеносно пошел на поправку и уже через неделю спускался вниз. Пока Алисия возилась на кухне, он сидел рядом, словно преданный пес, а по пути обратно останавливался и комментировал работу над портретом.

– Ну просто вылитая! – восхищался он, стоя в дверях гостиной в ночной рубашке. – Вот как увидел бы где, сразу бы узнал!

Поскольку миссис Шерстон выбрала для портрета образ Саломеи, я сомневалась, что комплимент будет воспринят правильно. Однако она мило покраснела и поблагодарила, учуяв в его тоне искренность.

Бри проделала отличную работу, ухитрившись изобразить миссис Шерстон правдиво и в то же время польстить ей, но без явной иронии – а это наверняка было нелегко. Единственная деталь, в которой она поддавалась соблазну, – отрезанная голова Иоанна Крестителя, поразительно напоминающая мрачные черты губернатора Триона. Впрочем, вряд ли кто узнает его под слоем крови.

Мы готовились ехать домой, и дом наполнился радостной суматохой сборов. Все ощущали облегчение, кроме Роджера.

Несомненно, ему стало лучше – чисто физически: руки снова двигались, не считая сломанных пальцев, прошла большая часть синяков на лице и теле. И главное – опухоль в горле спала настолько, что он мог дышать самостоятельно. Я вытащила трубку и зашила надрез – операция небольшая, но болезненная; Роджер перенес ее молча, напрягшись всем телом и уставясь в потолок широко открытыми глазами.

А вот психологически он был далек от выздоровления. Заштопав

горло, я помогла ему сесть, вытерла лицо и дала немного воды с бренди. Пока он глотал, я осторожно положила пальцы на шею и закрыла глаза, отслеживая движение гортани и трахеи и стараясь определить степень повреждения.

Открыв глаза, я увидела в пяти сантиметрах его собственные, все еще широко распахнутые, и в них вопрос – холодный и резкий, словно горный ледник.

– Не знаю, – ответила я наконец едва слышным шепотом. Под кожей ощущалось биение сонной артерии, течение жизни. А вот странно искривленная гортань не двигалась: ни пульсации, ни вибрации воздуха между связками.

– Не знаю, – повторила я и медленно убрала пальцы. – Хочешь... попробовать?

Роджер покачал головой, встал с постели и подошел к окну. Вцепившись в деревянную раму, он выглянул на улицу, и тут в памяти шевельнулась похожая картинка...

Тогда, в Париже, ночь была лунная. Проснувшись, я обнаружила, что Джейми стоит голый в оконном проеме, шрамы на спине серебрятся, а кожа блестит от холодного пота. Роджер тоже вспотел, только от жары, льняная рубашка прилипла к телу – те же самые очертания. И тот же взгляд человека, который решил в одиночку сражаться со своими демонами.

На улице слышались голоса – из лагеря вернулся Джейми с маленьким Джемом. Он взял привычку брать его с собой, чтобы Бри могла днем спокойно поработать. В результате Джемми выучил четыре новых слова (из них всего два – ругательные), а приличный сюртук деда был весь заляпан и пах, как использованный подгузник. Тем не менее оба, похоже, радовались совместным прогулкам.

Снизу донесся смех Брианны, вышедшей во двор забрать сына. Роджер застыл, словно вырезанный из дерева. Мог хотя бы постучать по раме, помахать, еще как-то привлечь внимание... Но он не двигался.

Я тихо встала и вышла из комнаты, ощущая комок в горле.

Когда Бри унесла сына, Джейми рассказал мне, что Трион выпустил большую часть пленников, захваченных во время битвы.

– Хью Фаулза тоже. – Он снял сюртук и ослабил ворот рубашки, подставляя лицо редкому сквозняку из окна. – Я замолвил за него словечко – и Трион прислушался.

– Ну еще бы! – резко отозвалась я.

Джейми взглянул на меня и издал глубокий горловой звук. Это напомнило мне о Роджере, чья гортань уже не способна к такой форме

самовыражения, присущей лишь шотландцам.

Видимо, все эмоции отразились у меня на лице – Джейми поднял брови и коснулся моей руки. Было слишком жарко, чтобы обниматься; я ненадолго прижалась к его плечу, ощущая надежную крепость тела под тонкой влажной тканью рубашки.

– Я зашила ему горло; дышать он может, но не уверена, что когда-нибудь заговорит. – Тем более запоет. В сыром воздухе витала невысказанная мысль.

Джейми издал еще один звук, на этот раз сердитый.

– Я напомнил Триону обещание насчет Роджера, и он выдал мне документ на право владения землей – пять тысяч акров рядом с нашим участком. Это его последнее официальное постановление – ну, почти.

– В каком смысле?

– Помнишь, я сказал, что он освободил большую часть пленников? – Джейми отошел к окну. – Всех, кроме двенадцати регуляторов, объявленных вне закона. Ну, так он утверждает. – Ирония в голосе – гуще пыльного воздуха. – Через месяц их будут судить по обвинению в мятеже.

– И если признают виновными...

– По крайней мере, они смогут замолвить за себя слово, прежде чем их повесят.

Нахмурясь, Джейми остановился перед портретом, хотя вряд ли заметил детали.

– Дождаться, чем дело кончится, я не намерен. Сказал Триону, что нам пора ехать обрабатывать землю, и он распустил отряд.

У меня словно камень с души свалился. В горах прохладно, свежий воздух, – больному пойдет на пользу.

– Когда отправляемся?

– Завтра. – Да, он заметил портрет и одобрительно кивнул, глядя на отрубленную голову. – Задерживаться стоило только ради одной вещи, да и то уже вряд ли.

– Какой?

– Сын Дугала, – ответил Джейми, поворачиваясь. – За последние десять дней я прочесал всю страну в поисках Уильяма Бакли Маккензи. Нашел тех, кто знает, но никого, кто видел бы его с Аламанса. Некоторые думают, что он уехал из колонии насовсем. Многие регуляторы сбегали; говорят, Хазбенд увез своих в Мэриленд. А Маккензи просто исчез, как змея в крысиной норе, – он и его семья.

Прошлой ночью мне приснилось, что мы с Роджером лежим под большой рябиной ясным летним днем и, как обычно, философствуем – о вещах, которых нам не хватает.

Я призналась, что продала бы душу дьяволу за плитку шоколада с миндалем, и бац – она тут же материализовалась на траве. Я сняла обертку; запахло настоящим шоколадом, и я откусила дольку.

Роджер поднял белую обертку и сказал, что больше всего ему не хватает туалетной бумаги – эта слишком скользкая. Я засмеялась: ничего тут сложного нет, ее можно делать и сейчас. На земле тут же возник рулон; к нему подлетел огромный шмель, уцепился за конец и улетел, наматывая бумагу на ветви дерева.

Потом Роджер сказал, что это богохульство – думать о вытирании задницы – здесь то есть. Мама пишет истории болезни крошечными буквами, а папа – письма в Шотландию на обеих сторонах листка, а потом переворачивает набок и продолжает через строчки, так что получается решетка.

Затем я увидела папу: он сидел на земле и писал письмо тете Дженни на туалетной бумаге, а она все разматывалась и разматывалась, и шмель уносил ее все дальше и дальше, в Шотландию.

Я трачу бумагу больше всех. Тетя Иокаста отдала мне свои старые альбомы и целую кипу акварельной бумаги, но расходовать ужасно стыдно, ведь она такая дорогая. А что делать – я не могу без рисования. Повезло с этим портретом: раз я зарабатываю деньги, значит, имею моральное право использовать немножко на свои нужды.

Тут сюжет переменился, и вот я уже рисую Джемми карандашом 2Б желтого цвета. На нем черными буквами выбито «Тикондерога». Только вместо альбома в руках у меня тоже туалетная бумага, и карандаш постоянно ее прорывал, а я злилась и все комкала.

А потом потянулся этот вечный дурацкий сон, когда бродишь вокруг в поисках туалета и не находишь, а просыпаясь, понимаешь, что и вправду нужно выйти.

Даже не знаю, чего бы мне хотелось больше: шоколада, туалетной бумаги или карандаша. Пожалуй, карандаша. Я аж почувствовала запах свежезаточенного кончика и ощутила его твердость между пальцами и на зубах. Когда я была маленькой, то имела вредную привычку грызть карандаши. До сих пор помню, как прокусывала краску, добиралась до

дерева и прогрызала его по всей длине, словно бобер.

Жаль, что у Джема не будет новенького желтого карандаша или школьного рюкзака с Бэтменом, когда он пойдет в школу, – если вообще пойдет.

А Роджер не может держать карандаш – пальцы еще не зажили...

И тут я поняла: не нужно мне ни шоколада, ни карандашей, ни бумаги. Я хочу, чтобы Роджер снова со мной заговорил.

Глава 75

Позови меня

Возвращение во Фрейзер-Ридж заняло гораздо меньше времени, чем поездка в Аламанс, хотя дорога шла в гору. Стоял конец мая, и кукурузные стебли уже вымахали высоко, рассыпая по ветру золотую пыльцу. Дома, в горах, зерно едва проклюнулось. А еще скоро появятся новорожденные телята, ягнята и жеребята, и их нужно будет защищать от волка, лисы и медведя. Как только губернатор распустил кампанию, люди тут же поспешили домой обрабатывать родные поля.

В результате мы возвращались небольшой группой – всего два фургона. С нами поехали несколько фермеров, живущих возле Риджа, да братья Финдли – наш путь лежал мимо усадьбы их матери.

Я украдкой бросила взгляд на Финдли, помогающих разгружать фургон и разбивать лагерь на ночь. Славные ребята, тихие. Джейми они уважают и даже слегка благоговеют перед ним. А вот к Роджеру за время кампании у них сформировалась странная привязанность, чуть ли не преданность, которая продолжилась и после роспуска отряда.

Как-то раз они даже пришли навестить его в Хиллсборо. Краснея и поджимая пальцы на ногах от смущения на турецких коврах Фиби Шерстон, они молча презентовали Роджеру три ранних яблока, зеленые и кривобокие, явно утащенные из чужого сада. В ответ он широко улыбнулся и героически откусил от яблока прежде, чем я успела его остановить. Учитывая, что он питался лишь жидким супом, этот кусок едва не стоил ему жизни. Задыхаясь и кашляя, Роджер кое-как проглотил яблоко, и все трое уставились друг на друга с глупой ухмылкой, а в глазах у них стояли слезы.

В дороге братья старались держаться поближе к Роджеру, всегда готовые подскочить и помочь, если он с чем-то не справлялся. Джейми как-то рассказал мне об их дяде, Иэне Море; теперь понятно, откуда у них такой опыт угадывания невысказанных желаний.

Молодой и сильный, Роджер поправлялся быстро, да и переломы были не слишком серьезные; и все же для полноценного срастания костей двух недель маловато. Я бы оставила шины еще на неделю, но, похоже, они ему страшно надоели. Пришлось снять и предупредить, чтобы он берег пальцы, но разве мужчина послушается? Вот и сейчас потянулся за тяжелым мешком.

– А ну не смей! – воскликнула я, вовремя схватив его за руку. Он поднял бровь, добродушно пожал плечами и отступил, позволив Хью Финдли забрать мешок.

Иэн, его брат, в это время возводил примитивный очаг из камней. Помедлив, Роджер указал на него, а затем на ближайший лесок. Можно ли ему собрать хворост для костра?

– Нет, конечно! – твердо отрезала я.

Тогда он жестами изобразил процесс питья. Принести воду?

– Нет, – покачала головой я. – Ведро выскользнет, и...

Я огляделась, пытаясь придумать занятие ему по силам, однако любая работа по обустройству лагеря требовала крепких мужских рук. В то же время я прекрасно понимала, как неприятно ему околачиваться без дела, чувствуя себя совершенно бесполезным. Он и так сыт по горло, что с ним обращаются, как с инвалидом; в его глазах уже блеснула первая искорка бунта. Еще одно «нет», и он назло мне кинется поднимать фургон.

Заметив намечающуюся стычку, возле нас остановился Джейми.

– А писать ему можно? – спросил он.

– Писать? Что писать? – удивилась я.

– Любовные письма? – с ухмылкой предположил Джейми, выудив из мешка походную доску. – Или сонеты? – Он бросил доску Роджеру, и тот ловко поймал ее, несмотря на мой протестующий вопль. – Только прежде чем сочинять хвалебную оду Уильяму Триону, напиши-ка ты мне, как наш общий родственник пытался тебя прикончить, лады?

На секунду Роджер замер как вкопанный, криво улыбнулся, кивнул и принялся за дело, прервавшись только на ужин. Это была тяжелая и утомительная работа: переломы почти зажили, но опухоль еще не спала, и пальцы плохо гнулись. При виде его мучений у меня у самой заныли суставы.

– Ну-ка перестань!

Я подняла голову от сковородки и застала Брианну в смертельной схватке с собственным сыном: тот выгнулся дугой в ее руках, извиваясь ужом и пинаясь, – словом, вел себя так, что даже любящий родитель в подобных случаях подумывает о детоубийстве. Роджер вздернул плечи, однако продолжил упорно писать.

– Да что с тобой такое?! – окончательно разозлилась Бри. Встав на колени, она силой согнула Джемми в полусидячее положение, очевидно пытаясь уложить его и сменить подгузник. Проспав большую часть дня в фургоне, малыш проснулся в дурном настроении и теперь капризничал, возражая против любых манипуляций.

– Наверное, еще не устал, – предположила я. – Он же вроде поел?

Вопрос риторический – мордашка и волосы Джемми были измазаны пудингом.

– Ага. – Брианна провела рукой по волосам – таким же растрепанным, хоть и почище. – Он-то не устал, а вот я – да.

И немудрено – большую часть дня она шла пешком, чтобы пощадить лошадей на крутых склонах. Я, кстати, тоже.

– Оставь его, я присмотрю. Сбегай лучше умойся, – предложила я, благородно подавив зевок, затем взяла большую деревянную ложку и завлекаяще помахала ей в сторону Джема. Стоя на четвереньках, тот издавал жуткие вопли; заметив ложку, он замолчал и подозрительно уставился на меня.

Я пододвинула ему пустую жестяную кружку. Сработало – он тут же перекатился на задницу, схватил ложку обеими руками и принялся вколачивать кружку в грязь.

Дочь бросила на меня благодарный взгляд, вскочила и направилась в сторону ручья. Быстрое ополаскивание в ледяной воде, конечно, не сравнить с ванной при свечах, но тут главное не комфорт, а уединение. Глоток свободы творит с матерями чудеса – по себе знаю. А чистые руки, ноги и лицо значительно улучшают взгляд на мир, особенно после целого дня жары, пыли и грязных подгузников.

Я критически осмотрела собственные руки: вожжи, дрова, готовка, отскребание котлов... Да, пожалуй, мой взгляд на мир тоже нуждается в некотором улучшении.

Впрочем, вода – не единственная жидкость, способная поднять настроение. Джейми протянул мне кружку и уселся рядом.

– *Slàinte, mo nighean donn*^[5], – сказал он тихо, поднимая кружку и улыбаясь.

– М-м-м... – Я закрыла глаза, вдыхая ароматный пар. – А разве правильно говорить «Slàinte», если пьешь не виски?

В кружке оказалось вино, притом весьма неплохое, хоть и резковатое, – с земляным привкусом, насыщенное солнечными лучами и виноградными листьями.

– А почему бы и нет? Это всего лишь пожелание здоровья.

– Я думала, пожелание здоровья имеет более практический смысл; по крайней мере, с некоторыми сортами виски. То есть ты как бы желаешь собутыльнику выпить и не отдать концы.

Джейми засмеялся, весело щуря глаза.

– Ну, знаешь, я еще никого не отравил!

– Да я вовсе и не про тебя, – заверила я, отпив глоточек. – Вкусно! Просто вспомнила тех ребят из полка Эши.

Как-то раз часовой нашел троих вусмерть пьяных солдат; оказалось, раздобыли бог знает где бутылку мутного пойла под видом виски. Полкового врача у них не было, так что прислали за мной посреди ночи. Все трое выжили, но один ослеп на правый глаз, а второй получил незначительные повреждения мозга (хотя вряд ли он и прежде блистал умом).

Джейми пожал плечами. Алкоголизм – это одно дело, а некачественная перегонка – совсем другое.

– *Thig a seo, a chuisle!* ^[6] – крикнул он Джейми, который уже утратил интерес к ложке и теперь подбирался к кофейнику, оставленному у очага.

Малыш проигнорировал призыв. К счастью, его вовремя перехватил Том Финдли и принес нам.

– Сядь! – велел Джейми. Не дожидаясь ответа, он усадил ребенка на землю и протянул ему мячик, скрученный из тряпок. Джейми схватил его, переводя шкошливый взгляд с деда на огонь.

– Я тебе брошу! По заднице получишь! – пригрозил Джейми.

Ребенок нахмурил бровки и выдвинул дрожащую нижнюю губу, однако передумал.

– *Chuisle*, – повторила я новое слово. – А что это значит?

– Э-э... – Джейми задумчиво потер переносицу. – «Моя кровь».

– А я думала, это «*mo fuil*».

– Это если порезаться. А *chuisle* – это как «...в жилах твоих течет моя кровь». Так говорят только маленьким детям в семье.

– Здорово. – Я поставила пустую кружку на землю и прислонилась к его плечу. Под воздействием вина переутомление сгладилось. – А Жермена можно так назвать? А Джоан? Или считается только прямое родство?

– Ну, Жермена я бы скорее назвал *un petit emmerdeur* ^[7], – фыркнул Джейми. – А Джоан – да, можно. Это ведь кровь сердца, понимаешь, не только тела.

Сгущались сумерки. Джейми уронил мячик и заворуженно уставился на светлячков, мигающих в траве. Наевшись, мужчины раскинулись под платаном, наслаждаясь вечерней прохладой; передавали по кругу бутылку вина и лениво перебрасываясь словами. Братья Финдли возились у фургона, что-то перекидывая друг другу, роняя половину и переругиваясь.

Зашуршали кусты, и к огню вышла Брианна – мокрая, но повеселевшая. Проходя мимо Роджера, она осторожно коснулась его спины

и заглянула через плечо. Он поднял голову, вздохнул, покорно собрал листки и протянул ей. Брианна присела рядом и углубилась в чтение, отбрасывая мокрые волосы и силясь разобрать буквы при свете костра.

На рубашку Джейми приземлился светлячок, мерцая зеленым в темных складках ткани. Я протянула палец, и он улетел, поднимаясь над огнем, словно сбежавшая искорка.

– Здорово ты придумал – засадить Роджера за письмо. Прямо не терпится узнать, что же с ним стряслось.

– Мне тоже, – кивнул Джейми. – Хотя Уильям Бакли исчез, и теперь уже не столь важно, что случилось с Роджером, как то, что с ним будет дальше.

Я прекрасно поняла, о чем он. Уж кому-кому, а ему известно, каково это – когда из тебя вышибают душу и сколько сил требуется на восстановление. Я взяла его за руку и погладила искалеченные пальцы, осторожно касаясь загрубевших шрамов.

– Значит, тебе не важно, что твой родственник может оказаться кровавым убийцей? – спросила я как бы невзначай, заглушая более серьезный разговор наших рук.

Джейми издал хриплый звук, похожий на смех; его пальцы, гладкие от мозолей, слегка сжали мои.

– Он же Маккензи, саксоночка. Маккензи из Леоха.

Да, мне говорили, что Фрейзеры упрямы, как ослы. Сам Джейми иначе описывал род Маккензи из Леоха: милые, как птички, – и притом хитрые, как лисы. Это вполне подходило дядьям, Колуму и Дугалу. Об Эллен, его матери, я вроде бы не слышала ничего похожего; с другой стороны, она умерла, когда Джейми было восемь. Тетя Йокаста? Отнюдь не глупа, но в умении строить козни ей до братьев далеко.

– Что-что ты сделал?! – воскликнула вдруг Брианна по ту сторону костра, глядя на Роджера со смешанным чувством изумления и ужаса. Тот поднял руку, прося ее говорить тише, и оглянулся на мужчин, сидящих под деревом, – не дай бог услышали!

И тут вдруг выражение осторожности на его лице сменилось ужасом; он вскочил на ноги и заревел:

– СТОЙ!

Это был жуткий вопль, громкий и хриплый, но в то же время приглушенный, словно в горло засунули кулак. Все замерли, включая Джемми, который позабыл про светлячков и украдкой вернулся к исследованию кофейника, уже протянув к нему ручонку. Он уставился на отца, затем сморщил личико и заскулил от страха.

Роджер нагнулся и схватил ребенка; тот завизжал, выворачиваясь из рук страшного незнакомца. Бри поспешно забрала его, прижав к груди; ее лицо побелело от шока.

Роджер и сам опешил. Он неуверенно положил руку на горло, словно сомневался, его ли это плоть. Даже в неясном свете костра были видны шрамы – большой грубый от веревки и маленький аккуратный надрез.

Опомнившись, мужчины выползли из-под дерева, окружили его, загомонили, принялись поздравлять. Роджер кивал, позволял жать себе руку и хлопать по спине, но видно было, что ему хотелось сбежать куда подальше.

– Скажи еще что-нибудь! – попросил Хью Финдли.

– Да, ведь ты теперь можешь! – присоединился Иэн, сияя круглым лицом. – Скажи... скажи: «Карл у Клары украл кораллы»!

Предложение было освистано, и тут же посыпался град новых идей. Роджер совсем растерялся и начал оглядываться по сторонам, упрямо сжав челюсти. Джейми встал и уже хотел вмешаться, как в круг протолкнулась Брианна, держа Джемми на бедре. Взяв Роджера за руку, она улыбнулась ему, лишь краешки губ слегка дрожали.

– Сможешь назвать мое имя? – спросила она.

Тот улыбнулся в ответ и со свистом вдохнул воздух.

На этот раз он говорил тихо, очень тихо, но все затаили дыхание, наклонившись вперед. Послышался шепот, глухой и сбивчивый; первый слог с трудом пробился сквозь больные связки, последний был едва различим:

– Бррееа...на...

И она разрыдалась.

Глава 76

Долг чести

Фрейзер-Ридж

Июнь 1771 года

Я сидела в кабинете Джейми, натирая корень сангвинарии, а он сражался с квартальными счетами. Оба занятия были довольно скучными и утомительными, зато мы делили одну свечку на двоих и наслаждались обществом друг друга. К тому же меня приятно отвлекали остроумные замечания, которые он то и дело адресовал бумагам.

– Ах ты, скунсов сын! – пробормотал Джейми. – Ну ведь форменный вор! Два шиллинга три пенса за две головки сахара и пачку индиго!

Я сочувственно поцокала языком, воздержавшись от комментария. По мне, два шиллинга – вполне умеренная цена за товары, которые произвели в Вест-Индии, доставили по морю в Чарльстон, а после катили в фургоне, переправляли на пироге, везли верхом на лошади и тащили пешком еще несколько сотен миль. Странствующий торговец, принесший их к нашей двери, даже не рассчитывает на оплату до следующего прихода через три-четыре месяца, да и то вряд ли получит деньгами – скорее, ему дадут шесть горшочков крыжовенного джема или олений окорок.

– Нет, ты только посмотри, а! – риторически воскликнул Джейми, ведя скрипучим пером вдоль колонки цифр и резко вонзая кончик в итоговую графу. – Фляга вина – двенадцать шиллингов, два куса муслина по три десять каждый, скобяной товар – кстати, на кой черт Роджеру скобяной товар, он что, решил играть на мотыгах? – десять и шесть!

– Кажется, это плужный лемех, – мирно вставила я. – Роджер купил его для Джорди Крисхольма.

Лемеха действительно были дороговаты. Их приходилось заказывать из Англии, так что среди мелких фермеров они считались редкостью; большинство привыкло обходиться деревянными тяпками, лопатами, топорами и, пожалуй, железной мотыгой.

Джейми злобно покосился на цифры, ероша волосы рукой.

– Ага, – откликнулся он. – Только у Джорди ни пенни за душой, пока

не продадут урожай будущего года. Вот и получается, что плачу за все я, разве нет?

Не дожидаясь ответа, он вновь погрузился в расчеты, бормоча «Грязный сын летающей черепахи», и непонятно было, относятся ли его слова к Роджеру, Джорди или лемеху.

Я дотерла корень и выбросила остатки в кувшин на столе. В народе сангвинарию называют «кровоной корень»: сок у нее красный, липкий и с резким запахом. Чашка у меня на коленях была полна влажных, сочащихся стружек, а руки выглядели так, словно я расчленяла маленьких зверьков.

– У меня есть вишневый ликер – шесть дюжин бутылок, – предложила я, взяв еще один корень. – Фергюс может отвезти их в Салем и продать.

Джейми рассеянно кивнул:

– Я собираюсь купить на них зерно для посева. Еще что-нибудь? Свечи? Мед?

Я метнула в него неприязненный взгляд, но угодила лишь в торчащие вихры на макушке. Мед и свечи – большая тема.

– Ну, пожалуй, галлонов десять меда смогу выделить, – осторожно сказала я. – И десять – ладно, двенадцать – дюжин свечей.

Джейми почесал кончик носа пером, оставив пятно.

– А я думал, год выдался урожайный, – мягко заметил он.

Так и было: первоначальный рой расширился и теперь в саду стояло уже девять ульев. В этом году я сняла пятьдесят галлонов меда и воска на добрых тридцать дюжин свечей. С другой стороны, у меня были на них свои планы.

– Мед нужен в лечебных целях, – пояснила я. – Им хорошо обрабатывать раны от бактерий.

Джейми поднял бровь, не отрывая глаз от своих каракулей.

– Так ведь мухи налетят, – заметил он, – если не медведи. И сколько же тебе нужно? Вряд ли ожидается толпа раненых – если, конечно, ты не намерена обмазывать их с ног до головы.

Я засмеялась, позабыв про осторожность.

– Нет, двух-трех галлонов будет достаточно. Ну, скажем, пяти – вдруг понадобится для электролитических жидкостей.

Джейми поднял обе брови.

– Электрических? – Он покосился на пламя свечи, колеблющееся на сквозняке, затем перевел взгляд на меня. – Вроде Брианна что-то такое говорила – это связано со светом? Или с молнией?

– Да нет, электролитических, – произнесла я с нажимом. – Сахарная вода. Понимаешь, при кровотечении, поносе, от шока человек теряет

жизненно важные ионы, а электролитическая жидкость их восполняет и при этом нормализует давление.

– А, вон оно как... – Лицо Джейми зажглось интересом, и он уже собирался было продолжить расспросы, но покосился на кипу бумаг, вздохнул и снова взялся за перо. – Ну, лады, – уступил он. – Оставь себе. А мыло?

Я кивнула, довольная. Путем долгих экспериментов мне наконец удалось получить мыло, которое не пахло, какдохлая свинья в щелоке, и не сдирало верхний слой эпидермиса. Правда, вместо нутряного сала требовалось подсолнечное или оливковое масло – очень дорогие товары.

Я планировала обменять лишний мед на масло у индианок чероки и сварить мыло и шампунь, которые, в свою очередь, можно дорого сбыть где угодно – в Вилмингтоне, Нью-Берне, даже в Чарльстоне, если мы рискнем забраться так далеко. Не знаю, согласится ли Джейми на такую авантюру; реализация займет месяцы, а мед он может выгодно продать прямо сейчас. Если убедить его, что мыло принесет куда больше денег, чем мед, он не станет возражать.

Однако раскрыть перед ним свои планы я не успела: в коридоре послышались легкие шаги и в дверь деликатно постучали.

– Войдите, – отозвался Джейми и выпрямился.

В комнату просунулась голова мистера Уимиса. При виде моих заляпанных рук он слегка опешил. Джейми дружелюбно поманил его кончиком пера.

– Ну что, Джозеф?

– Сэр, позвольте вас на два слова?

Мистер Уимис был одет как обычно, в рубашку и бриджи, однако приглаженные водой редкие волосы говорили о некоторой формальности визита.

Я поднялась, но он жестом остановил меня:

– Нет-нет, мэ, останьтесь. Дело касается Лиззи, и мне нужен женский взгляд.

– Хорошо. – Я снова уселась, сгорая от любопытства.

– Неужели ты нашел малютке Лиззи подходящего жениха? – Джейми бросил перо в кувшин и указал на свободный стул.

Мистер Уимис кивнул и уселся с достоинством, что не вязалось с его обычной робкой манерой.

– Похоже на то, мистер Фрейзер. Утром ко мне заходил Робин Макгилливрей замолвить словечко за своего парня, Манфреда.

Мои брови полезли вверх от изумления. Насколько я знала, Манфред

видел ее от силы раз пять и едва ли обменялся парой учтивых фраз. Без сомнения, Лиззи – девушка привлекательная, хоть и застенчивая, но это все же не тянет на повод для брака.

По мере объяснения стало понятнее. Когда-то Джейми пообещал Лиззи приданое – участок земли, а мистер Уимис, освобожденный от договора, имел право на пятьдесят акров, которые Лиззи также наследовала. Земля Уимиса примыкала к участку Макгилливреев; вместе они составили бы вполне приличную ферму. Судя по всему, выдав замуж троих дочерей, Юта Макгилливрей взялась устраивать брак Манфреда. Перебрав всех свободных девушек в радиусе двадцати миль, она остановила выбор на Лиззи и отправила мужа на переговоры.

– Что ж, Макгилливрей – достойное семейство, – рассудительно заметил Джейми, обмакнул палец в мою чашку и задумчиво принялся водить по промокашке. – Земли у них немного, зато Робин молодец, да и Манфред работяга, насколько я слышал.

У Робина была оружейная мастерская. Манфред прежде работал подмастерьем у другого оружейника в Хиллсборо, а теперь и сам встал на ноги.

– Он заберет ее в Хиллсборо? – спросила я. Для Джозефа это очень важный момент. Он нежно любил свою дочь, и хотя был готов на все ради ее будущего, расставание с ней – как ножом по сердцу.

Джозеф покачал головой. Приглашенные волосики к этому времени высохли и закурчавились.

– Робин говорит, парень хочет попробовать в Вулэм-Крик – если потянет мастерскую. А жить будут на ферме. – Он бросил быстрый взгляд на Джейми и отвернулся, покраснев.

Джейми склонил голову, и уголки его губ слегка дрогнули. Значит, вот что от него требуется. Вулэм-Крик – небольшое растущее поселение у подножия хребта. Вулэмы, местная семья квакеров, владели мельницей и землей по ту сторону ручья, в дальнем конце, а Джейми – по эту сторону.

Он уже выделил участки, инструменты и материалы Ронни Синклеру, Тео Фраю и Бобу О'Нилу на постройку бондарни, кузницы – так и недостроенной – и небольшой лавки. По условиям, с этого мы должны получить долю с любой прибыли, но не скоро.

Как и мы, Юта Макгилливрей строила планы на будущее. Разумеется, она знала, что Джейми особенно ценит Лиззи и ее отца и потому сделает для нее все возможное. Именно на это и намекал сейчас Джозеф Уимис: сможет ли Джейми выделить Манфреду небольшой участок в Вулэм-Крик в рамках соглашения?

Краем глаза Джейми покосился на меня. Я едва заметно пожалала плечом. Интересно, приняла ли Юта во внимание физическую хрупкость Лиззи? В округе полно девушек и покрепче, более приспособленных к тяготам материнства. С другой стороны, если девочка умрет в родах, Макгилливреи получат и ее приданое, и участок в Вулэм-Крик, а новую жену найти несложно.

– Что-нибудь придумаем, – осторожно ответил Джейми. Его взгляд скользнул вдоль удручающих колонок цифр и вернулся ко мне. Земля – не проблема; инструменты и материалы тоже можно раздобыть.

Я поджала губы и нахмурилась. Нет уж, мед не отдам!

Джейми вздохнул и откинулся на стуле, барабанив запачканными пальцами по столешнице.

– Ладно, справимся, – сказал он. – А девочка что? Пойдет за Манфреда?

На лице мистера Уимиса отразилось легкое сомнение.

– Говорит, согласна. Он – славный парень, правда, мать у него... Хорошая женщина, – добавил он поспешно, – разве что малость... кхм...

Джозеф обернулся ко мне, нахмутив узкий лоб.

– Только боюсь, Элизабет сама не знает, чего хочет. Она, конечно, понимает, что это хорошая партия, да и я буду рядом... – Его лицо на секунду смягчилось и тут же вновь приняло серьезное выражение. – Но я вовсе не хочу, чтобы она пошла на это ради меня.

Он застенчиво глянул на Джейми.

– Я так любил ее мать... – выпалил он, словно выдавая постыдную тайну, покраснел и опустил глаза на тонкие пальцы, сплетенные на коленях.

– Понятно. – Я тактично отвернулась и стряхнула со стола кожуру. – Хотите, я с Лиззи поговорю?

– Ой, спасибо вам огромное!

Джозеф обрадованно вскочил и принялся жать руку Джейми и кланяться мне. Наконец он вышел, беспрестанно кивая и бормоча благодарности.

Джейми вздохнул и покачал головой.

– Бог свидетель, как же трудно выдавать дочерей замуж! Даже когда они знают, чего хотят, – добавил он туманно, имея в виду Брианну и Марсали. – Может, оно и к лучшему, когда не знают...

Единственная свеча догорала, отбрасывая неясные тени. Я поднялась и подошла к шкафчику, где лежал запас. К моему удивлению, Джейми опередил меня, выкопав откуда-то из недр приземистые свечные часы. Запалив фитиль от старой свечи, он пристально посмотрел мне в глаза. Я осторожно прикрыла дверцу и встала рядом.

– Думаешь, пора?

Джейми молча покачал головой. Сложив руки на коленях, он следил за тем, как разгорается пламя, потом вздохнул и развернул ко мне гротеск. Состояние наших дел в плане наличных было довольно унылое.

В колонии наличные практически не использовались, особенно к западу от Эшвиля. Горцы предпочитали бартер, и пока что нам удавалось держаться на плаву. Мы производили молоко, масло, сыр, вино; выращивали картошку и зерно, заготавливали свинину и оленину, свежие овощи и сушеные фрукты, мед и воск. И самое главное – виски; правда, в ограниченном количестве. Мы засадили ячменем пятнадцать акров; учитывая град, лесные пожары и прочие форс-мажоры, с этого выйдет примерно сотня кег, которые можно вполне выгодно продать, даже сырые и невыдержанные. На деле ячмень еще зеленел в полях, и доход с него был призрачным.

На данный момент мы израсходовали и продали почти все имеющиеся запасы спиртного. Оставались еще четырнадцать небольших кег, но их трогать нельзя. С каждой выгонки Джейми откладывал две кеги на выдержку. Самой старой бочке было всего два года; еще лет десять, и, даст бог, она превратится в жидкое золото, не менее ценное, чем его твердый эквивалент.

А вот необходимые траты не могли ждать десять лет. Помимо оружейной мастерской для Манфреда и скромного приданого Лиззи оставались текущие расходы на хозяйство, скотину, да еще амбициозная идея обеспечить всех арендаторов плужным лемехом – многие до сих пор возделывали землю вручную.

И наконец, кроме личных расходов, было еще одно весьма тяжелое обязательство: чертова Лири Маккензи-чтоб-ее-Фрейзер.

Вроде как бывшая жена – и в то же время не совсем... Думая, что я исчезла навсегда, если вообще не умерла, Джейми женился на ней под давлением своей сестры Дженни. Довольно быстро стало понятно, что брак оказался ошибкой, и после моего возвращения его аннулировали, к облегчению сторон.

И все бы хорошо, но Джейми, щедрый до неприличия, согласился выплачивать Лири крупную сумму ежегодного содержания плюс приданое

обеим ее дочерям. Приданое Марсали постепенно выплачивалось землей и виски; о матримониальных планах Джоан пока ничего не слышно, а вот срок платежа Лири уже подходил – и денег у нас не было.

Я покосилась на Джейми. Тот сосредоточенно размышлял о чем-то, полузакрыв глаза. Конечно, заманчивая мысль – оставить Лири на произвол судьбы; пусть себе идет побираться по приходу. Однако предлагать такое решение смысла не было: несмотря на личную неприязнь к Лири, Джейми считал себя ответственным за нее, и дело с концом.

Выплата долга соленой рыбой и щелочным мылом тоже не вариант. Остаются три пути: продать запас виски, хотя на этом мы много потеряем в долгосрочной перспективе; занять деньги у Йокасты – возможно, только ужасно неприятно; продать что-нибудь еще. Лошадей, например. Свиней. Или драгоценности.

Свеча разгорелась, и воск вокруг фитиля начал таять. В прозрачной лужице отчетливо виднелись три камня, темные на фоне бледно-серого золота; краски приглушены, но все же различимы: изумруд, топаз и черный жемчуг.

Джейми смотрел на них молча, сдвинув рыжие брови.

Продать драгоценный камень в колониальной Северной Каролине – дело непростое; надо ехать в Чарльстон или в Ричмонд. Зато вырученных денег хватит и на Лири, и на прочие расходы. С другой стороны, камни обладали куда большей ценностью – с их помощью можно перемещаться во времени; они – защитный амулет путешественника.

Об этих опасных перемещениях мы знали лишь со слов Гейлис Дункан; с ее точки зрения, камни не только защищали человека от хаоса ирреального пространства между слоями времени, но и давали возможность выбирать нужный исторический период.

Повинуясь импульсу, я подошла к шкафу, поднялась на цыпочки и нашарила в дальнем углу сверток, затем осторожно развернула и положила на стол возле свечи. В толще крупного опала была вырезана спираль – примитивное изображение змеи, кусающей свой хвост; сквозь нее просверкивала огненная сердцевина.

Камень принадлежал другому путешественнику – таинственному индейцу по кличке Зуб Выдры, в черепе которого обнаружили серебряные пломбы. Он называл свой камень «обратным билетом»; значит, Гейлис Дункан – не единственная, кто верит в защитную силу камней в жутком межпространстве.

– Пять камней, – задумчиво протянул Джейми. – Ведьма сказала – нужно пять?

– Да.

Несмотря на теплый вечер, волосы у меня на загровке встали дыбом: я вспомнила Гейлис и того индейца с черным лицом (краска смерти) – с ним я повстречалась на холме ровно перед тем, как нашла опал и череп, зарытый рядом. Не его ли это череп с серебряными пломбами?

– А камни должны быть обработанные? Или необязательно?

– Вроде она сказала – ограненные лучше. А может, и неправда.

Вот где проблема – мы так мало знаем наверняка...

Джейми хмыкнул и потер переносицу костяшкой пальца.

– У нас есть три камня плюс отцовский рубин – те отполированы и огранены, итого четыре. Потом еще этот малыш, – он кивнул на опал, – и камень в твоём амулете – те не обработаны.

Конечно, за ограненные удастся выручить куда больше. И все же однажды нехватка камня может стоить Брианне или Роджеру жизни...

– Вряд ли, – ответила я на его невысказанную мысль. – Бри точно останется, пока Джемми не вырастет, а то и навсегда.

В конце концов, как бросить ребенка? Возможность нянчить внуков? Впрочем, я же бросила... Я рассеянно потерла палец над гладким металлом обручального кольца.

– Она-то да, а парень? – Джейми взглянул на меня, приподняв бровь; пламя свечи отражалось в его глазах, синих, словно чистые сапфиры.

– Роджер не оставит Бри и сына.

Я говорила уверенно, хотя в сердце уже закралась тень сомнения, и голос дрогнул.

– Пока нет, – тихо уточнил Джейми.

Я вздохнула, но промолчала, прекрасно понимая, о чем он. Окутанный немотой, Роджер все глубже уходил в свою раковину.

Его пальцы зажили, и я намекнула Брианне: может, стоит поискать утешения в бойране? Уж не знаю, стала она ему говорить или нет, только инструмент продолжал висеть на стене их хижины, столь же молчаливый, сколь и его хозяин.

Правда, Роджер улыбался, играл с Джемми и всегда был внимателен к Брианне, однако тени в глазах так и не уменьшились. Если не требовалась помощь по хозяйству, он часами где-то пропадал; иногда уходил в горы на целый день и возвращался ночью – изможденный, заляпанный грязью и молчаливый.

– Он спал с ней? С тех пор, как это случилось?

Я вздохнула, отбросив прядь волос со лба.

– Несколько раз. Впрочем, я думаю, не в последнее время.

Бри изо всех сил старалась сблизиться с ним, вытащить из глубин сгущающейся депрессии, но мне, как и Джейми, было ясно, что битва проиграна. Она тоже стала молчаливой, и в глазах легли те же печальные тени.

– А если бы он вернулся туда, в твоё время, то мог бы исцелиться? – Джейми провел пальцем по спирали.

Я снова вздохнула и села.

– Не знаю. Наверное, если сделать операцию, позаниматься с логопедом... Трудно сказать, насколько получится, – нет никаких гарантий. Теоретически, он мог бы восстановиться сам, если постарается, только ведь не станет. Или ничего не выйдет, как ни старайся, – добавила я честно.

Джейми молча кивнул. Если их брак распадется, Роджеру незачем будет оставаться здесь. И если он решит вернуться...

Джейми выпрямился и задул свечу.

– Ещё рано, – прозвучал в темноте его твердый голос. – У нас несколько недель в запасе; что-нибудь придумаем. А камни лучше пока придержать.

* * *

Прошлой ночью мне приснилось, что я пеку хлеб. Точнее, пытаюсь. Я мешаю тесто и вдруг вижу – мука кончилась. Потом кладу хлебцы на противень, сую в духовку, а они не поднимаются. Вынимаю, снова вымешиваю, накрываю полотенцем, ищу теплое место и никак не могу найти, уже отчаиваюсь; миска скользкая и тяжелая, вот-вот уроню. Отовсюду дует холодный ветер, руки и ноги замерзли, почти онемели от холода...

Я проснулась и обнаружила, что и правда заоченела. Роджер стащил с меня все одеяла и завернулся в них, а из-под двери ужасно дует. Я толкнула его и попыталась выдернуть одеяло, но он не поддавался, а поднимать шум и будить Джемми не хотелось. Наконец я встала, сняла с вешалки плащ, завернулась в него и снова уснула.

Утром Роджер поднялся рано и куда-то вышел, даже не заметив, что оставил меня замерзать.

Глава 77

Посылка из Лондона

В августе странствующий торговец по имени Джефро Уэйнрайт – один из немногих, кто отваживается взбираться по нашим крутым извилистым тропам, – доставил нам посылку. Запыхавшийся, с красным от натуги лицом, он с поклоном вручил мне пакет и заковылял в сторону кухни, оставив ослика пастись во дворе.

Маленький сверток – скорее коробка – был тщательно зашит в непромокаемую ткань и перевязан бечевкой. Тяжелый. Я потрясла, но внутри раздался лишь тихий стук – видимо, чем-то обложено. На коробке значилось: «Мистеру Джеймсу Фрейзеру, эсквайру. Фрейзер-Ридж, Каролина».

– Что же это такое может быть? – спросила я ослика. Вопрос был риторический, но дружелюбное создание подняло морду, с которой свисали стебли овсяницы, и заревело.

На звук тут же откликнулись Кларенс и лошади, а за ними – люди. Привлеченные шумом, со стороны амбара появились Джейми и Роджер, с ручья – Брианна, а из-за навозной кучи восстал мистер Баг, словно стервятник над трупом.

– Спасибо, – сказала я ослику. Тот скромно махнул ухом и вернулся к трапезе.

– Что это? – Брианна встала на цыпочки и заглянула Джейми через плечо. – Не из Лаллиброха?

– Нет, почерк не Иэна... и не сестрин, – почти не колеблясь, ответил тот, хотя я заметила, что он дважды глянул на карточку. – Пришла издалека. По морю?

Джейми сунул коробку мне под нос; я принялась и кивнула.

– Да, пахнет смолой. И никаких сопроводительных бумаг?

Он перевернул посылку.

– Была печать, но, похоже, сломалась. – На бечевке болтались серые лохмотья воска – все, что сохранилось за долгую дорогу.

Мистер Баг покачал головой, с сомнением глядя на посылку.

– На мотыгу не похоже.

– Нет, не налопатник, – согласился Джейми, взвешивая коробку в руке. – Не книга и даже не стопка бумаги. Вроде я ничего такого не заказывал. Может, твои семена, саксоночка? Ведь мистер Стэнхоуп обещал

тебе что-то послать из сада своего друга?

– Ой, и правда!

Это было бы здорово. У мистера Кроссли, друга Стэнхоупа, обширный декоративный сад с кучей привозных и экзотических растений, и Стэнхоуп обещал спросить, не согласится ли тот обменять свои семена редких европейских и азиатских трав на луковицы моих, как он выражался, «горных, особо жизнестойких».

Роджер с Брианной переглянулись. Для них бумага или книги были бы куда интереснее. В любом случае, радость от получения письма или посылки всегда столь велика, что никто не предлагает их открывать сразу. Всем хочется в полной мере насладиться волнующим чувством неизвестности: взвесить в руке, пощупать, понюхать, высказать предположение относительно содержимого...

Наконец, после ужина Джейми отодвинул пустую тарелку, со всеми надлежащими церемониями достал посылку, снова встряхнул и протянул мне.

– Узелок как раз для рук хирурга, – сказал он, улыбаясь.

Так оно и было. Завязывал его, конечно, не моряк, но умение скомпенсировали тщательностью – пришлось ковыряться несколько минут. Бечевку я свернула и убрала – пригодится в хозяйстве.

Острием кинжала Джейми распорол швы и достал маленькую шкатулку темного дерева, изящной работы, с медными петлями, застежкой и такой же пластиной, вмонтированной в крышку.

– «Мастерская Халлибертон и Халлибертон, Портман-сквер 14, Лондон», – прочла вслух Брианна, перегнувшись через стол.

Джейми пальцем снял застежку и осторожно поднял крышку – внутри лежал мешочек из красного бархата. Он достал его, развязал тесемки и медленно вытащил... нечто.

Это был плоский золотой диск диаметром около десяти сантиметров; края слегка приподняты, как у тарелки, а на них выгравированы какие-то крошечные символы. К центральной части крепился странный механизм из серебристого металла, состоящий из маленького циферблата, как у часов, но с тремя стрелками, соединяющими наружный край с центром большего диска.

Маленький серебристый круг тоже был украшен арканами, почти невидимыми глазу; он крепился к лирообразной дуге, которая, в свою очередь, покоилась на брюхе длинного серебристого угря, обрамляющего внутренний край золотого диска. Все это сооружение увенчивалось золотой перекладной, сужающейся по краям и похожей на очень толстую стрелку

компаса: она крепилась на штырьке, проходящем через центр диска, что позволяло ей свободно вращаться. Посреди перекладины было выгравировано «Джеймс Фрейзер».

– Пресвятая Дева, что же это такое? – Конечно же, миссис Баг первая пришла в себя.

– Планисферная астролябия, – ответил Джейми спокойным тоном, оправившись от удивления.

– А и правда! – пробормотала я.

Он повернул предмет, демонстрируя плоскую поверхность с вытравленными концентрическими кругами, которые, в свою очередь, были испещрены сотнями крошечных значков и символов. На этой стороне деталь тоже вращалась, только прямоугольная; углы были загнуты кверху, сплюснены и помечены насечками.

Бри протянула палец и благоговейно коснулась блестящей поверхности.

– Господи, неужели это правда золото? – воскликнула она.

– Ага. – Джейми осторожно положил астролябию в ее раскрытую ладонь. – Но почему, хотел бы я знать...

– Почему золотая или почему астролябия? – уточнила я.

– Почему золотая, – ответил он. – Я давно хотел такую штуку, не мог найти. Лорд Джон Грей пообещал ее прислать из Лондона и вот, видимо, сдержал обещание. Но зачем, ради всего святого...

Пока всеобщее внимание было приковано к самой астролябии, Джейми заглянул в шкатулку: на дне лежала записка, тщательно сложенная и скрепленная синей печатью. Правда, герб был незнакомый: вместо обычных звезд и полумесяца – рыба с кольцом во рту.

Джейми нахмурился, сломал печать и открыл записку.

Мистеру Джеймсу Фрейзеру, эсквайру,

Фрейзер-Ридж

Королевская колония Северной Каролины

Уважаемый сэр!

Посылаю вам сей предмет с приветом от моего отца, лорда Джона Грея. Перед отъездом в Лондон отец наказал купить самый лучший

инструмент. Зная, как высоко он ценит вашу дружбу, я постарался раздобыть таковой. Надеюсь, вам понравится.

Ваш пок. слуга,

Капитан 9-го полка Уильям Рэнсом, лорд Элсмир

– Уильям Рэнсом? – прочла Брианна через плечо Джейми. – А разве у лорда Джона такой большой сын? Вроде у него мальчик...

– Ему пятнадцать.

В голосе Джейми прозвучали странные нотки. Роджер резко поднял голову от астролябии и внимательно посмотрел на меня. Я отвернулась.

– ...значит, не Грей, – заключила Брианна.

– Нет, – рассеянно откликнулся Джейми, все еще сосредоточенный на записке, и тряхнул головой, словно отмахиваясь от какой-то мысли. – Нет, – повторил он тверже, откладывая письмо. – Это пасынок Джона. Его настоящий отец – граф Элсмир; Рэнсомы – их родовое имя.

Я упорно не отрывала глаз от пустой шкатулки, ведь у меня всегда все написано на лице.

На самом деле отцом Уильяма Рэнсома был вовсе не восьмой граф Элсмир, а Джеймс Фрейзер, и я ощущала напряженную икру под столом, хотя на лице его читалось лишь легкое раздражение.

– Видимо, ему купили офицерский чин. Итак, он поехал в Лондон и достал астролябию по просьбе отца. Похоже, для молодого человека его круга «самый лучший» означает «золотой»!

Он протянул руку, и мистер Уэйнрайт, любовавшийся своим отражением на полированной поверхности, нехотя отдал астролябию.

Джейми внимательно осмотрел ее, указательным пальцем вращая серебряную стрелку.

– Ну ладно, – резюмировал он с долей неохоты. – Сделано неплохо.

– Годящий, – одобрительно кивнул мистер Баг, протягивая руку за картофельной клеткой. – Землю мерить?

– Ага.

– Это для межевания? – Брианна взяла две штучки и села рядом с Роджером, машинально передав одну ему.

– В том числе. – Джейми аккуратно повернул астролябию и легонько качнул плоскую пластину. – Вот эта штука используется как теодолит. Слыхала про такой?

Брианна заинтересованно кивнула:

– Ага. Я знаю несколько способов геодезической съемки, но мы обычно...

Роджер поморщился – видимо, клетка острым краем задела горло. Я протянула руку в сторону кувшина с водой; он перехватил мой взгляд, едва заметно покачал головой и снова сглотнул – на этот раз легче.

– Да, я помню, ты говорила. – Джейми покосился на дочь с одобрением. – Поэтому-то мне и нужна такая штука, – он взвесил астролябию в руке, – хотя я рассчитывал на что-нибудь попроще. Оловянный куда удобнее. С другой стороны, раз дармовой...

– Дай посмотреть. – Сосредоточенно нахмурясь, Брианна передвинула внутренний диск.

– Ты умеешь пользоваться астролябией? – спросила я с сомнением.

– Я умею, – не без самодовольства заявил Джейми. – Меня во Франции научили.

Он встал и мотнул головой в сторону двери.

– Пойдем детка, я тебе покажу, как определять время.

* * *

– Ага, вот сюда. – Джейми склонился над плечом Бри, указывая на отметку на внешнем диске. Та осторожно передвинула внутренний диск, взглянула на солнце и сместила стрелку еще на одно деление.

– Пять тридцать! – воскликнула она, сияя от радости.

– Пять тридцать пять, – поправил Джейми, широко улыбаясь. – Смотри.

Он ткнул пальцем в один из крошечных символов на краю диска; издали я его даже не разглядела.

– Пять тридцать пять! – благоговейно повторила миссис Баг. – Арчи, только подумай! Последний раз я знала, сколько времени, еще в... в...

– ...в Эдинбурге, – кивнул муж.

– И правда! У моей кузины Джейн были напольные часы, такие миленькие, – звонили, как церковный колокол, циферки медные, а по бокам херувимчики...

– Последний раз я знала, сколько времени, в доме у Шерстонов. – Бри позабыла про инструмент в руках. Встретившись взглядом с Роджером, она улыбнулась. Помедлив, он криво улыбнулся в ответ.

В свете заходящего солнца, щурясь и отмахиваясь от тучи комаров, все ударились в воспоминания. Странно, подумала я. И чего их так волнует время?

Впрочем, мне тоже стало интересно, когда же я последний раз знала,

который час. На свадьбе Иокасты? Нет – в Аламансе, перед сражением. У полковника Эша были карманные часы, и... Нет, после битвы. И скорее всего, то был последний раз и для Роджера – если, конечно, он находился в сознании, когда полковой хирург объявил: сейчас четыре, а до пяти тот не доживет...

– Па, а что еще с ней можно делать?

Брианна бережно протянула астролябию Джейми, который тут же принялся стирать следы пальцев полрой рубашки.

– Да кучу всего. Определять свое местоположение на море и на суше, отыскивать нужную звезду в небе...

– Очень полезно, – заметила я, – хотя часы все же удобнее. Впрочем, ты наверняка найдешь им другое применение.

– Ага. – Джейми бережно засунул инструмент в бархатный мешочек. – Мне нужно замерить наши участки – и как можно скорее.

Бри уже повернулась, чтобы уйти, но при этих словах остановилась.

– К чему такая спешка?

– Время поджигает.

Джейми поднял голову; радость от приобретения спала, уступив место серьезности. Он глянул через плечо: на крыльце никого не осталось, кроме меня, Брианны и Роджера.

Мистер Уэйнрайт, равнодушный к чудесам науки и техники, принялся разгружать тележку; мистер Баг ему помогал, а миссис Баг сопровождала процесс подробными комментариями. К завтрашнему дню о прибытии торговца узнает вся округа, и люди поспешат к нам, чтобы обменяться товарами и последними новостями.

– Вы оба прекрасно понимаете, что нас ждет. – Джейми перевел взгляд с Бри на Роджера. – Король проиграет, но земля-то останется. И если мы хотим ее удержать, нужно как следует все замерить и зарегистрировать. Когда начнется смута, людям придется оставить свою землю, уступить захватчикам. Вернуть ее будет дьявольски трудно, однако возможно – если есть документы.

Солнце искрилось в огненных прядях его волос. Джейми кивнул в сторону темной линии гор, обрамленной роскошными золотисто-розовыми облаками.

– Мы спасли Лаллиброх, передав право владения. А юный Саймон, сын Ловата, сражался за свою землю после Каллодена и получил назад большую часть – лишь потому, что у него были бумаги, подтверждающие права.

Он аккуратно положил мешочек в шкатулку и закрыл крышку.

– Вот и мне нужны бумаги. И неважно, который из Георгов будет править в то время, – земля останется нашей. И вашей, – добавил Джейми тихо, поднимая глаза на Брианну. – А после – ваших детей.

Я накрыла его руку ладонью. Кожа была теплой от работы и дневной жары, и пах он чистым потом. Рыжие волоски на предплечье переливались на солнце медью и золотом, и я вдруг поняла, зачем мужчинам нужно знать время: они хотят ухватить мгновение в тщетной надежде, что им удастся задержаться...

Глава 78

Не пустяк

Брианна зашла в усадьбу, чтобы позаимствовать книгу, оставив Джема на кухне под присмотром миссис Баг. Отца в кабинете не было, хотя сохранился его запах – смутно различимая смесь кожи, опилок, пота, виски, навоза – и чернил.

Она потерла нос пальцем и улыбнулась. Роджер тоже пахнет всем этим, однако есть у него и свой запах. Какой? Раньше, когда он играл на гитаре, руки пахли металлом и лаком, но то было в прошлой жизни...

Отогнав неприятную мысль, Брианна сосредоточилась на книжных полках. Из последней поездки в Уилмингтон Фергюс привез три новых книги: сборник эссе Монтеня – на французском, не пойдет, потрепанный томик «Молль Флендерс» Дефо и тоненькую книжку Б. Франклина «Способы обретения добродетели».

Без вариантов, подумала она, доставая «Молль Флендерс». Книга явно видала лучшие времена: переплет потрескался, листы выпадали. Нет ничего хуже, чем дочитать до самого интересного места и обнаружить, что следующие двадцать страниц отсутствуют. Брианна осторожно пролистала книгу: вроде все на месте, хотя кое-где бумага смята или заляпана едой, к тому же пахнет жиром.

Грохот, донесшийся из маминого лазарета, заставил ее вздрогнуть. Бри рефлекторно оглянулась: конечно, сына рядом не было. Поспешно запихнув книгу на полку, она выбежала из кабинета, на секунду опередив мать в коридоре.

– Джем!

Дверца большого шкафа была распахнута, в воздухе стоял сильный запах меда. На полу валялась разбитая глиняная бутылка; посреди липкой золотистой лужицы сидел перемазанный Джемми, испуганно тараща круглые голубые глаза.

Кровь бросилась ей в лицо. Не обращая внимания на лужу, Брианна схватила сына за руку и подняла.

– Джеремайя Александр Маккензи, ты – плохой мальчик!

Она поспешно осмотрела его на предмет порезов и синяков и, не найдя таковых, шлепнула по заднице.

Пронзительный визг пробудил было угрызения совести, однако, осмотревшись вокруг, Брианна с трудом подавила желание снова его

шлепнуть.

– Джеремая!

Пол был усыпан раскрошенными сухими травами: розмарин, тысячелистник, чабрец. Марлевая полка, на которой они сохли, свисала рваными лоскутами. Повсюду валялись склянки и бутылки; у некоторых выпали пробки, и разноцветные порошки и жидкости добавляли красок в общую картину разорения. Большой холщовый мешок с крупной солью был распорот; там и сям поблескивали кучки белых кристаллов.

И самое страшное – на полу валялись останки материного амулета: разбросанные веточки трав, несколько крошечных косточек и прочие обломки.

– Мам, прости, он убежал. Я не уследила... – Брианна повысила голос, пытаюсь перекричать рев Джемми.

Чуть поморщившись от шума, Клэр огляделась, мысленно оценивая ущерб, затем наклонилась и взяла Джемми на руки.

– Ш-ш-ш-ш... – прошептала она, прикрывая ему рот ладонью. Это не помогло, и тогда Клэр легонько похлопала по разверзнутой пропасти. Получился смешной звук «ва-ва-ва», и Джемми тут же затих. Сунув палец в рот, малыш громко засопел и прижался липкой щекой к ее плечу.

– Что поделать, дети любят всюду лазать, – сказала она, больше удивленная, чем расстроенная. – Не бери в голову, детка, приберем. Слава богу, до ножей он не дотянется, да и яды я храню высоко.

Брианна облегченно выдохнула. Ладонь еще горела от удара.

– А твой амулет...

По лицу Клэр пробежала тень. Она вздохнула, похлопала Джемми по спинке и спустила его на пол, затем присела на корточки и принялась подбирать останки.

– Прости... – беспомощно повторила Брианна.

Мать небрежно махнула рукой, хотя видно было, что это стоило ей немалых усилий. Неподвязанные курчавые волосы свесились вперед, закрывая лицо.

– Мне всегда хотелось узнать, что там, – сказала она, осторожно собирая на ладонь крошечные кости. – Как ты думаешь, чьи это? Землеройка?

– Не знаю. – Поглядывая на Джемми, Брианна наклонилась, чтобы ей помочь. – По-моему, летучая мышь.

Мать вскинула голову, удивленная.

– Смотри-ка, угадала.

Она подняла с пола коричневый листок и протянула дочери.

Вглядевшись, Брианна поняла, что на самом деле это кусочек крыла летучей мыши, высохший, как пергамент; тонкая косточка проходила через него, словно прожилка листа.

– «Глаз тритона, лягушачья лапа, шерсть летучей мыши, язык собаки», – процитировала Клэр и высыпала пригоршню костей на стол. – Интересно, что она имела в виду?

– Она?

– Женщина, которая дала мне амулет. – Клэр смела в ладонь раскрошенные листья (по крайней мере, Бри надеялась, что это были настоящие листья) и понюхала. В воздухе смешалось столько запахов – невозможно ничего различить, кроме одуряющей сладости меда, но для матери с ее чувствительным носом это не составило труда.

– Восковница, пихта бальзамическая, дикий имбирь, перечница, – определила она, приняхиваясь, словно ищейка. – И еще немного шалфея.

– Перечница? Это ты про себя? – Брианна не удержалась и фыркнула.

– Очень смешно! – огрызнулась мать, высыпая крошки на стол рядом с косточками. – Это водяной перец, растет возле ручьев. Опасная штука – от него волдыри и глаза щиплет, да и все остальное, если сядешь ненароком.

Джемми, позабыв о нагоняе, уже раздобыл хирургический зажим и теперь вертел его в ручонках, пытаясь определить, съедобна ли эта штука. Брианна прикинула, не отобрать ли опасную игрушку, но в конце концов решила не трогать: мать всегда кипятила свои инструменты, да и острых углов не было.

Оставив малыша под присмотром Клэр, она вышла на кухню за водой и тряпками. Миссис Баг, конечно же, спала на скамейке, сложив руки на круглом животе и тихонько похрапывая.

Вернувшись с ведром и тряпками, Брианна застала кабинет почти прибранным. Мать ползала вокруг на коленях, заглядывая в углы и щели.

– Потеряла что? – Бри покосилась на нижнюю полку шкафа: вроде все на месте, кроме кувшина с медом. Остальные бутылки были тщательно закупорены и водворены на место, и все выглядело почти как раньше.

– Ага. – Клэр нагнулась и заглянула под шкаф. – Камень. Примерно вот такой. – Она согнула пальцы, изображая кружок размером с маленькую монетку. – Серовато-голубой, местами полупрозрачный – необработанный сапфир.

– А он точно в шкафу был? Может, миссис Баг переложила?

Клэр выпрямилась и покачала головой.

– Не, она знает, что здесь нельзя ничего трогать. Да и к тому же он был не в шкафу, а вот тут. – Она кивнула на столик, где уже лежали кости и

раскрошенные травы.

Быстрый обыск – а затем тщательный – не дал никаких результатов.

Клэр провела рукой по волосам и задумчиво глянула на Джемми.

– А тебе не кажется?..

– Вот дерь... ой, – заволновалась Брианна. Она присела на корточки и внимательно посмотрела на сына. Тот надменно игнорировал ее, сосредоточенно пытаясь засунуть зажим в левую ноздрю. К измазанному медом подбородку прилипли сухие крошки, но скорее всего, это был розмарин или чабрец...

Недовольный пристальным разглядыванием, Джемми замахнулся на нее зажимом; Бри перехватила его руку, второй рукой отобрав инструмент.

– Нельзя бить маму, это нехорошо, – рефлекторно отчитала она. – Джем, признавайся – ты проглотил бабушкин камень?

– Неть, – отрекся он, хватая зажим. – Мое!

Бри обнюхала его лицо, но так и не смогла определиться. На розмарин вроде не похоже...

– Иди понюхай, – попросила она мать. – Я что-то не разберу.

Клэр наклонилась, и Джемми восторженно взвизгнул, ожидая любимой игры «Съешь меня». К его разочарованию, бабушка всего лишь повела носом и уверенно поставила диагноз «дикий имбирь», затем взяла мокрую тряпку и протерла ребенку лицо, невзирая на вопли протеста.

– Гляди. – Клэр указала на крошечные волдыри вокруг рта, похожие на мелкий жемчуг.

– Джеремая, ну-ка признавайся – ты съел бабушкин камень? – сурово прищурилась Брианна.

Тот отвел глаза и попятился, пряча руки за спину.

– Не бить, – предупредил он. – Нихафо!

– Я не собираюсь тебя шлепать. Ты мне только скажи – не глотал вот такой камушек? – Она округлила пальцы.

Джемми хихикнул.

– Зюка, – сказал он. Этим новым словом ребенок обозначал все, что ему нравилось.

Бри раздраженно закатила глаза к потолку, затем перевела взгляд на мать.

– Похоже на то. Ему не повредит?

– Вряд ли. – Некоторое время Клэр задумчиво созерцала внука, постукивая пальцем по губам, затем пересекла комнату, открыла один из высоких шкафчиков и достала большую бутылку коричневого стекла.

– Касторка, – объяснила она, роясь в ящике в поисках ложки. – Не

такая вкусная, как мед, – добавила бабушка, сверля Джемми взглядом, – но весьма эффективная.

* * *

Может, и эффективная, но пришлось подождать. Не упуская из вида Джемми, который увлекся деревянными кубиками, женщины прибрали остатки разгрома и занялись приготовлением лекарств. Клэр никак не могла выкроить время, и у нее скопилась куча листьев, корней и семян; все это требовалось измельчить, потереть, растолочь, сварить, пропитать маслом, настоять на спирту, процедить через марлю, смешать с растопленным воском или медвежьим жиром, закатать в пилюли, а затем разложить в мешочки или разлить по бутылкам и банкам.

День был жарким, и окна открыли нараспашку, хотя приходилось то и дело отмахиваться от мух, шлепать комаров и вытаскивать из варева любопытного шмеля.

– Зайка, осторожно! – Брианна поспешно отогнала пчелу, которая села на кубик. – Плохая букашка! Бо-бо!

– Чуют свой мед, – пояснила Клэр, отмахиваясь. – Пожалуй, лучше вернуть.

Она поставила чашку с водой на подоконник, и пчелы тут же густо облепили края.

– Какие целеустремленные, – заметила Брианна, вытирая струйку пота, стекающую между грудей.

– Целеустремленность далеко заведет, – рассеянно отозвалась Клэр, помешивая раствор. – Как думаешь, готово?

– Тебе виднее. – Все же Брианна послушно нагнулась и понюхала. – Да вроде... Пахнет сильно.

Клэр окунула палец в чашку и облизала.

– Да, готово.

Сняв миску с огня, она аккуратно вылила темно-зеленую жидкость в банку через марлевый дуршлаг. На столе выстроились в ряд высокие стеклянные бутылки; их содержимое играло на солнце красными, зелеными и желтыми бликами.

– А ты всегда знала, что будешь врачом? – любопытствовала Брианна.

Мать покачала головой, сноровисто обстругивая кору кизила острым ножом.

– В молодости даже не задумывалась об этом. В то время девушки иначе представляли себе жизнь: выйти замуж, родить детей, обустроить дом... Тебе не показалось, что Лиззи вчера как-то нездорово выглядела? Хотя, может, это из-за свечей...

– Да нет, вроде нормально. Как ты думаешь, она правда влюблена в Манфреда?

Накануне в усадьбе праздновали помолвку Лиззи с Манфредом Макгилливреем; присутствовала вся их обширная семья. Миссис Баг превзошла себя; неудивительно, что сегодня спит без задних ног.

– Нет, – честно ответила Клэр. – Но раз она не влюблена ни в кого другого, может, и ничего. Парень славный, симпатичный, да и мать его Лиззи нравится, что тоже немаловажно. – Она улыбнулась, вспомнив Юту Макгилливрей. Вчера та с разгона взяла Лиззи под свое обширное материнское крыло, выбирая кусочки повкуснее и усердно засовывая их девушке в рот, словно малиновка, кормящая птенца.

– По-моему, миссис Макгилливрей нравится ей больше, чем сам Манфред. Она ведь была совсем крошкой, когда ее мать умерла; наверное, видит в будущей свекрови замену. – Брианна покосилась на Клэр, слишком хорошо помня собственное ощущение сиротства и ни с чем не сравнимое блаженство повторного обретения семьи. Она инстинктивно глянула на Джемми, который оживленно беседовал с котом.

Клэр кивнула, перетирая в руках измельченную кору.

– Ага. И все же им лучше подождать немного – Лиззи и Манфреду, привыкнуть друг к другу. – Свадьбу назначили на следующее лето, после того, как Манфред обустроит мастерскую в Вулэм-Крик. Надеюсь, сработает.

– Ты про что?

– Про кизиловую кору. – Клэр заткнула бутылку и поставила в шкаф. – В учебнике доктора Роулинга написано, что ее можно использовать вместо хинной. К тому же ее проще достать.

– А, ну да, хорошо бы. – Последние месяцы малярия у Лиззи перешла в стадию ремиссии, однако могла вернуться в любой момент.

Насыпав в ступку пригоршню листьев шалфея, Брианна принялась тщательно их толочь. Предыдущая тема разговора не давала покоя, и она решила к ней вернуться.

– Вот ты говоришь – не планировала стать врачом в молодости. Зато потом ты довольно четко следовала этой цели. – Брианна до сих пор помнила больничный запах, исходящий от волос и одежды, или прохладное прикосновение белого халата, когда мать заходила поцеловать ее перед

сном.

Клэр ответила не сразу, сосредоточенно перебирая сушеные волокна кукурузы.

– Понимаешь, – задумчиво промолвила она, не отрывая глаз от работы, – те люди – люди вообще, не только женщины, – которые знают, чего хотят от жизни, все равно добьются своего. Твой отец – то есть Фрэнк... – Клэр переложила волокна в маленькую плетеную корзинку, рассыпая по столу мелкие обрывки. – Он был очень хорошим историком, прекрасно разбирался в предмете, обладал даром самодисциплины, умел концентрироваться – что и привело его к успеху, но... Это не было призванием. Он сам говорил, что мог бы и другими вещами заниматься ничуть не хуже. А есть люди, которые знают, чего хотят, и вот тогда... Я всегда интересовалась медициной. Не сразу, конечно, но мало-помалу осознала, что именно этим я буду заниматься всю жизнь. А дальше дело техники... – Она пожала плечами, отряхнула руки и накрыла корзинку куском полотна, перевязав бечевкой.

– Человек не всегда может следовать своему призванию, – задумчиво произнесла Брианна, вспомнив шрам на горле Роджера.

– Порой жизнь загоняет нас в тиски обстоятельств, – пробормотала мать. Подняв голову, она встретила взглядом с дочерью и криво усмехнулась. – А чаще всего человек живет, не задумываясь. Взять, например, Марсали. Вряд ли ей приходила в голову возможность какой-то другой жизни. Ее мать содержала дом и воспитывала детей – откуда ей знать, что может быть как-то иначе? И все же... – Клэр пожала плечом и потянулась за второй ступкой. – У нее была лишь одна страсть – Фергюс; она-то и вырвала ее из привычной колеи...

– И засунула в точно такую же.

Клэр слегка кивнула, не поднимая головы.

– Ну да, только в Америке, а не в Шотландии. И теперь у нее есть Фергюс.

– Как у тебя – Джейми? – Брианна редко называла отца по имени, и Клэр удивленно подняла голову.

– Да, Джейми – часть меня. И ты тоже. – Она легонько коснулась лица дочери, затем сняла с балки над очагом пучок душицы. – Но ни один из вас не занимает меня целиком, – мягко добавила она. – Я – такая, какая есть. Врач, медсестра, целитель, ведьма – как ни назови, неважно. С этим я родилась, с этим и умру. Если я потеряю тебя или Джейми, то уже никогда не буду целостной, но у меня все равно останется мое призвание. Одно время, – продолжила она так тихо, что Брианне пришлось напрячь слух, –

сразу после возвращения... пока ты не появилась... у меня больше ничего и не было.

Клэр раскрошила сухую душицу в ступку и взяла пестик. Снаружи слышался звук шагов и голос Джейми, дружелюбно распекавший курицу.

Брианна задумалась. А она сама? Разве ей мало любви к Роджеру, к Джемми? Ее вдруг охватил ужас – а что, если и правда... Она быстро заговорила, не дав мысли определиться в слова:

– А папа?

– Что?

– Он знает свое предназначение?

Клэр остановилась; стихло звяканье пестика.

– О да. Он знает.

– Быть лендлордом? Так это у вас называется?

Мать помедлила.

– Нет. – Она взяла пестик и снова принялась толочь. Комнату наполнил запах душицы, словно ладан. – Быть мужчиной – и это не пустяк.

Глава 79

Мне одиноко

Брианна закрыла книгу со смешанным чувством облегчения и тревоги. Когда Джейми подал идею обучать грамоте девочек с Риджа, она не стала возражать. На пару часов хижина наполнялась веселыми голосами, да и Джемми обожал внимание маленьких мамочек.

С другой стороны, она не была учителем по призванию и всегда радовалась концу урока. Впрочем, радость тут же сменялась напряжением. Большинство девочек приходили сами либо их приводили сестры. Энн и Кейт Хендерсон, живших в паре миль, сопровождал старший брат Обадия.

Трудно сказать, когда и как это началось. Пожалуй, с самого первого дня: он посмотрел ей в глаза, слегка улыбнулся, задержав взгляд дольше обычного, затем погладил сестренку по голове и оставил их на ее попечение. Вроде бы и придраться не к чему, и все же...

Откровенно говоря, от Обадии Хендерсона ее пробирал мороз по коже. Это был высокий парень лет двадцати, физически развитый, довольно привлекательный брюнет. Однако в углах рта, в глубоко посаженных глазах таился намек на звериную жесткость. И от его взгляда становилось не по себе.

Брианне ужасно не хотелось выходить во двор в конце урока. Девочки разбегутся, шурша юбками и хихикая, а он будет ждать, прислонившись к дереву или сидя на краю колодца, – а однажды даже развалился на скамейке прямо у двери.

Постоянное чувство напряжения и неуверенности действовало на нервы. Да еще эта его мерзкая ухмылка, чуть ли не подмигивание, словно он знал о ней какую-то гадость, но обещает молчать – пока...

В какой-то момент Брианна с некоторой долей иронии поняла: отчасти в этом ощущении дискомфорта виноват и Роджер, ведь из-за него она привыкла каким-то внутренним чутьем слышать вещи, которые не произносились вслух.

А Обадия ничего такого не говорил, никаких непристойных предложений не делал. Что ж теперь – запретить ему смотреть? Глупо. А еще глупее то, что из-за такой ерунды ее прошибал пот и сердце выскакивало из груди.

Собравшись с духом, Брианна открыла дверь, вышла и огляделась. Его нигде не было. Ни у колодца, ни возле дерева, ни на скамейке... Нигде.

Энн и Кейт, не задерживаясь, побежали домой в компании Джейн Кемерон, держась за руки.

– Энни! – позвала Брианна. – А где твой брат?

Энни полуобернулась, взмахнув косичками.

– Он ушел в Салем, мисс. Сегодня мы ужинаем у Джейн!

Не дожидаясь ответа, девочки ускакали прочь, как три веселых мячика.

Напряжение постепенно спало. Расслабив шею и плечи, Брианна медленно выдохнула. Некоторое время она стояла в прострации, затем очнулась и поправила смятый передник. Джемми спал, убаюканный песенкой про алфавит, так что есть время сбегать к роднику за пахтой. Роджер любил печенье из пахты; можно приготовить на ужин с ветчиной.

В кладовой при роднике было темно и прохладно; приятно освежал и успокаивал звук бегущей воды. Брианна обожала сюда ходить. Дождавшись, пока глаза привыкнут к темноте, она любовалась зелеными водорослями, струящимися по течению. Джейми как-то упомянул, что в кладовой обосновалась семья летучих мышей, – и правда, вот они, четыре крошечных комочка, висят в самом темном углу, аккуратные, как долма, завернутая в виноградные листья. Брианна улыбнулась, но тут сердце кольнула легкая горечь: долму они ели с Роджером в Бостоне, в греческом ресторане. Это их общее воспоминание о прошлом, которое можно было бы разделить. Однако если рассказать ему сейчас, он улыбнется в ответ одними губами – и воспоминание останется неразделенным.

Брианна медленно вышла из кладовой с ведерком пахты в одной руке и головкой сыра в другой. На полдник можно приготовить сырный омлет: быстро и Джемми любит. Возьмет ложку, растерзает свою «добычу» и жадно запихнет в рот обеими руками. Грязнуля, зато ест сам – это уже прогресс.

Подняв голову, Брианна замерла, и улыбка сползла с ее лица – на скамейке сидел Обадия Хендерсон.

– Что ты тут делаешь? – воскликнула она резко, и в ее голосе ясно слышался испуг. – Девочки сказали, что ты уехал в Салем.

– А я вернулся. – Он встал и шагнул вперед; на губах играла та самая противная ухмылка.

Брианна подавила инстинктивное желание отступить. Черт возьми, это ее дом!

– Девочки уже ушли, – сказала она как можно более спокойным тоном. – Они у Кэмеронов.

С бьющимся сердцем Бри нагнулась, чтобы поставить ведро на

крыльцо, и тут же почувствовала тяжелую руку пониже спины.

Она замерла.

Он не двигался, не пытался ее погладить или стиснуть, но вес его руки давил на нее, словно дохлая змея. Брианна резко выпрямилась и отступила. Пусть думает что хочет – она уже напугана, глупо это скрывать.

– Я принес тебе кой-чего из Салема.

Улыбка совсем не вязалась с холодным взглядом.

– Мне не нужно, – твердо ответила она. – Спасибо, конечно, но не надо. Ты не... моему мужу это не понравится.

– А он и не узнает.

Обадия шагнул вперед. Брианна отступила, и ухмылка стала шире.

– Я слышал, твоего мужа частенько не бывает дома, – тихо сказал он. – Одиноко тебе, небось.

Большая ладонь потянулась к ее щеке, но тут в воздухе что-то просвистело, раздался странный звук, и лицо Обадии побледнело, а глаза расширились от ужаса.

Брианна уставилась на него, все еще не понимая, что произошло. Обадия перевел взгляд на протянутую руку, и только тут она заметила ножик, торчащий из предплечья, и красное пятно, расплывающееся на рубашке.

– Ступай прочь.

Голос Джейми звучал глухо, но отчетливо. Он вышел из-за деревьев, не сводя крайне недружелюбного взгляда с Хендерсона, в три шага оказался рядом и вытащил нож. Обадия издал странный горловой звук, словно раненое животное, жалкое и напуганное.

– Уходи, – повторил Джейми. – И чтоб я больше тебя не видел.

Кровь текла по руке Обадии, капая с пальцев. Несколько капель упали в ведро с пахтой и расплылись красным на сочной желтой поверхности. Все еще в трансе, Брианна зачарованно уставилась на них, рефлекторно отмечая тошнотворную красоту – словно рубины на золоте.

Зажав рану рукой, юноша побрел со двора – сперва неуверенно спотыкаясь, затем пустился бежать.

Наступила мертвая тишина.

– Зачем ты так... – наконец выдавила Брианна, все еще оглушенная произошедшим. Капли крови уже начали растворяться в пахте, и ее затошнило.

– А что, надо было подождать?

Отец подхватил ее за руку и усадил на крыльцо.

– Нет, но... Ты мог просто... Ну, сказал бы ему что-нибудь...

Губы онемели, перед глазами замелькали черные точки. Краем сознания Брианна поняла, что сейчас упадет в обморок, и склонила голову на колени, зарывшись лицом в передник.

– Я и сказал – велел ему уйти.

Скрипнули ступеньки крыльца – Джейми уселся рядом.

– Ты же понимаешь, о чем я. – Ее собственный голос звучал странно, словно через вату. – Зачем? Порисоваться? Как можно попасть с такого расстояния? И что это вообще – перочинный ножик?

– Ага. У меня больше ничего не было. Кстати, я и не собирался его резать, – сказал Джейми. – Просто хотел бросить в стену, чтобы привлечь внимание, а потом стукнуть по башке, а тут он возьми да протяни руку.

Брианна закрыла глаза и сделала глубокий вдох через нос; желудок неприятно скручивало.

– Как ты, детка? – тихо спросил Джейми и осторожно положил ей руку на спину – повыше, чем Обадия. От его широкой ладони исходило приятное, успокаивающее тепло.

– Нормально, – ответила она, открывая глаза, и вымученно улыбнулась. – Правда, все хорошо.

Он слегка расслабился, по-прежнему не спуская с нее внимательного взгляда.

– Значит, не первый раз, а? Давно этот придурок к тебе пристаёт?

Брианна глубоко вздохнула и заставила себя разжать кулаки. Конечно же, она должна была что-то придумать, как-то его остановить! Под пристальным взглядом синих глаз лгать просто невозможно.

– С первого дня.

Джейми удивленно поднял брови.

– Так долго? А что ж мужу-то не сказала?

Захваченная врасплох, Брианна промямлила:

– Ну... я... я подумала...

Джейми резко втянул в себя воздух, явно собираясь выдать нелестное замечание о Роджере, и она поспешила встать на защиту.

– Да он ничего такого и не делал – просто смотрел и улыбался. Что я скажу – на меня смотрят? Я не хочу выглядеть слабой и беспомощной. – А ведь она такая и есть! Правда жгла кожу, словно тысячи муравьиных укусов. – Я не хотела просить у него защиты.

Джейми уставился на дочь, не веря своим ушам.

– А на что, по-твоему, мужчина в семье? Он у тебя вместо комнатной собачки? Или навроде канарейки?

– Ты ничего не понимаешь!

– Да неужели? – Джейми саркастически хмыкнул. – Я женат уже тридцать лет, а ты – меньше двух. Чего это я такого не понимаю?

– У вас с мамой все... иначе, не так, как у нас! – выпалила Брианна.

– Вижу, – отозвался он ровным тоном. – Твоя мать уважает мою честь, а я – ее. Или ты думаешь, что она трусиха и не в состоянии сама за себя постоять?

– Нет.... – Девушка сглотнула, изо всех сил сдерживая слезы. – Пап, мы совсем другие, из другого времени.

– Я помню, – кивнул Джейми, улыбнувшись уголком рта. – Только вряд ли мужчины и женщины сильно изменились.

– Может, и нет – а вот Роджер... С тех самых пор, с Аламанса...

Джейми промолчал. Прислонившись к дверному косяку, он смотрел куда-то вдаль, легонько барабанил пальцами по доскам. Руку он давно убрал, и ей не хватало этого теплого, успокаивающего прикосновения.

– Может быть, – тихо сказал он наконец.

Позади них, в хижине раздался приглушенный стук: сын выкидывал из кровати игрушки. Сейчас позовет и велит все собрать.

Брианна встала, оправляя платье.

– Джем проснулся, пойду.

Джейми взял ведро и выплеснул густую желтую струю прямо на траву.

– Сейчас свежей принесу, – сказал он и исчез прежде, чем дочь успела его остановить.

Джем стоял в кровати, цепляясь за край. Бри нагнулась и подхватила малыша на руки. Он становился все тяжелее, но она крепко обняла его, прижавшись щекой к влажной со сна головке. Сердце гулко стучало в груди, отдаваясь глухой болью.

«Одиноко тебе, небось», – сказал Обадия Хендерсон.

Он был прав.

Глава 80

Сладости

Джейми откинулся на спинку стула, сыто отдуваясь. Едва он собрался встать, как со своего места вскочила миссис Баг, протестующе грозя пальцем.

– Нет уж, нет уж! Никуда вы не пойдете, пока не съедите мой имбирный пряник с тварем! Что ж мне, выкидывать его?

Брианна прижала руку ко рту, подавляя смехок. Джейми и миссис Баг, привычные к этому шотландскому варианту слова «творог», покосились на нее, но промолчали.

– Ну, миссис Баг, этак я лопну! Зато умру счастливым, – пошутил Джейми. – Валяйте, несите – только захвачу кое-что.

С проворством, удивительным для человека, поглотившего пару фунтов сосисок с жареными яблоками и картошкой, он выскользнул из-за стола и исчез в направлении кабинета.

Я порадовалась, что учуяла вкусный запах еще загодя и предусмотрительно сняла корсет перед ужином.

– Качу тварь! – пропищал Джемми, безошибочно выбрав слово, неприятное для материнского уха, и замолотил кулачками по столу, скандируя во весь голос: – Тварь-тварь-тварь!

Роджер взглянул на Брианну, слегка улыбаясь. Та улыбнулась в ответ, хватая сына за руки и вытирая с его лица остатки ужина.

Вернулся Джейми – как раз к подаче пряников с творогом, взбитым до воздушности. Проходя мимо Роджера, он перегнулся через его плечо и положил на стол гроссбух в тканевом переплете и шкатулку с астролябией.

– Погода продержится еще пару месяцев, – заметил он небрежным тоном, сунул палец в творог, облизал и закрыл глаза, изображая неземное блаженство.

– Да? – едва слышно откликнулся Роджер сдавленным голосом. Джемми замолчал и уставился на отца, открыв рот. Наверное, тот за целый день не произнес ни слова.

Джейми поднял ложку, взирая на десерт с решимостью человека, идущего на смерть.

– Перед снегопадами Фергюс выдвинется на побережье, так пусть заодно захватил бы с собой землемерные документы да сдал в Нью-Берне. – Он деловито принялся за еду, не поднимая глаз.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и стуком ложек о деревянные тарелки. Наконец Роджер заговорил, с трудом проталкивая воздух через израненное горло:

– Я... сделаю.

Нечаянное ударение на последнем слове заставило Брианну поморщиться. Почти незаметно, но я успела увидеть – и Роджер тоже. Он покосился на нее, затем опустил взгляд в тарелку и сжал зубы.

– Ладно, – еще более небрежно откликнулся Джейми. – Я тебя научу. Через неделю и пойдешь.

* * *

Прошлой ночью мне приснилось, что Роджер уходит. Всю неделю – с тех пор, как отец предложил эту идею, – снился один и тот же сон. Предложил, ага. Все равно что Моисей принес бы с Синая «Десять интересных предложений».

Во сне Роджер собирал вещи в большой рюкзак, а я подметала пол. Он ходил туда-сюда и ужасно мешал, да и рюкзак приходилось переставлять с места на место – грязный, в пятнах, заляпанный липкой жижей. А по полу лежали крошечные косточки, словно кот съел какого-то зверька, и они то и дело путались в щетке.

Я не хочу, чтобы он уходил, – и в то же время хочу. Я постоянно слышу все, о чем он молчит; невысказанные слова звучат эхом в моей голове. Мне кажется, когда он уйдет, станет тихо.

* * *

На рассвете она внезапно проснулась. В лесу пели птицы; одна даже подлетела к хижине – наверное, дрозд.

Она знала, что он ушел, но все же подняла голову, проверяя. Да, рюкзака у двери нет, и свертка с едой, и бутылки сидра, приготовленных накануне. Бойран висел на своем обычном месте и словно парил в смутном предутреннем свете.

Она пыталась убедить его снова играть – если голоса нет, пусть будет хотя бы музыка. Однако он противился изо всех сил, постепенно начиная раздражаться на ее упорство. Он все делал по-своему – или никак.

Джейми крепко спал в кровати, и она вновь легла на подушку,

положив руки на груди – округлые, тугие. Мягко сжала сосок, и наружу выскочили перламутровые капельки молока; одна из них разбухла и стекла вниз.

Прошлой ночью, перед сном, они занимались любовью. Сперва ей казалось, что он не станет, но когда она подошла и обняла его, он крепко прижал ее к себе и долго-долго целовал, а затем отнес в постель.

Она так старалась уверить его в своей любви – руками, губами, всем телом, – что напрочь забыла о себе, и оргазм застал ее врасплох. Она медленно опустила руку вниз, между бедер, вспоминая ощущение огромной волны, сбивающей с ног. Роджер ничего не сказал и даже не открыл глаза; интересно, заметил?

Перед рассветом он поцеловал ее на прощанье. Или нет... Она неуверенно провела пальцами по губам, но прохладная гладкая плоть ничего не подсказала.

Поцеловал или нет? Или ей приснилось?

Глава 81

Медвежатник

Август 1771 года

Лошадиное ржание известило о приходе гостей. Я прервала эксперимент и выглянула из окна. Во дворе никого не было, однако лошади продолжали фыркать – значит, кто-то чужой; наверное, прошел к кухонной двери – таков общепринятый этикет.

Предположение тут же подтвердил истошный визг с задней части дома. Я высунула голову в коридор: миссис Баг вылетела из кухни как ошпаренная. Не заметив меня, она пронеслась мимо, выскочила через парадную дверь и скрылась в лесу, не переставая вопить. Обернувшись, я увидела индейца, стоящего на пороге кухни.

Некоторое время мы настороженно изучали друг друга; поняв, что я не собираюсь кричать и убегать, гость немного расслабился. Я тоже, поскольку ни оружия, ни боевой раскраски, ни прочих признаков враждебного настроения не наблюдалось. Индеец (судя по всему, чероки) был одет для визита: три рубашки, домотканые штаны и странный головной убор вроде недокрученного тюрбана, какой мужчины надевают на официальные мероприятия, да еще длинные серебряные серьги и красивая брошь в форме восходящего солнца.

– Osiyo^[8], – поздоровалась я вежливо.

В ответ он ослепительно улыбнулся и что-то сказал. Я беспомощно пожала плечами и тоже улыбнулась. Так мы и стояли бы целую вечность, кивая и улыбаясь, но тут его осенило: сунув руку за ворот самой нижней рубашки – щегольского одеяния, расшитого желтыми алмазами по голубому полю, – он вытащил кожаный шнурок, на котором висели черные когти одного или нескольких медведей.

Индеец помахал ими в воздухе и поднял брови, оглядываясь, словно ища кого-то.

– А! – догадалась я. – Вам нужен мой муж, Медвежатник! – Я сделала вид, будто целюсь из ружья.

В награду за сообразительность гость снова ослепил меня безупречными зубами.

– Он будет с минуты на минуту. – Я махнула в сторону леса, куда

умчалась миссис Баг, – несомненно, уведомить Самого, что в дом ворвались красные дикари и сейчас воцарится хаос, кровавая резня и осквернение чистых полов. – Входите, пожалуйста, выпейте чего-нибудь.

Джентльмен охотно последовал за мной. Мы уселись за стол и принялись мирно пить чай, продолжая обмениваться улыбками и кивками. Вскоре вошел Джейми, сопровождаемый не только миссис Баг, но и Питером Бьюли.

Оказалось, что наш гость по имени Цаца'ви – брат жены Питера; живет в небольшом поселке милях в тридцати, приехал повидать сестру.

– Прошлой ночью мы малость подымили после ужина, – объяснил Питер, – и Цаца'ви рассказал моей жене, что у них в деревне приключилась беда, а она перевела мне – он-то не знает английского, а я не говорю по-ихнему, разве что «спасибо» да «пожалуйста»... В общем, он рассказал про медведя, который последнее время повадился шастать в деревню.

– По-моему, Цаца'ви и сам мог бы разобраться с этим делом, – сказал Джейми, кивнув на ожерелье из медвежьих когтей и для убедительности ткнув себя в грудь. Тот явно понял смысл комплимента и разулыбался. Мужчины слегка поклонились друг другу над чашками чая в знак взаимного уважения.

– А то, – согласился Питер, облизывая уголки губ. – Наш Цаца'ви – охотник хоть куда и с обычным медведем справился бы сам. Только это непростой зверь. Вот я ему и говорю: пойдем к Макдубу – авось выкроит время да разберется.

Он кивнул в сторону Джейми с гордостью собственника: видал? А что я говорил!

Я спрятала улыбку. Джейми поймал мой взгляд, скромно кашлянул и поставил чашку.

– Ну... Прямо сейчас не могу; разве когда сено уберем. Что же за медведь такой необыкновенный?

– Призрак, – весело отозвался тот.

Я подавилась чаем. Джейми озадаченно потер подбородок.

– Э-э... И что он натворил?

Впервые медведь появился в округе около года назад, хотя никто его не видел. То сушеную рыбу утащит, то связки кукурузы, что висят возле хижины, то мясо; словом, обычные проделки зверя, но хитрого – простой медведь совершенно не заботится, видели его или нет.

– Понимаешь, он приходит только по ночам, – принялся объяснять Питер. – И шуму не поднимает. Люди утром выходят – запасов как не бывало!

Брианна, заметившая стремительное отступление миссис Баг, тоже явилась в кухню. Слушая рассказ о медведе, она принялась напевать себе под нос знакомую мелодию, и память тут же услужливо подсунула слова: «Он проспит до обеда, а потом пойдет гулять, из-под носа у семейства все вкусняшки воровать...»^[9] Я прижала салфетку ко рту, делая вид, что вытираю губы.

– И они сразу поняли, что это медведь, – по следам, – уточнил Питер.

Цаца’ви уловил знакомое слово и положил руки на стол, растопылив пальцы, чтобы наглядно продемонстрировать размер, затем коснулся самого длинного когтя на своем ожерелье и многозначительно кивнул.

Селяне, давно привыкшие к медведям, приняли обычные меры предосторожности, убрали запасы в более защищенные места и по вечерам выпускали собак. В результате несколько собак исчезло – и опять совершенно бесшумно.

Дальше – больше. То ли собаки стали осторожнее, то ли зверь оголодал. Первой жертвой стал мужчина, убитый в лесу. Полгода спустя пропал ребенок (на этом месте Брианна резко замолчала) – утащили вместе с переноской, пока мать стирала на берегу реки. В грязи остался лишь отпечаток лапы.

За последующие месяцы погибли еще четверо. Двое детей собирали клубнику; одного потом нашли – шея сломана, сам цел. Второй исчез; судя по следам, его утащили в лес. Женщину убили на собственном кукурузном поле и частично съели. Последняя жертва, мужчина, был охотником.

– Нашли только его лук да куски окровавленной одежды, – сказал Питер.

Позади меня раздался скрип: миссис Баг тяжело осела на скамью.

– Так значит, они его искали? – спросила я. – Или, точнее, пытались?

Рассказчик перевел взгляд на меня и медленно кивнул.

– Да, миссис Клэр, так они и узнали, в конце концов, кто это был.

Небольшой отряд охотников, вооруженных буквально до зубов – копья, луки, два ружья, – методично обходил деревню по спирали, рассудив, что далеко он не ушел. Ничего, кроме старых следов, не обнаружили.

– Цаца’ви был с ними. – Петер указал пальцем на зятя. – Как-то ночью они сидели с другом у костра, караулили, пока остальные спали. Взошла луна, и он отошел в кусты. Вернулся и едва успел увидеть, как эта тварь тащит в зубах его бездыханного друга!

Цаца’ви внимательно следил за рассказом. На этом месте он изобразил какой-то сложный жест, сходный по смыслу с нашим крестным знаменем,

и продолжил повествование, помогая себе руками.

Разумеется, он тут же закричал, разбудив товарищей, и кинулся на медведя, рассчитывая, что зверь испугается и бросит добычу, хоть человек уже и мертв. Цаца'ви склонил голову набок, изображая сломанную шею, и свесил язык; в других обстоятельствах зрелище было бы уморительное.

Собаки тоже бросились на пришельца; тот выронил добычу, но вместо того, чтобы сбежать, помчался прямо на Цаца'ви. Охотник успел отпрыгнуть в сторону; тогда медведь ударом лапы сшиб собаку и скрылся в лесу, преследуемый вторым псом, градом стрел и парой пуль, однако ранить его не удалось.

Индейцы погнались за ним с факелами, но так и не смогли найти. Вторая собака вернулась с пристыженным видом – Цаца'ви так живо изобразил эту сцену, что Брианна не удержалась и прыснула. Остаток ночи охотники провели у костра, а утром вернулись в деревню и решили просить помощи у Медвежатника – изящный жест в сторону Джейми.

– С чего они взяли, что это призрак? – заинтересовалась Брианна, позабыв о кровавых ужасах.

Питер поднял бровь.

– Ну, он не сказал... Или сказал, но не так, чтоб понятно... Зверь был крупнее обычного – и белый, как снег, да еще глаза сверкали красным, как пламя. Они сразу поняли, что это призрак – потому стрелы в него и не попали.

Тут снова встрял Цаца'ви, указав сперва на Джейми, затем на свое ожерелье и, к моему немалому изумлению, на меня.

– А я тут при чем?

Уловив нотки удивления, индеец перегнулся через стол и коснулся моей руки – без каких-либо посторонних намерений, просто указывая на кожу. Джейми тихонько фыркнул.

– Ты белая, как сметана, саксоночка. Может, медведь решит, что вы с ним – родственные души, – пояснил он, улыбаясь.

Цаца'ви, уловив смысл сказанного, серьезно кивнул, выпустил мою руку и издал каркающий звук – крик лисы.

Мне стало не по себе. Судя по всему, жители поселка слышали не только о Медвежатнике, но и о Белой Лисе. Любое животное-альбинос приобретало мистическое значение, зачастую злое. Уж не знаю, должна ли я обладать какой-то особой властью над медведем-призраком или просто служить приманкой, но, похоже, приглашение распространили и на меня.

Таким образом, неделю спустя, когда в сарае уже лежало сено, а в

коптильне висела оленина, мы выдвинулись в сторону границы заниматься экзорцизмом.

* * *

С нами отправились Брианна с Джемми, два близнеца Бердсли и Питер Бьюли в качестве проводника – его жена ушла вперед с Цаца’ви. Брианна не хотела идти; я думаю, больше из-за нежелания тащить ребенка в дикий лес. Однако Джейми настоял, упирая на то, что в походе очень пригодятся ее стрелковые качества. Не планируя отнимать Джемми от груди, она была вынуждена взять его с собой. А вот малышу, похоже, путешествие нравилось. Сгорбившись в седле перед матерью, он то лепетал себе под нос впечатления от дороги, то блаженно посасывал палец.

Что касается Бердсли, Джейми был нужен именно Джосайя.

– Как-никак, он убил двух медведей, – сказал мне Джейми. – Сам видел шкуры на сходке. А если брат захочет присоединиться, я лично не против.

– Я тоже. Но Бри-то зачем? Уж, наверное, вы и без нее справитесь!

– Может быть, – невозмутимо отозвался Джейми, полируя ствол ружья промасленной тряпкой. – Но ведь две головы лучше, чем одна, а три совсем хорошо, разве нет?

– Да ну? – скептически хмыкнула я. – И все?

Он покосился на меня и ухмыльнулся:

– Ты подозреваешь скрытые мотивы?

– Я не подозреваю – я точно знаю.

Джейми засмеялся и склонил голову над ружьем.

– Ну ладно, – сдался он через пару минут. – Я подумал, девочке стоило бы завести друзей среди индейцев – на всякий случай, чтобы было куда идти.

Меня не обманул его небрежный тон.

– На случай чего? Если начнется революция?

– Ага. Ну или... когда мы умрем, – добавил он, поднимая ружье и проверяя прицел.

Стояло ясное бабье лето, но у меня по спине побежали мурашки. Большей частью мне удавалось не вспоминать ту вырезку из газеты – сообщение о гибели Джеймса Фрейзера и его жены на пожаре. Иногда она всплывала в памяти, но я засовывала ее в дальний угол сознания, отказываясь думать об этом. И все же порой я просыпалась по ночам,

задыхаясь от ужаса, и перед мысленным взором полыхали языки пламени...

– В газете было написано: «детей не осталось», – сказала я, решив смотреть страху в лицо. – Выходит, Бри с Роджером куда-то успели... уехать? – К чероки, например. Или к камням.

– Может быть. – Джейми сосредоточенно чистил ружье, не поднимая глаз. Никто из нас не хотел представлять себе другой вариант.

Брианна тоже получала явное удовольствие от поездки. В отсутствие Роджера и домашней рутины она повеселела и расслабилась: шутила с близнецами, дразнила Джейми и нянчила сына у костра, а затем сворачивалась рядышком и мирно засыпала.

Да и Бердсли неплохо проводили время. Удаление аденоидов и гланд не излечило Кесайю от глухоты, но все-таки улучшило слух. Теперь он различал громкую речь, особенно если встать перед ним и четко артикулировать. Впрочем, брата он понимал всегда, даже если тот шептал. Пробираясь через густые леса, кишасие насекомыми, переходя вброд ручьи, отыскивая оленьи тропы в чащах, Кесайя смотрел по сторонам широко открытыми глазами, и я поняла, что он никогда нигде не был, кроме фермы Бердсли и Фрейзер-Риджа.

Интересно, как он воспримет чероки, а те, в свою очередь, его с братом? Говорят, индейцы считают близнецов особо удачливыми и благословенными; новость о том, что Бердсли едут с нами, Цаца'ви воспринял с энтузиазмом.

Джосайя тоже радовался перемене, насколько я могла судить, – он был очень закрытым человеком. Однако по мере приближения к деревне он начал слегка нервничать.

Я заметила, что Джейми тоже немного не в своей тарелке, хотя тут как раз причина была ясна. Он ничего не имел против самой охоты и возможности навестить чероки, но вот слава Великого Охотника на Медведей, бежавшая впереди, его явно смущала.

На третий вечер все вскрылось. Мы были уже милях в десяти от деревни и назавтра к полудню планировали прибыть на место. В пути Джейми долго собирался с духом. Наконец, когда все расселись у костра, он расправил плечи, подошел к Питеру Бьюли и решительно уставился на него.

– Тут такое дело... Насчет этого призрака...

Питер вздрогнул, выходя из блаженного транса, и подвинулся, давая место Джейми.

– А? Что?

Джейми прочистил горло.

– Видишь ли... На самом деле я не очень-то смыслю в медведях – в Шотландии их в последнее время не водилось.

Питер поднял брови.

– А как же говорили – ты убил кинжалом здорового медведя?

Джейми раздраженно потер переносицу.

– Ну да... Только я ведь на него не охотился – он сам вышел на нас, выбирать-то особо и не пришлось. Так что вряд ли от меня будет много толку с этим призраком. Должно быть, сильно башковитый зверь, раз запросто гуляет по деревне и никто его не видел.

– «Умней обычного медведя»^[10], – процитировала Брианна, поджав губы, чтобы не рассмеяться. Я подавилась пивом. Джейми неодобрительно покосился на нее, затем на меня.

– Ну, чего опять? – буркнул он.

– Ничего, – выдохнула я.

Недовольно отвернувшись, Джейми тут же наткнулся на ухмылку Джосайи Бердсли.

– А ты чего? – рявкнул он. – Эти две ладно, что с них взять, – указал он на нас большим пальцем, – но ты-то?

Джосайя немедленно постарался придать лицу серьезное выражение, однако уголки рта продолжали дергаться, а узкие скулы покраснели. Джейми прищурился. Парень сдавленно хихикнул и тут же прикрыл рот ладонью.

– Ну? – вежливо поинтересовался Джейми.

Почуввав неладное, к брату придвинулся Кесайя, готовясь встать на защиту. Джосайя тоже бессознательно подался в его сторону.

– Пожалуй, лучше сказать правду, – решил он наконец, почти успокоившись.

– Да уж сделай одолжение, – нахмурился Джейми.

Джосайя глубоко вздохнул, собираясь с духом.

– Это не всегда был медведь; порой и я немножко того...

Джейми уставился на него, осмысливая услышанное; уголки рта тоже слегка задергались.

– Вот оно как?

– Ну, не все время, – пояснил Джосайя. Оказалось, что в своих странствиях по лесам он порой выходил на индейские деревни и по ночам тайно подходил к домам («Только если уж очень изголодался, сэр!»), прикарманивая съестное, пока не восполнял силы и свои припасы, а затем возобновлял охоту, периодически возвращаясь к схрону в пещере.

В течение всего рассказа выражение лица Кеси не изменилось. Трудно сказать, понял ли он что-нибудь, однако удивления не проявил. Какое-то время его рука лежала на плече брата, затем соскользнула и потянулась за мясом.

Брианна слушала признание Джосайи, сдвинув брови к переносице.

– Но ты же... Ты ведь не брал ребенка, правда? И ту женщину не убивал?..

Джосайя моргнул, больше сбитый толку, чем шокированный вопросом.

– Да нет, зачем мне? Ты ж не думаешь, что я их съел? – Он улыбнулся, и на правой щеке проявилась одинокая ямочка. – Бывает, конечно, так оголодаешь... Если б попался мертвец – только свежий – может, я бы и призадумался... Но чтоб убивать...

Брианна прочистила горло; низкий звук до странного напомнил шотландскую привычку Джейми.

– Я не это имела в виду, – сухо отозвалась она. – Если кто-то их убил – по другой причине, – медведь мог прийти следом и сожрать тела.

Питер задумчиво кивнул; похоже, оба признания его нисколько не смутили.

– Да, зверь не привереда, не побрезгует и падалью.

– Что-то такое слышал, – подтвердил Джейми, не сводя глаз с Джосайи. – Но Цаца'ви сказал, что медведь утащил друга, – значит, людей он все-таки убивает?

– Ну, этого точно убил, – согласился Джосайя, однако было в его тоне что-то странное, и Джейми насторожился. Парень нервно сжимал и разжимал губы, явно что-то решая, затем взглянул на брата. Тот улыбнулся в ответ. Я отметила, что у Кеси ямочка на левой щеке.

Наконец Джоси вздохнул и повернулся к Джейми.

– Не хотел про это говорить, – признался он, – но вы все выложили начистоту, и теперь будет нечестно, если я промолчу про остальное.

Я почувствовала, как волоски на загривке встали дыбом, и с трудом подавила рефлекторное желание оглянуться на лес. Смеяться расхотелось.

Джейми медленно опустил горбушку хлеба, от которой собирался откусить.

– Остальное? Ты про что?

– Сам-то я видел только один раз, – заторопился Джосайя, – и ночь была безлунная. Правда, я не спал, так что глаза привыкли к темноте, – ну, вы знаете, как оно бывает.

Джейми озадаченно кивнул:

– Значит, ты был там, у деревни?

Оказалось, что Джосайя промышлял в тех краях и неплохо знал местность. Он приметил дом на краю деревни: на крыше сохли связки кукурузы – легко стащить, если не потревожить собаку.

– Разбуди одну, и вся свора за тобой помчится, – пояснил он, качая головой. – А до рассвета оставалась пара часов, не больше. Ну вот, я подкрался поближе...

Внезапно из дома вышел человек. Собаки не обратили на него внимания – значит, свой. Мужчина остановился по малой нужде, закинул на плечи лук и колчан и направился прямо к лесу, где прятался Джосайя.

– Вряд ли он пошел за мной, но я мигом взлетел на дерево, как рысь, – поведал он, и в этом заявлении не было ни капли хвастовства.

Скорее всего, охотник решил на ранней зорьке отправиться к дальнему ручью подстеречь енота или оленя. Рядом с деревней он явно чувствовал себя в безопасности и шагал спокойно, не делая попыток спрятаться.

Джосайя скрючился на дереве, затаив дыхание. Индеец прошел мимо и исчез в густых зарослях. Парень уже собрался слезать, как вдруг послышался возглас удивления, за ним непонятная возня и тошнотворный глухой стук.

– Будто спелую тыкву разбили камнем, – живописал он. – У меня аж задница скукожилась!

Впрочем, любопытство пересилило страх. Джосайя тихонько слез с дерева и пошел в направлении звука. Выглянув из-за ветвей, он различил в темноте человеческую фигуру, распростертую на земле; над ним нагнулся второй, явно пытаясь стащить одежду.

– Он был мертв, – поведал Джосайя деловым тоном. – Кровью пахло, и дерьмом тоже. Думаю, малыш тюкнул его по башке камнем или дубинкой.

– Малыш? – переспросил Питер, внимательно следивший за рассказом. – В смысле – низкорослый? А лицо ты видел?

Джосайя покачал головой.

– Неа, только тень. В лесу темно было, хоть глаз выколи. – Он прищурился, вычисляя в уме. – Пожалуй, пониже меня; вот такой примерно.

Он выставил ладонь, отмерив четыре с половиной фута от земли.

Внезапно убийцу прервали. Сперва Джосайя ничего не заметил, но тут раздались треск ветвей и фыркание.

– Можете мне поверить – парень бежал быстрее ветра! Ломанулся мимо меня, совсем рядом, вот как мы сейчас. Тут-то я его и рассмотрел получше.

Джосайя умолк и не спеша глотнул пива.

– Рассказывай, не томи! – воскликнула я. – Как он выглядел?

Утерев пену с редких усов, Джосайя задумался.

– Как сам черт, мэм. Правда, я думал, черт будет покрупнее, – добавил он, сделав еще один глоток.

Разумеется, заявление вызвало переполох, однако из дальнейших расспросов выяснилось, что загадочный «малыш» был всего-навсего негром.

– Только потом, на сходке, я узнал, что обычные люди тоже бывают черными, – пояснил Джосайя. – А до того ни разу не видел, даже не слышал такого.

Кеси серьезно кивнул.

– Как в книжке, – хрипло отозвался он.

Под «книжкой» подразумевалась старая Библия, которую Аарон Бердсли где-то раздобыл. Читать мальчиков не учили, зато им ужасно нравилось разглядывать картинки. На некоторых дьявол изображался в виде скрюченного черного существа, шныряющего по своим порочным делам.

– Правда, я не видал раздвоенного хвоста, – добавил Джоси, – но он так быстро бежал – может, не успел заметить.

Не желая привлекать к себе внимание подобного существа, Джосайя замер в кустах и потому смог расслышать медвежью возню.

– Мистер Питер правду говорит, – кивнул он на Бьюли. – Они неразборчивы. Этого я не разглядел, так что не могу сказать, белый он или нет, но жрал любо-дорого – чавкал, хрюкал и все такое.

Похоже, неаппетитные воспоминания его нисколько не покоробили, а вот Брианна скривилась.

Джейми обменялся взглядом с Питером и задумчиво потер нос.

– Ну что ж, – сказал он наконец. – Значит, не все невзгоды в деревне можно списать на злого призрака? С одной стороны, Джосайя ворует еду, с другой – черный дьявол убивает местных жителей. Что скажешь, Питер? Мог зверь попробовать человеческое мясо, войти во вкус и начать охоту за людьми?

Питер наморщил лоб и медленно кивнул:

– Запросто. А если еще и эта черная скотина ошивается поблизости... Пес его разберет, на ком больше смертей.

– Но кто же этот таинственный черный дьявол? – спросила Бри.

Мужчины переглянулись и почти синхронно пожали плечами.

– Может, сбежавший раб? – предположила я. – Вряд ли свободный

негр в здравом уме побежит в лес.

– А вдруг он и есть сумасшедший, – выдала свою версию Брианна, – раз убивает людей направо и налево. – Она нервно оглянулась на лес, инстинктивно прикрыв рукой спящего Джемми.

Мужчины столь же рефлекторно отыскиали взглядом оружие, и даже я сунула руку под передник и коснулась ножа, который носила на поясе для кухонных работ.

Внезапно атмосфера переменилась; потянуло зловещим холодком. Теперь всюду мерещились чьи-то глаза, а в шорохе листьев чудились крадущиеся шаги человека или зверя.

Джейми прочистил горло.

– Питер, а твоя жена, случаем, не упоминала никаких чертей?

Бьюли покачал головой. На его седом лице еще застыло выражение озабоченности, вызванное рассказом Джосайи, однако в глазах уже сверкнули искорки юмора.

– Не припомню такого, разве что Черный Человек Запада.

– А кто это? – заинтересовался Джосайя.

Питер пожал плечами, почесывая бороду.

– Шаманы говорят, что в каждой стороне света живет свой особый дух. Когда они молятся и просят, к примеру, о помощи, то вызывают Красного Человека Запада, потому что красный – цвет успеха и победы. На севере Синий Человек – это беда и поражение, его призывают на врага. На юге Белый Человек – покой и счастье; это для матерей.

– Совсем как у нас в Шотландии, правда, Питер? – удивился Джейми.

– Похоже, – согласился тот. – Как странно: у индейцев, считай, те же понятия, что и у горцев.

– Чего странного? – Джейми махнул рукой в сторону темного леса за пределами костра. – Они живут той же жизнью, что и мы в горах, – значит и чувствуют то же самое.

Питер медленно кивнул, но Джосайю не интересовала пространная философия.

– Так кто же этот Черный Человек Запада? – нетерпеливо вклинился он в разговор. Джейми с Питером одновременно повернули головы и посмотрели на него. Мужчины нисколько не были похожи друг на друга: Питер – низкорослый, приземистый, заросший бородой; Джейми – высокий, элегантный даже в охотничьей одежде. И все же было в их взгляде что-то одинаковое, от чего у меня по спине побежали мурашки.

– Запад – прибежище мертвых, – тихо сказал Джейми, и Питер склонил голову.

– А Черный Человек – сама смерть, – добавил он. – Так говорят чероки.

Джосайя пробормотал себе под нос что-то нелестное. Брианна высказалась более категорично.

– Вряд ли дух Запада бродит по лесам и разбивает людям головы, – твердо заявила она. – Это был человек, притом негр. Отсюда вывод: либо свободный, либо беглый раб. Учитывая обстоятельства, я голосую за второй вариант.

Я вовсе не была уверена, что данный вопрос подлежит демократическому рассмотрению, но мысленно с ней согласилась.

– И еще один момент, – добавила Брианна, оглядывая остальных. – А что, если некоторых жертв он и съел? Ведь бывают же в Африке каннибалы – вот одного и завезли сюда!

Питер Бьюли с близнецами вытаращили глаза; Кеси нервно оглянулся через плечо и подвинулся ближе к брату.

Однако Джейми предположение скорее позабавило.

– Ну, в Африке, может, и попадают, а вот среди рабов вряд ли – не слышал ничего подобного. Да и кто бы стал держать таких слуг? Только повернешься спиной, а он раз – и укусил тебя за задницу!

Все дружно рассмеялись, и напряжение слегка спало. Зашевелились, стали готовиться ко сну.

Особо позаботились о еде: положили в две седельные сумки и подвесили на дереве на приличном расстоянии от лагеря. Хотя медведь-призрак и оказался не столь ловким, как ему приписывали, по молчаливому уговору решили не рисковать.

По большей части я забывала, что мы ночуем в лесу, однако время от времени дикая природа давала о себе знать неожиданными визитами лис, опоссумов и енотов или жуткими криками пантер, похожими на плачущих женщин или детей. Правда, сегодня вечером было тихо. И все же в непроглядной тьме у подножия гор, прислушиваясь к загадочному бормотанию деревьев над головой, отчетливо понимаешь, что ты – всего лишь песчинка в объятиях первобытной природы, которая может поглотить тебя за секунду, если захочет, не оставив и следа...

Несмотря на присущую ей трезвость мышления, Брианна тоже не осталась глуха к шепоту леса – особенно с маленьким ребенком. Она не принимала участия в подготовке лагеря на ночь; вместо этого сидела рядом с Джемми, заряжая ружье.

Покосившись на нее, Джейми объявил, что первую вахту будут нести они, следующую – я и Джоси, последнюю – Кеси с Питером. Никто не

возразил.

Долгий день, проведенный в седле, – лучшее снотворное. Я прилегла рядом с Джейми, благодарная уже за то, что могу принять горизонтальное положение – ощущение, способное компенсировать неудобство самой жесткой кровати. Джейми мягко положил руку мне на голову; я повернула лицо и поцеловала его ладонь, чувствуя себя под защитой.

Питер с близнецами заснули в мгновение ока; по ту сторону костра доносился дружный храп. Я тоже почти задремала, убаюканная едва слышным разговором между Джейми и Бри, как вдруг почувствовала перемену.

– Переживаешь за своего, дочка?

Брианна грустно усмехнулась.

– С тех самых пор, как его повесили. А теперь еще и боюсь...

Джейми издал низкий горловой звук, видимо, призванный ее утешить.

– А толку? Что изменилось с прошлой ночи? Или с тех пор, как он ушел? Вокруг него все то же самое.

– Да, – сухо ответила она. – Но если тогда я не знала о медведях-призраках и черных убийцах, это не значит, что их не было.

– Вот именно. От того, что ты за него боишься, ему лучше не станет.

– Полагаешь, мне спокойнее?

В ответ послышалась невеселая усмешка.

– Вряд ли.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Просто я думаю... Что я буду делать, если... если он не вернется? Днем еще ничего, но по ночам никак не могу заснуть – все представляю...

– Ясно... – откликнулся Джейми и запрокинул голову, глядя на звезды. – Сколько ночей в двадцати годах? Сколько часов? Сколько времени я провел, тревожась за свою жену, – жива ли, здорова ли... За нее и за ребенка.

Он нежно погладил меня по волосам. Брианна издала нечленораздельный звук.

– Для этого и нужен бог. Переживать без толку, зато молитвы помогают. Иногда, – честно добавил он.

– Да. – В голосе Брианны звучала неуверенность. – А если...

– А если бы она не вернулась, – твердо прервал ее Джейми, – если бы ты не вернулась... если бы я так и не узнал – или точно знал, что вас обеих больше нет... – Он убрал руку с моих волос и коснулся ее плеча. – Я бы все равно жил, девочка, и делал то, что должно, – и ты тоже.

Глава 82

Тучи сгущаются

Весь в поту, Роджер продирался сквозь густые заросли амбрового дерева. Вода совсем рядом; шум реки еще не слышен, но уже доносится смолистый аромат кустарников, растущих на берегу. Он не знал, как они называются, однако запах помнил.

Ремень мешка зацепился за ветку. Роджер рывком освободил его, и желтые листья взметнулись вокруг, словно стая маленьких бабочек. Скорей бы добраться до воды, и не потому, что фляга опустела – ночами холодало, но дни стояли жаркие. Больше всего он нуждался сейчас в открытом пространстве. Внизу, в долине, заросли лавра и кизила сплелись так тесно, что даже неба не видно; а там, где проглядывало солнце, поднималась высокая, по колено, трава.

Роджер взял с собой Кларенса, поскольку мул лучше приспособлен к путешествию по пересеченной местности, но кое-где даже ему было трудно, поэтому он оставил бедное животное вместе со скаткой и подседельной сумой на поляне.

Из-под куста внезапно выпорхнула каролинка. Роджер остановился, пытаясь унять сердцебиение. С деревьев, весело щебеча, к нему слетелась стая любопытных попугайчиков, однако что-то их напугало, и они брызнули во все стороны яркой радугой.

Было жарко. Он снял сюртук и обвязал вокруг талии, утер пот рукавом, поправил астролябию, висевшую на шее, и продолжил путь. Глядя с вершины горы на туманные лощины и поросшие лесом хребты, Роджер испытывал приятное изумление: надо же, это его земля! Внизу же, в хитросплетении дикого винограда и зарослей тростника, сама мысль о собственности казалась нелепой – как можно в принципе владеть этой первобытной трясиной?

Надо поскорее покончить с чертовыми джунглями и пробираться выше. Даже ощущая себя карликом возле гигантских стволов девственного леса, здесь можно найти пространство для вдоха. Ветви тюльпанных деревьев и каштанов образовали над головой полог, затенявший землю, под ним могли пробиться лишь хрупкие лесные цветы, венерины башмачки, триллиум, а упавшие листья образовали мягкий пружинистый ковер.

Невозможно себе представить, что когда-нибудь все изменится, – и тем не менее так и будет. Роджер знал это наверняка; да что там знал – сам

видел, своими глазами! Не раз ему случалось проезжать на машине там, где когда-то царило дикое буйство природы. Да, все можно изменить. Однако, продираясь сквозь заросли сумаха, он еще отчетливей понимал, что дикий хаос поглотит его в одну секунду.

И все же было в бескрайней первобытности что-то успокаивающее. Блуждая среди исполинских деревьев, Роджер постепенно обретал душевное равновесие, отдыхал от всего, что давило дома: от застрявших в горле слов, от молчаливой тревоги в глазах Брианны, осуждения во взгляде Джейми – невысказанного, но все же висящего над ним, словно дамоклов меч. От любопытных и сочувствующих, от болезненных попыток заговорить, от воспоминаний о музыке...

Он скучал по ним, особенно по Бри и Джему. Ему редко снились связанные сны, как Бри, – интересно, что она сейчас записывает? – однако под утро вдруг привиделся Джем: ползал по нему, как обычно, тыкал всюду пальчиком, хлопал по лицу, исследовал глаза, уши, нос, рот, словно искал недостающие слова.

Первые дни своего похода Роджер наслаждался молчанием, однако мало-помалу начал разговаривать сам с собой. Звуки выходили грубые, корявые, – ну и плевать, никого рядом нет.

Послышалось журчание воды. Раздвинув плотную занавесь ивовых веток, Роджер вышел к реке. Опустившись на колени, он напился и умыл лицо, затем выбрал на берегу несколько объектов для визирования и выудил из заплечного мешка тетрадь, перо и чернила.

В голове снова вертелась какая-то песня. Слова проскальзывали незаметно, вкрадчиво звеня в ушах, словно сирены на скалах. Сняв с шеи астролябию, Роджер улыбнулся, поправил визирную линейку и навел прибор на соседнее дерево. Это была детская песенка, считалочка, которую Бри пела Джему; одна из тех кошмарных мелодий, что привязываются насмерть, и никак их не выбросить из головы. Записывая показания в тетрадку, он напевал себе под нос, не обращая внимания на искаженные слова:

– Муравьишки д-друг за другом... с-семят...

Пять тысяч акров! Что ему с ними делать?

Что ему делать – точка.

– Д-дождик каплет – в норку сп-прятаться с-спешат... бум-бум-бум...

Я довольно быстро поняла, отчего Цаца'ви придает моему имени особое значение: деревня называлась Калануны – «Лисий поселок». Правда, лисы нам по дороге не встретились, зато мы слышали одиночный хриплый крик в кустах.

Деревня располагалась в живописной местности: в узкой долине реки у подножия небольшой горы, в окружении полей и садов. Протекающий мимо ручей ниспадал маленьким водопадом и утекал куда-то в заросли сахарного тростника, издали казавшиеся огромной бамбуковой рощей; гигантские стебли отсвечивали на солнце пыльным золотом.

Нас пригласили поучаствовать в ритуале воззвания к божеству охоты: на следующий день планировалась экспедиция на медведя-призрака, и местный шаман собирался просить для нас удачи и защиты.

До встречи с Джексоном Джолли мне не приходило в голову, что индейские шаманы, как и христианские священники, могут различаться по степени таланта. В жизни доводилось встречать и тех, и других, но прежде трудности языка мешали понять, что звание шамана еще не гарантирует наличия харизмы, силы духа или умения проповедовать.

Наблюдая, как взгляды людей, набившихся в хижину тестя Питера, постепенно начинают стекленеть, я решила, что последним талантом Джексон Джолли, к сожалению, обделен. Когда он, одетый во фланелевое одеяло и птичью маску, занял свое место у очага, на лицах паствы возникло выражение усталой покорности судьбе. Раздался громкий голос, полилась монотонная речь, и женщина, стоявшая рядом со мной, тяжело переступила с ноги на ногу и вздохнула.

Вздохи оказались заразными, но еще хуже – зевки. Уже через несколько минут у половины собравшихся слезились глаза. У меня у самой свело челюсть от невероятных усилий, а Джейми часто моргал, как филин.

Джолли был искренен в своих верованиях – и столь же скупен. Единственным, кого ему удалось заинтересовать, оказался Джемми: сидя на руках у матери, он зачарованно уставился на шамана, открыв рот.

Заклинание на медвежью охоту оказалось довольно монотонным: бесконечные повторения «Хи! Хайюуа-ханива, хайюуа-ханива...», затем повторение с небольшими вариациями; каждый стих заканчивался довольно резким «Йохо!», словно мы собирались отплывать на испанском галеоне, потрясая бутылкой рома.

Впрочем, тут паства несколько оживилась, и до меня дошло, что, возможно, дело вовсе не в шамане. Медведь-призрак досаждал деревенским месяцами, и подобные церемонии наверняка проводились не раз – безо всякого успеха. Да, пожалуй, проблема не в талантах Джексона

Джолли, а в отсутствии веры у его «прихожан».

Закончив песнопения, Джолли свирепо топнул, словно ставя точку, затем достал из сумки пучок шалфея, поджег и принялся расхаживать по комнате, распространяя дым. Толпа почтительно расступилась; он несколько раз обошел Джейми и близнецов, что-то бормоча и тщательно окуривая их душистым ароматом.

Джемми ужасно забавляло происходящее; его мать, похоже, разделяла эту точку зрения, трясаясь всем телом от сдерживаемого смеха. Джейми, напротив, держался с большим достоинством, пока низкорослый Джолли прыгал вокруг него, как жаба, поднимая полы сюртука и окуривая снизу. Я старалась не смотреть на Брианну.

Завершив церемонию, Джолли вернулся на свое место у огня и снова запел. Стоящая рядом со мной женщина закрыла глаза и слегка поморщилась.

У меня заныла спина. Наконец шаман завершил процедуру, снял маску и вытер праведный пот со лба – он явно был доволен собой. На передний план выступил вождь; люди зашевелились.

Я стала прикидывать, чем нас будут кормить на ужин, и, увлекшись размышлениями, не сразу заметила, что оживление в рядах становится все более явственным. Вдруг моя соседка склонила голову набок, прислушиваясь, резко выпрямилась и крикнула что-то повелительным тоном.

Вождь тут же умолк. Все, как по команде, запрокинули головы и застыли с широко раскрытыми глазами. Наконец услышала и я, и по спине побежали мурашки. Воздух наполнился хлопаньем крыльев.

– Господи, что это?! – прошептала Брианна, глядя вверх. – Сошествие Святого Духа?

Непонятный звук все усиливался, напоминая продолжительные раскаты грома; воздух завибрировал.

– *Tsiskwa!*^[11] – крикнул кто-то, и все бросились к двери.

Выбежав из хижины, я сперва решила, что началась гроза: небо потемнело, вокруг стоял оглушительный шум, и надо всем этим мерцал неестественно тусклый свет. Однако влаги в воздухе не чувствовалось. До меня донесся странный запах, и это был явно не дождь.

– Птицы, мама, это же птицы! – Я едва различила голос Брианны в изумленном хоре. Все до единого высыпали на улицу и стояли, задрав головы. Кто-то из детей заплакал.

Мне стало не по себе. Ни разу в жизни не доводилось видеть подобное зрелище – да и индейцам тоже, судя по их реакции. Казалось, земля дрожит

под ногами; воздух буквально сотрясаясь от хлопанья крыльев, словно кто-то яростно бил в огромный барабан. Вибрация отдавалась на коже, а с шеи рвался платок, пытаясь улететь.

Всеобщее оцепенение продолжалось недолго. Раздались крики, и люди забегали туда-сюда, врываясь в свои хижины и выбегая обратно с луками. В мгновение ока в птичью стаю вонзился град стрел, и на землю начали падать окровавленные мягкие комочки.

Впрочем, не только они. На мое плечо шлепнулась порядочная капля: с неба разом полились ядовитые осадки, поднимая на дороге облачка пыли. В воздухе летал пух, похожий на семена одуванчика; там и сям крупные перья, кружась на ветру, пикировали вниз, словно крошечные копья. Я поспешно укрылась под навесом вместе с Брианной и Джемми, откуда мы с ужасом наблюдали всеобщую давку и толкотню. Лучники натягивали тетиву как заведенные, пуская в небо одну стрелу за другой. Джейми, Питер и Джосайя сбегали за ружьями и теперь палили почему зря, даже не целясь, – промахнуться было невозможно. Дети, заляпанные пометом, носились в толпе, подбирая упавших птиц и складывая кучками у порогов.

Это продолжалось не менее получаса. Мы скрючились под навесом, наполовину оглохшие, загипнотизированные непрекращающимся треском в вышине. Джемми перестал плакать и прижался к матери, спрятав голову в складках шали.

Наконец – слава богу – огромная стая пролетела и исчезла за гребнем горы, и лишь отбившиеся от основной массы спешно догоняли своих.

Деревня дружно выдохнула. Люди потирали уши, словно пытаясь избавиться от навязчивого звона. Посреди толпы стоял Джексон Джолли, щедро усыпанный пухом и экскрементами; его глаза сияли. Он раскинул руки и что-то произнес; ближайшее окружение откликнулось.

– Нам ниспослано благословение, – перевела мне сестра Цаца’ви, глубоко взволнованная. Она махнула рукой в сторону Джейми и близнецов Бердсли. – Белый Дух подал знак: они найдут злого медведя.

Я кивнула, все еще слегка оглушенная. Бри нагнулась и подняла мертвую птицу, держась за стрелу. Пухленькая, очень красивая, с сизой головкой и кирпичной грудкой; кончики крыльев красновато-коричневые. Голова безжизненно свесилась, глаза были прикрыты тонкими сморщенными серо-голубыми веками.

– Это он, да? – негромко спросила дочь.

– Похоже на то, – так же тихо откликнулась я и осторожно коснулась гладкого оперения. Что касается божественных знаков и чудесных предзнаменований, тут я ничего не могла сказать, но одно знала наверняка

– это был странствующий голубь.

* * *

На заре охотники тронулись в путь. Брианна весьма неохотно рассталась с сыном, однако живость, с которой она взлетела в седло, подсказала мне, что вряд ли она будет по нему сильно скучать. Сам Джемми был поглощен исследованием корзины под кроватью и на отъезд матери не обратил особого внимания.

Целый день женщины возились с голубями: ощипывали, жарили, коптили и заготавливали впрок в древесной золе. Всюду летал пух и густо пахло жареной печенью – вся деревня лакомилась этим изысканным деликатесом. Я помогала, отвлекаясь на занимательные разговоры и выгодный бартер, и лишь иногда поглядывала в сторону гор, куда отправились охотники, мысленно вознося молитвы за их благополучие, не забывая и о Роджере.

Я привезла с собой двадцать пять галлонов меда, а также кое-какие европейские травы и семена из Уилмингтона. Торговля шла бойко, и к вечеру я обменивала свои запасы на дикий женьшень, стеблелист и настоящее сокровище – чагу. Говорят, что этот гриб, растущий на старых березах, помогает от рака, туберкулеза и язвы – полезная вещь в аптечке любого врача.

Что касается меда, я выменяла его целиком на двадцать пять галлонов подсолнечного масла. Пузатые кожаные мешочки сложили кучкой у дома, где мы жили; издали они напоминали пушечные ядра. Каждый раз, проходя мимо, я останавливалась полюбоваться, предвкушая мягкое, душистое мыло – наконец-то руки перестанут вонять свиным жиром! А если повезет, продадим за хорошую цену и пошлем деньги чертовке Лири, чтоб ее...

Следующий день я провела в саду у другой сестры Цаца'ви по имени Сунги. Высокая миловидная женщина лет тридцати знала несколько английских слов; ее подруги – чуть больше. Это оказалось весьма кстати: мои лингвистические способности ограничивались банальными «привет», «хорошо» и «еще».

Несмотря на это, мне сперва не удалось разобраться, что же означает слово «сунги». Толкования различались в зависимости от того, к кому я обращалась: то ли «лук», то ли «мята», то ли вообще «рысь». После непродолжительной перекрестной беседы выяснилось, что на самом деле это некий сильный запах.

Молодые, стройные яблони плодоносили довольно прилично. Маленькие зеленовато-желтые яблоки вряд ли произвели бы впечатление на Лютера Бербанка^[12], но вкусно хрустели на зубах и имели приятную кислинку – отличный антидот жирной голубиной печени. Критически нахмурившись, Сунги объяснила, что год выдался сухой и яблок уродилось меньше, чем в прошлом году, да и кукуруза не особо удалась.

Засадив двух своих дочерей пасти Джемми, Сунги строго-настрого велела им быть предельно внимательными, часто указывая в сторону леса.

– Медвежатник прийти – хорошо, – сказала она, возвращаясь с корзинкой. – Это не есть медведь; нас не говорить.

К счастью, ее подруга прояснила суть ребуса: нормальное, разумное животное обязательно прислушалось бы к воззваниям шамана и встретилось бы с охотниками. Учитывая его окраску, а также упрямый и мерзкий характер, совершенно очевидно, что это не настоящий медведь, а скорее злой дух, притворяющийся зверем.

– А-а, – откликнулась я уже с большим пониманием. – Джексон упоминал Белого Духа – это он про медведя? – Вроде Питер говорил, что белый – один из предпочитаемых цветов.

Еще одна дама – просившая называть ее Анной, чтобы не затрудняться толкованием своего настоящего имени, – изумленно рассмеялась:

– Да нет же! Белый Дух – он огонь.

Тут подключились остальные, и мне наконец объяснили, что огонь – могущественный добрый дух, глубоко почитаемый. Отсюда и жестокое поведение медведя: обычно к животным-альбиносам относятся с уважением, они считаются посланниками из иного мира (тут одна или две женщины покосились на меня), а этот зверь ведет себя крайне странно.

Зная о проделках Джосайи и о «черном дьяволе», я вполне понимала их недоумение. Не хотелось впутывать сюда парня, поэтому я лишь аккуратно упомянула, что слышала разные истории о страшном черном человеке, живущем в лесу и творящем всякие бесчинства. Не доводилось ли им сталкиваться с ним?

Да-да, заверили меня, однако волноваться не о чем. «Вон там» – кивок в сторону невидимого тростника и низины у реки – живет небольшая группа «черных людей». Возможно, это демоны, особенно учитывая, что они пришли с запада.

А может, и нет. Их нашли местные охотники и внимательно следили за ними несколько дней. Судя по их рассказам, жили они в ужасной нищете, ходили в лохмотьях, и даже приличных домов у них не было – так уважающие себя демоны не устраиваются.

Впрочем, черных людей слишком мало и они слишком бедны, чтобы представлять интерес; женщин всего три, и те страшные как смертный грех – наверное, и правда демоны. Короче, селяне решили оставить их в покое. В деревне те не появлялись, добавила одна дама, сморщив носик, иначе их бы учуяли собаки.

Разговор прервался, и мы разбрелись по разным концам сада, срывая спелые фрукты с деревьев; девочки собирали падалицу.

В обед отправились домой – усталые, загоровшие, пахнущие яблоками, и обнаружили, что охотники уже вернулись.

– Четыре опоссума, восемнадцать кроликов и девять белок, – доложил Джейми, промокая лицо влажным полотенцем. – И птиц тьма-тьмущая, но у нас и так голубей навалом. Разве что подстрелили сокола – Джордж Гист хотел перья.

Кожа у Джейми обветрилась, переносица обгорела до красноты, однако настроение у него было отличное.

– А Брианна, умница такая, подстрелила лося – прямо по ту сторону реки. Попала в грудь и сама перерезала горло, хоть и непросто было – зверь еще брыкался.

– Замечательно, – пробормотала я себе под нос, представляя острые рога и копыта в непосредственной близости от своей дочери.

– Расслабься, саксоночка, – успокоил меня Джейми, заметив мое выражение лица. – Я научил ее, как надо, – она зашла сзади.

– Замечательно, – повторила я более ядовитым тоном. – Я полагаю, охотники впечатлились?

– О, еще как! – весело воскликнул Джейми. – А ты знаешь, что чероки позволяли своим женщинам не только охотиться, но и воевать? Ну, не слишком часто, – добавил он, – но время от времени какой-нибудь бабе взбрело в голову, и мужики шли за ней, представляешь?

– Безумно интересно, – ответила я, пытаюсь отогнать картинку: Брианна, приглашенная возглавить боевой отряд чероки. – Да, кровь – не водица.

– Чего?

– Неважно. А медведей-то видели? Или были слишком заняты сравнительной антропологией?

Джейми прищурился над полотенцем.

– Видели следы – у Джосайи глаз наметан. И не только помет: нашли дерево, о которое зверь чесался, – шерсть в коре застряла. Он говорит, у каждого медведя есть любимое дерево или два и тот каждый раз к ним возвращается, так что, если хочешь завалить зверя, нужно разбить

поблизости лагерь и ждать.

– Я так понимаю, пока стратегия не сработала?

– Сработала бы, – ответил Джейми, ухмыляясь, – только медведь не тот. Волосы на дереве были бурые, не белые.

Впрочем, поход оказался вполне удачным. Охотники описали огромный полукруг у деревни, зайдя как можно дальше в лес, а затем методично прочесали местность до реки и на мягкой почве низины, возле тростника, обнаружили отпечатки лап.

– Джосайя говорит – зверь другой, не тот, чью шерсть мы нашли в коре; да и Цаца’ви вроде бы узнал следы.

В результате все присутствующие эксперты пришли к заключению, что медведь устроил берлогу в густом тростнике, где летом темно и прохладно, к тому же куча птиц и мелкой живности. Даже олень мог бы там спрятаться в жаркую погоду.

– На лошади туда не заехать? – спросила я.

Джейми покачал головой, пальцами вычесывая листья из волос.

– Да и пешком-то не продрасться – слишком плотно растет. Только мы не собирались туда лезть.

Вместо этого решили поджечь тростник, чтобы выгнать зверя – и остальную дичь – в низину и там убить. Судя по всему, это распространенный охотничий прием, особенно ранней осенью, когда тростник высыхает и легко воспламеняется. Однако пожар выгонит не только медведя, но и множество другой дичи. Поэтому отправили весточку охотникам соседней деревни, милях в двадцати, с приглашением присоединиться. Если повезет, зверья хватит на зиму жителям обеих деревень. К тому же чем больше охотников, тем меньше шансов, что медведь убежит.

– Разумно, – одобрила я. – Надеюсь, они не выкурят заодно и рабов.

– Кого? – застыл Джейми.

– Черных дьяволов – или что-то в таком духе.

Я рассказала ему о поселении (если это оно) беглых рабов (если это они).

– Вряд ли демоны, – сухо ответил Джейми, садясь передо мной, чтобы я заплела ему волосы в косу. – Не думаю, что им грозит опасность. Наверняка они живут на противоположном берегу реки. Впрочем, я поспрашиваю. Время еще есть: охотники из Канугалайи придут дня через три-четыре.

– Вот и хорошо, – заметила я, завязывая ремешок. – Как раз успеешь доесть всю голубиную печень.

Следующие несколько дней прошли довольно приятно, хотя напряжение постепенно нарастало. Наконец прибыли охотники из Канугалайи, что в переводе означает «Шиповник»; по крайней мере, так мне растолковали. Видимо, их пригласили из-за навыков охоты среди колючих кустарников, подумала я, однако уточнять не рискнула. Джейми, как обычно, с легкостью подхватывал чужой язык, но мне не хотелось лишний раз напрягать его, заставляя переводить игру слов.

Похоже, Джемми унаследовал способность деда к языкам: уже через неделю после нашего приезда он удвоил свой активный словарь, в котором половина слов была на английском, половина – на чероки; в результате его понимала только мать. Мой собственный словарь дополнился понятиями «вода», «огонь», «еда» и «помогите!»; в остальном я полагалась на доброту англоговорящих индейцев.

После надлежащих церемоний и шикарного приветственного пира (гвоздем программы, разумеется, была копченая голубиная печень с жареными яблоками) большая партия охотников отправилась на рассвете в путь, укомплектованная, помимо луков, мушкетов и ружей, сосновыми факелами и тиглями. Накормив охотников завтраком (маисовая каша с печенью и свежими яблоками), оставшиеся разошлись по домам и занялись плетением корзин, шитьем и разговорами.

Было жарко и влажно. В полях безжизненно застыли сухие стебли убранной кукурузы и подсолнуха, словно воткнутые спички. Ни малейшего ветерка; даже пыль не колыхалась на дорогах. Самый подходящий день для поджога, отметила я, прячась в прохладе хижины Сунги.

Посреди неспешных разговоров о том о сем мне пришло в голову спросить о компонентах амулета, который собрала Найявен. Конечно, она была из племени тускарора, и лежащие в основе верования могли различаться, но меня интересовала летучая мышь.

– Про мышей есть одна история, – начала Сунги, и я подавила улыбку. На самом деле чероки ужасно похожи на шотландских горцев, особенно по части всяких историй. За несколько дней, что мы провели в деревне, мне довелось выслушать целую кучу.

– Однажды звери и птицы решили сыграть в мяч, – переводила Анна вслед за Сунги. – В то время летучие мыши бегали на четырех лапах, как и остальные животные. Однако играть им не разрешили: другие звери сказали, что те слишком малы, их просто растопчут. Летучим мышам это не

понравилось. – Сунги нахмурилась, изображая недовольную мышь.

– Тогда летучие мыши отправились к птицам и предложили играть на их стороне. Птицы приняли предложение, взяли листочки и палочки и смастерили для них крылья. В итоге птицы выиграли, а летучим мышам так понравились крылья, что...

Сунги резко умолкла, подняла голову и принялась. Остальные женщины тоже примолкли. Сунги проворно вскочила и подошла к двери, выглянув наружу.

Я тоже чувствовала запах дыма, и уже давно, но теперь гарь усилилась. Сунги вышла за порог, остальные потянулись за ней. Под ложечкой засосало нехорошее предчувствие.

На небо напозлали дождевые тучи, но даже на их фоне отчетливо выделялось облако дыма – грязное пятно, клубящееся над дальними деревьями. Поднялся ветер – предвестник надвигающейся бури; сухие листья с шуршанием прокатились мимо, словно зверьки на маленьких жестких лапках.

В большинстве языков мира для ситуаций, пробуждающих тревогу, предусмотрены односложные слова; чероки не стал исключением. Что сказала Сунги, я не разобрала, но и без того было понятно. Одна из девушек лизнула палец и выставила вверх; впрочем, жест оказался излишним – сильный ветер ударил прямо в лицо, отбрасывая волосы назад и холодя шею. Судя по направлению, дуло в сторону деревни.

Анна сделала глубокий вдох, расправляя плечи – видимо, готовилась к решительным действиям. Внезапно все разом задвигались, поспешили к своим домам, сзывая детей и попутно сметая в юбки вяленое мясо с сушилок, связки лука или кабачки с навесов.

Я не знала, где Джемми. Одна из девочек постарше увела его с собой играть, но в суматохе я не помнила, какая именно. Подобрал юбки, я пустилась бежать вниз по улице, бесцеремонно заглядывая в каждый дом. Хотя в атмосфере явно чувствовалась напряженность, переполоха никто не поднимал.

Я нашла его в пятом доме. Малыш крепко спал в компании других детей разных возрастов; все они свернулись, как щенята, в складках буйволиной шкуры. Я распознала его лишь по волосам, светящимся в полумраке, словно маячок. Он тут же проснулся и начал оглядываться по сторонам, недоуменно моргая. Я осторожно выпутала его из шкуры и взяла на руки.

– Зайка, пойдем с бабушкой, нам пора.

– На лофадке? – оживился ребенок.

– Отличная мысль, – сказала я, сажая его на бедро. – Пойдем-ка поищем лошадку.

На улице запах дыма стал еще сильнее. Джемми закашлялся, а я почувствовала едкий привкус во рту. Эвакуация шла полным ходом; люди – большей частью женщины – вбегали и выбегали из домов, толкая перед собой детей, вынося поспешно свернутые узлы с пожитками. Однако паники не наблюдалось. Оно и понятно: в деревянном поселке на краю леса риск воспламенения довольно высок. Видимо, жителям уже приходилось иметь дело как минимум с лесными пожарами, так что все были подготовлены.

Это соображение подействовало успокоительно, однако ему на смену тут же пришло новое: за шуршание листьев я приняла потрескивание приближающегося огня, что отнюдь не добавляло спокойствия.

Большую часть лошадей забрали охотники; осталось всего три. На одну взгромоздился какой-то старик, держа на поводу Джудаса и вторую лошадь – видимо, собирался куда-то уводить. Завидев меня, он улыбнулся и показал на Джудаса, который уже был оседлан.

– Спасибо! – отозвалась я.

Старик наклонился, проворно забрал у меня Джемми, дождался, пока я усядусь на Джудаса, и лишь затем осторожно передал ребенка назад.

Лошади беспокойно перебирали копытами. Как и люди, они понимали, что такое огонь, и боялись еще больше. Одной рукой я крепко взялась за повод, второй прижала к себе Джемми.

– Так, зверь, – сказала я Джудасу, стараясь придать голосу командный тон. – Мы уезжаем.

Джудас был только «за» и рванул к бреши в заборе, словно к финишной черте, попутно зацепив мои юбки о колючки. Мне удалось немного придержать его, чтобы старик со своими лошадьми нас догнал.

Индеец что-то прокричал и махнул рукой в сторону гор, подальше от огня. Ветер швырнул ему в лицо длинные седые волосы, заглушая слова; он стряхнул их, но не стал повторять, а сразу подался в указанном направлении.

Я тронула Джудаса коленями, разворачиваясь за ним, но, заколебавшись, придержала поводья. По улице стекались людские ручейки, двигаясь в ту же сторону. Никто не бежал, хотя все шагали весьма целенаправленно.

Как только Бри поймет, что деревня в опасности, то примчится за Джемми. Как бы она мне ни доверяла, любая мать в подобных обстоятельствах не успокоится, пока не найдет ребенка лично.

Немедленная гибель нам еще не грозила, поэтому я решила подождать, несмотря на возрастающую нервозность Джудаса.

Ветер срывал целые волны зеленых, красных и желтых листьев и гнал их на нас, облепляя мои юбки и шкуру лошади осенней мозаикой. Небо затянуло иссиня-черной мглой, сквозь свист ветра и шуршание пламени слышались первые раскаты грома. Резко запахло дождем. Хороший ливень – ровно то, что сейчас нужно, и чем скорее, тем лучше.

Джемми ужасно возбудился от происходящего: принялся шлепать пухлыми ручонками по седлу и завопил собственный боевой клич, что-то вроде «Уги-уги-уги!».

Джудасу такое поведение пришлось явно не по вкусу. Мне и так было непросто его удержать: он все время дергал узду, при этом выполняя какие-то сложные маневры, так что мы двигались хаотичными кругами. Веревка жестко впивалась мне в ладонь, а голые пятки Джемми выстукивали барабанную дробь по моим бедрам.

Я уже почти сдалась, когда лошадь вдруг резко развернулась в сторону деревни и громко заржала.

Ну конечно – прибыли охотники: из леса рысью выскочили несколько лошадей. Джудас так обрадовался сородичам, что готов был кинуться навстречу, невзирая на огонь.

Я поспешила к Джейми и Брианне; оба беспокойно поглядывали по сторонам. При виде матери Джемми вскрикнул от радости и бросился ей на руки, едва не угодив под копыта лошадей.

– Ну что, нашли медведя? – спросила я Джейми.

– Нет! – крикнул он сквозь усиливающийся ветер. – Поехали!

Бри уже ускакала в сторону леса вслед за деревенскими жителями. Передав ребенка в надежные руки, я вспомнила еще кое о чем.

– погоди минутку! – Я слезла с седла и бросила Джейми поводья. Он наклонился за ними и что-то неразборчиво сказал.

Мы были как раз возле дома Сунги, где под навесом лежали бурдюки с подсолнечным маслом. Я оглянулась – огонь подходил все ближе; до нас долетали отчетливые струйки дыма, а между деревьями блеснули языки пламени. Ничего, успеем. Бросать в костер стоимость годовой выработки меда было выше моих сил.

Я метнулась в дом, игнорируя гневные крики Джейми, и принялась лихорадочно рыться в разбросанных корзинках, надеясь, что Сунги не забрала... Нет, не успела. Я схватила пригоршню кожаных ремней и выскочила наружу.

Упав на колени в дыму и в пыли, я обмотала ремнями горлышки двух

бурдюков, связала концы вместе, как можно туго затянув узел, и потащила к лошадям.

Поняв мой замысел, Джейми нагнулся, подхватил импровизированное коромысло и перекинул через седло, так что курдюки свисали по бокам Гидеона.

– Поехали! – крикнул он, еле удерживая брыкающихся лошадей.

– Еще одну! – отозвалась я на бегу.

Джейми закричал мне вслед что-то нелестное на гэльском, но в тоне уже чувствовалось смирение, и я не удержалась от улыбки.

Джудас храпел и вращал глазами, скаля зубы от страха, но Джейми крепко держал поводья, подтянув его ближе, пока я пристраивала вторую пару бурдюков и взбиралась сама.

Как только ослабла железная хватка, Джудас взвился стрелой, пущенной из лука. Осознав полную бесполезность веревочного повода, я что есть силы вцепилась в седло, и мы помчались в сторону спасительных гор.

Буря приближалась. Хотя ветер стих, гром по-прежнему бухал над головой, а Джудас гром терпеть не мог. Вспомнив, чем дело кончилось в прошлый раз, я прижалась к его спине, как пиявка, твердо решив, что не дам себя стряхнуть.

В лесу голые ветки хлестали меня, словно кнутом. Я распласталась ниже и закрыла глаза. Джудас вынужденно замедлил темп, однако еще нервничал; его круп ходил ходуном, дыхание со свистом вырывалось из ноздрей.

Снова прогремел гром. Лошадь оступилась на скользких листьях, ее занесло и шмякнуло о молодую поросль. К счастью, пружинистые деревца спасли нас от увечья, мы кое-как выкарабкались и продолжили путь вверх. Осторожно приоткрыв один глаз, я убедилась, что Джудас каким-то чудом вышел на тропу – вот она, едва заметная змейка, уходящая в темную чащу.

Тут деревья вновь сомкнулись над нами, и уже не видно было ничего, кроме удушающего сплетения ветвей и стволов, обвитых желтеющими обрывками дикой жимолости и яркими пятнами красного плюща. Густые заросли еще больше замедлили Джудаса, и я наконец смогла перевести дух. Где же Джейми?

Небо раскололось, и сзади послышалось тоненькое ржание. Ну разумеется! Джудас ненавидел гром, а Гидеон терпеть не мог ехать за кем-то и теперь спешно нагонял.

Тяжелая капля ударила между лопаток, зашуршало в листве, застучало по земле дробным кап-кап-кап... Резко повеяло озоном, и весь лес словно

вздохнул зеленой грудью, открываясь навстречу дождю.

Я тоже выдохнула с облегчением.

Джудас сделал еще несколько шагов и вдруг замер. Не дожидаясь очередного раската, я поспешно слезла и привязала его к небольшому деревцу трясущимися руками – не самая простая задача.

Как раз вовремя. Громыхнуло, да так сильно, что отдалось на коже. Джудас заржал и попятился, дергая привязь. Я отошла подальше от нервных копыт, и Джейми поймал меня сзади. Он хотел было что-то сказать, но тут снова бабахнуло. Я развернулась и прильнула к нему, трясаясь от запоздалого шока. Дождь зарядил уже всерьез, холодные капли стекали по лицу. Джейми поцеловал меня в лоб и завел под огромную ель, чьи ароматные разлапистые ветви почти не пропускали дождя, образуя естественный навес.

Адреналин постепенно спадал. Я огляделась и поняла, что мы – не первые обитатели этого убежища.

– Смотри, – сказала я Джейми, всматриваясь в тень. Следы были незначительные, но вполне отчетливые: кто-то здесь ел, сложив аккуратную кучку маленьких костей. Животные не столь опрятны; к тому же они не сгребают сухие иголки в удобную подушку.

Джейми поморщился от очередного раската грома и кивнул:

– Пост убийцы. Правда, здесь давно никого не было.

– Кого?!

– Убийцы, – повторил Джейми. За его спиной сверкнула молния, и черный силуэт вдавился мне в сетчатку. – Так они называют часовых – это воины, которые несут стражу возле деревни, чтобы враги не застали врасплох. Видишь?

– Пока что ни черта не вижу. – Я протянула руку и дотронулась до его рукава, затем на ощупь пробралась в надежное убежище родных объятий и закрыла глаза, надеясь восстановить зрение, однако молнии слепили даже сквозь веки.

Затем гроза немного сместилась в сторону – по крайней мере, чуть поутихла. Я моргнула и вновь обрела способность видеть. Джейми отодвинулся, привлекая мое внимание. Оказалось, что мы стоим на небольшом уступе, а сразу за нами – отвесная скала. На краю маленькой площадки – рукотворной, разумеется; в горах других и не бывает – рос ряд елей. Выглянув за них, я насладились потрясающим видом на долину, где и располагался поселок.

Дождь постепенно затихал, однако сверху было заметно, что гроза разделилась на несколько очагов: из каждой тучи лился занавес из серого

бархата; над дальними вершинами проносились беззвучные зигзаги молний, а за ними, догоняя, катился гром.

Над тростником еще клубился дым – плоская бледно-серая корона, почти белая на фоне темного неба. Даже на такой высоте от запаха гари щипало в носу. Там и сям виднелись язычки пламени, но уже было ясно, что пожар затухает. Люди возвращались в деревню, выходя из леса маленькими группами, с детьми и пожитками. Я поискала глазами всадников, но не заметила ни одного, не говоря уж о рыжих. Наверняка Брианна с Джейми в безопасности, чего зря волноваться.

Внезапно меня пробрала дрожь. В горах всегда так: только что все задыхались от жары, а часа не пройдет – начинаешь замерзать.

– Как ты, саксоночка? – Теплая рука Джейми легла на мою шею, нежно массируя напряженные плечи.

Я сделала глубокий вдох и попыталась расслабиться.

– Нормально. Думаешь, уже можно ехать вниз? – О тропе я запомнила лишь то, что она была крутая и узкая, а теперь еще и скользкая от мокрой глины и опавших листьев.

– Нет, но и...

Джейми резко умолк и посмотрел на небо, задумчиво нахмурившись, затем оглянулся назад. В темноте едва различались силуэты лошадей, примостившихся под деревом, где я привязала Джудаса.

– Я хотел сказать, что и оставаться не особо безопасно, – завершил он свою мысль, тихо барабанив пальцами по моему плечу, повторяя ритм дождевых капель. – Гроза движется быстро. Видишь вон там, над горой, молнию? А гром...

Словно по заказу, над долиной прокатился очередной грохот. Одна из лошадей протестуя заржала и забила копытами, пытаясь сорваться с привязи.

– Сдается мне, твой Буцефал сильно не любит грозу.

– Да, я заметила.

Снова поднялся ветер – гроза возобновлялась.

– Пожалуй, свернет себе шею, да и тебе заодно, когда... – Очередной раскат заглушил его слова, но я уловила смысл. – Подождем, – решительно добавил Джейми, развернул меня спиной к себе и обнял, со вздохом уютив подбородок на макушке. Так мы и стояли, дожидаясь следующей волны.

Далеко внизу шипел и чадил тростник; дым разносило ветром – на этот раз в сторону реки. Кстати, где Роджер? Удалось ли ему спрятаться от грозы?

– А еще мне интересно, где тот медведь, – сказала я, наполовину озвучивая свои мысли.

Глава 83

Пожар

В полусне Роджер почувствовал, как в горле першит от дыма. Он кашлянул и снова провалился в туманные видения закопченного камина и сгоревших сосисок. Утомленный долгой и трудной дорогой сквозь густые заросли тростника, он слегка перекусил и прилег отдохнуть на берегу, в тени черной ивы.

Убаюканный журчанием воды, Роджер так и уснул бы, но тут раздался пронзительный крик, отчего он подскочил, щурясь и моргая. Крик повторился. Мул!

Роджер поспешно вскочил, спотыкаясь, бросился в сторону звука и лишь потом вспомнил, что оставил на берегу мешок с перьями, чернилами и драгоценными записями обмеров. Он метнулся за ним, подхватил и прошлепал по мелководью в направлении истерического ржания. Тяжелая астробия была по груди; Роджер засунул ее под рубашку, чтобы не цеплялась за ветки, и огляделся, пытаясь вспомнить обратную дорогу.

Дым... Ему не приснилось – пахнет дымом. Роджер надсадно закашлялся, чуть не задохнувшись. Горло пронзила жгучая боль – кажется, разошелся внутренний рубец.

– Иду, – прохрипел он. Да если бы и закричал, Кларенс его все равно не услышал бы. Стреноженный мул остался пасть на травянистом клочке земли на краю зарослей тростника.

– Кричи, – пробормотал Роджер, бросаясь на молодые стебли, чтобы пробить дорогу. – Ну... давай же, кричи...

Небо потемнело. Еще не придя в себя, охваченный паникой, он потерял чувство направления и уже сам не понимал, где находится, не говоря уж о Кларенсе.

Черт, да что происходит? Запах дыма явно усиливался. Окончательно проснувшись, Роджер понял, что было не так: птицы, как правило сонные в полуденный зной, хаотично летали над головой, оглашая воздух громкими бессвязными криками. Тростник беспокойно гнулся, трепеща шероховатыми листьями; в лицо пыхнуло жаром – не влажным, липким теплом, а сухим, горячим дыханием; обожгло щеку и, как ни парадоксально, по спине тут же побежали мурашки. Господи Иисусе, пожар!

Роджер сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Тростник шевелился, как живой, шурша сухими стеблями; стаи певчих птиц и

попугайчиков взмывали в небо, словно горстка конфетти. Дым вполз в грудь и сжал легкие, не давая вздохнуть как следует.

– Кларенс! – выдавил Роджер изо всех сил. Бесплезно – шорох тростника заглушал голос; да и мул окончательно затих. Не могла же эта тупая скотина сгореть дотла? Да нет, скорее, порвал веревки и убежал.

Что-то задело по ноге. Глянув вниз, Роджер успел заменить лысый чешуйчатый хвост опоссума, исчезающий в кустах. Ну, можно и туда, подумал он и нырнул в заросли цветоголовника.

Где-то рядом послышалось хрюканье; из-под куста выскочил поросенок и ломанулс налево. Странно... Свиньи, опоссумы – разве у них есть чувство направления? Мгновение Роджер колебался, затем последовал за поросенком – достаточно крупный экземпляр, поможет протоптать тропу.

А тропа, похоже, и правда была: там и сям виднелись участки голой земли, вытопанные между пучками травы, сквозь которую драгоценными камешками мерцали дикие орхидеи. Какие хрупкие, отметил он и тут же спохватился – как можно думать о таких вещах в минуту опасности?

Дым становился все гуще. Роджер вновь закашлялся, согнувшись чуть ли не вдвое и хватаясь за горло, как будто надеялся руками удержать разрывающуюся плоть. Выпрямившись, он обнаружил, что тропа исчезла. Над тростником поползло облачко дыма, словно разнюхивая дорогу, и его охватила паника.

Роджер сжал кулаки, так что короткие ногти больно впились в ладони, заставляя себя сосредоточиться. Он медленно поворачивался, закрыв глаза, внимательно прислушиваясь, подставляя лицо в надежде почувствовать струю свежего воздуха или колебание температуры – хоть какую-то подсказку. Куда бежать?..

Все заволокло дымом; густые, черные клубы низко стелились по земле, выкатывались из зарослей, душили. Теперь послышался и огонь: странный хихикающий звук, словно откуда-то из глубин ободранной гортани исходил смех.

Ивы... Там, вдалеке, едва виднеются над колышущимся тростником. Ивы растут у воды – значит, река в той стороне.

На берегу черно-красная змейка скользнула по ноге, но он даже не обратил внимания – нет времени отвлекаться на мелкие страхи, когда тебя гонит страх смерти. Роджер прошлепал на середину реки и упал на колени, как можно ниже склонившись к воде.

Здесь движение воздуха ощущалось лучше. Он жадно вдохнул и закашлялся, сотрясаясь от рвущих горло спазмов. Куда? Река тянулась на

многие мили в обе стороны, рассекая заросли тростника. В одну сторону – попадешь в долину, подальше от огня; в любом случае – на открытое пространство, где можно будет оценить ситуацию. В другую – скорее всего, в самый эпицентр пожара. Однако над головой зависло лишь темное марево, и ни малейшего ключа к ответу.

Роджер крепко обхватил себя руками, стараясь подавить кашель, и тут вспомнил про заплечный мешок. Замеры! Ну уж нет! Можно смириться с угрозой гибели, но не с потерей ценных записей, стоивших многих дней тяжелого труда! Спотыкаясь и барахтаясь, Роджер выбрался на берег и принялся отчаянно рыть мягкую грязь, выдергивая пригоршни длинной, жесткой травы; стебли хвоща распадалась в руках, и он небрежно бросал их через плечо, задыхаясь от усилий.

Горячий воздух обжигал легкие. Роджер смял мешок, засунул его во влажную дыру и принялся засыпать, торопливо подгребая грязь руками, ощущая на коже ее приятную прохладу. Пот высыхал мгновенно, даже не успев выступить.

Тем временем огонь приближался... Камни! Нужны камни, чтобы пометить закладку, они же не горят! Роджер снова плюхнулся в ручей и зашарил руками по дну. О боже, вода – прохладная, мокрая... какое счастье. Он нащупал булыжник, покрытый склизкой зеленой тиной, и бросил его в сторону берега. Еще один... пригоршню камней поменьше, захваченных с отчаяния... еще большой... плоский... еще... Хватит, уже достаточно, огонь все ближе...

Роджер торопливо сгреб камни в небрежную пирамидку, снова кинулся в реку и побежал, задыхаясь, спотыкаясь на скользких камнях; бежал, что было сил в дрожащих ногах, покуда дым не схватил за горло, забив нос, рот и грудь, и задушил, выжав из него воздух и саму жизнь, оставив лишь черноту перед глазами, освещенную мерцающей краснотой пламени.

* * *

Он пытался вырваться... Из петли, из веревок на запястьях, но больше всего – из той черной пустоты, что раздавила грудь и запечатала горло... Еще один, последний глоток драгоценного воздуха! Роджер дернулся, напрягаясь всем телом, и покатился по земле, разбросав руки в стороны.

Судорожно молотя одной рукой по воздуху, он попал во что-то мягкое; раздался удивленный вопль. Кто-то схватил его за плечи, за ноги, и вот он уже сидит, судорожно пытаясь вдохнуть. Что-то сильно ударило по спине;

он задохнулся, глотнул воздуха, зашелся кашлем, и из обожженных глубин выплеснулась черная мокрота, теплая и мерзкая, словно тухлая устрица.

Роджер выплюнул ее и почувствовал, как следом поднимается желчь, обжигая травмированную гортань. Сплюнул еще раз, глотнул и выпрямился, ловя ртом воздух.

Сперва он не обращал внимания на происходящее вокруг, поглощенный чудесной возможностью дышать. Какие-то лица, голоса в темноте, пахнет дымом... Какая разница? Главное – кислород, наполняющий грудь, расправляющий ссохшиеся клетки, словно размокший изюм.

Вода коснулась его губ, и он поднял голову, моргая слезящимися глазами. В глазах резало от сухости; свет и тень размылись в мутное пятно. Он часто заморгал, и теплые слезы живительным бальзамом омыли воспаленные глаза, охлаждая кожу на щеках. Кто-то поднял к его губам чашку – женщина с черным от сажи лицом. Нет, постойте, это не сажа... Он моргнул, прищурился, снова моргнул. Черная сама по себе. Рабыня?

Роджер сделал глоток, не желая надолго задерживать дыхание, хотя вода приятно охлаждала натруженное горло. М-м, вкусно... Он обхватил чашку ладонями, ожидая резкую боль в сломанных пальцах, онемевшей плоти. Однако руки, к его немалому удивлению, были целыми и вполне подвижными. Он рефлекторно схватился за шею, ища янтарную трубку, и недоверчиво ощупал гладкую кожу; вдохнул – и воздух засвистел в носу. Мир вокруг прояснился и стал отчетливей.

Какая-то ветхая хижина; рядом толпились люди, кто-то заглядывал с улицы. Почти все оказались неграми, и, судя по выражению лиц, настроены были весьма недружелюбно.

Женщина, подавшая ему воду, выглядела испуганной. Роджер попытался улыбнуться и вновь закашлялся. Она взглянула на него из-под тряпки, повязанной по самые брови, кровавыми белками глаз; веки тоже покраснели и распухли. Судя по ощущениям, он выглядел не лучше. В воздухе по-прежнему было дымно; с улицы доносился треск сухих стеблей тростника. Где-то неподалеку тревожно пискнула птица.

У двери шел ожесточенный спор. Время от времени спорящие поглядывали на него с выражением страха и недоверия. Снаружи начался дождь: запаха он не чувствовал, но в лицо ударила струя прохладного воздуха, а по крыше забарабанили капли.

Роджер выпил воду и передал чашку женщине. Та шарахнулась от него, как от чумного. Он кивнул, поставил чашку на пол и вытер глаза тыльной стороной кисти; опаленные волосы тут же рассыпались в прах.

Слова было не разобрать. Язык незнакомый – не английский, не французский и не гэльский. На таком хриплом наречии переговаривались между собой свежие рабы на ярмарке в Уилмингтоне. Какой-то африканский язык – или даже несколько языков.

Кожа покрылась горячими, болезненными волдырями; в хижине было удушающе жарко, пот ручьем тек с лица. Несмотря на это, по его спине пробежал озноб. А ведь он не на плантации – поблизости ни одной нет. Здесь, в горах, поселенцы слишком бедны, чтобы иметь рабов, не говоря уж о таком количестве. Некоторые индейцы держали рабов, но не черных.

Напрашивается только один вывод – а их поведение лишь подтверждает догадку: его захватчики (спасители?) – беглые негры.

Значит, их свобода – а возможно, и жизнь – зависит от соблюдения тайны, а он – реальная угроза. Только сейчас Роджер понял, насколько шатко его положение. Если они и спасли чужака от пожара, то сейчас, судя по злобным взглядам, об этом жалеют.

Наконец от группы отделился один из спорщиков, оттолкнул женщину и присел перед ним на корточки. Узкие черные глаза обшарили его с головы до пят.

– Ты есть кто?

Вряд ли забияка интересовался именем; скорее, хотел узнать род занятий. Роджер лихорадочно соображал: какой вариант выбрать? Кем прикинуться, чтобы спасти свою жизнь?

Охотник? Нет. Если поймут, что он – англичанин, да еще один, убьют наверняка. Может, притвориться французом? Пожалуй, для них это менее опасно.

Он еще раз проморгался и уже открыл было рот, чтобы сказать «*Je suis Francais – un voyageur*»^[13], как вдруг почувствовал резкую боль в груди.

Видимо, при пожаре металлическая часть астроябии нагрелась – тут же вздулись и лопнули волдыри, приклеив ее к коже. Сейчас, шевельнувшись, он сдвинул ее в сторону, и вместе с ней оторвался кусок кожи в центре груди, оставив болезненную рану.

Роджер запустил руку за ворот рубашки и осторожно вытащил кожаный ремешок.

– Зем...ле...мер... – прохрипел он, выталкивая слоги через узел саж и шрамов.

Допрашивающий уставился на золотой диск, выпучив глаза. Люди, стоявшие у двери, протолкались поближе, вытягивая шеи.

Кто-то протянул руку и сдернул астроябию. Роджер не сопротивлялся, воспользовавшись моментом: пока остальные

рассматривали причудливую штуку, он медленно подтянул ноги поближе к себе и постарался сгруппироваться. Глаза так и норовили закрыться: даже мягкий дневной свет из дверного проема казался невыносимым.

Один из присутствующих покосился на него и что-то буркнул резким тоном – тут же двое встали перед дверью, сверля прищельца взглядом кровавых глаз, словно василиски. Человек, держащий астролябию, крикнул неразборчиво куда-то в сторону выхода; толпа зашевелилась, и кто-то протолкался в хижину.

Вошедшая женщина мало отличалась от остальных: в мокрых от дождя лохмотьях и с тряпкой на голове, закрывающей волосы. И все же была одна отличительная черта: тонкие веснушчатые руки и ноги, выступающие из-под рубашки, принадлежали белому человеку. Она подошла ближе, не сводя с Роджера глаз, и лишь вес астролябии в руке заставил ее отвлечься.

Вперед пробился тощий одноглазый мужчина, ткнул пальцем в астролябию и, видимо, задал вопрос. Женщина медленно покачала головой, зачарованно рассматривая гравировку на краю диска, затем перевернула обратной стороной. Вдруг ее плечи напряглись, и у него засветилась слабая искорка надежды – женщина прочла фамилию владельца и узнала ее.

Роджер поставил на «землемера», рассчитывая на понимание: результатов работы ждут другие люди, и если он не вернется, за ним придут. Таким образом, нет никакого смысла его убивать. Однако если женщине знакомо имя Джеймса Фрейзера...

Та метнула в него суровый взгляд, не вязавшийся с ее прежними колебаниями, и медленно приблизилась.

– Ты не Джеймш Фрейжер, – постановила она.

При звуке шепелявого голоса Роджер дернулся, часто заморгал и поднялся на ноги, заслонив глаза ладонью, чтобы лучше ее рассмотреть.

Возраст не поддавался определению: на вид ей могло быть и двадцать, и шестьдесят, хотя русые пряди у висков не поседели. Лицо покрыто морщинами, но скорее от голода и лишений, чем из-за возраста. Роджер намеренно улыбнулся, и ее губы рефлекторно растянулись в ответ – ненадолго, но он успел увидеть передние зубы, сломанные под углом. Прищурившись, он разглядел и тонкий шрам над бровью. Она была куда худее, чем описывала Клэр, но в данных обстоятельствах это и неудивительно.

– Нет, я не Джеймс Фрейзер, – хрипло согласился он и закашлялся. Деликатно отвернувшись, он выплюнул сажу и мокроту. – Зато ты – Фанни Бердсли, правда?

Несмотря на зубы, он не был уверен в своей догадке, но шок, отразившийся на ее лице, подтвердил предположение. Судя по всему, остальные тоже знали имя женщины: одноглазый быстро шагнул вперед и схватил ее за плечо; толпа угрожающе двинулась ближе.

– Джеймс Фрейзер – мой тесть, – поспешно добавил Роджер, опережая их намерения. – Хочешь узнать... о ребенке?

Она замерла; в ее глазах зажглось пламя такой силы, что он чуть не отпрянул.

– Фа-ни? – Долговязый все еще держал руку на ее плече. Он подобрался ближе, переводя подозрительный взгляд с женщины на Роджера.

Она что-то пробормотала едва слышно и накрыла его руку своей ладонью. Лицо мужчины мгновенно закаменело, словно все эмоции стерли ластиком. Она обернулась к нему и заговорила горячо и требовательно.

Атмосфера в хижине переменилась: теперь к общей враждебности добавилось недоумение. Прогремел гром, заглушая звук дождя, но никто не обратил на это внимания. Пара шепотом спорила; стоявшие у двери переглядывались. Сверкнула молния, высвечивая силуэты людей. Снаружи послышались удивленные голоса. Еще один раскат грома.

Роджер замер, собираясь с силами. Ноги были словно резиновые; каждый вздох щекотал легкие и обжигал горло. Если придется бежать, далеко не уйти.

Внезапно спор прекратился. Долговязый резко махнул рукой в сторону двери и что-то сказал; остальные недовольно забормотали, но все же вышли. Какой-то коротышка свирепо глянул на Роджера, оскалился и с шипением провел ребром ладони по горлу; зубы у него оказались сточены, как зубцы у пилы.

Едва закрылась дверь, женщина вцепилась в его рукав.

– Рашкажывай, – велела она.

– Не так... быстро. – Роджер закашлялся, вытирая губы тыльной стороной ладони. Горло саднило; слова приходилось выталкивать из груди, как горящие угли. – Вытащи... меня... отсюда... тогда расскажу. Все, что знаю.

– Говори!

Пальцы впились ему в руку; карие радужки глаз мерцали, словно угли, в окружении кровавых прожилок. Он покачал головой, кашляя.

Долговязый отодвинул женщину и схватил Роджера за грудки. Что-то смутно блеснуло перед глазами, и к запаху гари добавилось зловоние гнилых зубов.

– Быстро говори, а то кишки выпущу!

Роджер выставил руку и с усилием его отпихнул.

– Нет, – упрямо повторил он. – Сначала... выведи меня... Потом скажу.

Тот помедлил, неуверенно покачивая кинжалом; единственный глаз вопросительно уставился на женщину.

– Ты точно он знает?

Не отрывая взгляда от лица Роджера, она медленно кивнула.

– Жнает.

– Это была... девочка. – Роджер твердо смотрел ей в глаза, изо всех сил стараясь не мигать.

– Она жива?

– Выведи... меня...

Фанни не была ни высокой, ни крупной, и все же исходящая от нее волна заполнила хижину. С минуту она пристально смотрела на Роджера, сжав кулаки, затем резко повернулась и бурно заговорила на странном африканском наречии.

Поток слов ударил в него, как вода из пожарного шланга. Одноглазый в отчаянии взметнул руки, затем стащил тряпку с ее головы, длинными, ловкими пальцами распутал узлы и сложил ее в форме повязки.

Последнее, что увидел Роджер, была Фанни Бердсли: тощие грязные косички, мерцающие, как угли, глаза и оскал сломанных зубов. Если бы она могла, то укусила бы его.

* * *

Выбраться оказалось не так просто: их окружил хор злых голосов, кто-то хватал его за руки и одежду. Судя по всему, спор решил нож одноглазого. Послышалось чье-то восклицание, шарканье ног и пронзительный крик. Голоса умолкли, руки исчезли.

Роджер держался за плечо Фанни, чтобы не упасть. Судя по всему, поселок был небольшим; по крайней мере, довольно скоро вокруг него сомкнулись деревья. Ветви задевали лицо, запах нагретой смолы на жаре усиливался. По-прежнему шел дождь, однако дым так и не выветрился. Земля была бугристая, усеянная пнями и упавшими ветками; сквозь слой гниющей листвы пробивались острые булыжники.

Мужчина и женщина изредка обменивались репликами, но вскоре замолчали. Одежда промокла и прилипла к телу; швы брюк натирали при ходьбе. Тесная повязка не позволяла видеть дорогу; по свету,

проникающему снизу, удавалось лишь определять примерное время суток. Когда они вышли из хижины, было около трех часов; когда остановились, солнце почти зашло.

Повязку сняли, и Роджер заморгал, щурясь от внезапного обилия света, хоть и приглушенного. Они стояли в ложбине, наполовину окутанной сумерками. Небо над горами пылало багрово-оранжевым, в воздухе светилась легкая дымка, словно еще горела сама земля. Тучи над головой чуть разошлись, и в прореху сияла долька чистого неба, яркого от звезд.

У Роджера было достаточно времени, чтобы обдумать ситуацию. Рассказать правду или сделать вид, что он ничего не знает? А вдруг она захочет забрать ребенка? Чем это обернется – для девочки, для рабов и даже для Джейми и Клэр?

Никто из них и словом не обмолвился о событиях, произошедших на ферме, кроме сухого факта: Бердсли умер от апоплексии. Однако Роджер достаточно знал обоих, чтобы сделать молчаливый вывод на основе встревоженного лица Клэр и невозмутимого – Джейми. Он был не в курсе, что случилось на самом деле, но Фанни знала – и вполне возможно, Фрейзеры предпочли бы не вытаскивать эту историю на свет божий. Если миссис Бердсли появится в Браунсвилле, неминуемо возникнут вопросы – и ответы вряд ли пойдут кому-то на пользу.

Пылающее небо омыло лицо женщины огнем и высветило такую боль в глазах, что он не смог лгать.

– Твоя дочь... жива и здорова, – начал Роджер решительно. Фанни издала странный горловой звук. К концу рассказа по ее щекам катились слезы, оставляя дорожки в слое сажи и пыли, но она не отводила глаз, боясь пропустить малейшее слово.

Мужчина стоял поодаль, держась настороже. Его внимание было сосредоточено главным образом на женщине, хотя периодически он бросал на Роджера подозрительные взгляды. Под конец он встал рядом, и единственный глаз заблестел не хуже, чем у нее.

– Она есть денги? – В голосе слышалась индийская напевность, да и кожа цвета темного меда выдавала происхождение. Он был бы даже красив, если бы не несчастный случай, лишивший его глаза, на месте которого зияла синевато-багровая глазница под нависающим искривленным веком.

– Да, она унаследовала... все имущество... Аарона Бердсли. – Роджер устал говорить, и каждое слово царапало наждаком. – Мистер Фрейзер позаботился об этом. – Они с Джейми ходили на слушание опекунского совета – тот должен был установить ее личность. Опекунство над ребенком (и ее имуществом) получили Ричард Браун с женой. Девочку называли

Алисией; трудно сказать, какие чувства ими двигали – тоска или злость.

– Черная? – Единственный глаз раба метнулся в сторону Фанни Бердсли и скользнул прочь. Миссис Бердсли уловила в его голосе нотку неуверенности и напряжинулась, как змея, готовая к прыжку.

– Она твоя! Ты отец!

– Ага, ты сказать, – парировал он, и лицо его помрачнело. – Дали денги черная?

Она беззвучно топнула ногой и отвесила ему пощечину. Он выпрямился и отвернулся, но не сделал попыток отойти.

– Неужели ты думаешь, я бы оштавила ее, будь она белой? – выкрикнула Фанни и замолотила кулаками по его груди. – Это ты виноват, что мне пришлось ее бросить! Вше ты и твое чертово убежище, чтоб тебя...

Роджеру пришлось вмешаться. Схватив мелькающие запястья, он крепко сжал их и удерживал, пока женщина не охрипла от визга и не разразилась наконец слезами.

Раб, наблюдавший эту сцену со смешанным выражением гнева и стыда, чуть протянул руки в ее сторону. Жест был едва заметный, но этого хватило: она тут же вырвалась от Роджера и кинулась любовнику на грудь, рыдая и всхлипывая. Он неловко обнял ее и прижал к себе, чуть покачиваясь на пятках; его злость уже прошла.

Роджер прочистил горло и поморщился от боли. Раб взглянул на него и кивнул.

– Иди, – сказал он тихо.

Не успел Роджер повернуться, как он окликнул его:

– Стой! Правда она все хорошо?

Роджер кивнул, чувствуя нечеловеческую усталость. До этого он держался на адреналине или инстинкте самосохранения, бог знает, но теперь окончательно выдохся. Пылающее небо обратилось в пепел, все вокруг стремительно серело и проваливалось в темноту.

– С ней все... хорошо. О ней позаботятся. – Роджер мучительно подыскивал, что бы еще сказать. – Она... хорошенькая, – прошептал он наконец, почти совсем потеряв голос. – Красивая... девочка.

На лице раба отразилась сложная палитра эмоций – от смятения до удовольствия.

– Это от мама. – Он нежно погладил Фанни по спине. Та уже перестала рыдать и затихла, прижавшись лицом к его груди. Почти стемнело, цвета полиняли, и стало трудно их различать.

На мужчине была оборванная рубаша, мокрая насквозь, так что темная

кожа местами проступала через ткань. На веревочном поясе висела холщовая сумка; пошарив в ней одной рукой, он достал астролябию и протянул Роджеру.

– Не собираешься... оставить? – спросил тот, ощущая себя внутри облака: все вокруг затуманивалось, слова доносились словно сквозь вату.

Беглый раб покачал головой.

– На что оно мне? И потом, – добавил он с усмешкой, – может, никто не придет за тебя, но хозяин эта штука искать будет.

Роджер взял тяжелый диск и со второй попытки надел ремешок на шею – руки налились свинцом.

– Никто... не придет, – сказал он, развернулся и побрел прочь без малейшего представления о том, куда идти.

Глава 84

Обгорели до костей

Лошади немного успокоились, но все еще нервно перебирали копытами и дергали привязь, когда вдалеке раздавались глухие раскаты грома. Джейми вздохнул, поцеловал меня в макушку и направился к ним, раздвигая ветви елей.

– Если тебе тут не нравится, зачем тогда сюда поперся? – терпеливо поинтересовался он, и Гидеон радостно заржал. Я уже собиралась присоединиться к увещанию, как вдруг заметила краем глаза постороннее движение внизу.

Я уцепилась за ветку и осторожно выглянула, но объект переместился. Кажется, лошадь... Скачет с другой стороны, не из леса. Я пробралась вперед, на голый пятачок земли, откуда было хорошо видно долину реки.

Да нет, не лошадь, скорее...

– Это же Кларенс! – крикнула я.

– Кто? – откликнулся Джейми, приглушенный шуршанием ветвей над головой. Поднимался ветер, влажный от наступающего дождя.

– Кларенс! Мул Роджера!

Не дожидаясь ответа, я нырнула под нависающую ветку и угнездилась на краю уступа, держась за вырост на скале. Вниз по склону маршировали плотные ряды деревьев; верхушки почти достигали уровня ног, но мне совсем не улыбалось туда свалиться.

Да, это был Кларенс, вне всяких сомнений. Конечно, я не настолько разбираюсь в парнокопытных, чтобы издалека различить по походке, но Кларенс в молодости страдал чесоткой или еще какой паршой, так что на проплешинах выросла белая шерсть, добавив ему пегой масти.

Он скакал по жнивью, наострив уши, явно стремясь присоединиться к нашему обществу. На нем было седло, и я шепотом выругалась нехорошим словом.

Сзади подошел Джейми, вглядываясь в маленькую фигурку.

– Порвал путы и убежал. Видишь?

В тревоге я не заметила небольшой лоскуток, привязанный к передней ноге мула и развевающийся на ветру.

– Уже лучше, – пробормотала я. Руки вспотели, и я вытерла ладони о рукава, не в силах отвести взгляд. – Значит, Роджер не упал с седла, его не сбили и...

– Да нет! – Джейми выглядел озабоченным, но не встревоженным. – Ему просто придется далеко идти пешком, вот и все.

Он обвел взглядом долину, полную дыма, легонько покачал головой и что-то пробормотал – наверняка выдал родного брата моему нехорошему слову.

– Интересно, Господь себя так же чувствует? Видит глупость человеческую, но ни черта не может с этим сделать?

Не успела я ответить, как сверкнула молния и следом за ней громыхнуло, да так сильно, что я подпрыгнула и чуть не упала. Джейми схватил меня за руку и оттащил от края уступа. Лошади снова занервничали; он повернулся было к ним, – и вдруг замер, не отпуская моей руки.

– Что там? – Я оглянулась посмотреть, но ничего не увидела, кроме отвесной стены, украшенной пучками травы.

Джейми отпустил мою руку и молча направился к скале. Лишь тут я обратила внимание на ствол мертвого дерева, обожженный огнем. Осторожно приблизившись, Джейми нагнулся и снял что-то с коры. Я подошла и заглянула ему через плечо: на ладони лежали длинные жесткие шерстинки. Белые.

Снова припустил дождь, будто задался целью вымочить все живое до нитки. Раздалось пронзительное парное ржание – лошади ни на секунду не хотели оставаться одни.

Я окинула взглядом ствол: за трещинки в коре сверху донизу зацепилась белая шерсть. Джосайя говорил, что медведь выбирает одно дерево и возвращается к нему снова и снова. Я сглотнула.

– Сдается мне, – задумчиво промолвил Джейми, – лошади боятся не только грома.

Час от часу не легче... Молния ударила в деревья, растущие вниз по склону; за ней, как обычно, гром – и еще один, и еще, словно под нашими ногами стреляли зенитки. Лошади забились в истерике, и мне захотелось к ним присоединиться.

Спасаясь бегством из деревни, я надела плащ, однако и капюшон, и волосы прилипли к голове, и теперь дождь барабанил по черепу, словно гвозди заколачивал. Волосы Джейми тоже намокли и, судя по его гримасе, доставляли неприятные ощущения.

Он подал мне знак «оставайся здесь», но я покачала головой и пошла за ним. Лошади окончательно взбесились, мокрые гривы свисали на выпученные глаза. Джудасу удалось наполовину вырвать с корнем молодое деревце, к которому я его привязала, а Гидеон прижал уши и скалил

большие желтые зубы, ища, кого бы укусить.

Джейми поджал губы и оглянулся на дерево, полное шерсти, невидимое с нашего теперешнего положения. Сверкнула молния, гром сотряс скалу, и лошади вновь завизжали и забились. Джейми покачал головой, принимая решение, и схватил Джудаса под уздцы. Судя по всему, мы уезжаем, невзирая на скользкую тропу.

Я взлетела в седло, шурша мокрыми юбками, и крепко взялась за повод. Джудас нетерпеливо плясал подо мной, рвался поскорее убраться. Я нагнулась, желая крикнуть ему в ухо что-нибудь успокаивающее. Мы были в опасной близости от елей на краю уступа, и я наклонилась вперед, пытаюсь направить его вглубь, к скале.

Внезапно меня с ног до головы пронзили странные покалывания, словно укусы тысячи крошечных муравьев. Взглянув на свои руки, я увидела, что они светятся жутким синим светом. Волоски на предплечье стояли дыбом, и каждый светился отдельно. Капюшон спал; я почувствовала, как волосы на голове разом приподнялись, словно ими забавлялась чья-то гигантская рука.

Резко запахло серой, и я испуганно огляделась. Деревья, камни, сама земля – все вокруг светилось синим; крошечные змейки электрических разрядов с шипением пробегали по скале в нескольких метрах от меня.

Я обернулась, зовя Джейми; он что-то крикнул в ответ, но слова потонули в грохоте.

Вдруг грива Гидеона начала подниматься вверх, словно по волшебству; взлетели и волосы Джейми, пронизанные синими искрами. Лошадь и всадник сияли неземным светом, в котором подчеркивался каждый мускул лица, каждая линия тела. Я успела лишь ощутить порыв ветра на коже, и тут Джейми прыгнул на меня, швыряя нас обоих в пустоту.

Не успели мы долететь до земли, как ударила молния.

Я пришла в себя, ощущая запах горелого мяса и режущий горло озон. Казалось, меня вывернули наизнанку и все органы торчат наружу.

Дождь еще шел. Некоторое время я лежала тихо, позволяя каплям стекать по лицу, пока нейроны нервной системы медленно возвращались к нормальной работе. Сам по себе дернулся палец. Я попробовала шевельнуть им намеренно – получилось, а вот согнуть уже не очень. Впрочем, через несколько минут мне удалось сесть.

Джейми лежал рядом, распластавшись на спине, словно тряпичная кукла. Я подползла к нему – его глаза были открыты. Он моргнул и дернул уголок рта в попытке улыбнуться.

Хотя конечности лежали как попало, ни крови, ни переломов не было.

Дождевые капли скопились в глазницах, заливая глаза. Джейми усиленно заморгал, затем повернул голову набок, чтобы дать воде стечь с лица. Я положила ладонь ему на живот и нащупала абдоминальный пульс – очень медленный, но стабильный.

Не знаю, сколько мы пролежали без сознания. Гроза переместилась: над дальними горами сверкала сплошная молния, высвечивая острые гребни.

– «Гром хорош, – процитировала я, наблюдая за ней в сонном оцепенении, – гром впечатляет, но всю работу делает молния»^[14].

– Да уж, надо мной она поработала на совесть. Как ты, саксоночка?

– Замечательно, – ответила я, все еще ощущая приятную отстраненность. – А ты?

Джейми подозрительно глянул на меня, но, похоже, решил, что все в порядке. Ухватившись за куст сумаха, он с трудом поднялся.

– Не чувствую пальцев ног, остальное вроде в порядке. А вот лошади...

Он глянул вверх и сглотнул.

Лошади молчали.

Мы находились метрах в шести ниже нашей площадки, среди елей и бальзамина. Я уже могла шевелиться, но не нашла сил и теперь сидела неподвижно, оценивая ущерб. Джейми встряхнулся и полез обратно на уступ.

Было очень тихо. Может, я оглохла от удара? Замерзла ступня. Опустив голову, я обнаружила, что на левой ноге нет туфли – или сорвало молнией, или соскочила при падении; поблизости не видно. Чулок тоже исчез. Чуть пониже лодыжки темнело сплетение вен – наследие второй беременности. Я сидела, уставившись на него, словно это был ключ к разгадке вселенной.

Лошади наверняка погибли. Как же мы остались живы? Я вдохнула вонь паленой кожи, и где-то внутри зашевелился холодок ужаса. А вдруг мы не погибли лишь потому, что нам суждено умереть через четыре года? И когда придет наш черед, мы будем лежать вот так, в горелых руинах, – обугленные, дымящиеся скелеты...

Обгорели до костей, шепнул голос памяти.

Под кожей сильно проступили голубые вены. На тыльной стороне кистей они образовали дорожную карту; под коленом прорисовывались целые узоры. Вдоль голени змеилась большая вспухшая вена; я прижала ее пальцем – она исчезла, но едва я убрала палец, тут же снова выскочила.

Постепенно просыпались внутренние процессы организма, и я

становилась все более уязвима для внешней стихии. На ноге кровоточила царапина.

Вернулся Джейми, вымокший до костей, задыхающийся от крутого подъема. Я заметила, что ботинок на нем тоже не было.

– Джудас околел.

Он уселся рядом, взял мою ледяную руку и крепко сжал.

– Бедняжка, – прошептала я, и горячие слезы полились еще сильнее, смешиваясь с холодным дождем. – Как знал... Он всегда ненавидел грозу, всегда...

Джейми обнял меня за плечи и прижал к груди, бормоча что-то успокаивающее.

– А Гидеон? – спросила я наконец, пытаюсь вытереть нос краем мокрого плаща.

– Жив. Правда, обгорели бок и нога, да еще гриву спалил. – Джейми попытался вытереть мое лицо полкой мокрого сюртука. – Надеюсь, теперь поспокойнее будет, – добавил он, пытаюсь обратить все в шутку.

– Хорошо бы. – Я заставила себя улыбнуться, и стало полегче. – Думаешь, получится свести его вниз? У меня есть одна мазь, хорошо заживляет ожоги.

– Наверное. – Джейми подал мне руку и помог встать. Я повернулась, чтобы отряхнуть мятые юбки, и вдруг замерла, зацепившись взглядом.

– Смотри, – прошептала я едва слышно. – Смотри...

В трех метрах от нас вверх по склону росла огромная пихта; ее дымящаяся верхушка была начисто срезана, а между обрубком ствола и горелыми ветвями застряло что-то большое, округлых форм. Туша наполовину обуглилась, однако на другом боку топорщилась влажная шерсть цвета сливок.

Джейми застыл с открытым ртом, глядя на труп медведя; затем очнулся, покачал головой и перевел взгляд на далекие горы, над которыми беззвучно сверкали молнии.

– Говорят, что сильная гроза предвещает смерть короля, – тихо сказал он и нежно коснулся моего лица. – Подожди здесь, саксоночка, – схожу за лошадью. Пора домой.

Глава 85

Домашний очаг

Фрейзер-Ридж

Октябрь 1771

Времена года менялись не по дням, а по часам. Она легла спать в приятной прохладе бабьего лета, а проснулась посреди ночи от стылого укуса осени. Под единственным одеялом замерзли ноги – пришлось вставать.

Полусонная, Брианна выползла из постели и прошлепала по ледяному полу к кровати. К счастью, Джемми, укутанный по самые ушки, не замерз. Она легонько положила руку на спинку, проверяя дыхание. Раз, другой, еще...

Она достала запасное одеяло, разложила на постели, потянувшись за водой и обнаружила, что кружка пуста. Ужасно хотелось забраться под одеяло и провалиться в глубокий, уютный сон, однако в горле пересохло.

На крыльце стояло ведро колодезной воды. Морщась и зевая, она отодвинула засов и осторожно опустила, хотя Джем спал крепко.

И все же она тихо приоткрыла дверь и вышла на крыльцо, поеживаясь от ночного холода. Где-то тут было ведро... Брианна нагнулась и пошарила рукой в темноте. Странно, нету. Куда же...

Краем глаза она успела заметить какое-то движение и отпрянула. На секунду ей показалось, что вернулся Обадия Хендерсон, и сердце сжалось, словно кулак. Кто-то поднялся со скамейки... Не успев ничего понять, она очутилась в объятиях Роджера.

Прижавшись к нему, она постепенно различала детали: изгиб ключицы, запах одежды, до того заношенной, так давно не стиранной, что даже потом уже не пахло – только лесом, землей, на которой он спал, и горьким дымом. Сила его рук, шершавая борода на ее коже. Потрескавшаяся холодная кожа сапог под ее босыми пальцами, кости его ступней внутри...

– Ты вернулся! – воскликнула она и заплакала.

– Да, я дома, – прошептал он ей на ухо. – Как ты? Как Джем?

Брианна ослабила хватку, и он улыбнулся. Так странно видеть эту улыбку в зарослях густой черной бороды, знакомый изгиб рта в лунном свете...

– У нас все хорошо, а ты как? – Она шмыгнула носом, и ее глаза снова наполнились слезами. – Что ж ты тут сидишь? Почему не постучал?

– Да просто не хотел вас пугать. Решил поспать на скамейке, зайти утром. Почему ты плачешь?

Брианна вдруг поняла, что он шепчет вовсе не из боязни разбудить Джема. Раньше голоса не было совсем – лишь его искореженное подобие, пустое и безжизненное. Теперь Роджер изъяснялся довольно отчетливо, без мучительных пауз.

– Ты заговорил... – Она поспешно вытерла слезы тыльной стороной кисти. – То есть лучше.

Инстинкт подсказывал, что не стоит упускать эту внезапную вспышку близости. В любой момент напряжение может вернуться, и они опять станут чужими, но сейчас, в эту минуту, ей позволено сказать или сделать все, что угодно; и она коснулась теплого шрама на горле, погладила надрез, спасший ему жизнь, – чистая белая линия в густой бороде.

– Больно говорить?

– Да, – ответил Роджер слабым хриплым шепотом; его темные глаза сияли в лунном свете. – Но я могу – и буду. Брианна...

Она отступила назад, не отпуская его руки.

– Пойдем домой, холодно.

* * *

У меня имелись некоторые возражения против открытого очага, начиная от заноз под ногтями и смолы на руках и заканчивая ожогами, волдырями и выводящей из себя непредсказуемости огня. Однако были и благоприятные факторы: во-первых, тепло – этого никак нельзя отрицать; а во-вторых, свет пламени превращал плотскую любовь в прекрасное таинство, где забывались слабости наготы.

По стене плыли наши сплетенные тени; вот рука, вот изгиб спины, ягодиц, словно горб диковинного существа. Вот поднялась голова Джейми; огромный гривастый зверь нависал надо мной, выгнув спину.

Я провела рукой по сияющей коже, дрожащим мускулам, искрящимся волосам на предплечье, зарылась пальцами в тепло волос и притянула его, задыхающегося, в темную ложбину грудей.

Я сжала колени, не желая отпускать его тело, разрушать иллюзию целостности – если то была иллюзия. Сколько еще ночей мне выпадет обнимать его, даже в волшебном свете огня?

Я приникла к нему всем существом, чувствуя умирающую пульсацию собственной плоти. Однако пойманная радость – радость утерянная, и уже через пару мгновений я осталась одна. Даже в неверном свете пламени отчетливо виднелось сплетение вен на лодыжке.

Я ослабила хватку и нежно коснулась жестких завитков. Джейми повернул голову и поцеловал мою грудь, затем вздохнул и соскользнул набок.

– А еще говорят, у курицы нет зубов, – сказал он, осторожно дотрагиваясь до глубокого укуса на плече.

Я невольно рассмеялась и поддразнила:

– А у петуха чего нет?

Приподнявшись на локте, я уставилась в сторону очага.

– Что такое, курочка моя?

– Да смотрю, не сгорит ли одежда. – Я была слишком занята, чтобы заметить, куда он пошвырял различные предметы моего гардероба, однако вроде бы все валялось на безопасном расстоянии от огня: юбка кучкой свалена у кровати, корсаж и рубашка каким-то образом оказались в разных углах комнаты, а вот бюстгальтера что-то не видно.

На белых стенах дрожал отсвет пламени, кровать была полна теней.

– Красавица... – прошептал Джейми.

– Как скажешь.

– Ты что, не веришь? Я тебе когда-нибудь врал?

– Я не в этом смысле. Как ты скажешь, так и будет – твои слова все превращают в правду.

Он вздохнул и подвинулся, устраивая нас поудобнее. В очаге треснуло полено, рассыпав веер золотистых искр, и тут же зашипело – видимо, огонь добрался до влажного дерева. Я зачарованно наблюдала за игрой цвета: черный, пурпурно-красный, ослепительно-белый...

– А про меня можно так сказать? – неожиданно спросил Джейми. Голос его прозвучал робко, и я удивленно повернула голову.

– Что сказать? Что ты красивый? – Мои губы непроизвольно изогнулись, и он улыбнулся в ответ.

– Ну... ты хотя бы можешь смотреть на меня без отвращения?

Я провела пальцем по тонкой белой линии на ребрах – давний след от меча. Шрам потолще – от штыка – тянулся вдоль бедра. Рука – коричневатая, огрубевшая; от долгого пребывания на солнце и физической

работы волосы выгорели до бледно-золотистого цвета. В гнезде из рыжих волос свернулся член, сейчас маленький, нежный и мягкий.

– Для меня ты красавец, – ответила я наконец. – Ты разбиваешь мне сердце своей красотой.

Его пальцы тихонько перебирали мои позвонки, один за другим.

– Я старик, – возразил он, улыбаясь. – У меня седина в волосах, да и борода вон тоже вся седая...

– Серебристая, – поправила я, ероша мягкую щетину, напоминающую лоскутное одеяло. – Местами.

– Седая, – упрямо повторил Джейми. – И паршивенькая вдобавок. И все же... – Его взгляд смягчился. – И все же я до сих пор горю, когда прихожу к тебе, – и так будет всегда, пока мы оба не сгорим дотла.

– Это поэзия? – опасливо уточнила я. – Или ты в буквальном смысле?

– Э-э... Нет-нет, что ты... – Он крепко обнял меня и прижался лбом к моей голове. – Я не про то. Но коли суждено...

– Нет.

Джейми фыркнул мне в волосы.

– Ты прям так уверена?

– Будущее можно изменить – я все время это делаю.

– Правда?

Я чуть откатилась на бок, чтобы лучше его видеть.

– Конечно. Возьми хоть Майри Макнил. Если бы не я, она бы умерла, и близнецы тоже. Однако я оказалась рядом, и теперь они живы-здоровы.

Я положила руку за голову, наблюдая за рябью теней на потолке.

– Иногда я думаю... Всех, конечно, не спасешь, но некоторых удастся. Если кто-то остался жив благодаря мне, и потом у него будут дети, и у этих детей будут дети, и так далее... Короче, со временем в мире прибавится человек тридцать-сорок. И все они живут, каждый своей жизнью, чем-то занимаются – разве это не изменит будущее в итоге? – Впервые я задумалась о том, насколько я в одиночку способствую развитию демографического взрыва в двадцатом веке.

– Ага... – задумчиво откликнулся Джейми, водя пальцем по линиям моей ладони. – Ты меняешь их будущее; наверное, тебе это предназначено судьбой. – Он взял меня за палец и осторожно потянул. Раздался щелчок, словно в очаге треснуло полено. – Да, врачи спасают немало народу, что есть, то есть.

– Конечно! И, кстати, не только они. – Я села, воодушевившись темой разговора. – Но это не имеет значения, как ты не понимаешь? Вот ты, – я показала на него пальцем. – Ты тоже иногда спасаешь людей. Фергюс,

например, Иэн... И вот они живут, работают, плодятся и все такое. Ты же изменил их будущее, разве нет?

– Ну... наверное. Так у меня ж не было выбора!

Это мне в голову не приходило. Некоторое время мы лежали молча, наблюдая за игрой света на белых стенах. Наконец Джейми пошевелился и снова заговорил:

– Не то чтобы я жалуюсь, но знаешь... Иногда кости побаливают. – Не глядя на меня, он поднял искаленную руку, поворачивая ее при свете пламени, так что тень от скрюченных пальцев на стене напоминала паука.

«Иногда». Да уж знаю... Мне хорошо известны и пределы человеческого тела, и чудеса, на которые оно способно. Я видела, как он садится вечером после целого дня тяжелой работы, истощение в каждой клеточке тела. Видела, как он медленно поднимается холодным утром, жестко сопротивляясь слабой плоти. Бьюсь об заклад, что после Каллодена он ни дня не прожил без боли, да плюс сырость и суровые жизненные условия. А еще бьюсь об заклад, что он никогда прежде об этом не упоминал.

– Знаю, – тихо ответила я и коснулась его руки, извилистого шрама, пробороздившего ногу, небольшого углубления в предплечье – след от пули.

– Только не с тобой, – добавил Джейми и накрыл мою руку ладонью. – В твоей постели боль утихает. Когда я беру тебя, когда обнимаю, мои раны излечиваются, а шрамы забываются.

Я вздохнула, положила голову в изгиб плеча, прижалась бедром к его бедру, оплывая своей мягкой плотью жесткие формы.

– Мои тоже.

Он помолчал, гладя мои волосы здоровой рукой. От наших бурных ласк они совсем растрепались, и Джейми поочередно разглаживал каждый завиток, пропуская через пальцы.

– Твои волосы похожи на огромную грозовую тучу, – сонно пробормотал он. – И свет, и темь – все смешалось.

И он был прав: в пряди, зажатой между его пальцами, попадались и белые, и серебристые, и пепельные, и темные, почти черные, и даже русые, оставшиеся с юности.

Джейми запустил руку в мягкую копну и охватил ладонью основание черепа, держа мою голову, словно кубок.

– Я видел мать в гробу, – сказал он вдруг. Большой палец скользнул вдоль ушной раковины, коснулся мочки, и я вздрогнула. – Женщины ее причесали, но отцу это пришлось не по нраву – сам слышал. Он не кричал,

нет; наоборот, был тихий-тихий. Он хотел в последний раз видеть ее такой, как в жизни. Ему сказали – помешался от горя, надо оставить все как есть. Он не стал с ними спорить, просто подошел к гробу, расплел косы и разложил волосы на подушке. Они побоялись вмешиваться.

Джейми умолк.

– Я тихо сидел в углу. Когда все ушли встречать священника, я подобрался к гробу – никогда раньше не видел мертвых.

Я легонько сжала пальцы на его предплечье. Однажды утром мама поцеловала меня в лоб, поправила выбившуюся курчавую прядку и ушла. Больше я ее не видела. Ее хоронили в закрытом гробу.

– Там была... она?

– Нет, – тихо ответил он, глядя на огонь полуприкрытыми глазами. – Не совсем. Лицо вроде похоже, но и только. Будто кто-то вырезал ее из дерева. Зато волосы... Они были живые.

Джейми сглотнул.

– Волосы лежали на груди, закрывая ребенка. Я решил, что ему душно, и отодвинул их в сторону. Он свернулся калачиком у нее на руках, положив головку на грудь, уютно устроившись под покрывалом волос. И я подумал – может, ему так лучше? Ну, и прикрыл обратно. – От протяжного вздоха приподнялась грудь под моей щекой; пальцы снова не спеша перебирали мою шевелюру. – У нее не было ни одного седого волоса. Ни единого.

Эллен Фрейзер умерла при родах в возрасте тридцати восьми лет. Моей маме было тридцать два. А я... Повезло – судьба подарила мне долгие годы.

– Я смотрю на тебя и вижу, как время оставляет свой след, – прошептал он. – И слава богу – значит, ты жива.

Джейми поднял руку, и мои волосы медленным водопадом стекли с его пальцев мне на лицо, задевая губы, мягкой тяжелой массой сползая на шею и плечи, топорщась на грудях, словно перья.

– *Mo nighean donn*, – прошептал он, – *mo chridhe*. Девочка моя, сердце мое... Иди ко мне... Укрой меня, спрячь, *a bhean*^[15], исцели. Гори со мной, как я сгораю для тебя...

Я легла на него, укрыла собой. Моя кожа, его кость... И все еще – все еще! – крепкая, сильная плоть, соединяющая наши тела. Мои волосы укрыли нас обоих, и в этой темной пещере, освещаемой бликами огня, я прошептала в ответ:

– Пока мы оба не сгорим дотла...

Глава 86

На дне морском

Фрейзер-Ридж

Октябрь 1771

Роджер проснулся сразу же, не задержавшись на стадии дремоты: тело неподвижно, однако разум настороже, а слух настроен на шумовые помехи. Он не помнил, чтобы Джемми кричал на самом деле, но уловил его зов внутренним ухом с той смесью надежды и отчаяния, что отличает более чуткого родителя.

На него накатывал сон, утаскивая обратно в теплые волны, словно десятитонный валун, пристегнутый к ноге. На поверхности удерживало лишь тихое шуршание.

«Спи!» – отправил он мысленный приказ в сторону кровати. «Шшшш.... Кому говорю! Ложись... спааааать!» Подобная телепатия работала редко, однако давала несколько драгоценных секунд промедления, а порой даже случалось чудо и сын действительно засыпал, расслабляясь в теплой влаге мокрого подгузника и мечтах о сладком.

Роджер задержал дыхание, цепляясь за ускользающий край сна, наслаждаясь последними секундами неподвижности. Тут послышался странный писк, и он мигом вскочил на ноги.

– Бри? Что?! – Звук «р» застрял в горле, но ему было не до того – все внимание сосредоточено на ней.

Она стояла у кровати призрачной колонной в темноте, вцепившись в сына, и вся дрожала от холода и от страха.

Роджер обнял ее за плечи и притянул ближе; холод тут же передался ему, схватил за сердце ледяными пальцами. Он заставил себя прижаться еще сильнее и не смотреть на пустую кровать.

– Что, что такое? – прошептал он. – Джемми?

Ее пробрал озноб, под тонкой тканью сорочки проступили мурашки. В комнате было тепло, но и он почувствовал, как волоски на руках встают дыбом.

– Ничего, – ответила Брианна сдавленным голосом, уже приходя в

себя. – С ним все нормально.

Проснулся Джем. Неловко зажатый между родителями, он тут же испустил вопль негодования и принялся отбрыкиваться руками и ногами, словно мельница.

Роджер почувствовал теплый прилив облегчения, затопивший ледяные предчувствия, охватившие его при виде одинокой фигуры у колыбели. Преодолев некоторое сопротивление, он вытащил Джемми из рук матери, усадил повыше и погладил пухленькую спинку, успокаивая не только ребенка, но и себя самого. Убаюканный привычной процедурой, Джемми широко зевнул, расслабил тельце и принялся сонно гудеть ему в ухо с нарастающей и спадающей интонацией дальней сирены.

– Па-па-па-па...

Брианна все еще стояла у пустой кровати, обхватив себя руками. Свободной рукой Роджер погладил ее волосы, крепкое плечо, и снова притянул к груди.

– Ш-ш-ш-ш... – прошептал он обоим. – Все хорошо, ш-ш-ш-ш....

Она прижалась к нему, и Роджер ощутил, как промокает рубашка на плече. Второе плечо тоже повлажнело от потного тельца сына.

– Иди ложись, – сказал он мягко. – Иди под одеяло, тут... холодно.

В хижине было тепло, и все же Брианна послушалась.

Она забрала ребенка и приложила его к груди, еще даже не успев лечь. Всегда готовый подкрепиться в любое время суток, Джемми свернулся в довольную скобочку возле материнского живота.

Роджер скользнул в постель и скопировал позу сына, обвившись вокруг нее сзади оберегающей запятой. Надежно защищенная этой пунктуацией, Брианна постепенно начала расслабляться.

– Все хорошо? – тихо спросил он. Кожа у нее была влажной и прохладной на ощупь, но понемногу отогревалась.

– Ага... – Она протяжно вздохнула и судорожно выдохнула. – Плохой сон приснился. Прости, что разбудила.

– Ничего страшного. – Роджер снова и снова гладил ее по бедру, словно успокаивал лошадь. – Расскажешь?

Ему и вправду хотелось услышать ее сон, хотя ритмичное причмокивание сына убаюкивало; все трое пригрелись, вплавляясь друг в друга словно воск, и теплой волной уже накатывал сон.

– Я замерзла, – тихо начала она. – Наверное, одеяло упало, но во сне было холодно из-за открытого окна.

– Тут? Которого? – Роджер поднял руку, указывая на светлый прямоугольник на стене. Даже в самую темную полночь промасленный

кожаный занавес был чуть светлее окружающей черноты.

– Нет. – Брианна снова вздохнула. – Дома, в Бостоне. Я замерзла и во сне проснулась. И встала, чтобы посмотреть, откуда дует.

В папином кабинете были французские окна во всю стену, и холодный сквозняк задувал в комнату белые занавески. Возле антикварного бюро стояла пустая кровать, и кончик тонкого белого одеяла трепетал на ветру.

– Его не было. – При воспоминании об ужасе, охватившем ее во сне, у Брианны дрогнул голос. – Джемми нигде не было, и я сразу поняла: его забрали через окно.

Она инстинктивно прижалась к нему спиной, словно прося защиты.

– Я ужасно испугалась, хоть и не знала, чего. Главное, надо было скорее найти Джемми.

Роджер нащупал ее сжатый кулак, накрыл ладонью и легонько погладил.

– Я рванула занавески и выбежала... А там – ничего нет, лишь одна вода. – Брианну затрясло.

– Вода? – Он снова погладил стиснутый кулак большим пальцем, пытаясь ее успокоить.

– Океан, море... Просто вода, заливающая порог террасы. Было уже темно, и я поняла, что они там, на глубине, – Джемми утонул, я опоздала... – Она задохнулась. – Но я все равно нырнула. Было темно, кто-то плавал рядом, задевая меня, – кто-то большой, не разглядеть... А я все искала и искала... Вдруг стало светлее, и я увидела его...

– Джемми?

– Нет, Боннета – Стивена Боннета.

Усилием воли Роджер подавил рефлекторный рывок. Брианне часто снились сны, и если она не рассказывала о них, он всегда предполагал, что ей снился Боннет.

– Он держал на руках Джемми и смеялся. Я подошла забрать ребенка, а он поднял малыша высоко и не отдавал. Я попыталась его ударить; он перехватил мою руку и засмеялся. А потом вдруг повернул голову и изменился в лице.

Она снова вздохнула и сжала пальцы Роджера, ища успокоения.

– В жизни не видела такого взгляда! Он заметил что-то за моей спиной, что-то ужасное, и напугался до смерти. Он крепко держал меня, я не могла ни обернуться, ни убежать.... А оно все надвигалось.... И тут я проснулась.

Брианна нервно хохотнула.

– Бабушка моей подруги Гейл всегда говорила: если во сне ты упал со

скалы и ударился о землю, то непременно умрешь – в реальности. Как думаешь, если тебя сожрет морское чудовище, это считается?

– Вряд ли. К тому же ты всегда успеваешь проснуться раньше.

– Пока да. – В голосе чувствовалось сомнение, но все же ей стало легче: тело окончательно расслабилось, и дыхание нормализовалось; грудная клетка под его рукой двигалась спокойно и размеренно.

– Не переживай – с Джемми все хорошо, да и я здесь; я о вас позабочусь. – Роджер нежно обнял ее и прижал ладонью толстую, теплую попку сына в льняном подгузнике. Джемми, полностью удовлетворенный, мирно дремал. Брианна вздохнула и накрыла руку Роджера своей.

– Еще помню, там, на столе, были книги, – сонно пробормотала она. – На папином столе. Он работал – повсюду валялись раскрытые книги и бумаги россыпью. Посередине лежал какой-то листок с записями; я хотела прочитать – интересно же, чем он занят...

– Угум...

Брианна слегка вздрогнула – зашуршали кукурузные стебли в матрасе, создавая небольшое сейсмическое волнение в их крошечной теплой вселенной; напряглась, борясь со сном, и снова расслабилась, почувствовав его руку на своей груди.

Роджер бодрствовал, наблюдая за тем, как постепенно светлеет квадрат окна, надежно удерживая в объятиях свою семью.

* * *

Было пасмурно и по-утреннему прохладно, однако очень влажно; тело покрылось липким потом, словно молоко пленкой. С рассвета прошло не больше часа; дом еще виднелся, а кожу на голове уже покалывало, и медленные капли собирались под косой у основания черепа.

Роджер сдался, расслабил плечи, и первая струйка пота скользнула вдоль позвоночника. По крайней мере, это облегчало болезненные ощущения: утром у него так онемели руки и спина, что Брианне пришлось помогать ему одеться и ловкими пальцами застегивать ширинку.

Он улыбнулся про себя, вспомнив, что еще сделали эти длинные пальцы, помогая ему отвлечься от проблем с телом и выбросить из головы дурные сны. Роджер со стоном потянулся, ощущая, как напрягаются мышцы в суставах. Чистая рубашка уже прилипла к телу.

Джейми ушел вперед; между лопаток – там, где спину пересекал ремень от фляги, – разрасталось мокрое пятно. Роджер с некоторым

удовлетворением заметил, что сегодня тесть тоже слегка утратил свою обычную грациозность пантеры. Разумеется, Великий Шотландец был всего лишь простым смертным, однако время от времени хотелось иметь тому подтверждение.

– Как думаешь, погода не переменится? – спросил Роджер, большей частью для поддержания разговора. Сегодня Джейми был непривычно молчалив, лишь буркнул «угу» в ответ на «доброе утро». Может, так на него подействовала серая хмарь.

Небо нависло мрачной опрокинутой чашей. Вчерашний вечер они провели дома: дождь барабанил в окна, занавешенные промасленной кожей; маленький Джемми свернулся калачиком и мирно дремал, а его мать сбросила рубашку в мягком сумрачном свете и легла в постель... Что ж, иногда потеть весьма приятно.

Джейми остановился и взглянул на низкое небо, затем неловко сжал правую руку в кулак и медленно разжал. Из-за негнувшегося безымянного пальца ему сложно было выполнять тонкую работу вроде письма, зато имелось одно сомнительное преимущество: распухшие суставы предсказывали дождь не хуже барометра.

Джейми пошевелил пальцами и слабо улыбнулся Роджеру.

– Нисколечки не болит – знать, дождя до ночи не будет.

Он потянулся, разминая спину в предвкушении, и вздохнул.

– Ну что, пошли?

Роджер оглянулся – дом с хижинкой уже исчезли из вида. Он нахмурился в уходящую спину, размышляя. До места примерно полмили – достаточно времени для разговора. С другой стороны, еще рано. Дело тонкое, обсуждать надо лицом к лицу, и лучше в свободную минуту. Позже, когда они остановятся перекусить.

В лесу стояла тишина, воздух был вязким и тяжелым. Даже птицы затихли; лишь изредка раздавалась пулеметная очередь дятла. Бесшумно, как индейцы, они прошли по коврику из опавших листьев и вынырнули из дубовой рощи так неожиданно, что стая ворон с воплями взлетела со свежерасчищенной земли, словно демоны, вырвавшиеся из ада.

– Господи Иисусе! – пробормотал Джейми, невольно перекрестившись. У Роджера перехватило горло и скрутило желудок – возле упавшего дерева лежали чьи-то останки; в разрытой земле виднелся лишь бледный изгиб, напоминающий обнаженное плечо... кабана. Джейми присел на корточки возле туши, хмуро разглядывая багрово-сизые рубцы на толстой коже, затем безразлично коснулся глубоких дыр в передней части; в черно-красных полостях деловито сновали мухи.

– Медведь? – спросил Роджер, присаживаясь рядом.

Тесть покачал головой.

– Кошка. – Он отбросил редкую, жесткую щетину за ухо и показал синеватые следы от зубов. – Сломала шею одним укусом. А вот это когти, видишь?

Роджер заметил, но ему не хватало опыта, чтобы с ходу отличить следы медвежьих когтей от пантеры. Он пригляделся внимательней, запоминая расположение отметин.

Джейми поднялся и вытер лицо рукавом.

– Медведь отъел бы больше, а этого едва тронули. Так делают кошки – убивают и оставляют, затем возвращаются каждый день и отгрызают, сколько надо.

Несмотря на сильную влажность, волосы на шее у Роджера встали дыбом. Ему уже мерещились в тени деревьев желтые глаза, критично оценивающие точку, где череп соединяется с хрупким позвоночником.

– Думаешь, она где-то поблизости? – Роджер огляделся, стараясь сохранять невозмутимый вид. Лес не изменился, однако теперь тишина казалась зловещей и ненатуральной.

Джейми отмахнулся от пары назойливых мух.

– Может быть. Труп свежий – еще нету личинок. – Он кивнул на зияющую рану в боку и наклонился потрогать застывшие ляжки. – Давай-ка его подвесим: тут слишком много мяса, негоже оставлять.

Они подтащили тушу к дереву с низкими прочными ветвями. Джейми достал из рукава замызганный платок и повязал на лоб, чтобы пот не стекал на глаза. Роджер нащупал свой – тщательно выстиранный и выглаженный – и сделал то же самое. Памятуя о стирке, они сняли чистые рубашки и повесили на куст ольхи.

На поле валялась веревка, оставшаяся от корчевания пней. Джейми обмотал ее вокруг передних ног кабана и перекинул свободный конец через ветку. Это была взрослая свиноматка весом сотни в две. Джейми уперся пятками в землю и повис на веревке, пыхтя от усилий.

Наклоняясь, чтобы поднять окоченелую тушу, Роджер задержал дыхание, однако тесть оказался прав насчет свежести: пахло обычным свиным запахом, уже подвыветрившимся, и резче – кровью.

Жесткая щетина царапала кожу на животе. Роджер обхватил тушу руками и скривился. Трудно найти что-то мертвее огромной дохлой свиньи. Тушу зафиксировали, по сигналу Джейми Роджер отпустил ее, и она тихо закачалась таким мясистым маятником.

Роджер весь взмок – больше, чем того требовали затраченные усилия.

На животе и груди темнели пятна коричневатой крови; он провел ладонью по животу, смешивая кровь с потом, и еще раз оглянулся как бы невзначай.

– Женщины будут довольны.

Джейми засмеялся, вытаскивая из-за пояса кинжал.

– Это вряд ли. Сколько возни с разделкой и засолкой – придется полночи не спать!

Он кивнул в направлении взгляда Роджера.

– Даже если она рядом, нас не тронет. Кошки не охотятся на крупную дичь, если только не голодны. – Джейми кинул оценивающий взгляд на вырванный бок покачивающейся свиньи. – Полстоуна первосортного бекона ей пока хватит. Да и... – Он покосился на свое ружье, прислоненное к стволу ореха неподалеку.

Роджер придерживал тушу, пока Джейми вспарывал брюхо, затем обернул вонючую массу кишок в скатерть, оставшуюся с обеда. Джейми методично разжигал костер из свежих веток – дым будет отгонять мух от мяса. Исцарапанный, перемазанный свиной кровью, потом и выделениями, Роджер направился к ручейку, что тек у леса.

Встав на колени, он усердно плескал воду на руки, на лицо, на грудь. Не давало покоя навязчивое ощущение, что за ним следят. В Шотландии ему не раз приходилось на пустом торфянике встречаться нос к носу со здоровым оленем, выбегающим из ниоткуда, как по волшебству. Несмотря на слова Джейми, он слишком хорошо знал, что мирный ландшафт может в любую минуту ожить грохотом копыт или оскалом зубов.

Роджер прополоскал рот, сплюнул и напился из ручья, с силой проталкивая воду в тесную гортань. Он еще помнил стылое окоченение туши, затвердевшую грязь в ноздрях, сырые глазницы, выклеванные воронами. По плечам побежали мурашки – и от холодной воды, и от мрачных мыслей.

Какая, в сущности, разница – человек или свинья... Плоть к плоти, прах к праху. Один удар – и готово. Роджер медленно потянулся, смакуя последние остатки болезненности в мышцах.

Над головой раздалось хриплое карканье: вороны – черные кляксы на желтых листьях – бурно выражали недовольство тем, что их лишили праздничного пира.

«Где же мы будем обедать?» – вспомнил он старинную шотландскую балладу «Два ворона».

– Вот уж не здесь, твари. Ну-ка, убирайтесь! – Охваченный внезапным приступом отвращения, Роджер поднял камень и со всей силы швырнул в дерево. Вороны с воплями рванули вверх, а он вернулся на поле с мрачным

удовлетворением.

Однако живот по-прежнему скручивало, а в ушах звучала дразнящая песня воронов:

Ты сядешь на белую шею,
Я выключу глаз голубой,
А пряди волос золотые
Пойдут на гнездо нам с тобой.

Джейми мельком взглянул на него. Свиная туша висела над огнем, очертания терялись в клубах дыма.

Они уже изготовили для забора жерди из молодых сосенок; бревна с ободранной корой лежали у края леса. К ним планировались столбы сухой кладки; в отличие от простой изгороди, какую ставят, чтобы обозначить свою территорию и не пускать оленей, эта должна выдержать толкотню жирных боровов.

Через месяц наступит время загонять свиней, которые паслись на вольном выгуле в лесу, отъедаясь на усыпавших землю толстым слоем каштанов. Часть наверняка стала добычей диких животных или сдохла по воле случая; на продажу или на убой останется голов пятьдесят-шестьдесят.

Они с Джейми неплохо сработались. Примерно одной комплекции, оба инстинктивно предугадывали движения друг друга. Когда требовалась рука на подхвате, второй был тут как тут. Правда, сейчас предстояла самая нудная часть – ни интереса, чтобы смягчить скуку, ни особых умений, чтобы облегчить работу. Только сотни камней – выковырять из суглинка, перетащить на край поля, сложить в кучу.

За работой они часто разговаривали, однако сегодня каждый был погружен в свои мысли. Утро прошло в молчании, нарушаемом лишь карканьем недовольных ворон да стуком камней о растущую кучу.

Дольше медлить нечего – пора. Он знал уже давно, однако теперь туманные перспективы обросли реальностью... Роджер украдкой поглядывал на тестя. Согласится ли он, вот в чем вопрос?

С неблизкого расстояния шрамы на спине были едва видны, замаскированные отблеском пота. Благодаря постоянной тяжелой работе Джейми сохранил хорошую форму; по его фигуре, осанке, плоскому животу и длинным, четким линиям рук никто не догадался бы, что перед ним человек среднего возраста.

Джейми сам показал ему шрамы в первый же день, когда они отправились на поле. Стоя возле недостроенного коровника, он стянул рубашку, повернулся спиной и небрежно бросил:

– Глянь-ка.

Шрамы оказались старыми, хорошо зажившими: большей частью тонкие белые линии и полумесяцы; местами – серебристая паутина или светлый бугор там, где удар хлыста сорвал слишком большие куски и края раны не смогли затянуться ровнее. Между рубцами кое-где виднелись островки гладкой, нетронутой кожи, но их было немного.

И что я должен сказать, подумал Роджер. Мне очень жаль? Благодарю за оказанную честь?

В итоге он решил промолчать. Джейми же просто повернулся, спокойно передал ему топор, и они принялись за работу – оба с голым торсом. Однако он заметил, что тот никогда не раздевался, если с ними были посторонние.

Ладно. Уж кто-кто, а Джейми должен понять необходимость, вынужденность – бремя снов Брианны, камнем лежавшее у Роджера в животе. Ну конечно, он поможет! Однако согласится ли позволить Роджеру закончить в одиночку? В конце концов, у Джейми в этом деле своя ставка.

Вороны все еще каркали, но уже подальше; их пронзительные, отчаянные крики напоминали вопли потерянных душ. А может, это вообще бредовая идея – пытаться справиться одному? Роджер швырнул очередную порцию камней в кучу; мелкие камешки с цоканьем отскочили в сторону.

«Пасторский сынок» – так его звали ребята в школе; таким он и был в реальности, в самом широком смысле этого понятия. Первоначальное желание силой доказать свою правоту с последующим осознанием моральной слабости насилия. Однако то было в другой стране...

Роджер наклонился, чтобы очистить валун от мха и грязи. Война сделала его сиротой, а воспитал проповедник мира – как же после этого решиться на убийство? Он медленно покатил валун к краю поля, переворачивая с боку на бок.

– Да ты в жизни не убивал ничего крупнее рыбы, – пробормотал он себе под нос. – Откуда ты вообще взял...

Впрочем, Роджер прекрасно понимал, откуда.

* * *

К полудню собрали достаточно камней для постройки первого столба

и приступили к работе: таскали, поднимали, укладывали, подгоняли. Время от времени слышались сдавленные восклицания – кто-нибудь отдавливал себе палец или ронял камень на ногу.

Джейми поднял большой булыжник, угнездил на место и выпрямился, тяжело дыша.

Роджер тоже сделал глубокий вдох. Чего тянуть? Другой такой возможности не будет.

– У меня к тебе просьба, – отрывисто бросил он.

Джейми вздернул бровь и кивнул, ожидая продолжения.

– Научи меня сражаться.

Джейми вытер рукой пот, струящийся по лицу, и длинно выдохнул.

– Да ты вроде умеешь, – ответил он. Уголок рта слегка приподнялся. – Или тебе надо управляться с палашом так, чтобы не отрубить себе ногу?

Роджер пнул откатившийся камень.

– Для начала и это сойдет.

Какое-то время Джейми тщательно и бесстрастно оглядывал его с ног до головы, словно быка на ярмарке. Роджер стоял неподвижно, чувствуя, как пот стекает по спине. Он догадывался, что его снова сравнивают с отсутствующим Иэном Мюрреем – и не в его пользу.

– Имей в виду, ты уже староват, – наконец сказал Джейми. – Начинать надо в детстве. – Он помедлил. – Первый палаш у меня был в пять лет.

У Роджера в пять лет был игрушечный поезд с красным паровозиком; когда дергаешь за шнурок, свистит, как настоящий. Он встретился взглядом с Джейми и улыбнулся.

– Староват – может быть, но еще не мертв.

– А будешь, – парировал Джейми. – Полузнайство опасно – дурак с палашом в ножнах целее, чем дурак, который думает, что умеет им орудовать.

– «И полузнайство ложь в себе таит // Струею упивайся пиерид»^[16], – процитировал Роджер. – Ты меня за дурака держишь?

Джейми удивленно рассмеялся.

– «Один глоток пьянит рассудок твой // Пьешь много – снова с трезвой головой», – закончил он цитату. – А насчет дурака – ты же не опьянеешь от одной мысли?

В ответ Роджер слегка улыбнулся; его давно уже не удивлял кругозор теста.

– Я выпью достаточно, чтобы остаться трезвым. Научишь?

Джейми прищурился и слегка пожал плечом.

– Твои преимущества – размер и хороший хват. – Он еще раз оглядел

Роджера с головы до ног и кивнул. – Сойдешь, пожалуй.

Джейми повернулся и направился к следующей куче камней. Роджер последовал за ним, чувствуя некоторую долю благодарности, словно он прошел какой-то небольшой, но важный экзамен.

Однако экзамен еще даже не начинался. Где-то на середине нового столба Джейми снова заговорил.

– Зачем? – спросил он, передвигая тяжелый валун размером с бочонок виски. Из-под него торчали корни, вырванные из земли.

Роджер наклонился, добавляя собственный вес. Ладони царапал зеленый лишайник, высохший от возраста.

– Семью защищать.

Валун неохотно подался, прокользя несколько дюймов по неровной земле. Джейми кивнул раз, другой; на третий они синхронно толкнули, пытая от усилий. Монстр приподнялся наполовину, замер, встал торцом и с тяжелым стуком грохнулся на место, да так, что земля затряслась.

– Защищать? От кого? – Джейми вытер подбородок тыльной стороной кисти и кивнул на висящую тушу. – На пантеру я бы с мечом и сам не полез.

– Да? – Роджер согнул колени и перекатил на руки тяжелый валун. – А я слышал, ты убил двух медведей, причем одного – кинжалом.

– Ничего другого под рукой не нашлось, – сухо ответил Джейми. – А насчет второго – если это и был меч, то скорее архангела Михаила, не мой.

– Если бы ты заранее знал, что... ну... встретишь его, то вооружился бы лучше, наверное? – Роджер вновь согнулся, осторожно опуская камень на место, и вытер саднящие ладони о штаны.

– Если бы я знал, что встречу чертова медведя, – прокричал Джейми, поднимая очередной булыжник, – то пошел бы другой дорогой.

Роджер фыркнул и подправил камень, укладывая его поплотнее к другим. С одной стороны остался некрасивый зазор. Джейми осмотрел его критически, выбрал из кучи небольшой камешек, заостренный с одного конца. Он подошел идеально, и мужчины невольно улыбнулись друг другу.

– Значит, думаешь, можно пойти другой дорогой? – спросил Роджер.

Фрейзер вытер рот рукой, размышляя.

– Если ты про войну, то да. – Он пристально посмотрел на Роджера. – Всегда есть другой путь.

– Наверное. – Роджер не имел в виду надвигающуюся войну, да и Джейми тоже вряд ли.

– А насчет медведей.... – Джейми замер неподвижно, глядя ему в глаза. – Знаешь, одно дело – случайно встретить медведя, другое –

охотиться на него.

* * *

Полдень пришел урчанием в желудке, натруженными руками, неожиданно навалившейся усталостью в ногах, ноющей спиной – столь же пунктуально, как бой старинных дедушкиных часов.

Оба молча присели поесть, набросив чистые рубашки на потные плечи, чтобы защититься от сквозняка. Джейми энергично жевал, запивая большие куски элем. Вдруг он скривился, вытянул губы, собираясь выплюнуть, но передумал и проглотил.

– А, миссис Лиззи снова ходила к суслу! – Он поморщился и откусил лепешку.

Роджер улыбнулся, глядя на лицо тестя.

– Что она туда положила на этот раз? – Лиззи повадилась экспериментировать с элем, добавляя различные приправы; надо сказать, с переменным успехом.

Джейми сосредоточенно понюхал горлышко.

– Анис? – предположил он, передавая бутылку Роджеру.

Тот понюхал, непроизвольно сморщив нос от алкогольных паров.

– Анис и имбирь, – определил он, но все же отхлебнул, точно так же скривился и вылил бутылку.

– Конечно, выкидывать еду нехорошо, но...

– Лучше, чем травиться. – Джейми поднялся, взял пустую бутылку и направился к ручейку в дальнем конце поля. Вернувшись, протянул ему свежую воду. – Я получил весточку от Стивена Боннета.

Это прозвучало так небрежно, что Роджер сперва даже не понял.

– Да? – сказал он наконец. Острый соус пролился на руку; Роджер стер его пальцем и засунул в рот, но бутерброд есть не стал – пропал аппетит.

– Ага. Не знаю, где он теперь, зато знаю, где будет в апреле. Точнее, куда я его направлю. Полгода, и с ним будет покончено. Думаешь, тебе хватит времени?

Он спокойно смотрел на Роджера, словно предлагал назначить встречу с банкиром, а не со смертью.

Роджеру ничего не снилось прошлой ночью, но на краю сознания всегда маячило лицо демона. Пожалуй, настало время вытащить призрака на свет божий – ведь прежде чем изгнать демона, его нужно призвать...

Правда, сперва предстоят кое-какие приготовления. Он снова

потянулся, на этот раз в предвкушении. Болезненность почти исчезла.

...О нем будут плакать родные,
Но никто не узнает, где он,
И сквозь его белые кости
Свистеть будет ветер шальной...

– Хватит, – ответил Роджер.

Глава 87

En garde^[17]

На мгновение ему показалось, что он не сможет даже поднять щеколду – обе руки повисли, словно налитые свинцом, а мышцы предплечья дрожали от перенапряжения. Спустя две попытки ему удалось зацепить ее средними пальцами – большой совсем не гнулся.

Услышав возню, Брианна резко открыла дверь, и рука сорвалась с засова. Роджер успел увидеть лишь копну волос и сияющее лицо с пятном сажи на щеке, и вот уже ее руки, ее губы – он дома.

– Вернулся! – воскликнула она.

– Да.

В хижине пахло горячей едой и можжевельником, перебивающим дым от свечей и мускусные запахи человеческого жилья. Он улыбнулся ей и вдруг почувствовал себя менее усталым.

– Папа, папа! – Джемми прыгал в возбуждении, держась за стул. – Папааа!

– Ну здравствуй! – Роджер протянул руку, чтобы погладить пушистые вихры, но промахнулся и задел щеку. Впрочем, Джемми это не волновало. – А кто у нас хороший мальчик?

– Я! Я! – закричал мальчик и обнажил в улыбке розовые десны с мелкими белыми зубками. Брианна повторила его улыбку – с большим количеством эмали, но с неменьшим энтузиазмом.

– А у нас для тебя сюрприз! Смотри! – Она проворно опустилась на одно колено в шаге от Джемми и протянула руки в нескольких дюймах от него. – Солнышко, иди к маме. Давай, детка, иди к мамочке.

Джемми покачнулся, отпустил руку, потянулся к матери, сделал один неверный шаг, второй и, визжа, упал в ее объятия. Она схватила его, хихикая от восторга, затем развернула к Роджеру.

– А теперь к папе. Давай, иди к папочке.

Джемми нерешительно сморщил личико, весь в сомнениях, словно парашютист у открытой двери самолета, угрожающе покачиваясь взад-вперед.

Роджер присел на колени и протянул руки, мгновенно позабыв об усталости.

– Давай, парень, ты сможешь!

Джемми заколебался, наклоняясь, затем отпустил мамину руку и заковылял к отцу, все убыстряя шаг, пока не свалился головой вперед в спасительные объятия.

Роджер крепко прижал к себе сына; тот выгибался и торжествующе пищал.

– Хороший мальчик! Теперь будешь повсюду лазать, да?

– Уже и так! – воскликнула Брианна, закатывая глаза к потолку.

Словно в подтверждение ее слов, Джемми вырвался на свободу, упал на четвереньки и резво помчался к своей корзине с игрушками.

– А чем вы еще занимались? – спросил Роджер, присаживаясь у стола.

– Чем еще? – Ее глаза распахнулись, затем сощурились. – А ты думаешь, научиться ходить – этого мало?!

– Ну что ты! Это замечательно, просто чудо! – поспешно заверил он. – Я так, для поддержания разговора.

Брианна расслабилась, успокоенная.

– Ну что... Мы скребли полы – хотя разницы никакой... – Она с некоторым отвращением глянула на грубые бесцветные доски. – Еще вымеси тесто и поставили подниматься, а оно не поднялось, так что на ужин у тебя лепешки.

– Обожаю лепешки, – снова поспешил заверить Роджер, приметив металлический блеск в глазах.

– Разумеется! – Бри подняла густую рыжую бровь. – По крайней мере, ты знаешь, с какой стороны она маслом намазана.

Он рассмеялся. Здесь, в тепле, озноб постепенно проходил, и руки начали пульсировать; и все же ему было хорошо – даже несмотря на то, что он чуть не падал со стула от усталости. Желудок забурчал в предвкушении.

– Лепешки с маслом для начала, а что еще? Пахнет вкусно. – Роджер покосился на кипящий котел и с надеждой принялся. – Рагу?

– Нет, белое. – Бри испекла котелок взглядом. – Уже третья партия за сегодня! В эту чертову миску мало что влезает, а в большой дом белое не отнесешь – я ведь мыла полы и пряла, а там надо следить за огнем, помешивать и ни на что другое отвлекаться нельзя. – Она поджала губы. – Страшно неудобно.

– Ужас... – Роджер оставил без внимания проблему логистики домашнего хозяйства; его интересовали куда более важные вещи. Он задрал подбородок в сторону очага и принялся. – Мясом пахнет. Может, мышь в горшок свалилась?

Услыхав это, Джемми бросил тряпичный мячик и пополз к огню.

– Мышка? Где мышка?

Брианна схватила ребенка за шиворот и метнула в Роджера сердитый взгляд.

– Нету никакой мышки, папа шутит. Пойдем лучше кушать.

Перехватив Джемми за талию, она подняла его – пинающегося и брыкающегося – и усадила на высокий стульчик.

– Ешь, тебе сказано! Сиди смирно!

Джемми выгнул спину, скуля в знак протеста, затем вдруг расслабился, сполз со стула и исчез в складках материнной юбки.

Брианна выудила его оттуда, покраснев от смеха и усилий.

– Ладно! – сказала она, ставя ребенка на ноги. – Не хочешь – не ешь, мне-то что!

Дотянувшись до разбросанных игрушек, она вытащила потрепанную куколку из кукурузного початка.

– Смотри, какая куколка!

Джемми прижал куклу к груди, резко выпрямился и принялся воспитывать самым серьезным тоном.

– Ес! – сурово приказал он, тыкая ее в живот. Положил куклу на пол и аккуратно накрыл ее корзинкой. – Сиди смилна!

Брианна провела рукой по лицу, вздохнула и посмотрела на Роджера.

– А ты спрашиваешь, чем я занималась весь день.

Тут она пригляделась повнимательней.

– А чем вы занимались, мистер Маккензи? Ты выглядишь так, будто вернулся с войны. – Она нежно коснулась его лица. На лбу вспухала шишка, кожа натянулась, и от прикосновения он почувствовал крошечный укол боли.

– Что-то в этом духе. Джейми учил меня основам владения палашом.

Ее брови взметнулись вверх, и Роджер смущенно рассмеялся, держа руки на коленях.

– Палаш деревянный?

И не один – сломали штуки три, хотя они были сделаны из прочного дерева – во всяком случае, не веточки.

– Он ударил тебя по голове? – В голосе Брианны послышались резкие нотки.

– Э-э... Не совсем.

Имея в своем багаже лишь смутные воспоминания о приключенческих фильмах и университетских фехтовальных матчах, Роджер оказался не готов к простой грубой силе. Первым же ударом Джейми выбил у него из рук палаш; второй разрубил дерево, и здоровая щепка просвистела мимо уха.

– Что значит «не совсем»?

– Ну, он показывал мне прием, который называется «corps a corps». В вольном переводе с французского это означает примерно: «Оберни меч противника вокруг своего, дай ему коленом по причинному месту и бей по голове, пока он пытается высвободиться».

Брианна в ужасе хихикнула.

– Ты хочешь сказать, он...

– Нет, но почти. – Роджер поморщился при воспоминании. – Синяк на бедре с мою руку.

– Еще где-нибудь? – взволнованно нахмурилась Брианна.

– Нет. – Он улыбнулся, держа руки на коленях. – Устал. Все болит. Умираю с голоду.

Улыбка снова вернулась на ее лицо, хотя между бровями залегла небольшая складка. Брианна достала из буфета деревянное блюдо и присела у очага.

– Куропатки, – пояснила она, выковыривая черноватые кучки из пепла. – Отец принес утром; велел не ошипывать, только обмазать глиной и запечь. Надеюсь, он понимает, о чем говорит. – Она кивнула в сторону кипящего котла. – Джемми помогал – отсюда и новая партия стирки. Ай! – Бри отдернула руку и сунула обожженный палец в рот, затем подобрала блюдо и поставила на стол. – Пусть немного остынут. Пойду достану огурцы.

По виду куропатки мало чем отличались от углей, однако запах исходил заманчивый. Роджеру хотелось взять тушку и сожрать как есть, прямо с горелой глиной. Вместо этого он заглянул под салфетку, обнаружил злополучные плоские лепешки, негнувшимися пальцами оторвал кусок и бесшумно засунул в рот.

Джемми закинул мячик под кровать и приполз посмотреть, чем занят отец. Держась за ножку стола, он поднялся, увидел хлеб и потянулся, издавая требовательные звуки. Роджер аккуратно оторвал еще один ломоть и протянул отпрыску, чуть не уронив в процессе. Болели избитые, изрезанные руки с костяшками в кровавых ссадинах, распухшие и почерневшие от свежих синяков. На большом пальце правой руки оторвалась половина ногтя, и сырое ложе кровоточило.

– Хафо. – Вцепившись в хлеб, Джемми взглянул на руки отца, затем на лицо. – Папа хафо?

– С папой все хорошо, – заверил его Роджер. – Просто устал.

Джемми уставился на раненый палец, медленно поднял свой и принялся громко посасывать.

А что, неплохая идея. Палец ныл и болел, руки замерзли и одеревенели. Покосившись на спину Брианны, Роджер тоже сунул палец в рот. Сперва возникло ощущение чужеродного предмета, твердого и толстого, с привкусом крови и холодной пыли; затем язык и небо сомкнулись вокруг раненого, образуя теплую и мягкую подушку.

Джемми боднул его в бедро – обычный сигнал «подними меня». Свободной рукой Роджер подхватил сына и уместил на колени. Джемми поерзал, устраиваясь поуютнее, и затих, зажав в кулачке хлеб и посасывая палец.

Роджер постепенно расслаблялся, упершись локтем в стол, обвив сына свободной рукой. Теплая спинка и тяжелое дыхание малыша убаюкивало наряду с домашней возней – Брианна раскладывала ужин по тарелкам. К его удивлению, палец перестал ныть, однако он по-прежнему держал его во рту, чтобы не нарушить странное ощущение комфорта.

Мышцы тоже постепенно расслаблялись, выходя из состояния напряженной готовности, в которой ему пришлось держаться часами.

В ушах еще звенели резкие команды. Работай предплечьем! Запястье! Не отставляй так руку, держи ближе к телу!

Существует только один вид боя – без всяких правил, объяснил ему Джейми, пока они ополаскивали потные лица в ручье. Все остальное – шутовство.

Голова упала на плечи, и Роджер вскинулся, резко возвращаясь в сумрачное тепло хижины. Тарелки на столе уже не было: Брианна тихо ругалась возле буфета, долбя запекающуюся глину рукояткой его кинжала.

Держи стойку! Назад, назад! Ну, давай, наступай! Нет, слишком далеко... Будь начеку!

И молниеносные жалящие удары пружинистого «лезвия» по рукам, плечам, бедрам, между ребер, глубоко в живот, так, что вышибало дух. Будь это сталь, он бы умер через минуту, порезанный на кровавые ленточки.

Не давай цеплять – сбрасывай! Отбивай, отбивай! Иди на меня, делай выпад! Держись ближе... Ближе, я сказал! Так, хорошо... Ха!

Локоть соскользнул, и голова снова упала. Роджер дернулся, едва удержав спящего ребенка, и заморгал, привыкая к тусклому свету пламени.

Брианна виновато вздрогнула, закрыла блокнот и поспешно сунула за тарелку на краю буфета.

– Все готово. Я сейчас... молоко принесу. – Зашуршав юбками, она исчезла в кладовой.

Роджер чуть подвинул Джемми, ухватил поудобнее и поднял маленькое плотное тельце, хотя руки ослабли, как вареные макаронины.

Малыш крепко спал, не выпуская палец изо рта.

Его собственный палец был мокрым от слюны, и Роджер смутился. Господи, неужели она рисовала в этот момент? Наверняка: увидела, как он сосет палец, и умилилась. Уже не первый раз Брианна рисовала его в неподобающей позе. А может, она снова записывала свои сны?

Он бережно уложил Джемми в кроватку, отряхнул влажные хлебные крошки с покрывала и застыл в нерешительности, потирая ушибленные костяшки. Из кладовой доносился плеск молока. На цыпочках Роджер подошел к буфету и достал блокнот. Наброски, не сны.

Всего несколько торопливых линий, чтобы ухватить сюжет: мужчина, полумертвый от усталости, но держится; голову подпер рукой, шея склонилась в изнеможении; свободная рука крепко сжимает маленькое, беспомощное сокровище.

Она даже придумала название. Косым, острым почерком на листке значилось: «En garde».

Роджер закрыл блокнот и сунул его обратно за тарелку. Брианна стояла в дверях кладовой с кувшином молока.

– Иди поешь, – тихо сказала она. – Тебе нужно восстанавливать силы.

Глава 88

Роджер покупает палаш

Кросс-Крик

Ноябрь, 1771

Ему уже приходилось иметь дело с палашами восемнадцатого века – ни вес, ни длина его не удивили. Дужка на гарде слегка погнута, но это не мешает засунуть туда руку – тоже не в новинку. Однако разница между музейным артефактом, который следует бережно положить на место, и выбором острого металла, который ты собираешься вогнать в человеческое тело, весьма существенна.

– Малость помят, – сказал Джейми, критически осматривая оружие, – но лезвие неплохо сбалансировано. Подержи в руке, прочувствуй.

Чувствуя себя полным идиотом, Роджер просунул руку в гарду и встал в позу, припомнив фильмы Эррола Флинна. Кузница находилась на оживленной улице, и прохожие останавливались поглазеть и высказать свое мнение.

– И сколько Мур просит за эту жестянку? – пренебрежительно спросил кто-то. – Ей два шиллинга – красная цена!

– Отличный палаш, – возразил Мур, опираясь на дверь кузни и одаряя комментатора свирепым взглядом. – Мой дядя с ним служил в форте Стэнвик! Да этим палашом столько французов порубили, и всего-то махонькая щербинка!

– Махонькая щербинка! – воскликнул непрошенный критик. – Да он так изогнут, что ежели захочешь кого проткнуть, отрубишь ему ухо!

В толпе раздался дружный смех, заглушивший ответ кузнеца. Роджер опустил кончик палаша, затем медленно поднял. Как их вообще проверяют? Помахать туда-сюда? Воткнуть во что-нибудь? Чуть поодаль стояла тележка, нагруженная джутовыми мешками; судя по запаху, в них была сырая шерсть.

Он поискал глазами владельца, но не смог вычленить его в разрастающейся толпе. Громадная обозная лошадь сонно прятала уши.

– Ежели молодому человеку нужен палаш, так у Малахии Маккейба

есть куда лучше – от службы остался. И отдаст всего за три шиллинга. – Сапожник из лавки напротив важно надул губы, проницательно глядя на палаш.

– Да, не красавец, – согласился отставной солдат средних лет. – Но вполне годящийся, точно вам говорю.

Роджер вытянул руку, сделал выпад в сторону двери и едва не попал в Мура, который в этот момент вышел защищать качество своих товаров. Кузнец с воплем отпрыгнул, и толпа взревела от восторга.

Извинения Роджера прервал чей-то гнусавый голос позади:

– Сэр, позвольте вам предложить более достойного противника, чем безоружный кузнец!

Резко обернувшись, Роджер оказался лицом к лицу с доктором Фентиманом, который доставал длинное тонкое лезвие из головки резной трости. Вполовину меньше ростом, доктор свирепо размахивал своей рапирой; кончик его носа, явно подогретый щедрым обедом, сиял, словно рождественская лампа.

– Проверим ваши способности, сэр? – Узкое лезвие запело, разрезая воздух. – Кто первый прольет кровь, тот и победитель, что скажете?

– Тогда у тебя преимущество! Разве пускать кровь – не твоя работа? – вмешался какой-то зевака.

– Ха-ха! А коли проткнешь его, то лечить дырку будешь бесплатно? – крикнул еще один зритель. – Или ты явился продвигать свое дело, пиявка?

– Эй, парень, берегись! Только повернешься к нему спиной, а он тебе раз – и засадил клистирную трубку!

– Лучше уж клистирная трубка, чем клинок в заднице!

Доктор проигнорировал все эти вульгарные замечания, держа оружие наготове. Роджер покосился на Джейми, подпирающего стену; тот поднял бровь и слегка пожал плечами; похоже, сцена его забавляла.

«Подержи в руке, прочувствуй», – сказал тесть. Что ж, дуэль с пьяным карликом – тоже экзамен.

Роджер поднял палаш и вперил в противника угрожающий взгляд.

– *En garde*, – сказал он, и толпа одобрительно взревела.

– *Gardez vous*^[18], – тут же ответил доктор и сделал выпад.

Роджер крутанулся на пятке, и рапира просвистела мимо, словно копьё. Мур отпрыгнул, чудом избежав участи барашка на вертеле.

– Да что я вам – мишень какая?! – завопил он, потрясая кулаком.

Не обращая внимания на промах, доктор выровнялся и снова атаковал, подбадривая себя резкими выкриками.

Словно пчела атакует, подумал Роджер. Если не поддаваться панике, можно следить за ней и отмахиваться. Наверное, в трезвом состоянии доктор был неплохим фехтовальщиком, однако сейчас его бешеные выпады легко парировались, если не отвлекаться.

Довольно быстро пришло осознание, что можно в любой момент завершить поединок, просто перерубив тонкую рапиру ребром более тяжелого оружия. Однако он уже вошел во вкус и старался парировать удары плоской стороной лезвия.

Постепенно все исчезло из вида, кроме сверкающего кончика рапиры; крики толпы увяли до комариного писка; грязь улицы, стена кузни – все растворилось. Роджер ударился локтем о стену, отскочил назад, в сторону, двинулся по кругу, чтобы освободить себе побольше пространства для маневра – и все это бессознательно...

Рапира зацепила широкое лезвие и с визгом соскочила. Лязг, скрежет, свист рассекаемого воздуха; каждое столкновение отдается в запястье...

Следи за ударом, отбивай... Он понятия не имел, что делает, однако продолжал. Пот заливал глаза; он мотнул головой, стряхивая капли, и едва не пропустил низкий выпад в бедро.

Доктор потерял равновесие и пошатнулся. В пыльном воздухе зазвучали кровожадные призывы: «Давай! Прикончи его!» Он смотрел на незащищенное брюшко, на жилет, расшитый шелковыми бабочками, и с трудом подавил желание его проткнуть.

Потрясенный собственной свирепостью, Роджер сделал шаг назад. Почуввав слабость противника, доктор с воплем прыгнул вперед. Роджер отпрянул в сторону, и тот пролетел мимо, задев рапирой бок лошади.

Животное испустило яростный вопль, фехтовальщик взлетел на воздух и приземлился в витрине сапожной лавки, словно раздавленный мотылек, в окружении разбросанных ботинок и колодок.

Роджер стоял неподвижно, тяжело дыша. Пульс отдавался в каждой клеточке разгоряченного тела. Ему хотелось продолжать, хотелось смеяться, ударить кого-нибудь; хотелось тут же прислонить Брианну к ближайшей стене...

Джейми мягко отцепил его пальцы от рукояти; он даже не помнил, что все еще держит палаш. Без него руке стало слишком легко, словно она вот-вот оторвется и улетит в небо. Пальцы онемели; Роджер рефлекторно согнул их, ощущая покалывание вернувшейся крови в руках, в плечах, по всему телу. Он едва слышал смех, предложения выпивки, едва чувствовал град одобрительных ударов по плечам.

Доктора подняли и отнесли в ближайшую таверну, чтобы оказать

первую помощь.

– Клистир, дайте ему клистир! – скандировали подмастерья, следуя за толпой. Хозяин лошади суетился над своим буцефалом; тот выглядел скорее ошеломленным, чем раненым.

– Пожалуй, он выиграл, раз пролил первую кровь.

Роджер даже не понял, что заговорил, пока не услышал собственный голос, как сквозь вату.

– Ну, годится? – Джейми вопросительно смотрел на него, держа палаш на ладонях.

Роджер кивнул. Улица наполнилась светом и белой пылью; песок резал глаза, хрустел на зубах.

– Годится.

– Ладно, – кивнул Джейми. – Ты тоже, – небрежно добавил он, поворачиваясь, чтобы заплатить кузнецу.

Часть восьмая

Идем на охоту

Глава 89

Луны Юпитера

Конец ноября, 1771

Уже в четвертый раз Роджер повторил себе, что от сексуального воздержания не умирают. Вреда здоровью от него тоже никакого, хотя и пользы особой нет. В общем, он решил рассматривать эту ситуацию как упражнение для развития силы воли.

Роджер повернулся на спину, стараясь не шуршать матрасом, и уставился в потолок. Не помогло. Первые лучи солнца проникли в хижину из-под промасленной шкуры, занавешивающей окно, и осветили золотистые бедра его жены.

Она лежала на животе, уткнувшись в подушку. Льяная простыня соскользнула, обнажив спину от шеи до выемки между ягодицами. Кровать была узкой, и Бри придвинулась так близко, что их ноги соприкасались, а теплое дыхание согревало его плечо. Во рту пересохло.

Роджер закрыл глаза. Без толку. Перед мысленным взором все еще мелькали сцены вчерашнего вечера: Брианна в тусклом свете очага, огненные языки ее волос, отблески света на обнаженной груди, когда она спустила рубашку с плеч.

Было поздно, и он устал, но все равно отчаянно ее хотел. Однако кое-кто нуждался в ней еще больше. Роджер приоткрыл глаза и, чуть поднявшись на локте, взглянул сквозь спутанные рыжие пряди жены туда, где в темном углу, куда не доставали лучи солнца, стояла колыбелька. Никакого движения.

Уже давно они с Брианной заключили соглашение. Роджер просыпался быстро, а ей нужно было время, чтобы прийти в себя. Потому когда из колыбельки слышался сигнал тревоги, он вскакивал в полной боевой готовности, доставал влажный, вопящий сверток и занимался насущными гигиеническими потребностями. К тому времени, как он приносил вырывающегося и хныкающего Джемми матери, та уже достаточно просыпалась, чтобы снять рубашку, взять голодного ребенка на руки и прижать к налитой молоком груди.

Джем уже немного подрос и просыпался по ночам, только когда у него болел живот; зато и засыпал потом намного дольше. Роджер провалился в

сон, пока Бри возилась с малышом, но очнулся, когда она вернулась в кровать и ее ягодичы задели его бедро. Кукурузная шелуха в матрасе затрещала слово сотни маленьких хлопшек, отчего пробуждение вышло стремительным, почти болезненным.

Он почувствовал прикосновение ягодич и едва сдержался, чтобы не взять ее сзади, но услышал, как Джем сосет грудь, и остановился. В их кровати лежал малыш.

Роджер слушал и молился, чтобы она поскорее уложила маленького засранца в колыбель. Мать и сын часто засыпали рядом, и по утрам ему приходилось вдыхать смешанный запах соблазнительной женщины и детских какашек. Наконец, несмотря на все мучения, Роджер заснул сам. Целый день он рубил лес в горах и ужасно устал.

Роджер принялся. Похоже, малыш в колыбельке. Он ощущал только запах жены – насыщенный аромат женской плоти, сладкое облако пота и влажного желания.

Брианна вздохнула во сне, что-то невнятно пробормотала и повернулась к нему. Под глазами у нее залегли темные круги. Вчера она допоздна возилась с вареньем, а потом еще пару раз вставала ночью к маленькому зас... ребенку. Разве может он разбудить ее, чтобы удовлетворить свое желание?

А разве можно удержаться?

Он сжал зубы, разрываясь между страстью и сочувствием, и подумал, что как только поддастся искушению, в самый интересный момент их прервет сосед из колыбели.

Опыт – суровый учитель, однако позывы плоти оказались сильнее голоса разума. Роджер осторожно протянул руку и нежно сжал гладкую и круглую, как тыква, ягодичу жены.

Брианна пробормотала что-то и раскинулась на кровати, оттопырив зад. Чтобы откинуть одеяло, лечь на жену и, наконец, достигнуть желаемого, уйдет секунд десять.

Однако удалось выполнить лишь первую часть плана. Подняв голову с подушки, Роджер увидел круглый бледный объект, поднимающийся над краем колыбели, словно одна из лун Юпитера. Пара синих глаз бесстрастно взирала на него.

– Вот черт! – вырвалось у Роджера.

– Вот, чолт! – радостно повторил Джемми. Он стоял, вцепившись в бортик колыбели, из которой уже почти вырос, и, подпрыгивая, распевал «Чолт-чолт-чолт». Наверное, решил, что это песня такая.

Брианна резко проснулась.

– Что? Что случилось?

– А-а... меня что-то укусило. – Роджер торопливо натянул одеяло. – Оса, наверное, залетела.

Брианна со стоном вытянулась на кровати и, откинув с лица растрепанные пряди, потянулась к столу, взяла чашку и сделала пару глотков. После сна ей всегда хотелось пить.

Она окинула взглядом Роджера, и легкая улыбка тронула ее полные мягкие губы.

– Ох, как укус распух. Хочешь, потру?

Она поставила чашку, перекатилась на локоть и потянулась к нему.

– Ты садистка, – заявил Роджер, ухмыляясь. – Точно, садистка. Вся в отца!

Она рассмеялась и убрала руку. Потом встала и натянула сорочку через голову.

– Мама! Мама чолт! – заявил сияющий Джемми, когда она, кряхтя от усилий, вытащила малыша из колыбели.

– Ах ты, паршивец! Папочка тобой сегодня недоволен. Нашел время проснуться. – Она поморщилась. – И не только проснуться.

– Ну, он-то считает, что проснулся как раз вовремя.

– Ага. – Брианна взглянула на него, приподняв бровь. – Так вот откуда у него новое слово.

– Он его уже слышал, много раз. – Роджер сел на кровати, свесив ноги, зачесал рукой волосы и потер лицо. – А теперь знает, когда его надо говорить.

Брианна поставила Джемми, опустилась рядом с ним на колени, поцеловала в носик и сняла пеленку.

– Ой, фу. Интересно, в полтора года уже пора приучаться к горшку?

– Ты кого спрашиваешь, меня или его?

Джемми стоически терпел, пока мать вытирала ему попу мокрой холодной тряпкой, напевая новую песенку собственного сочинения, состоящую из одной строки: «Фу, фу, чолт, чолт, фу, фу...»

Наконец Брианна взяла его на руки и уселась у очага.

– Хочешь кушать? – спросила она, развязывая ворот рубашки.

– Еще бы, – с чувством ответил Роджер.

Бри сочувственно рассмеялась, усадила Джемми на колени и начала кормить.

– А тебе придется подождать, – сказала она мужу. – Что будешь на завтрак: овсянку или кукурузный пудинг?

– А что еще в меню?

Черт, пора вставать. Опять все сначала.

– Есть тосты и клубничный джем. Сыр. Могу сделать яичницу, только тебе придется сходить в курятник – в кладовой ничего не осталось.

На самом деле еда его мало волновала – он не мог отвести взгляда от Брианны, ее длинных ног, прикрытых рубашкой, и ступней, поджатых под стул. Кажется, она заметила, что он думает совсем не о еде, и улыбнулась, любуясь его обнаженным телом.

– Ты хорошо выглядишь, Роджер, – едва слышно сказала она, опустив свободную руку. Длинные пальцы с коротко обстриженными ногтями медленно двигались, рисуя круги на внутренней стороне бедра.

– А ты еще лучше, – хрипло произнес он.

Брианна ласково погладила Джемми по спинке.

– Проведаешь после завтрака тетю Лиззи, милый? – спросила она, не глядя на сына, и пухлые губы разошлись в улыбке.

Роджеру так хотелось прикоснуться к ней, что он не стал ждать завтрака. Он взял ее шаль, лежавшую в ногах кровати, благопристойно обернул вокруг бедер и опустился на колени рядом со стулом.

Из окна дуло, сквозняк разлохматил ее волосы, и руки покрылись пупырышками. Роджер обнял жену и сына. Теперь ветер холодил его спину, но ему было все равно.

– Я люблю тебя, – прошептал он, накрыв ладонью ее руку, лежащую на бедре.

Брианна склонилась и поцеловала его в губы.

– Я тебя тоже.

Она уже успела прополоскать рот водой и вином, и Роджер почувствовал на ее губах вкус осеннего винограда и свежесть ручья. Тут деревянная дверь затряслась от ударов и раздался голос тестя:

– Роджер! Ты там? Вставай сейчас же.

– Чего это он спрашивает, здесь ли я? – прошептал Роджер. – Где мне еще быть?

– Шшш. – Брианна поцеловала его в шею и неохотно отпустила, не отводя восхищенных глаз. – Уже встал, папа, – крикнула она.

– Ага, и не только он, – тихо проворчал Роджер и рывкнул: – Иду! Где, черт возьми, моя одежда?

– Под кроватью, где ты ее вчера оставил.

Брианна отпустил Джемми, который, услышав голос деда, завопил, бросился к закрытой двери и начал колотить в нее. Едва встав на ноги, он за считанные дни перешел к следующему этапу и теперь носился не переставая.

– Давай быстрее! – В хижину хлынул солнечный свет, и в открытом окне появилось широкоскулое лицо Джейми Фрейзера, горящее от волнения. Его брови влетели вверх, когда он увидел, как Роджер ползает по полу, зажимая рубашку между ног. – Шевелись, парень! Нет времени ползать с голой задницей. Маклауд видели в горах каких-то зверей.

Он послал Джемми воздушный поцелуй.

– *A ghille ruaidh, a charaid! Ciamar a tha thu?*^[19]

Роджер забыл о сексе и смущении. Он натянул рубашку и вскочил.

– Каких? Лосей или оленей?

– Какая разница – и то, и то мясо.

Джейми опустил занавеску, и комната погрузилась во тьму.

Тесть впустил в комнату свежий воздух, напомнивший об охоте, бодрящем ветре и багряных листьях, грязи и свежем помете, мокрой шести, лоснящейся звериной шкуре и запахе пороха.

Бросив последний жаждущий взгляд на тело жены, Роджер схватил чулки.

Глава 90

Опасность в траве

Тяжело дыша, охотники поднялись туда, где горы поросли темно-зелеными хвойными деревьями. На этой высоте островки бальзамической пихты и тсуги соседствовали с группами елей и сосен. Возвышавшаяся над источенными ветром камнями, вечнозеленая хвоя, казалось, горько рыдала по мимолетному великолепию опавших листьев внизу.

В густой тени Роджер дрожал от холода и радовался, что натянул шерстяную охотничью рубашку поверх льняной. Люди молчали, даже когда останавливались перевести дух. Безмятежность окрестностей не располагала к разговорам.

Дикая местность вокруг выглядела мирной и безжизненной. То ли дичь ушла, то ли Маклауд ошибся... Перевалив через хребет, они вышли на открытое пространство, залитое солнцем. Несмотря на холодный и разреженный воздух, Роджер почувствовал, как по телу растекается тепло, и зажмурился от удовольствия. Не сговариваясь, мужчины остановились на поляне, защищенной от пронизывающего ветра, чтобы погреться в ярких лучах.

Джейми подошел к краю уступа. Его медно-рыжие волосы, собранные в хвост, полыхали на солнце. Поворачивая голову из стороны в сторону, он высматривал дичь среди деревьев. Глядя на трепещущие ноздри тестя, Роджер усмехнулся. Если Джейми ее вынюхает, он не удивится. Сам он тоже постарался втянуть воздух, но учуял только запахи гниющих листьев и застарелого пота Кенни Линдси.

Джейми покачал головой, повернулся к Фергусу и что-то тихо сказал. Потом взобрался по уступу и исчез.

— Мы подождем, — лаконично заявил Фергус остальным и сел на землю. Он достал из сумки пару резных каменных шариков и начал перекатывать их в ладони и между проворными пальцами.

Яркие лучи осеннего солнца тянулись сквозь голые ветви к умирающей земле, чтобы теплым касанием принести ей последнее утешение. Мужчины сидели, тихо переговариваясь, и здесь, под солнцем, Роджер явно ощутил вонь свежего пота, перебивавшую запах грязных тел. А что, если животные чуют человеческий запах и потому практически невозможно подобраться к ним незаметно? Однажды он видел, как мохоки натирались травами, чтобы обмануть обоняние дичи во время охоты. Хотя

даже мятное масло не справится с вонью Кенни Линдси.

Наверное, он и сам пах не лучше. Роджер нагнулся к вырезу рубашки и втянул воздух. Пот тонкой струйкой тек по шее под волосами. Он вытер его воротником и решил, что не вернется в хижину, пока не вымоется, даже если ручей уже замерз.

Душ и дезодоранты имеют не только эстетическое значение, ведь рано или поздно мы привыкаем к любой воню. В своем времени, практически лишенном природных запахов, он даже не догадывался, какое значение они имеют. Порой Роджер чувствовал себя дикарем, когда примитивные инстинкты вдруг срывались с цепи под действием случайных ароматов.

Он вспомнил о том, что видел на прошлой неделе, и краска залила его лицо.

Он искал в коровнике Клэр, а нашел их обоих – ее и Джейми. Они были одеты и стояли довольно далеко друг от друга, но воздух был наполнен таким мускусным ароматом желания, что у Роджера кровь бросилась в лицо и волосы на теле встали дыбом.

Сначала он решил повернуться и уйти, однако это выглядело бы странно, потому что просто сказал, что ему нужно, ощущая на себе добродушный и насмешливый взгляд Джейми.

Роджер выдохнул, чтобы расслабиться, а потом растянулся на листьях, ощущая солнечный свет даже сквозь закрытые веки. Рядом приглушенно застонал Фергус и ринулся в кусты – вновь взбунтовался желудок. Вчера он объелся кислой капусты, о чем мог догадаться любой, кто сидел возле него достаточно долго.

Мысли Роджера вернулись к тому неловкому моменту в коровнике.

Не похоть и не любопытство заставляло его наблюдать за этой парой. Он часто видел из окна своей хижины, как они гуляли вечерами. Джейми склонялся к Клэр, скрестив руки за спиной, а она всегда жестикулировала, словно, пыталась придать форму их будущему или вылепить из воздуха свои мысли.

Роджер осознавал, что он делает, и все равно продолжал следить за ними, откинув всякий стыд. У него была причина так поступать, и то, что он хотел узнать, значило для него больше, чем хорошие манеры.

Он хотел понять, что значит быть семьей.

Роджер вырос в доме холостяка, и хотя дед-священник и пожилая экономка окружили его любовью и заботой, ничего не знал о жестах и словах, связывающих воедино семейную пару. Инстинкт, конечно, помогал, но если можно научиться так любить...

Вдруг что-то коснулось его локтя, и Роджер перевернулся, выставив

вперед руку, готовый к защите. Джейми отклонился в сторону, избегая удара, и улыбнулся.

Он кивнул головой в сторону выступа.

– Нашел!

* * *

Джейми поднял руку, и Фергус мгновенно оказался рядом. Маленький француз совсем не казался смешным рядом с высоченным шотландцем. Он прикрыл глаза ладонью, глядя в ту сторону, куда указывал Джейми.

Роджер встал за его спиной и тоже посмотрел на склон. Под ними пролетел дятел. Он резко устремился вниз и вновь поднялся, когда из глубины леса донесся зов его пары, похожий на визгливый смех. Больше там ничего примечательного не было, только густые заросли рододендрона, гикори и дуба, такие же, как и на другой стороне хребта. Далеко внизу тонкая линия высоких голых деревьев тянулась вдоль берега реки.

Фрейзер подбородком указал вниз:

– Видишь? Вон там, возле реки.

Сначала Роджер не смог ничего разглядеть, только путь реки прослеживался по зарослям сикоморов и черных ив. Потом он заметил, как на склоне зашевелился куст, – нет так, как колышимые ветром деревья, а словно его объедал кто-то невидимый.

– Господи, что это?

– Не знаю, на оленя не похоже. Может, вапити?

Джейми пристально смотрел в ту сторону, щурясь от ветра.

– Или лось? – Фергус нахмурился, все еще прикрывая глаза ладонью. – Я их ни разу не видел. Они большие?

– Нет. – Роджер покачал головой. – В смысле, большие, но не настолько. И двигаются иначе. Я охотился на лосей вместе с могавками.

Слишком поздно он заметил, как сжались губы Джейми. По молчаливому договору они старались не упоминать о плене Роджера у мохоков. Однако Джейми ничего не сказал, а лишь кивнул на густые заросли внизу.

– Олень или лось, все равно; главное, он там не один. Видишь?

Роджер прищурился, а потом заметил, что делает Фрейзер. Тот переступал с ноги на ногу, позволяя глазам произвольно скользить по местности. Роджер последовал его примеру.

Вместо того чтобы сосредоточиться на одной точке, он увидел весь

склон в движении и размытых красках. «Словно на картинах Ван Гога», – подумал Роджер и улыбнулся. А потом мысли о современном искусстве вылетели из головы.

Среди выцветших пятен серого и коричневого и лоскутов вечной зелени он заметил прорехи – узлы на полотне, вышитом природой, и там что-то двигалось. Вон там... и там... Глаза обшаривали местность, и Роджер чувствовал, как в душе нарастает волнение. Господи, да их же почти полдюжины!

– Ну что, я был прав! Я был прав! – ликовал Маклауд. Он поворачивался то к одному, то к другому охотнику, и его круглое лицо сияло. – Я же говорил, что видел зверей, правда?

– Боже, их там целое стадо! – Эван Линдси произнес вслух то, о чем подумал Роджер. Лицо горца горело от предвкушения, когда он повернулся к Джейми. – Что будем делать, Макдью?

Джейми пожал плечами, все еще не отрывая взгляд от долины.

– Трудно сказать. Они сейчас на открытом пространстве. Загнать мы их не сможем.

Он лизнул палец и поднял его, стараясь определить направление ветра.

– Ветер с запада. Спустимся к ручью у подножия, потом мы с Роджером пойдем вон к тому выступу. Видишь?

Линдси кивнул. Его кривой передний зуб цеплялся за губу.

– Они возле ручья. Мы должны окружить их – видите большое кедровое дерево? Идите туда, а потом рассредоточьтесь, по двое на каждом берегу. Эван лучший стрелок. Пусть он будет наготове. Мы с Роджером погоним стадо на него.

Фергус кивнул, глядя в расстилавшийся внизу пейзаж.

– Вижу. Когда они нас заметят, побегут вон в ту расщелину и попадут в нашу ловушку. Отлично! *Allonsy!*^[20]

Он повелительно кивнул остальным, и его крюк блеснул на солнце. Потом поморщился, приложив руку к животу, и громко пукнул. Джейми задумчиво взглянул на него.

– Держись по ветру, хорошо?

* * *

Как Роджер ни старался, тихо идти по ковру из опавших листьев все равно не получалось. Джейми зарядил и приготовил ружье, и он последовал его примеру. Не опозориться бы... Впрочем, зверь такой

крупный, что даже он не промахнется.

Оставив сомнения, Роджер на мгновение остановился, покрутил головой и прислушался. Ничего, лишь ветер шумел в голых ветвях высоко над землей да где-то вдалеке журчала вода. Вдруг из зарослей донесся хруст, и впереди мелькнули рыжие волосы. Он сжал в ладони теплое дерево приклада, направил дуло вверх и двинулся в ту сторону.

Роджер осторожно крался вокруг куста сумаха, когда наступил во что-то мягкое, и ему пришлось отшатнуться, чтобы удержать равновесие. Он взглянул под ноги и, несмотря на нахлынувшее разочарование, с трудом сдержал смех.

– Джейми! – громко позвал он, уже не беспокоясь о том, что нарушает тишину.

Яркая шевелюра Фрейзера промелькнула над кустами лавра, а потом появился он сам. Не сказав ни слова, он вопросительно приподнял бровь.

– Я, конечно, не самый лучший следопыт, – сказал Роджер, указывая под ноги, – но столько раз на них наступал, что теперь везде узнаю.

Он вытер подошву о поваленное дерево и, указав ботинком, спросил:

– Как думаете, за кем мы здесь охотимся?

Джейми немного постоял, хмурясь, и опустился на корточки рядом с бурой лепешкой. Ткнул в нее указательным пальцем, поднял голову и весело взглянул на Роджера.

– Да будь я проклят!.. Что они здесь делают?

Он встал и, прикрыв глаза рукой, посмотрел в сторону реки, где заходящее солнце просвечивало сквозь кроны деревьев.

– Ерунда какая-то, – сказал он, косясь на сгущающиеся тени. – В Ридже только три коровы, двух я видел утром, когда их доили. Третья принадлежит Бобби Маклауду, он бы сразу ее узнал. И кроме того...

Джейми медленно повернулся на каблуках и взглянул на крутой склон, по которому они только что шли.

Слов не требовалось – и так было ясно, что ни одна корова здесь без парашюта не спустится.

– Их тут много, – сообщил Роджер. – Вы же сами видели.

– Да, много. Вот только откуда они взялись? – Джейми взглянул на него, озадаченно хмурясь. – Индейцы коров не держат, особенно в это время года. Они забивают любого зверя, который попадется, и коптят мясо. А на тридцать миль вокруг ни одной фермы.

– Может, дикое стадо? – предположил Роджер. – Давно сбежали и бродят по лесу.

– Значит, их будет легко поймать, – с сомнением произнес Джейми. Он

нагнулся, отломал маленький кусочек коровьей лепешки, растер его в пальцах и выкинул. – Еще свежее. Они близко. Пошли.

Через полчаса они добрались до реки, которую видели издалека. Она оказалась широкой и мелкой. Прибрежные ивы полоскали в воде голые ветви. Ничто не шевелилось, лишь солнечные зайчики играли на волнах, но было ясно, что коровы совсем рядом – влажную почву на берегу усеивали отпечатки копыт.

– Почему я не взял веревку, – ворчал Джейми, пока они шли вдоль обломанного кустарника. – Мясо это хорошо, но молоко и сыр... – Его ворчание заглохло, когда протоптанная коровами тропинка свернула в лес.

Не сговариваясь, двое мужчин разошлись в стороны, стараясь ступать как можно тише. Роджер напряженно прислушивался. Несмотря на неопытность, даже он заметил, что следы свежие. Лес погрузился в осеннюю тишину, лишь где-то вдалеке каркали вороны. Заходящее солнце наполняло воздух золотистой дымкой. Похолодало, и Роджер, зайдя в густую тень, задрожал, несмотря на куртку. Пора искать остальных и разбивать лагерь – скоро стемнеет. Хорошо бы развести костер; а еще лучше, если будет, что на нем приготовить.

Теперь они направлялись в небольшую лощину, где от остывающей земли поднимался осенний туман. Стадо коров просто так не исчезнет, даже в таком тумане, хотя... вдруг это волшебные коровы?

– Роджер. – Джейми произнес его имя очень тихо, но Роджер все время прислушивался, потому сразу определил, что тесть где-то справа. Тот указал головой: – Смотри.

Роджер отодвинул в сторону ветви колючего кустарника и увидел толстый ствол сикомора. Часть коры была содрана, и обнажился небольшой светлый участок.

– Разве коровы трутся о деревья? – Роджер с сомнением посмотрел на ствол, а потом снял клочок темной шерсти, зацепившийся за грубую кору.

– Иногда. – Джейми наклонился и посмотрел на темно-коричневый клоч в руке Роджера. – Будь я проклят, если видел корову с такой шкурой. Думаешь...

Роджер уловил за спиной какой-то шум, обернулся и встретился взглядом с крошечными, налитыми кровью глазами. Он завопил и отпрыгнул. Громыкнуло его ружье, а потом было какое-то движение и глухой удар, и темная волосатая груда отбросила его в сторону, словно опавший лист.

Он сел, хватая ртом воздух, и увидел, как Джейми шарит в куче листвы в поисках ружья.

– Вставай! Господи, это же бизон!

Роджер вскочил, все еще ошеломленный, и побежал за Джейми, сжимая в руках ружье, хотя и не помнил, откуда оно взялось. Рожок с порохом бил по бедру.

Джейми, как олень, скакал сквозь кусты. Тишину теперь нарушали выстрелы, треск и низкий рев.

Он догнал Джейми на вершине. С другой стороны хребта длинный спуск порос высокими елями и побегами гикори.

Они были там – восемь или девять огромных косматых тварей. Стадо мчалось вниз по склону, разделяясь лишь для того, чтобы обогнуть деревья или густой кустарник. Джейми упал на одно колено, прицелился и выстрелил, но промахнулся.

Не было времени остановиться и перезарядить – упустили бы добычу. Река блестела между деревьями внизу справа. Роджер, охваченный азартом, летел по склону, фляга и мешочек с пулями подскакивали, а сердце скакало в груди, словно бешеный бизон. Следом мчался Джейми, выкрикивая указания на гэльском.

Совсем другое восклицание заставило Роджера оглянуться. Джейми остановился, и его лицо помертвело от шока. Прежде чем Роджер успел сказать хоть слово, оцепенение Фрейзера превратилось в ярость. Оскалив зубы, он схватил ружье за дуло и с силой опустил приклад в траву. Раздался жуткий чавкающий звук. Джейми вновь и вновь бил прикладом, напряженные плечи ходили ходуном.

Прервав погоню, Роджер повернулся и подбежал к нему.

– Что, черт возьми?..

Вдруг он заметил в густой траве толстые бурые кольца, покрытые чешуей, и от ужаса по коже побежали мурашки. Голова змеи была расплющена, а ружье забрызгано кровью, но тело все еще извивалось, словно червь.

– Прекратите! Она мертва! Слышите? Прекратите!

Он вцепился в руку Джейми. Тот вырвался и в последний раз изо всех сил опустил приклад. И застыл. Его трясло.

– Господи, что случилось? Она вас укусила?

– Да, я на нее наступил.

По лицу Джейми расплзлась бледность. Он взглянул на извивающееся безголовое тело и содрогнулся.

Роджер усилием воли подавил собственную дрожь и схватил тестя за руку.

– Идите сюда. Присядьте. Давайте посмотрим.

Джейми сделал неуверенный шаг и, рухнув на поваленное дерево, трясущимися пальцами вцепился в чулок на правой ноге. Роджер помог стянуть его и снять ботинок. На икре четко выделялись два красных пятна – следы ядовитых зубов. Даже в золотистом свете заходящего солнца трудно было не заметить, как посинела кожа вокруг укусов.

– Змея ядовитая. Нужно сделать надрез.

У Роджера пересохло во рту, хотя он был странно спокоен и не паниковал. Вытащив нож из-за пояса, он подумал про стерилизацию. Нет, на разведение костра уйдет драгоценное время, а медлить сейчас нельзя.

– Подожди! – Джейми был бледен, но его уже не трясло. Он достал из-за пояса небольшую фляжку и полил виски лезвие, затем капнул немного на пальцы и втер жидкость в рану. После этого повернулся к Роджеру, искривив губы в подобии улыбки. – Клэр всегда так делает, когда собирается кого-то резать. – Он оперся спиной на покрытый мхом ствол, вцепился в него и кивнул. – Давай уже.

Сосредоточенно прикусив губу, Роджер прижал кончик ножа к коже над красными точками. Она оказалась прочной и эластичной, и лезвие лишь оставило вмятину. Джейми нагнулся, накрыл ладонью руку Роджера и надавил на нее, глухо ворча. Нож погрузился в мышцу почти на дюйм, брызнула кровь, и пальцы Джейми разжались.

– Еще раз. Сильно и быстро, ради бога! – Несколько капель пота с его лица упали на руку Роджера и мгновенно остыли.

Он собрался с силами, надавил на нож и сделал два крестообразных надреза – как рекомендуют в буклетах о первой помощи. Кровь потекла обильно. Наверное, это хорошо. Порез должен быть глубокий. Роджер отложил нож и прижал губы к ране.

Паники не было, но он чувствовал, как уходит драгоценное время. Быстро ли распространяется яд? Наверняка счет идет на минуты. Он сосал, ощущая во рту металлический привкус крови, сосал и сплевывал в молчаливом безумии, а желтые листья вокруг покрылись багровыми пятнами. Волосы на ноге Фрейзера царапали губы. Сознание словно раздвоилось. В голове мелькало множество мыслей.

А чертова змея точно мертва?

Она очень ядовитая?

Сбежали ли бизоны?

Брианна его убьет, если он позволит умереть ее отцу. И Клэр тоже.

Правое бедро свело судорогой.

Черт, куда подевались остальные? Пусть бы Фрейзер их позвал... Или уже позвал? Ведь что-то ревет прямо над ухом...

Кто-то потянул его за волосы. Роджер поднял голову, тяжело дыша.

– Хватит уже, – мягко сказал Джейми. – Ты из меня всю кровь высосешь.

Он осторожно пошевелил голой ступней и поморщился. Порезы кровоточили, кожа вокруг них сморщилась и посинела.

Роджер сел на корточки, жадно хватая воздух.

– От меня вреда больше, чем от змеи.

Рот наполнился слюной, Роджер закашлялся и сплюнул. Джейми молча протянул ему флягу с виски и заставил сделать большой глоток.

– Как вы? – Роджер вытер подбородок тыльной стороной ладони, все еще чувствуя во рту привкус железа, и указал головой на укушенную ногу.

– Выживу. – Джейми по-прежнему был бледен, но уголок рта дернулся в улыбке. – Пойди, посмотри, может, остальные где-то рядом.

Однако Роджер никого не увидел – ни бизонов, ни охотников. Внизу расстилалось лишь море голых ветвей, раскачивающихся из стороны в сторону. Поднимался ветер.

Роджер звал, пока не охрип, а потом вернулся туда, где оставил Джейми. Тот уже нашел убежище между двумя валунами под большой бальзамической пихтой и сидел, оперевшись на камень и вытянув ноги. Укушенную икру он перевязал носовым платком.

– Никого не видно. Вы идти сможете?

Роджер обеспокоенно склонился над тестем. Судя по всему, у того поднялась температура – лицо покраснело и выступил обильный пот, хотя к вечеру похолодало.

Джейми покачал головой и указал на ногу.

– Могу... недолго.

Место укуса отекло, и синева расползалась с обеих сторон носового платка, словно свежий синяк.

Роджер ощутил первый укол тревоги. Он сделал все, что мог, однако в следующей строчке в буклетах первой помощи было написано: «Зафиксируйте пораженную конечность и немедленно доставьте пациента в ближайшую больницу». Он сделал разрез и высосал из раны яд, но, очевидно, не весь, и тот сейчас медленно распространялся по организму Джейми Фрейзера. А ближайшая больница сейчас – это Клэр с ее травами, и до них добираться целый день.

Роджер присел на корточки, думая, что же теперь делать. Пораженную конечность он зафиксировал, но какой от этого толк?

– Очень болит? – растерянно спросил он.

– Да.

Бесполезная информация. Джейми откинулся на камень и закрыл глаза. Роджер пристроился рядом, на куче сухой хвои, соображая, что делать дальше.

Быстро стемнело, начало холодать, и тени под деревьями приобрели глубокий синий цвет, хотя было только около четырех. Естественно, сегодня они уже никуда не пойдут – в темноте передвигаться по горам практически невозможно даже со здоровой ногой. Если бы нашлись остальные охотники, то соорудили бы носилки, хотя все равно Джейми лучше оставаться на месте. Вот бы здесь оказалась Клэр... Впрочем, даже она мало чем поможет – разве что утешит Джейми перед смертью.

От этой мысли свело желудок. Роджер отмахнулся от нее и полез в сумку проверить, не завалялось ли чего съестного. Он обнаружил кусок маисовой лепешки, а с водой проблем не было, – где-то неподалеку журчал ручей. Стоило набрать дров, пока совсем не стемнеет.

– Надо костер развести, – вдруг произнес Джейми, озвучив мысли Роджера. Он открыл глаза и уставился на свою кисть, поворачивая ее из стороны в сторону, словно видел впервые. – У меня пальцы покалывает, – озадаченно сказал он. Потом прикоснулся к лицу. – Здесь тоже. И губы онемели. Это нормально, как думаешь?

– Не знаю. Смотри сколько виски вы выпили. – Шутка получилась натянутая, но у Роджера отлегло от сердца, когда он услышал слабый смех.

– Немного. – Джейми прикоснулся к лежавшей рядом фляге. – Решил оставить на потом.

Роджер вздохнул и встал.

– Ладно, оставайтесь здесь. Вам нельзя двигаться. Я за дровами. Может, остальные увидят огонь.

Помощи он не ждал – что они могут сделать? Но, по крайней мере, он будет не один.

– Змею принеси, – крикнул Джейми ему в спину. – Чтобы все по-честному. Теперь мы откусим от нее пару кусочков.

Улыбнувшись, несмотря на тревогу, Роджер кивнул и начал спускаться по склону.

Отламывая сухие ветки от прогнившего ствола, он прикидывал шансы. Фрейзер – крупный мужчина, и здоровье у него отличное. Однако от укусов часто умирают. Он только на прошлой неделе слышал историю о немке из Хай-Пойнта. Женщина наклонилась, чтобы взять полено из кучи дров, и змея, притаившаяся там, вцепилась ей прямо в горло. Бедняга умерла в считанные минуты. Роджер вспомнил эту историю, потянувшись в куст за сухой веткой. Он торопливо отдернул руку, и душа ушла в пятки. Кляня

себя за глупость, он все-таки достал ветку и осторожно потыкал в кучу сухих листьев, прежде чем лезть туда снова.

Время от времени Роджер поднимал голову и смотрел в ту сторону, где остался Джейми, каждый раз ощущая укол тревоги. А вдруг, пока он тут бродит, ему станет хуже?

Потом вспомнил и успокоился. Все в порядке. Джейми не умрет сегодня ни от холода, ни от змеиного яда. Ему суждено погибнуть в пожаре через несколько лет. Будущая трагедия гарантировала, что в настоящем ему ничто не угрожает. Роджер глубоко вдохнул и наконец расслабился. Потом собрал все свое мужество и пошел за змеей.

Она не шевелилась и, судя по всему, была мертва, но Роджер все равно дотронулся до нее с осторожностью. Змея оказалась длинной – фута четыре, не меньше, и такой же толстой, как его рука. Она уже почти окоченела, и Роджер забросил ее на вязанку хвороста, как чешуйчатое полено. Серо-бурый рисунок на шкуре делал ее практически незаметной на фоне древесины. Неудивительно, что немка не разглядела змею в куче дров.

Пока Роджер разводил огонь, Джейми снимал со змеи кожу. Краем глаза наблюдая за тестем, Роджер заметил, как неуклюже двигаются его онемевшие руки. Похоже, ему стало хуже. Однако он все равно упрямо продолжал резать змею и трясущимися пальцами накалывать куски бледного мяса на очищенную от коры ветку.

Потом протянул ее к костру и едва не выронил. Роджер схватился за другой конец и почувствовал, как руки Джейми сотрясает дрожь.

– Как вы? – спросил он, машинально потянувшись, чтобы пощупать лоб.

Джейми оскорбленно отшатнулся.

– Нормально, – ответил он. – Хотя... как-то странно.

В неверном свете трудно было определить, однако он явно чувствовал себя хуже, чем просто «странно».

– Полежите немного, – предложил Роджер, стараясь, чтобы голос звучал естественно. – Поспите, если получится. Как будет готов ужин, я вас разбужу.

Джейми не стал спорить, и это встревожило еще больше. Он устроился на куче опавшей хвои, осторожно подтягивая укушенную ногу. Видно было, что ему очень больно.

Мясо шипело над костром. Мысль о том, что придется есть змею, вызывала отвращение, но желудок все равно заурчал. Черт, да она пахнет, как жареная курятина! Роджер не в первый раз подумал о том, какая тонкая

линия разделяет аппетит и голод. Оставь гурмана на пару дней без еды, и тот будет рад улиткам и змеям. Да он и сам от них не отказывался, когда путешествовал, составляя карту.

Джейми не двигался, и даже в тепле, рядом с костром, его тело время от времени сотрясала дрожь. Глаза были закрыты.

Пока мясо жарилось, совсем стемнело. Роджер принес воды, потом подбросил в костер несколько веток и охапок сухой травы, и пламя поднялось выше его роста. Если остальные охотники неподалеку – точно заметят.

Джейми с трудом поднялся. Он ел без аппетита, но упорно жевал. Каждый глоток стоил ему больших усилий. Что это, подумал Роджер, обычное упрямство? Месть? Или какое-то шотландское суеверие? Неужели он считает, что мясо змей исцеляет от их яда?

– А индейцы знают, что делать, если змея укусила? – вдруг спросил Джейми, подтверждая последнюю догадку.

– Да, – ответил Роджер. – Они смешивают травы и корни с навозом или горячей кукурузной кашей и делают припарку.

– Помогает?

Фрейзер опустил руку, в которой держал кусок мяса, словно у него не осталось сил.

– Я дважды такое наблюдал. Один раз сработало – маленькой девочке уже к вечеру стало лучше, ни боли, ни опухоли. Другой – нет.

Он видел, как из большого дома вынесли завернутое в шкуры тело, но не знал, как умирал тот человек. Неужели сейчас ему придется наблюдать вблизи действие змеиного яда?

Фрейзер хмыкнул:

– А что сделали бы в твоём времени?

– Укол иммунной сыворотки.

– Укол, значит? Клэр мне делала. Совсем не понравилось.

– Помогло?

Джейми только фыркнул в ответ и оторвал зубами еще один маленький кусочек мяса.

Несмотря на беспокойство, Роджер с жадностью умял свою порцию и доел то, с чем не справился Джейми. На черном небе над головой высыпали звезды, подул холодный ветер, остужая лицо и руки.

Он закопал то, что осталось от змеи – еще не хватало, чтобы кровь привлекла какого-нибудь крупного хищника, и сел у огня, прислушиваясь к темноте. Тишину нарушали лишь завывания ветра да шорох ветвей.

Несмотря на холод, Джейми снял охотничью куртку и сидел, прикрыв

глаза и слегка покачиваясь. Роджер опустился на корточки и прикоснулся к его руке. Боже! Да у него жар!

Тесть открыл глаза и слабо улыбнулся. Роджер протянул ему чашу с водой. Джейми кивнул и неуклюже взял ее. Нога ниже колена распухла и увеличилась почти вдвое, кожа покрылась багровыми пятнами.

А может, он ошибся? Он верил, что прошлое изменить нельзя и судьба Фрейзера предрешена: у него впереди еще почти четыре года. Только эта уверенность сейчас не давала сойти с ума от беспокойства.

– А вдруг ты ошибаешься? – Джейми отложил в сторону чашку.

– В чем? – спросил Роджер, пораженный тем, что тесть озвучил его мысли. Неужели он бормотал себе под нос?

– В том, что будущее изменить нельзя. Ты сказал, что нельзя переписать историю. А если ты не прав?

Роджер наклонился и пошевелил в костре палкой.

– Я прав! – твердо сказал он. – Помните, вы с Клэр пытались остановить Чарльза Стюарта и ничего не вышло?

– Это не совсем так. – Джейми откинулся на спину, полуприкрыв веки, чтобы защитить глаза от слепящего пламени костра.

– То есть?

– Да, мы не смогли удержать его, и он поднял восстание. Но от нас почти ничего не зависело – слишком много народа было вовлечено. Вожди кланов, проклятые ирландцы, которые ему льстили, даже Людовик со своим золотом. – Он махнул рукой, отгоняя воспоминания. – Дело не в этом. Пусть мы не смогли остановить его с самого начала, но у нас был шанс изменить финал.

– Вы говорите о Каллодене?

Роджер смотрел на огонь, вспоминая тот день, когда Клэр впервые рассказала им с Брианной о камнях и о Джеймсе Фрейзере. Она говорила, что у них был шанс избежать уничтожения кланов...

Он поднял глаза на тестя.

– Убив Чарльза Стюарта?

– Да. Вот только ни у меня, ни у нее рука не поднялась.

Глаза Джейми были закрыты, но он беспокойно ворочал головой, – похоже, ему становилось хуже.

– Я до сих пор думаю: что нас остановило тогда? Благородство или трусость?

– Или что-то еще, – вдруг сказал Роджер. – Вы не можете знать. Я уверен, если бы Клэр попыталась отравить его, что-нибудь обязательно помешало бы. Еду уронили бы, ее съела собака или кто-то другой... ничего

бы не изменилось.

Фразер медленно открыл глаза.

– Так ты думаешь, всем правит судьба? А у человека нет свободы выбора? – Он вытер рот тыльной стороной ладони. – Когда ты пришел за Брианной, а потом еще раз – за ней и ребенком, ты не сам принимал решение? Тебе суждено было так поступить?

– Я... – Роджер осекся, сжав руки на коленях. Сквозь запах горящего дерева вдруг пробилась вонь трюмов «Глорианы». Потом он расслабился и даже усмехнулся. – Нашли время философствовать.

– А может... – почти неслышно произнес Джейми, – другого времени не будет. Прежде чем Роджер успел возразить, он продолжил: – Если нет свободы выбора, значит, нет ни греха, ни раскаяния, верно?

– Господи, – пробормотал Роджер, зачесывая пятерней волосы со лба. – Начали с Соколиного Глаза, а закончили Святым Августином.

Джейми, погруженный в свои мысли, не обратил на него внимания.

– Мы с Клэр свой выбор сделали: не стали убийцами. Мы не смогли пролить кровь одного человека. Значит ли это, что теперь на нас вся кровь Каллодена?

– Конечно, нет! – Взволнованный Роджер вскочил на ноги и стоял, шевеля палкой в костре. – То, что случилось у Каллодена, – не ваша вина. Кроме вас там были еще Мюррей, Камберленд, вожди кланов... Не может один человек отвечать за все!

– Значит, ты полагаешь, что мы спасены или прокляты с нашего рождения, и ничто не в силах это изменить? Ты же сын священника! – Джейми тихо рассмеялся.

– Да, – ответил Роджер, испытывая одновременно неловкость и непонятную ему самому злость. – Я хотел сказать... нет. Если что-то уже случилось, как можно это изменить?

– Только ты думаешь, что оно уже случилось.

– Я не думаю, я знаю!

– Да, ты пришел из другого времени, и для тебя все это уже в прошлом. Значит, ты не можешь ничего изменить. Но для меня все еще впереди, и я могу.

Роджер потер лицо руками.

– Получается... – начал он. И вдруг осекся. Не такая уж безумная идея. В последнее время ему вообще стало казаться, что весь мир сошел с ума.

– Наверное, – сказал он устало. – Только Бог знает, – а я нет.

– Ладно, скоро мы проверим.

Что-то странное прозвучало в голосе Джейми, и Роджер бросил на

него настороженный взгляд.

– Вы о чем?

– Ты думаешь, что я умру через три года, – спокойно ответил Фрейзер. – Если это случится сегодня ночью, значит, ты ошибаешься. То, что должно произойти, – не произойдет. Выходит, прошлое можно изменить.

– Вы не умрете! – сердито рявкнул Роджер, с вызовом глядя на тестя.

– Приятно слышать, – ответил Фрейзер. – Думаю, пора хлебнуть виски. Открой мне флягу, а то пальцы совсем не слушаются.

Руки Роджера тоже тряслись. Вряд ли в таком состоянии рекомендуется пить спиртное, но сейчас это уже не имело значения.

– Прилягте, – хрипло сказал он, когда Джейми вернул флягу. – Я еще дров принесу.

Ему хотелось побыть одному. Сухих веток пока было достаточно, но он все равно ушел во тьму, стараясь не упускать из виду пылающий костер.

Он много ночей провел в одиночестве, под бескрайним небом, от которого захватывало дух. Продрогший до костей, он ворочался на постели из сухих листьев, чтобы согреться, и никак не мог уснуть, терзаемый муками выбора.

Выбор был очевиден, но дался ему нелегко. С одной стороны – Брианна и все, что с ней связано: любовь и опасности, сомнения и страхи, с другой – уверенность в том, что ты есть и где твое место. Он бросил все ради своей женщины... и ребенка, который тоже мог быть его.

Он сделал выбор. Черт возьми, он сам сделал выбор! Ничто его не заставляло. Чтобы быть с Брианной, ему пришлось измениться, тоже по собственному решению. И он сам решился поцеловать Мораг... Роджер скривил губы, вспомнив, чем обернулся для него этот незначительный жест.

В глубинах памяти тихий голос произнес:

«...не имеет значения, кем ты родился. Важно, что ты совершил и кем стал».

Кто написал эти слова? Монтень? Локк? Один из тех умников эпохи Возрождения, которые любили рассуждать о судьбе и личности? Что бы они сказали о путешествиях во времени? Потом Роджер вспомнил, где прочитал эти слова, и по спине побежали мурашки.

«Это гримуар ведьмы, которую звали Гейлис. Я взяла ее имя, потому что не имеет значения, кем ты родился. Важно, что ты совершил и кем стал».

– Хорошо, бабушка, – дерзко заявил он. – Но ведь и ты ничего не

смогла изменить.

Из лесу внезапно донесся хохот, и волосы у него на затылке встали дыбом. Нет, вопль пантеры...

А ведь у Гейлис получилось. Она не смогла возвести Чарльза Стюарта на трон, но кое-что ей удалось. Если подумать... Она и Клэр родили детей мужчинам из другого времени, и это многое изменило...

Роджер присел на поваленный ствол. Кора оказалась холодной и влажной. Конечно, он ведь и сам появился на свет только потому, что Гейлис Дункан решила взять судьбу в свои руки! Если бы она не родила ребенка Дугалу Маккензи, если бы не ее выбор...

А намерения способны что-нибудь изменить? О чем они вообще спорили с Джеймсом Фрейзером?

Он встал и подошел к костру, вглядываясь в темноту. Фрейзер лежал на своем месте – неподвижная, сгорбленная фигура.

Роджер старался шагать потише, но хвоя захрустела под ногами. Джейми не пошевелился. Его глаза были закрыты, по лицу расплзлись красные пятна, губы и веки опухли.

Роджер опустил на колени и потряс тестя.

– Эй, вы еще живы?

Шутка не удалась – страх слишком явно прозвучал в его голосе.

Фрейзер приоткрыл один глаз.

– Угу, – пробормотал он. – Но не рад этому.

Больше Роджер не уходил. Он вытер лицо Джейми влажной тряпкой, предложил виски – тот отказался, – а потом сидел рядом с неподвижным телом, настороженно прислушиваясь к каждому хриплому вдоху.

Если произойдет худшее, а другие охотники не вернутся, ему придется Фрейзера похоронить. Он не мог ни унести тело, ни оставить его на растерзание хищникам.

Роджер осмотрелся. Казалось, камни, кусты и деревья, окружающие его, не принадлежат этому миру. Их очертания дрожали и изменялись в неровном свете костра, а ветер, проносясь мимо, завывал словно дикий зверь. Может быть, вот там, где торчат острые зубцы переломанного надвое ствола, он сможет выкопать неглубокую могилу, а потом скинуть на нее дерево...

Как принести такую весть Бри и Клэр? Как сказать Фергусу, Марсали, Лиззи и ее отцу, Багам, Линдси и другим семьям из Риджа?.. Они верили и полагались на него. Что им теперь делать?

Фрейзер зашевелился и застонал, но успокоился, когда Роджер положил руку на его плечо.

– Не умирайте, – беззвучно умолял он, и несказанные слова комком стояли в горле. – Не бросайте нас. Не бросайте меня.

Он долго так сидел, не убирая руки с плеча Фрейзера. В голове билась сумасшедшая мысль, что так он сможет удержать его на этой земле. Если досидит так до рассвета – все будет хорошо, если отпустит – Джейми умрет.

Огонь начал угасать, Роджер все оттягивал момент, когда придется встать и подбросить дров.

– Маккензи?

Роджер уловил слабый шепот и склонился к тестю.

– Я здесь! Хотите воды? Или виски?

Он потянулся за чашкой, от волнения расплескав воду. Джейми сделал два глотка, а потом отодвинул ее слабым взмахом руки.

– Не знаю, прав ты или нет, – сказал он тихо и хрипло. – Но если ты ошибся и я умираю, то я должен тебе кое-что рассказать. Чтобы не было слишком поздно.

– Я здесь, – повторил Роджер, не в силах больше произнести ни слова.

Джейми закрыл глаза и, собравшись с силами, с трудом повернулся на бок.

– Боннет. Я должен рассказать тебе, что я затеял.

– Да?

В первый раз Роджер почувствовал что-то, кроме беспокойства за жизнь Фрейзера.

– Есть один парень, Лайон, – Дункан Иннес тебя с ним свяжет. Скупает товар у контрабандистов на Внешних отмелях. Он подходил ко мне на свадьбе. Хочет торговать виски.

План был довольно прост: Джейми собирался сообщить этому Лайону, что решил вести с ним дела, только на встречу он должен привезти Стивена Боннета – доказать, что у него есть человек с соответствующей репутацией, способный обеспечить доставку на побережье.

– Да, уж, – пробормотал Роджер себе под нос. – Репутация у него соответствующая.

Судя по звуку, Джейми пытался рассмеяться.

– Он так просто не согласится, будет торговаться до последнего. Скажи, что у тебя достаточно виски и дело того стоит. Если понадобится – отдай ему бочонок двухлетнего. Когда он увидит, что сможет выручить неплохие деньги, то пойдет на сделку. Место...

Он замолчал, чтобы немного отдышаться, и нахмурился.

– Я хотел встретиться с ним на пристани Уайли, но если ты

возьмешься за дело, то место выбери сам. Возьми с собой братьев Линдси, чтобы прикрывали спину, если согласятся. Если нет – найди еще кого-нибудь. Сам не ходи. И будь готов стрелять первым, если что-то пойдет не так.

Роджер кивнул, судорожно сглотнув. Веки Джейми отекали, однако глаза в узких щелях блестели.

– Близо не подпускай, – предупредил он. – С Боннетом ты не справишься.

– А вы? – невольно вырвалось у Роджера.

– Я-то справлюсь, – тихо ответил Джейми. – Если буду жив.

Он закашлялся и махнул рукой.

– Что касается остальных... Опасайся Синклера. Он полезный человек, знает все, что происходит в округе, но не поворачивайся к нему спиной.

Он нахмурился и добавил:

– Можешь доверять Дункану Иннесу и Фаркарду Кэмпбеллу. И Фергусу. Он всегда поможет. А остальные... Присматривай за Обадаией Хендерсоном, он попырует бросить тебе вызов. Многие попробуют – их не стоит опасаться. А вот Хендерсону шанс давать нельзя.

Медленно, часто останавливаясь, он перечислял жителей Риджа, обитателей Кросс-Крика и долины Кейп-Фир. Их характеры, склонности, секреты и обязательства.

Внимательно слушая тестя, Роджер боролся с паникой и старался удержать все в памяти. Он хотел попросить Джейми остановиться и отдохнуть, уверить его, что все это неважно, в то же время понимая ценность его слов. Надвигается война. Если ответственность за Ридж, за Брианну, Джемми и Клэр ляжет на его плечи, то любые сведения, полученные от Фрейзера, будут на вес золота.

Этого недостаточно, подумал он. Желудок свело от страха, а сердце болезненно сжала скорбь. Ничего не выйдет. Господи, да он промазал, стреляя в зверя размером с дом! А теперь должен занять место Джейми Фрейзера? Человека, который железной рукой управляет своими землями, потом и кровью добывает пищу для семьи и умудряется балансировать на туго натянутой веревке над топким болотом местной политики. Человека, которого называют «Хозяином»? Черт, он не справится!

Вдруг рука Фрейзера дернулась. Роджер накрыл его руку ладонью и почувствовал, как Джейми пытается ее сжать.

– Скажи Брианне, что я горжусь ею, – прошептал Фрейзер. – И отдай мой палаш внуку.

Роджер кивнул, не в силах выговорить ни слова. Потом понял, что Фрейзер его не видит, и охрипшим голосом произнес:

– Да, скажу.

Костер уже почти угас, но рука, сжимавшая его ладонь, пылала. Неожиданный порыв ветра раздул огонь, подняв целый сноп искр.

Роджер ждал, окруженный холодной ночной тьмой и чувствуя, как утекают минуты. Потом наклонился к тестю и прошептал:

– А Клэр? Что сказать ей?

Несколько минут Джейми лежал неподвижно, потом опухшие пальцы сжались, словно пытаясь удержать уходящее время.

– Скажи ей... все, что я говорил – правда.

Глава 91

Дела домашние

– Никогда такого не видела! – Я наклонилась, присматриваясь. – Просто невероятно!

– Ты же всю жизнь людей лечишь, – проворчал Джейми. – Неужели в твоём времени змей нет?

– В центре Бостона? И потом – хирург змеиными укусами не занимается. Правда, однажды меня пригласили на вскрытие смотрителя зоопарка, которого укусила кобра.

Я не стала уточнять, что Джейми сейчас выглядит намного хуже, чем тот труп.

Я очень осторожно прикоснулась к отекавшей лодыжке. Кожа была сухой и горячей. Краснота расползлась по телу от ступней до грудной клетки, словно его сварили в кипятке. Лицо, уши, и шея тоже полыхали, а бледная грудь была усыпана мелкими багровыми точками. Помимо покраснения, кожа начала шелушиться, и полупрозрачные клочья свисали, словно нити испанского мха.

Я внимательно присмотрелась к его бедру. Похоже, причиной красноты является сыпь, такая же, как на груди.

– Тебя будто на медленном огне поджаривали, – сказала я, зачарованно проводя пальцем по сыпи. – Я такой красноты в жизни не видела.

Я не чувствовала выступов или отдельных узелков, хотя могла их рассмотреть. Это не сыпь, а скорее всего точечные кровоизлияния под кожей. Но их так много...

– Саксоночка, да ты на себя посмотри.

Он был слишком слаб, чтобы кивнуть, но скосил глаза на мои пальцы, покрытые огромными сине-желтыми пятнами.

– О, черт!

Я вскочила на ноги, торопливо накрыла его одеялом и выбежала из комнаты. Когда Джейми так драматически появился, я как раз красила одежду. Воды в котле было мало, и если она выкипела, а вещи начала гореть...

На улице в нос сразу ударил резкий запах мочи и индиго. Однако я облегченно вздохнула, когда увидела, как Марсали, покраснев от усилий, деревянной рогаткой вытягивает из котла большой мокрый ком. Я бросилась на помощь и начала хватать мокрые вещи, от которых шел пар, и

развешивать на кустах ежевики.

– Слава богу! – воскликнула я, помахивая обожженными пальцами, чтобы их остудить. – Я боялась, что вся одежда сгорела.

– Нет, но, наверное, будет темноватая. – Марсали вытерла лицо рукой и поправила белокурые пряди, выбившееся из-под косынки.

– Ничего, на солнце выцветет... Ой, котел уберем, пока не сгорел.

Когда мы сняли его с огня, корка индиго на дне уже потемнела и потрескалась, и нас окутала туча зловонного дыма.

– Оставьте, мама Клэр, – сказала Марсали, кашляя. – Я принесу воды, чтобы отмокло. Вам же к папе надо. Я примчалась, как только узнала. Ему совсем плохо?

– Спасибо, милая!

Я была ей очень благодарна. У меня не было времени таскать из ручья воду и отмачивать котел. Я подула на обожженные пальцы. Кожа под пятнами краски была такой же красной, как у Джейми.

– Он поправится, – заверила я Марсали, подавляя собственный страх. – Он ужасно выглядит – я такого за всю жизнь не видела, – но если не будет заражения...

Тут я суеверно скрестила пальцы.

– Конечно, поправится, – кивнула Марсали. – Фергус рассказывал, что они страшно испугались, когда нашли их с Роджером Маком. Думали, папа умер. Но когда пересекли хребет, он начал рассказывать всякие смешные штуки про змей, и они успокоились.

Я не разделяла ее оптимизм, потому что видела, в каком состоянии укушенная нога Джейми, но все равно бодро улыбнулась.

– Да, с ним все будет в порядке. Я собираюсь сделать луковую припарку, чтобы очистить рану. Если хочешь, можешь сходить к нему, пока я лук принесу.

К счастью, его у нас хватало. Я собрала урожай пару недель назад, когда ударили первые морозы, и теперь в кладовой висело несколько дюжин ароматных луковых кос. Я оторвала шесть больших головок, отнесла их в кухню и стала нарезать кольцами. Обожженные пальцы онемели, и я работала медленно, стараясь не порезаться.

– Давайте я, *a leannan*^[21].

Миссис Баг забрала у меня нож и быстро расправилась с луковицами.

– Для припарки? Вот это дело! Хорошая луковая припарка что угодно вылечит!

Она с тревогой хмурилась, поглядывая в сторону кабинета.

– Мама, тебе помочь? – В кухню вошла взволнованная Брианна. –

Папа ужасно выглядит. Он поправится?

– Деда поплывется? – Джем, тоже взволнованный, примчался за ней на кухню, но, кажется, его больше интересовал нож миссис Баг, чем здоровье деда. Малыш придвинул к столу маленькую табуретку, залез и устался на лезвие из-под медной челки.

Я отбросила с лица волосы и вытерла слезящиеся глаза тыльной стороной ладони.

– Поправится. А как Роджер?

– С ним все в порядке.

В голосе Брианны звучала гордость. Джейми сказал, что Роджер спас ему жизнь. Оставалось надеяться, что он и дальше останется в живых.

– Спит, – добавила Бри, и ее губы тронула легкая улыбка.

Я понимающе взглянула на дочь. Если мужчина в постели – ты знаешь, что он в безопасности, по крайней мере, сейчас.

– Джем, не мешай миссис Баг! – Она подхватила сына и оттащила от разделочной доски, хотя он возмущенно лягался. – Тебе чем-то помочь?

Я задумчиво потерла лоб.

– Найдешь мне несколько мушиных личинок? Для ноги Джейми.

Я, нахмурившись, выглянула в окно. Стоял чудесный осенний день.

– Боюсь, все мухи погибли после первых заморозков. Давно ни одной не видела. Посмотри в коровнике, они иногда откладывают яйца в свежие коровьи лепешки.

Брианна поморщилась, но кивнула, поставив Джемми на пол.

– Пошли, парень, поищем бабушке всякую бяку.

– Бяку-бяку-бяку! – Джемми помчался за ней, в восторге от перспективы.

Я высыпала нарезанный лук в чашу из полый тыквы и добавила немного горячей воды из котла. Потом оставила его тушиться и вернулась в кабинет. Крепкий еловый стол в центре комнаты служил мне и диагностическим, и зубоврачебным, и даже обычным обеденным, в зависимости от медицинских потребностей и количества приглашенных на ужин. Сейчас на нем лежал Джейми, едва различимый под ворохом одеял. Марсали стояла рядом и поила его водой из чашки.

– Ты же поправишься?

Она протянула руку, но не решилась прикоснуться к нему.

– Конечно, милая.

В голосе Джейми прозвучала усталость, однако он медленно вытащил руку из-под одеяла и дотронулся до щеки дочери.

– Фергус отлично справился. Ночью собрал всех охотников, а утром

нашел меня с Роджером Маком и привел нас домой. Он хорошо ориентируется в горах.

Марсали все еще склонялась над отцом, но я заметила, что ее губы расплылись в улыбке.

– Я скажу ему, а то он переживает, что упустил зверей. Говорит, одного бы хватило, чтобы весь Ридж зимой прокормить.

Джейми пренебрежительно хмыкнул:

– Ничего, и без них проживем.

Ему трудно было разговаривать, но я не стала прогонять Марсали. Роджер сказал, что Джейми рвало кровью, пока его несли назад. Я не могла дать ему виски или бренди, чтобы уменьшить боль, а настойки опиума у меня не было. Может, присутствие дочери облегчит его страдания.

Я тихо открыла шкаф и достала большой закрытый горшок с пиявками. Холодная глина остудила обожженные руки. Около дюжины малоподвижных черных лент медленно плавали в мутной настойке из корней рогоза. Я выложила три штуки в маленькую чашу с чистой водой и поставила ее греться рядом с жаровней.

– Просыпайтесь, парни, – сказала я. – Пора отрабатывать пропитание.

Копаясь в шкафу, я слушала тихий разговор за спиной о Жермене, малышке Джоанне и дикобразе, который прячется в кустах у хижины Марсали и Фергуса.

Теперь надо приготовить марлю для припарки, закупоренную бутылочку с луковой настойкой, глиняные кувшины с сухим желтокорнем, рудбекией и окопником и пенициллиновый раствор. Взглянув на этикетку, я выругалась про себя. Он был почти месячной давности. Сначала мне пришлось отправиться на медвежью охоту, потом навалилось множество осенних дел, и я совсем забыла приготовить новую партию.

Надеюсь, он все же подействует. Сжав губы, я руками растерла травы и высыпала их в буковую чашу для заварки, а потом тихо помолилась святой Бригитте. Сейчас понадобится любая помощь.

– А еловые лапы, что вы на земле нашли, – они свежие?

Похоже, Джейми больше интересовал дикобраз, чем новый зубик Джоанны.

– Да, зеленые и свежие. Я знаю, что эта мерзкая тварь где-то там, но дерево высокое, и с земли его не разглядеть. Уж тем более не подстрелить.

Стреляла Марсали так себе, однако Фергус одной рукой вообще не мог справиться с ружьем, потому охотиться приходилось ей.

– Кх... кх... – Джейми с усилием прочистил горло, и она торопливо протянула чашку с водой. – Возьми из погреба кусок соленой свинины и

натри какую-нибудь палку. Воткни ее в землю рядом с деревом и пусть Фергус следит. Дикобразы любят соль и жир. Он ее унюхает и спустится, когда ночь наступит. Тогда и стрелять не надо будет. Стукнете его палкой по голове.

Я открыла медицинский саквояж и нахмурилась, рассматривая пилю и скальпели. Потом выбрала один – с искривленным лезвием. Рукоятка холодила пальцы. Сначала надо очистить рану – удалить мертвые ткани, обрывки кожи, кусочки листьев и грязь. Охотники обмазали ногу глиной и обвязали замусоленным носовым платком. Потом я обработаю поверхность пенициллином. Надеюсь, поможет.

– Отлично! – Марсали явно не терпелось взяться за дело. – Я на таких зверей еще не охотилась, но Йен говорит, что они очень жирные и вкусные, а иглами потом шить можно.

Я прикусила губу, рассматривая инструменты. Большую складную пилу для полевых ампутаций, длиной почти восемь дюймов, я не использовала со времен Аламанса и покрылась холодным потом при мысли, что придется прибегнуть к ней снова. При таком состоянии ноги...

– Мясо жирное... – сказал Джейми.

Он резко замолчал и повернулся на бок, тихо застонав, когда передвигал больную ногу.

Я представила себе процесс ампутации: упругое сопротивление кожи и мышц, скрежет кости, треск сухожилий и скользкие, кровоточащие сосуды, извивающиеся в отделяемой ткани, словно... словно змеи.

Я сглотнула. Нет! До такого не дойдет. Конечно нет.

– Тебе сейчас полезно жирное мясо. Ты очень худенькая, *a tuirinn*^[22], – тихо сказал Джейми за моей спиной. – Слишком худенькая. Как же ты ребенка выносишь?

Я обернулась, ругаясь про себя. Три ребенка за четыре года! И однорукий супруг, который не способен выполнять мужскую работу и не будет заниматься женской, вроде присмотра за детьми и пивоварения.

Я услышала сдавленный звук – то ли фыркание, то ли рыдание.

– Откуда вы знаете? Я даже Фергусу еще не говорила.

– Пора бы. Хотя, думаю, он и так догадывается.

– Он вам сказал?

– Нет, но его не только несварение беспокоило, пока мы охотились. Теперь-то я понимаю...

Я так прикусила язык, что почувствовала вкус крови. Неужели масло пижмы и уксусная настойка, которые я ей дала, не сработали? Или семена дикой моркови? Хотя подозреваю, что она просто забывала их принимать.

Однако поздно спрашивать и упрекать. Марсали посмотрела на меня, и я ответила ободряющим – как я надеялась – взглядом.

– Ничего. – Она слабо улыбнулась. – Мы справимся.

Пиявки проснулись, стали двигаться, словно ожившие резиновые ленты. Я откинула одеяло и приложила их к отеку вокруг раны.

– Выглядит хуже, чем на самом деле, – поспешила я успокоить Марсали, которая судорожно вдохнула при виде этой картины. Однако все было довольно серьезно. Разрезы покрылись черной коркой по краям, но все еще не затягивались, и из них начал сочиться гной. Кожа вокруг потемнела и пошла зловещими красными полосками.

Я не знала, какая змея его укусила; впрочем, противоядия у меня все равно не было. Однако она впрыснула в рану мощный гемолитический токсин. Во всем теле полопались и кровоточили мелкие сосуды. Ступня и лодыжка на укушенной ноге были горячими и розовыми, даже красными. Неплохой знак, значит внутренне кровообращение не нарушено, но теперь предстояло восстановить его в районе раны, чтобы избежать отмирания тканей. Красные полосы беспокоили меня больше всего – они могли быть признаком заражения крови.

Роджер почти ничего не рассказал о ночи в горах, да и не требовалось. Я видела людей, проводших ночь рядом со смертью. Джейми прожил сутки после укуса, значит, у него хорошие шансы выздороветь, если я смогу справиться с инфекцией. Вот только какой ценой?

Я раньше никогда не сталкивалась со змеиными укусами, хотя видела иллюстрации в книгах. Отравленные ткани отомрут и сгниют, Джейми потеряет большую часть мышц на ноге и будет прихрамывать до конца жизни. Однако если заражение пойдет дальше...

Я украдкой взглянула на него из-под опущенных ресниц. Невозможно и думать о том, что придется его искалечить... но если понадобится, я буду готова... От этой мысли желудок свела судорога и на испятнанных краской ладонях выступил пот.

А что бы он предпочел?

Я потянулась за чашкой, стоящей у изголовья, и осушила ее. Даже спрашивать не буду. Он принадлежит мне, и я свой выбор сделала. Я не отпущу его, какой бы ни была цена.

– Ты и правда в порядке, папа? – Испуганный взгляд Марсали метался между нами. Я постаралась взять себя в руки.

Джейми тоже смотрел на меня. Уголок его рта дернулся в улыбке.

– Я-то думал, что в порядке. Теперь не уверен.

– Что случилось? Тебе хуже? – испуганно спросила я.

– Нет, все хорошо, – соврал он, не моргнув глазом. – Вот только когда меня ранят, но несильно, ты обычно верещишь как сорока, а если дела плохи – ты тиха, как мышка. Ты ни разу не обругала меня с тех пор, как я дома. Плохого слова не сказала. Саксоночка, я что, умираю?

Джейми иронично поднял бровь, однако в глубине его глаз сидела тревога. В Шотландии ядовитые змеи не водились, и он не представлял, что с ним может произойти.

Я набрала в грудь воздуха и легонько положила руки ему на плечи.

– Чертов бездельник! Как ты мог наступить на змею? Под ноги не смотришь?

– Времени не было – мы за горой мяса гнались, – улыбнулся он.

Я почувствовала, как расслабились мышцы под моей ладонью, и подавила желание улыбнуться в ответ.

– Ты меня чертовски напугал! – Это было сказано искренне.

Он вновь приподнял бровь.

– Думаешь, я сам не испугался?

– Тебе нельзя! – твердо сказала я. – Помнишь, мы боимся по очереди? Сейчас мой черед!

Джейми рассмеялся; смех перешел в кашель, и тело сотрясла дрожь.

– Принеси горячий камень, чтобы ноги согреть, – попросила я Марсали, торопливо укутывая Джейми в одеяла. – И еще чайник с кипятком.

Она поспешила в кухню, а я бросила взгляд в сторону окна, надеясь, что Брианне все-таки удалось найти несколько личинок. Они отлично помогают при лечении гнойных ран и к тому же не повреждают здоровую плоть вокруг. Если я хочу спасти его ногу и его жизнь, то не стоит полагаться только на помощь святой Бригитты.

Интересно, а есть ли у мушиных личинок свой святой покровитель?.. Я осторожно отодвинула край одеяла, чтобы взглянуть, как там другие маленькие помощники. Отлично! Пиявки уже округлились, быстро всасывая кровь, вылившуюся из лопнувших капилляров. Это снизит давление и восстановит нормальную циркуляцию до того, как начнут отмирать кожа и мускулы.

Джейми вцепился в край стола; древесина передавала его дрожь.

Я взяла его лицо в ладони, обжигаясь пылающей кожей.

– Ты не умрешь. Не умрешь! Я тебе не позволю!

– Все мне так говорят, – пробормотал он, прикрыв ввалившиеся от истощения глаза. – Может, у меня есть свое мнение.

– Нет, – ответила я. – Нету. Вот, выпей.

Я протянула ему чашку с пенициллиновым раствором. Он поморщился, не открывая глаз, но выпил.

Марсали принесла чайник с кипятком. Я залила травы и поставила их настаиваться, а потом дала Джейми холодной воды, чтобы запить пенициллин.

Он проглотил ее с закрытыми глазами и откинулся на подушку.

– Что это? Железом отдает.

– Вода, – ответила я. – У тебя десны кровоточат, поэтому такой привкус.

Я отдала чашку Марсали и попросила налить еще.

– Только добавь немного меда. Одна часть меда на четыре части воды.

– Ему сейчас говяжий бульон нужен. – Она остановилась, чтобы взглянуть на отца, тревожно нахмутив лоб. – Мама всегда так делала, и ее мама тоже. Если человек потерял много крови – нет ничего лучше говяжьего бульона.

Наверное, Марсали сильно разволновалась, потому что обычно, из чувства такта, не упоминала при мне свою мать. Хотя в этом случае чертова Лири была права – говяжий бульон отлично помогает. Если есть свежая говядина. Только где ее здесь взять?

– Вода с медом, – повторила я, выпроваживая Марсали из комнаты. Потом пошла за новой порцией пива, на секунду задержавшись у окна, чтобы взглянуть, как дела у Брианны.

Она босиком бродила по загону, подоткнув юбку, и одной ногой шевелила лошадиный помет. Похоже, без особого успеха. Заметив меня, Бри покачала головой, потом указала на стоящий рядом топор и махнула в сторону леса. Я согласно кивнула в ответ. Хорошая идея – поискать в гнилых пнях.

Джейми был привязан помочами к изгороди загона. Стоять на ногах он давно научился, но нужно было как-то удержать его на месте, пока мама занята. Малыш времени даром не терял – обрывал остатки тыквенных стеблей, увивающих забор, и вопил от радости, когда сухие листья и куски побитых морозом тыкв сыпались на его пламенеющие волосы. В то же время он целеустремленно пытался запихнуть в рот тыкву размером с голову.

Краем глаза я заметила какое-то движение – Марсали принесла воды из источника и вылила в покрытый засохшей коркой котел. Никто бы не сказал, что она беременна. Джейми прав – она слишком худенькая. Однако теперь я видела, что она очень бледная и под глазами залегли темные круги.

Черт! Еще какое-то движение. Бледные ноги Брианны мелькнули в

тени высокой голубой ели. Вот только ей не хватало забыть про масло пизмы! Она все еще кормила Джемми грудью, но нет никакой гарантии...

Я обернулась, привлеченная странным звуком за спиной. Джейми медленно взбирался на стол, словно огромный пурпурный ленивец, держа в руках пилу для ампутаций.

– Ты что вытворяешь?!

Он опустился на подушку, кривясь от боли и тяжело дыша, и прижал пилу к груди.

– Повторяю, – грозно сказала я, нависнув над ним и уперев руки в бока, – ты что...

Джейми открыл глаза и немного приподнял пилу.

– Нет! – твердо сказал он. – Саксоночка, я знаю, о чем ты думаешь, и я этого не позволю!

Я глубоко вдохнула.

– Ты же знаешь, что я пойду на это, только если не будет другого выхода.

– Нет! – повторил он снова, бросив на меня хорошо знакомый упрямый взгляд. Неудивительно, что он никогда не сомневался, на кого похож Джемми.

– Мы не знаем, что может случиться...

– Саксоночка, – перебил он, задышав, – мне все равно.

– Зато мне нет!

– Я не намерен умирать, – решительно заявил он. – Но я не смогу жить с одной ногой. Эта мысль приводит меня в ужас.

– Думаешь, мне не страшно? А если придется выбирать между ногой и жизнью?

– Не придется!

– Черт, а если так случится?

– Не случится!

С возрастом он не изменился. Два года или пятьдесят – Фрейзер всегда останется Фрейзером.

– Ладно, – выдавила я сквозь стиснутые зубы. – Отдай мне эту чертову штуку, и я ее уберу.

– Поклянись!

– Что?

– Поклянись. Не хочу, чтобы ты отрезала мне ногу, пока я без сознания.

– Тогда у меня не будет выбора.

– У тебя нет, – невозмутимо заявил он. – А у меня да. И я свой выбор

сделал. Поклянись, саксоночка.

– Ах ты, ужасный, невыносимый...

На багровом лице вспыхнула белозубая улыбка.

– Если еще назовешь меня «шотландцем», то я буду знать, что точно выживу.

Я не успела ответить, потому что со двора донесся жуткий вопль. Я обернулась к окну и увидела, как Марсали выронила два ведра воды. Вода вылилась на юбку и туфли, но она не обратила внимания. Я взглянула в ту же сторону, что и она, и замерла.

Огромный косматый зверь прошел сквозь изгородь, ломая жерди, словно спички, и остановился в центре грядки, в каких-то десяти футах от Джемми. Малыш уставился на него круглыми глазами, открыв рот, совсем забыв про обгрызенную тыкву.

Марсали опять закричала, и Джемми, испугавшись, начал звать маму.

Дальше все происходило словно в замедленной съемке. Я отбираю у Джейми пилу, иду к двери и выхожу во двор, думая о том, что в зоопарке бизоны почему-то выглядят намного меньше. Не помню, как я преодолела ступени – наверное, перепрыгнула.

Из леса выбегает Брианна и мчится молча, со спокойным и решительным лицом, держа в руках топор. Я не успеваю сказать ни слова, а она уже рядом со зверем.

На бегу она поднимает топор, замахивается и опускает со всей силы на загривок животного. Зверь ревет и пригибает голову, словно готовясь броситься вперед.

Брианна уворачивается и бежит к Джемми, дергает помочи, пытаясь отвязать их от забора. Краем глаза я замечая Марсали. Выкрикивая гэльские молитвы и проклятия, она хватает с куста свежеекрашенное белье.

У меня в руках пила. Двумя ударами я перерезаю помочи и бегу к зверю. Марсали набрасывает ему на голову белье, и он стоит, ослепленный, качаясь и дергая головой. На темно-синем фоне кровь кажется черной.

Он такой высокий, почти мне до плеча, и странно пахнет – пыльный и теплый запах, тухлый, но странно знакомый. Так пахнут коровы. Бизон делает один шаг, еще один, и я вцепляюсь в шерсть, стараясь его удержать. Я чувствую, как зверя трясет, и ощущаю его судороги, словно толчки землетрясения.

Я никогда такого не делала, но сейчас действую, словно в тысячный раз. Слово во сне, но уверенно, протягиваю руку под слюнявые губы, и теплое дыхание касается моего рукава. Под челюстью бьется сильный пульс, и я мысленным взором вижу большое мощное сердце, качающее

горячую кровь. Я провожу пилой по горлу и чувствую упругое сопротивление кожи и мышц, слышу скрежет кости и треск сухожилий.

Зверь содрогается и падает на землю с глухим стуком.

Когда я пришла в себя, то обнаружила, что сижу в центре двора, все еще вцепившись рукой в густую шерсть. Нога, попавшая под голову бизона, затекла, а теплая вонючая юбка, пропитанная кровью, облепила бедра.

Я услышала чей-то голос и подняла голову. Полностью обнаженный Джейми на четвереньках стоял на крыльце и смотрел на меня с отвисшей челюстью. Марсали сидела на земле, вытянув перед собой ноги, беззвучно открывая и закрывая рот.

Брианна стояла рядом со мной, держа на руках Джемми. Забыв про страх, малыш разглядывал бизона.

– Ооо! – заявил он.

– Да! – ответила я. – Отлично сказано!

– Мама, как ты? – спросила Брианна, похоже, уже не в первый раз. Она аккуратно гладила меня по голове.

– Не знаю. Вроде нормально.

Я с трудом высвободила ногу, и Брианна помогла мне встать. Дрожь понемногу стихала. Бри глубоко вдохнула, глядя на поверженное тело. Даже лежа, зверь достигал ее талии. Марсали подошла и встала рядом с нами, восхищенно покачивая головой.

– Матерь Божья, как мы его разделаем? – спросил она.

– Ну. – Я провела трясущейся рукой по волосам. – Думаю, справимся.

Глава 92

Друзья всегда придут на помощь

Я прижалась лбом к холодному оконному стеклу, глядя на то, что творится во дворе. Чрезмерная усталость придавала сцене некий налет сюрреализма.

Солнце садилось, полыхая золотом сквозь последние узорчатые листья каштанов. В угасающем свете ели казались почти черными, так же как и виселица с жуткими останками в центре двора. Рядом с кустами ежевики пылал костер, и вокруг него двигались черные тени, то исчезая, то появляясь на фоне пламени. Одни рубили топорами и ножами подвешенную тушу, другие оттаскивали прочь куски мяса и ведра с жиром. Возле огня кружили женщины в широких юбках, сгибаясь и разгибаясь, словно танцуя молчаливый танец.

В темноте среди орды демонов, кромсающих бизона, я рассмотрела высокую бледнолицую фигуру Брианны, управлявшей этим действием. Прежде чем я силой вернула Джейми на место, он прикинул, что вес бизона где-то под тонну. Брианна кивнула, передала сына Лиззи и обошла тушу по кругу, задумчиво склонив голову.

– Правильно, – согласилась она, и когда на дворе собрались полуодетые и небритые мужчины с выпученными от волнения глазами, стала отдавать четкие указания. Нужно было нарубить бревен и соорудить деревянную раму с блоком, способную поднять и удержать тонну мяса.

Мужчины, недовольные тем, что зверя завалили без их участия, сначала не обратили на нее внимания. Однако Брианна была сильной, энергичной, языкатой и чрезвычайно упрямой.

– Чей это удар? – спросила она Джорди Чишолма и его сыновей, подступивших к туше с ножами в руках, и указала на глубокую рану на шее зверя. Потом многозначительно сунула им под нос рукав, испачканный кровью. – А это чей? – Длинной босой ногой она изящно ткнула в сторону перерезанного горла. Вытекшая кровь пропитала землю во дворе. Мои чулки лежали на краю застывающей лужи, там, где я их сбросила, – они превратились в лохмотья и пропитались кровью, но опознать в них вещь, принадлежащую женщине, труда не составило.

Я заметила, что некоторые мужчины бросали хмурые взгляды в сторону дома, осознав, что Брианна все-таки дочка Хозяина. Забывать об этом не стоило.

Окончательно чашу весов в ее сторону склонил Роджер. Он окинул толпу холодным взглядом, а братья Линдси, сжимая топоры, встали у него за спиной.

– Это ее добыча! Делайте, как она велит.

Он расправил плечи, а его взгляд ясно намекал, что возражать не стоит.

Взглянув на него, Фергус пожал плечами и, схватившись единственной рукой за длинный и тонкий хвост, вежливо спросил:

– Где нам его подвесить, мадам?

Мужчины рассмеялись, смущенно посмотрели друг на друга, пожали плечами и неохотно приступили к работе под руководством Брианны.

Едва стемнело, а тушу уже почти разделали и распределили между семьями Риджа. Брианна знала, сколько ртов в каждой хижине, потому сразу делила на всех мясо и потроха. Даже Джейми не справился бы лучше, подумала я, чувствуя прилив гордости.

Я хотела, чтобы его перенесли наверх, в спальню, однако он предпочел остаться здесь и прислушиваться к тому, что происходило во дворе.

– Тушу почти разделали. – Я подошла и положила руку на его пылающий лоб. – Брианна отлично справилась, – добавила я, чтобы отвлечь нас обоих.

– Правда? – Он в оцепенении смотрел туда, где в горячем воздухе над очагом танцевали тени. Однако когда я заговорила, сразу вернулся в наш мир и ясными глазами взглянул на меня из-под опухших век. – Молодец!

Шкуру растянули на колышках для просушки, огромную печень нарезали, чтобы сразу поджарить, кишки замочили и оставили отмокать, бока отправили в копильню, ломтики мяса завялят, а из жира приготовят мыло. Кости пойдут на бульон, а позже из них сделают пуговицы.

Мердо Линдси скромно принес копыта и рога и оставил на моем столе. Заслуженные трофеи за убийство быка. В моем времени матадорам достаются уши и хвост. Еще я получила желчный пузырь, который никому не был нужен, но все дружно решили, что я смогу найти медицинское применение чему угодно. Зеленоватая, слизкая штука размером с кулак лежала на блюде и выглядела весьма зловеще на фоне грязных отрубленных копыт.

Все обитатели Риджа собрались, когда услышали новость, пришел даже Ронни Синклер из бондарни у подножия горы. От быка почти ничего не осталось, разве что ободраный скелет. Я почувствовала слабый запах жареного мяса, горящего гикори и кофе и пошире распахнула окно, чтобы в комнату проникли аппетитные ароматы.

Порыв холодного воздуха донес смех и треск поленьев. В кабинете

было жарко, и легкий ветерок остудил горящие щеки.

– Джейми, ты кушать хочешь? – спросила я. Сама я умирала от голода, но поняла это только сейчас, когда почувствовала запах еды.

– Нет, – сонно ответил он. – Ничего не хочется.

– Съешь хоть немного супа, прежде чем уснешь.

Я откинула волосы с его лица и нахмурилась. Лихорадочный румянец немного спал, или мне просто так показалось в неясном свете очага и свечи. Джейми выпил достаточно воды с медом и травяного чая, и глаза уже не западали от обезвоживания, но острые скулы и подбородок все еще резко выступали на его лице. Он не ел почти двое суток, а лихорадка, пожирающая тело, требовала много энергии.

– Мадам, вам нужен кипяток? – В дверях появилась Лиззи, еще более растрепанная, чем обычно. Она где-то потеряла платок, и чудесные белокурые волосы выбились из пучка. На руках она держала Джемми, который сжимал в кулаке ее светлые пряди, и каждый раз морщилась, когда малыш раздраженно их дергал.

– Мама... мама... мама, – хныкал он, постепенно повышая голос, и было ясно, что он уже давно повторяет это слово. – Мама... мама... МАМА!

– Нет, спасибо, Лиззи, у меня воды достаточно. А ну-ка прекратите, молодой человек! – Я взяла Джемми за руку и решительно разжала пухлые пальчики. – Нельзя дергать за волосы!

Из груди одеял раздался короткий смешок.

– Саксоночка, да ты на себя посмотри.

– А?

Я обернулась и взглянула на него, а потом провела рукой по волосам. Естественно, мой чепец тоже куда-то запропастился, и волосы как пакля торчали во все стороны. Услышав слово «волосы» Джемми отпустил русые пряди Лиззи и вцепился в мои.

– Мама... мама... мама... мама...

– Фу! – сердито сказала я, отдирая его пальцы. – А ну отпусти! Кстати, почему ты еще не спишь?

– МАМА... МАМА... МАМА...

– Он к маме хочет, – зачем-то объяснила Лиззи. – Я его уже раз десять в колыбельку укладывала, а он вылезает, как только я отвернусь. Не удержать...

По комнате пронесся порыв сквозняка, раздув тлеющие в золе угольки, а потом по коридору прошлепали босые ноги.

Я, конечно, слышала выражение «кровавая баня», но не часто такое

видела – разве что на поле боя. Брианна с головы до пят была покрыта засохшей кровью, словно в ней искупалась. Джемми испуганно уставился на мать, и кончики его губ поползли вниз.

– Это я, малыш.

Она протянула руку, однако Джемми уткнулся в плечо Лиззи, отказываясь признавать, что этот адский кошмар и есть его мама, которую он звал всего минуту назад.

Брианна не обратила внимания на его реакцию, как и на то, что босые ноги оставляли на полу кровавые следы пополам с грязью.

– Посмотри. – Она протянула мне зажатый кулак. Кровь на руках уже высохла и потрескалась, под ногтями обозначились черные полумесяцы. Бри осторожно разжала пальцы и показала мне свое сокровище: пригоршню крошечных, извивающихся червячков. Мое сердце взволнованно забилося. – Подойдут?

– Давай проверим.

На конторке стоял мой микроскоп. Я осторожно подцепила червячка кончиками ногтей и положила на стеклянную пластинку, где несчастный принялся отчаянно дергаться. Потом кивнула Бри, чтобы она принесла еще одну свечу.

– Только рот и кишки, – бормотала я себе под нос, поворачивая зеркало, чтобы поймать свет. Для работы с микроскопом было слишком темно, но чтобы определить, какие это личинки – вполне достаточно. – Прожорливые маленькие негодники...

Задержав дыхание, я напряженно вглядывалась в окуляр. У личинок обычной падальной мухи на тельце всего одна линия, а у мясной мухи – две. Разница практически незаметна, но очень важна. Личинки падальной мухи питаются только гнилым мясом, а личинки мясной вгрызаются в живую плоть, поедая мышечные ткани и кровь своего носителя. Не стоит их сажать на открытую рану.

Я прикрыла один глаз, позволяя другому адаптироваться к теням в окуляре. Темное цилиндрическое тельце судорожно извивалось. Одну линию я рассмотрела, но если там их две? Я вглядывалась, пока глаз не начал слезиться, однако больше ничего не увидела. Я выдохнула и наконец расслабилась.

– Поздравляю, папа! – сказала Брианна, подойдя к отцу. Джейми открыл один глаз и без особого энтузиазма взглянул на дочь. Юбку она подоткнула до колен, когда разделывала быка, и была с ног до головы покрыта пятнами темной крови.

– Да? А с чем? – спросил он.

– У тебя получилось! – Она разжала пальцы другой руки, показав отцу деформированный металлический шарик – сплюснутую пулю. – Я нашла ее в ране в задней части туши. Личинки оказались под ней.

Я засмеялась.

– Джейми, ты ему в задницу попал?

Его рот слегка скривился.

– Я вообще не стрелял. Мы их только гнали к Фергусу.

Он медленно поднял руку, взял шарик и покрутил его в пальцах.

– Оставь себе на удачу, – беззаботно сказала Брианна, но я заметила морщинку между покрытых кровью бровей. – Будешь держать в зубах, когда мама твоей ногой займется.

– Слишком поздно. – Джейми слабо улыбнулся.

Тут она заметила на столе рядом с его головой тонкий кожаный ремешок с отпечатками зубов и с ужасом взглянула на меня. Я пожалала одним плечом. Почти час я чистила рану, и нам обоим это далось нелегко.

Бри нежно прикоснулась к щеке отца, а он повернул голову и поцеловал покрытые засохшей кровью пальцы.

– Не волнуйся, милая, – сказал Джейми. – Я в порядке.

Я открыла рот, чтобы возразить, но заметила взгляд Брианны и прикусила язык. Она сегодня много работала, а еще надо было позаботиться о Джемми и Роджере, и ей пока не стоило волноваться о Джейми.

Я бросила личинок в чашу с чистой водой, потрясла ее и выложила их на блюде с влажными листьями.

– Это не больно, – сказала я Джейми, стараясь приободрить не столько его, сколько себя.

– Ага, – хмыкнул он. – Где-то я такое уже слышал.

– Вообще-то она права, – донесся тихий хриплый голос из-за спины.

Роджер успел вымыться и переодеться в чистое. Влажные темные волосы падали на плечи. Джемми уткнулся ему в плечо и сонно сосал палец.

Роджер подошел к столу и взглянул на тестя.

– Как вы?

Джейми поудобнее устроил голову на подушке.

– Выживу.

– Отлично.

К моему удивлению, Роджер подбадривающее сжал плечо Джейми. Он никогда раньше такого не делал; интересно, что же произошло между ними там, в горах.

– Марсали сейчас говяжьего, вернее, бизоньего бульона принесет, – сказал Роджер, взглянул на меня и нахмурился. – Вам тоже не помешает.

– Отличная идея! – ответила я, закрыв глаза, и глубоко вздохнула.

Только когда я села, то поняла, что с утра была на ногах. Болело все тело, каждая косточка, особенно берцовая кость, которую я сломала несколько лет назад.

– Время и личинки никого не ждут, – сказала я, с усилием вставая. – Пора ими заняться.

Джейми фыркнул и вытянулся, неохотно готовясь к процедуре. Он покорно смотрел, как я несу блюдце с личинками и хирургические щипцы, а потом потянулся за кожаным ремешком.

– Не понадобится. – Роджер придвинул поближе второй табурет и уселся. – Она правду сказала, маленькие монстры не кусаются.

Джейми снова фыркнул, а Роджер ухмыльнулся в ответ.

– Зато они жутко щекочут. Но, если не обращать внимания, ничего страшного.

Джейми пристально взглянул на него.

– Умеешь ты утешать, Макензи.

– Спасибо, – ответил Роджер с ухмылкой. – Я вам кое-что принес.

Он наклонился и уложил сонного Джемми на грудь деду. Малыш удивленно пискнул, однако расслабился, когда Джейми машинально обнял его. Одна пухлая ручка потянулась, ища опору, и нашла ее.

– Горячо, – пробормотал малыш, блаженно улыбаясь. Он вцепился в рыжую шевелюру деда и уснул на пылающей от лихорадки груди.

Джейми прищурился, наблюдая, как я беру щипцы. Затем легонько пожал плечами, прижался щетинистой щекой к шелковым волосам Джемми и закрыл глаза.

На самом деле все было очень легко. Я сняла свежую луковую припарку и одну за другой поместила личинки в воспаленные разрезы на лодыжке Джейми. Роджер наблюдал за мной из-за плеча.

– Уже почти похоже на ногу, – удивленно заявил он. – Я и представить такого не мог.

Я улыбнулась, не поворачиваясь, чтобы не отвлекаться.

– Пиявки хорошо поработали. Да и твои грубые разрезы помогли. Дыры оказались достаточно большими, чтобы гной вытек.

Хотя нога еще была горячей и бледной, отек почти спал. Я могла рассмотреть очертания берцовой кости и изящный свод стопы. Естественно, я понимала, что существует опасность инфекции, гангрены и отторжения некротических масс, но на сердце стало легче.

Я осторожно подцепила щипцами еще одну личинку, стараясь не раздавить ее. Потом приподняла край кожи одной рукой, а другой аккуратно поместила крошечное извивающееся существо в получившийся карман, стараясь не думать об отвратительной рыхлой плоти под моими пальцами и отмахиваясь от воспоминаний о ноге Аарона Бердсли.

– Готово, – сказала я через минуту, возвращая на место луковую припарку. Тушеные лук и чеснок, завернутые в муслин и пропитанные пенициллиновой настойкой, позволят сохранить рану влажной и дадут возможность вытечь гною. Я меняла их каждый час и надеялась, что тепло также поспособствует восстановлению кровообращения в ноге. А повязка с медом не позволит новой инфекции проникнуть в рану.

Пока я работала, мои руки не дрожали. Теперь, когда все возможное было сделано и оставалось только ждать, блюдце с влажными листьями задребезжало, когда я ставила его на стол.

Я в жизни так не уставала.

Глава 93

Выбор

Роджер и мистер Баг перенесли Джейми в нашу спальню.

– Саксоночка, я не хочу, чтобы ты спала на полу, – заявил он. – Ты должна быть в своей кровати, а раз так, то и я с тобой.

Спорить я не стала, потому что с ног валилась от усталости. Предложи он переночевать в хлеву – согласилась бы не раздумывая.

Как только он устроился на кровати, я вновь разволновалась:

– А вдруг я задену ногу? Может, лучше положить матрас возле очага и...

– Даже и не думай, – категорически возразил Джейми. – Ты будешь спать рядом со мной.

Он улегся и закрыл глаза, а его медно-рыжие волосы разметались по подушке. Краснота уже начала спадать, и кожа немного побледнела, но крошечные кровоизлияния пока не хотели рассасываться.

– Ты будешь даже на смертном одре спорить, – сердито проворчала я. – Лежи спокойно и позволь другим принимать решения. Что случится, если...

Он посмотрел на меня темно-синими глазами.

– Саксоночка, – сказал он едва слышно.

– Что?

– Можешь прикоснуться ко мне... не причиняя боли? Хотя бы разик, прежде чем я усну. Пожалуйста.

Я осеклась. А ведь он прав. Переживая за него, я причинила ему много боли и неудобств. Марсали, Брианна, Роджер, Джемми прикасались к нему ласково, предлагая свое сочувствие и утешение. А я... от страха перед тем, что мне придется сделать, я совсем забыла о нежности. Я отвела взгляд и заморгала, прогоняя навернувшиеся слезы. Потом встала, подошла к кровати, нагнулась и поцеловала его.

Я убрала ему волосы со лба и пригладила брови большим пальцем. Арч Баг побрил Джейми, и я почувствовала гладкость щек, когда прикоснулась к ним ладонью. Они еще горели. Скулы резко выступали под кожей. Сейчас он казался таким хрупким. Как и я себе.

– Саксоночка, я хочу, чтобы ты спала рядом со мной.

– Хорошо, – улыбнулась я. Губы почти не дрожали. – Дай только причесаться.

Я сидела в одной рубашке и расчесывала волосы. Джейми молча с легкой улыбкой наблюдал за мной. Он любил смотреть, как я причесываюсь. Надеюсь, его это успокаивало так же, как и меня.

Снизу доносились приглушенные звуки. Ставни были распахнуты, и отблески умирающего костра отражались в стеклянных окнах. Я уж было собралась их закрыть, однако Джейми меня остановил.

– Оставь так, – пробормотал он. – Я хочу послушать разговоры.

Звуки голосов успокаивали. Беседа то стихала, то вновь оживлялась, и иногда до нас доносились взрывы смеха.

Расческа тихо скользила по волосам, со звуком, напоминающим шорох прибоя, и я чувствовала, как уходят тревоги сегодняшнего дня, словно вычесывала их вместе с кусочками тыквенной лозы. Когда я закончила, Джейми уже закрыл глаза.

Я загасила огонь в очаге, задула свечу и легла в кровать.

Я устраивалась очень осторожно, чтобы не толкнуть Джейми. Он лежал, повернувшись ко мне спиной, и я легла рядом в такой же позе, стараясь не касаться его.

Я лежала очень тихо и слушала. Дом был полон обычными ночными звуками – потрескивал огонь в очаге, завывал ветер в дымоходе, и время от времени поскрипывали ступеньки, словно по ним ступала чья-то неосторожная нога. До меня донесся аденоидный храп мистера Уэмисса, но толстая дверь приглушила его, превратив в успокаивающее жужжание.

Даже в поздний час снаружи еще раздавался тихий, несвязный после выпитого разговор. В нем не ощущалось ни враждебности, ни агрессии. Хотя какое мне дело! Да пусть жители Риджа душу друг из друга повышибают и станцуют на останках! Сегодня меня ничего не волновало, кроме Джейми.

Его дыхание было поверхностным, но стабильным, плечи расслабились. Джейми нужно было отдохнуть, и я боялась разбудить его, но мне отчаянно хотелось к нему прикоснуться. Убедиться, что он жив и здесь, рядом со мной. И еще – узнать, как он себя чувствует.

А вдруг у него температура? Заражение могло начаться, несмотря на пенициллин, и кровь разнесет яд по организму.

Я осторожно приблизила голову к его спине и глубоко вдохнула. Я чувствовала его тепло, но сквозь льняную сорочку не могла определить, высокая ли температура.

Джейми пах древесиной и кровью, и еще в его поте я ощутила горький запах лука.

Я вновь принялась. Гноем не воняло. Впрочем, еще рано. Даже если

нога начала гнить, повязка не даст почувствовать. Однако было в его запахе что-то незнакомое. Некроз тканей? Продукты разложения змеиного яда? Я втянула носом воздух, потом еще раз – поглубже.

– Я что, так воняю? – спросил Джейми.

– Ой! – воскликнула я, испуганно прикусив язык.

Его спина затряслась – похоже, от смеха.

– Саксоночка, ты приножишься, как трюфельная свинка.

– Да ладно! – сердито заявила я, потрогав маленькую ранку на языке. –

Ну, по крайней мере, ты в сознании. Как ты себя чувствуешь?

– Как куча тухлых потрохов.

– Поэтично, – сказала я. – Можешь описать поточнее?

Я положила руку ему на бок, и Джейми тихонько застонал.

– Как куча тухлых потрохов... – сказал он и, отдышавшись, добавил: – ...с мушинными личинками.

– Ты и на смертном одре будешь шутить! – возмутилась я и почувствовала укол тревоги. Будет, я не сомневалась, только надеялась, что время еще не пришло.

– Постараюсь, саксоночка, – сонно пробормотал он. – Сейчас я не в лучшей форме.

– Очень болит?

– Нет, просто я... устал, – сказал Джейми так, словно у него не было сил искать подходящее слово и он произнес первое, что пришло на ум.

– Неудивительно. Я пойду лягу в другом месте, а ты сможешь отдохнуть.

Я уж было собралась откинуть одеяло и встать, но он остановил меня, немного приподняв руку.

– Нет, не бросай меня.

Он перевалился на спину и попытался поднять голову. Я еще больше разволновалась, когда поняла, что он даже повернуться сам не может.

– Я не брошу тебя. Я просто посплю вот здесь, в кресле. Я не хочу...

– Мне холодно, – тихо сказал он. – Очень холодно.

Я нащупала под грудиной брюшной пульс. Сердце билось учащенно, но слабо, зато температура спала. Джейми не просто замерз – его кожа и пальцы были ледяными. Тревожные симптомы.

Я решительно обняла его и прижалась грудью к спине, уткнувшись щекой в лопатку. Я хотела согреть его, поделиться с ним жаром своего тела. Он так часто защищал и согревал меня! А я могла лишь прижаться к нему, словно маленький горчичный пластырь, и надеяться, что от меня будет столько же пользы.

Очень осторожно я отыскала подол его рубашки и прижала ладони к округлым ягодицам. Сначала он удивленно напрягся, потом расслабился.

Странно, но я чувствовала, что должна прикоснуться к нему именно так. Похожие ощущения появлялись у меня и раньше, и я давно перестала волноваться о том, что их не объяснить с точки зрения науки.

Я почувствовала легкую выпуклость сыпи на его коже и вдруг подумала о ламии, скользком, холодном существе, меняющем форму и невероятно ядовитом. Ее сущность передается при укусе, и змеиный яд распространяется по телу, замораживая теплую кровь. Я представила, как крошечные чешуйки в темноте расползаются под его кожей.

Я прогнала эту мысль, но не смогла справиться с дрожью.

– Клэр, – прошептал он. – Прикоснись ко мне.

Я не слышала, как бьется его сердце, зато ощущала свое – глухие и частые удары звучали в прижатом к подушке ухе.

Моя рука скользнула по его животу, а потом дальше, и пальцы зарылись в курчавую поросль, обхватив округлую плоть. Все тепло сосредоточилось здесь.

Я потеряла его пальцем и почувствовала, как он зашевелился. Джейми выдохнул, его тело отяжелело и вдавилось в матрас, когда он расслабился. Его плоть казалась воском в моих пальцах; нагревшись, она стала гладкой и шелковистой.

Я так странно себя ощущала, страх пропал, зато все остальные чувства обострились... и пришло спокойствие. Все звуки исчезли, и я слышала в темноте лишь дыхание Джейми и биение его сердца. Я ни о чем не думала, а действовала инстинктивно, пытаюсь нащупать сосредоточие тепла в его теле.

Я начала двигаться, вернее, двигались мы оба. Моя рука скользнула вниз, между его ног, и пальцы нащупали точку за яичками. Вторая обхватила его, двигаясь в том же ритме, что и мои извивающиеся бедра.

Я могла бы продолжать вечно, и мне казалось, что так оно и есть. Я потеряла счет времени, и осталось лишь сонное спокойствие и медленный, размеренный ритм наших движений в темноте. Не знаю, когда это случилось, но я почувствовала ритмичную пульсацию сначала в одной руке, потом во второй, и она слилась с биением его сердца.

Джейми глубоко вздохнул, и воздух покинул мои легкие. Мы лежали в тишине и оба незаметно погрузились в сон.

Я проснулась умиротворенная. В голове не было ни единой мысли; я лежала, прислушиваясь к пульсации крови в венах и наблюдая, как танцуют пылинки в лучах света, пробивающихся сквозь полуоткрытые ставни. Потом я вспомнила и резко повернулась, уставившись на Джейми.

Его глаза были закрыты, а кожа напоминала цветом старую слоновую кость. Он лежал, отвернув голову, и я видела выступающую артерию на горле, но не заметила никакой пульсации. Он, или, по крайней мере, его постельное белье были еще теплыми. Я нервно втянула воздух. Комнату наполняли запахи лука, меда и горячего пота, однако я не ощутила зловония смерти.

Я ударила его в грудь, и он встревоженно дернулся и открыл глаза.

– Ублюдок, – рявкнула я, но от облегчения, что Джейми снова дышит, голос сорвался. – Ты что, собрался умереть прямо на мне?

Его грудь вновь и вновь поднималась и опускалась под моей рукой, а мое сердце судорожно сжималось, словно меня только что оттащили от края пропасти.

Прижмурившись, Джейми взглянул на меня затуманенным лихорадкой взглядом.

– Это было бы слишком легко, саксоночка, – сказал он хриплым от сна голосом. – Остаться в живых – намного труднее.

Он не стал притворяться, что не понял моих слов. При свете дня я вдруг ясно осознала то, что мешали мне увидеть усталость и шок прошлой ночи. Почему он так хотел спать в своей кровати. Открытые ставни, сквозь которые со двора доносились голоса семьи и домочадцев. И я рядом с ним. Не сказав мне ни слова, он выбрал, где и как хочет умереть.

– Ты думал, что умираешь, когда мы перенесли тебя сюда? – не осуждающе, а скорее растерянно спросила я.

Джейми ответил не сразу, подыскивая нужные слова:

– Я не знал точно. Мне было очень плохо... И сейчас не знаю. Но не волнуйся. Свой выбор я уже сделал.

– И что ты хочешь этим сказать?

Я засунула руку под одеяло и нащупала его запястье. Оно было теплым, даже горячим, и пульс бился слишком быстро и неравномерно. Однако я не ощутила смертельного холода прошлой ночи, и у меня отлегло от сердца.

Пару раз Джейми глубоко вдохнул, затем повернул голову и посмотрел на меня.

– Что я мог умереть прошлой ночью.

Конечно, мог, но он не это имел в виду. Он говорил так, словно был

уверен...

– Ты сказал, что сделал выбор. Все-таки решил не умирать?

Я пыталась говорить спокойно, но получалось не очень хорошо. Я не могла забыть окружающую нас лишенную времени тишину.

– Это было так странно, – удивленно произнес он. – И в то же время совсем не странно.

– Просто расскажи, что случилось, – сказала я, держа руку на его пульсе.

Улыбка промелькнула в его глазах, не затронув сухие потрескавшиеся губы. Я прикоснулась к ним пальцем и собралась было принести воды или чая, а потом все-таки решила остаться и дослушать.

– Я не знаю... вернее, не представляю, как выразить словами...

Его глаза в утреннем свете казались пронзительно-синими. Он смотрел на меня с таким интересом, словно видел в первый раз.

– Саксоночка, какая ты красивая! Очень красивая, *mo chridhe*^[23].

Мои руки были покрыты бледно-синими пятнами краски и недомытыми потеками бизоньей крови, растрепанные волосы прилипли к шее, я источала запахи краски и пота, – а он смотрел на меня с таким видом, словно любовался чарующей полной луной в летнюю ночь.

– Мне и правда было очень плохо, когда Арч и Роджер тащили меня наверх. Сердцебиение отдавались в ноге и голове, и я прислушивался к тишине между ударами – ты не поверишь, сколько времени проходит между ними.

Он надеялся, что следующего не будет. И постепенно осознал, что сердце замедляет бег, а боль уходит, покидая тело.

И вдруг рассудок прояснился.

– Я не знаю, что это было, саксоночка. – Взволнованный рассказом, Джейми сжимал мою руку. – Я... увидел.

– Что увидел?

Я уже поняла, что именно он не мог описать словами. Я работала врачом, я помню, как умирающие смотрели вдаль широко открытыми глазами, словно видели там что-то.

Он замялся, пытаясь подобрать слова, и я поспешила ему помочь.

– В той больнице, где я работала, умерла пожилая женщина. Взрослые дети были рядом с ней. – Опустив взгляд, а посмотрела на красные, распухшие пальцы, сплетенные с моими, покрытыми пятнами краски и потеками крови. – Она умерла, точно. Сердце остановилось, и она не дышала. Дети стояли рядом с кроватью и плакали. Вдруг женщина открыла глаза. Потом тихо и восторженно произнесла «Ооо!», словно маленькая

девочка, увидевшая нечто чудесное, и ее веки вновь опустились.

Я заморгала, чтобы прогнать навернувшиеся слезы.

– Ты тоже... видел?

Джейми безмолвно кивнул и сжал мою руку.

– Да.

Он словно висел в каком-то странном месте, которое не мог описать, чувствуя покой и умиротворение.

– Прямо передо мной было что-то похожее на дверь, хотя скорее не дверь, а коридор. Я мог пойти туда, если бы захотел. И я хотел... – признался Джейми, украдкой взглянув на меня и стыдливо улыбнувшись.

Он знал, что оставляет за спиной, и понимал, что у него есть выбор – уйти или остаться.

– И тогда ты попросил прикоснуться к тебе?

– Только ты могла вернуть меня. Сам бы я не справился.

К горлу подкатил ком, и я не смогла сказать ни слова, потому просто сжала его руку.

– Почему? – выдавила я. – Почему ты... решил остаться?

Джейми еще крепче сжал мою руку. То была лишь тень его прежней хватки, но в ней все равно угадывалась сила.

– Потому что я тебе нужен, – очень тихо ответил он.

– А не потому, что ты меня любишь?

Джейми взглянул на меня со слабой улыбкой.

– Саксоночка, я люблю тебя и всегда буду любить. Живы ли мы, рядом или далеко друг от друга. Ты знаешь, что это правда... Я буду любить тебя, а ты будешь любить меня.

Он склонил голову, и яркие медные пряди упали на его щеку.

– Но я думал не только о тебе. Мне еще столько всего нужно сделать. Я уж было решил, что вы справитесь сами. Ты, Роджер Мак, Арч, Джозеф, братья Бердсли. Но скоро будет война, а я... – он поморщился, – не знаю, за какие грехи, вождь этого клана.

Джейми обреченно покачал головой.

– Господь сделал меня тем, кто я есть. Он взвалил на меня эту ношу, и мне надлежит выполнить свой долг. Любой ценой.

– Любой ценой, – тревожно повторила я, слыша в его голосе нечто более жесткое, чем обреченность.

Джейми взглянул на меня, потом перевел взгляд на изножье кровати.

– Моей ноге не хуже, – спокойно сказал он. – Но и не лучше. Видимо, тебе придется ее отрезать.

Я сидела в кабинете, уставившись в окно, и думала о том, что нужно найти другой выход. Что я еще могу сделать?

Джейми был прав – красные полоски никуда не делись. Уродливые и жуткие, они не расползались дальше, но и исчезали. Он выпил пенициллинового раствора, и я обработала им рану, однако выяснилось, что этого недостаточно. Личинки хорошо справлялись с небольшими абсцессами, но до внутренней бактериемии, которая отравляла кровь, добраться не могли.

Я взглянула на маленькую коричневую бутылочку, в которой осталась лишь треть содержимого. Надолго не хватит. Если просто пить, то нужного эффекта пенициллиновый раствор не дает.

Прекрасно помню рекомендованную дозу пенициллина при бактериемии или сепсисе – в соответствии со «Справочником Мерка», настольной книгой всех врачей. Я посмотрела на журнал Дэниела Роулингса, потом перевела взгляд на бутылочку. Концентрацию пенициллина я определить не могла, но все равно он был более эффективен, чем смесь змеевидного кирказона и чеснока, которую советовал Роулингс. И все же недостаточно.

Пила для ампутаций лежала на столе. Я дала слово, и Джейми ее вернул.

Я сжала кулаки от досады, такой сильной, что она заглушила даже отчаяние. Почему, почему, почему я не сделала больше пенициллина? Как я могла быть такой неосмотрительной и бездумной? Дура проклятая!

Почему я не настояла, чтобы мы съездили в Чарльстон или хотя бы в Уилмингтон, где можно найти стеклодува и заказать цилиндр и поршень для шприца? Я бы придумала, что использовать в качестве иглы. Потратить столько времени, сил и драгоценных веществ на эксперименты, а теперь, когда он мне по-настоящему нужен...

Кто-то осторожно открыл дверь, и я обернулась, стараясь держать себя в руках. Скоро мне придется рассказать домашним, что происходит. Но лучше собрать их вместе и сказать сразу всем.

В комнату вошел один из братьев Бердсли. Лиззи одинаково их подстригла, и теперь отличить одного от другого было практически невозможно. Только если они подходили достаточно близко, чтобы рассмотреть шрам на пальце. Или по голосу.

– Мадам?

Это был Кеси.

– Да?

Полотняный мешок в его руках шевелился и менял форму. Меня передернуло от отвращения. Кеси заметил мою реакцию и улыбнулся.

– Принес для хозяина, – громко произнес он. – Старый Аарон говорил... хорошо помогает. Если укусит большая змея, нужно поймать маленькую и выпить ее кровь.

Он протянул мешок, и я осторожно взяла его, стараясь держать в вытянутой руке. Змея вновь начала извиваться, и у меня мурашки побежали по коже, а потом из мешка донеслось слабое жужжание.

– Спасибо, – выдавила я. – Я... э-э... решу, что с этим сделать.

Кесайя лучезарно улыбался и кланялся всю дорогу до двери. Мешок, в котором оказалась маленькая, но очень рассерженная гремучая змея, он оставил на мое попечение. Я отчаянно озиралась, ища, куда бы ее деть. Выбросить из окна не решилась – Джемми часто играл во дворе рядом с домом.

Наконец я затащила большую стеклянную банку с солью на край стола и, держа мешок на вытянутой руке, другой высыпала соль, уронила мешок в банку и торопливо накрыла ее крышкой. Потом отбежала на другой конец комнаты и рухнула на табуретку. У меня поджилки тряслись от страха.

Теоретически, против змей я ничего не имела, а вот на практике...

В комнату заглянула Брианна.

– Мама? Как там папа сегодня?

– Не очень хорошо.

Видимо, она догадалась по моему лицу, что положение серьезное, потому что подошла и, хмурясь, встала рядом.

– Очень плохо? – тихо спросила она, и я кивнула, не в силах произнести ни слова.

Она глубоко вздохнула.

– Я могу как-то помочь?

Я тоже вздохнула и беспомощно развела руками. Тут у меня мелькнула одна идея, вернее, отголосок того, о чем я думала пару минут назад.

– Я собираюсь вскрыть ногу, разрезать мускулы, добраться до очага воспаления и обработать его пенициллином. Джейми сейчас пьет его, но инъекции намного эффективнее. Сырой пенициллин, – я кивнула на баночку, – нестабилен в присутствии кислоты. Если попадает в желудок – толку от него мало.

– Тетя Дженни тоже так делала? Вот откуда у него на ноге огромный шрам.

Я кивнула и незаметно вытерла ладони и юбку. Руки у меня обычно не потеют, однако воспоминания об ампутации были слишком яркими.

– Придется сделать два или три глубоких разреза. Вероятно, он будет хромать до конца жизни, но такое лечение должно подействовать. – Я попыталась улыбнуться. – Тебя, случайно, в Массачусетском технологическом шприцы делать не учили?

– А почему ты раньше не спросила? Постараюсь придумать что-нибудь похожее. Сколько у нас времени?

Я уставилась на нее с отвисшей челюстью, а потом резко захлопнула рот.

– Несколько часов. Если состояние не улучшится, вечером придется ампутировать ногу.

– Ампутировать! – Кровь отлила от ее лица. – Нет, нельзя!

– Господь свидетель, мне ужасно не хочется...

Я стиснула руки, не желая брать в них пилу.

– О, а где миссис Баг? Я хотела оставить с ней Джемми...

– Ее нет? Может, вышла в курятник?

– Я туда заходила по дороге. Ее нигде нет, да и очаг в кухне погас.

Странно. Миссис Баг пришла утром, чтобы приготовить завтрак. Почему же она все бросила? Надеюсь, Арч не заболел? Этого еще не хватало.

– А где тогда Джемми? – спросила я, глядя по сторонам. Он обычно не уходил далеко от матери, но мог и убежать куда-то, как все маленькие дети.

– Лиззи отвела его к дедушке. Я попрошу ее пока присмотреть за ним.

– Отлично! Ой!

Услышав мое восклицание, Брианна обернулась, вопросительно приподняв брови.

– Ты можешь это унести? – Я с отвращением кивнула на большую стеклянную банку. – Куда-нибудь подальше от дома?

– Конечно. А что это?

Заинтересовавшись, она подошла к банке. Маленькая гремучая змея выползла из мешка и свернулась в подозрительный темный узел. Когда Брианна притянула руку, она сделала выпад и ударилась в стекло. Бри с визгом отпрянула.

– *Ifrinn!* – выругалась она, и я рассмеялась, несмотря на напряжение и тревогу.

– Где ты ее взяла? Зачем она тебе? – Брианна уже пришла в себя от испуга и, наклонившись вперед, осторожно постучала по стеклу. Змея оказалась довольно раздражительной и вновь бросилась в атаку, с громким

стуком ударившись о стекло.

– Кеси принес. Сказал, что Джейми нужно выпить ее кровь, – объяснила я.

Брианна осторожно протянула указательный палец и провела вдоль дорожки, оставленной стекающей по стеклу желтой каплей. Вернее, двумя.

– Ты только посмотри! Хотела укусить меня сквозь стекло. Чокнутая. Похоже, ей не нравится ваша идея.

Определенно не нравилась. Змея вновь свернулась кольцами, а крошечная погремушка на конце хвоста вибрировала от неистовой злобы.

– Джейми тоже будет не в восторге. – Я подошла к дочери. – Сейчас он змей особенно недолюбливает.

– Хм... – Брианна все еще рассматривала маленькую змею, нахмутив густые рыжие брови. – Кеси сказал, где нашел ее?

– Я не спрашивала. Какая разница?

– Уже холодает, а змеи впадают в спячку. В норах?..

– Ну, вроде у доктора Брикелла так написано, – неуверенно ответила я.

«Естественная история Северной Каролины» была весьма занимательной книжкой, вот только я сомневалась в точности некоторых наблюдений, особенно тех, которые касались змей и крокодилов.

– Смотри, – задумчиво сказала Брианна. – Гремучие змеи отлично оснащены. Их челюсти соединены подвижно, поэтому они могут заглатывать добычу больше себя. А клыки ложатся вдоль челюсти, когда змея ими не пользуется.

– Правда? – Я с сомнением взглянула на дочь.

– Клыки внутри полые. – Бри прикоснулась пальцем к стеклу, указав на маленькое желтое пятно там, где яд впитался в мешковину. – Они соединяются с особыми железами в щеках, и когда змея кусает, височные мышцы сжимаются, впрыскивая яд в клыки, а через них – в тело добычи. Совсем как...

– Святой Рузвельт!

Она кивнула и наконец, оторвав взгляд от змеи, взглянула на меня.

– Я думала соорудить что-нибудь из обструганного пера, но эта конструкция лучше. Она уже спроектирована для такой работы.

– Конечно! – воскликнула я, ощутив слабый проблеск надежды. – Тебе понадобится какой-нибудь резервуар...

– Для начала мне понадобится змея побольше. – Бри повернулась к двери. – Пойду, поищу Кеси или Джо. Если эту змею они нашли в норе – там может быть еще несколько.

Она помчалась воплощать свою идею, прихватив банку, а я,

окрыленная надеждой, принялась обдумывать возможности применения антибиотика. Если получится сделать укол, то жидкость сначала необходимо профильтровать и очистить.

Конечно, я предпочла бы прокипятить ее, но высокая температура разрушит сырой пенициллин, если он еще там остался. Надежда, появившаяся после слов Брианны, начала угасать. Даже если меня снабдят подобием шприца, что толку, если нечего будет вколоть.

Я металась по кабинету, хватала какие-то вещи и вновь ставила на место. Потом взяла себя в руки, прикоснулась к пиле и, закрыв глаза, вновь попыталась ощутить то сверхъестественное спокойствие, с которым убила бизона.

В этот раз именно Джейми заговорил о потустороннем мире. «Спасибо, что дал ему выбор, – язвительно подумала я. – Вот только сделать его проще ты даже не попытался».

«А он не просил».

Я изумленно открыла глаза. Не знаю, откуда пришли слова – из подсознания или откуда-то еще, но они, безусловно, были правдивы.

Джейми всегда сам делал выбор и следовал ему, даже зная, чего это будет стоить. Он понимал, что за жизнь придется расплатиться потерей ноги, и был готов платить эту цену.

– Но я не готова! – выкрикнула я, задрав подбородок.

Кедровый свиристель, качающийся на ветке, сверкнул на меня глазами из-под разбойничьей маски. Видимо, он решил, что я сумасшедшая, но не опасна, и отправился по своим делам.

Я рывком открыла дверь шкафа, вытащила медицинский сундучок и принесла бумагу, перо и чернила из кабинета Джейми.

Баночка с сушеными ягодами грушанки. Экстракт зимолюбки зонтичной. Скользящая кора вяза, ивы и вишни. Мелколепестник и тысячелистник. Пенициллин – эффективный, но не единственный антибиотик. Люди тысячи лет сражались с микробами, не понимая, с чем именно борются. А я знала, и потому у меня было небольшое преимущество.

Я начала составлять список доступных мне растений. Выписывала названия и как они применяются, даже если сама их не использовала. Травы, с помощью которых очищают раны, исцеляют язвы во рту, лечат диарею и дизентерию – любое растение, помогающее при септических состояниях, сейчас могло дать шанс... Я услышала шаги в кухне и позвала миссис Баг – требовался кипяток, чтобы приготовить отвар.

Миссис Баг появилась на пороге. Ее щеки покраснели от холода,

растрепанные волосы выбились из-под платка, а в руках она держала большую корзину. Не успела я слова сказать, как она подошла и плюхнула ее на стол. Следом зашел мистер Баг еще с одной корзиной и маленьким бочонком, из которого доносился резкий запах спиртного. Воняло от них, словно от мусорной свалки.

– Вы говорили, что у вас мало плесени, – бодро начала она. – Вот я и говорю Арчу, а давай пройдемся по нашим соседям и соберем немного для миссис Фрейзер. Вы же знаете, как быстро портится хлеб в сырости, а еще, Господь свидетель, миссис Чишолм ужасная неряха, хотя сердце у нее золотое, но что у нее дома творится, так об этом даже думать не хочется, но мы...

Я не слушала ее, уставившись на зловонные трофеи. Корки хлеба, испорченное печенье, гнилые тыквы, кусочки пирога со следами зубов... мешанина из слизких объедков и гниющих кусков, покрытая лишайниково-зелеными пятнами с розовыми и желтыми наростами. Бочонок был полон перебродившим зерном, а в темной жидкости плавали островки синей плесени.

– Свиньи Эвана Линдси, – объяснил мистер Баг, у которого случился редкий приступ красноречия. Оба супруга, измазанные своей добычей, радостно улыбаясь, уставились на меня.

– Спасибо! – сказала я, и заморгала, потому что глаза щипало от едкой вони спиртного. Причем дух перехватило не только от запахов. – Ох, спасибо.

* * *

Когда стемнело, я поднялась наверх с подносом, на котором лежали лекарства и оборудование, охваченная волнением и тревогой.

Джейми лежал, опираясь на подушки, а вокруг толпились посетители. Люди приходили весь день, чтобы провести его и пожелать здоровья. Некоторые оставались, и когда я вошла в комнату, множество встревоженных лиц, плохо различимых в тусклом свете свечи, повернулось ко мне.

Вид у Джейми был больной и измученный, и я хотела всех выгнать, но потом увидела, как Мердо Линдси сжимает его руку, и поняла, что поддержка друзей сейчас для него намного важнее отдыха.

– Ну, – сказал Джейми, стараясь, чтобы голос звучал как обычно. – Полагаю, мы готовы.

Он потянулся и пошевелил пальцами под одеялом. Ему было очень больно, однако я поняла, что он хочет в последний раз подвигать ногой, и прикусила губу изнутри.

– Да, мы готовы кое-что попробовать, – заявила я и улыбнулась, пытаюсь его подбодрить. – А вы, пожалуйста, помолитесь за наш успех.

На место ужаса, охватившего людей, когда я вошла в комнату, пришло любопытство. Марсали, прижимавшая к себе спящую Джоан, сунула руку в карман и вытащила четки.

Тумбочка возле кровати оказалась завалена книжками, бумагой, свечными огарками, всякими вкусностями, которыми надеялись раздражить аппетит Джейми... Все они остались нетронуты, а еще там неизвестно как оказались цимбалы и плохо выделанная шкурка сурка. Пришлось постараться, чтобы освободить место для подноса. Брианна подошла ближе, осторожно держа в руках свое изобретение, словно служка, подающий хлеб священнику.

– Господи, что это такое? – Джейми хмуро взглянул на странный предмет, потом на меня.

– Самодельная гремучая змея, – объяснила Брианна.

Люди вытянули шеи. А потом гул любопытных голосов умолк, когда я отбросила одеяло и стала снимать повязки с ноги Джейми, сменившись потрясенным шепотом и восклицаниями, исполненными сочувствия.

Лиззи и Марсали целый день накладывали горячие припарки из лука и льняного семени, и от повязок еще поднимался пар, когда я отложила их в сторону. До колена нога была красной, но в некоторых местах уже почернела, и из ран сочился гной. Личинок я пока убрала, чтобы жар им не повредил, и сейчас они лежали на блюде в кабинете, наслаждаясь остатками добычи Багов. Если получится спасти ногу, они мне еще пригодятся.

Я по кусочку разобрала принесенные помои, изучая голубую плесень под микроскопом, и отложила в большую чашу все, в чем могли оказаться пенициллиновые грибы. Всю эту кучу разнообразных остатков я залила алкоголем из перебродившего зерна, надеясь растворить в нем пенициллин, и вымачивала ее в течение дня.

Кроме того, я отобрала травы, которые используют для лечения гнойных ран, и, продержав их в кипятке несколько часов, приготовила густой отвар. Ароматную жидкость я вылила в чашку и отдала ее Роджеру, стараясь не дышать.

– Заставь его выпить, – сказала я и добавила, пристально глядя на Джейми: – До последней капли.

Джейми понюхал жидкость и тоже покосился на меня, однако не стал противиться и выпил, строя при этом такие рожи, что собравшаяся компания весело захихикала. Настроение немного поднялось, и я приступила к главной части лечения, взяв из рук Брианны самодельный шприц.

Близнецы Бердсли, стоящие в углу плечом к плечу, подались вперед, чтобы получше его рассмотреть. Они прямо-таки раздулись от гордости. Когда Бри попросила их о помощи, братья сразу отправились на поиски и вернулись к вечеру со здоровенной гремучей змеей длиной приблизительно фута три. К счастью, она была уже мертва. Близнецы разрубили ее топором, чтобы сохранить драгоценную голову.

Я осторожно вскрыла ядовитые железы, отделив клыки, и попросила мисс Баг тщательно промыть их алкоголем, чтобы удалить малейшие следы яда.

Бри взяла промасленный шелк, в который была завернута астроябия, и смастерила из него небольшой цилиндр, затянув низ шнурком, словно горловину кошелька. Потом вырезала небольшой сегмент из индюшиного пера, размоченного в горячей воде, и с его помощью прикрепила клык к шелковому цилиндру, а потом все стыки пропитала пчелиным воском, чтобы избежать протекания. Получившаяся конструкция напоминала маленькую толстую змею с одним огромным изогнутым клыком, что не преминули заметить зрители.

Мердо Линдси все еще сжимал руку Джейми. Я попросила Фергуса подержать свечу, а Джейми потянулся к Роджеру. Тот, вздрогнув от неожиданности, взял тестя за вторую руку и, крепко стиснув ее, опустился на колени рядом с кроватью.

Я выбрала место для инъекции, где не было крупных кровеносных сосудов, смазала кожу чистым спиртом и вонзила клык так глубоко, как только могла. Зрители выдохнули, а Джейми втянул воздух, но не пошевелился.

– Давай. – Я кивнула Брианне, которая стояла рядом, держа бутылку с настойкой из забродившего зерна. Я держала шелковый мешочек, а она, прикусив губу, осторожно наполнила его. Потом я завязала горловину и сжала мешочек большим и указательным пальцами, заставляя жидкость проникнуть через клык в ткани ноги.

Джейми едва слышно застонал; Роджер с Мердо навалились на него, прижав к постели.

Я боялась давить слишком сильно, чтобы не лопнули стыки, пропитанные воском, хотя у нас на всякий случай был запасен еще один

клык. Я сделала несколько уколов, а Бри стояла рядом и каждый раз наполняла мешочек. Блестящие струйки крови, потекли из проколов по ноге. Лиззи по собственной инициативе схватила кусочек ткани и начала сосредоточенно их вытирать.

В комнате стояла тишина, но я слышала, как все задерживают дыхание, когда я выбирала новое место для укола, выдыхают, когда я снова втыкала клык, и, невольно наклонившись к кровати, смотрят, как я впрыскиваю жидкость в поврежденные ткани. Мускулы на плечах Джейми напряглись, а пот струился по лицу, однако ни он, ни Мердо с Роджером ни разу не пошевелились и не издали ни звука.

Уголкем глаза я заметила, что Джозеф Уэмисс убирает волосы Джейми со лба и вытирает полотенцем пот, струящийся по лицу и плечам.

«Потому что я тебе нужен», – сказал он тогда. Сейчас я поняла, что он нужен не только мне.

Много времени не понадобилось. Закончив, я осторожно смазала раны медом и натерла ногу маслом гаультерии.

– Хорошо нафаршировала, саксоночка, можно в печь ставить, – пробормотал Джейми и пошевелил пальцами на ноге. Все находившиеся в комнате облегченно рассмеялись.

Потом посетители разошлись. На прощание они хлопали Джейми по плечу, целовали в щеку и желали поскорее поправиться. Он улыбался и кивал, махал рукой и шутил.

Когда дверь за последним гостем закрылась, Джейми откинулся на подушку, позволив себе наконец выдохнуть. Я помыла поднос, замочила шприц в спирте, закупорила бутылочки с лекарствами и сложила повязки. Потом села рядом с мужем, а он взял меня за руку.

Его кожа была сухой и теплой, а кисть покраснела от железной хватки Мердо. Я гладила костяшки пальцев, прислушиваясь к топоту и оживленной болтовне внизу.

– Это поможет, – тихо сказала я через минуту. – Я знаю, что поможет.

– Я тоже, – ответил он, потом глубоко вдохнул и наконец позволил себе разрыдаться.

Глава 94

Свежая кровь

Роджер внезапно вынырнул из глубокого, лишённого сновидений сна. Он чувствовал себя как рыба, вытащенная из воды в чужую, непостижимую стихию. Все вокруг было залито странным светом, очертания предметов размыты... Потом вдруг он осознал, что Брианна прикасается к его руке, и вернулся в реальный мир.

– Прости, что разбудила. – Брианна улыбнулась и протянула руку, чтобы убрать с его лба спутанные волосы, а он схватил ее, и они вместе повалились на кровать.

– Прощаю. – Только она, как якорь, удерживала его в этой реальности – тяжесть ее тела, теплая кожа и мягкие, словно пух, волосы.

– Ты как? – тихо спросила Бри, прикоснувшись длинными пальцами к его груди.

– В порядке, – ответил Роджер и глубоко вздохнул. Потом поцеловал жену в лоб и расслабился, моргая. В горле пересохло, слюна во рту была вязкой, однако по крайней мере он уже начал ясно мыслить. – Который час?

В комнате стоял полумрак, словно уже наступил вечер, – скорее всего оттого, что окна были занавешены, а двери закрыты.

Брианна встала и одной рукой собрала длинные медные волосы в хвост.

– Почти полдень. Я бы не стала тебя будить, но тут пришел какой-то мужчина, и я не знаю, что с ним делать. – Она взглянула в сторону большого дома и понизила голос, хотя рядом и так никого не было. – Папа спит, и мама тоже. Их сейчас и пушкой не разбудишь.

Она повернулась к столу и взяла кувшин. Роджер потянулся за чашкой, осушил ее тремя глотками и вновь протянул Брианне.

– Еще. Пожалуйста. Мужчина?

– Он сказал, что его зовут Томас Кристи. Говорит, был с папой в Ардсмуре.

– Да?

Вторую чашку Роджер выпил медленнее, собираясь с мыслями. Затем поставил ее, сел, опустив ноги на пол, и потянулся за рубашкой, висевшей на колышке.

– Хорошо, скажи ему, что я подойду через минуту.

Бри поцеловала его и вышла, задержавшись на мгновение, чтобы

впустить в комнату яркий дневной свет и прохладный воздух.

Роджер одевался медленно, все еще в приятной полудреме, а наклонившись, чтобы вытащить чулки из-под кровати, заметил какой-то предмет в гряде скомканного белья рядом с подушкой. Он протянул руку и достал крошечный талисман плодовитости. Гладкий розовый камешек казался удивительно тяжелым в руке.

– Черт возьми, – громко сказал Роджер. Потом постоял немного, уставившись на талисман, нагнулся и осторожно запихнул обратно под подушку.

* * *

Брианна отвела посетителя в кабинет Джейми, который большинство обитателей Риджа называли «комнатой на два слова». Роджер на минуту остановился в коридоре, чтобы проверить, на месте ли руки и ноги. Побриться он не успел, зато причесался, и на большее Кристи просто не мог рассчитывать, принимая во внимание обстоятельства.

Роджер очень удивился, когда ему навстречу повернулись трое. Бри не сказала, что Кристи приехал не один. Пожилой широкоплечий мужчина с коротко стриженными темными волосами, в которых поблескивали седые пряди, несомненно, был Томасом Кристи. Темноволосый молодой человек лет двадцати наверняка приходился ему сыном. И девушка.

– Мистер Кристи? – Роджер протянул руку пожилому джентльмену. – Я Роджер Маккензи, зять Джейми Фрейзера. С моей женой вы уже знакомы.

Кристи явно был удивлен и взглянул через плечо Роджера, словно надеясь увидеть там Джейми.

– Боюсь, мой тесть... не может с вами встретиться.

Кристи нахмурился, оценивающе глядя на него, потом крепко пожал протянутую руку. Роджер с удивлением почувствовал нечто знакомое, но крайне неожиданное – Кристи сдавил костяшки его пальцев в масонском приветствии. Он давно с ним не сталкивался и ответил скорее машинально, чем намеренно, надеясь, что сделал все правильно. Очевидно, Кристи остался доволен – его суровое лицо немного смягчилось.

– Мистер Маккензи, я ищу землю, где бы мог поселиться со своей семьей, и мне посоветовали обратиться к мистеру Фрейзеру.

– Вот как, – нейтрально произнес Роджер. «Что за черт? Интересно, Кристи что-то знает или просто рассчитывал на удачу? Джейми Фрейзер –

масон? Никогда бы не подумал. Джейми никогда об этом не говорил». – Пожалуйста, присаживайтесь, – отрывисто предложил он, махнув гостям.

Сын Кристи и девушка, которая могла оказаться как его дочерью, так и невесткой, вскочили, когда вошел Роджер, и теперь стояли за спиной отца, словно свита, сопровождающая монарха.

Все еще чувствуя себя не в своей тарелке, Роджер жестом предложил им сесть, а сам устроился за столом Джейми и вытащил перо из горшочка, покрытого соляной глазурью, надеясь, что оно придаст ему более солидный вид. Боже, какие вопросы он должен задать потенциальному арендатору?

– Хорошо, мистер Кристи, – улыбнулся он, вдруг вспомнив, что не успел побриться. – Жена сказала, что вы познакомились с тестем в Шотландии?

– В тюрьме Ардсмур, – подчеркнул Кристи.

Роджер вновь прокашлялся; после пробуждения в горле некоторое время першило и саднило. Кристи, однако, решил, что это выражение недовольства, и ощетинился. У него были густые брови, выпуклые, желтовато-карие глаза, короткие темные волосы и полное отсутствие шеи – просто большой раздражительный филин.

– Джейми Фрейзер тоже был заключенным. Надеюсь, вы в курсе?

– Да, конечно, – добродушно ответил Роджер. – Насколько я знаю, и еще несколько обитателей Риджа в свое время побывали в Ардсмуре.

– Кто? – потребовал ответа Кристи.

– Ну... братья Линдси: Кенни, Мердо и Эван, – начало перечислять Роджер, потирая лоб, чтобы собраться с мыслями. – Джорди Чишолм и Роберт Маклауд. По-моему, и Алекс Макнил там был.

Кристи расслабился, и взъерошенные перья немного пригладились.

– Я их знаю, – удовлетворенно отметил он. – Макнил может за меня поручиться, если что.

Впрочем, его тон говорил о том, что необходимости в поручительстве не возникнет.

Роджер ни разу не видел, как Джейми беседует с потенциальными арендаторами, однако слышал, как тот рассказывал Клэр об одном из тех, кого выбрал. Потому сейчас Роджер задал Кристи несколько вопросов о его недавнем прошлом, пытаясь вести себя как хозяин, но не забывая о вежливости.

Кристи переправили сюда вместе с другими заключенными. Ему повезло, его кабальный договор выкупил плантатор из Южной Каролины. Обнаружив, что Кристи человек образованный, он предложил ему обучать своих шестерых детей, да еще и соседских, с которых брал деньги за уроки.

Когда срок договора истек, Кристи согласился остаться и работать за плату.

– Неплохо, – сказал Роджер. Ценность Кристи как арендатора значительно возросла. Учитель, значит? Бри с радостью освободится от навязанных обязанностей, которые она пренебрежительно называла «игрой в прятки». А Кристи, похоже, способен справиться с самыми нерадивыми учениками.

– А почему вы решили переехать сюда, мистер Кристи? Далековато от Южной Каролины.

Мужчина пожал широкими плечами. Дорожная куртка и ботинки, хотя и покрытые пылью, были добротными и недешевыми.

– Моя жена умерла. От инфлюэнцы. И мистер Эверетт, мой хозяин, тоже. Его наследнику мои услуги не нужны, а я не хотел оставаться там, не имея работы. – Он вновь пристально взглянул на Роджера из-под косматых бровей. – Вы сказали, что мистера Фрезера нет. Когда он вернется?

– Не знаю.

Роджер задумчиво постучал по зубам кончикам пера. Еще вчера Джейми был на грани смерти. Даже если он выздоровеет, ему понадобится время, чтобы восстановить силы. Прогонять Кристи или заставлять его ждать не хотелось. Скоро зима, и семье нужно к ней подготовиться.

Он перевел взгляд с Кристи на его сына. Оба высокие, сильные, не похожи на пьяниц или бездельников; судя по огрубевшим рукам, тяжелый труд им знаком. С ними женщина, которая займется домашним хозяйством. Даже если не учитывать масонское братство, Кристи сидел в Ардсмуре, а таким людям Джейми всегда стремился помогать.

Приняв решения, Роджер взял чистый лист бумаги и открыл чернильницу.

– Хорошо, мистер Кристи. Думаю, нам надо кое-что обсудить.

Он был приятно удивлен, когда в кабинет вошла Брианна, неся поднос с пивом и печеньем. Скромно опустив глаза, она поставила угощение на стол и бросила на мужа удивленный взгляд из-под опущенных бровей. Он с улыбкой склонил голову и легонько сжал ее руку, вспомнив о тайном рукопожатии Кристи. Интересно, а Брианна знает, что Джейми масон? Наверное, нет, иначе бы она ему рассказала.

– Брианна, поздоровайся с нашими новыми арендаторами. – Он кивнул на семью Кристи. – Мистер Томас Кристи, и...

– Мой сын Алан и дочка Мальва, – представил их Кристи.

В отличие от отца, Алан совсем не походил на филина. Довольно привлекательный, высокий и широкоплечий, чисто выбритый... Хотя его темные клочковатые волосы тоже торчали, как взъерошенные перья. Он

поклонился, когда его представили, не отрывая взгляда от угощений.

Девушке, Мальве, было лет восемнадцать-девятнадцать. Довольно высокая, в аккуратном синем платье и белой косынке, из-под которой выбивались темные пряди. Еще одно очко в пользу Кристи – девушек на выданье, да еще таких симпатичных, в Ридже не хватало. Мальва получит несколько предложений руки и сердца еще до весенней посевной.

Бри поклонилась, с интересом присматриваясь к девушке. Но тут из кухни донесся громкий плач, и она выбежала, наспех пробормотав извинения.

– Мой сын, – объяснил Роджер и поднял кружку с пивом. – Угощайтесь, мистер Кристи.

Контракты лежали в левом верхнем ящике стола. Роджер приблизительно представлял, что там написано. Арендатору предоставляется пятьдесят акров земли или больше в случае необходимости. Оплата производится по мере возможности. Они обсудили все пункты за пивом с печеньем и пришли к соглашению, удовлетворившему обе стороны.

Роджер подписался под контрактом, как представитель Джейми Фрейзера, и передал его Кристи. Он был доволен собой – крепкий арендатор, да еще обязался пять месяцев в год отработать учителем. Роджер самодовольно подумал, что и Джейми не сторговался бы лучше.

Потом вдруг одернул себя. Нет, Джейми предложил бы семье Кристи не только гостеприимство, но и приют, пока у них нет собственного дома. Только куда их поселить?..

Роджер немного подумал, потом вышел в коридор и позвал Лиззи.

– У нас тут новый арендатор, *a tuirninn*, – сказал он, с улыбкой глядя на ее встревоженное, услужливое личико. – Это мистер Томас Кристи, его сын и дочь. Ты не могла отвести их в дом мистера Линдси? Полагаю, Эван и его жена не откажутся приютить ненадолго будущих соседей, пока они не построят собственный дом.

– Конечно, мистер Роджер, – Лиззи присела в небольшом реверансе, а мистер Кристи поклонился в ответ. Потом она взглянула на Роджера, приподняв бровь. – А Хозяин знает?

Роджер почувствовал, как кровь прилила к щекам, но беззаботно ответил:

– Все в порядке. Я скажу, как только ему станет лучше.

– Так мистер Фрейзер болен? Мне очень жаль, – услышал он за спиной незнакомый тихий голос и, обернувшись, увидел перед собой Мальву Кристи. Она вопросительно смотрела на него. Раньше он не заметил, какие

у нее красивые глаза – необычные, светло серые и словно светящиеся, обрамленные длинными черными ресницами. «Похоже, ей сделают предложение еще до весны», – невольно отметил Роджер.

– Его змея укусила, – сухо ответил он. – Не волнуйтесь, дело идет на поправку... Добро пожаловать во Фрейзер-Ридж. Надеюсь, вы с семьей будете здесь счастливы.

* * *

Джейми сидел на кровати, со всех сторон окруженный заботой преданных женщин, которая, судя по всему, уже довела его до отчаяния. Он обрадовался, увидев мужчину, и, махнув рукой, отогнал свою свиту. Лиззи, Марсали и миссис Баг неохотно удалились. Осталась только Клэр, занятая своими бутылочками и травами.

Роджер плюхнулся в изножье кровати, откуда она его немедленно согнала, указав на табуретку, а сама приподняла одеяло и проверила, не нанес ли его неблагоразумный поступок какого-нибудь ущерба.

– Все в порядке, – сказала Клэр, удовлетворенно указывая на белую марлевую повязку. Личинки вновь усердно трудились, отрабатывая свое пропитание. Она выпрямилась и кивнула Роджеру – словно великий визирь, позволяющий аудиенцию у халифа Багдада. Роджер взглянул на Джейми, который закатил глаза и криво усмехнулся.

– Как дела? – хором сказали оба.

Роджер усмехнулся, уголки губ Джейми тоже поползли вверх. Он коротко пожал плечами:

– Я жив. Но это не означает, что ты был прав. Совсем наоборот.

– В чем прав? – любопытно спросила Клэр, подняв взгляд от большой чаши.

– У нас вышел небольшой философский спор, – ответил Джейми. – О выборе и судьбе.

Она фыркнула:

– Даже слушать об этом не хочу.

– Я тоже. Когда сидишь на хлебе с молоком, не до философии.

Джейми покосился на полупустую чашу с питательной субстанцией.

– Ты осмотрел язву на ноге мула, Роджер Мак?

– Я осмотрела, – ответила Клэр. – Все почти зажило. Роджер в это время беседовал с новыми арендаторами.

– Правда? – Джейми заинтересованно приподнял бровь.

– Да. С мужчиной по имени Том Кристи и его семьей. Он сказал, что был в Ардсмуре вместе с вами.

На секунду Роджеру показалось, что из комнаты откачали воздух. Фрейзер посмотрел на него бесстрастно, потом кивнул, на его лицо вновь, словно по волшебству, вернулось заинтересованное выражение, и время возобновило свой бег.

– Да, я хорошо помню Тома Кристи. Что с ним произошло за эти двадцать лет?

Роджер рассказал, почему Кристи решил переселиться в эти края и какой договор он с ним заключил.

– Отлично, – одобрил Джейми, услышав, что Кристи согласен работать учителем. – Скажи ему, пусть берет любые книги и составит список тех, что ему нужны. Я попрошу Фергуса привезти, когда он в следующий раз поедет в Кросс-Крик или Уилмингтон.

Потом они обсудили другие хозяйственные дела, и вскоре Роджер поднялся, чтобы уйти.

Вроде бы он все сделал правильно, однако все равно ощущал какую-то неловкость. Роджер был уверен, что ему не привиделся тот странный момент. Закрывая дверь, он заметил, что Джейми сложил руки на груди и закрыл глаза. Спать он не собирался, просто хотел избежать дальнейшего разговора. Клэр посматривала на мужа, задумчиво прищурившись. Она тоже заметила.

Значит, ему не показалось. Что же не так с этим Томом Кристи?

Глава 95

Белые ночи

Роджер вышел из дома и остановился на крыльце, вдыхая холодный воздух позднего утра. Позднего? Хотя еще только полседьмого, он привык вставать намного раньше. Солнце поднялось над каштанами на самом высоком хребте, и его золотой диск просвечивал сквозь последнюю желтую листву.

В воздухе еще ощущался запах крови, но о бизоне теперь напоминало лишь темное пятно среди тыквенных грядок. За покосившейся загородкой скреблись цыплята, в каштановой роще искало пропитание небольшое семейство свиней.

Роджеру почудилось, что прошла не пара дней, с тех пор как он занялся хозяйством, а месяцы, а то и годы. Вернулось странное чувство нереальности происходящего, о котором он уже начал забывать. Казалось, закрой глаза – и вдохнешь выхлопные газы на Брод-стрит в Оксфорде, а впереди очередное спокойное утро в окружении пыльных томов Бодлианской библиотеки.

Он хлопнул себя по бедру, чтобы отогнать наваждение. Здесь Ридж, а не Оксфорд, и ему придется поработать руками, а не головой. Нужно окольцевать деревья, собрать сено, причем не на лугу, а на маленьких клочках земли, разбросанных в горах, – охалка здесь, охалка там, и вот уже хватит на то, чтобы прокормить зимой еще одну корову.

Нужно заделать дыру в крыше коптильни, на которую упало дерево, потом заново перекрыть ее и порубить дерево на дрова. Выкопать дыру под новую уборную, пока земля не замерзла или не превратилась в грязь. Обмолотить лен. Нарубить жердей для изгороди. Починить прятку Лиззи.

Сам себе он казался сейчас глупым и беспомощным, не способным сделать простейший выбор. Он спал достаточно и успевал отдохнуть после изнуряющей работы, однако отчаянная попытка доставить Джейми домой и явившееся потом семейство Кристи отняли у него все душевные силы.

Роджер взглянул на небо, прочерченное редкими нитями перистых облаков. Дождя пока не предвиделось, значит, крыша может подождать. Итак, сено, а потом деревья. Прихватив флягу с элем и пакет с бутербродами, которые сделала Бри, он направился за серпом и топором.

В тени под елями было холодно, но солнце поднялось уже достаточно высоко, согревая на освещенных участках. Мускулы разогрелись от

ходьбы, и к тому времени, как Роджер добрался до первого высокогорного луга, он вновь почувствовал себя частью этого мира, гор и лесов. Будущее теперь представлялось сном или смутным воспоминанием. Он осознавал, где находится, и в голове окончательно прояснилось.

Он оставил топор под деревом и начал косить траву.

То была не скучная, монотонная работа, когда взмахом двуручной косы ты укладываешь ровные полосы травы. Нет, здесь, на небольших прогалинах, приходилось одной рукой собирать в пучок высокие стебли мяуленбергии и бородача, а другой – срезать их под самый корень и пригоршнями забрасывать в принесенный с собой мешок.

Этот труд не требовал особых физических усилий, однако нельзя было отвлекаться, потому что в густых зарослях травы могли встретиться крупные камни, небольшие кусты, трухлявые сучья и колючие побеги ежевики. Такая работа успокаивала, и скоро Роджер погрузился в свои мысли, размышляя о том, что рассказал ему Джейми на погруженном во тьму горном склоне под звездным небом.

Кое о чем он и так знал, например, почему враждуют Алекс Макнил и Нельсон Макивер, что сын Патрика Нири – вор, какую землю можно продать, когда и кому. Но о некоторых вещах он даже представления не имел. Он стиснул губы, размышляя о Стивене Боннете.

И о том, что делать с Клэр.

– Если я умру, она должна уйти, – сказал Джейми, очнувшись от лихорадочного беспамятства. Он с неожиданной силой вцепился в руку Роджера, и его глаза потемнели. – Пусть она уйдет. Заставьте ее. Уходите все вместе, если сможете забрать ребенка. Но она должна уйти. Пусть пройдет через камни.

– Зачем? – тихо спросил Роджер. – Проходить сквозь камни очень опасно.

– Ей опасно оставаться здесь без меня.

Его взгляд потерял остроту и затуманился. Веки смежились, и Джейми устало сгорбился. А потом вдруг вновь открыл глаза.

– Она из Древних, – сказал он. – Если кто-то узнает, ее убьют.

И больше не произнес ни слова, пока остальные охотники не нашли их утром.

Сейчас, в ярком свете осеннего солнца, вдали от стонущего ветра и танцующих языков пламени той одинокой ночи в горах, Роджер пришел к выводу, что Джейми бредил и его страхи – лишь последствия лихорадки и медленно отравляющего кровь змеиного яда. И все же никак не мог забыть те слова.

«Она из Древних», – произнес тогда Джейми на плохом английском. Если бы он говорил на гэльском, смысла было бы больше. «Она *bansidhe*»^[24]. Роджер задумался. Неужели Джейми на самом деле считал свою жену волшебным существом, а не просто мудрой земной женщиной?

Даже в его времени вера в «иных» еще сильна. А в этом веке? Фрейзер верил в привидений, не говоря уже о святых и ангелах. Воспитанный пресвитерианцем, Роджер не видел разницы между свечкой для святой Женевьевы и блюдцем молока для фейри. Однако он с неловкостью признавал, что никогда не прикоснулся бы к молоку, оставленному для маленького народца, и не стал бы смеяться над амулетом, повешенным в коровнике или над входной дверью.

От работы ему стало жарко – рубашка прилипла к плечам и струйки пота потекли по шее. Он остановился, чтобы глотнуть воды из фляги и повязать платок на лоб.

А если Джейми прав? Конечно, мысль о том, что он, Брианна или Клэр принадлежат к народу фейри, казалась смешной... на первый взгляд. Если подумать... Они действительно отличались от остальных. Не каждый способен пройти сквозь камни, не говоря уже о том, чтобы выжить там.

А ведь были и другие. Гейлис Дункан, например. Или тот неизвестный путешественник с серебряными пломбами, чью отрезанную голову Клэр обнаружила в диких землях... Роджер похолодел, несмотря на бегущий ручьями пот.

Джейми похоронил голову на холме возле дома и прочитал короткую молитву. Так на солнечной поляне, предназначенной для кладбища Фрейзер-Ридж, появился первый обитатель. По просьбе Клэр он отметил это место грубо отесанным куском гранита с зелеными прожилками серпентина. Без надписи... А что они могли написать?

Может, Джейми был прав? «Уходите все вместе, если сможете забрать ребенка».

А если они не уйдут? Тогда и их похоронят на солнечной поляне: его, Брианну и Джемми, и над каждым установят свой кусок гранита. Вот только на них будут выбиты имена. Какие даты там напишут? С Джемми все ясно, а вот с остальными...

«Если сможете забрать ребенка». Роджер надеялся, что теория Клэр верна и способность проходить через камни заложена в генах, вроде цвета глаз или группы крови. Если отец Джемми Стивен Боннет, то вероятность, что малыш ее унаследовал, – пятьдесят на пятьдесят, а если он – тогда три шанса из четырех.

Роджер рубанул серпом по траве, и зерна разлетелись, словно

шрапнель. Потом вспомнил маленькую розовую фигурку под подушкой и глубоко вздохнул. А если она сработает и родится еще один ребенок, теперь уже наверняка его собственный? Шансы будут три к четырем, или на семейном кладбище появится еще один камень?

Мешок был полон, и хорошей травы на прогалине почти не осталось. Роджер взял топор, перекинул мешок через плечо и направился к расположенному высоко в горах кукурузному полю.

Здесь тоже все приходилось делать не так, как на равнинах Британии. Этот клочок земли еще оставался частью девственного леса, и кукуруза росла между высокими деревьями, черными и безжизненными на фоне бледного неба. С них кольцами сняли кору и оставили умирать. Так расчищали землю под новое поле. Мертвые деревья пропускали достаточно солнечного света, чтобы под ними могла расти кукуруза. Через два-три года корни сгниют, сухие стволы можно будет выкорчевать, порубить на дрова и увезти отсюда. Однако сейчас жуткое сборище черных пугал простирало над полем голые ветви.

Кукурузу уже собрали. Стаи плачущих горлиц искали жуков среди высохших стеблей, а выводок куропаток, испуганный приближением человека, рассыпался по земле, словно пригоршня гальки. Трехпалый дятел, сидящий высоко на дереве, испуганно завопил и перестал барабанить, рассматривая нежданного гостя, но убедившись, что тот безопасен, вновь взялся за дело.

– Лучше спасибо скажи, – проворчал Роджер, опустив мешок и доставая из-за пояса топор. – Тебе же больше жуков достанется.

Мертвые деревья привлекают несметное количество насекомых, и на каждом поле можно обнаружить несколько дятлов. Склонив головы, птицы слушают, как скребется под корой их добыча.

– Прости, – едва слышно прошептал Роджер выбранной жертве. Хотя странно жалеть деревья в этих диких лесах, где каждую весну молодые побеги прут из едва растаявшей земли с такой силой, что даже скалы трескаются, а горы покрыты деревьями так густо, что воздух пропитан голубоватой дымкой их испарений.

Все эмоции разом исчезли, как только Роджер взял в руки топор, а к третьему стволу пот по спине тек градом, и он проклинал эту несуразную работу.

Ему не нравился такой способ достижения цели. Вырубать деревья было намного честнее, чем оставлять их медленно умирать без воды, которой мешало подняться от корней лишенное коры кольцо. Хотя осенью, когда деревья уже спали, совесть его так не мучила. Он думал, вернее,

надеялся, что они спокойно умирают во сне.

Роджер энергично вырубал кольцо на толстом стволе, так что куски ароматной древесины летели во все стороны, и, не медля ни минуты, принимался за новую жертву. Естественно, он бы никому не позволил услышать, как извиняется перед деревьями. Джейми всегда произносил молитву над убитыми животными, однако деревья для него были лишь строительным материалом, горючим, да еще чертовой помехой.

Над головой внезапно завопил дятел. Роджер обернулся, чтобы взглянуть, из-за чего шум, и заметил между деревьями невысокую жилистую фигуру. Пришел Кенни Линдси, чтобы заняться той же работой, и, увидев Роджера, отсалютовал ему топором.

– *Madain mhath, a Smeòraich!*^[25] Я тут слышал, у нас новичок появился?

Роджер уже давно перестал удивляться тому, как быстро распространяются новости в горах. Он просто протянул Линдси флягу с элем и рассказал о новой семье.

– Значит, их зовут Кристи? – переспросил Кенни.

– Томас Кристи, его сын и дочь. Ты его знаешь, наверное. Он в Ардсмуре был.

– Ага.

Роджер вновь заметил странную реакцию на это имя.

– Значит, Кристи, – еще раз повторил Кенни, словно пробуя имя на вкус.

– Что не так с этим Кристи? – спросил Роджер, с каждой минутой чувствуя себя все более неловко.

– Не так? – удивленно переспросил Кенни. – Все с ним в порядке.

– Ну, мне показалось, что тебя это имя слегка удивило, вот я и думаю, может, этот человек вор, или пьяница, или еще чего похуже.

До Кенни наконец дошло, и понимание осветило его небритое лицо, словно солнце утренний луг.

– А-а, теперь сообразил. Нет, нет, насколько я знаю, Кристи человек вполне приличный.

– Насколько знаешь? А разве вы не были вместе в Ардсмуре? Он мне так сказал.

– Да, точно, – согласился Кенни не совсем уверенно.

Роджер задал еще пару вопросов, однако в ответ Линдси пожал плечами, и они приступили к работе, останавливаясь лишь для того, чтобы глотнуть воды или эля. Хотя, слава богу, погода стояла прохладная, от работы они так разогрелись, что пот тек по спине ручьями, и когда фляга

почти опустела, Роджер вылил остатки воды на голову, чтобы охладить горячую кожу.

– Зайдешь к нам в гости, *a Smeòraich?* – Кенни отложил топор, со стоном выпрямился и указал головой в сторону сосняка на другой стороне луга. – Мой дом вон там. Жена пошла свинину продавать, но у нас как раз есть свежая пахта.

Роджер с улыбкой кивнул.

– Конечно, зайду, спасибо, Кенни.

Он помог Линдси накормить скотину. У него была пара коз и свиноматка, и пока Кенни принес им воды из маленького ручья неподалеку, Роджер сложил сено в стог и бросил немного в козлий загон.

– Отличная свинья, – вежливо заметил Роджер, когда Кенни насыпал в корыто дробленое зерно. Пятнистая зверюга с рваными ушами посматривала на них весьма злобно.

– Да эта тварь подлая, как гадюка, и такая же быстрая! – Кенни покосился на нее. – Вчера чуть не отхватила мне полруки. Я собирался ее к хряку Макдью отвести, а она не захотела.

– Да уж, если женщина не в настроении, ничего не выйдет, – согласился Роджер.

Кенни задумчиво покачал головой.

– Есть способ их смягчить. Мне тут Эван одну хитрость показал.

Он ухмыльнулся беззубым ртом и кивнул в сторону бочонка, стоящего в углу сарая, от которого исходил едкий запах перебродившего зерна.

– Неужели действует? – рассмеялся Роджер.

Перед глазами невольно всплыло видение – Кенни и его внушительная супруга Розамунда в постели; наверняка в этом странном браке без спиртного тоже не обошлось.

– Еще как, – уверенно заявил Кенни. – Она от перебродившего зерна сама не своя. Вот только если насыпать ей вдосталь – потом идти не сможет. Придется хряка к ней вести, как Макдью выздоровеет.

– А у нее сейчас течка? Тогда я хряка завтра приведу, – самонадеянно заявил Роджер.

Кенни изумленно взглянул на него, но потом довольно кивнул.

– Конечно, *a Smeòraich*. – Он немного помолчал, а потом, как бы между прочим, добавил: – Надеюсь, Макдью скоро встанет на ноги. Он уже виделся с Томом Кристи?

– Пока нет, но я ему рассказал.

– Ну и отлично.

Роджер прищурился, однако Кенни уже отвел взгляд.

Чувство неловкости, преследующее его с тех пор, как прибыл Кристи, все возрастало. Повинуясь внезапному импульсу, Роджер наклонился через стожок сена и схватил руку Кенни, сжав костяшки пальцев в тайном рукопожатии. Пожилой мужчина удивленно уставился на Роджера, щурясь от яркого света, льющегося из дверей. Потом опустил ведро, аккуратно вытер руку о поношенный килт и протянул ее Роджеру.

После рукопожатия отношения между ними остались дружескими, но все-таки едва ощутимо изменились.

– Кристи тоже, – сказал Роджер, и Кенни согласно кивнул.

– Да, мы все.

– Все, кто был в Ардсмуре? И Джейми?

Кенни вновь кивнул и нагнулся за ведром.

– С него-то все и началось. А вы не знали?

Роджер даже не попытался уклониться от ответа, а просто покачал головой. Он спросит у Джейми, когда тот будет достаточно силен, чтобы отвечать на вопросы. Потом взглянул Кенни прямо в глаза.

– И все-таки, что не так с Кристи?

Теперь, когда Линдси знал, что обсуждает брата-масона не с посторонним, его сдержанность исчезла. Он покачал головой:

– Нет, все в порядке. Просто я удивился, когда увидел его здесь. Они с Макдью никогда не ладили. Если бы ему было куда податься, он бы в Фрейзер-Ридж не сунулся.

Роджер очень удивился. Надо же, в Ардсмуре был тот, кто не считал, что из задницы Джейми Фрейзера светит солнце. Хотя почему бы и нет. Господь свидетель, этот человек умел заводить как друзей, так и врагов.

– Почему? – Он задал простой вопрос, однако Кенни перевел взгляд на выход из сарая, словно ища возможности сбежать. Не вышло – Роджер стоял у него на пути.

– Ничего такого, – ответил он, покорно опустив плечи. – Просто Кристи – протестант, ясно.

– Ясно, – сухо ответил Роджер. – Но он сидел в тюрьме вместе с якобитами. Хочешь сказать, в Ардсмуре из-за него были проблемы?

Вполне возможно. Даже в его времена между католиками и суровыми шотландскими сынами Джона Нокса особой любви не наблюдалось. Они обожали устраивать маленькие религиозные войны, и если уж начистоту, якобитское восстание – одна из них.

Возьмите несколько непоколебимых кальвинистов, которые верят, что Папа по ночам кусает их за пальцы, и поместите в тюрьму к мужчинам, которые во всеуслышание возносят молитвы Деве Марии. Да они такое

устроят, что футбольные фанаты обзавидуются.

– А Кристи в Ардсмур как занесло?

– Он тоже якобит, и его вместе со всеми при Каллодене арестовали и потом посадили.

– Якобит – протестант?

Хотя почему бы и нет. В политике такие мезальянсы сплошь и рядом.

Кенни тяжело вздохнул, глядя, как солнце садится за вершины сосен.

– Пошли на двор, Маккензи. Раз уж Том Кристи здесь, будет лучше, если ты все о нем узнаешь. Если поторопимся – вернешься домой к ужину.

Розамунды дома не было, но Кенни принес табуретки, налил свежей холодной пахты и, как и обещал, начал свой рассказ. Кристи не был горцем. Во времена восстания он владел прибыльным бизнесом, который унаследовал от отца. У него работа тоже спорилась, и он решил заделаться джентльменом.

Тут как раз город захватил принц Чарли; Кристи надел свой лучший костюм и отправился на встречу с О’Салливаном, ирландцем, который занимался армейскими поставками.

– Никто не знал, о чем они говорили и что получил за это О’Салливан, но, когда Кристи вышел, у него в руках был контракт на поставку продовольствия шотландской армии и приглашение на бал в Холирудский дворец.

Кенни глотнул пахты и поставил кружку. Его усы украсила белая полоска.

– Макдью нам как-то рассказывал про эти балы. В Большой Галерее висят портреты всех шотландских королей, а еще там есть камин, украшенный голландскими изразцами, да такие огромные, что быка можно зажарить. Принц и его гости одеты в шелк и кружева. А какая там еда! Боже, чего там только на столах нет!

Глаза Кенни сделались круглыми и мечтательными, когда он припомнил эти рассказы, услышанные на голодный желудок. Он рассеянно слизнул с усов белую полоску и вернулся к реальности.

– Потом, когда армия покинула Эдинбург, Кристи ушел вместе с ними. Хотел присмотреть за своими вложениями или решил побыть на виду у принца, кто знает...

Роджер обратил внимание, что патриотизм в числе его мотивов Кенни даже не упомянул. Расчет или амбиции заставили Кристи остаться, неизвестно, но он пробыл с армией достаточно долго и бежал из Нерна за день до Каллодена на фургоне с продовольствием.

– Если бы бросил фургон и поскакал верхом – может, и добрался бы до

Эдинбурга, – цинично заявил Кенни. – Но нет. Он нарвался на Кемпбеллов. Ну, знаете, правительственные войска.

Роджер кивнул.

– Говорили, он пытался выдать себя за торговца, однако один из фермеров, у которого он покупал зерно, поклялся всеми святыми, что видел Кристи с белой кокардой, вот его и повязали.

Сначала отправили в тюрьму Бервик, потом, по причинам, известным лишь Короне, перевели в Ардсмур, за год до того, как там появился Фрейзер.

– Как раз тогда и я туда попал. – Кенни заглянул в опустевшую кружку и потянулся за кувшином. – Тюрьма была старая, она уже и разваливаться начала, потому что много лет пустовала. Когда решили вновь ее открыть, пригнали людей из разных мест, человек сто пятьдесят. В основном осужденных якобитов, ну и еще пару воров и убийц.

Кенни нахмурился, и Роджер, не сдержавшись, улыбнулся в ответ.

Рассказчик из Кенни был никудышный, но говорил он так искренне, что Роджер без труда представил закопченные камни и группу людей в лохмотьях. Бедняги со всех концов Шотландии, оторванные от дома, семьи и друзей, брошенные, словно мусор в кучу компоста, где грязь, голод и теснота превращали их в диких зверей.

Люди объединялись для защиты в маленькие группки, и между ними начались конфликты. Словно галька во время прибоя, они сталкивались друг с другом, и горе тому несчастному, который окажется между ними.

– Еда и тепло, понимаете? – спросил Кенни. – В таком месте тебя больше ничто не интересует.

Томас Кристи возглавлял маленькую группку кальвинистов, которые держались особняком, делились едой и одеялами, защищали друг друга и вообще так кичились своей добродетелью, что католики быстро их возненавидели.

– Если бы кто-то из нас загорелся, а такое бывало, что человека бросали в очаг, пока он спал, они бы даже не помочились на него, чтобы пламя потушить, – сказал Кенни, качая головой. – Нет, еду они не воровали, но стояли в углу и громко молились, упоминая развратников, ростовщиков и идолопоклонников и судьбу, которая их ждет... А потом появился Макдью.

Осеннее солнце садилось, и на небритое лицо Линдси легли тени, однако Роджер заметил, как оно смягчилось при этом воспоминании.

– Второе Пришествие? – едва слышно спросил Роджер.

Кенни, к его удивлению, рассмеялся.

– Если вы имеете в виду, что многие из нас знали *Sheumais ruaidh*^[26] раньше, то да. Его привезли на лодке. А ведь он ненавидит лодки.

– Да, что-то слышал, – сухо ответил Роджер.

– Что бы вы ни слышали, это правда, – ухмыльнулся Кенни. – Он ввалился в камеру, весь зеленый, и его вырвало в углу.

Сначала он сидел тихо, присматриваясь и прислушиваясь, выясняя, что и как. Но он был джентльменом по крови, лэрдом и доблестным воином. Горцы его уважали, поэтому потянулись к нему за советом и помощью, а слабые искали у него защиту.

– У Тома Кристи в заднице запекло. Он-то считал себя самой большой лягушкой в нашем болоте.

Кенни нагнул подбородок и раздул щеки, выкатив глаза. Роджер расхохотался.

– И конечно, ему не нужны были соперники.

Кенни, не задумываясь, кивнул:

– Все было бы не так плохо, вот только многие из его паствы начали сбегать с молитв, чтобы послушать истории Макдью. А тут еще новый начальник...

Богла, прошлого начальника, заменили полковником Гарри Куорри. Несмотря на молодость, Куорри был опытным солдатом и успел повоевать и у Фолкерка, и у Каллодена. К заключенным он относился с уважением, много слышал о Джейми Фрейзере и обращался с ним, как с почетным военнопленным.

– Он пригласил Макдью к себе почти сразу, как заступил на пост. Уж не знаю, о чем они там разговаривали, но с тех пор раз в неделю стража забирала Макдью, чтобы он мог умыться и побрить бороду, а потом он ужинал с Куорри и вообще мог обращаться к тому в любое время.

– Подозреваю, Тому Кристи это не понравилось?

Роджер уже понял, что представляет из себя этот человек – умный, амбициозный и завистливый. Купец, который всего добился сам и стремился занять более высокое положение в обществе. Он еще до Каллодена осознавал, что лишен тех преимуществ, которые Фрейзер получил по праву рождения. Роджер даже пожалел Кристи. Нелегко простому смертному тягаться с Фрейзером.

Кенни, задрав голову, осушил свою кружку, с довольным видом отставил ее в сторону и, приподняв брови, указал на кувшин. Роджер махнул рукой, отказываясь от угощения.

– Нет, спасибо. Но масонство... как это случилось?

Солнце почти село. Придется добираться домой в темноте, нельзя ведь

уйти, не узнав, как все было на самом деле.

Кенни заворчал, расправляя килт на бедрах. Гостеприимство это хорошо, но у него оставались еще кое-какие домашние дела. С другой стороны, нельзя забывать о вежливости, да и Дрозд ему нравился не только потому, что был зятем Макдью.

– Ну, ладно. Кристи не понравилось, что Макдью занял такое положение, он-то считал, что оно по праву принадлежит ему. Тем более Кристи тоже был вождем. Конечно, не таким хорошим, как Макдью, однако кое-кто за ним пошел, и не только божьи нытики.

Если Роджер и был шокирован такой оценкой братьев по вере, то не подал виду, желая дослушать историю до конца.

– И что случилось?

– Начались стычки. – Кенни пожал плечами.

Расколы и трещины, результаты столкновения двух тектонических плит, которые налегают друг на друга, пока одна не подомнет под себя другую.

– Мы видели, что Макдью что-то задумал, но он не тот человек, который будет делиться своими мыслями, вы же знаете.

«Почти ни с кем, – подумал Роджер, вспомнив тихий голос Фрейзера, заглушаемый воем осеннего ветра. – Однако мне он рассказал». От этой мысли в груди потеплело.

– Однажды Макдью вернулся поздно и вместо того, чтобы лечь спать, позвал меня и моих братьев, Гэвина Хейса, Ронни Синклера и... Тома Кристи.

Фрейзер разбудил шестерых и подвел их к одному из окон камеры, чтобы свет ночного неба освещал их лица. Они стояли вокруг него со слипающимися глазами, едва держась на ногах от усталости после тяжелого рабочего дня, удивляясь, что это может означать. Со времен последней стычки, когда двое мужчин подрались из-за какой-то мелочи, Кристи и Фрейзер не разговаривали между собой, но старались удержать своих людей.

Стояла тихая весенняя ночь. Прохладный воздух был наполнен ароматом свежей зелени и соленым запахом далекого моря. В такую ночь человек тоскует о свободе и мечтает свободно мчаться по земле, чувствуя, как темная кровь пульсирует в венах. Потому они стояли уставшие, но взволнованные и напряженные.

Вернее, Кристи был напряжен. Он недоверчиво смотрел на Фрейзера и его ближайших сотоварищей, опасаясь того, что они задумали. В камере находилось еще пятьдесят человек, и среди них сторонники Кристи.

Позови он на помощь – они бы пришли. Однако человека можно убить до того, как он успеет открыть рот.

Джейми не сказал ни слова, а улыбнулся и протянул руку Тому Кристи. Тот мгновение колебался, но выбора у него не было.

– Мы подумали, что у Макдью в руке молния – так тряхнуло Кристи.

Покрытая мозолями ладонь Кенни лежала на столе. Он медленно сжал короткие толстые пальцы в кулак, тряхнул головой, и на его лице появилась широкая ухмылка.

– Понятия не имею, как Макдью выяснил, что Кристи масон. Видели бы вы лицо Тома, когда он понял, что Джейми Рой один из них.

– Это все Куорри, – объяснил Кенни, видя вопрос на лице Роджера. – Он сам был мастером.

Мастер масонов был главой маленькой ложи, сформированной из офицеров гарнизона. Им требовалось семь членов, а так как один недавно умер, то Куорри осторожно предложил Джейми к ним присоединиться. Джентльмен всегда джентльмен, даже если он якобит.

Не совсем обычная ситуация, отметил про себя Роджер. Похоже, этот Куорри поворачивал законы, как выгодно ему. Впрочем, как и Фрейзер.

Куорри посвятил его, и за месяц он продвинулся от ученика до подмастерья, а еще через месяц сам стал мастером и тогда нам обо всем рассказал. В ту ночь мы основали новую ложу – Ардсмурская ложа номер два.

Роджер изумленно фыркнул:

– Да, вас шестеро и Кристи.

Высокомерный, но честный протестант Том Кристи принес масонскую клятву и вынужден был принять Фрейзера и его братьев – католиков.

– Так все началось. Через три месяца все в камере стали учениками и стычки прекратились.

Еще бы. Пожалуй, главными принципами масонства были равенство – в ложе не имеет значения, кто ты, джентльмен, фермер, рыбак или лэрд – и толерантность. Братья не говорят о политике или религии – таково правило.

Кенни отодвинул табуретку и встал. История закончилась, наступили сумерки, и пришло время зажигать свечи. Однако Кенни даже не потянулся к глиняному подсвечнику, стоявшему на очаге. Огонь горел, но едой в хижине не пахло.

– Мне пора, скоро ужин, – сказал Роджер, вставая. – Может, и вы к нам присоединитесь?

Лицо Кенни просияло.

– Конечно, *a Smedraich*, спасибо вам большое. Дайте только коз подою

и пойдём.

* * *

Когда я поднялась наверх после вкусного завтрака, состоящего из омлета с бизоньим мясом, сладким луком и грибами, то обнаружила, что Джейми проснулся.

– Как ты себя чувствуешь? – Поставив поднос с едой, я приложила руку к его лбу, все еще теплomu, но не горячему. Лихорадка почти прошла.

– Лучше б я умер, чем постоянно отвечать на этот вопрос, – проворчал Джейми.

Я решила, что такое расположение духа – признак выздоровления, и убрала руку.

– Ты сегодня на горшок ходил?

Он сердито приподнял бровь:

– А ты?

– Знаешь, ты просто несносен, когда болеешь, – заявила я и полезла за ночным горшком. Ничего.

– Саксоночка, а ты никогда не думала, что это ты несносная, когда я болею? Если ты не пичкаешь меня всякой дрянью, приготовленной из жуков и опилок, то тыкаешь мне в живот или интересуешься содержимым кишок. Ох!

Я и в самом деле приподняла одеяло и ткнула в нижнюю часть живота. Не обнаружив напряжения в области мочевого пузыря, – Джейми завопил, потому что ему было щекотно, я пропальпировала печень, но, к своему облегчению, уплотнений не нашла.

– Спина болит?

– Жопа у меня болит, – проворчал он, покосившись на меня, и сложил руки, защищая живот. – И с каждой минутой все больше.

– Я пытаюсь определить, не повреждены ли почки, – терпеливо объяснила я. – Если ты не можешь писать...

– Да я отлично с этим справляюсь, – заверил он меня, натягивая простыню до груди – на тот случай, если я решу проверить. – Просто оставь мне завтрак, и я...

– Откуда ты знаешь?

– Знаю!

Я скептически посмотрела на ночной горшок, и Джейми, сердито взглянув на меня, пробормотал что-то похожее на «окно». Я обернулась –

ставни были открыты, а рама поднята, несмотря на прохладный утренний воздух.

– Что ты сделал?

– Ну, – пробормотал он, защищаясь, – решил посмотреть, смогу ли встать.

– Зачем тебе вставать?

– Хотел проверить, смогу ли. – Он взглянул на меня невинным взглядом младенца, и я, оставив вопросы, перешла к более важным вещам.

– А кровь была в...

– Что сегодня на завтрак?

Джейми перекатился на бок и приподнял салфетку на подносе. Не найдя ничего, кроме молока с хлебом, он взглянул на меня с видом человека, до глубины души потрясенного предательством.

Прежде чем он вновь начал обижаться, я уселась на стул, стоящий у кровати, и напрямик спросила:

– Что не так с Томом Кристи?

Он удивленно мигнул:

– А что с ним такое?

– Не знаю, я его никогда не видела.

– Я сам его уже двадцать лет не видел, – сказал Джейми, потом взял ложку и подозрительно потыкал в хлеб с молоком. – Если у него еще одна голова выросла...

– Ха! – терпеливо сказала я. – Роджера тебе удалось... почти удалось обмануть, но я-то тебя знаю.

Он закатил глаза, потом криво улыбнулся:

– Ага, значит, ты знаешь, что я терпеть не могу хлеб с молоком.

Мое сердце трепыхнулось от его улыбки, однако я постаралась сохранить достоинство.

– Если думаешь шантажировать меня, чтобы получить бифштекс, – забудь! Я все равно выясню, что представляет из себя Том Кристи, если понадобится.

Я встала, отряхнув юбки, и сделала вид, что направляюсь к двери.

– Принеси мне овсянки с медом, и я все расскажу.

Я обернулась и увидела, что он ухмыляется.

– Договорились, – согласилась и вновь уселась на табуретку.

Джейми немного помолчал, решая, с чего начать.

– Роджер рассказал мне о масонской ложе в Ардсмуре, – призналась я, чтобы ему помочь. – Вчера вечером.

Джейми бросил на меня удивленный взгляд:

– А откуда Роджер Мак знает? Кристи ему доложил?
– Нет, Кенни Линдси. Но Кристи показал ему какой-то масонский знак, когда приехал. Я думала, что католикам запрещено вступать в масонские ложи.

Джейми приподнял бровь:

– Вообще-то, да. Но Папы в Ардсмуре не было, а я был, и я не знал, что это запрещено. Значит, Роджер тоже масон?

– Очевидно. Но ведь дело не в этом?

Джейми кивнул и отвел взгляд.

– Помнишь сержанта Мурчисона, саксоночка?

– Отлично помню.

Я его встречала только раз, пару лет тому назад в Кросс-Крике. Однако это имя всплывало совсем недавно в другом контексте, и я наконец вспомнила, где его слышала.

– Арчи Хейс рассказывал о нем, или о них. Они – близнецы, и, кажется, один из них стрелял в Арчи у Каллодена.

Джейми кивнул. Его глаза были полузакрыты, словно он смотрел в прошлое, вспоминая дни, проведенные в Ардсмуре.

– Да, хладнокровно пристрелить человека – им раз плюнуть. Жестокая парочка. – Его губы искривились. – Единственное, за что я благодарен Стивену Боннету, – что он убил одного из этих гадов.

– А второй?

– Второго убил я.

В комнате вдруг стало очень тихо, словно мы вдвоем перенеслись куда-то далеко от Риджа. Джейми не сводил с меня синих глаз, ожидая ответа. Я глотнула и спросила, удивляясь тому, как спокойно звучит мой голос:

– Почему?

Он отвел взгляд и покачал головой:

– На то есть сотня причин. И ни одной.

Потом потер запястье, словно ощущая вес железных кандалов.

– Саксоночка, я могу рассказать тебе множество историй об их жестокости, и все они будут правдивыми. Мурчисоны охотились за слабыми, избивали и грабили их. Они из тех, кто совершает насилие ради насилия, просто так, потому что нравится. В тюрьме от таких, как они, не скрыться.

Узники Ардсмурса должны были трудиться. Они нарезали торф, работали в каменоломнях, таскали камни. Каждую маленькую группу охранял английский солдат с ружьем и дубинкой. Ружье – чтобы

предотвратить побег, а дубинка – чтобы поддерживать порядок и наказывать непослушных.

– Было лето. Ты же знаешь, саксоночка, что в Шотландии в это время белые ночи?

Я кивнула. В конце лета в Шотландии, далеко на севере, в канун летнего солнцестояния солнце практически не садится. Оно опускается за горизонт, но даже в полночь небо бледное и молочно-белое, а прозрачный воздух наполнен таинственной дымкой.

Начальник тюрьмы решил воспользоваться этим и заставлял узников работать до поздней ночи.

– Мы не возражали, – сказал Джейми, глядя куда-то вдаль, сквозь таинственную дымку памяти. – Все равно на улице было лучше, чем в камере.

И охранники, и узники к концу дня с ног падали от усталости. Заключенных собирали, строили в колонну, и они маршировали в тюрьму через вересковую пустошь, спотыкаясь и мотая головами, мечтая лишь о том, чтобы упасть и уснуть.

– Мы еще были в каменоломнях, когда узников начали собирать, чтобы отвести в тюрьму. Мы загружали в повозку инструменты и последние каменные блоки, когда я услышал за спиной какой-то звук. Оборачиваюсь, а там сержант Мурчисон – Билли. Я только недавно узнал, кто из них это был. Сержант сидел на корточках, опустив голову, – размытый силуэт на фоне перламутрового неба. Я все время думаю, решился бы я на такое, если бы посмотрел ему в глаза.

Сержант поднял дубинку, ткнул Джейми в ребра и указал на деревянный молот, лежащий на земле. А потом отвернулся.

– Я действовал, не задумываясь, – едва слышно произнес Джейми. – Пара шагов, и я оказался у него за спиной, набросил на горло цепь кандалов и придушил. Он не издал ни звука.

Повозка стояла в десяти футах от края каменоломни – там был обрыв глубиной сорок футов, а внизу плескалась вода, почти черная под пустым белым небом.

– Я привязал его к камню и швырнул вниз, а потом вернулся к повозке. Двое из моей группы были там – стояли в полумраке, словно статуи, и ждали. Никто не произнес ни слова. Я взялся за поводья, они сели в повозку, и мы направились в сторону тюрьмы. Затем присоединились к колонне и все вместе молча вернулись в камеру. Сержанта Мурчисона не хватились до следующего вечера, – все подумали, что у него выходной и он отправился в село. Скорее всего, его так и не нашли.

– А те двое? – тихо спросила я.

– Том Кристи и Дункан Иннес.

Джейми глубоко вздохнул и повел плечами, словно просторная ночная сорочка вдруг сделалась ему мала. Потом поднял руку и покрутил ее, рассматривая запястье.

– Странно...

– Что странно?

– Шрамы пропали.

– Шрамы от кандалов?

Он кивнул головой, недоуменно глядя на руки. Кожа была светлой и загоревшей, оттенка бледного золота, без каких либо отметин.

– Я их столько лет носил... И не заметил, как они исчезли.

Я накрыла его ладонь своей и тихонько потерла большим пальцем то место, где лучевая артерия пересекалась с костью.

– Когда я нашла тебя в Эдинбурге, их уже не было. Они пропали давным-давно.

Джейми вновь взглянул на руки и недоверчиво покачал головой.

– Да, – вполголоса ответил он. – Так же, как и Том Кристи.

Часть девятая

Опасное дело

Глава 96

Золото

В доме было тихо. Мистер Уэмисс, Лиззи и миссис Баг ушли на мукомольную мельницу, да и из Риджа вряд ли кто в столь поздний час заглянул бы в гости. Дел хватало: проверить, накормлены ли животные, наносить дров и воды, разжечь огонь, чтобы приготовить ужин.

Мой собственный зверь уже поел и устроился спать: подобрав под себя лапы и с довольным видом прикрыв глаза, Адсо сонным клубочком свернулся на карнизе, куда падали лучи закатного солнца. Мой ужин, который Фергус изящно называл *lapin aux chanterelles* (у нас, простых людей, это тушеный кролик), весело шипел в котле с самого утра – присматривать за ним не требовалось.

Я достала из шкафчика чернила, перо и большой журнал для записей и устроилась на солнце рядом с Адсо. Затем подробно описала в журнале опухоль на ухе Джорди Чишолма – за ней надо понаблюдать – и добавила новые измерения левой руки Тома Кристи.

Кристи действительно страдал от артрита обеих рук, но, внимательно понаблюдав за ним во время обеда, я пришла к выводу, что его левая рука стала такой не из-за артрита, а из-за синдрома Дюпюитрена – причиной скручивания безымянного пальца и мизинца был ладонный апоневроз.

Руки Кристи так сильно огрубели от многолетнего труда, что я не нащупала характерный узелок у основания безымянного пальца. Как только я впервые взглянула на его палец – когда зашивала Тому порез на ладони, – то сразу поняла, что с ним что-то не так, и с тех пор при встрече с ним всегда проверяла этот палец – если удавалось уговорить Кристи.

Несмотря на опасения Джейми, до сих пор Кристи были идеальными арендаторами – вели себя тихо и в основном сторонились других, если не считать работы Томаса Кристи в школе: он был строгим, но хорошим учителем.

Я вдруг почувствовала, что сзади меня кто-то движется. Луч солнца сместился, а вместе с ним и Адсо.

– Кот, даже не думай, – сказала я.

У моего левого уха послышалось предвкушающее мурчание, и огромная лапа осторожно коснулась моей макушки.

– Ну, ладно, – сдалась я, иначе пришлось бы пересесть и делать записи в другом месте. – Будь по-твоему.

Адсо обожал волосы. Неважно, настоящие или нет. Хорошо, что майор Макдональд стал единственным, кто рискнул сесть рядом с Адсо с париком на голове. В итоге я все же вернула майору парик, хотя ради этого пришлось залезть под дом, куда Адсо его утащил – никто другой не посмел бы вырвать добычу из пасти бравого кота. Майор довольно сурово высказался о случившемся, и хотя это не помешало ему и дальше заглядывать в гости к Джейми, шляпу он теперь не снимал. Натянув поглубже свою треуголку, он пил кофе из цикория за кухонным столом и внимательно следил за передвижениями Адсо.

Я немного успокоилась – не мурчала, конечно, но чувствовала себя очень расслабленной. Слегка выпустив когти, кот аккуратно мял мои волосы, то и дело останавливаясь, чтобы нежно потереться мордочкой о мою голову. Опасным Адсо становился только из-за кошачьей мяты, но она была надежно спрятана. Прикрыв глаза, я задумалась над тем, как описать синдром Дюпюитрена, так его не называя, – ведь сам барон Дюпюитрен еще не родился.

Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, поэтому я решила изобразить синдром в виде схематичного рисунка. Я старалась сделать его как можно более четким, одновременно думая о том, как мне уговорить Томаса Кристи прооперировать руку.

Операция была простой и недолгой, однако надо учесть отсутствие анестезии и еще тот факт, что Кристи – строгий последователь пресвитерианства и трезвенник... Может, Джейми сядет ему на грудь, а Роджер придержит ноги, и если Брианна крепко сожмет его кисть...

На мгновение я отвлекалась от этой проблемы и сонно зевнула, но дремоту тут же как рукой сняло, когда в открытое окно залетела большая желтая стрекоза. Бросив жевать ленту в моих взъерошенных волосах, Адсо бросился за стрекозой. Мокрая изжеванная лента повисла за моим левым ухом. Испытывая легкую неприязнь, я сняла ее и положила сушиться на подоконник, а затем перелистала назад несколько страниц, чтобы полюбоваться изящными рисунками змеиного укуса.

Нога Джейми зажала на удивление хорошо и чисто, и, хотя кое-где кожа еще сходила, личинки отлично объели мертвую ткань, так что в итоге осталось только два небольших следа от змеиных зубов и тонкий прямой шрам поперек икры, где я делала надрез.

Довольно напевая себе под нос, я бегло просмотрела последние записи Дэниела Роулингса.

«Джозеф Говард, основная жалоба – свищ прямой кишки в таком запущенном состоянии, что развился серьезный абсцесс, а также сильный

геморрой. Назначено лечение: отвар собачьей мяты, смешанный с жжеными квасцами и небольшим количеством меда и вскипяченный с соком календулы».

Затем, на той же странице, шла запись, сделанная через месяц после предыдущей; описывалась эффективность указанной смеси, были приведены иллюстрации состояния пациента до и после приема отвара. Рисунки меня поразили: художник из Роулингса не лучше, чем из меня, но ему удалось невероятно точно передать, как выглядит болезнь изнутри.

Задумавшись и потыкав пером у рта, на поля я аккуратно добавила заметку о том, что в дополнение к данному лечению рекомендуется диета из богатых клетчаткой овощей: это поможет предотвратить запор и более серьезные осложнения – такие, что тут уже не изобразишь!

Я отложила перо и перевернула страницу. Что за собачья мята? Какое-то растение, или так называют припарку для лечения собак?.. Джейми зашуршал в своем кабинете – надо пойти спросить у него.

Чуть не упустила. Внизу страницы с изображением свища мистера Говарда была едва заметная приписка, что-то вроде запоздалой мысли в конце рабочего дня.

«Гектор Кэмерон из «Горной реки» умолял прийти и осмотреть глаза его жены, ее зрение серьезно ухудшилось. До плантации далеко, но он пришлет за мной лошадь».

От сонной атмосферы раннего вечера не осталось и следа. Заинтригованная, я выпрямилась и перевернула страницу. Осмотрел ли доктор в итоге Йокасту? Однажды я – и то с трудом – уговорила ее дать мне обследовать ее глаза, так что было бы интересно узнать, к каким выводам пришел Роулингс. Без офтальмоскопа установить причину слепоты было невозможно, однако у меня имелись свои предположения – по крайней мере, я с большой долей уверенности исключила из вероятных причин катаракту и диабет. Может, Роулингс заметил нечто такое, что я упустила, или же состояние ее глаз значительно ухудшилось с момента его осмотра.

«Пустил кузнецу пинту крови, выписал его жене сенное масло (10 минимов) и 3 минима того же препарата их коту (бесплатно), так как заметил глистов в стуле животного».

Прочитав эту запись, я улыбнулась: несмотря на примитивные методы, Дэниел Роулингс был хорошим врачом. Любопытно, что с ним произошло. Повстречаемся ли мы когда-нибудь? Печальное предчувствие подсказывало, что нет: доктор обязательно вернулся бы за такими прекрасными инструментами, будь у него такая возможность.

Подгоняемый моим любопытством, Джейми услужливо навел справки.

Безрезультатно. Дэниел Роулингс отправился в Вирджинию, оставив свой докторский саквояж, и словно испарился.

Еще одна страница, еще один пациент: кровопускание, промывание, вскрытие нарывов, удаление воспаленного ногтя или нарывающего зуба, прижигание незаживающей раны на ноге женщины... В Кросс-Крике у Роулингса дел хватало. Добрался ли он все же до «Горной реки»?

Да, вот оно – спустя неделю запись через несколько страниц.

«Путь до «Горной реки» оказался ужасающим: дождь и ветер хлестали так, что могли бы перевернуть корабль на море, дорогу местами совершенно размыло, отчего пришлось ехать по бездорожью, в глаза сыпал град и летела грязь. Черный слуга мистера Кэмерона пригнал для меня лошадь, и мы отправились на рассвете, а в поместье прибыли уже затемно, измученные и проголодавшиеся. Мистер Кэмерон радушно встретил меня стаканом бренди».

Роулингс осмотрел всех рабов и слуг, а также самого хозяина, – видимо, потратившись на то, чтобы привезти доктора в поместье, Гектор Кэмерон решил использовать его на всю катушку.

«Семидесяти трех лет, среднего роста, широк в плечах, немного сутулый, – так описывал Роулингс Гектора, – а пальцы так скрючены ревматизмом, что ничего тяжелее ложки удержать не может. В остальном хорошо сохранился, очень бодр для своего возраста. Жалуется на вставание по ночам, болезненное мочеиспускание. Я склонен предположить, что причиной тому не мочекаменная болезнь и не хроническое заболевание внутренних мужских органов, а зудящее расстройство мочевого пузыря, так как состояние это периодически повторяющееся, но не продолжительное – в среднем обострение длится около двух недель и сопровождается жжением в мужском органе. Небольшой жар, болезненные ощущения при пальпации нижней части живота и черная моча с резким запахом подтверждают мою догадку.

В поместье достаточно сушеной клюквы; назначил отвар в загустевшем виде три раза в день по одной чашке. Также рекомендовал настой подмаренника утром и вечером – дает жаропонижающий эффект и выводит, при наличии, мочевой песок из пузыря, дабы не усугублять нынешнее состояние».

Я не всегда соглашалась с диагнозами или лечением Роулингса, но, думаю, в этот раз он совершенно прав. А что же с Иокастой?

Вот и про нее, на следующей странице:

«Иокаста Кэмерон, шестидесяти четырех лет от роду, трижды беременна, общее состояние здоровья хорошее, упитанна и довольно

моложава на вид».

«Трижды беременна»? Его сухая формулировка меня поразила. Такими простыми, такими резкими словами доктор обозначил рождение – и потерю – троих детей. Каково это – вырастить их, справившись с опасностями младенческого возраста, а затем потерять?.. Солнце пригревало, однако при мысли об этом по спине пробежал холодок.

А если бы такое случилось с Брианной? Как женщине справиться с такой утратой? Я тоже пережила подобное, но ответа до сих пор не знаю. Хотя прошло уже немало времени, я по-прежнему то и дело просыпаюсь среди ночи, чувствуя тяжесть лежащей у меня на груди малютки и ее теплое дыхание на моей шее.

Возможно, легче пережить смерть малыша при родах, чем потерять взрослого ребенка, чья утрата оставит рваные раны в твоём сердце. И все же я знала Фейт в мельчайших деталях, так что она навсегда осталась в моей памяти. По крайней мере, она умерла по естественным причинам – может, поэтому мне и казалось, что Фейт по-прежнему со мной, что я не бросила ее и забочусь о ней? Но каково это, когда твоих детей забирает кровавая мясорубка войны?

В этой эпохе детей везде поджидает опасность. С тревожными мыслями я продолжила читать запись об Йокасте:

«Никаких признаков органического заболевания или внешнего повреждения глаз. Белки глаз чистые, гноя на ресницах не обнаружено, опухолей не видно. Зрачки нормально реагируют на свет. Заметил небольшое помутнение в хрусталике правого глаза, что указывает на начальную стадию катаракты, но не объясняет постепенную утрату зрения».

Я хмыкнула вслух. Наблюдения и выводы Роулингса совпадали с моими. Он кратко упомянул срок, за который ухудшилось зрение – около двух лет, – и отметил, что произошло это не сразу: поле видимости сужалось постепенно.

Я думаю, что процесс длился дольше: иногда зрение ухудшается так медленно, что человек замечает неладное слишком поздно.

«...остатки зрения будто ветром унесло. Если пациентка и может что-то увидеть, то лишь при тусклом свете, так как солнечный свет вызывает сильное раздражение и болезненные ощущения.

Ранее я дважды сталкивался с подобным заболеванием, это тоже были пациенты в возрасте, но их состояние не являлось настолько серьезным. Вероятно, вскоре зрение будет полностью утеряно, и улучшить его не представляется возможным.

К счастью, одна черная служанка мистера Кэмерона умеет читать, и теперь она сопровождает жену хозяина, помогает ей обходить препятствия, а также читает ей и сообщает об окружающей обстановке».

Сейчас все стало куда хуже, Иокаста полностью ослепла и не различает свет. Значит, заболевание прогрессирующее. Но что это дает? Большинство подобных болезней прогрессируют.

Вряд ли мы имеем дело с отслоением сетчатки, иначе потеря зрения была бы внезапной. Причиной могли послужить многие заболевания – дегенерация желтого пятна, опухоль зрительного нерва, паразитарное поражение, пигментный ретинит, височный артериит, но прежде всего я бы заподозрила глаукому. Я вспомнила, как Федра, служанка Иокасты, замачивала ткань в холодном чае, приговаривая, что у хозяйки «опять» болит голова – судя по ее тону, такое случалось часто, – а Дункан просил сделать подушечку с лавандой, чтобы жену отпустили «мигрени».

Правда, головные боли могут и не иметь ничего общего со зрением, ведь я тогда не поинтересовалась, что их вызывает. Возможно, это просто головная боль напряжения или мигрень, а не давящая боль, которой иногда сопровождается глаукома, да и при артериите тоже часто болит голова. Проблема в том, что именно у глаукомы совершенно нет предсказуемых симптомов – за исключением слепоты, которую она провоцирует. Приводит к этому нарушение отток жидкости внутри глазного яблока, отчего давление в глазу возрастает до такой степени, что вызывает повреждения, только ни пациент, ни врач предвидеть этого не могут. Однако и другие виды слепоты зачастую бывают бессимптомны...

Я раздумывала о возможных причинах болезни, как вдруг поняла, что на этом запись Роулингса не закончилась – он добавил на обороте кое-что на латыни.

Это меня поразило. Запись явно была сделана в продолжение предыдущих наблюдений: видно, как то темнеют, то тускнеют написанные пером слова, и заметно, что записи о разных пациентах сделаны разными чернилами. Нет, доктор точно написал это сразу после описания болезни на предыдущей странице.

Но зачем вдруг переходить на латынь? Роулингс немного разбирался в латинском – что свидетельствовало о наличии у него формального образования, пусть и не медицинского, – однако в своих медицинских записях он почти не использовал этот язык, разве что для официального наименования той или иной болезни. Здесь же почти полторы страницы на латыни аккуратным, мельче, чем обычно, почерком, как будто доктор тщательно обдумал содержание своей записи – или хотел сохранить

написанное в тайне, иначе как объяснить использование латинского?

Я пролистала назад докторский журнал, чтобы проверить правильность своих догадок. Нет, местами все же попадаются записи на латыни, но их не так много и в основном в такой же манере, как здесь – в продолжение описания на английском. Странно. Я вернулась к записи о посещении «Горной реки» и попыталась разобраться в написанном.

Через пару предложений я сдалась и решила найти Джейми. Он был у себя в кабинете, писал письма.

Под рукой у него стояла только что наполненная чернильница из бутылочной тыквы, закрытая пробкой, чтобы чернила не засохли. На столе лежало новое индюшиное перо, заточенное так остро, что скорее походило на нож, чем на письменный прибор, а поверх промокательной бумаги – чистый лист бумаги и всего три одиноких черных слова в заголовке письма. Одного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять, что там написано.

«Моя дорогая сестра».

Взглянув на меня, Джейми криво усмехнулся и пожал плечами:

– И что мне написать?

– Не знаю. – Я встала позади Джейми, положила руку ему на плечо и слегка сжала. В ответ он накрыл мою ладонь своей, а потом взялся за перо.

– Не могу же я все время извиняться. – Он медленно перекачивал перо между большим и средним пальцами. – Я просил прощения в каждом письме. Будь она склонна простить меня...

Будь Дженни склонна простить, она бы уже ответила хотя бы на одно из писем, которые Джейми исправно посылал в Лаллиброх каждый месяц.

– Иэн тебя простил. И дети тоже.

Пусть нерегулярно, но послания от зятя Джейми все же приходили – бывало, с записками от его тетки, малыша Джейми, а иногда и с парой строчек от Мэгги, Китти, Майкла и Джанет. Однако молчание Дженни было настолько оглушительным, что голоса остальных за ним терялись.

– Да, было бы хуже, если... – Джейми замолк, уставившись на чистый лист. На самом деле не было ничего хуже этой отчужденности. Дженни была для него ближе всех, важнее всех в этом мире – возможно, не считая меня.

Я разделяла с ним постель, любовь, мысли. Сестра же разделяла его сердце и душу с самого рождения – и до того момента, когда он потерял ее младшего сына. По крайней мере, так это видела она.

Джейми до сих пор чувствовал себя виновным в исчезновении Иэна, и поведение Дженни вызывало у меня неприязнь. Я понимала всю глубину ее утраты и соболезовала ее горю, и все же, насколько нам было известно,

Иэн не погиб. Только она одна могла снять с Джейми груз вины, и она наверняка это знала.

Пододвинув табурет, я села рядом. С одной стороны лежала стопка бумаг, исписанных его аккуратным почерком. Писать другой рукой вместо искащенной было невероятно трудно, и все же Джейми почти каждый вечер упрямо делал записи о случившемся за день. О визитах в Ридж, о здоровье животных, о ходе строительства, о новых поселенцах, о вестях из восточных графств... По слову за раз, он вел записи, чтобы потом отправить накопившиеся страницы в рискованный путь в Шотландию с каким-нибудь приезжим. Пусть не все, но какие-то из писем дойдут до получателя. Как и послания из Шотландии – большинство из них до нас добиралось. При условии, что их отправляли.

Сначала я надеялась, что письма Дженни просто были отправлены не по тому адресу или потерялись по дороге. Но прошло слишком много времени, и я потеряла надежду. В отличие от Джейми.

– Может, отправить ей вот это? – Покопавшись в бумагах, лежащих на краю стола, он достал небольшой листок, весь заляпанный и оборванный с одной стороны, выданный из книги.

Это было послание от Иэна, единственное реальное доказательство того, что мальчик жив и здоров. Мы получили его в ноябре на Собрании, через Джона Куинси Майерса, охотника, который исследовал дикие места и чувствовал себя одинаково хорошо в компании индейцев и поселенцев, а еще лучше – с оленями и опоссумами. В записке на корявой латыни сообщалось, что Иэн здоров и счастлив. Что он женился на девушке «по традиции моговков» (то есть, как я поняла, он решил разделить с ней ее дом, постель и очаг, а она ему позволила), что сам скоро станет отцом – «по весне». На этом все. Давно прошла весна, но больше писем мы не получали. Иэн не был мертв, но все равно что погиб: Джейми знал, что шансы увидеться с ним ничтожно малы. Иэна поглотила дикая природа.

Джейми осторожно коснулся потрепанного листка, провел пальцами по округлым буквам. Я знала не только то, что он сообщил Дженни об этом послании, но и почему он не отправлял ей оригинал. Это письмо – единственная вещественная связь с Иэном, и отдать его значило окончательно смириться с тем, что Иэн теперь среди моговков.

«Приветствую! – писал Иэн своим незрелым почерком. – *Ian salutat avunculus Jacobus*». То есть Иэн шлет привет своему дяде Джеймсу.

Иэн был для Джейми не просто одним из племянников. Он обожал всех детей Дженни, но Иэна особенно – как приемного сына, как Фергуса, только в отличие от Фергуса Иэн был одной крови с Джейми и в какой-то

мере заменял ему сына, которого тот потерял. Вокруг было слишком много потерянных детей.

– Да, думаю, стоит отправить. Оно должно быть у Дженни, даже если... – Я кашлянула и вдруг вспомнила о записи из докторского журнала. В надежде отвлечь Джейми я достала журнал. – Кстати, к слову, о латыни... вот тут есть странный отрывок. Не посмотришь?

– Давай, конечно. – Джейми отложил послание Иэна, взял у меня из рук журнал и положил так, чтобы на страницу падало закатное солнце. Слегка нахмурившись, он стал водить пальцем по строчкам. – Боже, его познания в латинской грамматике не лучше твоих, саксоночка!.. Странно... «Я проснулся»... нет, наверное, он имеет в виду «меня разбудили», «звуки из комнаты, смежной с моей. Я думаю»... нет, «я подумал», – что пациент пошел помочиться, и встал, чтобы последовать за ним...». Зачем это ему, интересно?

– У пациента – кстати, речь о Гекторе Кэмероне – были проблемы с мочевым пузырем. Роулингс хотел понаблюдать за его мочеиспусканием, понять, в чем он испытывает трудность, есть ли болезненные ощущения, кровь в моче и все такое.

Подняв бровь, Джейми искоса посмотрел на меня, затем покачал головой и вновь обратился к журналу, бормоча себе под нос что-то про причуды врачей:

– «*Homo procedente*»... человек идет дальше... Почему он не называет его по имени, а пишет «человек»?

– Доктор писал на латыни, соблюдая секретность, – ответила я. Не терпелось услышать, что дальше. – Увидь Кэмерон свое имя в журнале, это наверняка привлекло бы его внимание. Так что случилось?

– «Человек выходит наружу»... не пойму, на улицу или просто из своей комнаты? Наверное, на улицу... «Выходит, я иду за ним. Он идет быстро, уверенно...» И что в этом такого? Хм, вот здесь я не уверен. «Я даю – дал – ему двенадцать гран настойки опия...»

– Двенадцать *гран*? Там точно так написано? – Я заглянула через плечо Джейми, и он показал на запись – так и есть. – Таким количеством опия можно лошадь свалить!

– Да, «двенадцать гран настойки опия для лучшего сна». Неудивительно, что ночной бег Кэмерона по газону изумил доктора.

Я тыкнула его локтем.

– Давай дальше!

– Хм-м-м. Ну, он пишет, что пошел в уборную в полной уверенности, что застанет там Кэмерона, но внутри никого не было и не чувствовалось

никакого запаха... э-э... В общем, уборную недавно не посещали.

– Со мной можешь не деликатничать, – сказала я.

– Знаю, – улыбнулся Джейми, – но сам я, саксоночка, все еще чувствителен к таким вещам, несмотря на наш давний союз. Ай! – Он отдернул руку, потирая ее в том месте, где я ущипнула.

– С вашего *позволения*, довольно о чувствительности, – топнула я ногой. – Раньше я ее что-то не замечала – иначе бы ты вообще на мне не женился. Так где был Кэмерон?

Джейми просмотрел страницу, неслышно проговаривая слова.

– Он не знает. Доктор обошел весь двор, пока не наткнулся на дворецкого, – тот принял его за грабителя и пригрозил бутылкой виски.

– Какое страшное оружие, – с улыбкой отметила я, представив набравшегося Улисса, потрясающего в воздухе таким орудием. – И как будет на латыни «бутылка виски»?

Джейми взглянул на запись.

– Он пишет «*aqua vitae*» – «вода жизни», по-другому никак не назовешь. Но это наверняка именно виски – доктор отмечает, что дворецкий дал ему глоток, дабы помочь справиться с потрясением.

– То есть Кэмерона он не нашел?

– Нашел-нашел, потом. Тот лежал в своей белоснежной постельке и похрапывал. На следующее утро доктор спросил о случившемся, но Кэмерон ничего не помнил о прошлой ночи. – Одним пальцем Джейми перевернул страницу и посмотрел на меня. – Он мог все забыть из-за опия?

– Да, – нахмурилась я, – вполне. Невероятно, что человек, принявший такое количество опия, вообще мог разгуливать среди ночи... если только... – Мне вспомнились слова Иокасты во время нашей беседы в «Горной реке», и, изогнув бровь, я спросила: – Твой дядя Гектор, случаем, не покуривал опиум? Если он принимал вещество в больших количествах и прежде, тогда доза Роулингса могла и не оказать на него никакого воздействия.

Намеками на безнравственность родни Джейми не шокировать; он задумался над моими словами, затем покачал головой.

– Даже если так, я об этом ничего не слышал. С другой стороны, – логично добавил он, – кто стал бы мне об этом рассказывать?

Верно подмечено. Если Гектор Кэмерон и был в состоянии позволить себе привозные наркотики – в чем не стоит сомневаться, ведь «Горная река» считалась одной из самых процветающих местных плантаций, – то это было его личное дело. И все же я думала, что кто-то мог упомянуть об этом.

Мысли Джейми были заняты совсем другим.

– Саксоночка, зачем человеку среди ночи выходить на улицу в туалет? У Гектора Кэмерона был ночной горшок, я знаю это, потому что сам им пользовался. На нем даже есть его имя и эмблема Кэмеронов.

– Хороший вопрос. – Я внимательно посмотрела на страницу с секретной записью. – Если Гектора Кэмерона мучили боли – например из-за камней в почках, – он мог выйти наружу, чтобы никого не разбудить в доме.

– Я не в курсе, курил ли мой дядя опиум, но покой жены или слуг его точно особо не заботил, – довольно цинично заметил Джейми. – По общему мнению, Гектор Кэмерон был той еще скотиной.

Я рассмеялась.

– Поэтому твоей тете так по душе Дункан.

В кабинет вошел Адсо с остатками стрекозы в зубах и сел у моих ног, чтобы я могла оценить его добычу.

– Молодец, – легонько погладила я кота. – Только не перебивай аппетит, тебе еще предстоит разобраться с кучей тараканов в кладовой.

– «Ессе *hoto*», – задумчиво пробормотал Джейми, показывая пальцем в журнал. – «Се человек». Может, француз?

– Что? – уставилась на него я.

– Тебе не приходило в голову, саксоночка, что доктор следил не за Кэмероном?

– До этого момента нет. – Я наклонилась и глянула на страницу. – Почему ты думаешь, что это кто-то другой, и уж тем более француз?

Джейми указал на поля с какими-то мелкими рисунками, которые я приняла за обычные каракули. Прямо под его пальцем оказалась лилия.

– «Се человек». Доктора что-то тревожило в человеке, за которым он шел, поэтому он и не называет его по имени. Если Кэмерона свалил опиум, значит, ночью вышел кто-то другой – к сожалению, доктор не упоминает, кто еще был в доме.

– Он упоминает только тех, кого осматривал, – заверила его я. – Иногда вставляет кое-какие личные заметки, но в основном здесь истории болезней, записи об осмотре пациентов и назначенном лечении. И все-таки... – Я нахмурилась, глядя в журнал. – Лилия на полях может вообще ничего не значить и не намекать на присутствие какого-либо француза. – За исключением Фергуса, в Северной Каролине было не так уж много французов. Французские поселения располагались к югу от Саванны, в сотнях миль отсюда.

Возможно, эта лилия – просто ничего не значащий рисунок, но в

журнале Роулингса я почти не встречала каракулей на полях. Если он и добавлял рисунки, то аккуратно и по делу, в качестве напоминания самому себе и руководства для врача, который впоследствии займет его место.

Над лилией Роулингс изобразил что-то вроде треугольника с изогнутым основанием и небольшим кругом у вершины, а под ним – несколько букв. «*Au et Aq*».

– А... и, – медленно произнесла я, глядя на запись. – Аурум.

– Золото? – удивленно посмотрел на меня Джейми.

Я кивнула:

– Да, так в науке обозначается золото. «*Aurum et Aqua*». «Золото и вода» – наверное, он имеет в виду *goldwasser*, чешуйки золота в водном растворе. Это средство от артрита – как ни странно, оно помогает, хотя никто не знает почему.

– Дорогое удовольствие, – заметил Джейми. – Впрочем, Кэмерон мог себе такое позволить – наверняка у него осталась пара унций от золотых слитков.

– А ведь Роулингс упоминал, что Кэмерон страдал от артрита. – Я хмуро посмотрела на неразборчивые записи на полях. – Может, он собирался рекомендовать ему «золотую воду» в качестве лечения. Однако по поводу лилии или вот этой штуки, – показала я на рисунок, – я ничего сказать не могу. Насколько мне известно, таким символом никакое лечение не обозначается.

К моему удивлению, Джейми рассмеялся.

– Еще бы, саксоночка. Это ведь компас франкмасонов.

– Правда? – изумленно посмотрела я на рисунок. – Кэмерон был масоном?

Джейми пожал плечами, провел рукой по волосам. Он никогда не говорил о своей связи с франкмасонами. Его, как говорилось, «посветили» в Ардсмуре, и так как общество было тайным, Джейми редко упоминал о том, что происходило за теми сырыми каменными стенами.

– Роулингс, видимо, тоже, – ответил Джейми. – Иначе бы не знал, что это такое. – Длинным пальцем он показал на компас.

Адсо спас меня от необходимости что-то ответить, выплюнув два янтарных крыла и запрыгнув на стол в поисках очередной закуски. Джейми вооружился новым пером, другой рукой схватил чернильницу. Оставшись без добычи, Адсо медленно подошел к краю стола и уселся на стопку писем, слегка помахивая хвостом и притворяясь, будто наслаждается видом.

Глядя на такую наглость, Джейми гневно сузил глаза.

– А ну-ка убери свою пушистую задницу с моей корреспонденции, зверюга! – сказал он, тыкнув в Адсо острым кончиком пера. Широко раскрыв огромные зеленые глаза, Адсо сосредоточился на движущемся перышке и напрягся в предвкушении. Джейми дразнил его, покачивая пером, и Адсо попытался поймать его лапой – но промахнулся.

Пока эта игра не переросла в беспорядки, я поспешно схватила кота, и тот удивленно и возмущенно мяукнул в ответ.

– Нельзя, это его игрушка, – сказала я коту и укоризненно посмотрела на Джейми. – Идем, тебя еще ждут тараканы.

Я потянулась за журналом, но, к моему удивлению, Джейми меня остановил.

– Оставь его пока здесь, саксоночка. Француз-франкмасон, разгуливающий ночью по «Горной реке», – это очень странно. Хочу посмотреть, что еще доктор Роулингс тут пишет, когда переходит на латынь.

– Хорошо. – Я посадила Адсо, громко заурчавшего в ожидании тараканов, себе на плечо и выглянула в окно. Пылающий круг солнца скрылся за каштанами, слышно было, как возятся на кухне женщины и дети: миссис Баг готовилась подавать ужин, а Брианна и Марсали ей помогали.

– Скоро к столу. – Я наклонилась и поцеловала Джейми в макушку – там, где головы касались закатные лучи. Улыбнувшись, он поднес пальцы к своим губам, а затем к моим, но не успела я выйти из кабинета, как мыслями он уже вернулся к изучению исписанных страниц журнала. Одинокий листок бумаги с тремя черными словами лежал на краю стола, на время позабытый.

Глава 97

Заболевания крови

Снаружи мелькнуло что-то коричневое, и Адсо сорвался со столешницы так, будто кто-то крикнул: «Рыба!» Оказалось ничуть не хуже: это Лиззи возвращалась с молочной площадки, в одной руке миска с густыми сливками, в другой – масленка, к груди ненадежно прижат огромный кувшин молока. Адсо начал обвиваться вокруг ее ног, явно надеясь, что Лиззи споткнется и выронит все добро.

– Кот, не лезь, – сказала я и потянулась за кувшином, дабы спасти молоко.

– Спасибо вам, мэм, – слегка вздохнув, расслабила плечи Лиззи. – Просто не хотела два раза ходить. – Она шмыгнула носом и попыталась вытереть его рукой, едва не выронив масло.

Я достала из кармана платок и приложила к ее носу, едва сдержав привычное материнское: «Давай, сморкайся».

– Спасибо, мэм, – повторила она, кивая.

– Лиззи, с тобой точно все в порядке? – Не дожидаясь ответа, я подхватила ее за руку и потащила в свою приемную – там большие окна и хватит света, чтобы получше ее рассмотреть.

– Со мной все хорошо, мэм. Правда! – начала упираться она и прижала к себе сливки и масло, будто защищаясь.

Вид у нее был бледный – хотя Лиззи всегда бледная, словно из нее выпили всю кровь. Кожа казалась какой-то бесцветной, и это меня встревожило. Прошел почти год после того приступа лихорадки, и в целом у Лиззи все было хорошо, но...

– Иди сюда. – Я подвела ее к высоким табуретам. – Садись, это всего на минутку!

С явной неохотой Лиззи присела и пристроила масленку с миской у себя на коленях. Я забрала у нее посуду и, заметив немигающий хищный взгляд зеленых глаз Адсо, убрала все в буфет.

Сердцебиение нормальное – то есть нормальное для Лиззи, оно у нее обычно слегка учащенное и поверхностное. Дыхание... тоже в порядке, никаких хрипов или свистов. Под подбородком прощупывались лимфатические железы, но после малярии они остались увеличенными, будто округлость под нежной кожей размером с перепелиное яйцо. Железы на шее тоже увеличены, и вот они как раз прощупываться не должны.

Я приподняла веко Лиззи, внимательно всмотрелась в бледно-серый, беспокойно глядящий на меня глаз. Внешне все нормально, только немного налился кровью. И все же что-то было не так... не так с ее глазами, хотя я не могла понять, что именно. Нет ли у белков желтоватого оттенка? Нахмурившись, я повернула голову Лиззи набок, придерживая за подбородок, и она легко поддавалась.

– Эй, у вас тут все в порядке? – В дверях замер Роджер, небрежно державший в руке определенно огромную и определенно мертвую птицу.

– Индейка! – воскликнула я, стараясь добавить голосу энтузиазма. Мясо индейки мне нравилось, однако на прошлой неделе Джейми и Бри уже забили пять гигантских птиц, отчего ужин в последние дни стал слегка однообразен. Три из них теперь висели в копильне.

С другой стороны, дикие индюшки – птицы хитрые и убить их не так-то просто. Насколько я знала, Роджеру это прежде не удавалось.

– Сам подстрелил? – Я почтительно подошла к нему, чтобы полюбоваться добычей. Роджер держал птицу за лапы, крупные чашевидные крылья наполовину раскрылись, перья на грудке переливались на солнце черновато-зеленым.

– Нет. – Лицо у Роджера покраснелось, то ли от солнца, то ли от радости, а может, от того и другого одновременно, загорелая кожа приобрела теплый оттенок. – Прибил ее, – с гордостью сообщил он. – Сначала камнем в крыло, потом догнал и свернул шею.

– Замечательно, – отозвалась я с уже более искренним восхищением. Хотя бы не придется доставать из мяса дробь или бояться, что сломаешь о нее зуб.

– Отличная птица, мистер Мак. – Лиззи соскользнула с табурета и тоже подошла посмотреть. – Такая жирная! Хотите, я возьму и выпотрошу ее?

– Что? А, нет, спасибо, Лиззи, я, э-э, сам этим займусь. – Роджер покраснел еще сильнее, и я едва сдержала улыбку. Он хотел похвастаться своей добычей во всем ее великолепии перед Брианной. Роджер взял птицу левой рукой, а мне протянул правую, перевязанную окровавленной тканью.

– Я слегка поранился, забивая птицу. Вы не могли бы?..

Я размотала ткань и, сморщившись, взглянула на то, что было под ней. Индюшка боролась за жизнь и оставила на тыльной стороне его ладони три рваные раны от когтей. Кровь уже почти запеклась, но из самого глубокого прокола выступили свежие капли и стекли по пальцу на пол.

– Ну да, слегка, – взглянула я на Роджера, подняв брови. – Иди сюда, садись. Я промою рану, и... Лиззи! Стой!

Воспользовавшись моментом, Лиззи решила удрать и робко двинулась в сторону выхода.

– Мэм, со мной все в порядке, – взмолилась она. – Ничего такого, правда ничего.

На самом деле я окликнула Лиззи, чтобы она не забыла забрать масло и сливки из буфета. С молоком пришлось попрощаться: встав на задние лапы, Адсо с головой погрузился в кувшин, из которого доносилось негромкое лакание. Этот звук эхом отразил капание крови Роджера на пол, и мне в голову вдруг пришла мысль.

– У меня идея, – сказала я. – Присядь-ка еще раз, Лиззи – нужна всего лишь капелька крови.

У Лиззи был вид, как у полевой мыши, которая оторвалась от своей крошки и поняла, что ее окружили совы. С большой неохотой она залезла обратно на табурет рядом с Роджером.

– Зачем вам ее кровь? – поинтересовался он. – Можете взять всю мою – за так. – Роджер широко улыбнулся, подняв израненную руку.

– Какое щедрое предложение, – сказала я, раскладывая чистые прямоугольнички стекла на льняной ткани. – Но у тебя ведь не было малярии? – Я схватила Адсо за шкурку и оттащила от молока, а потом открыла шкафчик.

– Насколько я знаю, нет. – Роджер с большим интересом следил за моими приготовлениями.

– Будь у вас малярия, сэр, вы бы такое не забыли, – грустно усмехнулась Лиззи.

– Наверное. Говорят, жуткая болезнь, – с сочувствием посмотрел он на нее.

– Еще какая. Кости ломит так, будто все внутри перебито, а глаза жжет, словно в аду. Сначала пот течет рекой, а потом знобит так, что зуб на зуб не попадает – того гляди, треснут... – Лиззи съежилась и вздрогнула, вспоминая о случившемся. – Я думала, что все прошло, – добавила она, с тревогой поглядывая на ланцет, который я стерилизовала в огне спиртовой горелки.

– Надеюсь. – Я взяла кусок ткани и бутылку из синего стекла, в которой хранился дистиллированный спирт, тщательно протерла кончик среднего пальца Лиззи. – У некоторых болезней никогда не возвращается, и мне хочется верить, что ты, Лиззи, одна из них. Но у большинства переболевших она появляется снова, вот я и пытаюсь понять, не вернулась ли и к тебе малярия. Готова?

Не дождавшись кивка, я быстро пронзила кожу ланцетом, отложила

его и взяла предметное стекло. Затем сжала ее палец, выдавила крупные капли крови на каждое из трех стекол и перевязала палец тканью.

Не медля, я взяла чистое стекло, накрыла им каплю и, распределив кровь по изначальному предметному стеклу, тут же убрала. Проделав то же самое со вторым и третьим стеклами, я отложила их высыхать.

– Вот и все, – улыбнулась я. – Изучить кровь я смогу только через некоторое время. Когда все будет готово, я тебя позову, хорошо?

– О... нет, не надо, мэм, – пробормотала она, вставая с высокого табурета и с ужасом глядя на заляпанные кровью стекла. – Мне не обязательно смотреть. – Лиззи сняла с пальца ткань, расправила фартук и выскочила из кабинета – все-таки забыв сливки с маслом.

– Прости, что заставила ждать, – извинилась я перед Роджером. – Просто подумала... – Я открыла шкафчик, достала три глиняных горшочка и откупорила их.

– Ничего страшного, – заверил меня Роджер. Он внимательно следил за моими действиями: я проверила, что кровь на стеклах подсохла, и положила по одному в каждый горшочек.

– Что ж, посмотрим. – Теперь я могла заняться его рукой – надо было промыть и забинтовать рану. – Все не так плохо, как я думала, – пробормотала я, отдирая с костяшек запекающуюся кровь. – Крови потерял немало, но это хорошо.

– Раз вы так говорите. – Роджер даже не дернулся, но и не смотрел на свою руку – вместо этого выглядывал в окно.

– Очищает раны, – объяснила я, протирая спиртом. – Не надо лезть вглубь, чтобы промыть.

Роджер со свистом втянул в себя воздух и, чтобы отвлечься, кивком показал на горшочки.

– К слову о крови, что это вы делаете с каплями нашей пугливой мышки?

– Хочу кое-что попробовать. Не знаю, получится ли, но я приготовила пробные красители из экстрактов некоторых растений. Если сработает, то под микроскопом я отчетливо увижу красные кровяные тельца – и то, что внутри них. – В моем голосе звучала надежда и неуверенное предвкушение.

Шансов на то, что удастся воссоздать клеточные красители из подручных материалов, было мало, но я не считала эту попытку неосуществимой. У меня имелись все привычные растворители – спирт, вода, скипидар и его дистилляты – и растительные пигменты, от индиго до шиповника, и я отлично знала, каковы их красящие свойства.

Кристалл-виолета и карбол-фуксина у меня не было, зато мне удалось выработать красноватый краситель, благодаря которому эпителиальные клетки становились четко видимыми, пусть и ненадолго. Осталось только узнать, подействует ли этот краситель и на красные кровяные тельца и включения в них или же придется использовать дифференциальное окрашивание.

– И что же внутри них? – с интересом повернулся ко мне Роджер.

– *Plasmodium vivax*, – ответила я. – Простейший организм, вызывающий малярию.

– И вы можете его *разглядеть*? Я думал, микробы слишком маленькие, даже под микроскопом не увидеть!

– Ты прямо как Джейми, – с терпением ответила я. – Хотя мне нравится, как шотландцы произносят слово «микр-р-обы», звучит так зловеще с вашим раскатистым «р».

Роджер засмеялся. Из-за повешения его голос потерял былую силу, но низкие, жесткие тона остались.

– Почти так же хорошо, как «р-р-резня», – сказал он.

– Ох, шотландцам только и подавай «резню». Кровожадные вы ребята.

– Что, прямо все? – Роджер широко улыбнулся – такое обобщение его ничуть не беспокоило.

– Все до одного, – уверенно ответила я. – На вид спокойные, но попробуй только задеть шотландца или обидеть его родных, и голубые береты хлынут через границу.

– Потрясающе, – пробормотал Роджер, глядя на меня. – И вы замужем за одним из них уже...

– Достаточно долго. – Я закончила промывать и протирать его руку, затем промокнула рану свежей марлей – на ней остались небольшие красные пятнышки. – Кстати, о кровожадности... Ты знаешь, какая у тебя группа крови?

Роджер удивленно изогнул темную бровь.

– Да. Знаю. Первая положительная.

Его темно-зеленые глаза со вниманием и интересом наблюдали за мной.

– Очень любопытно. – Я еще раз сменила квадратик марли и начала заматывать рану бинтом.

– *Насколько* именно любопытно? – спросил Роджер.

– Относительно любопытно.

Я достала предметные стекла, с которых капал розовый и голубой краситель. Одно поставила сохнуть, оперев о кувшин с молоком, другие

два поменяла – положила стекло с розовым в голубой краситель и наоборот.

– Есть три основных группы крови. – Я осторожно подула на стоящее у кувшина стекло. – На самом деле их больше, но об этих трех знают все. Считается, что у каждого из нас одна из этих групп крови – первая, вторая или третья. Как и остальные черты человека, она передается по наследству; учитывая, что люди, в общем, разнополые, половину генов вы наследуете от одного родителя, а еще половину – от другого.

– Смутно помню что-то такое из школы, – с иронией ответил Роджер. – Эти чертovsky – простите меня – схемы, где показана гемофилия в королевской семье и все такое. Правда, полагаю, сейчас это имеет более личное значение?

– Не знаю, – сказала я. – Возможно.

Розовое стекло, кажется, подсохло. Я осторожно положила его на предметный столик микроскопа и наклонилась, чтобы настроить зеркало.

– Дело в том, – я прищурилась, глядя в окуляр и крутя ручку фокусировки, – что эти группы крови связаны с антителами – такими маленькими штучками странной формы на поверхности клеток крови. То есть у людей со второй группой крови – один вид антител на клетках, у людей с третьей группой крови – другой, а людей с первой группой крови их нет вообще.

Красные кровяные тельца показались внезапно – слегка окрашенные, будто кругловатые розовые тени. То тут, то там попадались пятна потемнее – то ли продукты распада клеток, то ли одна из более крупных белых клеток. В остальном ничего особенного.

– Итак, – продолжила я, доставая из раствора остальные два стекла, – если один из родителей передал ребенку ген первой группы крови, а другой – второй группы, то у ребенка будет вторая группа крови, ведь проверяют ее по антителам. При этом у ребенка все равно имеется ген первой группы крови.

Я осторожно помахала одним из стекол, обсушивая его.

– У меня вторая группа крови, а у моего отца была первая, то есть оба его гена несли первую группу крови. Какой бы из них ни передался мне, это был ген с первой группой. Значит, вторая группа крови передалась мне от матери.

Увидев, как тускнеет взгляд Роджера, я вздохнула и отложила стекло. Бри рисовала для меня споры пенициллина и оставила у микроскопа блокнот и графитовый карандаш. Я взяла блокнот и перевернула его на чистую страницу.

– Смотри, – нарисовала я небольшую схему.

Генри
 $I+I=I$ группа

Джулия
 $II+?=II$ или IV группа
Клэр
 $I+II=II$ группа

– Видишь? – ткнула я карандашом. – Я не уверена, какая группа крови у моей мамы, но это неважно – раз у меня вторая группа, значит, этот ген передала мне она, потому что у отца его не было.

Следующее стекло почти высохло. Я отложила карандаш, положила его на предметный столик и посмотрела в окуляр.

– Вы можете увидеть группу крови – то есть эти антитела – через микроскоп? – Роджер подошел сзади.

– Нет, – ответила я, не отрываясь от окуляра. – Разрешающей способности микроскопа на такое не хватит. Надеюсь, получится увидеть кое-что другое. – Я слегка сдвинула ручку, и клетки попали в фокус. Я наконец выдохнула, по телу прошла легкая дрожь. Вот они, дискообразные розоватые капли красных кровяных телец, – и внутри некоторых клеток, и более темные, и округлые, и похожие на кегли. Сердце радостно забилося.

– Посмотри, – сказала я Роджеру и отошла. Он наклонился и прищурился.

– И на что я смотрю? – с недоумением спросил он.

– *Plasmodium vivax*, – с гордостью ответила я. – Малярия. Маленькие темные сгустки внутри клеток. – Круглые сгустки – это простейшее, одноклеточный организм, которое попадает в кровь с укусом комара. Те, что похожи на кегли для боулинга, – это отпочковывающиеся простейшие, готовые к репродукции. Почкуясь, они размножаются, пока не разрывают кровяную клетку, – объяснила я, еще раз глянув в микроскоп, – а затем перемещаются в новые клетки крови, снова размножаются и разрывают их – в этот момент пациент и страдает от малярийной лихорадки и озноба. Когда *Plasmodium* в состоянии покоя, то есть не размножается, с пациентом все в порядке.

– Что же заставляет их размножаться? – с интересом спросил Роджер.

– Точно никто не знает. – Сделав глубокий вдох, я закупила бутылочки с красителем. – Но можно проверить и посмотреть, что происходит, если они все же размножаются. На хинине долго не прожить, даже принимать его в течение долгого времени не получится – хина

слишком дорогая, а отдаленные последствия такого лечения неизвестны. И пенициллин, к сожалению, на простейших не действует. Я буду проверять кровь Лиззи каждые несколько дней и, если *Plasmodium* станет быстро увеличиваться, сразу начну давать ей хинин. Если повезет, это предотвратит заболевание. Однозначно стоит попробовать.

Глядя на микроскоп и стекло с розово-голубыми мазками, Роджер кивнул.

– Точно стоит, – тихо подтвердил он.

Когда я наклонилась поднять окровавленный кусок ткани, которым была замотана его рука, Роджер спросил:

– Вы знаете, какая группа крови у Бри?

– Третья, – ответила я, глядя на ящик с бинтами. – Довольно редкая, особенно для белых. Чаще всего встречается у немногочисленных и довольно уединенных народов – у индейских племен на юго-западе Америки, у некоторых чернокожих народов. Возможно, они родом из определенных районов Африки, но, конечно, к тому времени как были открыты группы крови, эта связь уже утратилась.

– Немногочисленные, уединенные народы. Может быть, шотландские горцы?

– Может быть, – посмотрела я на него.

Роджер молча кивнул, явно о чем-то задумавшись. Затем взял карандаш и медленно сам нарисовал в блокноте схему.

Клэр	Джейми
II+I=I группа	III+?=III или IV группа
Брианна	
I+III=III группа	

– Все верно, – сказала я, когда Роджер вопросительно посмотрел на меня. – Именно так.

Криво улыбнувшись в ответ, Роджер опустил взгляд и уставился в схему.

– Так вы можете определить? – наконец спросил он, не отрывая глаз от блокнота. – Можете сказать точно?

– Нет, – ответила я, со вздохом бросая кусок ткани в корзину для белья. – В смысле, я не могу точно узнать, твой ли сын Джемми. Возможно, получится определить с точностью, если он таковым не является.

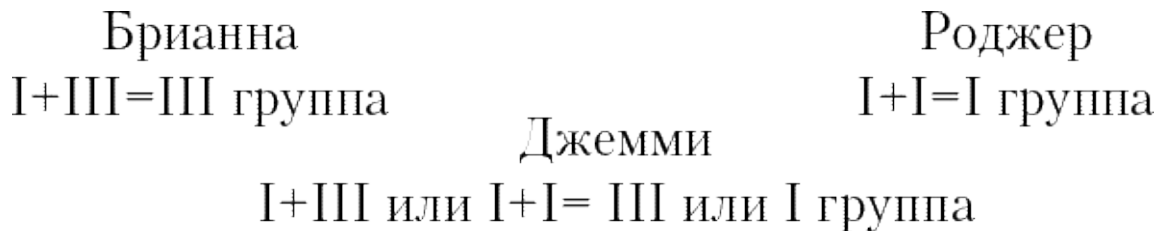
– Как так? – Роджер поблел.

– У Бри третья группа крови, а у меня вторая. Значит, ей передался ген третьей группы и мой ген первой группы, один из которых затем перешел к Джемми. Ты мог передать ему только первую группу крови, другого гена у тебя нет.

Я показала на небольшую подставку с пробирками с сывороткой, стоявшую у окна, – их содержимое отливало коричневато-золотым в лучах вечернего солнца.

– Итак. Если и Бри, и ты, его отец, передали Джемми ген первой группы, значит, у него первая группа крови – в ней не будет никаких антител, и она не среагирует на сыворотку из моей крови или из крови Джейми или Бри. Если от Бри Джемми получил ген третьей группы, а от тебя – первой, то у него третья группа крови – она среагирует на сыворотку из моей крови, но не из крови Бри. В обоих случаях ты можешь быть его отцом – однако им может оказаться любой человек с первой группой крови.

Сделав глубокий вдох, я взяла карандаш и начала рисовать свою схему под схемой Роджера. Я медленно водила карандашом, проговаривая вслух возможные варианты.

– Но... – постучала я карандашом по бумаге, – если у Джемми вторая или четвертая группа, то у его отца не была гомозиготная первая группа – это когда оба гена одинаковы, как у тебя. – Слева от предыдущей записи я записала другие варианты.

x

II+I/II+II/II+III/
III+III/III+I/I+I

Брианна
I+III=III группа

Роджер
I+I=I группа

Джемми
II+III=IV группа
II+I= II группа
I+III/ III+I=III группа
III+III=III группа
I+I=I группа

Джемми
III+I= III группа
I+I=I группа

Роджер посмотрел на этот «х», явно задаваясь вопросом, почему я так написала. Конечно, кандидатом в отцы Джемми не мог быть кто угодно, и все же я не написала там «Боннет» – может, из-за суеверия, а может, просто не хотела волновать Роджера.

– Не забывай, – будто оправдывалась я, – что первая группа – очень распространенная.

Роджер что-то проворчал в ответ и, присев, с задумчивым видом уставился на схему, слегка прикрыв глаза.

– Значит, – наконец произнес он, – если у него первая или третья группа крови, то он может быть моим сыном, но это не точно. Если вторая или четвертая – Джемми точно не мой.

Роджер медленно потирал пальцем бинт на руке.

– Результат приблизительный, – сглотнув, сказала я. – Я не могу... в смысле, всегда есть возможность ошибки.

Роджер кивнул, не глядя на меня.

– Вы говорили об этом Бри? – тихо спросил он.

– Конечно. Она не желает знать, но сказала, чтобы я сделала тест, если ты хочешь.

Роджер нервно сглотнул и резко поднял руку к шраму на горле.

Я отвернулась, чтобы оставить его наедине с мыслями, и склонилась над микроскопом. Придется сделать сетку – счетную сетку, которую можно наложить на стекло, чтобы оценить относительную плотность зараженных малярией клеток. Правда, на тот момент достаточно было определить и на глазок.

Я вдруг подумала, что теперь, когда у меня есть пригодный краситель, надо взять кровь и у остальных в Ридже – для начала хотя бы у всех

живущих в доме. В горах комары встречались куда реже, чем у побережья, но их все равно немало, и даже если у Лиззи все в порядке, она может быть потенциальным переносчиком инфекции.

– ...четыре, пять, шесть... – Я считала зараженные клетки себе под нос, пытаюсь не обращать внимания ни на Роджера, сидящего позади меня на табурете, ни на внезапное воспоминание, которое непроизвольно всплыло у меня в голове, когда я назвала ему группу крови Брианны.

В возрасте семи лет ей удалили гланды. До сих пор помню, как хмуро доктор взглянул на ее медкарту, в которой как раз была отмечена группа крови, – пациентки и ее родителей. У Фрэнка, как и у меня, была вторая группа крови. А если у обоих родителей вторая группа, у них ни при каких обстоятельствах не может родиться ребенок с третьей группой крови.

Доктор оторвал взгляд от медкарты, посмотрел на меня, затем на Фрэнка, потом снова на меня. Его лицо искривилось от смущения, а глаза холодно изучали меня, словно на моем лбу было написано «блудница».

Фрэнк, слава богу, заметил взгляд доктора и спокойно сказал:

– Моя жена овдовела, я удочерил Бри еще малышкой.

Доктор тут же растаял, а Фрэнк крепко схватил меня за руку за складками моей юбки...

Послышался какой-то звук – это Роджер позади меня поднялся. Я обернулась, и он улыбнулся.

– Кровь не важна, – тихо сказал Роджер. – Он мой сын.

– Да, – ответила я, и к горлу подступил комок. – Знаю.

Мгновение тишины нарушил громкий треск, и я испуганно оглянулась. Мимо моих ног пронеслись перья индюшки, и Адсо, застигнутый на месте преступления, выскочил из кабинета с огромным опахалом в виде откушенного крыла, зажатым в зубах.

– Ах ты, кровожадный котяра! – крикнула я.

Глава 98

Умный парнишка

С востока дул холодный ветер; Роджер слышал, как он с воем носится мимо потрескавшейся стены прямо у его головы, как шумят и скрипят сгибаемые ветром деревья за домом. Внезапный порыв ударил в промасленную шкуру; она с треском надулась и соскочила с одной стороны окна, которое прикрывала, и сквозняк со свистом смел бумаги со стола и едва не потушил свечу – пламя пугающе пригнулось.

Роджер поспешил убрать свечу от греха подальше, затем рукой прижал шкуру к окну и обернулся посмотреть, не проснулись ли от шума жена с сыном. Шелохнулась кухонная тряпка, висевшая на гвозде у очага, слегка загудела кожа на бойране, в прикрытом очаге вдруг вспыхнул язык пламени. Холодный воздух коснулся щеки Брианны.

Она пошевелилась, но лишь сильнее закуталась в лоскутные одеяла, блеснули растрепанные сквозняком рыжие пряди. Тележка, в которой теперь спал Джемми, стояла за большой кроватью, и из того угла не доносилось ни звука.

Роджер наконец выдохнул и, покопавшись в чаше, где хранился всякий полезный хлам, достал гвоздик. Он вбил его на место основанием ладони и заглушил сквозняк – теперь холодный воздух слегка просачивался из-под шкуры. Роджер начал собирать разлетевшиеся бумаги.

«Вернется ли Телфер?

Сделаешь ли ты хоть что-нибудь для меня?»

Стирая с пера засохшие чернила, Роджер мысленно повторял эти слова, которые в его голове звучали надтреснутым голосом старого Кимми Клеллана.

Это была песня «Джейми Телфер из Фэйр-Додхед» – одна из древних баллад о разбойниках с бесконечными куплетами и десятками версий, но во всех рассказывается о попытках Телфера, живущего на границе Шотландии и Англии, собрать друзей и родню, чтобы отомстить за нападение на его дом. Роджер знал три варианта песни, а у Клеллана был еще один – с совершенно другим сюжетом относительно Уилли, кузена Телфера.

«Клянусь телом моим, – сказал Уилли Скотт.

– Клянусь тебе шкурой теленка!»

По словам Кимми, он пел самому себе одинокими вечерами или

развлекал хозяев, разделявших с ним очаг. Он помнил все песни своей юности, проведенной в Шотландии, и с радостью пел их столько раз, сколько люди были готовы слушать.

В большом доме с удовольствием послушали пару-тройку песен из репертуара Клееллана, на четвертой начали зевать и засыпать, после чего пробормотали извинения и с сонным взглядом разошлись по спальням, оставив старика на Роджера, который наливал ему виски и просил спеть снова, чтобы лучше запомнить слова.

Правда, память – штука непредсказуемая, подверженная случайным провалам и произвольным домыслам, которые занимают место фактов. Важные вещи лучше доверять бумаге.

«Я не дам скоту вернуться,
Не ради твоей любви и не из страха...»

Перо поскрипывало, захватывая слова одно за другим и прижимая их к листку, будто светлячков. Мышцы Роджера свело от холода и долго сидения за столом, но он был настроен записать все новые куплеты, пока они не забылись. Мало ли, вдруг утром Клееллана съест медведь или на голову ему упадет камень – несмотря на это, Уилли, кузен Телфера, будет жить.

«Но я уведу скот Джейми Телфера
Назло всем шотландцам, что...»

Видимо, в фитиле попался какой-то надлом, и свеча зашипела. Свет, падающий на лист бумаги, дрогнул и заколыхался, пламя свечи превратилось в мерцающего синеватого карлика, будто вдруг погасло миниатюрное солнце, и написанные слова скрылись в тени.

Роджер бросил перо и, выругавшись себе под нос, схватил глиняный подсвечник. Он слегка подул на фитиль, надеясь оживить пламя.

– «Но Уилли ударили по голове», – бормотал Роджер и дул на свечу, бормоча слова песни, чтобы не забыть их. – «Но Уилли ударили по голове/
И меч прошел сквозь шлем/ И Харден в гневе зарыдал /Когда Уилли убитый на земле лежал...».

Оранжевым венцом с рваными краями пламя ненадолго поднялось, подпитываемое дыханием Роджера, однако стало вновь затухать, несмотря на старания Роджера, пока не превратилось в раскаленную докрасна точку, которая насмешливо померцала пару секунд и исчезла, оставив в полумраке комнаты лишь белый дымок и запах горячего воска.

Роджер снова выругался, на этот раз немного громче. Скрипнула шелуха кукурузных початков – Брианна заворочалась и, подняв голову, что-то сонно спросила.

– Все в порядке, – хриплым шепотом ответил он, с тревогой глянув на

тележку углу. – Просто свеча погасла. Спи.

«Но Уилли ударили по голове...»

– Хн-н. – Со вздохом Брианна плюхнулась на подушку из гусиного пуха.

Джемми, будто заводной, тоже высунулся из одеял, огненно-рыжий пушок на голове выделялся на фоне тусклого мерцания очага. Он издал не плач, а скорее озадаченный звук, говорящий о некой срочности, и не успел Роджер сдвинуться с места, как Брианна ракетой выскочила из постели, достала мальчишку из-под одеяла и, придерживая его одной рукой, другой стала возиться с его одеждой.

– Горшок! – рявкнула она Роджеру, вслепую показывая куда-то босой ногой и сражаясь с вещами Джемми. – Достань горшок! Подожди чуть-чуть, мой хороший, – вдруг заворковала она, обращаясь к Джемми. – Со-о-всем чуть-чуть, сейчас...

Настойчивый тон Брианны заставил Роджера немедленно покориться – он упал на колени и начал водить рукой в черной дыре под кроватью.

«Уилли ударили по голове... а затем... по коленке? по башке?» Роджер растерялся, и какой-то отдаленный бастион его памяти крепко уцепился за песню, которая не переставала крутиться в голове. Правда, только мелодия – слова начали быстро забываться.

– Вот! – Роджер нашел глиняный горшок, случайно задел им ножку кровати – слава Господу, не разбился! – и толкнул его по полу в сторону Бри.

С довольным вскриком она быстро усадила уже раздетого Джемми на горшок, и пока Брианна бормотала слова ободрения, Роджер пытался в полутьме нащупать свою упавшую свечу.

– Хорошо, милый, вот так, молодец...

«Уилли ударился... нет, ударили...»

Роджер нашел свечу – хорошо, что не треснула – и осторожно обошел разгорающуюся драму, чтобы нагнуться к очагу и зажечь опаленный фитиль от угольков, а заодно разворошить угли и добавить еще дров. Огонь ожил, осветив Джемми, который, казалось, пытался снова заснуть, несмотря на свою позу и уговоры матери, – и у него неплохо получалось.

– Не хочешь немного сдвинуться на горшок? – сказала Брианна, слегка встряхнув Джемми за плечо.

– Сдвинуться? – переспросил Роджер. Это любопытное выражение заставило его забыть остатки куплета. – В каком смысле «сдвинуться»? – По его личному мнению, основанному на нынешнем опыте отцовства, дети рождаются сдвинутыми, а потом очень медленно становятся

нормальными. Так Роджер и сказал, отчего Брианна наградила его выразительным взглядом.

– Что значит «рождаются сдвинутыми»? – Одной рукой она придерживала Джемми за плечо, а другую положила на живот, показывая пальцем вниз, куда ему целиться.

– Сдвинутыми, – покрутил Роджер у виска, объясняя. – Ну, придурковатыми. Глупыми.

Брианна открыла рот, чтобы что-то ответить, но Джемми угрожающе покачнулся, свесив голову вперед.

– Нет, нет! – крикнула она, сильнее хватая его. – Милый, проснись! Проснись и ходи на горшок!

Коварное слово застряло у Роджера в голове и с радостью заменило те места в куплете, которые он пытался вспомнить.

«Уилли сел на свой горшок/ И меч сдвинулся в горшок».

Он покачал головой, будто пытаясь вытрясти эти мысли, но было уже поздно – настоящие слова песни забылись. Смирившись, Роджер забросил безнадежную затею и присел рядом с Брианной, чтобы помочь ей.

– Проснись, дружище. Надо делать дела. – Он осторожно приподнял пальцем подбородок Джемми и подул ему в ухо, отчего всколыхнулись шелковистые завитки рыжих волос, прилипшие во сне к вискам.

Джемми приоткрыл глаза и сердито глянул на него. Малыш походил на небольшого розового крота, которого жестокие люди вытащили из уютной норки, и теперь он злобно смотрел на неприветливый мир наверху.

Брианна широко зевнула и покачала головой, хмурясь и моргая в свете свечи.

– Ну, если тебе не нравится выражение «сесть на горшок», то как говорят там, у вас, в Шотландии? – раздраженно спросила она.

– Помню, один друг спрашивал своего маленького сынишку, не хочет ли тот «ка-ка», – ответил Роджер.

Брианна грубо фыркнула, но Джемми вдруг открыл глаза.

– Ка-а, – сонно сказал он – звук ему явно понравился.

– Да, именно так, – поддержал его Роджер. Он пощекотал Джемми, слегка нажимая пальцем, и Джемми едва заметно хихикнул и начал просыпаться.

– Ка-а-а-а-а, – повторил он. – Ка-ка.

– Что угодно, – сдалась Брианна, еще немного дуясь. – Хоть горшок, хоть ка-ка – только давай побыстрее, ладно? Мамочка хочет спать.

– Может, тебе лучше убрать палец с его... хм-м? – Роджер показал на то, что он имел в виду. – А то еще будет у бедняги комплекс или что-нибудь

такое.

– Ладно. – Бри быстро убрала руку, и кончик снова высунулся из-за края горшка прямо в сторону Роджера.

– Эй! Ну-ка, подожд... – Роджер не успел договорить и вовремя прикрылся рукой.

– Ка-ка, – излучая удовольствие, сонно сказал Джемми.

– Черт!

– Черт! – покладисто повторил Джемми.

– Ну, это не совсем... перестань уже смеяться, а? – рывкнул Роджер, осторожно вытирая руку о кухонную тряпку.

Брианна фыркнула и засмеялась так, что высвободившиеся из косы пряди разметались вокруг лица.

– Молодец, Джемми! – выдавила она сквозь смех.

Услышав слова одобрения, Джемми принял сосредоточенный вид, прижал подбородок к груди и без проблем перешел ко второму акту драмы того вечера.

– Умный парнишка! – искренне сказал Роджер.

Прервав собственные похвалы, Брианна с удивлением взглянула на Роджера.

Он и сам удивился. Роджер сказал это, не задумываясь, и слова прозвучали так, будто это был чужой голос. Очень знакомый, но не его. Роджер словно записывал слова песни Клеелана и слышал голос старика, хотя сам шевелил губами.

– Да, умный, – чуть тише добавил он и нежно погладил мальчика по шелковистым волосам.

Пока Брианна укладывала Джемми обратно в постель, осыпая его поцелуями и бормоча восторженные слова, Роджер понес горшок на улицу. Опорожнив его, он пошел к колодцу, чтобы помыть руки перед сном.

– Закончил с работой? – сонно спросила Бри, когда Роджер лег с ней рядом. Она перевернулась, бесцеремонно толкнув его задом в живот – Роджер счел это выражением теплых чувств, ведь после вылазки наружу он был точно ледышка.

– На сегодня да.

Роджер обнял ее и поцеловал сзади в ухо, рядом с теплом тела Брианны было хорошо и уютно. Она молча взяла его озябшую руку и, поцеловав, прижала под подбородком. Роджер слегка потянулся, а затем расслабил мышцы, чувствуя, как их тела прилаживаются друг к другу. Из тележки, в которой безмятежно сухим сном спал Джемми, слышалось сопение.

Брианна подложила дров в очаг, и теперь от пламени равномерно шло тепло, чувствовался сладковатый запах орешника, который потрескивал, когда огонь под ним доходил до смолы или сырости. Роджера окутало тепло, вместе с которым подкрался и сон, накрыв его пеленой дремоты и отперев потайные дверцы разума, где хранились все мысли и яркие впечатления прошедшего дня. И из беспорядочных фрагментов памяти появилась не история бедняги Уилли, а скорее, какой-то голос. Не голос Роджера и не голос старины Кимми Клеелана.

«Умный парнишка!» – четко произнес низкий женский голос, приятный и смешливый.

Роджер дернулся.

– Чего ты говоришь? – пробормотала Брианна, проснувшись от его резкого движения.

– Давай, будь умницей, – медленно повторил Роджер слова, всплывшие у него в голове. – Вот что она говорила.

– Кто? – повернулась Брианна.

– Моя мать. – Свободной рукой он обнял ее за талию, снова устраиваясь поудобнее. – Ты спрашивала, как говорят в Шотландии. Теперь я вспомнил, как она мне говорила. «Давай, будь умницей!» или «Будешь умницей?».

Брианна сонно усмехнулась и пробормотала:

– Ну, это лучше, чем «ка-ка». – И добавила – тихо, но уже бодрым голосом: – Ты то и дело говоришь об отце, но я ни разу не слышала от тебя о маме.

Пожав одним плечом, Роджер уткнулся коленями в мягкие бедра Брианны.

– Я ее почти не помню.

– Сколько тебе было, когда она умерла?

– Ну, может, четыре или почти пять.

– М-м-м. – Брианна с сочувствием сжала ладонь Роджера. Она молчала, думая о чем-то своем, однако громко сглотнула, и ее плечи напряглись.

– Что такое?

– Да так... ничего.

– Точно? – Роджер высвободил руку, убрав в сторону пышную косу Брианны, и осторожно помассировал ей затылок. Она повернула голову, чтобы ему было удобнее, и зарылась лицом в подушку.

– Просто... я подумала... если бы я умерла сейчас, когда Джемми еще такой маленький, он бы меня даже не запомнил, – едва слышно прошептала

она.

– Нет, он бы запомнил, – на автомате возразил Роджер, чтобы приободрить Брианну.

– Ты же не помнишь, хотя, когда твоя мама умерла, ты был намного старше.

– Все-таки помню, – медленно сказал Роджер, массируя большим пальцем то место, где шея переходит в плечо. – Какими-то обрывками. Иногда, когда я сплю или думаю о чем-то еще, я будто вижу ее или слышу ее голос. Кое-что я помню отчетливо – например, медальон с маленькими красными камушками – гранатами – в виде ее инициалов, который она носила на шее.

Возможно, этот медальон спас Роджеру жизнь, когда он предпринял первую неудачную попытку пройти через камни. Потеря медальона порой чувствовалась, будто заноза под кожей, но он старался избавиться от этого ощущения, убеждая самого себя, что это просто кусок металла.

И все же Роджеру его не хватало.

– То-то и оно. – В голосе Брианны послышалась резкость. – Помнишь ли ты ее саму? Вот что бы знал Джемми обо мне – да и о тебе тоже, – если бы от родителей у него остались только... – Брианна поискала взглядом подходящие вещи. – Только твой бубен и мой карманный нож?

– Он знал бы, что его папа любил музыку, а мама была кровожадной, – пошутил Роджер. – Ай! – Брианна стукнула его кулаком по ноге. – Нет, серьезно. Он много узнал бы о нас, и не только по всякой всячине, которая осталась бы от нас, хотя это тоже помогло бы.

– Как?

– Ну... – Брианна снова расслабила плечи, и Роджер ощутил изящные края ее лопаток – слишком худых и острых. – Ты ведь изучала историю какое-то время и знаешь, как много можно установить по таким простым предметами, как посуда или игрушки.

– М-м-м, – неуверенно отозвалась Брианна.

– Джем узнал бы о тебе куда больше по твоим рисункам. – «И до черта больше, чем нужно, если бы прочитал твой сонник», – подумал Роджер. Ему вдруг захотелось сказать это вслух, признаться, что он сам читал его, однако он отмахнулся от этого внезапного порыва. Роджер боялся не только реакции Брианны, еще больше его пугало то, что она перестанет делать записи и Роджер потеряет возможность заглядывать в тайны ее мыслей.

– Наверное, ты прав, – ответила она. – Интересно, займется ли Джем рисованием – или музыкой?

«Играет ли Стивен Боннет на флейте?» – цинично подумал Роджер, но

выкинул из головы эту губительную мысль.

– А вот как он узнает о нас больше – просто посмотрит на себя.

– Да?

– Увидев тебя, люди сразу говорят: «Вы, наверное, дочь Джейми Фрейзера!» И дело не только в рыжих волосах – то же самое со стрельбой. А еще ваше с матерью отношение к помидорам...

Брианна задумчиво причмокнула губами и хихикнула.

– Да, я поняла. Зачем ты сказал про помидоры? Я использовала последние сушеные на прошлой неделе, а следующего урожая ждать еще полгода.

– Прости. – Роджер поцеловал ее в шею и, немного помолчав, добавил: – Мне вот что интересно. Когда ты узнала про Джейми, когда начала искать его, ты же, наверное, пыталась представить, какой он. Потом ты его нашла... и он соответствовал твоему образу? Он был таким, каким ты представляла его?

Брианна снова усмехнулась, на этот раз суховато.

– Не знаю, – ответила она. – Не знала тогда и до сих пор не знаю.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, когда тебе рассказывают о ком-то до вашей встречи, человек оказывается совсем не таким, каким его описывали или каким ты его воображал. И все же этот образ не забывается, он остается у тебя в голове и как бы сливается с настоящим человеком, которого ты узнаешь. При этом... – Брианна наклонила голову вперед, задумавшись. – Когда сначала узнаешь человека, а потом тебе что-то про него рассказывают, это тоже как-то влияет на твое мнение, правда?

– Думаешь? Ну, наверное. Ты... про своего другого отца? Про Фрэнка?

– Вроде того. – Брианне не хотелось говорить о Фрэнке Рэндалле. – А что твои родители, Роджер? Думаешь, преподобный сохранил все те коробки с их вещами, чтобы ты мог потом покопаться там, больше узнать о маме с папой? Добавить все это к своим воспоминаниям?

– Я... да, пожалуй, – неуверенно ответил он. – Хотя настоящего отца я вообще не помню – он видел меня лишь раз, когда мне еще и года не было.

– Маму-то ты помнишь? Хоть немного?

Голос ее звучал слегка обеспокоенно: Брианна очень хотела, чтобы он помнил. Роджер засомневался, и вдруг его поразила одна мысль. По правде говоря, он никогда особо и не пытался вспомнить мать. От осознания этого Роджер внезапно ощутил непривычное ему чувство стыда.

– Она ведь погибла в войну? – Бри взялась массировать напрягшиеся мышцы его бедра.

– Да... Во время налета. В бомбежке.

– В Шотландии? Я думала...

– Нет. В Лондоне.

Он не хотел об этом говорить. В те редкие случаи, когда размышления вели его к этим воспоминаниям, Роджер начинал думать о чем-то другом, оставляя те мысли за закрытой дверью, на которой большими буквами написано «Не входить». Он и не пытался заглянуть за эту дверь, но сегодня... Мучения Бри при мысли о том, что сын мог бы ее не запомнить, эхом откликнулись в его душе.

Чувствуя пустоту в груди, Роджер взялся за ручку закрытой двери в его памяти. Он хоть что-нибудь помнит?

– Бабушка, мама моей матери, была англичанкой, вдовой. Когда отца убили, мы переехали к ней в Лондон.

Как и о маме, о бабушке Роджер не вспоминал много лет. Заговорив о ней, он почувствовал запах розовой воды и глицеринового лосьона, которым бабушка мазала руки, ощутил затхлость квартирки на Тоттнем-Корт-Роуд, хранившей воспоминания о прошлой жизни с домом, мужем и детьми.

Значит, дверь все-таки можно приоткрыть... Свет зимнего лондонского дня падал на обветшалый ковер с кипой деревянных брусков. Женщина строила из них башенку, а слабые лучи солнца радугой отражались от кольца с бриллиантом на ее руке. Вспомнив об этой изящной руке, Роджер непроизвольно сжал пальцы.

– Мама... была миниатюрной, как и бабушка. Конечно, мне они тогда казались большими, но теперь я вспоминаю... Вспоминаю, как она вставала на цыпочки, чтобы достать что-то с полки.

Что-то. Баночку для чая с хрустальной сахарницей. Старый чайник, три кружки из разных наборов. Его кружка была с пандой. Упаковку печенья – ярко-красную, с попугаем... Боже, таких он больше не видел – интересно, их еще продают? Нет, конечно, не сейчас...

Роджер не дал себе отвлечься и вернулся к прежней мысли.

– Я знаю, как она выглядела, но в основном только по фотографиям, а не по памяти. – «Мама», подумал он, и вдруг перед глазами были уже не снимки, а цепочка от очков, вытянувшаяся крошечными металлическими бусинами вдоль мягких изгибов ее груди, приятное теплое прикосновение к его щеке, при котором ощущался запах мыла, хлопчатобумажное домашнее платье с цветами. Синими цветами.

– Как она выглядела? Ты хоть немного похож на нее?

Бри, приподнявшись на локте, повернулась к нему лицом. В полутьме

в ее глазах блестело любопытство, которое побороло сонливость.

– Немного, – ответил Роджер. – У нее были темные волосы, как у меня.

«Блестящие, кудрявые, – продолжил он про себя. – Развевающиеся на ветру, усыпанные крупцами белого песка. Он сыпал песок ей на голову, а она со смехом вытряхивала его. Может, где-то на пляже?»

– Преподобный сохранил у себя в кабинете несколько снимков. На одном я сижу у нее на коленях, и мы явно стараемся сдержать смех. На той фотографии мы с ней очень похожи. У меня такой же рот и... наверное... изгиб бровей.

Долгое время при взгляде на снимки матери у Роджера что-то сжималось в груди. Потом это ощущение прошло, фотографии потеряли свой смысл и стали обычными предметами в беспорядке дома преподобного. Теперь он снова отчетливо их видел, и грудь сжали тиски. Роджер громко откашлялся, надеясь, что это пройдет.

– Дать воды? – Брианна потянулась за кувшином и чашкой, которые ставила для него на табурете у кровати.

Роджер покачал головой, положив руку ей на плечо.

– Не надо. – Горло саднило так сильно, как было только в первые пару недель после повешения. Он машинально нащупал шрам и провел пальцем по шероховатой линии под челюстью. – Знаешь, в следующий раз, как будешь у своей тети в «Горной реке», нарисуй автопортрет.

– Что, самой себя? – изумленно отозвалась Брианна, хотя Роджеру показалось, что эта идея ей понравилась.

– Конечно. И тогда твое изображение останется навсегда. – «И Джем запомнит тебя, если с тобой вдруг что-то случится». Невысказанные слова повисли над ними в темноте, и оба вдруг замолкли. Вот так приободрил.

– Я бы хотел иметь твой портрет, – тихо добавил Роджер и провел пальцем по щеке и виску Брианны. – Когда мы будем очень старыми, посмотрим на него, и я скажу тебе, что ты ничуть не изменилась.

Брианна фыркнула в ответ, но повернулась и чмокнула его пальцы, а затем перекатилась на спину.

– Я подумаю.

Не считая шепота пламени и легкого треска оседающих дров, в комнате было тихо. Ночь стояла холодная, но безветренная. Утром будет туман – когда Роджер выходил на улицу, он почувствовал, как от деревьев к земле притягивает сырость. Однако в доме было тепло и сухо. Брианна еще раз вздохнула, и Роджер почувствовал, что ее снова клонит в сон, как и его самого.

Искушение безболезненно поддаться дремоте было велико. Брианна на

время избавилась от своих страхов, а Роджер по-прежнему слышал этот шепот: «Он бы меня даже не запомнил». Только теперь он звучал по другую сторону двери в его мыслях.

«Я помню, мама», – подумал Роджер и открыл ее настежь.

– Я был с ней. – Он лежал на спине, глядя на потолок из сосновых брусьев, стыки между которыми были едва различимы, хотя его глаза уже привыкли к темноте.

– Что? С кем? – прозвучал сонный голос Брианны.

– С мамой. И бабушкой. Когда... та бомба...

Бри резко повернулась к нему.

– Хочешь рассказать? – Она нащупала его ладонь и сжала ее. Роджер и сам не знал, хочет ли рассказывать, но сжал ее руку в ответ и кивнул:

– Да. Наверное.

Он глубоко вздохнул, чувствуя запахи кукурузной каши и лука, витающие в углах домика. Где-то в самой глубине носа витали воображаемые запахи вентиляционных шахт и каши на завтрак, сырой шерсти и бензиновых выхлопов от грузовиков, которые и проложили ему дорогу по лабиринту памяти.

– Все случилось ночью. Заревели сирены воздушной тревоги. Я знал, что это такое, и все равно каждый раз пугался до ужаса. Одеваться было некогда; мама вытащила меня из кровати и просто накинула на меня пальто поверх пижамы. Мы выскочили, побежали вниз по лестнице – там было тридцать шесть ступенек, я посчитал их в тот день, когда возвращался из магазина, – и кинулись в ближайшее бомбоубежище.

Ближе всего была станция метро через дорогу: грязно-белая плитка и мигающие лампы дневного света, пугающий поток воздуха где-то в глубине, будто дыхание дракона в пещере.

Люди толкались, зрители пытались перекрыть шум толпы. Все дрожало: пол, потолок, сам воздух.

Громко топая по деревянным ступеням, поток беженцев хлынул вниз, на уровень ниже платформы, потом еще и еще, продвигаясь к безопасной глубине.

Бомбы проходили на пятнадцать метров вглубь, на самых нижних уровнях было безопасно.

Преодолев первый лестничный пролет, они в толкотне поспешили через туннель из белой плитки к следующей лестнице. Верхняя площадка была широкой, но вниз вели узкие ступени, и толпа водоворотом заполонила их, спускаясь тонким ручейком, пока беженцев из туннеля позади все прибывало.

Вокруг площадки была стена, и бабушка переживала, что меня прижмут к ней, – так сильно напирала сзади.

Приподнявшись на цыпочках и прижавшись к бетонной стене, Роджер заглянул за нее. Внизу вдоль стен мигали аварийные лампы, полосами освещая спускающуюся массу людей.

Стояла поздняя ночь, люди были одеты в то, что успели схватить, когда завывала сирена, и неровные вспышки света выхватывали то голые ноги, то странноватые вещи. Одна женщина, например, к ветхому пальто надела причудливую шляпку с перьями и фруктами.

Роджер завороченно наблюдал за толпой внизу, пытаясь разглядеть, правда ли на шляпке уместился целый фазан. Кто-то кричал, смотритель в белой каске с большой черной буквой «С» бешено махал рукой, подгоняя и так спешащую толпу к дальнему краю платформы, чтобы хватило места тем, кто спускался с лестницы.

– Многие дети плакали. Только не я, мне совсем не было страшно. – Он не боялся, потому что мама держала его за руку. Раз она с ним, то ничего не случится. – Рядом послышался грохот от тяжелого удара. Свет замигал. Звук был такой, будто над нами что-то рушится. Все посмотрели вверх и закричали.

На вид трещина в скошенном потолке не казалась пугающей – просто тонкая черная линия, которая зигзагом расползлась вдоль плитки. А потом линия вдруг разошлась в стороны и превратилась в зияющую пасть дракона, с потолка посыпалась грязь и плитка.

Роджер давно согрелся, и все же от воспоминаний кожа покрылась мурашками. Сердце бешено застучало в груди, вокруг шеи словно опять туго затянули петлю.

– Она отпустила, – сдавленным шепотом сказал он. – Отпустила мою руку.

Бри крепко сжала его ладонь обеими руками, стараясь спасти того ребенка...

– У нее не было выбора, – убедительным тоном прошептала Брианна. – Роджер, она ни за что бы не выпустила твою руку просто так, ей пришлось.

– Нет, – резко покачал он головой. – Я не об этом... погоди. Погоди-ка минутку.

Роджер крепко зажмурился, пытаясь замедлить дыхание и собрать воедино осколки воспоминаний о той ночи. Неразбериха, безумие, боль... что же там на самом деле случилось? В памяти не осталось ничего, кроме ощущения всеобщего хаоса. Но он ведь пережил это, он должен знать, что

произошло – если заставит себя пережить это снова.

Брианна с силой вцепилась в его руку.

Роджер закрыл глаза и поддался воспоминаниям.

– Сначала я не помнил, – наконец тихо сказал он. – Точнее, я помнил, но только по рассказам других. – В памяти Роджера не отложилось то, как его, потерявшего сознание, несли через туннель и как потом он несколько недель мотался между приютами и приемными семьями вместе с другими онемевшими от ужаса сиротами. – Конечно, я знал, как меня зовут и где я живу, только толку-то. Отец к тому времени уже уехал, а когда нашли брата бабушки – преподобного, который затем и забрал меня, – история о том, что случилось в бомбоубежище, уже сложилась воедино. Мне сказали, я чудом выжил на той лестнице. Сказали, что мать, наверное, в суматохе потеряла меня, и меня унесло толпой вниз по лестнице – так я и очутился на нижнем уровне, где потолок не обрушился.

Брианна по-прежнему держала его руку, словно защищая.

– Теперь ты помнишь, что произошло? – тихо спросила она.

– Я помнил, как она отпустила мою руку, – ответил Роджер. – И я думал, что все остальное тоже правда. Но это не так. Она отпустила мою руку, – слова давались легче, напряжение в горле и груди исчезло, – она отпустила мою руку... а потом подняла меня. Мама, такая миниатюрная, подняла меня и перебросила через стену. В толпу людей на платформе внизу. Наверное, из-за падения я потерял сознание, но я помню, с каким гулом обрушился потолок. Никто из тех, кто остался наверху лестницы, не выжил.

Брианна прижалась к его груди, и Роджер почувствовал, как она сделала глубокий неровный вдох.

– Все хорошо, – прошептал он, хотя его хриплый голос дрожал, а из-за слез свет пламени расплывался перед глазами. – Мы не забудем. И Джем, и я, что бы ни случилось, мы не забудем.

Роджер четко видел лицо своей матери среди звезд. «Умный парнишка», – сказала она и улыбнулась.

Глава 99

Брат

Снег начал таять. С одной стороны, я радовалась тому, что становится теплее и сквозь землю пробивается весна, с другой – меня пугала мысль о том, что ледяной барьер, защищавший нас от внешнего мира, вскоре исчезнет.

Джейми не изменил своего решения. Весь вечер он сочинял письмо Милфорду Лиону, выверяя каждое слово. Джейми писал, что теперь готов обдумать предложение мистера Лиона по продаже товара – то есть нелегального виски, – и рад сообщить, что в наличии имеется довольно большое количество. Однако его беспокоит, не случится ли каких проблем с доставкой – не перехватят ли товар таможенные власти и не разворуют ли его в пути, поэтому хотелось бы убедиться, что работу поручат опытному в подобных делах джентльмену – другими словами, контрабандисту, которому известны все ходы и выходы.

Джейми писал, что его хороший друг мистер Пристли из Идентона (которого он, конечно, знать не знал), как и мистер Сэмюел Корнелл, с которым ему выпала честь служить в Губернаторском военном совете, уверил его, будто некий Стивен Боннет – наиболее способный в подобных делах человек с непревзойденной репутацией. Если бы мистер Лион организовал ему встречу с мистером Боннетом, чтобы Джейми мог составить собственное впечатление и убедиться в безопасности рассматриваемого плана, тогда...

– Думаешь, он согласится? – спросила я.

– Если он знает Стивена Боннета или может отыскать его, то да, согласится. – Джейми вдавил отцовское кольцо с выпуклым драгоценным камнем в сургуч. – Такие имена, как Пристли и Корнелл, обычно творят чудеса.

– И если он все-таки отыщет Боннета...

– Тогда я встречу с ним. – Джейми вытащил кольцо из застывшего воска, оставив ровную вмятину в окружении листочков клубники с герба Фрейзеров. Постоянство, вот что означали эти листочки. Иногда мне казалось, что это просто синоним упрямства.

Письмо Лиону отправили с Фергусом, и я попыталась выкинуть все из головы. Зима еще не кончилась, и если повезет, корабль Боннета попадет в шторм и затонет, избавив нас от кучи проблем.

И все же мысли об этом не покидали меня, и когда после помощи на родах я вернулась домой и обнаружила стопку писем на столе в кабинете Джейми, к горлу подкатил комок.

Ответа от Милфорда Лиона не было – и слава богу! Даже если бы письмо от него пришло, Джейми тут же забыл бы о нем, ведь среди корреспонденции был конверт с его именем, написанным уверенным почерком сестры.

Я едва удержалась, чтобы сразу не вскрыть письмо – и не бросить его прямо в огонь, пока Джейми не увидел, если оно полно резких упреков. Честность взяла свое, и я сумела дождаться возвращения Джейми – он ездил в Салем и теперь был весь в грязи после непроходимых троп. Узнав о том, какое послание его ждет, Джейми быстро сполоснул лицо и руки и направился в кабинет, где аккуратно закрыл за собой дверь, прежде чем вскрыть письмо.

Я заметила, как он сделал глубокий вдох, будто готовился к худшему. Я тихо подошла к Джейми сзади и положила руку ему на плечо, чтобы поддержать.

Почерк у Дженни Фрейзер Мюррей был выверенный, буквы – круглые и изящные, а строки – ровные и легко читаемые.

16 сентября 1771 года

Брат!

Взявшись за перо и написав это одно-единственное слово, я сидела и смотрела на него, пока свеча не сгорела почти на дюйм, а я так и не придумала, что сказать. Если продолжать в том же духе, уйдет ужас как много воска, а затуши я свечу, то зря потратила бы чистый лист бумаги – так что, пожалуй, из соображений бережливости надо писать дальше.

Я могла бы устроить тебе разнос. Мои упреки заняли бы немало места на странице, и бумага сохранила бы то, что мой муж с восхищением называет самой непотребной и отвратительной бранью, которую ему выпала честь услышать за долгие годы. В свое время на придумывание этих непотребств ушло немало сил – не хотелось бы, чтобы все пропало зря. Однако у меня не найдется столько бумаги.

Тем не менее я не хочу бранить или осуждать тебя, ведь ты, возможно, воспримешь это как справедливую кару и сбросишь камень с души, перестанешь корить себя. Это слишком простое наказание; раз уж тебе хочется страдать, так страдай, и пусть это мучает твою душу

так же, как мою терзает потеря сына.

И все же я пишу, чтобы простить тебя, – я не просто так взялась за перо, и, хотя сейчас прощение кажется мне сомнительной идеей, я надеюсь, что со временем свыknусь с ней.

У Джейми глаза на лоб полезли, но он продолжил внимательно читать письмо вслух.

Думаю, тебе интересно, что привело меня к этому решению.

Рано утром в прошлый понедельник я отправилась к Мэгги – у нее родилась еще одна малышка, так что ты снова стал дядей. Симпатичную кроху назвали Анджеликой – как по мне, глупое имя, но она очень красивая, а на груди отметина в виде клубники – хороший знак. Я пробыла у них до вечера, а по дороге домой мой мул случайно наступил в кротовую нору и упал. От этого происшествия досталось нам обоим, и продолжать путь я не могла ни верхом, ни пешком.

Я очутилась на дороге Олдерн, что за холмом после Бэлриггана. Обычно я не стремлюсь оказаться в компании Лири Маккензи – она вернула себе эту фамилию, ведь я ясно дала понять, что мне не по душе использование ею имени «Фрейзер», на которое она не имеет права претендовать, – однако близилась ночь, надвигался дождь, и только там я могла найти пищу и кров.

В общем, я сняла с мула седло и оставила его искать себе пропитание у дороги, а сама захромала в поисках ужина.

Я подошла к дому сзади, прошла мимо огорода и наткнулась на построенную тобой беседку. Виноградные лозы крепко оплели ее, и мне не было видно, что творится внутри. Впрочем, там точно кто-то был – я слышала разговоры.

К тому времени уже начался дождь – несильный, но стук капель по листьям, должно быть, заглушил мой голос, потому что на мой зов никто не откликнулся. Я подошла ближе, точнее, подползла, будто хромая улитка, ибо при падении сильно ушиблась, и правую лодыжку скрутило, и уже собиралась позвать еще раз, как вдруг услышала из беседки непристойные звуки *hochtagandy*.

– Что это? – удивленно взглянула я на Джейми.

– Блудодеяние, – кратко ответил он.

– Вот как. – Я заглянула через его плечо в письмо.

Конечно, я тут же замерла, думая, что мне делать. Судя по голосу, там задирала ноги Лири, но кто был с ней, я не представляла. Лодыжка у

меня раздулась, как пузырь, идти дальше я не могла, вот и пришлось стоять под дождем и слушать все эти непристойности.

Ухаживай за ней кто-то из местных, я бы об этом знала, однако она ни на кого не обращала внимания, хотя некоторые пытались завоевать ее расположение. В конце концов, у нее есть Бэлригган, а на твои деньги она живет, как лэрд.

Меня переполнила ярость, а еще больше – изумление. Почему я сердилась? Каким бы неразумным ни показался мой гнев в данных обстоятельствах, гневалась я за тебя. Это ощущение охватило меня изнутри, и я с неохотой была вынуждена признать, что мои чувства к тебе все-таки никуда не делись.

Здесь письмо обрывалось – видимо, Дженни пришлось отвлечься на какие-то домашние дела. Ее рассказ продолжался уже на другой странице с новой датой.

18 сентября 1771 года

Мне то и дело снится младший Иэн...

– Что? – воскликнула я. – К черту младшего Иэна, кто был там с Лири?

– Хотелось бы знать, – пробормотал Джейми. Кончики его ушей налились кровью.

Мне то и дело снится младший Иэн. Во сне я чаще всего вижу нашу повседневную жизнь, и Иэн здесь, в Лаллиброхе, но иногда мне снится и его жизнь среди дикарей – если он действительно еще жив (а я убеждаю себя, что, будь иначе, сердце подсказало бы мне).

Получается, заканчиваю я тем же, с чего начинала – с единственного слова «брат». Ты мой брат так же, как Иэн мой сын, вы оба – моя плоть, мой дух, и так будет всегда. Потеря Иэна преследует меня во сне, а потеря тебя, Джейми, не дает мне спокойно бодрствовать.

Джейми на мгновение остановился и, сглотнув, уверенным тоном продолжил читать.

Все утро я писала письма, раздумывая, стоит ли заканчивать послание к тебе или лучше бросить его в огонь. Теперь я разобралась со счетами, написала всем, о ком вспомнила, тучи разошлись, выглянуло солнце, и на мой письменный стол у окна падает тень от маминых роз.

Мне часто кажется, что мама со мной разговаривает, хотя прошло уже столько лет. Правда, сейчас я и так знаю, что она хотела бы

сказать. И я не сожгу это письмо.

Ты ведь помнишь тот день, когда я запустила в тебя сливочником и он разбился о твою голову? Знаю, что помнишь, ты как-то рассказывал об этом Клэр. Я не хотела признаваться, и ты взял всю вину на себя, однако отцу все было известно, и он наказал нас обоих.

Я уже неоднократно стала бабушкой, волосы поседели, а щеки по-прежнему краснеют от стыда и внутри все сжимается при мысли о том, как отец заставил нас встать рядом на колени и перегнуться через скамейку. Когда он бил тебя плеткой, ты визжал и скулил, точно щенок, а я едва дышала и не осмеливалась повернуть голову. Настал мой черед, но меня настолько переполняли эмоции, что я едва почувствовала удары. Ты наверняка возмудишься и скажешь, что отец просто был со мной помягче, ведь я девочка. Что ж, может, и так, а может, нет, Иэн вот с дочерьми очень великодушен.

Прочитав это, Джейми усмехнулся.

– Да, это точно, – пробормотал он, а затем потер нос и продолжил читать, барабанив пальцами по столу.

Потом отец сказал, что выпорот тебя еще раз – за вранье, – ведь правда была ему известна. Я хотела встать и смыться, но он приказал мне сидеть на месте, прошептав, что, хотя за мою трусость расплачивается брат, мне тоже должно достаться.

Во второй раз ты не проронил ни звука, помнишь? Надеюсь, ты не почувствовал удары плеткой по спине, а вот я ощутила каждый.

В тот день я поклялась, что больше никогда не проявлю трусость.

Наверное, это и правда трусливо – продолжать винить тебя в том, что случилось с младшим Иэном. Я всегда знала, каково это – любить мужчину, будь то муж или брат, любовник или сын. Опасное это дело.

Мужчины отправляются куда хотят, поступают, как им должно, и женщина не вправе приказать им остаться или упрекать их за то, какие они есть – за то, что они не возвращаются.

Я знала это, когда отправила Иэна во Францию с крестом из березы и завязанным восьмеркой локоном моих волос, молясь, чтобы он вернулся ко мне, к моему телу и душе. Я знала это, когда отдала тебе четки и проводила тебя в Леох в надежде, что ты не забудешь Лаллиброх и меня. Я знала это, когда малыш Джейми поплыл на Тюлений остров, когда Майкл сел на пароход до Парижа, и я должна была знать об этом, когда младший Иэн отправился за тобой.

Но я благодарна судьбе: мои мужчины всегда возвращаются. Пусть искалеченные, пусть иногда с ожогами и травмами, хромые, оборванные и

потрепанные, я всегда получаю их обратно. Я стала считать, что имею на это право... Я ошибалась.

Со времен Восстания я повидала немало вдов. Не знаю, с чего я взяла, что сумею избежать их участи, что одна я не потеряю никого из моих мужчин, а только малышку, мою девочку Кейтлин. Потеряв ее, я берегла Иэна, как сокровище, как зеницу ока, ведь он был последним, кого я выносила.

Я все еще считала его малышом, когда должна была считать мужчиной. Поэтому я прекрасно понимаю, что даже если ты мог бы его остановить, то не стал бы – ведь ты тоже из проклятого мужского рода.

Я почти дописала до конца страницы; расточительно начинать новую.

Мать очень любила тебя, Джейми, и когда она узнала, что умирает, то позвала меня и наказала заботиться о тебе. Как будто я когда-то переставала.

Нежно любящая тебя сестра,
Джанет Флора Арабелла Фрейзер Мюррей

Еще немного подержав письмо в руках, Джейми осторожно положил его на стол, опустил голову и подпер ее одной рукой, так что его лица я не видела. Другую руку он запустил в волосы и, потирая затылок, стал медленно качать головой. Его дыхание то и дело едва слышно прерывалось.

Наконец он убрал руку и, поморгав, посмотрел на меня. Щеки у него покраснелись, в глазах стояли слезы, а в выражении лица поразительно смешались замешательство, ярость и смех – последний лишь слегка выделялся на фоне других эмоций.

– О боже. – Джейми шмыгнул носом и вытер слезы тыльной стороной ладони. – Господи. Как она, черт возьми, это делает?

– Что делает? – Я вытащила из лифа чистый носовой платок и подала ему.

– Заставляет почувствовать себя восьмилетним мальчишкой. И вдобавок идиотом. – Джейми вытер нос и осторожно коснулся рукой примятых роз.

* * *

Я очень обрадовалась письму Дженни, ведь теперь на сердце у

Джейми станет легче. В то же время мне безумно хотелось узнать, чем закончился тот инцидент, о котором начала рассказывать Дженни. Джейми продолжение наверняка интересовало еще больше, хотя он тщательно это скрывал.

Спустя примерно неделю пришло письмо от его зятя Иэна: тот, как всегда, сообщал новости из Лаллиброха и Брох-Мхода, однако ни словом не обмолвился ни о приключениях Дженни близ Бэлриггана, ни о ее последующем открытии в увитой виноградом беседке.

– Спросить об этом прямо нельзя? – осторожно предложила я. Сидя на заборе, я наблюдала за Джейми, который готовился кастрировать выводок поросят. – Ни Иэна, ни Дженни?

– Нет. В конце концов, мне-то что? Пусть когда-то она была моей женой, сейчас она точно таковой не является. Если хочет завести любовника, ее дело. Пускай. – Джейми топнул по ножным мехам, раздувая небольшой костер, в котором нагревался прижигатель, и вытащил из-за пояса ножницы для кастрации. – С какой стороны подойдешь к делу, саксоночка?

Выбрать предстояло между тем, что тебя с большой вероятностью укусят при зажимании зубов, и тем, что тебя точно обгадят при атаке с другого конца. К несчастью, правда заключалась в том, что Джейми был куда сильнее меня, и, хотя ему не представляло труда кастрировать животное, у меня все же имелись профессиональные знания. Таким образом, мой выбор был продиктован соображениями практичности, а не героизмом, и я была в полной готовности: в башмаках на деревянной подошве, в плотном холщовом фартуке и потрепанной рубаше, которая когда-то принадлежала Фергусу и после свинарника направится напрямик в огонь.

– Ты держишь, я режу. – Я слезла с ограждения и взяла ножницы.

Последовала краткая, но шумная интерлюдия, после которой пятеро поросят отправились за утешительным угощением из объедков с кухни – под хвостом густо намазано смесью дегтя и живицы, чтобы избежать заражения.

– Что скажешь? – спросила я, глядя, как они с явно довольным видом принимают за еду. – Что бы ты выбрал на месте поросенка – оставить яйца и самому добывать пропитание или лишиться их и барахтаться в роскоши? – Этих малышей будут держать в небольшом загоне и кормить жидким пойлом, чтобы их мясо было нежнее, а большинство свиней выпускали в лес, где они сами искали себе еду.

Джейми покачал головой.

– Вряд ли им будет не доставать того, чего у них никогда не было. К тому же у них есть еда. – Он оперся на забор, глядя, как закрученные хвостики машут и вертятся от удовольствия – похоже, крошечные ранки под ними были уже забыты. – Вдобавок иногда от яиц у мужчин одни горести, а не радости, хотя при этом я не встречал таких, кто хотел бы с ними распрощаться.

– Священники, пожалуй, считают их излишней ношей. – Я осторожно отлепила заляпанную рубаху от тела и стащила ее через голову. – Фух! Ничто не воняет так, как пороссячьи экскременты!

– Даже трюм на корабле работорговца и разлагающийся труп? – смеясь, спросил Джейми. – Гноящиеся раны? Козел?

– Пороссячье дерьмо, – решительно ответила я. – Вне конкуренции.

Джейми забрал у меня скомканную рубаху и разорвал на полосы, оставив чистые для протирания инструментов и заделывания щелей. Остальное бросил в огонь и отошел в сторону, когда вонючий дым понесло в нашу сторону.

– Был еще Нарсес. Великий генерал – по крайней мере, так говорили, – хотя и евнух.

– Наверное, разум мужчины работает лучше, если не на что отвлекаться, – со смехом предположила я.

В ответ Джейми лишь коротко усмехнулся, хотя мой комментарий его явно повеселил. Он забросал тлеющие угли землей, я забрала прижигатель и горшок с дегтем, и мы направились домой.

Из головы все не шел этот его комментарий – про то, что «иногда от яиц у мужчин одни горести, а не радости». Интересно, Джейми говорил в общем, или в его словах таился намек на конкретного человека?

В рассказах Джейми о недолгом браке с Лири Маккензи – кратких рассказах, по нашему обоюдному согласию, – не было ни намека на то, что она физически привлекала Джейми. Он женился на ней из-за одиночества и чувства долга, желая найти хоть какую-то пристань в жизни, опустевшей после его возвращения из Англии. По крайней мере, так он сказал.

И я ему верила. Джейми был человеком чести и долга, и я понимаю его одиночество в тот момент – ведь я чувствовала то же самое. С другой стороны, я знала его тело почти так же хорошо, как свое собственное. Оно было способно как вынести тяжелые муки, так и испытать невероятное удовольствие.

Большую часть времени мне удавалось не вспоминать о том, что однажды Джейми разделял с Лири постель, пусть недолго и, по его словам, без удовлетворения. Но я помнила, что она была и оставалась довольно

привлекательной женщиной.

* * *

Оставшуюся часть дня Джейми был молчалив и погружен в свои мысли, хотя заставил себя пообщаться с Фергусом и Марсали с детьми, когда те заглянули к нам после ужина. Он учил Жермена играть в шашки, пока Фергус по просьбе Роджера вспоминал слова баллады, услышанной на улочках Парижа в его бытность юным воришкой-карманником. Женщины устроились у очага с вышивкой и вязанием и в связи с продвигающейся беременностью Марсали и помолвкой Лиззи начали рассказывать другу другу леденящие кровь истории о родах.

– Ребенок лежал на боку, размером с полугодовалого поросенка...

– Ха, а у Жермена, по словам акушерки, голова была точно пушечное ядро и смотрела в обратную сторону, вот уж какой изворотливый...

– У Джейми тоже была огромная голова, но трудности вызвали плечи...

– ...*le bourse*... дамская «сумочка» – это, понимаешь, ее...

– Средства к существованию, да, ясно. А потом, когда покупатель лезет пальцами в ее сумочку...

– Нет, ты пока не ходишь, сейчас мой ход – я съел твою шашку *здесь*, значит, могу пойти *сюда*...

– *Merde!*

– Жермен! – крикнула Марсали. Она гневно взглянула на своего отпрыска, и тот, ссутулив плечи и выпятив нижнюю губу, хмуро уставился на шашечную доску.

– Не переживай, дружище, ладно? Теперь твой ход, и ты можешь пойти вот *сюда*, *сюда* или *сюда*...

– ...*Avez-vous été a la selle aujourd'hui?*.. и он, значит, спрашивает у шлюхи...

– «Были ли вы сегодня... в седле?» Или, скорее, «Вы сегодня ездили верхом?»

Фергус засмеялся, и кончик его аристократического носа порозовел от веселья.

– Вот это перевод.

– Да? – с полуулыбкой спросил Роджер, изогнув бровь.

– Еще так выражаются французские доктора, – вставила я, заметив его непонимание. – В разговорной речи это означает: «У вас сегодня был

стул?»

– Возможно, та самая леди – *une specialiste*, – радостно объяснил Фергус. – Знавал я одну, которая...

– *Фергус!* – Марсали вся залилась краской, хотя скорее от веселья, чем от ярости.

– Я понял, – пробормотал Роджер. Его брови по-прежнему были подняты, словно он изо всех сил пытался разобраться в нюансах перевода этого трудного отрывка. Интересно, удастся ли ему положить его на музыку.

– *Comment sont vos selles, grandpere?* – дружелюбным тоном спросил Жермен, явно знакомый с такой линией общения. «Как твой стул, дедушка?»

– Никаких проблем, – заверил его дед. – Ешь кашу каждое утро, и никогда не будет геморроя.

– Ну да!

– Действительно так, – кивнул Джейми.

Брианна густо покраснела и едва слышно прыснула. Сидящий у нее на коленях Джемми засуетился.

– *Le petit rouge*^[27] ест кашу, – наблюдательно отметил Жермен и хмуро взглянул на Джемми, который с закрытыми глазами довольно сосал грудь матери. – А он кладет себе в штаны.

– *Жермен!* – одновременно воскликнули все женщины.

– Действительно так, – в точности изобразил он интонацию дедушки. С горделивым видом Жермен повернулся спиной к женщинам и начал строить башню из шашек.

– Не хочет отпускать грудь, – кивком показала Марсали на Джемми. – Как и Жермен, но у него не было выбора – как и у бедной малышки Джоани. – Она с грустной улыбкой посмотрела на свой живот, который понемногу округлялся от третьего ребенка.

Роджер и Бри едва заметно переглянулись, после чего на лице Брианны появилась загадочная улыбка, точно как у Моны Лизы. Она устроилась поудобнее и погладила Джемми по голове. Все было понятно без слов – Бри будто хотела сказать ему: «Наслаждайся, милый, пока можно».

Я удивленно посмотрела на Джейми. Он тоже заметил их переглядки и перед тем, как повернуться к шашечной доске, одарил меня мужским вариантом загадочной улыбки Брианны.

– А я люблю кашу, – робко вставила Лиззи, пытаясь сменить тему. – Особенно с медом и молоком.

– Точно, – сказал Фергус, вспомнив, о чем прежде шла речь.

Обернувшись к Роджеру, он поднял палец. – Горшки с медом. В припеве, когда слетаются жужжащие *les abeilles*, пчелки...

– Да, да, верно, – умело перехватила нить разговора миссис Баг. – Каша с медом лучше всего для кишечника, хотя иногда и это не помогает. Знала я одного – целый месяц не мог опорожниться!

– Он не пробовал использовать шарик воска, обкатанный в гусином жире? Или отвар из виноградных листьев? – тут же переключился Фергус – большой специалист по слабительным средствам и суппозиториям.

– Все пробовал, – заверила его миссис Баг. – Кашу, сушеные яблоки, вино с желчью быка, выпитую в полночь воду... Ничего не помогало. В деревне только об этом и судачили, начали делать ставки, а у бедняги уже и лицо посерело. Оказалось, нервные спазмы, отчего его кишки и скрутились, точно подтяжки...

– Он взорвался? – с любопытством спросил Жермен.

– Нет, дружок, – смеясь, покачала головой миссис Баг. – Хотя говорили, что до этого едва не дошло.

– Что же ему в итоге помогло? – поинтересовался Джейми.

– То, что она наконец сказала «да» мне, а не другому парню. – Мистер Баг, продремавший весь вечер в углу, встал, потянулся и положил руку на плечо жены. Она посмотрела на него, и мистер Баг нежно ей улыбнулся. – Это точно было большое облегчение.

* * *

Спать мы отправились поздно. Веселый вечер закончился тем, что Фергус спел целиком длинную балладу проститутки – Джейми и Жермен отбивали ритм руками по стулу, а все остальные аплодировали.

Джейми лег на подушку, скрестив руки под головой, и то и дело посмеивался, вспоминая отрывки из песни. Было довольно холодно – стекла запотели от нашего дыхания, – но Джейми не надел ночной рубашки, и я любовалась им, расчесывая волосы.

Он почти оправился от укуса змеи, правда, немного похудел – ключица выпирала изящным изгибом, а под кожей на руках проступали мышцы. Кожа на груди была бронзовой там, где ее обычно не закрывала рубашка, и белоснежной, усеянной рисунком из голубых вен с обратной стороны рук. Тень падала на выдающиеся черты его лица, а свет янтарем отражался от волос и красно-коричневым и золотистым оттенком касался обнаженного тела.

– Свет от свечи превращается в тебя, саксоночка, – с улыбкой произнес Джейми, и я заметила, что он смотрит на меня. Его голубые глаза были цвета бескрайнего океана.

– Я хотела сказать то же самое о тебе.

Я встала и отложила щетку. Волосы – чистые, мягкие, блестящие – облаком окутали мои плечи. От них, как и от моей кожи, пахло календулой и подсолнечником. Купаться и мыть голову зимой – дело непростое, но я не собиралась ложиться спать, воняя поросычьим дерьмом.

– Тогда пусть горит, – остановил меня Джейми, когда я наклонилась задуть свечу. Он взял меня за запястье и потянул к себе. – Ложись в кровать и дай мне полюбоваться тобой. Мне нравится, как отражается в твоих глазах свет – прямо как виски, когда льешь его на телячий рубец и ставишь на огонь.

– Как поэтично, – пробормотала я, но не возразила, когда он подвинулся, а затем развязал и стянул с меня сорочку. В комнате было прохладно, и мои соски сразу затвердели, но, когда Джейми со стоном от удовольствия прижал меня к себе, я ощутила сладостное тепло его груди.

– Наверное, меня вдохновила песня Фергуса, – сказал он, накрывая мою грудь ладонью и приподнимая ее с восхищенным и оценивающим взглядом. – Боже, у тебя замечательная грудь. Помнишь куплет, где поется, что груди у той леди были такие огромные, что она могла обернуть ими свои уши? Твои, конечно, не настолько большие, но не получится ли обернуть ими...

– По-моему, для этого необязательно иметь гигантскую грудь, – заверила я его. – Подвинься выше. К тому же ими не оборачивают, а скорее, сжимают, и моих вполне хватит... Видишь?

Джейми издал довольный стон.

– Да, ты права. Это... – Он перевел дыхание. – О, выглядит прекрасно, саксоночка, по крайней мере отсюда.

– У меня тут тоже интересный вид, – сказала я, стараясь не рассмеяться и не заработать косоглазие. – Так кто из нас будет двигаться?

– Давай пока я. Кожу не натирает, саксоночка? – спросил Джейми.

– Немного. Подожди... – На столике у кровати я нащупала баночку с миндальной мазью, которую использовала в качестве крема для рук, открыла крышку и зачерпнула пальцем. – Так намного лучше. Согласен?

– О, да-а.

– Там ведь был еще один куплет? – задумчиво спросила я, выпустив его на мгновение, и медленно провела намазанным кремом пальцем вдоль его ягодицы. – Про то, что проститутка сделала с мальчиком из хора?

- О господи!
- Верно, в песне он так и сказал.

* * *

Уже позже, в темноте, я проснулась от его прикосновений. В приятно сонном состоянии я не стала двигаться, позволив ему делать то, что захочется.

Мои мысли едва цеплялись за реальность, и я не сразу поняла, что что-то не так. Понадобилось еще какое-то время, чтобы сосредоточиться и взбодриться. Наконец мне удалось открыть глаза и окончательно выбраться из полусна.

На лицо склонившегося надо мной Джейми падало тусклое свечение затухшего очага. Губы у него были приоткрыты, и он слегка хмурился и двигался с закрытыми глазами, словно на автомате. Хотя мысли путались, я изумленно подумала: «Неужели он делает это во сне?»

Пот тонкой пленкой поблескивал на его высоких скулах, на длинной прямой переносице, на изгибах обнаженного тела.

Его ласки казались непривычно монотонными, будто он занимался какой-то рутинной работой. Прикосновения были знакомыми, но странно безличными. По-прежнему не открывая глаз, Джейми скинул с меня одеяло и с несвойственной ему грубостью раздвинул мне ноги. Брови у него были сдвинуты, вид хмурый и сосредоточенный. Я непроизвольно сдвинула ноги и увернулась от него. Тогда он прижал меня за плечи, снова раздвинул мне ноги коленом и резко вошел в меня.

Я возмущенно и испуганно вскрикнула, и Джейми открыл глаза. Его лицо было в паре сантиметров от моего, и он сначала рассеяно уставился на меня, а потом его взгляд сфокусировался, и он понял, что происходит. И замер.

– Кто я, по-твоему, черт возьми? – яростно прошептала я.

Джейми отскочил и прыгнул с кровати, сдернутые простыни свесились до пола. Он схватил свои вещи с крючка, в два прыжка добрался до двери, а открыв ее, выбежал и с грохотом захлопнул.

Ужасно напуганная, я зарылась обратно в одеяло, чувствуя изумление, гнев и не до конца веря в произошедшее. Я потерла лицо руками, стараясь по-настоящему взбодриться. Уж мне-то это точно не приснилось?

Нет. Снилось ему. Джейми то ли дремал, то ли действительно спал, и ему, черт возьми, показалось, что я – чертова Лири! Другого объяснения я

не находила: он никогда не касался меня так, как в этот раз – с каким-то мучительным нетерпением и раздражением.

Я легла, однако заснуть было решительно невозможно. Несколько минут я вглядывалась в неясные очертания балок, а потом уверенно встала и оделась.

Дворик перед домом ярко освещала луна, было холодно и промозгло. Я вышла на улицу, осторожно прикрыла за собой кухонную дверь и, закутавшись в накидку, прислушалась. На холоде ничто не шевелилось, лишь ветер вздохом откликался среди сосен. Правда, откуда-то издалека донесся слабый размеренный шум, и я осторожно пошла сквозь темноту в сторону этого звука.

Сенной амбар был открыт.

Скрестив руки и опершись о дверной косяк, я стала наблюдать за Джейми: он носился туда-сюда в лунном свете, бросая вилами сено, чтобы выместить гнев.

Женщин Фрэнка я почти не встречала – он был осмотрителен, – однако порой я замечала, как он обменивается с одной из них взглядом на вечере для преподавателей или в местном супермаркете. Внутри меня закипала черная ярость, за которой следовало чувство замешательства – что же с этой яростью делать?

В ревности нет никакой логики.

Лири Маккензи была за четыре тысячи миль от нас, и вряд ли мы когда-нибудь снова ее увидим. Фрэнк находился еще дальше, и его по эту сторону могилы мы точно больше не увидим.

Нет, в ревности нет никакой логики.

Мне становилось холодно, но я не уходила. Джейми заметил мое присутствие: я поняла это по тому, как он сосредоточил взгляд на работе. Несмотря на холод, он вспотел, тонкая рубашка темным пятном прилипла к спине. Наконец он воткнул вилы в стог сена и сел на скамейку из половины бревна. Потом склонил голову на ладони, запустил пальцы в волосы и стал с силой тереть ими.

– Не понимаю...

– Чего? – Я подошла и села рядом, подобрав под себя ноги. От Джейми пахло потом, миндальным кремом и отдаленно – недавней похотью.

Он посмотрел на меня искоса и кратко ответил:

– Ничего, саксоночка.

– Все так плохо? – Я осторожно провела рукой по его спине.

Джейми глубоко вздохнул, выпуская воздух сквозь сжатые губы.

– Когда мне было двадцать три, я не понимал, как такое может быть –

смотришь на женщин, и внутри все будто тает, но при этом кажется, что можешь свернуть горы. Когда мне было двадцать пять, я не понимал, как можно одновременно относиться к женщинам с заботой и брать силой.

– К женщинам? – спросила я, и в ответ получила то, что хотела – изгиб губ и взгляд, который пронзил до самого сердца.

– К одной женщине, – сказал он. Я положила руку ему на колено, и Джейми взял ее и крепко сжал, будто боялся, что я ее вырву. – Только к одной, – хрипло повторил он.

В амбаре было тихо, и я придвинулась поближе к Джейми. Совсем чуть-чуть. Сквозь широко раскрытую дверь луна тускло освещала собранное в стог сено.

– И это, – добавил он, сжимая мои пальцы еще крепче, – я как раз сейчас не понимаю. Я люблю тебя, моя темноволосая. Полюбил с первого взгляда и буду любить до конца времен, и пока ты рядом со мной, этот мир меня радует.

Окутанная волной тепла, в ответ я успела лишь сжать его ладонь, а Джейми, взглянув на меня с таким отчаянным недоумением, что приобрел едва ли не комичный вид, продолжал:

– И при всем этом, Клэр, почему – во имя всего святого! – почему мне хочется отправиться в Шотландию, поймать мерзавца, чьего имени и лица я даже не знаю, и убить его за сношение с женщиной, на которую я не имею никаких прав и с которой не могу и трех минут пробыть в одной комнате?

Свободную руку он сжал в кулак и стукнул по бревну с такой силой, что вибрация прошла по дереву под моими ягодицами.

– Я не понимаю!

Я едва не сказала в ответ: «А я, думаешь, понимаю?», но вместо этого промолчала и легким касанием погладила костяшки его пальцев. Я хотела не столько проявить нежность, сколько успокоить его, и Джейми так это и воспринял.

Затем он вздохнул, сжал мою руку и поднялся.

– Я дурак.

Джейми, похоже, ждал от меня какого-то подтверждения, так что я услужливо кивнула:

– Возможно. Но ты ведь не собираешься в Шотландию?

Не ответив, он начал с мрачным видом ходить взад-вперед, поддевая комки засохшей грязи, разлетавшейся, точно маленькие бомбы. Я терпеливо ждала.

– Хорошо, – сказал Джейми таким тоном, будто объявлял закон. – Я не знаю, почему меня так раздражает, что Лири ищет компанию другого

мужчины... Нет, неправда. Я прекрасно знаю почему. И дело не в ревности. Или... ладно, ревность не главное. – Он посмотрел на меня так, будто призывал возразить ему, однако я держала рот на замке. Джейми с шумом выдохнул через нос и, опустив взгляд, сделал глубокий вдох. – Что ж, если быть честным. – Он сжал губы. – Почему? – выкрикнул он, глядя на меня. – Что в нем такого?

– В ком? В мужчине, с которым она...

– Она ненавидела заниматься этим! – перебил меня Джейми, растоптав в порошок ком земли. – Может, я льщу самому себе, или это ты льстишь мне... – Он хотел сердито посмотреть на меня, но взгляд получился смущенным. – Это я... все дело во мне?..

Я не понимала, каких именно слов он от меня ожидает – «Конечно, да!» или «Конечно, нет!», – и в итоге ответила ему улыбкой, которая как бы говорила и то и другое.

– Ладно, – неохотно сказал Джейми. – Я не считал, что дело во мне. До того как мы поженились, даже Лири я довольно-таки нравился.

Он посмотрел на меня – видимо, я слегка усмехнулась.

– Я решил, что она, наверное, не любит мужчин вообще или же сам процесс. И если это так... если это не по моей вине, то все не так уж плохо, хотя мне почему-то казалось, что я должен как-то это исправить...

Джейми ушел в свои мысли, нахмурился и со вздохом продолжил:

– Наверное, я ошибался. Наверное, дело все-таки было во мне. И эта мысль не дает мне покоя.

– Я думаю, дело было в ней, а не в тебе, – уверенно сказала я. – Хотя, конечно, я могу быть необъективной. Она ведь пыталась убить меня.

– Что-что? – с непонимающим видом обернулся Джейми.

– А ты разве не знал?

Неужели я ему не рассказывала? Видимо, нет. То одно, то другое – на тот момент это не казалось важным, и я не думала, что когда-либо снова увижу ее. А потом... ну, потом это и не было важным. Я вкратце рассказала, как Лири направила меня к Гейлис Дункан в Крейнсмур в тот день, когда ту должны были арестовать за ведьмовство. Лири прекрасно об этом знала и надеялась, что меня заберут вместе с Гейлис, – как и произошло.

– Мерзкая чертовка! – изумленно крикнул Джейми. – Я и понятия не имел... Боже, саксоночка, думаешь, я женился бы на ней, знай я, что она такое натворила!

– Ну, ей тогда было всего шестнадцать. – Учитывая обстоятельства, я сумела проявить терпимость и выказать прощение. – Может, она не

осознавала, что нас подвергнут суду и приговорят к сожжению. Наверное, просто хотела навредить – думала, если меня признают ведьмой, я тебе разонравлюсь.

Джейми лишь усмехнулся в ответ, затем еще немного беспокойно походил туда-сюда. Рассыпанная солома шуршала под его босыми ногами.

Наконец он остановился, шумно вздохнул и наклонился, положив голову мне на плечо и оперевшись рукой о скамейку.

– Прости, – прошептал он.

Я обняла Джейми за плечи и притянула к себе так сильно, пока он не вздохнул еще раз и не расслабил напряженные плечи. Я отпустила его, и он встал и подал мне руку.

Мы закрыли амбар и, держась за руки, молча пошли к дому.

– Клэр, – вдруг робко промолвил он.

– Да?

– Не подумай, я вовсе не оправдываюсь. Просто я хотел спросить... ты когда-нибудь думаешь о Фрэнке? Когда мы... – Джейми остановился и откашлялся. – Тень этого англичанина иногда проступает на моем лице?

И что мне было на это ответить? Солгать я не могла, но как сказать правду, чтобы Джейми понял, чтобы не обидеть его?

Я сделала глубокий вдох и выдохнула, глядя, как пар изо рта, кружась, рассеивается.

– Я не хочу заниматься любовью с призраком, – твердо сказала я. – И ты, думаю, тоже. Однако призраки, бывает, думают иначе.

Джейми издал едва различимый звук, почти похожий на смех.

– Да, наверное. Интересно, в постели англичанина Лири понравилось бы больше, чем в моей?

– Если так, то она получила бы по заслугам, – сказала я. – Но если тебе нравится в моей, то предлагаю в нее вернуться. Тут чертовски холодно.

Глава 100

Мертвый кит

К концу марта горные тропы стали проходимыми. От Милфорда Лиона ничего не было слышно, и после некоторых обсуждений решили, что мы с Джейми, Брианной, Роджером и Марсали отправимся в Уилмингтон, а Фергус в это время отвезет акты осмотра в Нью-Берн, где их официально зарегистрируют и оформят.

Женщины займутся пополнением исчерпавшихся за зиму запасов соли, сахара, кофе, чая и опия, а Роджер и Джейми осторожно разузнают о Милфорде Лионе, а заодно о Стивене Боннете. Как только Фергус разберется с актами осмотра, он присоединится к нам и по возможности тоже поспрашивает о них вдоль побережья.

После чего, предположительно обнаружив мистера Боннета, Джейми и Роджер заглянут к нему в контору и либо пристрелят его, либо зарежут, а затем поскачут обратно в горы, поздравляя друг друга с прекрасно выполненной работой. По крайней мере, так я поняла.

– «Лучшие планы мышей и людей часто идут вкривь и вкось», – процитировала я в разгар обсуждения планов.

– И какие же планы у мышей? – удивленно посмотрел на меня Джейми.

– Ну, на это у вас есть я. Однако принцип гласит: вы не представляете, что может случиться.

– Верно, – согласился Джейми. – Но что бы ни случилось, я буду к этому готов. – Погладив лежащий на краю стола кинжал, он продолжил составлять список запасов для хозяйства.

Когда мы спустились с гор, заметно потеплело, ближе к побережью над свежевспаханными полями кружили стаи чаек и ворон, радостно покрикивающих в ярких лучах весеннего солнца.

Листья на горных деревьях только-только начинали распускаться, но в Уилмингтоне сады уже сверкали цветами, на Бофорт-стрит из-за аккуратных заборчиков показывались желтые соцветия аквилегии и голубые дельфиниумы. Мы остановились в небольшой опрятной гостинице неподалеку от пристани, относительно недорогой и вполне удобной.

– Почему тут так мало окон? – заворчала Брианна, потирая палец на ноге – на лестнице она в темноте споткнулась о Жермена. – Однажды кто-нибудь здесь все спалит, потому что без свечи не разберешь, куда идти.

Стекла ведь не настолько дорогие.

– Оконный налог, – сообщил ей Роджер, подняв Жермена и свесив его вниз головой через перила – к невероятному восторгу мальчика.

– Что? Власти облагают налогом окна?

– Именно.

– Неудивительно, что у них тут скоро грянет револю... О, доброе утро, миссис Бернс! Как вкусно пахнет завтраком.

Вместе с женщинами и детьми мы несколько дней тщательно заговаривались, а Роджер с Джейми совмещали приятное с полезным в разных пивных и тавернах. Они разделились с большинством поручений, а Джейми получил небольшой, но нелишний доход от игры в карты и ставок на лошадиных бегах, однако про Стивена Боннета узнал лишь то, что его не видели в Уилмингтоне уже несколько месяцев. Я была рада это услышать, хоть и не показала своих эмоций.

К концу недели пошел дождь – такой сильный, что два дня никто никуда не выходил. И не просто дождь, а настоящий ураган: карликовые пальмы ветром сгибало пополам, грязные улицы были усыпаны листьями и сломанными ветками. Марсали долго не ложилась спать и, прислушиваясь к ветру, то читала молитвы, то, стараясь отвлечься, играла в карты с Джейми.

– Фергус говорил, что прибудет из Нью-Берна на большом корабле? На «Спруте», да? Здорово!

– Еще бы. Хотя, по-моему, почтовые пароходы тоже очень надежные. Нет, не сбрасывай эту карту – скинь лучше тройку пик.

– Откуда ты знаешь, что у меня есть тройка пик? – подозрительно нахмурилась Марсали. – А насчет почтовых пароходов неправда. Ты сам прекрасно знаешь: только позавчера видели обломки такого у подножия Элм-стрит.

– Я знаю, что тройка пик у тебя, потому что у меня ее нет, – сказал Джейми, аккуратно прижимая зажатые в руке карты к груди, – а все остальные из пик уже на столе. К тому же Фергус может приехать из Нью-Берна по суше, а не морем.

В дом ударил порыв ветра, затряслись ставни.

– Вот еще одна причина обходиться без окон, – заметил Роджер, глядя на карты Марсали из-за ее плеча. – Нет, он прав, скидывай тройку пик.

– Давай лучше ты. Я пойду посмотрю, как там Джоани. – Марсали резко поднялась, вручила свои карты Роджеру и поспешила в небольшую соседнюю комнату, где ночевала с детьми. Я не слышала, чтобы Джоани плакала.

Послышался громкий стук, над головой что-то зашуршало – это сломалась и проскребла по крыше ветвь дерева. Все подняли головы. На фоне пронзительных завываний ветра слышался глухой гул прибоя: накатывали волны, и часть берега, обнажаемая при приливе, теперь погрузилась под воду.

– Отправляющиеся на кораблях в море, – тихим голосом процитировал Роджер, – производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса его в пучине. Он речет, и восстанет бурный ветер и высоко поднимет волны.

– Да уж, очень помогло, – раздраженно отозвалась Брианна. Ее несдержанный нрав только обострился из-за вынужденной изоляции. Напуганный всеобщей суматохой, Джемми прилепился к маме и почти не отпускал ее последние два дня; оба нервничали и злились.

Роджера, похоже, не смутил ее настрой. С улыбкой наклонившись к Брианне, он отодрал от нее Джемми – с трудом, поставил малыша на пол и взял за руки.

– Они шатаются туда-сюда, – по-театральному напыщенно произнес он, покачивая Джемми так, что малыш терял равновесие. – Шатаются как пьяные, и ум у них за разум заходит.

Джемми захихикал, и даже Брианна неохотно улыбнулась.

– Потом они жалуются Господу на свои несчастья, и он помогает им справиться с горем... – На слове «помогает» Роджер вдруг подбросил Джемми вверх, поймал за подмышки и закружил, отчего мальчик завизжал от восторга. – Он превращает шторм в штиль и успокаивает волны. И тогда они довольны, потому что все спокойно, – Роджер притянул к себе Джемми и поцеловал в макушку, – и он даст желанное пристанище.

Брианна с сарказмом аплодировала его представлению, но все равно улыбалась. Джейми собрал карты и аккуратно перетасовал колоду, потом вдруг замер и посмотрел вверх. Заметив его неподвижную позу, я глянула на него, а Джейми поймал мой взгляд и улыбнулся.

– Ветер стих, – сказал он. – Слышишь? Завтра выходим.

* * *

К утру распогодилось, с моря подул свежий ветерок, который принес с собой резкий запах морской лаванды и сосны, а также жуткое зловоние чего-то гниющего на солнце у воды. Отсутствие мачт у причала по-прежнему наводило тоску: ни крупных кораблей на якоре, ни даже

парусных или почтовых судов. Зато воды Уилмингтона наполнились шлюпками, плотами, каноэ и пиреттами – маленькими четырехвесельными лодочками, которые порхали по поверхности, будто стрекозы.

С одной из таких лодок заметили нашу безутешную компанию, и гребцы ринулись к причалу – не нужен ли нам транспорт? Роджер наклонился и вежливо крикнул в ответ, что не нужен, и тут ветром унесло его шляпу. Она легкомысленно закружилась, будто листок, на поверхности коричневатой воды и натолкнулась на морскую пену.

Лодка тут же бросилась за шляпой, и один из гребцов ловко подцепил ее и поднял, промокшую, концом весла. Когда пиретта подошла ближе к причалу, взгляд у лодочника стал не столько ликующим, сколько изумленным.

– Маккензи! – вскрикнул он. – Чтоб мне провалиться!

– Дафф! Дафф, старина!

Роджер наклонился и схватил шляпу, а потом подал своему старому знакомому руку. Дафф, невысокий поседевший шотландец с очень длинным носом, обвислыми щеками и изящными ростками седеющих усов, будто посыпанных сахарной пудрой, проворно вспрыгнул на пристань и по-мужски крепко обнял Роджера. Объятия сопровождались неистовыми похлопываниями по спине и восклицаниями. Мы вежливо стояли в стороне и наблюдали за встречей давних друзей, а Марсали все пыталась не дать Жермену прыгнуть с причала в воду.

– Ты его знаешь? – спросила я у Брианны, которая с сомнительным видом разглядывала старого друга своего мужа.

– Возможно, он когда-то был с Роджером на корабле, – ответила она, хватая покрепче Джемми, – тот с диким восторгом смотрел на чаек, которые занимали его намного больше, чем мистер Дафф.

– Ты только погляди! – Дафф наконец сделал шаг назад и радостно вытер нос рукавом. – Камзол как у лэрда, да и пуговицы не хуже. И шляпа!.. Бог мой, дружище, ты так лоснишься, что дерьму к тебе не прилипнуть, да?

Роджер засмеялся, вытряхнул из промокшей шляпы водоросли и рассеянно протянул ее Бри, которая довольно подозрительно рассматривала мистера Даффа.

– Это моя жена, – представил ее Роджер и, махнув рукой в сторону остальных, добавил: – И ее семья. Мистер Джеймс Фрейзер, миссис Фрейзер и невестка моей жены, тоже миссис Маккензи.

– К вашим услугам, сэр и леди. – Дафф поклонился Джейми и в знак уважения коснулся сомнительного предмета на своей голове. Когда он

посмотрел на Брианну, его губы растянулись в широкой улыбке. – А, значит, ты на ней женился. Приручил ее? – Дафф бесцеремонно толкнул Роджера под ребра и хриплым шепотом спросил: – Это ты заплатил отцу за нее или отец приплатил тебе за женитьбу? – Он издал какой-то скрипучий звук – видимо, смех.

Джейми и Бри пронзили мистера Даффа одинаково холодными взглядами из-за своих длинных прямых переносиц, а Роджер не успел ничего ответить, как вдруг другой гребец крикнул что-то непонятное из лодки.

– Да, да, не волнуйся там, дружище, – отмахнулся от него мистер Дафф. – Это мы так шутим, – доверительно объяснил он мне. – Мы же моряки. «Не волнуйся», понимаете? Потому что если будешь волноваться, то окажешься на дне морском, верно? – Он снова затрясся от своего скрипучего смеха.

– Очень забавно, – заверила я его. – Он сказал что-то про кита?

– Конечно! Разве вы не за этим пришли на берег?

Все удивленно посмотрели на него.

– Нет, – ответила Марсали, неспособная отвлечься от своей цели ни на что другое, даже на китов. – Жермен, а ну вернись! Нет, сэр, мы пришли узнать, нет ли каких новостей о «Спруте». Вы ничего не слышали?

– Нет, миссис, – покачал головой Дафф. – Погода на побережье последний месяц очень коварна... – Марсали побледнела, и Дафф поспешил добавить: – Многие корабли сменили курс, вот я о чем. Может, отправились в другой порт или просто остановились неподалеку от побережья и ждут, пока небо прояснится. Помнишь, Маккензи, и с нами такое бывало на «Глориане».

– Да, верно, – кивнул Роджер, хотя при упоминании «Глорианы» вид у него стал настороженным. Он взглянул на Брианну, затем снова на Даффа и, немного понизив голос, сказал: – Вижу, твои пути со Стивеном Боннетом разошлись.

Я едва не подпрыгнула на месте, пристань словно наэлектризовалась. Джейми и Брианна тоже отреагировали, но каждый по-своему. Джейми тут же подошел к Даффу, а Брианна, наоборот, отошла.

– Стивен Боннет? – с интересом посмотрел Джейми на Даффа. – Вы знакомы с этим джентльменом?

– Был знаком, сэр, – ответил Дафф и перекрестился.

Джейми кивнул.

– Понятно. А вы, случаем, ничего не знаете о нынешнем местонахождении мистера Боннета?

– Ох, ну, насчет этого...

Дафф с любопытством изучал внешний вид и одежду Джейми, вероятно, прикидывая, сколько ему могут заплатить за ответ. Правда, его напарник в лодке уже терял терпение и снова что-то крикнул Даффу.

Марсали тоже теряла терпение.

– Куда же они могут отправиться? Что, если они в другом порту? Жермен, стой, а то упадешь! – Она схватила своего отпрыска, который перегнулся через край пристани и спокойно изучал ее нижнюю часть, и резко подняла его к себе на бедро.

– Ну так? Боннет? – Джейми поднял брови, стараясь одновременно придать себе поощрительный и угрожающий вид.

– Они уже ходили смотреть кита или нет? – крикнул джентльмен из лодки, спешащий заняться более прибыльными делами.

Дафф растерялся и не знал, кому ответить первым. Он хлопал своими маленькими глазками, глядя то на Джейми, то на Марсали, то на своего все более горластого напарника внизу. Я вступила, чтобы вывести его из тупика:

– Что за кит вообще?

Дафф с радостью сосредоточился на этом прямом вопросе.

– Как же, миссис, не слыхали про мертвого кита? Огромный такой, вынесло на берег на Острове. Я думал, вы как раз пришли посмотреть на него.

Я глянула на водное пространство и только тогда поняла, что движение лодок вовсе не беспорядочное. Большие каноэ и баржи направлялись к устью Кейп-Фир, а большинство мелких судов курсировали туда-сюда, то исчезая с небольшой группой пассажиров в дымке вдалеке, то возвращаясь из нее. Из лодок, точно шляпки грибов, торчали льняные зонтики от солнца, а на пристани собралось несколько человек – горожан, судя по всему; они стояли рядом с нами и выжидающе вглядывались в гавань.

– Два шиллинга за полную лодку, – заискивающе предложил Дафф. – Туда и обратно.

Роджер, Брианна и Марсали заинтересовались. У Джейми был встревоженный вид.

– На этом? – скептически посмотрел он на покачивающуюся внизу пиретту.

Напарник Даффа, джентльмен неопределенной расы и языковой принадлежности, был готов обидеться из-за скрытой критики его судна, однако Дафф обнадеживающе пояснил:

– Сегодня же полный штиль, сэр, полный штиль. Все равно что

присесть на скамью в таверне. Замечательно, правда? Располагает к беседе, – подмигнул он с невинным видом.

Джейми глубоко вдохнул через нос и еще раз посмотрел на пиретту. Он ненавидел лодки. С другой стороны, в попытках найти Стивена Боннета Джейми пойдет на куда более отчаянные поступки, чем плавание на лодке. Только было непонятно: у мистера Даффа действительно имелась информация насчет Боннета или же он просто заманивал пассажиров?

Джейми шумно сглотнул и расправил плечи, собираясь с духом.

Не дожидаясь ответа, Дафф ловко укрепил свои позиции, обратившись к Марсали:

– А на Острове есть маяк, мэм. С высоты отлично видно море. Можно заметить выжидающие корабли.

Марсали начала возиться с завязками своего кармана, придерживая Жермена через плечо. Тот заботливо протягивал дохлого моллюска охотно раскрывшему рот Джемми, будто мама-птица, желающая накормить птенчика сочным червяком. Я тактично вмешалась и взяла Джемми на руки.

– Не надо, мой милый, – сказала я и бросила моллюска в воду. – Не нужна тебе эта гадость. Давай лучше посмотрим на мертвого кита?

Джейми покорно вздохнул и потянулся к своему споррану.

– Подгони еще одну лодку, а то в одной мы все утонем.

* * *

В море было замечательно: облачная дымка закрывала солнце, и я сняла шляпу, чтобы почувствовать, как прохладный ветерок раздувает волосы. Полного штиля, конечно, не было, однако спокойное покачивание на волнах убаюкивало – тех, кто не страдал от морской болезни.

Я посмотрела на Джейми – он сидел ко мне спиной, наклонив голову, и легко и мощно двигал плечами, работая веслами.

Смирившись с неизбежным, Джейми быстро взял ситуацию под контроль – вызвал еще одну лодку и посадил туда Бри, Марсали и мальчишек. Затем расстегнул фибулу и заявил, что они с Роджером поплывут в другой пиретте с Даффом – может быть, в их компании он расслабится и вспомнит что-нибудь любопытное касательно Стивена Боннета.

– Надеюсь, меня не стошнит, если я займусь делом, – пробормотал Джейми, снимая камзол и плед.

Роджер усмехнулся, но кивнул и тоже снял камзол и рубаху. Даффа и Питера, которые пребывали в состоянии бурного веселья от того, что их за плату везут в собственной лодке, усадили на одном конце судна, а мне велели сесть на противоположном конце лицом к ним.

– Приглядывай за всем, саксоночка. – Подавая сложенные в кучу вещи, Джейми сунул мне в руку свой пистолет, помог сесть в лодку, аккуратно спустился сам и лишь немного побледнел, когда судно покачнулось под его тяжестью.

К счастью, день выдался действительно спокойным. Над водой висела легкая дымка, скрывая неясные очертания острова Смит вдалеке. В вышине кружили моевки и крачки, а одна крупная чайка будто зависла в воздухе рядом с нами, подгоняемая ветром, когда мы медленно выплывали из входа в гавань.

Роджер, сидевший прямо передо мной, работал веслами с легкостью, его широкие обнаженные плечи ритмично сгибались – действие явно было ему не в новинку. Джейми сидел перед Роджером и обращался с веслами довольно изящно, но не так уверенно. Никогда ему не стать моряком. Тем не менее гребля, похоже, и правда отвлекала его от мыслей о состоянии желудка. Пока что.

– К хорошему быстро привыкают, а, Питер? – Подставив свой длинный нос бризу и прикрыв глаза, Дафф наслаждался новым ощущением того, что его везут, а не наоборот.

Питер, некая экзотическая помесь индейца и африканца, что-то пробурчал в ответ, но сел рядом с Даффом с не менее довольным видом. На Питере были только запачканные домотканые штаны, завязанные на поясе смоленным тросом, и если бы не длинные черные волосы, перекинутые через плечо и украшенные частичками ракушек и крошечными высушенными морскими звездами, то из-за темного загара его можно было бы принять за негра.

– Стивен Боннет? – дружелюбно напомнил Джейми, с силой налегая на весла.

– Ах да. – Судя по виду Даффа, он был бы не прочь отложить этот разговор на неопределенный срок, однако взгляд Джейми не дал ему увильнуть. – И что же вы хотите о нем узнать?

– Для начала – где его найти, – пробурчал Джейми, работая веслами.

– Понятия не имею, – выпалил повеселевший Дафф.

– Тогда где вы последний раз видели этого негодяя? – настаивал Джейми.

Дафф с Питером переглянулись.

– Ну, смотря что вы имеете в виду, – осторожно начал Дафф. – В смысле, когда капитан последний раз попадался мне на глаза?

– Что же еще он может иметь в виду, идиот? – пробурчал Роджер, делая взмах назад.

Питер задумчиво кивнул, явно отдавая очко в нашу пользу, и пихнул Даффа локтем в ребра.

– В кабаке в Роанок, он ел там рыбный пирог, – сдался Дафф. – С устрицами и в панировке, запил все пинтой темного эля. Еще взял пудинг из патоки.

– Вы очень наблюдательны, мистер Дафф, – сказал Джейми. – Во времени вы тоже хорошо ориентируетесь?

– В смысле? А-а, понятно. Когда же это было... месяца два назад.

– И раз вы видели, что он ел, – спокойно продолжил Джейми, – я могу предположить, что вы сидели за одним столом, верно? О чем он говорил?

Дафф немного смутился. Он посмотрел на меня, затем на одну из кружащих над нами чаек.

– Ну что ж. В основном о том, какой формы задница у официантки.

– Вряд ли можно обсуждать эту тему в течение всего ужина, даже если девушка невероятно фигуристая, – заметил Роджер.

– Ты не представляешь, дружище, сколько всего можно сказать о женском заде, – воскликнул Дафф. – У этой зад был круглый, как яблочко, и крупный, точно паровой пудинг. В кабаке было жутко холодно, и мысль о том, чтобы поддержать этот пухлый горячий пирожок в своих руках... Без обид, мэм, – поспешил добавить он и, глядя в мою сторону, приподнял шляпу.

– Я и не обиделась, – искренне ответила я.

– Вы умеете плавать, мистер Дафф? – с любопытством спросил Джейми спокойным тоном.

– Что? – удивился Дафф. – Я... ну... вот...

– Не умеет, – радостно ответил Роджер. – Он мне говорил.

Дафф гневно взглянул на предателя поверх головы Джейми.

– А как же верность! – возмущался он. – Отличный же из тебя товарищ по плаванию! Вот так сдать меня... тебе должно быть стыдно!

Джейми поднял весла – с них закапала вода, – Роджер последовал его примеру. Мы отошли примерно на четверть мили от берега, вода здесь была насыщенного нежно-зеленого цвета, значит, до дна несколько морских саженей^[28]. Лодка слегка покачивалась, поднимаясь на верхушке продолговатой неторопливой волны.

– Боннет, – по-прежнему вежливо, но теперь с заметной резкостью

повторил Джейми.

Питер скрестил руки на груди и закрыл глаза, показывая, что к *нему* это не имеет никакого отношения. Дафф вздохнул и пристально посмотрел на Джейми.

– Да, правду говорю, я не знаю, где он сейчас. Когда я видел его на Роаноуке, Боннет договаривался о поставке... некоторых товаров.

– Каких товаров? Откуда? И куда? – Джейми с напускной невозмутимостью оперся о поднятые на борт весла, но я заметила, как напряглось его тело. Видимо, он не только сосредоточился на лице Даффа, но и был вынужден следить за горизонтом позади него, – а тот гипнотически то падал, то поднимался в такт покачиванию пиретты. То вниз, то вверх, опять вниз...

– Чайные коробки, насколько я понял, – настороженно ответил Дафф. – Насчет остального сказать не могу.

– Остального?

– Господи, да тут на каждом судне что-нибудь нелегально провозят, неужто вам это неизвестно?

Питер приоткрыл глаза и с интересом уставился на Джейми. Ветер немного изменил направление, и явно почувствовался запах мертвого кита. Джейми медленно сделал глубокий вдох и выдохнул, уже быстрее.

– Значит, привезли чай. Откуда? С корабля?

– Да. – Дафф все с большим интересом смотрел на Джейми. Сидя на узкой скамье, я беспокойно заерзала; сзади не определишь, но, скорее всего, Джейми начал зеленеть от ярости.

– С «Воробья». Корабль стал на якорь у побережья, и мы отправились к нему на лодках. Забрали груз и вернулись через бухту Йоада. Сошли на берег у пристани Уайли, там передали груз одному парню.

– Какому... парню? – Хотя ветер был прохладным, по шее Джейми стекал пот – воротник намок, ткань между лопаток прилипла к телу.

Дафф не отвечал. Судя по взгляду его маленьких, глубоко посаженных глаз, он о чем-то задумался.

– Не выйдет, – спокойно сказал Роджер. – Отсюда я достану до тебя веслом, ясно?

– Да? – Дафф глубокомысленно перевел взгляд с Джейми на Роджера, затем на меня. – Да, наверное, достанешь. Но если ты, Маккензи, умеешь плавать и даже если мистер Фрейзер удержится на плаву, не могу утверждать то же самое про леди. Бесконечные юбки...

– Клэр? – Джейми крепко схватился за весла.

Вздохнув, я достала пистолет из-под лежащего у меня на коленях

камзола.

– В кого из них мне стрелять?

Питер распахнул глаза так, что стали видны белые ободки вокруг черных зрачков. Он посмотрел на пистолет, затем на Даффа и прямо на Джейми.

– Отдали чай человеку по имени Батлер. Работает на мистера Лиона. – Питер показал пальцем на меня, потом на Даффа. – Стреляй в него, – предложил он.

Лед тронулся, и очень скоро наши два пассажира выдали все остальное, что им было известно, прерываясь лишь ненадолго, когда Джейми тошнило за борт.

По словам Даффа, контрабанда в этом районе была настолько распространена, что стала общепринятой деловой практикой. В Уилмингтоне незаконным ввозом занимались большинство торговцев и все мелкие лодочники, да и на побережье Каролины творилось то же самое, потому что пошлины на официально импортированные товары были непосильными. Стивен Боннет был не просто одним из самых успешных контрабандистов, а настоящим профессионалом.

– Привозит товары на заказ и все такое, – сказал Дафф, выворачивая шею так, чтобы удобнее почесать между лопаток. – И в большом, скажем так, количестве.

– В каком количестве? – Джейми уперся локтями в колени и опустил голову на ладони. Это, похоже, помогало.

Дафф поджал губы и, прищурившись, начал подсчитывать:

– В таверне на Роаноуке нас было шестеро. То есть шестеро с небольшими лодками, которые могут пройти через узкий залив. Каждый нагружал, сколько мог, значит... пожалуй, всего вышло пятьдесят ящиков чая.

– И как часто он завозит такие партии, где-то раз в два месяца? – Роджер немного расслабился и облокотился на весла. Я, в отличие от него, была наготове и, целясь в Даффа, сурово посмотрела на него, чтобы он это понял.

– О, куда чаще, – с опаской поглядывая на меня, ответил Дафф. – Точно не скажу, но слухи-то ходят. Другие лодочники говорят, в сезон товар приходит каждые две недели, куда-то на побережье между Вирджинией и Чарлстоном.

Услышав это, Роджер что-то удивленно проворчал, а Джейми приподнял голову.

– А как же морское ведомство? – спросил Джейми. – Кому он платит?

Хороший вопрос. За маленькими лодками ведомство может и не углядеть, но контрабанда Боннета в таких огромных количествах наверняка приходила на крупных судах. Трудно скрывать что-то в подобных масштабах – очевидно, Боннет и не пытался.

– Даже не знаю. – Дафф покачал головой и пожал плечами.

– С февраля вы на Боннета не работали. Почему? – спросила я.

Дафф с Питером переглянулись.

– Когда голодный, съешь и ерша, – ответил мне Питер. – Когда есть что получше, то откажешься.

– В смысле?

– Боннет опасен, саксоночка, – коротко объяснил Джейми. – Они имеют с ним дело, только когда заставит нужда.

– Понимаете, с Боннетом неплохо иметь дело, – оживился Дафф, – если твои интересы совпадают с его. Но когда они вдруг расходятся...

Питер кивнул и с мрачным видом провел пальцем по своей тонкой шее.

– И об этом никто не предупреждает, – добавил Дафф. – Потягиваешь себе виски и куришь сигары, и вдруг ты уже валяешься в опилках и вдыхаешь собственную кровь, радуясь при этом, что вообще еще можешь дышать.

– Тот еще характер, да? – Джейми провел рукой по лицу и вытер потную ладонь о рубаху.

В ответ на его вопрос Дафф, Питер и Роджер одновременно покачали головой.

– Он бессердечен, – слегка напрягшись, сказал Роджер.

– Убьет, и волосок на заднице не дрогнет, – заверил Дафф Джейми.

– Выпотрошит, как кита, – подтвердил Питер, махнув рукой в сторону острова.

Течением нас принесло уже намного ближе к суше, и я не только видела, но и чувствовала запах кита. С криком кружившие над тушей морские птицы резко устремлялись вниз и отхватывали куски плоти, а неподалеку собралась небольшая толпа людей, зажавших носы платками и ароматическими мешочками.

Ветер вдруг переменился, и в нас, будто волной, ударил зловонный запах разложения. Я уткнулась лицом в рубашку Роджера, и даже Питер, казалось, побледнел.

– Господи, помилуй, – прошептал Джейми. – Я... о боже! – Он перегнулся через борт лодки, и его вырвало – несколько раз.

Пальцем ноги я ткнула Роджера в зад.

– Гребите!

Роджер послушался и сразу принялся грести, не жалея сил, так что через несколько минут киль пиретты коснулся песка. Дафф с Питером выпрыгнули, чтобы вытащить лодку на пляж, а затем любезно помогли мне вылезти из нее.

Джейми заплатил им, прошел, пошатываясь, дальше по пляжу и вдруг сел на песок под ладанной сосной. Вид у него был примерно такой же, как у мертвого кита: кожа грязно-серая, с белыми пятнами.

– Сэр, нам подождать вас и отвезти назад? – услужливо бросился к Джейми Дафф, чей кошелек теперь заметно раздулся.

– Нет, – ответил Джейми. – Везите их, – слабо махнул он в сторону меня и Роджера, потом закрыл глаза и шумно сглотнул. – А я, пожалуй... я... доплыву сам.

Глава 101

Монстры и герои

Мальчишки безумно хотели посмотреть на кита и тянули за собой, как воздушных змеев, неохотно идущих мам. Я оставила Джейми приходить в себя на пляже и пошла с ними, осмотрительно держась на расстоянии от возвышающейся туши. Роджер отвел Даффа в сторону, чтобы переговорить о чем-то с глазу на глаз, а Питер задремал в лодке.

Тушу вынесло на берег недавно, хотя кит, должно быть, к тому времени был уже мертв – он сильно разложился, значит, прошло уже несколько дней. Несмотря на вонь, несколько особо отважных приезжих забрались на тушу и оттуда радостно махали руками своим друзьям на пляже, а один джентльмен топориком отрубал куски плоти с бока животного и раскидывал их по двум большим ведрам. Я узнала его – это был владелец столовой на Хосорн-стрит. Надо запомнить, что нам не стоит заглядывать в его заведение.

Кита живо окружили не самые привередливые из мелких ракообразных, и некоторые люди, тоже взяв ведра, снимали с туши крабов и раков покрупнее, как фрукты с дерева. К представлению присоединился десяток миллионов песчаных блох, и я, потирая лодыжки, отошла на безопасное расстояние.

Я обернулась и посмотрела на пляж: Джейми уже встал и присоединился к разговору, и Дафф с растущим беспокойством поглядывал то на кита, то на свою лодку. Он явно хотел поскорее вернуться к работе, пока здесь еще было на что смотреть.

Наконец Даффу удалось улизнуть, и он побежал к пиретте так, будто за ним гнались. Джейми и Роджер подошли ко мне, но мальчишки еще явно не насмотрелись на кита. Брианна великодушно вызвалась приглядеть за обоими детьми, чтобы Марсали могла забраться на маяк неподалеку.

– Что ты там наговорил бедному мистеру Даффу? – спросила я у Джейми. – Вид у него какой-то встревоженный.

– Разве? Ему не о чем тревожиться, – ответил он, глядя в море – пиретта Даффа поспешно возвращалась к пристани. – Просто подкинул небольшое дельце.

– Он знает, где Лион, – бодро добавил Роджер.

– А мистер Лион знает, где Боннет, – или, по крайней мере, как с ним связаться. Поднимемся повыше? – По-прежнему бледный, Джейми кивнул

в сторону лестницы маяка и вытер пот с шеи.

Наверху было и правда свежее, однако вид на океан меня особо не интересовал.

– И?.. – спросила я, не зная, хочу ли услышать ответ.

– И я поручил Даффу передать мистеру Лиону послание. Если все получится, через неделю встретимся с мистером Боннетом на пристани Уайли.

У меня закружилась голова, хотя с высотой это никак не было связано. Я закрыла глаза и схватилась за деревянные перила, которыми была огорожена крошечная площадка. Сильно дул ветер, и поскрипывающий дощатый пол башни казался пугающе хрупким.

Джейми переступил с ноги на ногу и подошел поближе к Роджеру.

– Он просто человек, а не монстр.

Разве? Этот монстр преследовал Брианну – и, видимо, ее отца. Если убить его, станет ли он снова просто человеком?

– Знаю, – спокойно, но не очень убедительно ответил Роджер.

Я открыла глаза, и передо мной предстал исчезающий в пелене тумана океан. Огромный, прекрасный – и безлюдный. В нем легко исчезнуть.

* * *

– Ты плавал с нашим Стивеном, да? Сколько – месяца два-три?

– Почти три, – сказал Роджер.

«С нашим Стивеном», вот как? Что Джейми имел в виду под такой фамильярностью?

Джейми кивнул, не поворачивая головы. Он смотрел на покачивающиеся волны, из собранных волос ветром выбивало пламенные пряди, не такие яркие при дневном свете.

– Значит, ты неплохо его знаешь.

Роджер оперся о перила – крепкие, но влажные и липкие от брызг, долетавших сюда из бьющейся о скалы морской пены.

– Неплохо? – повторил он. – Неплохо для чего?

Джейми повернулся и посмотрел на Роджера, прищурившись на ветру.

– Для того, чтобы понимать – он просто человек и ничего больше.

– А кто он еще может быть? – Голос Роджера прозвучал напряженно.

Джейми вновь отвернулся к морю и, прикрыв лицо рукой, смотрел на садящееся солнце.

– Монстр, – тихо сказал он. – Не совсем человек – или больше, чем

человек.

– Как к нему относились моряки? – слышался голос Клэр. Она стояла по другую сторону от Джейми и перегнулась через перила, чтобы посмотреть на Роджера. Ветер подхватил ее волосы и поднял их бурным облаком – таким же, как в небе вдалеке.

– На «Глориане»? – Роджер глубоко вдохнул, душок от мертвого кита смешался с сильным запахом солончака позади них. – Они... уважали его. Некоторые боялись. – «Как я», подумал Роджер. – У него была репутация жестокого, однако опытного капитана. Ему доверяли груз, потому что он всегда успешно добирался до порта, а плавание всегда было прибыльным.

– Жестокого? – нахмурившись, спросила Клэр.

– Все капитаны жестоки, саксоночка, – слегка раздраженно ответил Джейми. – Иначе нельзя.

Она посмотрела на него, и Роджер заметил, как изменилось выражение лица Клэр: от воспоминания взгляд стал добрее, хотя уголок рта напрягся от какой-то неприятной мысли. Она положила руку поверх руки Джейми и сжала так, что побелели костяшки.

– Ты всегда поступал так, как был вынужден, – сказала она тихо, Роджер едва расслышал. Неважно, эти слова все равно ему не предназначались. Немного повысив голос, Клэр добавила: – Жестокость и необходимость – разные вещи.

– Да, – прошептал Джейми. – И от монстра до героя всего один шаг.

Глава 102

Битва у пристани Уайли

Звук был тихий и ровный, от подгоняемых ветром волн по поверхности шла едва заметная рябь. «И это чертовски хорошо», – подумал Роджер, глядя на своего тестя. Джейми хотя бы открыл глаза и так отчаянно вглядывался в берег, как будто от одного вида суши, насколько бы недостижимой она ни была, ему становилось спокойнее. Над верхней губой поблескивали капельки пота, а лицо стало того же перламутрового цвета, что и рассветное небо, но его пока не стошнило.

Хотя Роджер не страдал от морской болезни, ему было почти так же плохо. Оба не завтракали, однако Роджеру казалось, что он проглотил огромную тарелку каши, щедро приправленной обойными гвоздями.

– На месте. – Дафф опустил весла и кивнул в сторону пристани. На воде было прохладно – в такой час практически холодно, – но воздух стал густым от влаги, и по лицу Даффа от усилий стекал пот. Питер молча сидел на веслах, и по мрачному выражению лица было понятно, что он не желает иметь ничего общего с этим делом, и чем быстрее их нежеланный груз сойдет на берег, тем лучше.

Густо поросшая ситником и спартиной пристань Уайли напоминала мираж, плывущий над водой в облаке тумана. Ее окружали болота, низкие заросли прибрежного леса и широкие участки открытой воды, а сверху давило тускло-серое небо. На самом деле дом владельца плантации стоял в миле от пристани, скрытый густой порослью чахлах деревьев и кустарников. Сама пристань состояла из короткого деревянного причала на сваях и прилегающих к ней обветшалых сараев, выцветших до серебристо-серого. На берегу кверху дном лежала беспалубная лодочка. За сараями, за зигзагообразным деревянным забором был небольшой загон – видимо, иногда Уайли морем перевозил скот.

Джейми коснулся патронной коробки на своем поясе – то ли чтобы успокоиться, то ли чтобы убедиться, что она не намокла. Он посмотрел в небо, пытаясь определить погоду, и Роджер вдруг с беспокойством понял: если пойдет дождь, от оружия толку не будет. От сырости дымный порох слипается в комки; немного влаги – и оружие не выстрелит. А оказаться лицом к лицу со Стивеном Боннетом с негодным оружием в руках ему точно не хотелось.

«Он просто человек и ничего больше». Если в его воображении Боннет

раздуется до сверхъестественных масштабов, то Роджер обречен. Он попытался представить себе что-нибудь обнадеживающее и уцепился за воспоминание о том, как Стивен Боннет, спустив штаны, сидит на носу «Глорианы» и, прикрыв глаза от удовольствия, спокойно испражняется, а утренние лучи освещают его дряблый, поросший светлой щетиной подбородок.

Представь Боннета монстром, и задумка кажется невыполнимой; представь его человеком, и становится еще хуже.

Ладони вспотели, и Роджер без стеснения вытер их о штаны. Он подумал о письме Джона Грея и о глазах капитана Марсдена, и во рту появился горько-металлический привкус.

По указанию Джейми пиретта медленно подобралась ближе к пристани; все настороженно высматривали какие-либо признаки жизни на берегу.

– Здесь никто не живет? – тихо спросил Джейми, осматривая строения из-за плеча Даффа. – Никаких рабов?

– Нет, – проворчал Дафф, налегая на весла. – Уайли сейчас редко использует пристань, он построил новую дорогу от своего дома – в обратную от моря сторону к главной дороге на Идентон.

Джейми скептически посмотрел на Даффа.

– Если не Уайли, значит, ее используют другие?

Пристань отлично подходила для нерегулярной контрабанды: вдали от основного берега, однако сюда легко добраться из Пролива. Та земля справа, которую он сначала принял за остров, оказалась лабиринтом из песчаных отмелей, отделяющих ведущий к пристани Уайли канал от основного пролива. К отмелям вели еще по крайней мере четыре небольших канала, два из которых были достаточно широки для большого кеча^[29].

– К дому ведет узкая ракушечная дорожка, дружище, – сказал Дафф. – Если кто-то пойдет туда, это будет вам знаком.

Питер встревоженно дернулся и кивнул в сторону отмелей.

– Прилив, – пробормотал он.

– Ах да. Долго ждать не придется – а может, и придется, как знать. – Дафф ухмыльнулся.

– Почему? – угрюмо спросил Джейми. При виде спасительного берега ему стало немного лучше, но он точно не был настроен шутить.

– Вода приливает. – Дафф перестал грести и оперся на весла, чтобы снять свою изношенную шляпу и вытереть пот с лысеющих бровей. Он махнул шляпой в сторону песчаных отмелей, где взад-вперед бегала стая

слабоумных на вид куликов. – При отливе канал становится слишком узким для кеча. Часа через два, – Дафф, щурясь, посмотрел на зарево от восходящего солнца на востоке и кивнул самому себе, – или чуть позже они смогут проплыть. Если они ждут где-то там, то выйдут сразу, чтобы завершить начатое и уплыть. Но если они еще не прибыли, возможно, им придется ждать волн до вечера. Проходить каналы ночью – рискованное дело; впрочем, Боннет не из тех, кого пугает темнота. Правда, если он не спешит, то может отложить все до завтрашнего утра.

Роджер вдруг понял, что все это время задерживал дыхание. Он выдохнул и сделал глубокий неспешный вдох, чувствуя запах соли и сосны, а еще едва ощущаемую вонь от дохлых моллюсков. Значит, скоро. Или только с наступлением ночи. Или завтра на рассвете.

Пиретта скользнула к причалу, Дафф зацепился веслом за одну из обросших ракушками свай и развернул лодку к стенке пристани. Джейми проворно выбрался, желая поскорее оказаться на суше. Роджер подал ему палаши и небольшой сверток с флягами и запасным порохом, затем вылез сам. На пристани он опустился на колени и прислушался, пытаясь различить малейшие движения, но не услышал ничего, кроме мелодичного пения птиц на болоте и крика чаек над проливом.

Джейми покопался в кармане, вытащил небольшой кошелек и бросил его Даффу. Это был символический платеж. Если все пройдет успешно, Джейми заплатит остаток условленной суммы через два дня, когда Дафф за ними вернется, если же нет, заплатит Клэр.

Они молча стояли на пристани, глядя, как медленно удаляется пиретта. Живот Роджера еще сильнее сжался в узел. Он бы помолился, но не мог. Не смел просить помощи в том, что намеревался сделать – ни у Господа или архангела Михаила, ни у преподобного или родителей. Только у Джейми Фрейзера.

Роджер то и дело задавался вопросом – сколько же человек убил Фрейзер? Если он считал. Если знал. Конечно, убивать в сражении или в целях самозащиты – это одно, а планировать хладнокровное убийство, лежа в засаде, – совсем другое. И все же Фрейзеру наверняка легче.

Тот смотрел, как уплывает лодка. Он стоял неподвижно, и взгляд его был сосредоточен на чем-то, что далеко за лодкой, далеко за небом и морем, – не мигая, он наблюдал за неким злом. Фрейзер сделал глубокий вдох и шумно сглотнул. Нет, ему не будет легче.

Почему-то Роджера это утешило.

Они быстро осмотрели все сараи, где хранился лишь всякий хлам: сломанные упаковочные ящики, кипы покрывшейся плесенью соломы, несколько обглоданных костей, оставленных собаками или рабами. Некоторые из сараев когда-то явно использовали для жилья. У стены одной из построек какое-то животное построило неряшливое гнездо. Джейми ткнул его палкой, и из гнезда выскочило что-то смахивающее на грызуна, пухлое и серое, – пробежало меж ног Роджера и с пугающим плеском бросилось в воду.

Джейми и Роджер устроились в большом сарае, построенном на самой пристани, и стали ждать. Долго или не очень.

План был невероятно прост: пристрелить Боннета, как только тот появится. Если же начнется дождь, в ход пойдет холодное оружие.

– Пройдись, если хочешь, – сказал Джейми, глядя, как Роджер ерзает. – Мы услышим. – Сам он сидел спокойно, точно лягушка на кувшинке, и методично проверял ассортимент разложенных перед ним орудий смерти.

– Хм-м. Вдруг он будет не один?

Джейми пожал плечами, не отводя глаз от кремневого замка, который держал в руках. Покрутил его, чтобы проверить, крепко ли тот сидит, и отложил пистолет.

– Пусть не один. Тогда придется их разделить. Я уведу Боннета в один из сараев поменьше под предлогом беседы наедине и там убью, а ты не дашь никому туда войти. Мне понадобится минута, не больше.

– Да? А потом вы просто выйдете – и что скажете его людям о судьбе капитана?

Джейми потер переносицу и снова пожал плечами.

– Он будет мертв. Думаешь, он вселил в них такую верность, что они захотят отомстить?

– Ну... нет, – ответил Роджер. – Пожалуй, нет. – Боннет вселял в людей желание упорно трудиться, но основано оно было на страхе и жажде наживы, а не на симпатии.

– Я много всего узнал о мистере Боннете, – сказал Джейми. – У него есть постоянные сообщники, однако нет друзей. Он не ходит в плавание с одним и тем же помощником, с одной и той же командой; Боннет набирает экипаж по надобности и берет не тех, кто ему нравится, а сильных и умелых моряков. Поэтому вряд ли люди особо к нему привязаны.

Роджер кивнул. Боннет поддерживал на «Глориане» железную

дисциплину, но между матросами не было товарищеского духа, даже в отношениях капитана с его помощником и боцманом. Джейми прав: Боннет набирает людей по мере надобности; если он и возьмет кого-то с собой на эту встречу, это вряд ли будут преданные ему помощник и команда.

– Ладно. Если – то есть когда – мы убьем его, то его людям...

– Понадобится новая работа. Я думаю, если мы не будем им угрожать, судьба Боннета не сильно их беспокоит. И все же... – Слегка нахмурившись, Джейми поднял палаш, достал его из ножен и засунул обратно, чтобы проверить, легко ли он скользит. – Я, как и говорил, уведу Боннета в сторону. Дашь мне минуту, чтобы разобраться с ним, потом под каким-нибудь предлогом вроде как пойдешь за мной. Не останавливайся, иди прямо через сараи к деревьям. Там и встретимся.

Роджер скептически посмотрел на Джейми. Господи, для него это словно воскресный пикник – поверни у реки, встретимся в парке, я возьму сэндвичи с ветчиной, а ты принеси чай.

Он откашлялся, затем еще раз и поднял один из своих пистолетов. Тяжесть прохладного и крепкого оружия придавала храбрости.

– Что ж, ладно. Только одно. Боннета убью я.

Фрейзер задумчиво смотрел на него, и Роджер слышал все доводы против, которые стучали в его ушах вместе с пульсом, так четко, будто их произносили вслух.

Ты никогда никого не убивал, даже не сражался в битве. Стрелок из тебя никакой, ты едва умеешь обращаться с палашом. Что еще хуже, ты боишься этого человека. Если ты рискнешь и у тебя ничего не выйдет...

– Знаю, – сказал Роджер в ответ на глубокомысленный взгляд голубых глаз. – И все же он мой. Да, Брианна ваша дочь, но мне она жена.

Фрейзер прикрыл глаза и отвернулся, постучал пальцами по колену и глубоко вдохнул. Затем медленно приподнялся и посмотрел прямо Роджеру в глаза.

– Твое право. Тогда так. Не медли, не спорь с ним. Убей, как только будет возможность. – Джейми замолк и, не отводя взгляда, добавил: – Знай, если ты погибнешь, я за тебя отомщу.

Набитое гвоздями месиво в животе двинулось вверх и комом стало в горле. Роджер с трудом сглотнул.

– Отлично. А если падете вы, я за вас отомщу. Договорились?

Фрейзер не рассмеялся, и в тот момент Роджер понял, почему за ним готовы пойти куда угодно и за чем угодно. Он лишь пристально посмотрел на Роджера и кивнул.

– Редкостный уговор, – тихо сказал он. – Благодарю. – Фрейзер снял с

пояса кинжал и начал его начищать.

* * *

Хотя небо было затянуто низкими облаками, скрывшими солнце, все равно чувствовалось, как ползут минуты, как постепенно движется земля со сменой дневных ритмов. Птицы, которые пели на рассвете, теперь замолкли, а те, что охотятся по утрам, начали свою охоту. Волны бились о сваи с другим звуком, и под пристанью эхом отражался накатывающий прилив.

Настало и прошло время высокого прилива, вода начала уходить, и эхо под пристанью зазвучало глухо. Кровь в ушах Роджера стучала уже не так громко, узел в животе тоже ослаб.

Затем что-то ударилось о причал, и пол сарая завибрировал.

Джейми тут же поднялся, засунул два пистолета за пояс, один взял в руку. Махнув Роджеру головой, он вышел и скрылся за дверью.

Роджер тоже сунул пистолеты за пояс, для храбрости коснулся рукоятки кинжала и пошел вслед за Джейми. Он одним глазком посмотрел на судно, чей борт из темного дерева едва виднелся над пристанью, и зашел в небольшой сарай справа. Джейми не было видно, значит, он отправился на свою позицию слева.

Роджер прижался к стене и посмотрел в щелочку между дверными петлями и самой дверью. Судно медленно двигалось вдоль края пристани, виднелась лишь часть кормы. Ничего страшного, он все равно не сможет стрелять, пока Боннет не появится на причале.

Роджер вытер ладонь о брюки, вытащил лучший из двух пистолетов, в тысячный раз проверил, что запал и кремневый замок на месте. От металла шел резкий маслянистый запах.

Воздух был влажным, одежда прилипала к телу. Не промок ли порох? Роджер дотронулся до кинжала – в десятитысячный раз, – вспоминая инструкции Фрейзера. «Руку на плечо, нож под грудину, с силой. Сзади в почку, снизу вверх». Боже, способен ли он на такое лицом к лицу? Да. Роджер надеялся, что это будет лицом к лицу. Он хотел увидеть...

На причал кинули свернутый в бухту канат – Роджер услышал глухой стук, – затем кто-то перебрался через борт и ступил на причал, чтобы привязать лодку. Какое-то шуршание, натужный хрип, потом пауза... Шаги. Медленные, но не крадущиеся. Направляются к нему.

Дверь была приоткрыта. Неясная из-за тусклого света тень упала на

вход. Человек вошел внутрь.

Роджер всем телом бросился на него сзади и с глухим стуком прижал к стене. Человек удивленно вскрикнул, и, услышав голос, Роджер убрал руки с определенно немужской шеи.

– Черт! – крикнул он. – То есть я... я... прошу прощения, мэм.

Роджер всем своим весом прижимал к стене молодую девушку и прекрасно чувствовал, что остальные части ее тела тоже не были мужскими. К щекам прилила кровь, он отпустил ее и, тяжело дыша, отошел назад.

Она отряхнулась, точно собака, разгладила свое одеяние и осторожно коснулась затылка, которым ударилась о стену.

– Простите. – Роджер был в шоке и одновременно ощущал себя полным идиотом. – Я не хотел...

Девушка была ростом с Брианну, но более крепкого телосложения, с длинными каштановыми волосами и привлекательным лицом – крупным, с глубоко посаженными глазами. Она широко улыбнулась Роджеру и сказала что-то невразумительное; сильно пахло луком. Без лишней скромности она осмотрела Роджера с ног до головы и, видимо, одоббив его вид, приподняла грудь руками и показала головой на угол сарая, очевидно, приглашая его на кучу влажного сена, от которой исходил изобильный запах гниения – не сказать, чтобы неприятный.

– Ах, вот что... Нет, боюсь, вы не так поняли... Нет, не трогайте это. Нет. *Non! Nein!* – Роджер пытался оттолкнуть руки девушки, решительно расстегивающей его пояс. Она сказала что-то еще на незнакомом языке. Роджер не понял ни слова, но догадался об их смысле. – Нет, я женатый человек. Хватит уже!

Она рассмеялась, взглянула на него из-под своих длинных черных ресниц и возобновила решительную атаку.

Если бы не запах, Роджер подумал бы, что у него галлюцинации. Оказавшись в непосредственной близости от девушки, он понял, что лук еще не самое страшное. Выглядела она опрятно, но запах он узнал сразу: так несет от человека, который только что сошел на берег после долгого плавания. Помимо этого, от ее юбок воняло свиньями.

– *Excusez-moi, mademoiselle*^[30]. – Откуда-то сзади раздался изумленный голос Джейми.

Девушка тоже изумилась, но не испугалась. Зато отпустила его яйца, и Роджер отошел назад.

– И кто это такая? – удивленно спросил Джейми.

– А я, черт возьми, откуда знаю? – Роджер изо всех сил попытался

вернуть себе самообладание. – Я думал, это Боннет или кто-то из его людей, но, судя по всему, это не так.

– Судя по всему, да. – Фрейзер, похоже, был склонен видеть в этой ситуации нечто забавное. – *Qui êtes-vous, mademoiselle?*^[31] – спросил он у девушки.

Та явно не поняла его, нахмурилась и опять сказала что-то на своем странном языке.

– Что она говорит? – спросил Роджер.

– Понятия не имею. – Джейми повернулся к двери и взял в руку пистолет. – Последи за ней. Вряд ли она здесь одна.

Судя по голосам с пристани, она была не одна. Донеслись голоса мужчины и еще одной женщины. Роджер и Джейми озадаченно переглянулись. Нет, это не Боннет и не Лион... И что, ради всего святого, здесь делают эти женщины?

Девушка вдруг выкрикнула что-то на своем языке. Не похоже на предупреждение, однако Джейми поспешил прижаться к двери, держа наготове пистолет и нащупывая другой рукой кинжал.

Узкий проход почти полностью погрузился в темноту, и в сарае показалась лохматая темноволосая голова. Джейми сделал шаг вперед и приставил пистолет к подбородку очень крупного и очень удивленного мужчины. Джейми схватил его за воротник и затащил внутрь.

Почти сразу за мужчиной зашла женщина, и по ее статной фигуре и привлекательному лицу стало ясно, что она мать этой девушки. Правда, она была белокурой, тогда как у мужчины – может, это отец девушки? – волосы были темные, точно шерсть медведя, на которого он сильно походил: ростом примерно с Джейми, но в два раза шире него, с крепкой грудью и плечами и густой бородой.

Похоже, никто из них не был встревожен. Мужчина выглядел изумленным, женщина – обиженной. Девушка рассмеялась, показывая на Джейми, а потом на Роджера.

– Я начинаю чувствовать себя довольно глупо, – сказал Джейми Роджеру. Убрав пистолет, он отошел в сторону. – *Wer seid Ihr?*^[32]

– Вряд ли они немцы. Она, – Роджер показал пальцем на девушку, которая теперь оценивающе смотрела на Джейми, будто прикидывая, можно ли поразвлечься с ним на соломе, – похоже, не понимает ни французский, ни немецкий. Или просто притворяется.

Хмурясь, мужчина переводил взгляд с Джейми на Роджера. Услышав слово «французский», он немного оживился.

– *Comment ça va?*^[33] – сказал он. Такого ужасного акцента Роджер никогда не слышал.

– *Parlez-vous Francais?*^[34] – спросил Джейми, все еще подозрительно глядя на мужчину.

Гигант улыбнулся и, сжав огрубевший большой и указательный пальцы так, что между ними остался примерно дюйм, ответил:

– *Un peu*^[35].

Совсем *peu*, как они вскоре обнаружили. Мужчина знал всего с десяток слов, которых как раз хватило, чтобы представиться: его звали Михаил Чемодуров, с ним были его жена Ива и дочь Карина.

– *Rooshki*, – сказал Чемодуров, ударив себя в массивную грудь.

– Русские? – Роджер ошеломленно уставился на них.

– Никогда раньше не встречал русских. – Джейми был явно впечатлен. – Только что, прости господи, они здесь делают?

С некоторым трудом им удалось задать мистеру Чемодурову этот вопрос. Тот просиял и махнул своей ручищей, показывая на пристань.

– *Les cochons*, – ответил он. – *Pour le Monsieur Wylie*^[36].

– *Monsieur Wylie?*

Учитывая, какой аромат исходил от всех троих, упоминание свиней не удивило Роджера и Джейми. Однако связь между русскими свинопасами и Филипом Уайли была не так очевидна. Не успели они в этом разобраться, как снаружи послышался громкий стук и скрежет, как будто о причал ударилось что-то большое и деревянное. Сразу же последовал хор воплей и повизгиваний – в основном свинячьих, но и человеческих тоже, в том числе женских.

Чемодуров выбежал из сарая с удивительной для его размеров скоростью, Джейми и Роджер бросились за ним по пятам.

Роджер едва успел разглядеть, что теперь к пристани были привязаны две лодки: небольшое судно русских и беспалубная лодка поменьше. На причал высыпали несколько мужчин, увешанных ножами и пистолетами.

Заметив это, Джейми нырнул в сторону и исчез за маленьким сараем. Роджер схватил свой пистолет, однако замешкался – стрелять или бежать? Чересчур замешкался. От удара ружьем под ребра у него перехватило дыхание.

– Ни с места, приятель, – сказал мужчина с ружьем. – Дернешься, и я вышибу тебе печень через позвоночник.

В его словах не было враждебности, но прозвучали они настолько искренне, что Роджер не намеревался проверять их правдивость. Он стоял

и, приподняв руки, наблюдал за происходящим.

Чемодуров решительно бросился в толпу захватчиков, размахивая своими мясистыми руками. Одного, по-видимому, сбросил с причала в воду, другого русский схватил за горло и душил. Он не обращал внимания на крики, угрозы и удары, сосредоточившись только на мужчине, которого убивал.

Воздух сотрясало от воплей, Ива и Карина бросились к своему судну, на палубе которого появились двое захватчиков – каждый удерживал по девушке, менее крупной версии Карины. Один из них направил пистолет на русских женщин. Видимо, он спустил курок – Роджер заметил искру и облачко дыма, но пистолет дал осечку. Женщины тут же с криком бросились на обидчика. В панике тот бросил оружие и отпустил девушку, а сам прыгнул в воду.

Специфический звук удара отвлек внимание Роджера от этой сцены. Один из захватчиков, приземистый и коренастый, стукнул Чемодурова по голове рукояткой пистолета. Моргнув, русский на миг застыл и слегка ослабил хватку на своей жертве. Нападавший состроил гримасу, покрепче взялся за пистолет и ударил снова. Глаза русского закатились, и он рухнул на причал; деревянные доски застряслись.

Роджер переводил взгляд с одного на другого, упорно пытаясь разглядеть среди этой схватки Стивена Боннета, но здесь не было и следа бывшего капитана «Глорианы».

В чем же дело? Боннет не трус и прирожденный боец. Нельзя и представить, чтобы он, отправив своих людей драться, сам не пошел в бой. Роджер всмотрелся в захватчиков, пересчитал их, стараясь не запутаться, однако Стивена Боннета среди них не было.

Тут ударивший Чемодурова мужчина повернулся к Роджеру, и он узнал Дэвида Анструзера, шерифа округа Ориндж. Анструзер прищурился – он тоже узнал Роджера, но его присутствие, похоже, не удивило шерифа.

Битва шла к завершению. Четырех русских женщин, визжащих и выкрикивающих проклятия, согнали в самый большой сарай, туда же затащили и упавшего Чемодурова, за которым тянулся пугающий кровавый след.

За край пристани вдруг ухватились чьи-то ухоженные руки, и из судна на причал вылез худой мужчина, высокий и элегантный. Роджер без труда узнал мистера Лиллиуайта, одного из магистратов округа Ориндж, хотя тот был без парика и темно-зеленой мантии.

Для этого случая Лиллиуайт облачился в одежду из простого черного сукна, хотя на вид ткань была невероятно утонченной. Он не спеша прошел

по причалу, оценивая положение вещей, и с отвращением поджал губы, заметив кровавый след.

Лиллиуайт подал знак человеку, схватившему Роджера, и тот убрал давящее на грудь дуло.

– Мистер Маккензи, так ведь? – любезным тоном обратился к нему Лиллиуайт. – А где же мистер Фрейзер?

Роджер ждал этот вопроса, и ему не пришлось раздумывать над ответом.

– В Уилмингтоне, – ответил он таким же любезным тоном. – Вы и сами забрались далеко от дома, верно, сэр?

У Лиллиуайта сжались ноздри, будто он почувствовал какой-то плохой запах.

– Не шутите со мной, сэр, – резко ответил магистрат.

– Даже не думал, – заверил его Роджер, не сводя глаз с парня с ружьем. – Но раз уж мы об этом заговорили – где Стивен Боннет?

Лиллиуайт усмехнулся.

– В Уилмингтоне.

Утомленный Анструзер присел на корточки рядом с магистратом, кивнул Роджеру и неприятно улыбнулся.

– Маккензи. Рад тебя снова видеть. Где твой тесть и, что самое главное, где виски?

Лиллиуайт хмуро посмотрел на шерифа.

– Ничего не нашли? Сараи обыскали?

– Да, мы там смотрели. Один хлам. – Анструзер угрожающе приподнялся на цыпочках. – Так что, Маккензи, где спрятал товар?

– Я ничего не прятал, – спокойно ответил Роджер. – Нет тут никакого виски. – Он немного расслабился. Где бы ни был Стивен Боннет, сейчас он не здесь. Вряд ли они обрадуются, узнав, что виски – всего лишь уловка, но...

Шериф ударил его в живот. Роджер согнулся от боли, в глазах потемнело, и он тщетно пытался сделать вдох, стараясь побороть панику, которая пришла с воспоминаниями о повешении, мраке, нехватке воздуха...

Перед глазами поплыли яркие пятна, и Роджер с шумом вдохнул. Шериф схватил его за клок волос.

– Подумай еще раз, – посоветовал ему Анструзер.

Боль скорее раздражала, чем беспокоила, и Роджер с силой ударил шерифа в бедро. Тот вскрикнул и отскочил.

– Посмотрели на другом судне? – спросил Лиллиуайт, не обращая внимания на состояние шерифа.

Потирая бедро, Анструзер гневно посмотрел на Роджера, но все же покачал головой.

– Там только свиньи и девчонки. *Они*-то здесь, черт возьми, откуда?

– Из России. – Роджер откашлялся, отчего стало ужасно больно, и, стиснув зубы, медленно встал, держа руку на животе – все внутренности будто отбили. Шериф уже приготовил кулак, но Лиллиуайт жестом остановил его и недоверчиво посмотрел на Роджера.

– Из России? Как они с этим связаны?

– Никак, насколько я знаю. Они прибыли вскоре после меня.

Магистрат недовольно заворчал, задумчиво нахмурился, а потом решил зайти с другой стороны.

– У Фрейзера был уговор с Милфордом Лионом. Теперь я понял, какова была роль мистера Лиона... Лучше отдайте виски мне. – Слова Лиллиуайта теперь звучали по-деловому вежливо.

– У мистера Фрейзера появились другие договоренности, – с той же вежливостью ответил ему Роджер. – Он прислал меня, чтобы как раз сообщить об этом мистеру Лиону.

Видимо, такого Лиллиуайт не ожидал. Он внимательно глядел на Роджера, будто пытался определить, насколько ему можно верить. Роджер спокойно смотрел на Лиллиуайта, надеясь, что Джейми не появится в самый неподходящий момент, опровергнув его историю.

– Как вы сюда добрались, если не на том судне? – резко спросил Лиллиуайт.

– По суше из Идентона. – «Благослови Господь Даффа, что рассказал об этом», – мысленно добавил Роджер. – Там есть ракушечная дорожка.

Шериф с Лиллиуайтом внимательно смотрели на Роджера.

– Что-то здесь нечисто, и дело не в болоте. – Анструзер громко чихнул в подтверждение своих слов, затем покашлял и фыркнул: – Фу! Ну и вонь.

Лиллиуайт не обратил внимания на его слова.

– Боюсь, я пока не могу вас отпустить, мистер Маккензи, – сказал магистрат, после чего обратился к шерифу: – Отведи его к русским – если это и правда русские.

Анструзер поспешил выполнить приказ и, подталкивая Роджера дулом пистолета, погнал его к сараю, в котором заперли русских. Роджер стиснул зубы. Интересно, высоко отскочит шериф, если поднять его и швырнуть на доски пристани?

Все русские собрались в углу сарая, женщины с заботой ухаживали за своим раненым мужем и отцом, но как только в дверях появился Роджер, встретили его малопонятным лепетом, полным вопросов. Он едва сумел

выдавить улыбку в ответ и, отмахнувшись от них, прижался ухом к стенке сарая, пытаясь расслышать, как Лиллиуайт обсуждает со своими людьми дальнейшие планы.

Хотелось думать, что они поверят его рассказу и уплывут, – может, так и получится, когда они убедятся, что на пристани нет спрятанного виски. Роджер вдруг представил другой вариант развития событий, и ему стало тревожно.

Судя по поведению людей Лиллиуайта, они намеревались забрать виски – если бы оно было на пристани – силой. Сам Лиллиуайт держался позади, прятался... Естественно, ведь что подумают люди, если узнают, что окружной магистрат имеет дело с контрабандистами и пиратами?

Так как никакого виски не было, Роджер ни в чем не мог обвинить Лиллиуайта – заниматься контрабандой, конечно, незаконно, но на побережье это такая распространенная практика, что даже слухи не повредят репутации Лиллиуайта в его далеком от берега округе. Однако Роджер был здесь один – по крайней мере, именно так считал Лиллиуайт.

Лиллиуайт и Стивен Боннет явно были как-то связаны, и если Роджер и Джейми Фрейзер начнут задавать вопросы, то вскоре что-нибудь выяснят. Вдруг Лиллиуайт решит, что Роджера лучше убить, чтобы не болтал?

Они могут просто отвести его к топи, убить и бросить тело в болото, а затем вернуться к своим пособникам и сообщить, что Роджер отправился обратно в Идентон. Даже если кто-то отыщет членов банды Лиллиуайта и если их заставят говорить – а шансы невелики ни в одном, ни в другом случае, – доказать ничего не получится.

Снаружи слышались постепенно стихающие удары и стук – проверяли сарай. Вполне возможно, Лиллиуайт и Анструзер собирались убить его и Джейми после того, как заберут виски. Тогда сейчас их ничто не остановит, они уже готовы к этому. А что же русские, с ними тоже расправятся?

По жестяной крыше сарая застучали капли – начинался дождь. Если порох намокнет, пристрелить его не смогут, вместо этого перережут горло. Совсем недавно Роджер хотел, чтобы Джейми не обнаружил себя слишком рано, теперь же он отчаянно надеялся, что тот не появится слишком поздно. А вот что он будет делать, когда и если все-таки появится...

Палаши. Они все еще там, в углу сарая? Роджер пошел проверить, бросив свой пост, – за шумом дождя все равно не было слышно, что творится снаружи.

Русские посмотрели на него одновременно с опаской и тревогой. Он улыбнулся и кивнул, показывая, чтобы они пропустили его в угол. Да, палаши на месте. Появилась хоть какая-то надежда.

Чемодуров был в сознании, он что-то пробормотал; Карина тут же встала и подошла к Роджеру. Она осторожно похлопала его по руке, взяла палаш и вытащила из ножен с таким свистом, что все подпрыгнули, а потом нервно засмеялись. Держа палаш за рукоятку, Карина подняла его на плечо, как бейсбольную биту, прошествовала к двери и, сделав хмурый вид, заняла позицию.

– Отлично, – одобрительно улыбнулся Роджер. – Если кто-то просунет внутрь голову, сразу руби, поняла? – Он изобразил, что нужно делать, и русские зашумели, выражая поддержку. Одна из девушек помладше взяла второй палаш, но Роджер с улыбкой показал, что возьмет его сам.

К его удивлению, девушка покачала головой и сказала что-то по-русски. Роджер вздернул брови и тоже сокрушенно качнул головой. Она дернула его за руку и потащила за собой в угол сарая.

В течение недолго периода заключения русские не сидели сложа руки. Они сдвинули в сторону весь хлам, соорудили удобную соломенную постель для раненого – а еще обнаружили в полу большой люк, через который при отливе груз можно было подавать прямо под пристанью из лодки в сарай, не выгружая на берег.

Вода уходила, до темной поверхности было больше шести футов. Оставшись в одних брюках, Роджер свесил ноги вниз, держась за края люка, – нырять в мелководье головой вперед было бы опасно.

Оказалось, что здесь не слишком мелко: вода с серебристыми пузырьками накрыла Роджера с головой. Он коснулся ногами песчаного дна, вынырнул на поверхность, затем помахал взволнованным русским, наблюдавшим за ним через люк, и поплыл к дальнему концу пристани.

* * *

Со своей позиции на крыше сарая Джейми наблюдал за тем, как двигается Лиллиуайт, нежно поглаживая свое оружие. Руки длинные, хорошая осанка, движения быстрые, хотя немного отрывистые. Человек, который носит палаш в такой ситуации, хорошо знаком с оружием и относится к нему с любовью.

Анструзера не было видно – тот прижался спиной к стенке сарая под навесом, – но шериф мало волновал Джейми. Он просто драчун, да и руки коротковаты.

– Убьем всех. Иначе мы в опасности.

Лиллиуайт одобрительно пробормотал что-то в ответ.

– А что насчет остальных? Не стоит полагаться на свидетелей, которые могут заговорить. С Фрейзером и Маккензи надо разобраться подальше отсюда, чтобы никто не видел... Пожалуй, русских оставим, они иностранцы и совсем не понимают по-английски...

– Только как они тут оказались, хотелось бы мне знать? Вряд ли их подхватил водяной смерч и случайно выбросил к этому берегу. Кто-то за ними придет – и этот кто-то сумеет их разговорить, зуб даю. Они слишком много видели, и если вы планируете и дальше использовать эту пристань...

По-прежнему моросило. Джейми повернул голову, чтобы о плечо стереть влагу с глаз. Он распластался на покатой крыше, как лягушка. Над проливом шелестел дождь, и по воде шла рябь, будто складки на шелке.

Джейми слегка пошевелился, и кинжал уперся ему в бедро. Пистолеты лежали перед ним на крыше – в дождь они наверняка бесполезны. Единственным настоящим оружием остался кинжал, который лучше подходит для нападения исподтишка, чем для лобовой атаки.

– ...отправить людей обратно на судне, а сами потом вернемся по дороге...

Они все еще тихо переговаривались, но решение было принято: Лиллиуайту лишь требовалось убедить самого себя в необходимости убийства, и много времени на это не потребовалось. Только сначала они отошлют своих пособников – магистрат боится свидетелей.

В глаза попала вода, и Джейми поморгал, глядя в сторону сарая покрупнее, внутри которого находились Роджер Мак и русские. Сарай стояли недалеко друг от друга, между расположенными в шахматном порядке жестяными крышами всего три-четыре фута. Большой сарай через один от него. Что ж, вперед.

Когда они пойдут к сараю, Джейми переберется по крышам, надеясь, что ему повезет и из-за дождя ни Лиллиуайт, ни Анструзер не посмотрят вверх. Затаится над входом, а как только они подойдут и откроют дверь, прыгнет сверху на магистрата – может, сломает ему шею или, по крайней мере, обезвредит. Дальше остается рассчитывать на то, что Роджер Мак поможет разделаться с шерифом.

Джейми решил, что план не так уж плох. Конечно, если он не поскользнется и не сломает шею. Или ногу. Он согнул левую ногу и почувствовал, как слегка затекли мышцы икры. Рана зажила, но какая-то слабость все равно оставалась. Прыгать по крышам не обязательно, можно просто идти...

– Да, нужда заставит, – пробормотал Джейми. Если он упадет и опять поранит ногу, пусть лучше его прикончит шериф, иначе это сделает Клэр.

Он невольно улыбнулся. Нет, не стоит сейчас о ней думать; потом, когда все закончится... Рубаха промокла насквозь и прилипла к плечам, звук дождя, стучащего по крыше, был точно пение гуслей. Извиваясь, Джейми осторожно отполз назад, подобрал колени и привстал на корточки, готовый упасть на живот, если кто-то посмотрит вверх.

На причале никого не было. Лиллиуайт с шерифом и четверо их людей стояли на топком грунте к югу от пристани и беспорядочно тыкали в доходящую до пояса траву. Однако, повернувшись, Джейми краем глаза заметил какое-то движение и замер.

Вот черт, из леса выходили еще люди. Сначала Джейми решил, что это тоже проделки Лиллиуайта, потом понял, что все эти мужчины черные. Все, кроме одного.

«Свиньи, – сказал тогда русский. – Для месье Уайли». А вот и месье Уайли со своими рабами пришел за свиньями!

Джейми опять лег на живот и, извиваясь ужом, стал двигаться к заднему краю крыши. Неизвестно, захочет ли Уайли помочь Джейми или убить его, но он наверняка заинтересован в том, чтобы защитить своих русских.

* * *

Приливное течение пока было не сильным, и все же из-за травмы горла и пожара в зарослях сахарного тростника у Роджера быстро сбивалось дыхание, и через каждые три-четыре гребка ему приходилось подниматься на поверхность, чтобы вдохнуть.

«Алые губы над водой, – с иронией пропел самому себе Роджер, – выдувают пузырьки...» Он сделал большой вдох и замер на месте, прислушиваясь. Сначала Роджер направлялся к южной стороне пристани, потом услышал наверху голоса и поплыл в обратную сторону. Теперь он находился прямо под северной частью пристани, спрятанной в тени судна русских.

Невыносимо воняло свиньями, из трюма доносились приглушенный стук и хрюканье. Господи, неужели они приплыли на этом утлом суденышке из самой России?

Поблизости никаких голосов. Если он и наделает шума, то за дождем ничего не будет слышно. Ладно, на старт, внимание, марш! Роджер вдохнул побольше воздуха и нырнул в дождливое пятно света у пристани.

Он плыл упорно, стараясь не поднимать брызг и ожидая, что в любой

момент ему в спину может уткнуться дуло. Достиг зарослей меч-травы и порезался, перекатился на бок, чтобы сделать вдох. Порезы щипало от соленой воды. Он осторожно пошел дальше через заросли болотных растений – над головой колыхались стебли ситника, по спине стучал дождь, вода доходила до подбородка.

Грудь тяжело вздымалась от нехватки воздуха. И что, черт возьми, дальше? Ну хорошо, выбрался из сарая, но плана дальнейших действий у него не было. Наверное, надо найти Джейми, причем не попасться снова...

Эта мысль будто привлекла к нему внимание. Кто-то, хлюпая, медленно шел по близлежащей топи. Искал. Роджер замер в надежде, что за шумом дождя не слышно его дыхания.

Ближе. Роджер ощупал свой пояс... Кинжала не было, потерялся где-то в воде. Подобрав одно колено к подбородку, он приготовился выскочить и бежать.

Трава над ним вдруг раскрылась, и Роджер вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы увернуться от копья, пронзившего воду там, где он только что был.

Из-за копья, широко раскрыв глаза от изумления, на него смотрел черный мужчина. Негр закрыл рот и удивленно моргнул.

– Ты не опоссум! – сказал он таким тоном, будто был глубоко оскорблен.

– Нет, – спокойно ответил Роджер. – Я не опоссум. – Он провел дрожащей рукой по груди, чтобы убедиться, что сердце не выскочило. – Прошу прощения.

* * *

У себя дома Филип Уайли выглядел совсем не так, как на людях. Одетый для ловли свиней в свободные брюки и намокшую от дождя рабочую блузу, без всяких париков, грима, пудры и мушек на лице, он был изящен, однако выглядел довольно заярудно и явно знал свое дело. Еще он почему-то казался довольно неглупым, хотя упорно перебивал рассказ Джейми вопросами и возражениями.

– Лиллиуайт? Рэндалл Лиллиуайт? Но что он может...

– Сосредоточьтесь, дружище, – нетерпеливо сказал Джейми. – Об этом потом. Если мы сейчас же не вмешаемся, он вместе с шерифом разделает ваших русских, точно рождественский окорок.

Уайли сердито посмотрел на Джейми, затем с подозрением глянул на

Роджера, спрятавшегося под кроной деревьев, – полуголового, промокшего насквозь и заляпанного грязью.

– Он прав, – прохрипел Роджер, затем откашлялся и повторил более уверенно: – Он прав, времени мало.

Уайли сжал губы в тонкую линию и шумно выдохнул через нос. Он окинул взглядом своих рабов, как будто пересчитывал их: шестеро мужчин, все с крепкими палками. Один или двое с мачете на поясе. Уайли принял решение и кивнул:

– Тогда идем.

Чтобы не выдал предательский хруст ракушечной дорожки, они медленно двигались через болота.

– Почему свиньи? – любопытствовал Джейми, который вместе с Уайли постепенно обогнал остальных.

– Это не свиньи, – ответил Уайли. – Русские боровы. Интересно же! – с гордостью добавил он, рассекая густую траву палкой. – Все говорят, что русский боров – самый свирепый и хитрый противник. Выпущу их в свои леса, пусть размножаются.

– Будете на них охотиться? – скептически спросил Джейми. – Вы когда-нибудь ходили на борова?

Роджер заметил, как под блузой напряглись плечи Уайли. Дождь стих, но не прекратился.

– Нет, – ответил он. – Еще нет. А вы?

– Да, – сказал Джейми, но мудро не стал распространяться.

Ближе к пристани Роджер заметил движение: от берега удалялось судно поменьше.

– Отчаялись найти либо меня, либо виски и отослали своих людей. – Джейми провел рукой по лицу, стирая капли. – Что скажете, Уайли? Нельзя терять время. Русские в главном сарае, на причале.

Приняв решение, Уайли уже не сомневался.

– В атаку, – кратко велел он.

Махнув рабам, чтобы следовали за ним, Уайли поспешил к пристани. Вся компания свернула на ракушечную дорожку и бросилась к причалу с таким топотом, будто сходила лавина. «Это должно отвлечь Лиллиуайта и Анструзера», – подумал Роджер. Звук был такой, словно наступала целая армия.

Между сараев показалось чье-то изумленное лицо и тут же исчезло.

Джейми тоже это заметил и издал безумный крик горца. Уайли испуганно дернулся, затем присоединился: «А ну выходите, ублюдки!» Негры, размахивая палками, тоже с криком и ревом атаковали пристань.

Увы, на причале не оказалось никого, кроме пленных русских, которые едва не отрубили Филипу Уайли голову, когда тот неблагоразумно распахнул дверь в сарай, не оповестив, кто идет.

Краткий обыск близлежащих болот ничего не дал: Лиллиуайта и Анструзера и след простыл.

– Скорее всего, ушли вплавь, – сказал один из негров, вернувшись с поисков. Он кивнул в сторону канала и песчаных отмелей и схватил свое копье. – Поймать их?

– Не вплавь, – коротко возразил Уайли, указав на крошечный пляж у пристани – пустынную полосу из ракушек. – Забрали мою лодку, будь они прокляты.

Он с отвращением отвернулся и начал раздавать приказы – разгрузить русских боровов и поместить в загон. Чемодурова с семьей уже увели в хозяйский дом. Юные девушки то с изумлением посматривали на черных рабов, то бросали кокетливые взгляды на Роджера, который снова надел рубаху и обувь, а брюки по-прежнему прилипали к телу.

Один из рабов вышел из сарая с охапкой брошенного оружия, и Уайли на некоторое время вспомнил о своих обязанностях хозяина.

– Я приношу вам благодарность, сэр, за то, что помогли сохранить мое имущество, – сказал он Джейми, чопорно поклонившись. – Изволите ли вы с мистером Маккензи воспользоваться моим гостеприимством?

– Я благодарен вам, сэр, за помощь в спасении нашей жизни, – с той же чопорностью ответил Джейми. – И спасибо вам, но...

– С радостью, – перебил Роджер. К удивлению Уайли, он крепко пожал его руку, а потом подтолкнул Джейми к ракушечной дорожке, пока тот не успел возразить.

– Слушайте, вам не придется целовать ему задницу, – сказал Роджер в ответ на ворчание Джейми, когда они брели к лесу. – Пусть его дворецкий даст нам по сухому полотенцу и еды, и мы уйдем, пока Уайли будет занят со своими боровами. Я сегодня не завтракал, да и вы тоже. В Идентон я на пустой желудок не пойду.

Видимо, мысль о еде уладила Джейми, и когда они добрались до леса – своего рода укрытия, – оба испытали почти головокружительную радость. Наверное, так чувствуют себя после битвы, когда лишь от осознания того, что ты цел и невредим, хочется шутить и дурачиться.

По молчаливому согласию обсуждение последних событий – в том числе и размышления о том, где сейчас находится Стивен Боннет, – оставили на потом.

– Господи, русские боровы... – Оказавшись под кронами деревьев,

Джейми отряхнулся, как собака. – Да он борова, наверное, в жизни не видел! Чтобы покончить с собой, необязательно идти на такие траты.

– Они, наверное, безумно дорогие! Выложить столько денег, чтобы кучу свиней привезли за... где-то шесть тысяч миль? – Роджер изумленно покачал головой.

– Ну, если честно, это не просто свиньи, – возразил Джейми. – Разве ты их не видел?

Роджер видел – мельком. Когда он выходил из сарая, один из рабов гнал борова через причал. Животное было рослое и волосатое, с жуткими на вид клыками, длинными и желтыми. Однако долгое плавание изнурило борова; ребра теперь у него торчали, а щетинистая шкура наполовину облысела. Отвыкнув от твердой земли под ногами, боров пьяно покачивался на смехотворно маленьких копытцах, вытаращив глаза и панически хрюкая, когда рабы подгоняли его палками. Роджер ему немного посочувствовал.

– Да, они довольно крупные. Наберут вес, и будет то еще зрелище. Вот только понравится ли им здесь после России? – Роджер показал рукой на сырой лес из низкорослых деревьев, темный и пахнущий смолой.

– Ну, тут много желудей и кореньев, – пожал плечами Джейми, – а иногда можно и негром полакомиться. Думаю, понравится.

Роджер засмеялся, а Джейми проворчал:

– Думаешь, я шучу? Ты ведь наверняка тоже никогда не охотился на борова.

– Хм-м. Может, мистер Уайли пригласит нас...

В затылке что-то взорвалось, и все исчезло.

* * *

Через какое-то время Роджер что-то ощутил – такую сильную боль, что лучше бы не приходил в себя. А еще ощутил лицом гальку и листья и услышал шум поблизости. Грохот, стук и крики мужчин, столкнувшихся в серьезной драке.

Роджер постарался окончательно прийти в себя и поднял голову, хотя от усилия перед глазами засверкали разноцветные огоньки и ужасно затошнило. Стиснув зубы, он приподнялся на сложенных руках и не сразу понял, что происходит: дрались футах в десяти от того места, где лежал Роджер, ветки и кусты мешали обзору. Тем не менее среди стонов и пыхтения он расслышал приглушенное «А *Dhia!*»^[37], и ему стало куда

спокойнее. Значит, Джейми жив.

Покачиваясь, Роджер поднялся и постоял немного на одном месте; перед глазами то темнело, то прояснялось. Когда зрение пришло в норму, он увидел на земле свой палаш, прикрытый песком и листьями, а рядом – один из пистолетов. Впрочем, порох, наверное, намок.

Покопавшись, Роджер нащупал рукоятку палаша, схватился за нее и сразу почувствовал себя немного лучше. Что-то стекало по шее – кровь, дождь? Не важно. Он пошатнулся, припал к стволу дерева, поморгал, чтобы темнота ушла, и сделал еще один шаг.

Роджер чувствовал себя, как тот боров на пристани. Он снова неуверенно шагнул, споткнулся и упал, сильно ударившись локтем.

Неуклюже перевернувшись – мешал палаш, – Роджер увидел, что споткнулся о ногу Анструзера. Шериф лежал на спине с открытым ртом, взгляд у него был удивленный. Ему перерезали горло, песок впитал в себя кровь и приобрел ржавый оттенок и неприятный запах.

Роджер и сам не понял, как в шоке поднялся на ноги. Спина к нему стоял Лиллиуайт, его рубаха намокла от пота и прилипла к телу. Ворча, он сделал выпад, затем отступил, удар, ответный удар...

Роджер потряс головой, стараясь забыть об идиотских правилах фехтования, затем остановился – от боли перехватило дыхание. Лицо Джейми застыло в безумной полуусмешке: оскалившись, он отражал удары противника. Правда, Роджера он заметил.

– Роджер! – крикнул он, задыхаясь в схватке. – Роджер, дружище!

Не оборачиваясь, Лиллиуайт бросился вперед, сделав ложный выпад, отбиваясь, затем рывок назад...

– Меня... не обдуришь... – выговорил он.

Роджер смутно понял: Лиллиуайт решил, что Джейми блефует, пытаясь заставить обернуться. В глазах опять потемнело, и Роджер ухватился за дерево, чтобы не упасть. Листья были мокрыми, руки скользили.

– Эй... – прохрипел он, машинально подняв палаш; его острие подрагивало. – Эй!..

Лиллиуайт сделал шаг назад и с ошеломленным видом развернулся. А Роджер слепо ринулся вперед, не целясь, зато изо всех сил, которые еще оставались в его теле.

Палаш вошел в глаз Лиллиуайта, пробил кость и скользнул во что-то мягкое, где и застрял. Лиллиуайт замер, и его жизнь будто потекла в клинок, а затем по руке Роджера, стремительная и сотрясающая, как электрический ток.

Роджер начал в панике извлекать палаш. Лиллиуайт задержался в конвульсиях, обмяк и шлепнулся на землю, точно огромная дохлая рыба.

Приобняв за плечо, Джейми увел Роджера в сторону, шатающегося и ослепленного паникой и болью. Он гладил его по спине, приговаривая что-то на гэльском, пока того рвало. Потом вытер ему лицо и шею мокрыми листьями, утер нос намокшим рукавом рубахи.

– Вы как? – пробормотал Роджер в какой-то момент.

– Я-то нормально, – ответил Джейми, снова похлопав его по спине.

Роджер кое-как выпрямился. Голова еще болела, но ужасающая боль исчезла, а оставшаяся будто существовала отдельно от него, витая где-то поблизости.

Лиллиуайт лежал на спине среди листьев. Роджер закрыл глаза и нервно сглотнул. Джейми что-то едва слышно пробормотал, затем послышался стон, шорох листьев и несильный стук. Когда Роджер открыл глаза, Лиллиуайт уже лежал лицом вниз, а его рубаха сзади была в песке и скорлупе от желудей.

– Идем. – Придерживая зятя, Джейми перекинул его руку через свое плечо. Свободной рукой Роджер слабо махнул в сторону тел.

– Они... Что нам делать... с ними?

– Оставим их свиньям.

На выходе из леса Роджер уже мог идти сам, хотя то и дело покачивался из стороны в сторону – шагать прямо пока не получалось. Впереди показался дом Уайли, солидное сооружение из красного кирпича.

– Почему? – спросил Роджер, остановившись, чтобы стряхнуть листья с рубахи. – Они объяснили, почему?

– Нет.

Джейми вытащил из рукава промокшую тряпку, которая когда-то служила ему носовым платком, и прополоскал ее в декоративном фонтане. Потом протер лицо, неодобрительно посмотрел на полосы грязи на платке и снова сполоснул в фонтане.

– Первое, что я услышал, – это как Анструзер ударил тебя по голове. Вот, у тебя все еще идет кровь. Я обернулся и увидел, что ты лежишь на земле, а в следующее мгновение на меня из ниоткуда набросились с палашом. Посмотри. – Джейми просунул пальцы сквозь огромную дыру в рубахе и пошевелил ими. – Я спрятался за деревом и едва успел обнажить свой палаш. Но никто из них не сказал ни слова.

Роджер осторожно прижал протянутый ему платок к затылку. Когда холодная вода коснулась раны, он со свистом втянул воздух сквозь зубы.

– Черт. Я из-за головы не соображаю или это и правда бессмысленно?

Ради всего святого, почему они так упорно пытались нас убить?

– Потому что хотели, чтобы мы были мертвыми, – логично ответил Джейми, закатав рукава, чтобы помыть руки в фонтане. – Или кто-то другой этого хочет.

Голову снова пронзило болью, накатила тошнота.

– Стивен Боннет?

– Будь я игроком, поставил бы не колеблясь.

Роджер закрыл глаз, чтобы видеть одного, а не двух Джейми.

– Да вы и есть игрок! Я видел.

Джейми рассеянно провел рукой по спутанным волосам и повернулся лицом к дому. Карина и ее сестры радостно махали из окна.

– Сейчас мне очень хочется знать одно – где находится Стивен Боннет?

– В Уилмингтоне.

Джейми обернулся и хмуро посмотрел на Роджера.

– Что?

– В Уилмингтоне, – повторил Роджер, осторожно открыв второй глаз. Слава богу, вроде бы нормально. – Так сказал Лиллиуайт. Я еще решил, что он шутит.

Пристально посмотрев на Роджера, Джейми сказал:

– Очень надеюсь, что это и правда была шутка.

Глава 103

Среди восковника

Уилмингтон

По сравнению с Фрейзер-Ридж, Уилмингтон был просто мегаполисом, и при обычных обстоятельствах мы с девушками сполна насладились бы его прелестью. Однако, зная, на какое задание отправились Роджер и Джейми, мы никак не могли отвлечься.

Медленный ход времени ночью перебивался криками детей, а воображение рисовало такие жуткие картины, какие не явятся и в кошмаре. Просыпаясь, разбитые среди скомканной одежды и несвежих простыней, мы кормили и одевали детей и уходили на поиски хоть какой-то отдушины, пытаясь отвлечься от мыслей на скачках, в магазинах и музыкальных вечерах-конкурсах, которые по разу в неделю устраивали миссис Кроуфорд и миссис Даннинг, две самые известные светские дамы в городе.

Миссис Даннинг принимала на следующий день после отъезда Роджера и Джейми. Между выступлениями музыкантов, игравших на арфе, скрипке, клавесине и флейте, читали стихи – по крайней мере, там это называли стихами, – а галантный мистер Ангус Маккаскилл, знаменитый владелец самого большого кафе в Уилмингтоне, исполнял «Песни, комические и трагические».

Трагические песни, кстати, были намного смешнее комических, потому что во время самых мрачных пассажей мистер Маккаскилл так закатывал глаза, словно читал слова песни внутри черепа. Я принимала соответствующее случаю серьезное выражение лица, но прикусывала щеку изнутри, чтобы не рассмеяться.

Брианна не проявляла подобной учтивости и во время выступлений сидела с таким напряженным и задумчивым видом, что некоторые музыканты приходили в замешательство и, нервно поглядывая на нее, перебирались на другую сторону зала, где отгораживались от злюки клавесином. Однако я знала, что ее поведение никак не связано с представлением, – Брианна мысленно вспоминала ссору, которая предшествовала отъезду мужчин.

Ссора, неистовая и бурная, произошла, когда на закате мы вчетвером гуляли по набережной. Брианна говорила страстно, красноречиво и

яростно. Джейми – терпеливо, спокойно и невозмутимо. Я в кои-то веки оказалась упрямее их обоих и держала рот на замке. Я никак не могла принять сторону Бри, ведь я знала, каков Стивен Боннет. Я не стала принимать сторону Джейми – я знала, каков Стивен Боннет.

Каков Джейми, я тоже знала, и хотя от мысли о том, что он намерен разобраться со Стивеном Боннетом, я чувствовала себя так, будто меня подвесили на обтрепанной веревке над бездонной ямой, я все же понимала: вряд ли кто-то может справиться с этим лучше него. И дело было не только в его умении убивать, а в том, что это был вопрос совести.

Джейми – горец. Пусть считается, что за возмездие отвечает Господь, каждый из горцев уверен – без их помощи Господу не справиться. Бог создал мужчину по многим причинам, и в самом начале списка – защита семьи и ее чести. Любой ценой.

Джейми не способен простить и уж тем более забыть то, что Боннет сделал с Брианной. Виной тому не просто жажда мести или то, что Боннет представлял собой постоянную угрозу Бри или Джейми. Джейми считал, что он сам отчасти несет ответственность за зло, которое может причинить в этом мире Боннет – как нашей, так и другим семьям. Однажды он помог Боннету избежать виселицы, и ему не будет покоя, пока он не исправит свою ошибку, – так он и сказал.

– Отлично! – прошипела Брианна, стиснув кулаки. – Значит, ты хочешь найти покой. Просто отлично! А спокойно ли будет нам с мамой, если погибнешь ты или Роджер?

– Ты бы предпочла видеть меня трусом? Или Роджера?

– Да!

– Неправда, – уверенно возразил Джейми. – Ты говоришь сейчас так лишь потому, что напугана.

– Конечно, я напугана! И мама тоже, просто она молчит – считает, что вы все равно не передумаете.

– И правильно считает, – искоса глянул на меня Джейми, слегка улыбнувшись. – Она хорошо меня знает.

Отвернувшись, я разглядывала мачты кораблей, стоявших на якоре в гавани, а ссора тем временем продолжалась.

Роджер наконец положил ей конец.

– Брианна, – спокойно сказал он, когда она замолчала, чтобы отдышаться. – Я не позволю этому человеку ходить по одной земле с моими детьми и моей женой. Так ты благословишь нас – или нет?

Брианна шумно вдохнула, прикусила губу и отвернулась. В ее глазах блеснули слезы, и она нервно сглотнула. И больше ничего не сказала.

Если она и высказала свое благословение, то сделала это в тишине ночи, в их постели. В той же темноте и я благословила Джейми и попрощалась с ним – по-прежнему молчаливо. Я не могла выговорить ни слова.

Той ночью мы оба не спали, а просто лежали в объятиях друг друга, чувствуя дыхание и движения тел, и когда сквозь ставни внутрь проникли первые тусклые лучи, мы встали – Джейми надо было собираться, а я не могла лежать и смотреть, как он уходит.

Я приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его на прощание и прошептать самое главное:

– Возвращайся.

* * *

На следующий вечер миссис Кроуфорд собрала тех же музыкантов, что были у миссис Даннинг, но кое-чем ее прием все же отличался, – впервые здесь я почувствовала запах миртовых свечей.

– Откуда этот прекрасный запах? – спросила я в перерыве у миссис Кроуфорд, приняв ее к подсвечнику, которым был украшен клавесин. Восковые свечи источали одновременно нежный и пряный аромат – что-то вроде лавра, но не такой насыщенный.

– Это восковник, – с довольным видом ответила она. – Само растение я для свечей не использовала. Чтобы получить один фунт воска, нужно невероятное количество ягод, почти восемь фунтов, представьте себе! Моя рабыня собирала их целую неделю, а в итоге мне едва хватило на дюжину свечей. Я сделала из ягод воск, однако смешала его с обычным пчелиным воском и вполне довольна результатом. Приятный аромат, правда? – Миссис Кроуфорд наклонилась ко мне и доверительно прошептала: – Говорят, вчера у миссис Даннинг пахло так, будто у повара подгорела картошка!

Так что на третий день, когда пришлось выбирать, чем заняться – сидеть в тесноте с тремя маленькими детьми или снова отправиться к останкам кита, я взяла у нашей хозяйки, миссис Бернс, несколько ведер, попросила собрать корзинку с едой и отправилась со своим войском в экспедицию по добыче ягод.

Брианна и Марсади приняли мое предложение живо и даже с энтузиазмом.

– Все лучше, чем сидеть на месте и волноваться, – сказала Брианна.

– Да, и лучше, чем вонь от грязных пеленок и прокисшего молока, – добавила Марсали. Вид у нее был бледный, она обмахивалась книгой. – Свежий воздух мне не помешает.

Я немного волновалась за Марсали – сможет ли она так много пройти пешком со своим животом, ведь она уже на седьмом месяце? Однако Марсали уверяла меня, что это ей только на пользу, а мы с Брианной поможем нести Джоани.

Как часто бывает, когда отправляешься в путь с маленькими детьми, выйти из дома в намеченное время не получилось. Джоани вырвало сладким картофелем прямо на платье, Джемми совершил опрометчивый антисанитарный поступок в крупных масштабах, а Жермен во время всей этой суеты вообще куда-то подевался. В результате получасового поиска, в котором были задействованы прохожие, его обнаружили на улице: он со счастливым видом бросался навозом в проезжающие мимо экипажи и повозки.

Как только всех насильно отмыли, переодели и, в случае Жермена, пригрозили смертью и расчленением, мы снова спустились по лестнице и увидели, что мистер Бернс, хозяин гостиницы, раздобыл для нас старую козлиную тележку и любезно позволил ей воспользоваться. Правда, козел был занят поеданием крапивы в соседнем саду и никак не желал идти в упряжку. После четверти часа напряженной погони Брианна заявила, что лучше сама потащит тележку, чем будет и дальше водить хороводы с козлом.

– Миссис Фрейзер, миссис Фрейзер! – Мы уже отошли от гостиницы, погрузив детей, ведра и корзину с едой на тележку, когда миссис Бернс выскочила вслед за нами с кувшином слабоалкогольного пива в одной руке и кремневым пистолетом – в другой.

– От змей, – объяснила она, подавая мне пистолет. – Энни говорит, что, когда последний раз ходила в ту сторону, видела там с дюжину гадюк.

– От змей. – Я неохотно взяла в руки оружие и прилагающиеся к нему атрибуты. – Точно.

Учитывая, что под «гадюкой» могли иметь в виду какую угодно змею, от водяного щитомордника до безобидного песчаного ужа, и что Энни Бернс была особенно склонна к театральности, меня сообщение не встревожило. Я хотела положить пистолет в корзинку с едой, но одного взгляда на Жермена и Джемми, этих невинных на вид ангелочков, хватило, чтобы понять – глупо оставить рядом с ними даже незаряженное оружие. Так что я бросила пистолет в свое ведерко для ягод и перекинула его через руку.

День выдался облачный и прохладный, с океана дул легкий бриз. В воздухе висела влага – вполне мог пойти дождь; впрочем, на тот момент находиться вне помещения было очень приятно. Песчаный грунт утрамбовался после недавних дождей, и идти было легко.

Следуя указаниям миссис Кроуфорд, мы прошли около мили по пляжу и оказались у густого прибрежного леса, в котором сосны с тощими иголками тесно сплетались ветвями с мангровыми деревьями и пальметто, увитыми лозами. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Ноздри раздулись от опьяняющей смеси запахов: илистый берег и мокрый песок, сосновая смола и морской воздух, слабый душок от мертвого кита и то, что я искала – резкий, свежий аромат восковника.

– Туда, – показала я на заросли.

Везти тележку стало трудно. Мы оставили ее, позволив мальчишкам порезвиться, побегать за крошечными крабами и яркими птицами, и медленно двинулись внутрь низкорослого леса. Марсали несла Джоан; малышка, убаюканная звуками океана и ветра, свернулась на руках у матери, точно мышка-соня, и уснула.

Несмотря на бурную растительность, идти по лесу было даже приятнее, чем по пляжу: согнувшиеся от ветра деревья все же были довольно высокими, чтобы под их кронами мы чувствовали себя в уединенности и безопасности, да и ступать по тонкому слою гниющих листьев и сосновых иголок было удобнее.

Джемми надоело идти, и он, дернув меня за юбку, поднял обе руки вверх, чтобы я его понесла.

– Хорошо.

Повесив ведро на запястье, я подняла Джемми. Захрустели позвонки – он был очень крепким малышом. Джемми поудобнее обхватил меня своими испачканными в песке ногами за талию и со вздохом облегчения уткнулся лицом мне в плечо.

– Тебе-то хорошо, – сказала я, поглаживая его по спине. – А бабулю кто понесет?

– Деда, – ответил он и захихикал. Потом поднял голову и осмотрелся. – Где деда?

– Деда занят. – Я старалась, чтобы мой голос звучал радостно и непринужденно. – Скоро мы опять увидим и дедушку, и папу.

– Хочу к папе!

– Да, мама тоже хочет, – пробормотала я. – Смотри, милый, видишь? Видишь маленькие ягодки? Сейчас мы будем их собирать, правда, весело? Нет, не ешь их! Джемми, я сказала *нет*, не засовывай их в рот, тебе будет

плохо!

Мы нашли полный восковников участок и, пока собирали ягоды, за кустами потеряли друг друга из виду. Приходилось перекрикиваться каждые несколько минут.

Я спустила Джемми на землю и как раз задумалась над тем, можно ли как-то использовать мякоть ягод после того, как из них выварится воск, когда услышала хруст шагов с другой стороны куста, который я обирала.

– Дорогая, это ты? – спросила я, подумав, что это Брианна. – Наверное, в ближайшее время надо пообедать – по-моему, скоро пойдет дождь.

– Что ж, это очень интересное предложение, – раздался удивленный мужской голос. – Благодарю вас, мэм, я недавно плотно завтракал.

Он вышел из-за куста, и я, будто парализованная, не смогла проронить ни слова. Как ни странно, разум мой не парализовало и мысли двигались со скоростью света.

«Раз Стивен Боннет здесь, значит, Джейми и Роджер в безопасности, слава богу».

«Где дети?»

«Где Бри?»

«Где этот чертов пистолет?»

– Кто это, *Grandmere*?^[38] – Появившийся из-за куста Жермен, который в одной руке, кажется, держал мертвую крысу, осторожно подошел ко мне и подозрительно посмотрел своими голубыми глазами на незваного гостя.

– Жермен, – прохрипела я, не отводя глаз от Боннета. – Иди к маме и оставайся с ней.

– *Grandmere*, значит? И кто же его мама? – Боннет с любопытством смотрел то на меня, то на Жермена, то опять на меня.

– Неважно, – сказала я как можно увереннее. – Жермен, бегом! – Я быстро заглянула в ведро. Пистолета там не было. У нас было всего шесть ведер, и три мы оставили в тележке – по закону подлости оружие наверняка лежало именно там.

– Не спеши-ка, юноша. – Боннет сделал шаг в сторону Жермена, но малыша это перепугало, и он отшатнулся, бросив в Боннета крысу. Боннет такого не ожидал: крыса попала ему в колено, и на долю секунды он замешкался – Жермену этого было как раз достаточно, чтобы скрыться среди восковника. Я слышала, как он загребает ногами песок, и надеялась, что он знает, в какой стороне Марсали. Не хватало еще, чтобы мальчик заблудился.

А еще больше не хватало того, чтобы Стивен Боннет увидел Джемми, что и произошло, когда мгновение спустя малыш вышел из-за кустов. Его

коротенькая рубашка была в грязи, и грязь сочилась сквозь пальцы его сжатых кулачков.

Солнце скрылось, однако волосы Джемми все равно сияли, будто пламя. Через секунду мое оцепенение прошло, я схватила мальчика и отступила назад, сбив наполовину полное ведро с ягодами восковника.

Светло-зеленые, будто кошачьи, глаза Боннета загорелись.

– А это что за милый человечек? – спросил он, подходя ближе.

– Мой сын, – выпалила я и крепко прижала Джема к плечу, не обращая внимания на его попытки увернуться. Со свойственным всем маленьким детям своеобразием малыш, заинтересованный мелодичным ирландским акцентом Боннета, выворачивал голову, чтобы посмотреть на незнакомца.

– Похож на отца. – Капли пота блестели в густых светлых бровях Боннета. Кончиком пальца он разгладил одну бровь, затем другую, и пот стек по бокам лица, однако он так и не отвел взгляд своих светло-зеленых глаз. – Как и его... сестра. А ваша милая дочь, случайно, не с вами, дорогуша? Я бы с удовольствием возобновил с ней знакомство – Брианна просто очаровательная девушка. – Он улыбнулся.

– Не сомневаюсь, – сказала я, не стараясь скрыть резкость своего тона. – Ее здесь нет. Она дома – с мужем. – Я особенно выделала слово «мужем» в надежде, что Брианна где-то рядом и поймет мое предупреждение.

– Дома, значит. А где ваш дом, мамуля? – Боннет снял шляпу и вытер лицо рукавом.

– В глуши. Ферма. – Я неопределенно махнула куда-то в сторону запада. Что это – светская беседа? Выбор тем был заметно ограничен. Можно было бы развернуться и сбежать, но у меня на руках Джемми, далеко не убежишь. Или можно остаться на месте, пока Боннет не скажет, чего хочет. Вряд ли он пришел сюда собирать восковник.

– Ферма, – повторил он, и на щеке у него задергалась мышца. – Могу ли я поинтересоваться, что привело вас в такую даль от дома?

– Нет, не можете, – сказала я. – Точнее, спросите у моего мужа. Он скоро придет.

Отвечая ему, я сделала еще один шаг назад, а Боннет одновременно шагнул в мою сторону. Видимо, на моем лице отразилась паника, потому что он с веселым видом подошел еще ближе.

– О, не уверен, дорогая миссис Фрейзер. Видите ли, его уже нет в живых.

Я так сильно прижала к себе Джемми, что малыш издал приглушенный крик.

– О чем это вы? – хрипло спросила я. Кровь отлила от лица и густым ледяным шаром окружила мое сердце.

– Понимаете ли, у нас была сделка. Можно сказать, мы поделили обязанности. Мой друг Лиллиуайт и любезный шериф займутся мистером Фрейзером и мистером Маккензи, лейтенант Вульф позаботится о миссис Кэмерон, а мне остается самое приятное – заново познакомиться с моим сыном и его матерью.

– Не понимаю, о чем вы говорите. – Я покрепче ухватила Джемми, который огромными глазами смотрел на Боннета.

Тот усмехнулся в ответ.

– О, мэм, вы совершенно не умеете врать, поэтому лучше не садитесь играть в карты. Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, – вы видели меня в «Горной реке». Хотя, признаюсь, хотелось бы выяснить, в чем именно вы с мистером Фрейзером оказались замешаны, разделявая ту негритянку, которую убил Вульф. Я слышал, что лицо убийцы отражается в глазах жертвы, но вы, судя по всему, не заглядывали в ее глаза. Собирались заняться магией?

– Вульф? Значит, это и правда был он? – В тот момент меня совершенно не волновало, убил ли лейтенант Вульф десятки женщин; я была готова перевести разговор на любую тему, которая поможет отвлечь Боннета.

– Да. Тот еще растяпа, – бесстрастно ответил он. – Однако именно Вульф первым узнал про золото, поэтому пришлось взять его в долю.

Далеко ли Марсали и Брианна? Нашел ли их Жермен? За пискom насекомых и отдаленным шумом волн я ничего не слышала.

– Золото, – сказала я немного громче. – Какое такое золото? В «Горной реке» нет золота, Иокаста Кэмерон так вам и сказала.

Он весело фыркнул:

– Миссис Кэмерон, конечно, врет получше вас, дорогая моя, но я все равно ей не поверил. Ведь доктор видел золото.

– Какой доктор? – Из кустов донесся слабый детский плач – это Джоан. Я кашлянула, чтобы Боннет ничего не услышал, и повторила громче: – О каком докторе идет речь?

– Роулс, кажется, или Роулингс. – Боннет немного нахмурился и повернул голову на звук. – Не имел чести с ним познакомиться, могу и ошибаться.

– Прошу прощения, но я все еще не понимаю, о чем вы говорите.

Я пыталась, не отводя от него взгляда, высмотреть поблизости что-нибудь, что можно было использовать в качестве оружия. У Боннета на

поясе был пистолет и нож, однако он пока не намеревался ими воспользоваться. Да и зачем? Женщина с двухлетним малышом на руках не представляла для него угрозы.

Чего бы он от меня ни хотел, он с этим не спешил.

– Не понимаете? Вульф как-то случайно – надо было вырвать зуб или вроде того, – подзнакомился с доктором в Кросс-Крике. За услугу решил его угостить. Вы же знаете, лейтенант у нас любитель выпить, да и доктор, говорят, тоже пьяница, так что к рассвету оба уже были неразлейвода. Роулингс проболтался, что видел много золота в «Горной реке», откуда он только что приехал.

Больше Роулингс ничего не сказал – то ли вырубился, то ли, наоборот, протрезвел, – но его откровения хватило, чтобы лейтенант поставил перед собой цель: добиться руки и имущества Иокасты Кэмерон. Только вот леди вдруг заявила, что ему предпочтет того однорукого. Суровый удар по гордости лейтенанта! – оскалился Боннет – с одной стороны у него не хватало коренного зуба. – За советом и поддержкой взбешенный лейтенант Вульф обратился к своему близкому другу, Рэндаллу Лиллиуайту:

– Значит, вот почему он арестовал священника на Собрании? Чтобы он не поженит миссис Кэмерон и Дункана Иннеса?

Боннет кивнул:

– Да. Устроили отсрочку, так сказать, чтобы появилась возможность разузнать обо всем побольше.

Такая возможность появилась на свадьбе. Мы предполагали, что кто-то – скорее всего лейтенант Вульф – попытается опоить Дункана Иннеса до потери сознания, добавив опия в его чашу с пуншем, чтобы потом сбросить в реку. Когда поднимется переполох из-за исчезновения Дункана и его смерти – предположительно в результате несчастного случая, – у Вульфа появится шанс тщательно обыскать территорию, найти золото и наконец возобновить свои ухаживания за Иокастой.

– Однако пунш выпила та черная сука, – хладнокровно продолжил Боннет. – К сожалению, не умерла, но она могла сказать, кто дал ей чашу, и Вульф тайком подсыпал битого стекла в кашу, которой ее после этого кормили.

– А как вы во все это впутались? – спросила я. – Что вы делали в «Горной реке»?

– Разве вы не знали, дорогая, что лейтенант – мой давний сердечный друг? Он попросил меня избавиться от того однорукого, чтобы во время инцидента с его врагом люди видели, как сам лейтенант невинно развлекается на вечере. – Боннет немного нахмурился и постучал пальцем

по рукояти пистолета. – Я был готов пробить Иннесу голову и сбросить в реку, как только увидел, что опий достался не ему, но никак не мог до него добраться – полдня он провел в сортире и рядом с ним постоянно кто-то крутился, черт побери!

На земле были только палочки, листья, обломки ракушек и мертвая крыса – Жермену, конечно, удалось ей отбиться, но вряд ли это сработает во второй раз. Пока мы разговаривали, Джемми понемногу перестал бояться незнакомца и теперь норовил вывернуться из моих рук, чтобы слезть на землю.

Я слегка отступила назад, Боннет заметил это и улыбнулся. Судя по всему, он не считал, что у меня получится сбежать, а еще, похоже, он чего-то ждал. Ну конечно, сам ведь сказал: он ждал Брианну. Я с запозданием поняла, что Боннет шел за нами из самого города, поэтому он знал, что Марсали и Брианна где-то поблизости, – ему было куда проще дождаться, пока они покажутся сами.

Оставалось надеяться, что мимо пройдет кто-то еще; по словам миссис Бернс, здесь любят устраивать пикники. Но как я посмею воспользоваться такой возможностью? Боннет без лишних сожалений пристрелит любого, кто помешает ему хвастаться своими кровожадными планами.

– Миссис Кэмерон – на тот момент уже миссис Иннес – оказалась довольно разговорчивой, когда я сообщил, что ее муж может вскоре лишиться пары важных частей тела, хотя она, как выяснилось, тоже не сказала мне правду, старая лживая карга. Полагаю, что она будет более услужливой, если дело коснется ее наследника. – Боннет кивком показал на Джемми и щелкнул языком. – Так что, дружок, поедem в гости к твоей двоюродной бабушке?

Джемми подозрительно посмотрел на Боннета и прижался ко мне.

– Кто это? – спросил Джем.

– Я твой папа, дружище. Разве мама тебе не рассказала?

– Папа? – Джемми посмотрел на Боннета, затем на меня. – Это не папа!

– Нет, он не твой папа, – подтвердила я, взяв малыша покрепче. Держать его было тяжело, руки начали болеть. – Он плохой человек, он нам не нравится.

Боннет засмеялся.

– Как вам не стыдно, дорогая моя? Конечно же, он мой – ваша дочь сама сказала это, глядя мне в глаза.

– Чушь.

Я потихоньку двигалась к узкому проходу между двумя

вечнозелеными кустами восковника. Я хотела отвлечь его беседой, потом в какой-то момент развернуться и опустить Джемми, чтобы тот убежал. Если повезет, я закрою собой проход и Боннет не успеет схватить мальчика – если он вообще побежит.

– Лиллиуайт, – сменила я тему разговора. – Что вы имели в виду, когда сказали, что Лиллиуайт с шерифом займутся... моим мужем и мистером Маккензи? – От одной мысли об этом мне стало дурно, лицо стало ледяным и липким от пота.

– Я же сказал, миссис Фрейзер, нет нужды волноваться. Ваш муж уже мертв. – Боннет высматривал что-то в кустарниках позади меня. Он явно ожидал, что в любой момент появится Брианна.

– После случившегося на свадьбе мы ясно поняли, что миссис Кэмерон слишком хорошо охраняют. Если пробовать снова, надо, чтобы ей некого было позвать на помощь и некому было отомстить за нее. Так что, когда ваш муж предложил мистеру Лиону взять меня на их личную встречу, я подумал, что это отличная возможность избавиться от него и от мистера Маккензи – как говорится, двух зайцев одним бочонком виски, – но потом понял, что с этим прекрасно справятся Лиллиуайт и его ручной шериф. – Боннет улыбнулся. – А я лучше не буду рисковать и сам заберу своего сына и его матушку. Мы...

Я перенесла вес на другую ногу, развернулась и бросила Джемми на землю у дальнего края кустов.

– Беги! – крикнула я ему. – Беги, Джем! Давай!

За кустами мелькнули рыжие волосы, и малыш умчался, хныкая от страха. Боннет бросился вперед и попытался оттолкнуть меня в сторону, но я была готова к этому и схватила пистолет на его поясе. Боннет почувствовал это и дернулся назад, только я крепко держала рукоятку. Я вытащила пистолет и, когда Боннет повалил меня на землю, отшвырнула его.

Он слез с меня и замер, стоя на коленях.

– Ни с места или, клянусь Девой Марией, я снесу тебе башку!

Пытаясь отдышаться после падения, я медленно поднялась и увидела бледную как смерть Марсали, которая держала кремневый пистолет поверх своего живота и целилась в Боннета.

– Пристрели его, *Matan!* – с энтузиазмом подбадривал ее стоящий позади Жермен. – Пристрели, как дикобраза!

Откуда-то из кустов Джоан плачем отозвалась на голос матери, но Марсали не отвела взгляд от Боннета. Господи, она хоть зарядила его? Видимо, да, – я почувствовала запах черного пороха.

– Ну что ж... – Боннет пытался прикинуть, каково расстояние между ним и Марсали, – там было футов пятнадцать, а то и больше, одним прыжком не одолеть. Он поставил одну ногу на землю и начал подниматься.

– Не дай ему встать! – Я неуклюже толкнула его в плечо. Боннет повалился на бок, подставив руку, однако поднялся быстрее, чем я могла предположить, схватил меня за талию и потащил назад.

Позади слышались крики, только отвлекаться мне было нельзя. Я хотела ткнуть пальцами ему в глаз, но он дернул меня в сторону, и я промахнулась, оцарапав его щеку, – в коже остались глубокие борозды. Мы покатались клубком из юбок и ирландских ругательств, я схватила Боннета за гениталии, а он пытался одновременно вырваться из моей хватки и придушить меня.

Затем он выскользнул, как рыба, и в мою шею уткнулось что-то холодное. Я перестала вырываться и сделала глубокий вдох.

Глаза Марсали были размером с блюдца, губы поджаты. Слава богу, ее взгляд по-прежнему был нацелен на Боннета, как и пистолет.

– Марсали, – очень спокойно сказала я, – стреляй в него. Прямо сейчас.

– Лучше уберите пистолет, юная леди, – с тем же спокойствием отозвался Боннет, – или на счет три я перережу ей горло. Один...

– Стреляй! – изо всех сил крикнула я и сделала последний вдох.

– Два.

– Стой!

Лезвие перестало так сильно давить, и я почувствовала, как жжет порез на горле, когда сделала глоток воздуха, о котором уже и не мечтала. Правда, насладиться этим ощущением я не успела: среди восковника стояла Брианна, Джемми цеплялся за ее юбки.

– Отпусти ее, – сказала она.

Марсали громко выдохнула.

– Он не собирается меня отпускать, и не важно, – сердито сказала я им обеим. – Марсали, стреляй в него. Немедленно!

Она глянула на бледную Брианну, затем снова на Боннета, и ее рука задрожала.

– Стреляй, *Матап*, – прошептал Жермен уже без прежнего энтузиазма. Он тоже побледнел и подошел ближе к матери.

– Ты пойдешь со мной, дорогая, ты и парнишка. – Я ощущала, как от груди Боннета исходит вибрация, когда он говорит, и чувствовала его улыбку, хотя и не видела его лица. – Остальные свободны.

– Не надо, – сказала я, пытаюсь поймать взгляд Брианны. – Ты же знаешь, он не отпустит нас. Что бы он там ни говорил, он убьет меня и Марсали. Есть лишь один выход – пристрелить его. Если Марсали не может этого сделать, то придется тебе.

Ошеломленная, Брианна глянула на меня, а Боннет то ли раздраженно, то ли весело заворчал:

– Обрекая свою мать на смерть? Она не из тех, кто на такое способен, миссис Фрейзер.

– Марсали, он убьет тебя, а вместе с тобой и ребенка. – Я напряглась всем телом, чтобы заставить ее понять, заставить ее выстрелить. – Жермен и Джоан останутся здесь одни и умрут. Говорю тебе, не важно, что будет со мной, – ради всего святого, *стреляй уже!*

Она выстрелила.

Появилась искра и облачко белого дыма, и Боннет дернулся. Рука Марсали опустилась, дуло пистолета качнулось вниз, и пыж вместе с пулей плюхнулся на песок. Осечка.

Марсали в ужасе застонала, а Брианна молнией кинулась вперед, схватила упавшее ведро и бросила его в голову Боннету. Он вскрикнул, рванулся в сторону и отпустил меня. Ведро попало мне в грудь, я поймала его и теперь, оцепенев, смотрела внутрь. К влажному дну прилипли синеватые восковые ягоды.

Жермен с Джемми заплакали, Джоан заходила криком где-то в лесу, а я, бросив ведро, отчаянно попыталась спрятаться за кустом рвотного чая.

Боннет стоял с ножом в руке, лицо у него покраснело. Он явно был в ярости, но постарался улыбнуться Брианне.

– Ладно тебе, милая, – повысил он голос, чтобы его расслышали среди суматохи. – Я просто жду тебя и моего сына. Я не причиню вам вреда.

– Он не твой сын, – злобно прошипела Брианна. – И никогда не будет твоим.

– Да что ты? – презрительно хмыкнул Боннет. – А в том подземелье я слышал другое, дорогуша. И теперь, когда я его увидел... – Он снова посмотрел на Джемми и медленно кивнул: – Он мой, куколка. Вылитый я, правда, дружок?

Джемми с ревом зарылся в юбки Брианны.

Боннет вздохнул, потеряв терпение.

– Идем уже, – сказал он и сделал шаг вперед, явно намереваясь забрать Джемми.

Брианна вытащила руку из своих юбок и направила на Боннета его же пистолет, который я выхватила с его пояса.

– Ну что? – прошептала она, глядя на Боннета немигающим взглядом. – Хранишь порох в сухом месте, Стивен?

Брианна схватила пистолет обеими руками, прицелилась в его промежность и выстрелила.

Надо сказать, среагировал он быстро. Развернуться и убежать Боннет не успел бы, но как только Брианна нажала на курок, он закрыл свои находящиеся под угрозой яйца обеими руками. Сквозь пальцы фонтаном брызнула кровь; я не поняла, куда именно она попала.

Боннет пошатнулся, сжимая рану, с безумным видом посмотрел вокруг, как будто не мог поверить в происходящее, и опустил на одно колено. Слышно было его тяжелое и учащенное дыхание.

Мы все наблюдали за ним в оцепенении. Одной рукой Боннет хватался за песок, оставляя на нем кровавые борозды. Потом медленно поднялся и согнулся пополам, прижав другую руку к животу. Лицо стало мертвенно-бледным, зеленые глаза помутнели.

Покачнувшись, он тяжело вздохнул и бросился бежать, хромящийся и истекающий кровью, точно жук, на которого наступили. С шумом наткнулся на кусты и скрылся из виду. Из-за пальметто взлетела стая пеликанов, удивительно изящных на фоне мрачного неба.

Дрожа от потрясения, я никак не могла встать. Что-то теплое скатилось по моей щеке, и я поняла, что это капля дождя.

– Он сказал правду? – Брианна нагнулась и помогла мне подняться. – Думаешь, он сказал правду? Они мертвы? – У нее побелели губы. Одной рукой Брианна придерживала Джемми, который повис у нее на шее.

– Нет. – Я встала на ноги, медленно и неуверенно, как будто забыла, как надо держать равновесие. – Нет, – повторила я, и воспоминания о словах Боннета не вызвали во мне страха или паники, в душе я ощущала лишь приятную уверенность. – Джейми пообещал мне, что сегодняшний день нас не разлучит.

Марсали пошла в лес за Джоани. Жермен с интересом изучал пятна крови на песке. В голову пришла смутная мысль – интересно, какая у него группа?..

«Он никогда не будет твоим», – сказала Брианна.

– Идем, – сказала я, поглаживая Джемми по спине. – Кажется, пока придется обойтись обычными свечами.

Роджер и Джейми вернулись на рассвете два дня спустя и заколотили в дверь так, что в гостинице все проснулись, а из-за последовавших радостных криков жители соседних домов раскрыли ставни и тревожно высунули покрытые ночными колпаками головы. Я была практически уверена в том, что у Роджера легкое сотрясение, но он отказывался лечь в постель, хотя позволил Брианне положить его голову себе на колени и с сочувствием ужасаться его огромной шишке. Джейми кратко пересказал ход битвы у пристани Уайли, а мы немного путано объяснили, на какие приключения наткнулись в роще восковника.

– То есть Боннет жив? – спросил Роджер, открыв один глаз.

– Ну, мы точно не знаем, – ответила я. – Он сбежал. Крови было не так уж много, но если пуля попала в нижнюю часть живота, то это очень тяжелое ранение – и наверняка смертельное. Смерть от воспаления брюшины очень медленная и страшная.

– Вот и хорошо, – злопамятно отозвалась Марсали.

– Вот и хорошо! – поддакнул Жермен, гордо глядя на нее. – *Maman* пристрелила плохого дядю, *Grandpere*, – сказал он Джейми. – И тетя тоже. В нем было полно дырок, и кровяца повсюду!

– Дырки, – радостно повторил Джемми. – Дырки, дырки, много дырок!

– Всего одна, – пробормотала Брианна. Она не отводила взгляда от куска мокрой ткани, которым осторожно вытирала запекшуюся кровь с головы Роджера.

– Если ты отстрелила ему всего один палец или одно из яиц, девочка моя, то он может выжить, – усмехнулся Джейми. – И вряд ли его характер изменится в лучшую сторону.

День стал еще радостнее от того, что Фергус прибыл на полуденном почтовом судне и с ликованием показал зарегистрированные, проштампованные и официально закрепленные печатью документы на передачу двух участков. Однако празднование было скромным, так как еще одно довольно важное дело оставалось незавершенным.

После бурных обсуждений мы решили – то есть решил Джейми, ни в какую не пожелавший рассмотреть другие точки зрения, – что я с ним немедленно отправлюсь на запад в «Горную реку». Молодые на несколько дней останутся в Уилмингтоне, чтобы завершить дела и узнать, не слышно ли что о раненом или погибшем человеке. После этого они отправятся обратно в Фрейзер-Ридж, держась подальше от Кросс-Крика и «Горной реки».

– Если вы будете далеко, лейтенант Вульф не сможет угрожать тебе или малышу, чтобы надавить на мою тетю, – объяснил Джейми Брианне. –

А вы, друзья мои, – сказал он Роджеру и Фергусу, – не оставляйте женщин и детей без присмотра – не дай бог, еще кого-нибудь пристрелят!

Только тогда, отступив от смеющейся толпы и повернувшись ко мне, Джейми провел пальцем по царапине на моей шее и притянул меня к себе так крепко, что едва не задушил. Мы стояли на причале, и я тесно прижалась к нему – пусть мне нечем дышать, пусть все смотрят, главное, что я могу снова коснуться его, а он меня.

– Ты все сделала правильно, Клэр, – наконец пробормотал Джейми, уткнувшись в мои волосы. – Но ради всего святого, большей так не делай!

На рассвете следующего дня мы с ним двинулись в путь – одни.

Глава 104

Хитрые как лисы

Мы прибыли в «Горную реку» три дня спустя, ближе к закату. Лошади были все в мыле и грязи, да и мы сами выглядели не лучше. Казалось, в поместье все спокойно: последние весенние лучи падали на зеленые газоны, подсвечивая статуи из белого мрамора и могильную плиту на усыпальнице Гектора среди темных тисов.

– Что скажешь? – спросила я у Джейми. Мы остановились у газона и осторожно огляделись перед тем, как подойти ближе к дому.

– Ну, поместье пока никто не сжег, – ответил Джейми, поднявшись в стремянах для лучшего обзора. – И реки крови с парадной лестницы не стекают. И все же... – Он вытащил из седельной сумки пистолет, зарядил, засунул его за пояс брюк и прикрыл лапами камзола. Мы медленно двинулись по дороге к парадному входу.

Когда мы добрались туда, я уже поняла, что что-то не так. В доме царила атмосфера зловещего спокойствия: ни топота суетящихся слуг, ни музыки из гостиной, ни запаха ужина, который несут из кухни. Что самое странное, когда мы постучали, нас не встретил Улисс. Двери открыли лишь через несколько минут, и это была Федра, служанка Иокасты.

В последнюю нашу встречу, около года назад, Федра выглядела ужасно после смерти матери. Сейчас вид у нее был не лучше: под глазами круги, а кожа в кровоподтеках и морщинах, будто гниющий фрукт.

Увидев нас, Федра заметно расслабилась.

– О, мистер Джейми! – воскликнула она. – Я уже со вчерашнего дня молюсь, чтобы кто-нибудь пришел на помощь, но была уверена, что это мистер Фаркуард, и хотя он друг вашей тетушки, он все же человек закона и все такое, и значит, еще больше проблем.

Ее сбивчивая тирада привела Джейми в замешательство, однако он ободряюще кивнул и сжал ее руку.

– Хорошо. Первый раз являюсь кому-то в качестве ответа на молитвы. С моей тетей... все хорошо?

– О да, сэр, – она-то в порядке.

Пока мы не засыпали ее вопросами, Федра показала нам на лестницу.

Иокаста сидела с вязанием в своем будуаре. Заслышав шаги, она настороженно подняла голову, и не успели мы ничего сказать, как она дрожащим голосом спросила: «Джейми?» – и поднялась. Даже на

расстоянии я видела, что в ее вязании много пропущенных и спустившихся петель, – так не похоже на ее обычно аккуратное рукоделие.

– Да, я, тетя. И Клэр. Так в чем дело? – Преодолев комнату в два шага, Джейми подошел к Иокасте, взял ее за руку и, успокаивая, погладил ладонь.

Из ее лица исчезло напряжение, как это только что случилось с Федрой, и я боялась, как бы у нее не подкосились колени.

– Клэр? Слава господу, что Благословенная невеста здесь... Идемте со мной. Дункан ранен.

Укрытый одеялами, Дункан лежал в кровати в соседней комнате и не двигался. Сначала я подумала, что он умер, но он сразу отозвался на голос Иокасты.

– Макдью? – Дункан высунулся из-под груды одеял и прищурился – в комнате было темновато. – Боже, что привело тебя сюда?

– Лейтенант Вульф, – немного язвительно ответил Джейми. – Тебе, должно быть, знакомо это имя?

– Да, можно и так сказать. – Голос Дункана прозвучал странно, но я не обратила внимания и начала зажигать в комнате свечи и выкапывать его из-под покрывал, чтобы узнать, в чем дело.

Я ожидала увидеть ножевое или огнестрельное ранение. При первом осмотре ничего такого я не обнаружила и лишь тогда, настроившись на поиск других проблем, увидела, что у Дункана сломана нога. К счастью, это оказался закрытый перелом нижней части большеберцовой кости – несомненно, он причинял ему боль, однако практически не угрожал здоровью.

Я послала Федру найти какой-нибудь материал для наложения шины, а Джейми, убедившись, что Дункану не угрожает опасность, присел и начал задавать вопросы, чтобы докопаться до сути.

– Вульф здесь был? – спросил Джейми.

– Да. – Опять сомнение в голосе.

– И ушел?

– Да. – Дункан невольно вздрогнул.

– Больно? – спросила я.

– О нет, миссис Клэр, – заверил он меня. – Я просто... ну...

– Выкладывай бы ты все напрямую, Дункан, – слегка раздраженно сказал Джейми. – Рассказ, вероятно, не из тех, что со временем становятся лучше? Похоже, и мне есть чем с тобой поделиться.

Дункан пристально посмотрел на Джейми, затем со вздохом откинулся на подушку.

Лейтенант прибыл в «Горную реку» за два дня до этого, но не к парадному входу, как обычно. Он застреножил лошадь в поле в миле от дома, а сам незаметно подкрался пешком.

– Мы поняли это только потом, когда нашли лошадь, – объяснял Дункан. – Я вообще не знал, что он здесь, пока не вышел после ужина в туалет, а он как набросится на меня из темноты! Я чуть не умер от страха, а потом – от пули. Он стрелял в меня, и, если бы с той стороны у меня была рука, он бы, думаю, попал в нее. Только руки у меня этой нет, вот он и промазал.

Несмотря на свое увечье, Дункан свирепо отразил атаку – ударил лейтенанта головой в лицо, бросился на него и оттолкнул.

– Он наткнулся на кирпичную стену и, упав, с жутким треском ударился головой. – Дункан вздрогнул, вспоминая этот звук. – Точно дыню топором разрубили.

– Значит, он умер сразу? – с интересом спросил Джейми.

– Да нет. – Рассказывая о случившемся, Дункан стал более раскованным, но теперь вновь смутился. – Видишь ли, Макдью, оттолкнув его, я тоже пошатнулся, наступил в каменный дренаж, идущий от уборной, и сломал ногу. Так и лежал там, у тропинки, и стонал. Улисс наконец услышал мой крик о помощи и спустился, за ним пришла Ио.

Дункан сказал Иокасте о том, что произошло, а Улисс пошел за конюхами, чтобы те помогли отнести Дункана в дом. Из-за боли в сломанной ноге и привычки доверять решение проблем дворецкому он так и оставил лейтенанта.

– Я виноват, Макдью, виноват. – Лицо Дункана сморщилось и побледнело. – Надо было дать какие-то распоряжения, хотя я даже сейчас не знаю, что я сказал бы.

Джейми с трудом вытащил из него рассказ о дальнейших событиях: судя по всему, Иокаста и Улисс посовещались и решили, что лейтенант перешел все границы и стал не просто помехой, но и прямой угрозой. Поэтому...

– Улисс его убил. – Дункан шумно сглотнул и с печальным видом продолжил: – Ио говорит, что приказала ему это сделать, а она, Макдью, видит бог, она могла это сделать. С этой женщиной шутки плохи, тем более когда убивают ее слуг, ей самой угрожают, а на мужа совершают нападение.

Судя по нерешительности в его голосе, Дункан сомневался в том, что роль Иокасты в убийстве ограничилась приказом.

Однако Джейми понял, что именно волновало Дункана.

– Если кто-нибудь узнает, Улисса повесят. И не важно, действовал он

по приказу моей тети или нет.

Теперь, когда правда вышла наружу, Дункан немного успокоился.

– Да, именно, – кивнул он. – Я не могу допустить, чтобы он оказался на виселице, однако что делать с лейтенантом? Тут надо считаться не только с морским ведомством, но и с шерифами и магистратами.

В этом Дункан был прав. Благополучие «Горной реки» во многом зависело от контрактов с морским ведомством на поставку древесины и смолы, а лейтенант Вульф был представителем флота. Морское ведомство Его Величества вряд ли отнесется благосклонно к владельцу колонии, который убил их человека. Закон в лице шерифа и магистратов мог бы отнестись к ситуации более снисходительно, если бы преступником оказался кто-то другой.

Раб, проливший кровь белого человека, сразу же считался осужденным, независимо от того, что побудило его к убийству. Случившееся не имеет никакого значения, пусть хоть дюжина свидетелей подтвердит, что Вульф напал на Дункана, Улисс все равно обречен. Если об этом кто-нибудь узнает. Теперь я поняла, почему в «Горной реке» царил дух отчаяния: рабы прекрасно понимали, к чему все это может привести.

Джейми потер подбородок костяшкой пальца.

– Хм... а как... то есть, Дункан, разве ты не можешь сказать, что сам убил его? Это ведь была самозащита. Я готов доказать, что Вульф собирался убить тебя, а затем силой заставить тетю выйти за него замуж или, по крайней мере, держать ее в заложниках до тех пор, пока не удастся запугать так, чтобы она рассказала о золоте.

– Золоте? – изумился Дункан. – Здесь нет никакого золота. Я думал, мы прояснили этот вопрос еще в прошлом году.

– Лейтенант и его сообщники считали иначе, – сказала я. – Джейми расскажет вам об этом подробнее, только чуть позже. Так что именно случилось с лейтенантом?

– Улисс перерезал ему горло, – ответил Дункан и нервно сглотнул, так что кадык задергался вверх-вниз. – Я бы рад сказать, что сам это сделал...

Мало того, что однорукому человеку с трудом удастся перерезать другому горло, так еще было слишком заметно, что лейтенанту его перерезал левша – а у Дункана как раз не было левой руки.

Я знала, что Йокаста Кэмерон, как и ее племянник, левша, но решила, что упоминать об этом нетактично. Я глянула на Джейми, а тот посмотрел на меня, подняв брови.

«Смогла бы она?» – задала я молчаливый вопрос.

«Она же Маккензи из Леоха», – прочитала я в циничном взгляде

Джейми.

– А Улисс-то сейчас где?

– Скорее всего в конюшне, если уже не скрылся на западе.

Зная, что, если выплывет правда о смерти лейтенанта, Улисса сразу же осудят, Иокаста велела дворецкому оседлать лошадь и, если кто-то придет, бежать в горы.

Джейми сделал глубокий вдох и задумчиво провел рукой по голове.

– Что ж, наверное, лейтенанту лучше всего исчезнуть. Куда его пока положили?

Дункан неловко попытался улыбнуться, и уголок его рта дернулся.

– Должно быть, в яму для гриля, Макдью. Его прикрыли мешковиной, а сверху сложили древесину из орешника, как будто это свиная туша.

– Предоставь все мне.

Я передала указания по уходу за Дунканом – давать ему воду с медом и чай с посконником и корой вишни – и пошла вместе с Джейми обдумывать варианты исчезновения тела.

– Проще всего его где-нибудь закопать, – предложила я.

В ответ Джейми с сомнением что-то пробурчал. Он поднял факел из сосны, который взял с собой, и, нахмурившись, задумчиво посмотрел на накрытый мешковиной холм в яме. Лейтенант мне ничуть не нравился, но зрелище это было прискорбное.

– Возможно. Только вот рабы знают, что случилось. И если мы закопаем его здесь, они и об этом будут знать. Конечно, они никому не скажут, но в доме будет являться призрак.

По спине пробежал холодок. Я еще сильнее укуталась в шаль.

– Являться призрак?

– Конечно. Еще бы – жертва убийства, спрятан здесь и жаждет отмщения.

– Хочешь сказать... настоящий призрак? – осторожно спросила я. – Или ты имеешь в виду, что рабы будут так считать?

Джейми беспокойно пожал плечами.

– Вряд ли сейчас это имеет значение. Они станут избегать места захоронения, кому-то из женщин ночью явится привидение, пойдут слухи, а там, гляди, раб в Гриноксе что-нибудь скажет, об этом прознает семья Фаркуарда... не успеешь оглянуться, как сюда придут с расспросами. Учитывая, что морское ведомство все равно вскоре займется поисками лейтенанта... может, подвесить к нему груз и бросить в реку? Ведь именно так он собирался поступить с Дунканом.

– Неплохой вариант, – ответила я. – Только он хотел, чтобы Дункана

нашли. По реке ходит много судов, к тому же глубина здесь небольшая. Даже если мы подвесим к телу груз, вполне возможно, что оно скоро всплывет или кто-нибудь зацепит его удилищем. Хотя какая разница? Ну, найдут... Вряд ли тело свяжут с «Горной рекой».

Джейми кивнул и убрал факел в сторону, чтобы искры не сыпались ему на руку. Дул легкий ветер, и вязы у ямы для гриля беспокойно шелестели.

– Да, это так. Но если его все же найдут, начнется расследование. Морское ведомство пришлет кого-нибудь разузнать всю правду, и они заявятся сюда и начнут задавать вопросы. Как думаешь, что случится, если рабов начнут допрашивать вопросами о том, видели ли они лейтенанта и все такое?

– Тоже верно.

Рабы и так были на нервах, а на допросе кто-нибудь из них наверняка впадет в панику и что-нибудь сболтнет.

Джейми стоял практически неподвижно и в глубокой задумчивости смотрел на очертания тела, прикрытого мешковиной. Я сделала вдох, почувствовала едва ощутимый запах засыхающей крови и быстро выдохнула.

– Пожалуй... надо его сжечь, – предложила я и сглотнула подкатившую к горлу тошноту. – Он ведь и так уже в яме.

– Хорошая мысль, – сказал Джейми, и уголок его рта дернулся от слабой улыбки. – Но у меня есть получше, саксоночка. – Он обернулся и с глубокомысленным видом посмотрел на дом. Несколько окон тускло светились, но все забились внутрь от страха. – Идем. В конюшне должна быть кувалда.

* * *

Фасад усыпальницы был покрыт орнаментной решеткой из черного кованого железа с огромным замком, который был украшен изображением роз яcobитов с шестнадцатью лепестками. Я всегда считала, что Иокаста Кэмерон сделала это на показ, ведь в сельской местности нечего было опасаться расхитителей могил. Когда Джейми открыл замок и распахнул решетку, петли почти не скрипнули: в «Горной реке» все поддерживалось в безупречном состоянии.

– Ты и правда думаешь, что это лучше, чем закопать или сжечь его? – спросила я шепотом, хотя рядом никого не было.

– Еще как. Старина Гектор не даст ему сделать ничего дурного, – ответил Джейми. – И это, скажем так, благословенное место. Его душа не станет бродить и причинять беспокойство другим.

Я кивнула. Возможно, он был прав: что касается верований, Джейми понимал рабов куда лучше, чем я. Я даже не знала, то ли он подразумевал психологический эффект, который все это могло оказать на рабов, то ли и правда верил, что Гектор Кэмерон сумеет постфактум разобраться с этой угрозой его плантации.

Я подняла факел так, чтобы Джейми было лучше видно, и прикусила нижнюю губу.

Он завернул кувалду в лохмотья, чтобы не отколоть мрамор, который небольшими плитами был вделан в фасадную стену, за решеткой. От первого же удара на несколько дюймов сместились два блока. Еще несколько ударов, и плиты сдвинулись достаточно, чтобы нам открылась темнота усыпальницы.

Джейми остановился, вытирая пот со лба, и что-то пробормотал.

– Что ты сказал?

– Воняет, говорю.

– Надо же, как удивительно, – немного раздраженно сказала я. – Когда умер Гектор Кэмерон, года четыре назад?

– Ну да, но это не...

– Что вы тут делаете? – раздался позади меня взволнованный голос Иокасты Кэмерон.

Я подпрыгнула и выронила факел.

Пламя заколыхалось; я быстро подобрала факел и помахала, чтобы огонь разошелся. Красноватое свечение ясно высветило Иокасту, которая стояла на тропинке позади нас, – в белой ночной рубашке, точно призрак. Федра съежилась за спиной хозяйки, и в темноте виднелся лишь блеск ее глаз. Она нервно смотрела то на Джейми, то на меня, то на темную дыру в фасаде усыпальницы.

– Что я делаю? Избавляюсь от лейтенанта Вульфа, что же еще? – Внезапное появление тети напугало Джейми не меньше меня, и его голос прозвучал немного сердито. – Предоставь это мне, тетя. Ни о чем беспокойся.

– Ты не посмеешь... нельзя вскрывать гробницу Гектора! – Кончик длинного носа Иокасты дернулся – видимо, она почувствовала запах разложения.

– Тетушка, не волнуйся. Возвращайся в дом. Я разберусь. Все будет хорошо.

Не обращая внимания на попытку Джейми успокоить ее, Иокаста на ощупь подходила все ближе.

– Нет, нельзя! Закрой ее. Закрой, ради всего святого!

В ее голосе слышалась паника, и Джейми в замешательстве замер. Он неуверенно переводил взгляд с тети на дыру в стене усыпальницы. Ветер стих, однако небольшим порывом до нас донесло уже куда более ощутимый запах смерти. Джейми изменился в лице и, несмотря на громкие возражения своей тети, быстро нанес еще несколько ударов кувалдой, выбивая плиты.

– Поддай факел, саксоночка. – Он отложил кувалду, и я, чувствуя, как подкрадывается страх, исполнила его просьбу.

Стоя плечом к плечу, мы заглянули внутрь сквозь узкую брешь из выбитых блоков. В усыпальнице было два гроба из полированного дерева, каждый на своем мраморном пьедестале. А на полу между ними...

– Кто это, тетя? – тихо спросил Джейми, повернувшись к Иокасте.

Она будто оцепенела. Ветер трепал подол муслиновой рубашки, выбивал седые пряди из-под ночного колпака. Лицо Иокасты застыло, но слепые глаза бегали туда-сюда в бессмысленных поисках пути к отступлению.

Джейми подошел к ней и резко схватил за руку.

– *So a th'ann?*^[39] – проревел он. – Кто это? Кто?

Она зашевелила губами, пытаясь что-то произнести. Затем сглотнула, попробовала снова, то и дело заглядывая за плечо Джейми, – господи, и на что она там смотрит? Интересно, могла ли она еще видеть, когда его клали в усыпальницу. Представляла ли это сейчас по памяти?

– Его... его звали Роулингс, – еле слышно сказала Иокаста.

Видимо, я пошевелилась или что-то произнесла, потому что Джейми вдруг посмотрел на меня. Он протянул мне руку и крепко сжал мою ладонь, хотя снова перевел взгляд на Иокасту.

– Как так? – Хотя Джейми спросил спокойно, по его тону было понятно, что никаких увиливаний он не потерпит.

Иокаста закрыла глаза и вздохнула, ее широкие плечи вдруг опустились.

– Гектор убил его.

– Да неужели? – Джейми издевательски глянул на гробы внутри усыпальницы и на тело между ними. – Вот так фокус. Не знал, что дядя теперь способен на такое.

– Еще до того. – Открыв глаза, она говорила монотонно, словно все это не имело никакого значения. – Он был доктором, как-то приезжал

проверить мои глаза. Когда Гектор заболел, он опять вызвал Роулингса. Не знаю, что произошло, но Гектор поймал его, когда доктор совал свой нос куда не надо, и пробил ему голову. Гектор был ужасно вспыльчивый.

– Да уж. – Джейми глянул на тело доктора Роулингса. – Как он здесь оказался?

– Мы, то есть он, спрятал труп, чтобы потом унести его в лес. Но... Гектору стало хуже, и он не мог подняться с постели. А уже через день он умер. Вот и... – Она показала длинной белой рукой на открытую усыпальницу, из которой тянуло прохладой и сыростью.

– У гениев мысли схожи, – пробормотала я.

Джейми бросил на меня неодобрительный взгляд и выпустил мою руку. Сосредоточенно сдвинув брови, он внимательно разглядывал немую сцену внутри вскрытой усыпальницы.

– А для кого второй гроб?

– Для меня. – Иокаста понемногу приходила в себя, она распрямила плечи и подняла подбородок.

Я вполне могла поверить в безжалостный поступок Иокасты, которая оставила доктора лежать на полу вместо того, чтобы убраться в свой нетронутый гроб... И все же, какой бы ничтожной ни была вероятность того, что тело обнаружат, в результате этого поступка она серьезно возматала.

Гроб Иокасты никто не стал бы вскрывать, пока не настанет время ее хоронить, и тело доктора Роулингса лежало бы себе там спокойно, даже если бы в гробницу кто-то зашел. Иокаста Кэмерон была эгоистична, но вовсе не глупа.

– Раз так, то клади туда Вульфа, – сказала она. – Пусть лежит вместе с ним на полу.

– Почему бы не положить его в гроб, тетушка? – спросил Джейми, пристально глядя на нее.

– Нет! – В свете факела было видно, как ярость исказила ее слепой взгляд. – Пусть эти отбросы гниют на полу!

Джейми внимательно посмотрел на Иокасту, молча повернулся к гробнице и начал двигать выбитые блоки.

– Что ты делаешь? – Услышав скрежет мрамора, Иокаста снова встревожилась. Стоя на дорожке, она развернулась, но потеряла ориентацию и уставилась на реку. Видимо, она полностью ослепла, если не различает даже свет факела.

Впрочем, в тот момент я не могла уделить ей внимания. Джейми протиснулся сквозь дыру в плитах и оказался внутри.

– Посвети мне, саксоночка, – тихо сказал он, и его голос эхом отразился от стен небольшого каменного помещения.

Не делая глубоких вдохов, я последовала за ним. Федра застонала в темноте снаружи, точно банши, – дух, предвещающий своими воплями смерть, только в этой гробнице все давно были мертвы.

Медные таблички на гробах немного позеленели от сырости, но надписи все равно легко читались. На одной «Гектор Александр Роберт Кэмерон», на другой – «Иокаста Изобейл Маккензи Кэмерон». Не раздумывая, Джейми взялся за края крышки гроба Иокасты и поднял ее.

Гроб не был забит, и крышка, пусть и тяжелая, сразу сдвинулась.

– Надо же, – тихо сказал Джейми, глядя в гроб.

В какой сырости его ни храни, золото никогда не потускнеет. Оно столетиями пролежит на дне моря и, когда однажды его выловит своей сетью какой-нибудь рыбак, будет блестеть, как свежеразлитое. Тысячи лет золото своим блеском, точно песнью сирены, привлекает людей.

Слитки неплотным слоем покрывали дно гроба. Хватит на два небольших сундука, каждый из которых смогли бы унести только двое мужчин либо мужчина и сильная женщина. На каждом слитке маркировка в виде лилии. Третий французского золота.

Золото сверкало так ярко, что я отвела взгляд, и перед глазами при таком освещении все расплывалось. Пол оставался в темноте, однако очертания тела на бледном мраморе все равно были различимы. «Совал свой нос куда не надо». Что же увидел Дэниел Роулингс, если потом нарисовал лилию на полях своего журнала и осторожно подписал слово «*Aurum*»?

Значит, Гектор Кэмерон тогда был жив. Гробницу еще не закрыли на замок. Может, доктор Роулингс следил за бродящим среди ночи пациентом, а Гектор, отправившись проверить свои запасы, привел его сюда, сам того не предполагая? Вполне вероятно. Но теперь ни Гектор Кэмерон, ни Дэниел Роулингс не расскажут нам, как и что именно здесь произошло.

К горлу поднялся комок: ведь человек, чьи кости лежали у моих ног, был для меня другом и коллегой – это его инструменты достались мне, это он невидимой тенью стоял позади меня, подбадривая и успокаивая, когда я старалась вылечить больных.

– Какая бессмысленная смерть, – прошептала я, глядя на пол.

Джейми осторожно опустил крышку гроба, как будто боялся нарушить покой того, кто в нем находился.

Иокаста все еще стояла снаружи, на тропинке. Она приобняла Федру, которая уже перестала стонать, однако кто из них за кого держался, было

непонятно. По шуму Иокаста наверняка поняла, где мы находимся, но она по-прежнему немигающим взглядом смотрела на реку.

Я откашлялась и свободной рукой поплотнее натянула шаль.

– Так что будем делать? – спросила я у Джейми.

Он обернулся и снова заглянул в гробницу, а потом пожал плечами.

– Оставим лейтенанта Гектору, как и собирались. А вот доктор... – Джейми сделал медленный вдох и с тревогой посмотрел на лежавшие изящным веером тонкие кости, бледные и неподвижные в свете факела. Когда-то это была рука хирурга.

– Заберем его с собой в Ридж, – сказал Джейми. – Пусть покоится среди друзей.

Беспардонно проскользнув мимо двух женщин, Джейми отправился за лейтенантом Вульфом.

Глава 105

Сон дрозда

Фрейзер-Ридж

Май 1772 года

Ночной воздух наполнился прохладой и свежестью. Кровожадные мухи и комары еще не появились, лишь мотыльки порой залетали в открытое окно и порхали у затухшего очага, точно клочки горящей бумаги.

Она легла сверху на него и не двигалась с места; стук сердца медленно и громко отдавался в ее ушах. Отсюда можно было выглянуть в окно: рваная темная линия деревьев в дальнем конце двора, а за ними небо, освещенное звездами, такими близкими и яркими, как будто можно выйти прямо к ним и, переступая с одной звезды на другую, добраться до серпа растущей луны.

– Ты не злишься на меня? – Хотя сейчас его голос звучал спокойнее, прижимаясь ухом к груди, она уловила сбивчивые нотки, когда воздух, образуя слова, проходил через покрытое шрамами горло.

– Нет. Я не запрещаю тебе его читать.

Он легко коснулся ее плеча, и от удовольствия она поджала пальцы на ногах. Наверное, ей следовало чувствовать себя уязвимой из-за того, что он узнал о всех ее сокровенных мыслях и снах, но она ему доверилась. Он ни за что не использовал бы их против нее.

Кроме того, описанные на бумаге, сны становились чем-то отдельным от нее самой. Как и рисунки: размышления по какому-то поводу, нечто, что она мельком увидела, осмыслила, почувствовала, но не то же самое, что разум и душа, которые она вложила в работу.

– Тогда давай по-честному. – Она уперлась подбородком в ложбинку у его плеча. От него шел приятный запах, терпкий, мускусный, с нотками удовлетворенного желания. – Расскажи мне какой-нибудь свой сон.

Он почти беззвучно рассмеялся.

– Всего один?

– Который имеет для тебя значение. Не какой-нибудь там мимолетный, или где за тобой гонится монстр, или ты приходишь в школу без одежды.

Такие сны бывают у всех, но что снилось только *тебе*?

Одна ее рука лежала на его груди и нежно царапала темные кудрявые волосы. Другая рука была под подушкой – если легонько пошевелить пальцами, можно почувствовать гладкие очертания амулета. Она представляла, как увеличивается ее живот, становясь круглым и упругим. Внизу чувствовались легкие сжимающие спазмы, отголоски их занятий любовью. Может, в этот раз?

Лежа на подушке, он с задумчивым видом повернул голову. Длинные ресницы, черные, как контуры деревьев снаружи, почти касались щеки. Затем ресницы поднялись, открывая глаза болотно-зеленого цвета, нежные и яркие в приглушенном свете.

– Я могу быть романтичным, – прошептал он и провел пальцами по ее спине так, что по коже побежали мурашки. – Наверное, вот мой лучший сон: мы с тобой здесь, одни... только мы и наши дети. – Он слегка наклонил голову, глянув на тележку в углу, в которой крепко спал незаметный Джемми.

– Наверное, – повторила она и опустила голову, уперевшись лбом ему в плечо. – Но это мечта, а не настоящий сон. Ты знаешь, о чем я.

– Да, знаю.

Он замолчал, его рука, широкая и теплая, неподвижно лежала на ее пояснице.

– Иногда, – наконец прошептал он, – иногда мне снится, что я пою, а когда просыпаюсь, у меня болит горло.

Он не видел ее лица, не видел, что в уголках ее глаз появились слезы.

– И что ты поешь? – так же шепотом спросила она.

Зашуршала льняная наволочка – он покачал головой.

– Какую-то незнакомую песню. Но я точно пою ее для тебя.

Глава 106

Журнал хирурга: продолжение

27 июля 1772 года

«Вызвали с маслобойни к Розамунд Линдси, которую в конце дня привезли с серьезной рваной раной левой руки, нанесенной топором во время кольцевания деревьев. Ранение обширное, от основания указательного пальца до шиловидного отростка лучевой кости, получившего поверхностные повреждения; едва не отрублен большой палец. Ранение произошло примерно за три дня до вызова, лечили с помощью тугей повязки и свиного жира. Обширный сепсис и нагноение, характерный едкий запах. Подкожные красные пятна, указывающие на заражение крови, распространились от раны и почти до локтевой ямки.

У пациентки высокая температура (около сорока, измерено вручную), симптомы обезвоживания, нарушена ориентация. Выраженная тахикардия.

Учитывая тяжелое состояние пациентки, рекомендовала безотлагательную ампутацию конечности до локтя. Больная отказалась рассмотреть данный вариант, настаивая на применении голубиной припарки, – разделенная на части тушка только что убитого голубя прикладывается к месту раны (муж больной принес голубя со свернутой шеей). Ампутировала большой палец до основания пястной кости, перевязала остатки лучевой артерии (поврежденной при ранении) и поверхностной ладонной дуги. Обработала и дренировала рану, местно применила около половины унции неочищенного пенициллинового порошка (полученного из кожеры сгнившей зимней дыни, партия № 23, препарат 15/4/72), после чего прикладывала протертый сырой чеснок (три зубчика), бальзам из барбариса и поверх повязки, по настоянию мужа, припарку из голубя. Для принятия внутрь: жаропонижающая смесь из красного василька, лапчатки и хмеля; вода по мере необходимости. Сделала инъекцию пенициллиновой смеси внутривенно (партия № 23), дозировка – четверть унции во взвешенном состоянии в стерилизованной воде.

Состояние пациентки быстро ухудшилось, сильнее проявились симптомы дезориентации, бреда и сильного жара. Руку и верхнюю часть туловища покрыла крапивница. Пыталась сбить температуру холодным

компрессом. Безрезультатно. Так как больная была не в себе, обратилась с просьбой разрешить ампутацию к ее мужу, но получила отказ по причине того, что смерть неизбежна и пациентка «не хотела бы быть похороненной по частям».

Повторила инъекцию пенициллина. Вскоре после этого пациентка впала в бессознательное состояние и к рассвету скончалась».

* * *

С острого кончика пера капнули чернила. Продолжать ли?

Прочно укоренившаяся во мне склонность к научной скрупулезности боролась с предусмотрительностью. Было важно описать случившееся во всех подробностях. В то же время я сомневалась, стоит ли писать о том, что может считаться непредумышленным убийством – я уверяла себя, что в этом не было никакого злого умысла, но на чувство вины эти разграничения не влияли.

– Чувства не есть истина, – пробормотала я.

Сидевшая в другом углу комнаты Брианна оторвалась от нарезания хлеба и подняла голову, однако я склонилась над бумагой, и она продолжила шептаться с Марсали у камина. Снаружи было мрачно и дождливо. Я зажгла всего одну свечу, чтобы делать записи, но руки девушек уже замелькали над темным столом, точно мотыльки, зажигая свечи между тарелками и блюдами.

Истина заключалась в том, что, по моему мнению, Розамунд Линдси умерла не из-за общего заражения крови. Я была практически уверена в том, что причиной ее смерти стала острая реакция на неочищенную смесь пенициллина – то есть на лекарство, которое я ей давала. Конечно, истинно было и то, что не лечи я ее, она точно скончалась бы от заражения крови.

И я не могла предполагать, что на нее так подействует пенициллин... В этом-то и смысл записей, так ведь? Чтобы другие узнали?

Я повертела в руке перо, перекатывая его между большим и указательным пальцем. Я добросовестно делала записи о своих экспериментах с пенициллином – выращивала культуры на разных носителях, от хлеба до пережеванной папайи и кожуры гнилой дыни, досконально описывала микроскопическое и макроскопическое распознавание плесневых грибов *Penicillium* и эффект их ограниченного – на тот момент – применения.

Да, я обязана включить описание побочного действия. Только вот в

чем вопрос – для кого я старательно веду этот журнал?

Я прикусила губу, задумавшись. Если журнал только для собственного пользования, тогда все просто: я лишь опишу симптомы, время и результат, не вдаваясь в подробности причины смерти, ведь вряд ли я сама когда-нибудь об этом забуду. Но если однажды записями воспользуется кто-то... кто-то, не знакомый с тем, какую пользу и какой вред может нанести антибиотик...

Чернила на пере начали подсыхать. Я коснулась страницы его кончиком.

«Возраст – 44 года», – медленно вывела я. В те времена подобные записи в журнале врача часто заканчивались благочестивым описанием последних мгновений ушедшего, отмеченных, предположительно, христианским смирением у праведников и покаянием у грешников. Ни того ни другого не скажешь об уходе Розамунд Линдси.

Я посмотрела на гроб, стоящий на опорах у залитого дождем окна. Хижина семьи Линдси была маленькой и неподходящей для похорон в такой ливень, когда ожидалось большое количество скорбящих. В ожидании поминок гроб открыли, но лицо покойной было накрыто муслиновым саваном.

В Бостоне Розамунд была проституткой; став слишком полной и старой, чтобы прилично зарабатывать своим ремеслом, в поисках мужа она отправилась на юг. «Не могла больше терпеть эти зимы, – призналась как-то она мне вскоре после своего приезда в Ридж. – И вонючих рыбаков».

Розамунд нашла искомое прибежище в объятиях Кеннета Линдси, искавшего жену, которая помогала бы работать на ферме. Хотя оба не отличались внешней привлекательностью – на двоих у четы Линдси было примерно шесть зубов – или совместимостью характеров, их отношения казались довольно теплыми.

Скорее потрясенному, а не убитому горем Кенни Джейми решил устроить лечение с помощью виски – в чем-то даже более эффективное, чем мое врачевание. По крайней мере, оно не приведет к летальному исходу.

«Непосредственная причина смерти», – написала я и снова остановилась. Вряд ли в преддверии неминуемой смерти Розамунд нашла бы отдушину в молитве или философствовании. Да у нее и не было такой возможности. Она умерла с посиневшим лицом, налившимися кровью органами и выпученными глазами; ткани в глотке так опухли, что она не могла выдавить ни слова, ни вздоха.

Теперь и у меня сдавило горло так, будто меня душили. Я сделала

глоток успокаивающего чая из кошачьей мяты, чувствуя, как жидкость с резким привкусом нежно проникает внутрь. То, что смерть от заражения крови была бы более мучительной, не сильно утешало.

Я легонько постучала кончиком пера по промокательной бумаге, и чернильные точки расползлись по грубым волокнам бумаги, образуя целую галактику крошечных звезд. Есть еще один вариант. Причиной смерти Розамунд могла стать легочная эмболия – сгусток крови в легком. Бывает, что сепсис дает такое осложнение, им объясняются и все симптомы.

Обнадеживающая мысль, но я не особо в нее верила. Голос опыта наряду с совестью заставил меня обмакнуть перо и, пока я не передумала, написать «анафилаксия».

Известен ли уже этот термин? В записях Роулингса он не встречался. О смерти от шока из-за аллергической реакции знали давно, однако случалось подобное редко и, возможно, в то время еще никак не называлось. Кто бы в будущем ни прочитал этот журнал, лучше описать все в деталях.

В том-то и проблема. Кто станет его читать? Вдруг некто посторонний прочтет эту запись и примет ее за признание в убийстве? Надуманно, но мало ли. Меня едва не казнили, обвинив в ведьмовстве, и причиной тому стала отчасти моя деятельность врачевателя. «Едва не обжегшись на костре, будешь дуть и на воду», – с сарказмом подумала я.

«Сильная опухоль пораженной конечности, – написала я и подняла сухое перо – последнее слово было едва видно. Я обмакнула перо в чернила и упорно продолжала: «Опухоль распространилась на верхнюю часть туловища, лицо и шею. Кожа бледная, с красноватыми пятнами. Дыхание учащается и становится более поверхностным, сердцебиение частое и слабое, иногда едва различимое. Заметная дрожь. Синюшные губы и уши. Выраженная экзофтальмия».

Я вновь сглотнула, вспомнив выпученные глаза Розамунд, полные ужаса и непонимания. Омыв тело и подготовив его к похоронам, мы постарались закрыть их. Хотя на поминках обычно открывали лицо умершего, в этом случае это было бы неблагоприятно.

Комнату наполняли ароматы приготовленной к поминкам еды, к ним примешивались запахи горящих в очаге дров из дуба и чернильных орешков. Свежевыстроганным дубом пахло и от досок гроба. Я поспешила глотнуть еще немного чая, чтобы подавить тошноту.

Я прекрасно знала, почему главным в клятве Гиппократа был принцип «Не навреди». Навредить чертовски легко. Это ж какая самоуверенность – лечить человека, вторгаться в его организм. Тело – хрупкая и сложная

система, а вмешательства врача грубы...

Можно было бы уединиться в приемной или в кабинете, чтобы сделать эти записи. Но я не уединилась и знала почему. На шероховатый муслиновый саван падал мягкий белый свет из залитого дождем окна. Я крепко зажала перо между большим и указательным пальцем, пытаюсь забыть, как треснул перстневидный хрящ, когда в последней, тщетной попытке наполнить напряженные легкие Розамунд воздухом я сделала надрез на ее горле.

И все же... каждый практикующий врач когда-нибудь с подобным сталкивался. Даже тогда, в современной больнице со всеми известными видами спасательного оборудования, со мной такое случалось.

Какой-нибудь будущий местный врач однажды столкнется с той же дилеммой: решиться на рискованное лечение или позволить умереть пациенту, которого, возможно, удалось бы спасти. Перед таким же сложным выбором стояла и я: маловероятное обвинение в непредумышленном убийстве или неустановленная ценность моих записей для того, кто пожелает почерпнуть из них знания.

Кто бы это мог быть? Задумавшись, я вытерла перо. Медицинских учебных заведений сейчас очень мало, да и те в основном в Европе. Большинство врачей получали знания на практике, работая помощниками у опытных докторов. Я на ощупь подцепила пальцем страницы и открыла журнал в самом начале, на записях его изначального владельца.

Роулингс не учился в медицинской школе. А даже если бы учился... Мои губы искривились, когда я вспомнила некоторые способы лечения, о которых прочитала на плотно исписанных страницах: настой жидкой ртути от сифилиса, банки при эпилептических припадках, вскрытие ланцетом и кровопускание при любом заболевании, от несварения до импотенции.

И все-таки Дэниел Роулингс был врачом. Он заботился о своих пациентах, его интересовали загадки человеческого тела.

Следуя внезапному порыву, я перевернула страницы и вернулась к записям Роулингса. Может, я просто откладывала решение, доверяя его принятие моему подсознанию, а может, мне просто не хватало общения с другим врачом.

С кем-то вроде меня. Невидящим взглядом я уставилась на исписанную аккуратным мелким почерком страницу с тщательно прорисованными иллюстрациями. Где найти кого-то вроде меня?

Нигде. Я уже задумывалась об этом, пусть и мимолетно, просто осознавая, что есть такая проблема. В колонии Северной Каролины, насколько известно, имелся лишь один официально назначенный

«доктор» – Фентиман. Фыркнув, я сделала еще глоток чая. Уж лучше Мюррей Маклауд со своими бесполезными препаратами – от них, по крайней мере, обычно никакого вреда.

Простая истина заключалась в том, что я тоже не вечная. Надо найти кого-то, кому я смогла бы передать хотя бы основы своих знаний.

Приглушенные смешки из-за стола – это девушки шептались о чем-то над горшками с зельем из свиного мяса, мисками с кислой капустой и вареным картофелем. «Нет, – с каплей сожаления подумала я. – Не Брианна».

Было бы логично выбрать ее, ведь она по крайней мере знала, что представляет собой новейшая медицина. Не пришлось бы бороться с невежеством и суевериями, не надо было бы доказывать ей пользу дезинфекции и опасность микробов. Однако у нее не было врожденной склонности, природного чутья лекаря. Она не испытывала тошноту при виде крови и не боялась ее – Брианна часто помогала мне в принятии родов и несложных хирургических операциях, – и все же ей не хватало того особенного сочетания сочувствия и безжалостности, которым должен обладать доктор.

Свет пламени отражался в ее ниспадающих волнами волосах, и я подумала, что Брианна, скорее, папина дочка. Она унаследовала его храбрость, его невероятную нежность – храбрость воина и нежность силы. Я не сумела передать ей свой дар, знания плоти и крови, загадки тайных уголков сердца.

Брианна резко подняла голову и посмотрела на дверь.

За стуком дождя он был едва различим, но зная, что он там, я уловила его – мужской голос, громко напевающий. Мужчины возвращались из убежища на горе.

Кенни Линдси попросил Роджера спеть для Розамунд *caithris*, торжественную гэльскую похоронную песнь.

– Она не была шотландкой, – сказал Кенни, вытирая затуманенные от слез и долгого ночного наблюдения глаза. – И даже набожной не была. Но ей нравились такие песни и как ты, Маккензи, поешь их.

Роджер никогда раньше не пел и, насколько я знала, даже не слышал *caithris*.

– Не волнуйся, – прошептал Джейми, сжав его руку, – просто пой погромче.

Роджер с серьезным видом покорно склонил голову и отправился вместе с Джейми и Кеннетом пить виски в токе для соложения и узнавать, что можно, о жизни Розамунд, чтобы душевнее оплакать с помощью песни

ее уход.

Хрипкое пение затихло – переменился ветер. Из-за его порыва мы и услышали их так скоро – сейчас они должны направляться в Ридж, чтобы собрать скорбящих из отдаленных хижин и привести сюда в дом. Ужин, пение и рассказывание историй растянутся на всю ночь.

Подумав об этом, я невольно зевнула. Утром я поспала несколько часов, но этого, боюсь, не хватит, чтобы пережить гэльские поминки и похороны, устроенные с полным размахом. К рассвету все гости повалятся на пол, и от них будет нести виски.

Я снова зевнула, затем поморгала. Перед глазами поплыло, и я потрясла головой. Все тело ломило от усталости, хотелось только одного – лечь в кровать и проспать несколько дней.

Глубоко задумавшись, я не заметила, как ко мне подошла Брианна. Она положила руки мне на плечи, встала ближе, и я почувствовала тепло ее прикосновения. Марсали уже ушла, мы остались одни. Брианна начала массировать мне плечи своими длинными большими пальцами, медленно продвигаясь вверх по шее.

– Устала? – спросила она.

– М-м. Справляюсь.

Я закрыла журнал и расслабилась – от ее касаний стало легче. Я и не думала, что так сильно напряжена.

* * *

В большой комнате было тихо и спокойно. Миссис Баг подавала мясо. Девушки зажгли свечи и поставили по одной на каждом конце перегруженного едой стола. От внезапно налетевшего сквозняка пламя заколыхалось, отбрасывая тени на побеленные стены и неподвижный гроб.

– Кажется, я убила ее, – вдруг сказала я. – Убила пенициллином.

Длинные пальцы не перестали мять мне шею.

– Уверена? – пробормотала Брианна. – Другого выхода ведь не было?

– Нет.

По телу прошла легкая дрожь от чувства облегчения, которому поспособствовало и мое прямолинейное признание, и постепенное снятие мучительного напряжения в шее и плечах.

– Не волнуйся, – тихо сказала Бри, потирая мою кожу. – Она бы все равно умерла, так? Это печально, но ты не сделала ничего плохого. Сама знаешь.

– Знаю.

К моему удивлению, по щеке скатилась слеза и капнула на страницу журнала, бумага сморщилась. Я зажмурилась, стараясь взять себя в руки. Не хотелось огорчать Брианну.

Она и не огорчилась. Убрала руки с моих плеч, послышался скрежет ножек табурета по полу. Брианна обняла меня, и я позволила ей притянуть меня к себе. Она держала меня в объятиях, и ее равномерное дыхание успокаивало.

– Я однажды обедала с дядей Джо, а он как раз перед этим потерял пациента, – наконец заговорила Брианна. – И рассказал мне.

– Правда? – удивилась я. Не думала, что Джо станет делиться с ней таким.

– Он не собирался. Я заметила, что его что-то беспокоит, и спросила сама. Ему нужно было выговориться, а я была готова слушать. Потом он сказал, что как будто рядом с ним была ты. Не знала, что он называл тебя Леди Джейн.

– Да, – подтвердила я. – Из-за моей манеры разговаривать. – Брианна засмеялась, и ухом я ощутила дуновение от ее смеха. Я закрыла глаза и увидела своего друга, который энергично жестикулирует во время беседы, а его лицо светится от желания поддразнить. – Он сказал, что когда случается что-то подобное, в больнице иногда проводят официальное расследование. Не судебное разбирательство, ничего такого, просто другие доктора собираются и выслушивают рассказ о том, что пошло не так. По его словам, это вроде исповеди, только перед врачами, которые поймут тебя, и ему это помогло.

– Угу. – Брианна слегка качала меня, как обычно укачивала Джемми. – Так вот что тебя беспокоит? Не только Розамунд, но и то, что ты одна? Что некому тебя по-настоящему понять?

Она обняла меня за плечи, скрестив руки на моей груди. Молодые, крупные, умелые руки, чистая и светлая кожа, пахнущая свежее испеченным хлебом и клубничным вареньем. Я подняла ее руку и поднесла теплую ладонь к своей щеке.

– Кажется, есть кому.

Брианна погладила мою щеку и опустила свою крепкую, молодую руку. Затем нежно и не спеша заправила прядь волос мне за ухо.

– Не переживай. Все будет хорошо.

– Да, – улыбнулась я, хотя глаза застилали слезы.

Я не смогла сделать из нее врача, но, судя по всему, я, сама того не замечая, научила Брианну быть мамой.

– Тебе надо полежать. Они придут только через час, не раньше.

Я со вздохом выдохнула, ощущая спокойствие дома. Пусть Фрейзер-Ридж ненадолго стал пристанищем для Розамунд Линдси, здесь все равно был ее настоящий дом. Мы проводим ее с честью.

– Еще минутку, – сказала я, вытирая нос. – Надо кое-что закончить.

Я выпрямилась и открыла журнал. Обмакнула перо и начала записывать то, что должно быть здесь, – ради неизвестного врача, который придет мне на смену.

Глава 107

Zugunruhe

Сентябрь 1772 года

Я проснулась вся в поту. Тонкая сорочка прилипла к телу и стала прозрачной, сквозь нее проглядывала темная кожа – это было видно даже в тусклом свете из не закрытого ставнями окна. В беспокойном сне я отбросила простыню и одеяло, льняная сорочка задралась выше бедер, но кожа все равно пульсировала жаром; волны удушающего тепла стекали по мне, будто расплавленный воск свечи.

Я свесила ноги с кровати и встала, чувствуя, как кружится голова. Волосы намокли, шея стала липкой, капля пота стекла между грудей и исчезла.

Джейми еще спал, я видела выпуклость его плеча под одеялом и рассыпавшиеся по подушке темные волосы. Он пошевелился и что-то пробормотал, потом его дыхание снова стало размеренным. Мне нужно было подышать. Сдвинув марлевую сетку, я осторожно подобралась к двери и через коридор вышла в небольшую каморку – темную, зато с большим окном, чтобы компенсировать маленькое в нашей спальне. В окно еще не вставили стекло и пока закрыли деревянными ставнями; ночной воздух сквозь дощечки проникал внутрь и, кружась по полу, ласкал мои босые ноги. Желая ощутить его прохладу, я сняла с себя мокрый груз сорочки и с облегчением вздохнула, когда сквозняк скользнул вверх по бедрам, рукам и груди.

Но жар не ушел, его волны прокатывались по телу с каждым ударом сердца. Нащупав засовы, я распахнула ставни. Отсюда виднелись верхушки деревьев, которые тянулись вдоль склона горы и тонкой черной линией уходили почти до реки. Ветер покачивал их, шурша листвой, и приносил блаженную прохладу и резкий свежий запах листвы и древесного сока. Я закрыла глаза. Через пару минут жар ушел, исчезнув, как потухший уголек, оставив меня в спокойном состоянии, пусть и с влажной кожей.

Возвращаться в кровать пока не хотелось: волосы были мокрыми, а простыни наверняка еще липкие. Обнаженная, я оперлась о подоконник, и волоски на коже приятно поднялись от прохлады. Умиротворяющий шум деревьев прервался тонким детским плачем.

Хижина стояла в ста ярдах от дома. Конечно, как только я высунулась из окна, ветер сменил направление и плач затерялся среди шороха листьев. Но когда ветер двинулся дальше, в тишине я расслышала вопль, который теперь звучал громче.

Громче, потому что приближался. Со скрипом открылась деревянная дверь, кто-то вышел наружу. В хижине было темно – ни лампы, ни свечи, – и я увидела лишь высокий силуэт, подсвеченный изнутри тусклым светом очага. Кажется, я заметила длинные волосы, но Роджер и Брианна оба спали с распущенными волосами и без ночных колпаков. Я представила, как красиво блестящие черные локоны Роджера лежат на подушке рядом с огненными волосами Брианны. «А они спят на одной подушке?» – вдруг подумала я.

Вопли не затихли. Капризные и раздраженные, но не мучительные. Точно не боль в животе. Приснился кошмар? Я понаблюдала еще немного и на всякий случай подняла свою смятую сорочку – вдруг они принесут ребенка в дом. Однако высокая фигура скрылась в ельнике, плач затих. Значит, это не жар.

Из-за детского плача грудь стало покалывать, и я улыбнулась – немного печально. Поразительно, как глубоко и надолго укореняются инстинкты. Настанет ли день, когда я неотреагирую на крик ребенка, на запах возбужденного мужчины, на прикосновение моих длинных волос к обнаженной спине? И если такое произойдет, буду ли я сожалеть об утрате или найду покой, чтобы размышлять о существовании, не отвлекаясь на животные чувства?

Ведь дар природы – не только радости плоти; врач видит немало бедствий, которым подвержена плоть. И все же... стоять у окна, ощущая прохладу воздуха уходящего лета, гладкость пола под босыми ногами, прикосновение ветра к обнаженной коже... Не хотелось бы мне становиться бестелесным духом.

Плач стал громче, с ним послышался и шепот взрослого, который тщетно пытался успокоить ребенка. Роджер.

Я осторожно взяла в руки грудь, чувствуя ее приятный вес и полноту. Помню, в юности груди были как маленькие твердые шарики, такие чувствительные, что от одного прикосновения парня подгибались колени. Что уж там, даже от прикосновения моей собственной руки.

Это было не открытие чего-то нового и невообразимого, а скорее осознание того, что появилось, пока я стояла к нему спиной, точно отброшенная на стену тень, о присутствии которой и не подозреваешь и которую замечаешь, лишь когда ее увидишь, хотя она все время была там.

«Тень бежит за мной вприпрыжку, чуть я только побегу.

Что мне делать с этой тенью, я придумать не могу»^[40].

И если я снова повернусь к ней спиной, тень никуда не уйдет. Она неотступно следует за мной, хочу я замечать это или нет, припадает к земле, хрупкая, неуловимая, но она здесь, то едва заметная и исчезающая под ногами, когда на меня падает свет других забот, то вздымающаяся до гигантских размеров в ослепительном сиянии внезапного порыва.

Мой личный демон или ангел-хранитель? Или всего лишь тень зверя, который постоянно напоминает о неизбежности нужд тела?

К хныканью прибавился и другой шум – покашливание, как мне показалось. Я осторожно высунула голову, точно улитка после грозы, и среди скрипучего бормотания расслышала несколько слов:

«...из глубин... шахтер в каньоне... и с ним до-очка, Клементин».

Роджер пел.

На глаза выступили слезы, и я поспешила засунуть голову обратно, чтобы меня не увидели. В песне не было мелодии, тон менялся не больше, чем гул ветра в горлышке пустой бутылки, и все-таки это была музыка. Джейми затих и лишь хлюпал носом, как будто пытался разобрать слова, мучительно вырывавшиеся из покрытого шрамами горла его отца:

«По-утру утят води-ла...»

Роджеру приходилось делать вдох после каждой фразы, и этот звук походил на треск разрываемой ткани. Я сжала руки в кулаки, словно силой мысли могла заставить его выдавить эти слова:

«Две жестянок от сардин... как сандалии носила... его дочка... Клементин».

Снова поднялся ветер, раскачивая верхушки деревьев, и следующая строчка растворилась в шорохе; как я ни напрягала слух, еще пару минут я ничего не могла разобрать.

И вдруг увидела неподвижно стоящего Джейми, ощутила его теплое присутствие в прохладе комнаты.

– Все хорошо, саксоночка? – тихо спросил он, стоя в дверях.

– Да, – прошептала я в ответ, чтобы не потревожить Лиззи и ее отца, которые спали рядом. – Просто надо было подышать, не хотела будить тебя.

Он подошел ближе – высокая обнаженная тень, от которой веет сном.

– Я всегда просыпаюсь, если ты встаешь, саксоночка. Плохо сплю, если тебя нет рядом. – Джейми коснулся моего лба. – Я подумал, вдруг у тебя жар – постель была вся мокрая. Ты точно хорошо себя чувствуешь?

– Мне было жарко, не могла уснуть. Но чувствую себя хорошо. А ты? – Я дотронулась до его лица, кожа после сна была теплая.

Он встал рядом со мной у окна, вглядываясь в летнюю ночь^[41]. Стояло полнолуние, птицы тревожились, совсем рядом слышался щебет древесницы, которая поздно вьет гнездо, а чуть дальше – писк мохноногого сыча, вышедшего на охоту.

– Помнишь Лоуренса Стерна? – спросил Джейми. Видимо, звуки напомнили ему об этом натуралисте.

– Такого человека трудно забыть, – с иронией ответила я. – Мешочек сушеных пауков производит сильное впечатление. Не говоря уже о запахе.

За Стерном следовал характерный аромат, состоящий в равных частях из естественного запаха тела, его любимого дорогого одеколона, который не перебивал, но все же соперничал с едкими антисептическими жидкостями вроде камфары и спирта, и разложения от собранных им образцов.

Джейми слегка усмехнулся:

– Верно. От него воняет еще хуже, чем от тебя.

– От меня не воняет! – возмутилась я.

– Хм-м. – Он поднес мою руку к своему носу и осторожно понюхал. – Лук, – сказал Джейми, – и чеснок. Что-то острое... зерна перца. Да, и гвоздика. Плюс беличья кровь и мясной сок. – Высунув язык, как змея, он коснулся им костяшек моих пальцев. – Крахмал – это картошка – и что-то лесное. Мухоморы?

– Так нечестно. – Я попыталась вырвать руку. – Ты прекрасно знаешь, что было на ужин. И вовсе не мухоморы, а древесные ушки.

– Да? – Джейми снова взял мою руку и понюхал ладонь, потом запястье и предплечье. – Уксус и укроп – мариновала огурцы? Отлично, я их люблю. М-м, и кислое молоко в тонких волосках на руке – обрызгалась, когда сбивала масло или снимала сливки?

– Угадай, раз ты такой знаток.

– Масло.

– Вот черт. – Я попыталась увернуться, но лишь потому, что его щетина щекотала чувствительную кожу у плеча. Джейми обнюхал всю мою руку, добрался до ложбинки на плече, и я пискнула, когда его волосы коснулись моей кожи.

Он приподнял мою руку, дотронулся до влажных шелковистых волосков и поднес пальцы к носу.

– *Eau de femme*. – В его голос слышался смех. – *Ma petite fleur*^[42].

– И кстати, я принимала ванну, – печально добавила я.

– Да, с мылом из подсолнечника, – сказал он, понюхав ложбинку моей

ключицы. Я вскрикнула, и Джейми накрыл мне рот своей большой теплой ладонью. А от него пахло порохом, сеном и навозом, но сказать этого с закрытым ртом я не могла.

Он немного выпрямился, наклонился ближе и жесткими усами коснулся моей щеки. Потом убрал руку, и я почувствовала легкое прикосновение его нежных губ и языка к моему виску.

– И соль. – Я ощущала его теплое дыхание на своем лице. – У тебя на щеке соль, и ресницы мокрые. Ты плакала, саксоночка?

– Нет, – ответила я, хотя по необъяснимой причине мне вдруг захотелось заплакать. – Нет, я вспотела. Мне было... жарко.

Теперь моя кожа остыла, в окно сквозило, и сзади телу было холодно.

– Зато здесь... м-м. – Джейми опустил на колени и, придерживая меня одной рукой за талию, зарылся лицом в ложбинку между грудей. – А это что? – Его голос снова изменился.

Я редко пользовалась духами, но из Ост-Индии мне прислали специальное масло из цветков апельсина, жасмина, бобов ванили и корицы. Пузырек был маленький, и я наносила совсем чуть-чуть масла на кожу ради тех случаев, которые мне казались особыми.

– Ты хотела меня, – хмуро сказал Джейми. – А я заснул, даже не прикоснувшись к тебе. Прости, саксоночка. Почему ничего не сказала?

– Ты был уставшим. – Я погладила его волосы, заправляя длинные темные пряди за ухо. Джейми засмеялся, обдувая теплом мой обнаженный живот.

– Ради такого, саксоночка, можешь хоть из мертвых меня воскресить – я не откажусь.

Он поднялся, и даже в тусклом свете было заметно, что мне не потребуется принимать такие отчаянные меры.

– Как жарко. Я вся вспотела.

– А я, думаешь, нет?

Джейми обхватил меня за талию и, резко подняв, усадил на широкий подоконник. От прикосновения к холодному дереву я вскрикнула и машинально схватилась за оконную раму.

– Ты что такое творишь?

Он не собирался отвечать, да и мой вопрос в любом случае был риторическим.

– *Eau de femme*, – прошептал Джейми. Он опустил на колени, касаясь своими мягкими волосами моих бедер, и пол скрипнул под его весом. – *Parfum d'amor*, м-м?

Прохладный ветер поднял мои волосы. Джейми крепко держал меня за

бедра, так что упасть я не могла, но все же голова кружилась от ощущения высоты, от ясной и бескрайней ночи с усыпанным звездами небом, в которое я могу провалиться и лететь крошечной точкой, которая горит все ярче и ярче, и наконец, накаляясь до предела, становится падающей... звездой...

– Тш-ш, – где-то далеко прошептал Джейми. Он встал и теперь держал меня за талию, а стоном отзывался ветер – или я. Он коснулся пальцами моих губ и будто спичками разжег пламя на моей коже. По телу прошел жар, спереди все горело, а спине было прохладно, прямо как святому Лаврентию.

Я обхватила Джейми ногами, упершись пяткой в его ягодицы, и меня удерживала только сила его крепких бедер между моих ног.

– Отпусти, – сказал он мне на ухо. – Я держу тебя.

Я отпустила и отклонилась назад в никуда, чувствуя его надежные руки.

* * *

– Ты собирался что-то рассказать про Лоуренса Стерна, – сонно пробормотала я намного позже.

– Да. – Джейми потянулся и устроился поудобнее, по-хозяйски положив руку мне на ягодицы. Я водила костяшками пальцев по волоскам на его бедре. Лежать в обнимку было слишком жарко, но и отодвигаться друг от друга мы не хотели. – Мы говорили о птицах, он ими очень интересуется. Я спросил, почему птицы поют в конце лета, хотя ночи становятся короткими. Вроде бы можно уже отдохнуть... ан нет, они чирикают и все что-то возятся в кустах и на деревьях ночами напролет.

– Правда? Я не замечала.

– Ты же не ночуешь в лесу, саксоночка. А я ночевал, и Стерн ночевал. Он давно это заметил и тоже заинтересовался.

– И нашел ответ?

– Ответа нет, зато у него имеется теория.

– О, еще лучше, – сонно усмехнулась я.

Джейми поддержал мой смех и перекатился на бок, чтобы нашу соленую кожу хоть немного обдувал воздух. Капельки пота поблескивали в изгибе его плеча и среди темных волосков на груди. Он почесал это место, издавая приятный скребущий звук.

– Вот что он сделал: поймал несколько птиц и запер их в клетках,

выстеленных промокательной бумагой.

– Что? – Я рассмеялась. – Зачем?

– Ну, не полностью выстелил, а только положил бумагу на пол, – объяснил Джейми. – Сверху поставил крошечную тарелочку с чернилами, а в середине – чашечку с семенами, чтобы они не могли поесть, не запачкавшись в чернилах. Птички скакали туда-сюда, оставляя следы на промокательной бумаге.

– И что же ему это дало – кроме черных следов?

Мускусный запах наших разгоряченных тел начал привлекать насекомых. Над ухом раздался тонкий писк, и я замахнулась на невидимого комара, а потом потянулась за марлевой сеткой, которую Джейми сдвинул, когда пошел меня искать. Сетка крепилась к хитрому механизму на перекладине над кроватью – придумка Брианны: стоило только развернуть марлю, как она ниспадала со всех сторон, закрывая нас летними ночами от полчищ кровожадных насекомых.

Я развернула сетку с некоторым огорчением, ведь, защищая от комаров, мошек и пугающе огромных ночных бабочек, марля неминуемо перекрывала доступ воздуха и не давала насладиться видом на яркое звездное небо за окном. Я еще немного отодвинулась от Джейми: хотя его естественный жар отлично спасал зимними ночами, летом он доставлял неудобства. Конечно, я не прочь растаять в пылающем пламени желания, просто чистых ночных рубашек больше не осталось.

– Следов было много, саксоночка, только большинство из них лишь с одной стороны клетки. И так во всех клетках.

– Вот как? И что, по мнению Стерна, это означает?

– Ему в голову пришла отличная идея – положить рядом с клетками компас. Похоже, прыгая в клетках, птицы стремились на юго-восток – именно туда они летят с приходом осени.

– Очень любопытно. – Шее стало жарко, и я собрала волосы в хвост. – Но им еще рано переселяться на юг в конце лета, так ведь? И во время перелета ночью они отдыхают.

– Верно. Они как будто чувствовали неизбежность и притяжение перелета, и это не давало им покоя. Что самое странное, это были в основном молодые особи, которые еще никогда не совершали перелет и ни разу не бывали в месте своей зимовки. И все же их словно тянуло туда, и от этого они не могли уснуть.

Я пошевелилась, и Джейми убрал руку с моей ноги.

– *Zugunruhe*, – тихо произнес он, водя пальцем по влажному следу, который остался на коже.

– Что это?

– Так Стерн назвал это явление – бессонница у юных особей птиц перед дальним полетом.

– Это слово означает что-то конкретное?

– Да. «*Ruhe*» по-немецки – спокойствие, отдых, а «*zug*» – что-то вроде путешествия. То есть «*Zuginruhe*» – беспокойство, тревога перед дальней дорогой.

Я перекадилась ближе к Джейми и нежно уткнулась лбом ему в плечо. Сделала вдох, как будто смаковала тонкий аромат дорогой сигары.

– *Eau de homme*?^[43]

Он поднял голову, с сомнением понюхал и сморщил нос.

– Скорее *eau de chevre*^[44], – ответил он. – А может, и хуже. Интересно, во французском есть слово «скунс»?

– *Le Pew*^[45], – хихикая, предложила я.

Птицы пели всю ночь.

Глава 108

Tulach ard

Октябрь 1772 года

Джейми улыбнулся и кивнул куда-то назад.

– Смотрю, сегодня у нас есть помощник.

Роджер обернулся и увидел, как за ними ковыляет Джемми. Сосредоточенно нахмутив светлые брови, он обеими руками прижимал к груди камень размером с кулак. Роджер едва не рассмеялся, но вместо этого присел на корточки, чтобы подождать, пока мальчик их догонит.

– Это для нового свинарника, мой рыжий малыш?

Джемми с важным видом кивнул. Утром было еще прохладно, но его щеки горели от прилагаемых усилий.

– Спасибо, – серьезно сказал ему Роджер и протянул руку. – Отдашь мне?

Джемми яростно покачал головой, тряся густой челкой.

– Я сам!

– Идти далеко, дружок, – сказал Джейми. – Разве мама не будет по тебе скучать?

– Нет!

– Твой дедушка прав, сынок, ты нужен мамочке. – Роджер потянулся за камнем. – Давай-ка я возьму...

– Нет! – Джемми прижал камень к своей блузе, будто защищая его, и упрямо поджал губы.

– Ты не можешь... – начал было Джейми.

– Идти!

– Нет, я сказал, что ты должен...

– ИДТИ! – потребовал Джемми.

– Послушай, дружочек... – одновременно заговорили Джейми и Роджер, потом замолчали, переглянулись и засмеялись.

– Где же мамочка? – попробовал Роджер другую тактику. – Она будет волноваться.

Малыш резко покачал рыжей головой.

– Клэр сказала, они сегодня собирались заняться лоскутными одеялами, – сообщил Джейми Роджеру. – Марсали принесла выкройку;

наверное, уже начали шить. – Он присел на корточки рядом с Роджером и посмотрел в глаза внуку. – Значит, ты убежал от мамы?

С решительно сжатых розовых губок сорвался смех.

– Так я и думал, – сдался Роджер. – Давай-ка пошли обратно в дом. – Он встал и, раскачивая, поднял малыша на руки.

– Нет, нет! НЕТ! – Сопrotивляясь, Джемми больно уперся ногами в живот Роджеру и весь прогнулся, как лук для стрельбы. – Помогите мне! ПОМОГИТЕ!

Пытаясь расслышать собственные увещевания сквозь рев Джемми, Роджер не сразу услышал крики со стороны дома. Когда он наконец закрыл широко раскрытый рот своего отпрыска рукой, то среди деревьев отчетливо стали слышны женские вопли: «Дже-е-е-емми-и-и-и-и!»

– Вот, миссис Лиззи уже тебя ищет, – показал Джейми в ту сторону, откуда шел звук.

– И не только Лиззи, – добавил Роджер. Крик повторялся на разные голоса. – Судя по всему, еще и мама, и бабушка Клэр, и бабушка Баг, и тетя Марсали. Ох, как они тобой недовольны, малыш.

– Тогда лучше отвести его обратно. – Джейми с сочувствием посмотрел на внука. – Теперь тебя точно отшлепают, дружок. Женщины не любят, когда от них убегают.

От такой угрожающей перспективы Джемми выронил камень и крепко прижался к Роджеру, обхватив его руками и ногами.

– Хочу с тобой, папа, – начал упрашивать он.

– Но мама...

– НЕ ХОЧУ К МАМЕ! С папой!

Роджер погладил Джемми по спине, маленькой, но крепкой. Его грязная блуза была порвана. Роджер разрывался, ведь Джем впервые так определенно предпочел остаться с ним, а не пойти к Бри, и, надо признать, это ему льстило.

– Может, возьмем его? – обратился он к Джейми поверх головы малыша, который доверчиво уткнулся ему в плечо. – Только на утро, а в полдень я отведу его обратно.

– Конечно. – Джейми улыбнулся внуку, подобрал упавший камень и вернул его Джемми. – Строить свинарник – настоящая мужская работа, да? Никаких красивых нарядов и болтовни, как любят женщины.

– Кстати, о болтовне... – Роджер кивнул в сторону дома, откуда теперь доносились определенно сердитые, с ноткой паники крики «ДЖЕ-ЕММИ-И-И-И!». – Надо сказать им, что Джемми с нами.

– Я схожу. – Джейми со вздохом сбросил с плеч вещевой мешок. – Ты

теперь мой должник, малыш. Когда женщины недовольны, они отыгрываются на первом попавшемся мужчине, и не важно, виноват он или нет. Вполне возможно, что отшлепают меня. – Он закатил глаза, затем улыбнулся Джемми и быстрым шагом направился к дому.

Мальчик хихикнул:

– Деда отшлепают!

– Тише ты, маленький негодник. – Роджер легонько шлепнул его и поставил мальчика на землю. – Тебе не нужно на горшок? – машинально спросил он, используя выражение Брианны.

– Нет, – так же машинально ответил Джем, но начал мять между ног. Отец взял его за руку и увел с тропы за ближайший куст.

– Давай-ка попробуем, пока ждем деда.

* * *

Хотя негодующие крики вышедших на поиски женщин давно стихли, Джейми вернулся не скоро. «Если его и правда отшлепали, – усмехнулся про себя Роджер, – то ему это явно понравилось». На высоких скулах Джейми розовел румянец, и он излучал едва заметное, но определенное чувство удовлетворения.

Однако этому вскоре нашлось объяснение: из-под рубахи Джейми вытащил сверток и, развернув льняное полотенце, показал Роджеру шесть свежих лепешек, еще теплых, сочащихся маслом и медом.

– Наверное, миссис Баг приготовила их для кружка рукодельниц, – сказал Джейми, раздавая добычу. – В миске оставалось еще много теста, вряд ли они хватятся.

– Если хватятся, я свалю все на вас, – заверил его Роджер, вытирая каплю теплого меда, скатившуюся по руке.

– Что, сдашь меня инквизиции? – весело прищурил голубые глаза Джейми, вытирая крошки со рта. – Я разделил с тобой награбленное – и вот как ты меня благодаришь!

– Вас спасет ваше доброе имя, – усмехнулся Роджер. – После происшествия с коричневым тортом на прошлой неделе нам с Джемом больше не доверяют, но в вас бабуля Баг ничуть не сомневается. Можете съесть все, что лежит в кладовой, она вам и слова не скажет.

Джейми облизал губы с самодовольством человека, который всегда на хорошем счету у миссис Баг.

– Да, может, и так, – признался он. – Но если планируешь все свалить

на меня, перед возвращением не забудь стереть улики с малыша.

Джемми так увлеченно наслаждался лакомством, что теперь все лицо блестело от масла, на рубахе остались янтарные потеки от меда, а в волосах, похоже, застряло несколько комков наполовину пережеванной лепешки.

– Черт, как ты умудрился так быстро заляпаться? Ты только посмотри на свою рубашку! Твоя мама прибьет нас обоих. – Роджер взял полотенце и попытался вытереть блузу Джемми, но лишь больше растер по ней мед.

– Не волнуйся, – успокоил его Джейми. – К концу дня будет такой грязный, что пару лишних крошек его мама и не заметит. Осторожно, дружок! – Он быстро схватил отвалившуюся половину последней лепешки, которую мальчик попытался засунуть в рот целиком. – Все-таки, пожалуй, немного обмоем его в ручье. Не хватало еще, чтобы свиньи учуяли запах меда.

Роджер понял, что Джейми не шутил насчет свиней, и немного встревожился. В лесу часто видели и слышали, как свиньи копаются в опавшей листве под дубами и тополями в поисках пропитания или блаженно хрюкают над обнаруженными залежами каштанов. В это время года им легко найти еду, поэтому свиньи не представляют угрозы для взрослого человека. Но вот маленький мальчик, от которого пахнет сладким... Люди думают, что свиньи питаются только кореньями и орехами, однако Роджер прекрасно помнил, как несколько дней назад увидел огромную белую свиноматку, которая с безмятежным видом что-то громко пережевывала. Из пасти у нее торчал облезлый и окровавленный хвост опоссума.

– Тогда идем, – кивнул Роджер. – Мамочке не понравится, если тебя съест свинья.

* * *

Рядом с каменным столбом лежали колья для ограждения. Роджер нашел подходящий короткий обломок, которым можно приподнять большой кусок гранита настолько, чтобы потом взяться за него снизу двумя руками. Сидя на корточках, он подтащил его к себе на колени и очень медленно поднялся, распрямляя спину по одному позвонку и впиваясь пальцами в поросшую лишайником поверхность. Обмотанная вокруг головы тряпка промокла насквозь, и пот потек по лицу. Роджер качнул головой, чтобы смахнуть режущие глаза капли.

– Папа, папочка!

Джемми вдруг начал дергать его за штаны, и Роджер, сморгнув пот, широко расставил ноги, чтобы не потерять равновесие и не уронить тяжелый камень.

– Чего, малыш?

Джемми крепко держался за него обеими руками и смотрел куда-то в сторону леса.

– Папа, свинья, – прошептал он. – *Большая* свинья.

Роджер проследил за взглядом мальчика и замер.

Футах в восьми от них стоял огромный черный кабан. Более трех футов в холке и весом фунтов в двести^[46], а то и больше, с желтыми изогнутыми клыками длиной с руку Джемми. Кабан поднял голову и водил влажным рылом так, будто проверял, есть ли вблизи еда.

– Вот дерьмо, – вырвалось у Роджера.

Джемми, который обычно ловил каждое грубое слово, слетевшее с языка, и радостно повторял его, теперь лишь крепче вцепился в ногу отца.

Мысли в голове Роджера неслись, как грузовые вагоны. Вдруг кабан нападет, едва он пошевелится? Но ему надо пошевелиться, мышцы рук уже дрожали от напряжения. Хотя Джемми сполоснули в ручье, вдруг мальчик пахнет или выглядит как нечто, входящее в кабанье меню?

Среди путаницы мыслей Роджер выбрал одну разумную.

– Джем, – очень тихо сказал он, – встань за мной. *Живо*.

Темные глазки сфокусировались, и кабан сделал несколько шагов вперед, неся свою угрожающую тушу на смехотворно маленьких и изящных копытцах.

– Ты видишь дедушку, Джем? – спросил Роджер, не повышая голоса. Руки горели огнем, локти будто зажали тисками.

– Нет, – прошептал Джемми. Роджер чувствовал, как малыш все сильнее прижимается сзади к его ногам.

– Он пошел к ручью и будет возвращаться с той стороны. Повернись и посмотри.

Кабан держался настороженно, но без опаски. Вот что бывает, когда на них мало охотятся. Надо убивать несколько хотя бы раз в неделю – это будет наглядным уроком всем остальным кабанам.

– Деда! – раздался визгливый от страха голос Джемми.

Кабан ошетинился и опустил голову, жесткая шерсть вдоль позвоночника встала дыбом, мышцы напряглись.

– Беги, Джем! – крикнул Роджер. – Беги к деду!

Кровь резко наполнилась адреналином, и камень вдруг показался

невесомым. Роджер бросил его в нападающего кабана и попал по лопатке. Тот удивленно запыхтел, споткнулся, а потом, раскрыв пасть, с ревом бросился на Роджера, щелкая клыками.

Роджер не мог дернуться в сторону и дать кабану пронестись мимо, ведь Джем не успел отбежать далеко. Он изо всех сил ударил кабана в челюсть и кинулся на него, пытаясь схватить за шею.

Крепко взяться за жесткую шерсть мускулистого кабана не получилось, и пальцы соскользнули. Черт, все равно что сражаться с живым мешком цемента!.. Роджер ощутил на ладони что-то теплое и влажное и отдернул руку – неужели кабан его ранил? Боли не чувствовалось. Может, просто слюна из щелкающих челюстей, а может, кровь из пореза. Проверять некогда. Роджер слепо замолотил руками, ухватился за мохнатую ногу и с силой дернул.

Кабан повалился на бок с изумленным визгом. Роджер упал на ладони и одним коленом ударился о камень. Ногу от щиколотки до промежности пронзило болью, и, оцепеневший от шока, он невольно сжался в комок.

Кабан поднялся и, хрюкнув и ошетилившись, отряхнулся, но смотрел в другую сторону. С шерсти полетела пыль, и Роджер увидел его свернутый в спираль хвост, туго прижатый к задю. Через секунду кабан обернется, распотрошит его от горла до кишок и растопчет останки. Роджер схватился за камень, но тот оказался куском грязи и рассыпался у него в руке.

Слева слышались топот и прерывистое дыхание бегущего человека, затем раздался истошный крик:

– *Tulach Ard! Tulach Ard!*^[47]

Услышав вопль Джейми, кабан с фырканием развернулся навстречу новому противнику, в ярости разинув пасть и вытаращив покрасневшие глаза.

В руке Джейми держал кинжал – Роджер увидел, как блеснул металл, когда Джейми, широко им размахивая, пошел на кабана. Нож? Он хочет побороть кабана с *ножом*?

«Да у него крыша поехала ко всем чертям», – пронеслась отчетливая мысль в голове Роджера.

– Не поехала, – тяжело дыша, отозвался Джейми, и Роджер понял, что сказал это вслух.

Джейми пригнулся и, балансируя на пальцах ног, протянул Роджеру свободную руку, не отводя взгляда от кабана. Тот замер и, роя землю копытами и лязгая зубами, вращал головой, глядя то на Роджера, то на Джейми, будто прикидывая шансы.

– *Bioran!*^[48] Кол, копье – давай сюда!

Копье... обломок кола для ограждения. Онемевшая нога еще не слушалась, но Роджер сумел сдвинуться с места. Он бросился в сторону, схватил зазубренную деревяшку и снова плюхнулся на зад, выставив ее перед собой в виде штыка острым концом к противнику.

– *Tulach Ard!* – проревел он. – Иди сюда, жирный ублюдок!

Кабан на мгновение отвлекся. Джейми бросился на врага и ударил кинжалом между лопаток. Раздался пронзительный визг, и кабан завертелся, из глубокого пореза хлынула кровь. Джейми отскочил в сторону, споткнулся обо что-то, упал и заскользил по траве и грязи, выпустив из руки нож.

Кинувшись вперед, Роджер изо всех сил воткнул импровизированное копье прямо под хвост кабана. Животное с пронзительным криком подпрыгнуло. Копье задергалось в руках, грубая кора содрала кожу с ладоней. Роджер покрепче ухватился за него и сумел удержать, когда кабан рухнул на землю, яростно извиваясь и щелкая зубами. Он ревел и разбрасывал грязь во все стороны, из ран хлестала кровь.

Джейми, весь в грязи, с криком встал, поднял еще один деревянный кол и, мощно замахнувшись, ударил пытавшегося встать на ноги кабана по голове – с таким треском, будто в руках у него была бита. Ошарашенная зверюга хрюкнула и осела.

Услышав визгливый крик, Роджер развернулся. Джейми обеими руками занес опасно подрагивающий дедушкин кинжал над головой и нетвердой походкой двинулся на кабана с багровым от безумной решимости лицом.

– Джем! – крикнул Роджер. – Назад!

Кабан сзади него громко хрюкнул, а Джейми что-то прокричал. Не обращая внимания, Роджер бросился к сыну, однако заметил какое-то движение в лесу позади Джейми и поднял взгляд. Серое пятно стелилось по земле и двигалось так быстро, что он едва уловил его очертания.

– Волки! – крикнул он Джейми, подумав, что волки вдобавок к кабану – это уже чересчур. Роджер выхватил нож из рук Джейми и прикрыл мальчика собой.

Он прижался к земле, чувствуя, как отчаянно извивается под ним Джейми, и с необъяснимым спокойствием стал ждать. Клыки или зубы?

– Все хорошо, Джем. Не ерзай. Все хорошо, папа с тобой. – Его лоб был прижат к земле, а Джем спрятал голову в ложбинке его плеча. Одной рукой Роджер накрывал мальчика, а в другой крепко держал нож. Он съежился, ощущая, как уязвима сейчас его шея, но не мог повернуться,

чтобы ее защитить.

Было слышно, как воет волк, призывая своих сородичей. Кабан издавал какой-то невообразимый, продолжительный вопль, а запыхавшийся Джейми уже не мог кричать и вместо этого неразборчиво изрыгал тихие ругательства на гэльском.

Над головой раздался странный шум, а затем своеобразный глухой стук, после которого вдруг настала полная тишина.

Роджер изумленно приподнял голову и увидел кабана в нескольких футах от себя – у того отвисла челюсть, словно он был невероятно ошеломлен. Рядом с ним с таким же видом стоял покрытый с ног до головы кровавой грязью Джейми.

Передние ноги кабана подкосились, и он упал на колени. Его затрясло, глаза потускнели, и животное повалилось на бок. Из туши торчала стрела, хрупкая и незначительная по сравнению с размерами кабана.

Джемми извивался и плакал под Роджером. Он медленно поднялся и взял мальчика на руки. Роджер заметил, что руки у него трясутся, но чувствовал он себя на удивление спокойно. Ладони с содранной кожей щипало, колено пульсировало болью. Машинально поглаживая Джемми по спине, чтобы успокоить, Роджер посмотрел в сторону леса и увидел индейца с луком в руках.

В голове появилась смутная мысль – где же волк? Вот он, обнюхивает тушу кабана совсем рядом с Джейми. Странно – его тесть не обращал на волка никакого внимания. Он не отводил взгляда от индейца.

– Иэн, – тихо произнес Джейми, и сквозь потеки грязи, траву и кровь на лице проступило выражение невероятной радости. – О господи. Иэн.

Глава 109

Голос времени

Матери у Лиззи не было, так что «экипировкой» ее к свадьбе занимались все женщины в Ридже: собрали для нее юбки, ночные рубашки и вязанные чулки, а некоторые рукодельницы даже сшили из кусочков лоскутные одеяла. Когда верх был готов, все ходили в «Большой дом» смотреть на сам кропотливый процесс изготовления, сшивания верхней и нижней части, а затем набивки одеяла – чтобы оно было теплым, в ход пошло все, включая старые покрывала, коврики и счесанную шерсть.

На шитье мне обычно не хватало ни умений, ни терпения, зато у меня отлично получались маленькие аккуратные стежки. А самое главное, в моем распоряжении имелась большая светлая кухня, где можно было разложить основу одеяла, а также услужливая миссис Баг, которая снабжала рукодельниц чаем и бесконечными яблочными лепешками.

Мы как раз сшивали квадрат в светло-желтых и голубых тонах, узор которого составила миссис Эван Линдси, когда в дверях вдруг появился Джейми. В разгар беседы о храпе мужчин вообще и наших мужей в частности его почти никто не заметил, но я сидела лицом к двери. Он не зашел в комнату – видимо, не хотел отвлекать, – однако, поймав мой взгляд, кивком головы подозвал меня и пошел к своему кабинету.

Я глянула на Бри, которая сидела рядом со мной. Она тоже заметила Джейми и, удивленно подняв бровь, пожала плечами. Я быстро завязала узел на нитке, скрыв его под слоем ткани, закрепила иглу в верхней части одеяла и, пробормотав извинения, встала из-за стола.

– Давай ему пиво на ужин, – советовала миссис Чишолм миссис Аберфильд. – Побольше давай и хорошенько разбавляй водой. Тогда ему придется каждые полчаса вставать в туалет, и он не успеет расхрапиться так, что затрясется крыша.

– Да пробовала я уже, – возразила миссис Аберфильд. – Только потом, когда он возвращается в кровать, ему хочется... ну... – Она густо покраснела, а все женщины захихикали. – В итоге сплю я еще меньше, чем когда он храпит!

Джейми ждал меня в коридоре. Как только я вышла, он схватил меня за руку и вывел наружу через парадную дверь.

– Что... – начала было я и вдруг увидела на крыльце высокого индейца. – Что... – повторила я, и он встал и с улыбкой повернулся ко мне.

– Иэн! – закричала я и бросилась его обнимать.

Он был худым и крепким, точно высушенный на солнце кусок сыромятной кожи, от одежды пахло сыростью леса и землей, а еще дымом и запахом тел из общего вигвама. Я выпустила Иэна из объятий и, вытерев глаза, посмотрела на него, и тут в мою ладонь ткнулся холодный нос, отчего я опять вскрикнула.

– Ты! Я и не думала снова тебя увидеть! – Радость переполняла меня, и я кинулась чесать Ролло за ушами. Он коротко гавкнул, вытянул передние лапы и так же радостно завилял хвостом.

– Собачка! Собачка-собачка! Сюда, собачка! – Джемми выбежал из своей хижины с мокрыми волосами и понесся к Ролло настолько быстро, насколько позволяли его маленькие ножки. Ролло помчал к нему и, столкнувшись с Джемми на середине пути, сбил его с ног. Мальчик радостно завизжал.

Я испугалась, что Ролло, который все-таки был наполовину волком, увидел в Джемми добычу, но тут же стало ясно, что эти двое просто увлеклись полной восторгов игрой. Однако материнский радар Брианны уловил крики, и она выбежала на улицу.

– Что тут... – Она заметила барахтанье в траве и не договорила. Иэн подошел к ней, обнял и поцеловал. Заслышав ее крик, на крыльцо высыпали и все те, кто занимался шитьем одеяла, начались вопросы, восклицания и крики.

Среди образовавшегося столпотворения я вдруг заметила непонятно откуда появившегося Роджера со свежей царапиной на лбу, синяком под глазом и в чистой рубашке. Я глянула на Джейми, который стоял рядом со мной и с широкой улыбкой наблюдал за происходящим. У него рубашка, напротив, была не просто грязная, а порванная спереди и с огромной дырой на рукаве. На ткани были пятна от грязи и крови, хотя свежих ран у него я не заметила. Если учесть вымытые волосы Джемми, который тоже выбежал в чистой рубашке – и уже успел ее запачкать, – все это было крайне подозрительно.

– Вы вообще чем занимались? – спросила я.

– Неважно, саксоночка, – покачал головой Джейми, по-прежнему улыбаясь. – Правда, тебе придется разделать кабана – займешься, как будет время.

Я раздраженно заправила назад локон волос.

– Это что, местный вариант традиции убивать откормленного теленка в честь возвращения блудного сына? – кивком показала я на Иэна, которого полностью окружила толпа женщин. Лиззи повисла у него на руке; ее

бледное лицо светилось от радости. Заметив это, я слегка встревожилась.

– Иэн пришел с друзьями? Или, может, с семьей? – Он говорил, что его жена ждет ребенка, а это было почти два года назад. Если все прошло хорошо, то малыш должен быть уже достаточно взрослым, чтобы уметь ходить.

– Нет, он один. Не считая пса, конечно, – добавил Джейми, показывая на Ролло, – тот лежал на спине, задрал лапы кверху, и радостно извивался под повалившимся на него Джемми.

– Что ж, ладно. – Я пригладила волосы и перевязала ленту, думая, что теперь делать с рукодельницами, кабаном и праздничным ужином, хотя о последнем наверняка позаботится миссис Баг.

– Иэн к нам надолго?

Джейми сделал глубокий вдох и положил руку мне на спину.

– Навсегда, – ответил он полным счастья голосом, но почему-то с удивившим меня оттенком грусти. – Иэн вернулся домой.

* * *

Когда мы закончили с разделыванием кабана, шитьем одеяла и ужином, а гости ушли с запасом новых сплетен, было уже очень поздно. Хотя информации для сплетен оказалось не так уж много – Иэн держался со всеми дружелюбно, но был немногословен и мало чего рассказал о своем путешествии с севера, умолчав о причинах своего возвращения.

– Иэн тебе что-нибудь рассказал? – спросила я у Джейми, застав его в одиночестве в кабинете перед ужином.

Он покачал головой:

– Очень мало. Только то, что вернулся и останется.

– Может, с его женой случилось что-то плохое? Или с ребенком? – Я ощутила сильную тревогу – и за Иэна, и за симпатичную хрупкую девушку из племени моговков по имени Вакио’тейеснонса – «Работающая своими руками». Иэн называл ее Эмили. Смерть в родах случалась часто даже у индейцев.

Джейми снова покачал головой, вид у него был серьезный.

– Думаю, дело именно в этом. Иэн ни слова про них не сказал, и у него взгляд человека, который многое пережил.

В дверях вдруг появилась Лиззи со срочным сообщением от миссис Баг насчет подачи ужина, и мне пришлось уйти. Направляясь за Лиззи на кухню, я не могла отделаться от мыслей о том, что для нее значило

возвращение Иэна, особенно если мы были правы в своих предположениях насчет его жены.

Лиззи вроде как была влюблена в Иэна и долго тосковала по нему, когда он решил уйти. Но прошло уже два года, а за два года многое может измениться, особенно в жизни молодых людей.

Я знала, что имел в виду Джейми, говоря о взгляде Иэна, – он уже не был тем жизнерадостным импульсивным парнишкой, которого мы оставили у могавков. В Лиззи тоже мало чего осталось от робкой мышки, которая смотрела на него обожающим взглядом.

Робкая Лиззи теперь была невестой Манфреда Макгилливрея. Хорошо еще, что ни Уте Макгилливрей, ни ее дочерей не было среди занятых одеялом рукодельниц. Если повезет, то о возвращении Иэна не будут слишком много болтать.

– Ты точно согласен здесь спать? – с сомнением спросила я у Иэна. Он вежливо отказался от предложений мистера Уэмисса, готового уступить Иэну свою кровать, и миссис Баг, которая хотела соорудить ему уютную соломенную постель у кухонного очага, так что я постелила несколько одеял на смотровой стол и положила подушку на гусином пухе.

– Конечно, не против, тетя, – улыбнулся он мне. – Нам с Ролло где только ни приходилось ночевать. – Иэн потянулся, зевнул и поморгал. – Боже, я целый месяц не ложился спать позже заката.

– А вставал, наверное, с рассветом. Поэтому я и подумала, что тебе будет лучше здесь, – никто не побеспокоит, если захочешь поспать подольше.

Иэн рассмеялся:

– Только оставь окно открытым, чтобы Ролло мог выйти, когда ему захочется. Хотя он, похоже, не прочь поохотиться и внутри.

Ролло сидел посреди комнаты, в предвкушении задрал морду и не сводя по-волчьему желтых глаз с верхнего шкафчика. Из-за дверцы раздавался низкий гул, будто кипящая вода бурлила в чайнике.

– Я бы поставил на кота, Иэн, – сказал Джейми, зайдя в приемную. – Малыш Адсо очень уверен в себе. На прошлой неделе я видел, как он гонял лису.

– Ну конечно, лиса убегала вовсе не потому, что ты гнался за ней с ружьем, – заметила я.

– Вот именно, все дело в этом *cheetie*^[49], – с улыбкой подтвердил Джейми.

– *Cheetie*, – тихо повторил Иэн. – Как же здорово снова говорить на шотландском, дядя!

– Еще бы, *a mhic a pheathar*^[50], – также тихим голосом сказал Джейми. – Наверное, совсем забыл гэльский?

– *'S beag 'tha fhios aig fear a bhaile mar 'tha fear na mara bèò*, – без запинки ответил Иэн. Это было известное выражение: «На суше не знают, каково живет моряку».

Джейми засмеялся – довольно и удивленно, а Иэн широко улыбнулся ему в ответ. Лицо его стало темно-коричневым, от носа к скулам полумесяцами шли линии точек – татуировки могавков, – однако на мгновение я заметила в его карих глазах озорство и снова увидела знакомого нам парнишку.

– Я мысленно проговаривал слова, – сказал он. – Смотрел на что-то и говорил сам себе: – «*Avbhar*», «*Coire*», «*Skirlie*»^[51], – чтобы не забыть... Ты ведь велел мне, дядя, не забывать.

Джейми сморгнул слезы и откашлялся.

– Верно, Иэн. И я рад, что ты помнишь. – Он сжал плечо Иэна, и тогда они крепко обнялись, молча похлопывая друг друга по спине.

Когда я вытерла слезы и высморкалась, мужчины уже разомкнули объятия и продолжили беседу как ни в чем не бывало, делая вид, что не замечают проявлений моей женской сентиментальности.

– Латынь, правда, немного забросил, – хрипловато произнес Иэн.

– Да, вряд ли у тебя была возможность попрактиковаться в этом языке, – сказал Джейми и, улыбаясь, утер нос рукавом рубашки. – Разве что мимо проходил бы какой-нибудь иезуит...

После этих слов Иэн как-то странно посмотрел на него. Он перевел взгляд с Джейми на меня, а потом посмотрел на вход в приемную – убедиться, что там никого нет.

– Ну, не совсем так, дядя.

Иэн тихо подошел к выходу, выглянул в коридор и осторожно закрыл дверь, после чего вернулся к столу. В Ридж он явился с небольшой кожаной сумкой на поясе, в которую, похоже, уместилось все его имущество, если не считать ножа, лука и колчана. Сумка лежала в стороне; теперь Иэн взял ее и, покопавшись внутри, извлек маленькую книгу в кожаном переплете. Он подал книгу Джейми, и тот принял ее с удивленным взглядом.

– Когда я... в общем, прямо перед уходом из Снейктауна старуха Тевактеньон дала мне эту книжечку. Я и раньше ее видел. Эмили... – Иэн замолчал, откашлялся и ровным голосом продолжил: – Эмили выпросила у меня страницу, чтобы отправить вам записку и сообщить, что у нас все в порядке. Вы ее получили?

– Да, получили, – подтвердила я. – Джейми потом переслал ее твоей матери.

– Правда? Вот и хорошо. Надеюсь, она будет рада моему возвращению.

– Готов поставить что угодно, – заверил его Джейми. – Но что это за книга? – Он удивленно изогнул брови. – Похожа на молитвенник священника.

– Похожа, – кивнул Иэн, почесывая комариный укус на шее. – Но это не молитвенник. Открой ее.

Я подошла к Джейми поближе и заглянула через его плечо. Из начала был выдран чистый лист и торчали оборванные клочки бумаги. Не было ни заглавия, ни печатного текста. Страницы были исписаны черными чернилами – кажется, это что-то вроде личного дневника.

Вверху первой страницы крупными неровными буквами, похожими на каракули, было написано:

«Ego sum».

«Я есть».

– Значит, ты есть? – прошептал Джейми. – И кто ты тогда?

Через полстраницы запись продолжилась. Буквы стали мельче и аккуратнее, хотя выглядели все равно как-то странно.

«Prima cogitatio est...»

– «Первое, что приходит мне в голову», – вслух перевел Джейми.

«Я есть, я все еще существую. Существовал ли я там, в промежутке? Видимо, да, раз я помню об этом. Позже я постараюсь описать, сейчас не подберу подходящих слов. Я очень болен».

Буквы были маленькими и округлыми, написаны без соединения. Видно, что писавший пытался быть аккуратным, но слова все равно пьяно шатались по странице, а строчки съезжали кверху.

Следующая страница уже была исписана опрятно, буквы выровнялись, как и состояние автора.

«Ibi denuum locus...»

Это то самое место. Конечно это оно. И время тоже нужное, я точно знаю. Деревья, кусты стали другими. К западу отсюда был расчищенный участок, а здесь все поросло лавром. Встав в круг, я видел большую магнолию; теперь на ее месте появился молодой дуб. Звуки изменились. Не слышно шума дороги и машин вдали. Только громкое пение птиц. Ветер.

Голова все еще кружится. В ногах слабость. Подняться пока не могу. Проснулся у стены, где змея поедала свой хвост. Видимо, я отполз туда,

потому что одежда в грязи, а на руках царапины. Проснувшись, я лежал на месте и был слишком слаб, чтобы встать. Сейчас мне лучше. Я по-прежнему слаб и болен, тем не менее безмерно счастлив. Сработало. Нам удалось».

– «Нам»? – спросила я, изумленно глядя на Джейми. Он пожал плечами и перевернул страницу.

«Камень исчез. В кармане только пятно копоти. Значит, Рэймонд прав. Это был маленький необработанный сапфир. Надо не забыть все записать ради тех, кто, возможно, придет за мной».

По спине пробежала дрожь, словно от дурного предчувствия, волосы встали дыбом. «Ради тех, кто придет за мной». Почувствовав непреодолимое желание прикоснуться к книге, я машинально протянула руку. Мне надо было дотронуться до него, войти в контакт с пропавшим автором этих слов.

Джейми с любопытством посмотрел на меня. Я с трудом заставила себя убрать руку и сжала ее в кулак. Джейми перевел взгляд обратно на книгу, как будто она притягивала и его.

Теперь я поняла, что так поразило меня в этих буквах. Если бы они были написаны пером, даже самым качественным, то цвет слов был бы неровным – темнее, когда перо только что обмакнули в чернила, и тусклее через некоторое время. Здесь же каждая буква была выведена тонкой и твердой линией черных чернил одного оттенка, волокна страницы немного вдавлены. Перо не оставляет таких следов.

– Шариковая ручка, – сказала я. – Он писал шариковой ручкой. Господи.

Видимо, я побледнела, потому что Джейми собрался закрыть книгу, но я покачала головой и показала, чтобы он читал дальше. Джейми с сомнением нахмурился и все же снова обратился к книге. Она полностью завладела его вниманием, и, посмотрев на написанное на следующей странице, он удивленно поднял брови.

– Смотри-ка. – Джейми повернул книгу ко мне и показал на одну строчку. Слова были латинскими, как и в остальных записях, однако вперемешку с другими неизвестными словами – длинными и странными на вид.

– Язык могавков? – Джейми оторвал взгляд от книги и посмотрел на Иэна. – Это точно из языка индейцев. Может, из алгонкинского?

– «Сильный Дождь», – тихим голосом ответил Иэн. – Это Ганьенгэхака, дядя, язык могавков. Сильный Дождь – чье-то имя. Там и другие имена – Выносливый Путешественник, Шесть Черепах и

Говорящий с Духами.

– Я думал, у могавков нет письменного языка, – удивился Джейми.

– Ты прав, дядя. Но кто-то записал это, – Иэн кивком показал на страницу, – и если произнести слова... – Он пожал плечами. – Это точно имена могавков.

Джейми пристально посмотрел на него, затем молча перевел взгляд на книгу и продолжил переводить:

«Один сапфир был у меня, а другой у Сильного Дождя. У Говорящего с Духами был рубин, Выносливый Путешественник взял алмаз, а Шесть Черепашек – изумруд. Мы не знали, как изобразить диаграмму – по четырём направлениям компаса или в виде пятиугольника. Но раз нас, поклявшихся на крови, было пятеро, мы выложили ее с пятью оконечностями».

Между этим и следующим предложением осталось небольшое пространство, а почерк изменился, став ровным и уверенным, словно автор вернулся к написанию уже позже.

«Ходил посмотреть. От круга не осталось и следа. Наверное, какое-то время я провел без сознания – мы выложили круг прямо у входа в расщелину, но следов того, как я полз или катился до того места, где затем проснулся, нет, хотя в пыли остались следы от дождя. Одежда промокла, только я не знаю, от дождя ли это или от утренней росы, а может, я вспотел – когда я проснулся, солнце стояло высоко и сильно пригревало. Хочется пить. Так я отполз от расщелины и потом потерял сознание? Или меня отбросило силой перемещения?»

Я увидела, как Иэн смотрит на меня своими полными задумчивости карими глазами.

– Да, – прямо сказала я в ответ на его взгляд. – И я, и Брианна с Роджером.

Джейми заметил выражение наших с Иэном лиц, протянул руку и положил ее поверх моей.

– И много ты здесь разобрал, дружище? – спокойно спросил он.

– Довольно много, дядя, – ответил Иэн, не отводя от меня взгляда. – Не все, – его губ коснулась улыбка, – да и с грамматикой были трудности, но, думаю, я понял. А ты?

Непонятно, кому он задал этот вопрос, мне или Джейми. Мы оба молча переглянулись, а потом я снова посмотрела на Иэна и кивнула. Джейми тоже кивнул. И крепче сжал мою руку.

– Ага-а. – Лицо Иэна выражало глубокое удовлетворение. – Я так и знал, что ты не волшебница, тетя Клэр!

Иэн уже не мог сопротивляться сну и, зевая, наконец улегся, но перед этим схватил за загривок Ролло и держал его, пока я вызволяла из шкафчика шипящего Адсо. Бедняга кот распушился так, что стал в два раза больше. Я тоже взяла Адсо за загривок, чтобы он не распотрошил меня, унесла от греха подальше к нам в спальню, где бесцеремонно бросила его на кровать, а сама тут же повернулась к Джейми.

– Что было дальше? – спросила я.

Джейми уже зажигал новую свечу.

– Он не мог найти никого из своих друзей. Два дня обыскивал окрестности, звал их... Ни следа. Он был ужасно огорчен, но в итоге решил, что должен идти дальше, ведь ему нужна еда, а с собой только нож и немного соли. Ему надо было охотиться или найти людей.

По словам Иэна, книгу ему дала Тевактеньон, наказав передать ее мне. Она сказала, что книга принадлежала мужчине по имени Зуб Выдры – члену моей семьи.

При этой мысли я почувствовала ледяное прикосновение к спине, которое не исчезло. Ощущение тревоги будто пришлось по моей коже касанием призрачных пальцев. Это и правда моя семья.

Я никак не могла описать особую близость между путешественниками во времени и действительно сказала, что Зуб Выдры, возможно, из «моей семьи». Я не встречалась с Зубом Выдры – по крайней мере лично, – но если он именно тот, кто я думаю, то это его голова погребена на нашем небольшом кладбище – вместе с серебряными пломбами.

Может, я наконец узнаю, кем он был на самом деле – и как его настигла такая ужасная кончина.

– Охотник из него был не очень, – хмуро буркнул Джейми. – Не мог даже бурундука в ловушку поймать – в самый разгар лета!

К счастью, Зуб Выдры разбирался в съедобных растениях и был ужасно доволен собой, опознав папайю и хурму.

– Опознал хурму, господи, тоже мне подвиг, – прокомментировала я. – Она же на вид как оранжевый мячик!

– А на вкус как содержимое ночного горшка, – добавил Джейми, который терпеть не мог хурму. – Впрочем, к тому времени он проголодался, а когда чувствуешь сильный голод... – Джейми замолчал и неслышно зашевелил губами, переводя дальше.

Какое-то время мужчина бродил по дикой местности – хотя «бродил»

не самое подходящее слово, ведь он выбрал конкретное направление, ориентируясь по солнцу и звездам. Странно, что же он искал?

В любом случае, в итоге он вышел к деревне. Он не знал языка жителей – «Да и откуда ему знать?» – удивился вслух Джейми, – но, судя по его словам, сильно расстроился, узнав, что женщины в той деревне готовят в чугунных котелках.

– Тевактеньон так и сказала! – перебила его я. – Когда она рассказывала мне о нем, – если только это тот самый человек, – добавила я для проформы, – то говорила, что он все повторял что-то про котелки, про ножи и ружья. Мол, индейцам... как же она выразилась?.. мол, индейцам надо «жить по заветам предков, иначе белый человек съест их заживо».

– Очень впечатлительный парень, – пробормотал Джейми, не отрываясь от книги. – И красноречивый.

Однако уже через пару страниц немного прояснилось, чем была вызвана странная озабоченность Зуба Выдры котелками.

– «Не получилось, – прочитал Джейми. – Слишком поздно».

Он выпрямился, посмотрел на меня и продолжил:

«Я не знаю, в каком я точно времени, и не смог бы узнать, даже если бы понимал их язык, – эти люди ведут отсчет лет незнакомым мне способом. Однако я уверен, что уже слишком поздно».

Прибудь я в нужное время, до 1650 года, в деревне, расположенной так далеко от моря, не было бы никакого чугуна. Здесь его широко применяют, значит, я опоздал как минимум лет на пятьдесят, а то и больше!»

Истина ввергла Зуб Выдры в глубокое уныние, и несколько дней он пребывал в полнейшем отчаянии. Затем, решив, что надо двигаться дальше, он взял себя в руки. И отправился на север в одиночестве, правда, жители деревни собрали ему в путь кое-какую еду.

– Не представляю, о чем он только думал, – заметил Джейми. – Но храбрости ему не занимать. Его друзья погибли или пропали, с собой ничего нет, он не знает, где находится, и все же идет дальше.

– Честно говоря, больше ему ничего не оставалось. – Я снова осторожно коснулась книги, вспоминая свои первые дни после прохождения сквозь камни.

Разница заключалась в том, что этот человек целенаправленно решил пройти через камни. Зачем и как он это сделал, пока было неизвестно.

Путешествующий в одиночку по дикой местности, Зуб Выдры, компанию которому составляла лишь эта маленькая книжечка, решил, что займет свои мысли, делая записи о путешествии, его целях и мотивах.

«Возможно, моя – то есть наша – попытка провалится. Сейчас мне

кажется вполне вероятным, что я просто погибну в этой глуши. Мысль о том, что о нашей доблестной попытке останутся записи, будет мне утешением, – только так я могу почтить память моих братьев и спутников в этом приключении».

Джейми прервался и потер глаза. Свеча прогорела, и от зевоты у меня так слезились глаза, что в мерцающем свете я едва могла разглядеть страницу, а от усталости кружилась голова.

– Давай остановимся, – сказала я и положила голову на крепкое плечо Джейми, от тепла которого мне стало спокойнее. – Я больше не могу, глаза слипаются, а торопить эту историю неправильно. Кроме того, – я зевнула так, что хрустнула челюсть и меня покачнуло, – Бри и Роджер, возможно, тоже захотят послушать.

Посмотрев на меня, Джейми широко зевнул, затем потряс головой и поморгал, будто удивленная сова, которую столкнули с ветки.

– Да, саксоночка, ты права. – Он закрыл книгу и аккуратно положил ее на столик у кровати.

Я даже не привела себя в порядок перед сном, а просто сняла одежду, почистила зубы и в рубашке забралась в кровать. Счастливо дремавший на подушке Адсо был явно недоволен тем, что мы присвоили себе его пространство, но после настойчивых требований Джейми сердито протопал к изножью кровати, где и повалился на мои ноги пушистым покрывалом.

Уже через пару минут Адсо забыл свою обиду, осторожно помял когтями простыни – и мои ноги – и убаюкивающе заурчал.

Его присутствие успокаивало меня почти так же, как тихий размеренный храп Джейми. Большую часть времени я чувствовала себя в безопасности здесь, в этом месте, которое стало моим домом, и радовалась тому, что я рядом с Джейми, несмотря ни на что. Но иногда я вдруг отчетливо осознавала масштабы пропасти, через которую прошла, ощущала головокружение при мысли о мире, в котором я родилась и который потеряла, и чувствовала себя очень одинокой. И напуганной.

Слова этого мужчины, его паника и отчаяние напомнили мне об ужасе и сомнениях, которые испытала я при прохождении через камни.

Я прижалась к моему спящему мужу, надежному и полному тепла, и слова Зуба Выдры будто проникли мне в голову – крик отчаяния звучал сквозь барьеры времени и языка.

К концу той страницы мелкие буквы латинских слов писали второпях, вместо некоторых были лишь точки, а окончания исчезли в безумных каракулях. В последних строках автор от безысходности забросил латынь и

перешел на английский.

«Боже, боже...

Где же они?»

* * *

Только во второй половине следующего дня мы сумели собрать вместе Брианну, Роджера и Иэна и уединиться в кабинете Джейми, не привлекая к себе нежелательного внимания. Прошлой ночью из-за волны накрывшей меня усталости после внезапного появления Иэна все казалось логичным. Однако утром, пока я занималась делами по дому, поверить в то, что дневник и правда существовал, а не приснился мне, становилось все труднее.

Но вот он, маленький, в крепком черном переплете, лежит на письменном столе Джейми. Вместе с Иэном Джейми все утро провел в кабинете, не отрываясь от перевода, и когда я присоединилась к нему, то по торчащим в разные стороны волосам Джейми можно было понять, что дневник либо невероятно увлек его, либо ужасно расстроил – а может, и то и другое.

– Я объяснил им, что это такое, – сразу сказал Джейми, кивнув в сторону Роджера и Бри, которые с серьезным видом сидели рядом на табуретах. Джемми не захотел оставаться без мамы и теперь играл под столом с ниткой резных деревянных четок.

– Вы дочитали до конца? – спросила я, присаживаясь на свободный стул.

Джейми кивнул и глянул на младшего Иэна, который не находил себе места и поэтому стоял у окна. Его волосы были коротко острижены, но взлохмачены почти так же, как у Джейми.

– Да. Целиком читать вслух не буду, пожалуй, начну с отрывка, где он решил записать все с самого начала.

Джейми отметил страницу клочком дубленой кожи, который обычно использовал в качестве закладки. Он открыл дневник, нашел нужное место и начал читать:

– «Имя, которым меня нарекли при рождении, – Роберт Спрингер. Я отказываюсь от этого имени и всего, что с ним связано, так как это горький плод многовековых убийств и несправедливости, символ воровства, рабства и притеснения...»

Джейми оторвался от чтения.

– Теперь понимаете, почему я не хочу читать все подряд? Очень уж утомительно.

Он провел пальцем по странице и продолжил:

– «В год Господа нашего – то есть их господа, Иисуса Христа, во имя которого они грабят и насилуют, и...» Дальше в том же духе. Потом он доходит до сути и говорит, что это тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год. Вы, я так понимаю, в курсе, о каких убийствах и грабежах идет речь? – обратился Джейми к Бри и Роджеру.

Бри подскочила, сжав руку Роджера.

– Мне знакомо это имя, – произнесла она так, будто запыхалась. – Роберт Спрингер. Я его знаю!

– самого Роберта? – спросила я, чувствуя, как по телу пробежала дрожь – то ли от волнения, то ли от ужаса, то ли просто от любопытства.

Брианна покачала головой.

– Нет, его я не знаю, мне знакомо его имя, оно попадалось в газетах. А ты не... – обратилась она к Роджеру, тот хмуро покачал головой. – Ну да, в Британии, наверное, об этом не слышали, но в Бостоне это вызвало большую шумиху. Если я не ошибаюсь, Роберт Спрингер был одним из Монтокской пятерки.

Джейми сжал переносицу.

– Какой-какой пятерки?

– Это такая... В общем, люди занимались этим, чтобы привлечь к себе внимание. – Брианна махнула рукой. – Не важно. Они были активистами Движения американских индейцев или, по крайней мере, начинали с этого, хотя даже для своей группы были чересчур ненормальными, словно у них не голова, а кочан капусты, так что...

– Капуста? Где капуста? – Разобрав единственное интересовавшее его слово, Джейми вылез из-под стола.

– Прости, малыш, не в этом смысле. – Бри попыталась найти, чем отвлечь Джейми, и в итоге сняла с руки серебряный браслет и отдала ему. Заметив, что отец и кузен сбиты с толку ее словами, она сделала глубокий вдох и начала сначала, стараясь подробно – иногда с моей и Роджера помощью – все объяснить и вкратце, пусть и сбивчиво, рассказывать, какая печальная судьба ждала американских индейцев в двадцатом веке.

– То есть этот Роберт Спрингер – своего рода индеец? В смысле, был индейцем в твоё время. – Джейми стукнул пальцами по столу и нахмурился, стараясь сосредоточиться. – Что ж, это соответствует его рассказу: он и его друзья не одобряли поведение тех, кого они называли «белыми». Видимо, это были англичане? Или европейцы?

– Ну да, правда, к тысяча девятьсот шестьдесят восьмому году они уже были не европейцами, а американцами, только индейцы-то были американцами раньше них и стали называть себя коренными американцами, и...

Роджер похлопал Брианну по колену, прерывая поток ее слов.

– Давай потом разберемся с историческими событиями. Что писали в газетах про Роберта Спрингера?

– Да. – Брианна нахмурилась и сосредоточилась. – Он исчез. То есть исчезла вся Монтокская пятерка. Они числились в розыске за какие-то взрывы, или угрозы, или что-то еще, уже не помню, и их арестовали, но затем выпустили под залог, и они вдруг все испарились.

– Видимо, так и было, – пробормотал младший Иэн, глянув на дневник.

– Газеты гудели целую неделю, – продолжала Брианна. – Другие активисты заявляли, что их убрали власти, чтобы на суде не всплыли какие-нибудь порочащие государство детали. Правительство, конечно, все отрицало. Тогда начались поиски. Кажется, я читала, что тело одного из пропавших обнаружили где-то в лесу в Нью-Гемпшире, или Вермонте, или вроде того, но причину смерти установить не смогли, а остальных пропавших так и не нашли.

– «Где же они? – тихо процитировала я запись из дневника, и волосы на шее встали дыбом. – Боже, где же они?»

Джейми с серьезным видом кивнул.

– Тогда, я думаю, это и есть Спрингер. – Он коснулся раскрытой страницы – как мне показалось, с уважением. – Он и его четверо напарников отрицали связь с миром белых и взяли себе имена своих настоящих предков – так он утверждает.

– И правильно, – тихим голосом сказал Иэн. Парень вел себя непривычно спокойно, и это снова напомнило мне, что последние два года он был могоавком, который отказался от крови белых, получил имя Брат Волка и стал одним из Стражей Западных Врат.

Я думала, что Джейми тоже заметил странное спокойствие Иэна, однако он не отрывал глаз от дневника и, медленно листая страницы, кратко пересказывал нам их основное содержание.

Роберт Спрингер – или Та'винеонавира, «Зуб Выдры», как он впоследствии себя называет – был связан со многими в тайном мире экстремистской политики и в еще более тайном мире, который он называл шаманством коренных американцев. Не знаю, насколько его действия соответствовали настоящим верованиям племен ирокезов, но Зуб Выдры

был уверен, что произошел от могавков и перенял от них те остатки традиций, которые смог обнаружить – или изобрести.

– «Впервые я повстречал Рэймонда на церемонии наименования».

Услышав это, я подскочила. Он уже упоминал Рэймонда в самом начале, но тогда я не обратила внимания на это имя.

– Он описывает этого Рэймонда? – настойчиво спросила я.

– Внешность – нет, – покачал головой Джейми. – Только упоминает, что Рэймонд был великим шаманом, который мог превратиться в птицу или животное, а еще проходить сквозь время.

– Не знаю, – сказала я. – Сначала мне показалось, что да, но теперь сомневаюсь.

– Ты о чем? – Брианна непонимающе смотрела то на меня, то на Джейми.

Я покачала головой и пригладила волосы.

– Не важно. В Париже я знала одного человека по имени Рэймонд... Но как он-то мог оказаться в Америке в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом?

– Ты ведь там была, верно? – заметил Джейми. – Ладно, пока отвлечемся... – Он вернулся к дневнику и почему-то перевел написанное дальше высокопарным языком: – «Заинтригованный Рэймондом, Зуб Выдры неоднократно встречался с этим человеком и приводил с собой несколько ближайших друзей. Постепенно зародился план – великий, отважный, поражающий своей задумкой».

– Сама скромность, – пробормотал Роджер.

– «Мы проходили проверку. Многие не справились, у меня получилось. Проверку прошли пятеро, которые слышали зов времени, пятеро, которые поклялись на крови, что мы пойдем на этот рискованный шаг, чтобы спасти наш народ от катастрофы. Чтобы переписать историю и исправить ошибки, чтобы...».

– Боже, – простонал Роджер. – Они что, планировали убить Христофора Колумба?

– Не совсем, – ответила я. – Он вроде хотел попасть в период до 1600 года. Ты не знаешь, что произошло в то время?

– Нет, – ответил Джейми, проводя рукой по волосам, – зато я отлично знаю, что он намеревался сделать. Отправиться в Лигу ирокезов и настроить их против белых поселенцев, которых в то время было еще очень мало. Индейцы с ирокезами во главе легко бы их прогнали.

– Ну, вряд ли он смог бы остановить европейцев, – возразила Брианна. – Их было слишком много. Он ведь не хотел, чтобы могавки

захватили Европу?

– Вот бы посмотреть! – широко улыбнулся Джейми. – Могавки показали бы этим саксонам. Увы, – с сарказмом добавил он и глянул на меня, – наш друг Роберт Спрингер был не настолько амбициозен.

Амбиций в плане Зуба Выдры и его напарников хватало, и возможно... лишь возможно... их план был выполним. Они не собирались полностью уничтожить поселения белых – им хватило ума сообразить, что это невозможно. Они хотели, чтобы индейцы отнеслись к белым настороженно и вели торговлю на *своих* условиях, проявляя власть.

– Они могли бы не давать белым селиться многочисленными группами. Не позволять им строить укрепления, иметь преимущество в численности и вооружении, заставить европейцев научить их обращаться с металлом.

– *Prometheus redux*^[52], – сказала я, и Джейми усмехнулся.

Роджер с некоторым восхищением покачал головой.

– План безумный, – заметил он, – однако нельзя не восхититься смелостью их Лиги. И он вполне мог бы сработать – *если бы* он сумел убедить ирокезов и *если бы* они начали действовать вовремя. Но все пошло не так. Он прибыл не в то время, слишком поздно, а потом осознал, что никто из его напарников не прошел туда вместе с ним.

Я заметила, что по рукам Брианны побежали мурашки и она вдруг посмотрела на меня с пониманием. Она представила, каково это – оказаться в чужом времени... в полном одиночестве...

Я улыбнулась ей и положила свою ладонь на руку Джейми. Он машинально накрыл мою руку своей и пожал.

– Верно. Роберт говорит, что готов был отчаяться, когда понял, что все пошло не так. Хотел вернуться, но драгоценного камня у него с собой уже не было, а этот Рэймонд сказал ему, что без защиты камня возвращаться нельзя.

– В итоге он все же нашел камень. – Я встала и достала с верхней полки большой необработанный опал. Сквозь вырезанную на поверхности спираль мерцал его внутренний огонь. – Вряд ли на свете есть много индейцев по имени Зуб Выдры, которые связаны со Снейктауном.

Тевактенъон, престарелая женщина из могавков и глава Собрания матерей, дала мне этот камень, когда мы отправились в Снейктаун, чтобы вытащить из плена Роджера. Она же рассказала мне историю Зуба Выдры и какой была его кончина. Я вздрогнула, хотя в комнате было тепло.

Тепло шло и от камня в моей руке, и я осторожно провела большим пальцем по вырезанной спирали. «Змея, поедающая свой хвост», – писал

он.

– Да, хотя здесь он об этом не упоминает. – Джейми откинулся назад и провел обеими руками по распущенным волосам, затем потер лицо. – История заканчивается просто. Роберт приходит к выводу, что должен осуществить свой план, хотя он один и не знает, в каком году находится.

Все замолкли, задумавшись о масштабах – и тщетности – подобного плана.

– Вряд ли он надеялся, что сработает, – хрипло сказал Роджер, и в его голосе прозвучала безнадежность.

Джейми покачал головой. Взгляд его голубых глаз был направлен куда-то далеко-далеко.

– Не надеялся. Вот что он написал тут в конце. – Джейми осторожно коснулся страницы. – Что тысячи людей погибли за свою свободу и еще больше погибнут в будущем. Что он, дорожа кровью своих предков, пройдет тот путь, по которому шли они, и погибнет в борьбе – о большем такой воин, как могавк, не может и просить.

Иэн позади меня вздохнул, а Брианна склонила голову, и яркие волосы скрыли ее лицо. Роджер с мрачным видом повернулся к ней, но я видела не их, а мужчину с раскрашенным черным лицом, который дождливой ночью пробирается сквозь лес, держа в руке факел, горящий холодным огнем.

Кто-то дернул меня за юбку, и видение исчезло. Рядом со мной стоял Джемми и тянул меня за руку.

– Что это?

– Что... а, это! Это камень, милый, красивый камень, видишь? – Я протянула ему опал.

Джемми взял его обеими руками и плюхнулся на пол, чтобы рассмотреть.

Брианна утерла нос рукой, а Роджер откашлялся с таким треском, будто рвалась ткань.

– Чего я не пойму, – мрачно сказал он, показывая на дневник, – так это какого черта он писал на латыни?

– Здесь объяснено. Он учил латынь в школе – может, это и настроило его против европейцев, – усмехнулся Джейми, глядя на младшего Иэна, который состроил гримасу в ответ, – и подумал, что если будет писать на латинском, то его дневник сочтут за молитвенник и не обратят на него никакого внимания.

– Ганьенгэхака так и подумали, – вставил Иэн. – Однако старая Тевактеньон сохранила дневник, и когда я... ушел, она отдала мне эту книжечку и велела передать ее тебе, тетя Клэр.

– Мне? – Я нерешительно протянула руку к дневнику и коснулась открытой страницы. К концу чернила стали заканчиваться, кое-где буквы были пропущены. Интересно, он выбросил ручку или сохранил ее, как бесполезное напоминание об исчезнувшем будущем? – Думаешь, она знала, что здесь написано?

В светло-карих глазах Иэна засела какая-то тревога. Раньше, будучи шотландцем, он не скрывал своих чувств.

– Она знала что-то – что именно, я не в курсе. Она сказала только, что я должен принести тебе эту книгу. – Иэн поколебался, переводя взгляд с меня на Брианну, а затем на Роджера. – Это правда, сестра? То, что ты рассказала про будущее индейцев?

Брианна посмотрела ему прямо в глаза и кивнула.

– Боюсь, что да, – прошептала она. – Мне очень жаль, Иэн.

Он лишь кивнул в ответ и потер переносицу костяшками пальцев, но меня это заставило задуматься.

Иэн не бросил своих родных, однако Ганьенгэхака тоже были его семьей. Несмотря на все то, что заставило его уйти от них.

Я хотела спросить Иэна про жену, как вдруг услышала Джемми. Он высунулся из-под стола со своим трофеем, с которым уже несколько минут вел оживленную, пусть и невразумительную беседу. Его голос вдруг изменился и зазвучал обеспокоенно.

– Горячо, – сказал Джемми. – Мамочка, ГОРЯЧО!

Брианна с встревоженным видом встала со стула, когда я услышала шум. Такой высокий звенящий звук, как будто водишь мокрым пальцем по хрустальному бокалу. Роджер выпрямился и испуганно посмотрел на Джемми.

Брианна, наклонившись, вытащила сына из-под стола, и вдруг что-то треснуло, как будто раздался выстрел, и звон исчез.

– Боже правый, – довольно спокойно, учитывая обстоятельства, произнес Джейми.

Осколки мерцающего огня торчали из книжной полки, книг, стены и плотных складок юбок Брианны. Один фрагмент пронесся мимо головы Роджера, задев ухо, и по шее теперь стекала тонкая струйка крови.

Блестящие точки усеяли стол – острые иглы пронзили снизу дерево толщиной в дюйм. Иэн вскрикнул, вытащив крошечный осколок из икры. Джемми заплакал. Снаружи яростно залаял Ролло.

Опал взорвался.

Было еще светло, и пламя свечи оставалось почти незаметным – лишь дуновение тепла в лучах вечернего солнца. Джейми задул тонкую свечку, от которой зажигал эту, и сел за стол.

– Ты не почувствовала ничего странного, когда отдавала камень малышу, саксоночка?

– Нет. – Я все еще не оправилась после взрыва, и этот странный шум по-прежнему звучал у меня в ушах. – Он был теплым на ощупь, но в комнате все было теплым. И звука этого камень не издавал.

– Какого звука? – с непониманием посмотрел на меня Джейми. – В смысле, когда он взорвался?

Теперь уже я настороженно глянула на Джейми:

– Нет, перед этим. Разве ты не слышал?

Джейми покачал головой, и меж бровей пролегла морщинка. Я посмотрела на остальных – Бри и Роджер, оба бледные и напуганные, кивнули, а Иэн тоже покачал головой – взгляд у него был заинтригованный, но непонимающий.

– Я ничего не слышал, – сказал он. – На что это было похоже?

Брианна хотела ответить, когда Джейми жестом остановил ее:

– Подожди-ка, девочка моя. Джем, рыжик, ты что-нибудь слышал перед хлопком?

Джемми уже успокоился, но все еще сидел, съежившись, на коленях у матери и сосал большой палец. Он посмотрел на дедушку большими голубыми глазами и кивнул, не выпуская палец изо рта.

– А камень, который тебе дала бабушка, он был горячий?

Джемми бросил на меня полный укоризны взгляд и снова кивнул. Я почувствовала себя немного виноватой, а от мысли о том, что могло бы случиться, если бы Бри вовремя не схватила малыша, чувство вины стало мучить меня еще сильнее.

Мы вытащили из дерева почти все осколки и хрупкой горкой сложили на столе. Одним из них мне ободрало кожу на костяшке, и я засунула палец в рот, чувствуя металлический привкус крови.

– Господи, они острые, как битое стекло.

– Это и есть битое стекло. – Брианна крепче прижала к себе Джема.

– Стекло? То есть опал был ненастоящий? – удивился Роджер, доставая один из иглообразных осколков.

– Конечно, настоящий, но опал – это стекло. Очень твердое

вулканическое стекло. У камней кристаллическая структура, которая и делает их красивыми, не зря же они называются драгоценными. У опала по сравнению со многими другими камнями структура очень хрупкая. – Брианна, уже не такая бледная, по-прежнему крепко прижимала к себе сына. – Я знала, что его можно разбить кувалдой или еще чем-то, однако никогда не слышала об опале, который разбивается сам, – кивнула она на собранные в кучку сверкающие осколки.

Джейми вытащил большой обломок и, зажав между пальцами, протянул мне.

– Положи его себе на ладонь, саксоночка. Теплый на ощупь?

Я осторожно взяла зазубренный кусочек камня. Он был тонкий, почти невесомый, и прозрачный, переливающийся яркими оттенками голубого и оранжевого.

– Да, – ответила я, аккуратно наклоня ладонь. – Не сильно горячий, примерно температуры тела.

– А мне он показался прохладным, – сказал Джейми. – Отдай его Иэну.

Я подала осколок опала Иэну, и тот положил его себе на ладонь и осторожно провел по нему кончиком пальца, будто это был зверек, который кусается, если его разозлить.

– Прохладный, – отозвался Иэн. – Точно кусочек стекла, как и сказала Брианна.

Дальнейшие эксперименты показали, что Брианне, Роджеру и мне, в отличие от Джейми и Иэна, камень казался теплым – хотя не горячим. К тому времени воск на вершущке большой свечи-часов растаял, и Джейми сумел достать спрятанные внутри камни. Он стер остатки горячего воска носовым платком и выложил камни в ряд на столе, чтобы они остыли.

Забыв о своих недавних злоключениях, Джемми с интересом наблюдал за происходящим.

– Нравятся, мой рыжеволосый малыш? – спросил у него Джейми.

Джем, рьяно кивая, стал вырываться из объятий матери и потянулся к камням.

– Горячо, – вдруг вспомнил он и немного отклонился назад, на его маленьком личике отразилось сомнение. – Горячо?

– Надеюсь, что нет, – ответил ему дедушка. Джейми сделал глубокий вдох и поднял грубо ошлифованный изумруд размером с ноготь на его большом пальце. – Протяни руку, малыш.

Брианна хотела было возразить, однако прикусила губу и разрешила Джемми сделать так, как просит дедушка. Малыш с опаской взял камень, а потом настороженность сменилась улыбкой.

– Красивый камень!
– Горячий? – спросила Брианна, готовая вырвать камень у него из рук.
– Да, горячий, – с довольным видом ответил Джемми, прижимая его к животу.

– Дай-ка маме посмотреть. – Не без труда Брианна сумела ухватиться за камень, хотя Джемми все равно не отдавал его. – Теплый, – сказала она, поднимая взгляд. – Как осколок опала, но не слишком горячий. Если будет горячо, сразу бросай его, понятно? – пригрозила она Джемми.

Роджер увлеченно наблюдал за происходящим.

– Значит, в нем это есть? Пятьдесят на пятьдесят, как вы говорили, а может, на три четверти, но в нем это есть, так ведь?

– Ты о чем? – Джейми удивленно посмотрел на Роджера, а затем на меня.

– По-моему, он может... путешествовать, – сказала я, чувствуя, как что-то сжимается в груди. – Помнишь, что писал Зуб Выдры... – кивком показала я на отложенный в сторону дневник. – Он писал, что они проходили испытание, чтобы понять, услышат ли «зов времени». Мы знаем, что не все... способны на это. – Я почему-то очень стеснялась говорить об этом при Иэне. – Судя по словам Зуба Выдры, есть способ заранее узнать, кто сможет пройти, а кто нет.

Джемми не обращал никакого внимания на разговор взрослых и раскачивался взад-вперед, бормоча что-то камню, зажатому в его пухленькой ручке.

– Вы думаете, что «зов времени» – это... Джем, ты *слышишь* этот камень? – Роджер наклонился к мальчику и взял Джемми за руку, чтобы отвлечь его от изумруда. – Джем, он поет тебе?

Джемми удивленно поднял голову.

– Нет, – неуверенно ответил он. А потом добавил: – Да! – Он поднес камень к уху, нахмурился и сунул камень Роджеру. – Ты пой, папа!

Роджер осторожно взял изумруд, с улыбкой глядя на Джемми.

– Я не знаю таких красивых песен, как поет этот камень, – хрипло отозвался он. – Ну, если не считать «Битлз».

Роджер настороженно поднес камень к уху. Хмурясь, прислушался, затем опустил руку и потряс головой.

– Это не... я не могу... не могу сказать, что действительно *слышу* что-то. И все-таки... Попробуй сама. – Он передал камень Брианне, а она затем мне. Мы особо ничего не слышали, но все же, если прислушаться, что-то от него исходило. Не звук, а скорее едва ощутимая вибрация.

– Что это? – спросил Иэн, с огромным интересом наблюдавший за

происходящим. – Вы трое не волшебники, так почему вы можете... то, что можете, а мы с тобой, дядя Джейми, не можем? Ты ведь не можешь, дядя Джейми?

– Нет, и слава богу, – ответил ему дядя.

– Гены? – предположила Брианна. – По-другому и не объяснишь.

Джейми и Иэн с подозрением отнеслись к незнакомому термину.

– Гены? – переспросил Иэн, непонимающе сдвинув густые брови.

– Почему бы и нет? – ответила я Брианне. – Все остальное ведь передается по наследству – группа крови, цвет глаз...

– Глаза и кровь есть у всех, саксоночка, – возразил Джейми. – И каждый может видеть, независимо от цвета глаз. А это... – показал он на небольшую коллекцию камней.

Я с нетерпением вздохнула.

– Многое другое тоже заложено в генах... да практически все! Смотри, – повернулась я к Джейми и показала ему язык.

Он удивленно посмотрел на меня, и выражение его лица насмешило Брианну.

Не обращая внимания, я засунула язык обратно, а потом снова высунула, свернув трубочкой.

– А так? – спросила я, убрав язык. – Так ты можешь?

– Конечно, могу, – изумленно ответил Джейми, показал скрученный язык и поводил им из стороны в сторону. – И все так могут, правда? Иэн?

– Да, конечно. – Иэн услужливо продемонстрировал свое умение. – Все могут.

– Я не могу, – сказала Брианна.

– Как это не можешь? – ошарашенно уставился на нее Джейми.

Брианна высунула плоский язык и поводила им туда-сюда.

– Не могу.

– Можешь-можешь. – Джейми нахмурился. – Смотри-ка, девочка моя, это легко – все так могут! – Он снова показал язык, то скручивая трубочкой, то разворачивая, прямо как папа-муравьед, подгоняющий своих отпрысков к аппетитной массе насекомых, и вопросительно глянул на Роджера.

– Кто бы мог подумать, да? – усмехнулся Роджер и высунул плоский язык.

– Вот видишь? – ликовала я. – Кто-то умеет сворачивать язык трубочкой, а кто-то нет. Этому не научишься. Либо передастся по наследству, либо нет.

Джейми переводил взгляд с Бри на Роджера и обратно, а затем,

нахмурившись, посмотрел на меня.

– Допустим, что ты права. Почему тогда Брианна не способна сворачивать язык, если мы с тобой оба способны? Ты уверяла меня, что она моя дочь.

– Твоя, можешь не сомневаться, – сказала я. – Это подтвердит любой, у кого есть глаза.

Джейми посмотрел на Брианну – стройную, высокую и с копной рыжих волос. Она улыбнулась ему, сощурив голубые глаза. Джейми улыбнулся ей в ответ и, сдаваясь, добродушно пожал плечами.

– Что ж, саксоночка, ты женщина благородная, и я верю тебе на слово. Но как тогда объяснить это? – Он снова свернул язык трубочкой – все еще считал, что каждый может так сделать, если только постарается.

– Ну, ты ведь знаешь, откуда берутся дети, – начала объяснять я. – Яйцеклетка и...

– Знаю, – нервно перебил Джейми. Кончики его ушей немного покраснели.

– В общем, ребенок берет что-то от мамы и что-то от папы. – Я чувствовала, что и у меня самой порозовели щеки, однако стойко продолжала: – Иногда более заметно влияние отца, иногда – матери, но оба... э-э... влияния присутствуют. Они называются генами – то, что дети получают от родителей и что влияет на их внешность и способности.

Джейми посмотрел на Джемми, который, опять напевая, пытался поставить один камень на другой. Солнце блестело в его медных волосах. Отворачиваясь, Джейми поймал взгляд Роджера и поспешил обернуться ко мне.

– Ну и?

– Так вот, гены влияют не только на цвет волос или глаз. – Я вошла в роль лектора. – Для каждой черты человек получает два гена: один от отца, другой от матери. Когда в яичниках и семенниках формируются... э-э... гаметы...

– Может, лучше расскажешь об этом потом, саксоночка? – перебил меня Джейми, искоса глянув на Брианну. Судя по всему, он считал, что такие слова, как «семенники» – не для ушей его дочери. Его уши, кстати, уже пылали.

– Не волнуйся, пап. Я знаю, откуда берутся дети, – ухмыльнувшись, заверила его Бри.

– Ну что ж, – вернула я себе бразды правления беседой. – Для каждой черты человек получает два гена: один от отца, другой от матери, но, когда приходит время передавать их своим потомкам, передать можно только

один из пары. Потому что другой ген ребенок получит от второго родителя, понимаете? – спросила я у Джейми и Роджера, и те, будто загипнотизированные, одновременно кивнули.

– Хорошо. Так вот, некоторые гены являются доминантными, а остальные – рецессивными. Если у человека доминантный ген, то он проявится и будет заметен. Если рецессивный, то его не видно, но он все равно может передаться потомкам.

Мои слушатели смотрели на меня с недоверием.

– Разве ты не проходил это в школе, Роджер? – удивилась Бри.

– Проходил, – пробормотал он, – просто, наверное, особо не слушал. Кто бы мог подумать, что это и правда пригодится...

– Вот видишь, – с иронией отметила я. – Что ж, выходит, у нас с Джейми доминантные гены, благодаря которым мы оба умеем скручивать язык. Но, – добавила я, подняв палец, – у каждого из нас есть и рецессивный ген, из-за которого язык *не* скручивается. Получается, каждый из нас передал Бри рецессивный ген, поэтому она и не может скручивать язык. То же самое с Роджером – ему передались два рецессивных гена, ведь если бы у него был хотя бы один доминантный, он мог бы скручивать язык в трубочку, а у него не выходит. Что и требовалось доказать, – откланялась я.

– Что такое се-мен-ни-ки? – раздался тонкий голосок. Джемми отвлекся от камней и с невероятным любопытством смотрел на меня.

– Э-э... – Я обвела комнату взглядом в поисках поддержки.

– Это таким умным словом называют твои яйца, дружок, – с серьезным видом сказал Роджер, стараясь не засмеяться.

Джемми это очень заинтересовало:

– Мои яйца? Где у меня яйца?

– Ну-у... – Роджер посмотрел на Джейми, а тот, хмыкнув, уставился в потолок.

– Ты же в килте, дядя Джейми, – ухмыльнулся Иэн.

Джейми не ожидал от племянника такого предательства, но не успел он сдвинуться с места, как Роджер наклонился и осторожно положил руку между ног Джемми.

– Вот здесь, малыш.

Джемми дотронулся до промежности и, озадаченно нахмутив рыжие бровки, посмотрел на папу:

– Не яйца. Краник!

Джейми глубоко вздохнул и встал. Он кивнул Роджеру, наклонился и взял Джемми за руку.

– Ладно, давай выйдем, и мы с папой тебе покажем.

Лицо Бри стало того же оттенка, что ее волосы, а плечи тряслись от смеха. Роджер, у которого тоже подозрительно порозовели щеки, открыл дверь и пропустил вперед Джейми и Джема.

Джейми без всяких задних мыслей повернулся к внуку, высунул язык и скрутил его трубочкой.

– А ты так умеешь, рыжик? – спросил он.

Брианна резко вдохнула, вскрикнув, будто напуганная утка, и замерла. Роджер тоже замер и не сводил с мальчика глаза, словно тот был бомбой, готовой взорваться, как тот опал.

Джейми понял свою ошибку.

– Черт, – прошептал он, побледнев.

– Плохо, деда! – с упреком посмотрел на него Джемми. – Это плохое слово, да, мама?

– Да, – ответила Брианна и сердито глянула на Джейми. – Придется дедушке вымыть рот с мылом, правда?

У Джейми был такой вид, как будто он уже наелся мыла – и очень едкого.

– Правда, – ответил он и откашлялся. Краска с лица полностью исчезла. – Я должен извиниться перед леди. – Джейми церемонно поклонился мне и Брианне. – *Je suis navré, Madames. Et Monsieur*^[53], – добавил он, обращаясь к Роджеру. Тот едва заметно кивнул, не сводя глаз с Джемми, хотя веки его были опущены и он старательно скрывал любое выражение эмоций.

Круглое личико Джемми при этом выражало полный восторг, как это бывало всегда, когда в его присутствии говорили по-французски, и – к чему, видимо, и стремился Джейми – он сам поспешил добавить пару слов на прекрасном языке искусства и рыцарства.

– *Frère Jacques, Frère Jacques...*^[54]

Роджер посмотрел на Бри, и что-то проскользнуло в воздухе между ними. Он наклонился и взял Джема за другую руку, перебивая его песенку.

– Ну что, малыш, умеешь так делать?

– *Frère...* Что делать?

– Посмотри на дедушку, – показал Роджер на Джейми, и тот, сделав глубокий вдох, быстро высунул язык и свернул трубочкой.

– Можешь так? – спросил Роджер.

– Конечно, – просиял Джемми и высунул язык. Плоский.

Все одновременно выдохнули. Не заметив этого, Джемми подобрал

ноги и повис на руках Роджера и Джейми, а потом вновь встал на пол и повторил свой изначальный вопрос.

– У деда есть яйца? – спросил он, дергая папу и дедушку за руки и запрокидывая голову, чтобы посмотреть на Джейми.

– Да, дружок, есть, – с иронией ответил Джейми. – Хотя не такие большие, как у твоего папы. Идем уже.

Джемми повис между ними, как обезьянка, подтянув колени к подбородку, и под звуки его незамысловатой песни Роджер и Джейми вытащили малыша наружу.

Глава 110

Тот, кто жаждет крови

Я раскрошила руками сухие листочки шалфея, и они серо-зелеными хлопьями упали на горящие угли. Солнце висело над каштанами, но небольшое кладбище уже накрыла тень, и костер горел ярко.

Мы впятером собрались вокруг гранитной глыбы, которой Джейми отметил могилу незнакомца. «Нас было пятеро, и мы выложили диаграмму с пятью конечностями», – писал он в дневнике. Мы единодушно решили, что это не только ради человека с серебряными пломбами, но и ради его четырех неизвестных напарников, а еще ради Дэниела Роулингса, чью новую и последнюю могилу устроили под рябиной неподалеку.

От небольшого чугунного котла поднимался бледный ароматный дым. Я взяла и другие травы, но знала, что для тускарора, чероки и могавков шалфей был священным растением, чей дым считался очищающим.

Растерев можжевельник меж пальцев, я тоже бросила его в костер, а затем добавила руту душистую, которую еще называли «благодать-травой», и розмарин – на память.

Вечерний ветер шелестел листвой, а сумерки подсветили серый дым, сделав его золотым. Он поднимался все выше и выше к небосводу, где его ждали едва заметные звезды.

Джейми задрал пламенно-рыжую голову – такую же яркую, как костер у его ног, – и посмотрел в сторону запада, куда улетали души мертвых. Он тихо заговорил на гэльском, но мы понимали – слова всем нам уже были знакомы.

«Ты возвращаешься этой ночью в свой дом зимы,
В свой дом осени, весны и лета,
Ты возвращаешься этой ночью в свой вечный дом,
В свое вечное ложе, в свой вечный сон.

Спи сном семи звезд, брат мой,
Спи сном семи радостей, брат мой,
Спи сном семи сновидений, брат мой,
На руках благословенного Иисуса, милостивого Христа.

Тень смерти ложится на твое лицо, возлюбленный,

Но милостивый Христос удержит тебя на руках своих,
А отец, сын и святой дух избавят тебя от боли.
Христос стоит перед тобой и дает тебе покой».

Иэн стоял рядом с Джейми. Угасающий свет коснулся его лица, выхватив шрамы. Сначала он произнес слова на языке могавков, а потом повторил для нас на английском.

«Пусть охота будет успешной,
Пусть врагов уничтожат у тебя на глазах,
Пусть сердце всегда радуется в доме братьев твоих».

– И так много-много раз, – добавил он, опустив голову, будто оправдывался. – Под бой барабанов. Но я подумал, что пока хватит и одного.

– Конечно, Иэн, – заверил его Джейми и посмотрел на Роджера.

Тот откашлялся, прочистив горло, и его хриплый голос был таким же легким и мощным, как дым.

«Покажи мне, Господь, мой конец
И меру дней моих – какова она.
Дабы я познал, как я преходящ.

Ты пядями измерил дни мои,
И мой век – ничто пред Тобой.

Услышь молитву мою, Господь,
Да внемли крику моему,
И не будь безмолвен к слезам моим:

Ибо я для Тебя чужеземец,
Как и все отцы мои».

Все замолчали, и нас тихо окутала темнота. Когда скрылись последние лучи, а листья над нами померкли, Брианна взяла кувшин с водой и залила котел с углями. От них призрачным облаком поднялся дым и пар, и к

деревьям унесло запах поминовения.

* * *

Когда по узкой тропинке мы вернулись к дому, почти совсем стемнело. Брианна была впереди меня, и я различала ее очертания, а мужчины шли позади. Вокруг было полно светлячков, они мелькали среди деревьев и освещали траву у моих ног. Один из жуков прицепился к волосам Брианны и замигал.

С наступлением сумерек в лесу становится так тихо, что хочется замедлить стук сердца и неслышно ступать по земле.

– Ну, так ты подумал, *a cliamhuinn?*^[55] – услышала я тихий голос Джейми позади.

– О чем? – После службы Роджер говорил спокойно и приглушенно, хрипота почти не слышалась.

– О том, что вам делать – тебе и твоей семье. Теперь вы оба знаете, что малыш может путешествовать – и что вас ждет, если вы останетесь.

Что ждет всех нас. Я с тревогой вздохнула. Война. Сражения. Неуверенность во всем, кроме неминуемой угрозы. Угрозы болезни или несчастного случая – для Брианны и Джема. Угроза смерти в родах, если она снова забеременеет. А для Роджера – угроза смерти и тела, и души. Его голова зажила, но я видела, каким немигающим становился его взгляд, когда он думал о Рэндалле Лиллиуайте.

– А, да, – тихо ответил невидимый мне Роджер. – Я думал... и все еще думаю... *m'athair-cèile*.

Я улыбнулась, услышав, как он назвал Джейми «тестем», хотя его тон был вполне серьезен.

– Сказать вам, что я думаю? А вы тогда скажете мне?

– Да, давай. Есть еще время поразмыслить.

– В последнее время я думал о Германе Хазбенде.

– О квакере? – удивился Джейми. Хазбенд покинул колонию вместе со своей семьей после битвы при Аламансе. Я слышала, они уехали в Мэриленд.

– Да, о нем. Что случилось бы, не будь он квакером? Если бы он продолжил начатое и повел регуляторов на войну?

– Не знаю, – помолчав, произнес Джейми. – Полагаешь, с настоящим лидером они преуспели бы?

– Да. А может, и нет – ведь оружия у них не было, – но все равно

результаты были бы значительнее. И тогда...

Показался дом. Задние окна светились – к вечеру разжигали камин, к ужину ставили свечи.

– Если бы регуляторами правильно руководили, может, движение возникло бы здесь и в то время, а не через три года от нынешнего в Массачусетсе.

– Да? И если так, что тогда?

Роджер коротко фыркнул – все равно что пожал плечами.

– Как знать. Я в курсе того, что сейчас происходит в Англии, – они не готовы, они не представляют, чем здесь рискуют. Если война разражается внезапно, без предупреждения – если бы она разразилась при Аламансе, – то и распространяется быстро. Англичане понять ничего не успеют, а война уже закончится. Это спасло бы тысячи жизней и избавило бы людей от долгих лет военных действий.

– А может, и нет, – иронично заметил Джейми, и Роджер засмеялся.

– А может, и нет, – согласился он. – Суть вот в чем: есть время для тех, кто хочет мира, а есть для тех, кто жаждет крови.

Брианна дошла до дома, обернулась и стала ждать остальных, тоже прислушиваясь к разговору.

Роджер остановился рядом с ней и посмотрел вверх. Из дымохода фонтаном вылетали яркие искры, освещая его лицо.

– Вы обращались ко мне, – наконец сказал он, взглядываясь в ослепительную темноту. – На Собрании, у огня.

– *Seas vi mo lâmh, Roger an t'oranaiche, mac Jeremiah mac Choinneich*, – тихо произнес Джейми. – Да, обращался. «Останься со мной, поющий Роджер, сын Джеремайи».

– *Seas vi mo lâmh, a mhic mo thaighe*, – сказал Роджер. – «Останься со мной, сын моего дома». Вы это серьезно?

– Ты и сам знаешь.

– Тогда и я серьезно. – Роджер положил руку на плечо Джейми и сжал так, что побелели костяшки. – Я останусь с вами. Мы останемся.

Брианна наконец с облегчением выдохнула – тихо, как сумеречный ветер.

Глава 111

Не дрогнув, выйти им навстречу

Большая свеча-часы немного прогорела, но оставалось еще много черных колец, отмечающих время. Джейми снова сложил камни в растаявший воск – один, два, три – и задул свечу. Четвертый камень, крупный топаз, был спрятан в деревянной коробочке, которую я обшила промасленной тканью. Его следовало передать в Эдинбург, мужу кузины миссис Баг, который, с его связями в банковском мире, сумеет продать камень и – вычтя разумную комиссию за свои услуги – перечислит средства Неду Говану.

Сопроводительное письмо лежало в коробочке вместе с камнем и содержало поручение Неду: узнать, живет ли некая Лири Маккензи с мужчиной в союзе, равносильном браку, и, если так, заявить о выполнении условий контракта между некой Лири Маккензи и неким Джеймсом Фрейзером, после чего положить средства от продажи камня в банк в качестве приданого для некой Джоан Маккензи Фрейзер, дочери вышеупомянутой Лири, когда та выйдет замуж.

– Ты уверен, что не хочешь попросить Неда узнать, кто этот мужчина? – спросила я.

Джейми решительно покачал головой.

– Захочет рассказать – хорошо, а если не захочет, так тому и быть, – криво улыбнулся он. Видимо, неудовлетворенное любопытство будет его наказанием.

В коридоре Брианна одновременно разговаривала с миссис Баг и ругала Джемми, но их перебил голос Роджера, а затем – радостный визг Джемми, когда Роджер подбросил его вверх.

– Думаешь, Роджер сделал правильный выбор? – тихо спросила я.

Решение Роджера меня обрадовало – и Джейми тоже. Хотя Брианна, Роджер и я смотрели на предстоящие события со своей особой стороны, я знала: Джейми куда лучше понимает, что нас действительно ждет. Конечно, прохождение через камни – дело опасное, но война...

Джейми потянулся и достал небольшую книгу с дальнего конца полки, в дешевом матерчатом переплете и довольно потрепанную – издание Фукидида, которое Джейми приобрел в надежде на то, что когда-нибудь Жермен и Джемми научатся греческому и сумеют прочитать.

Он открыл книгу осторожно, чтобы не выпали страницы. На мой

взгляд, греческие буквы будто были написаны вымоченным в чернилах червяком, у которого случился припадок, но Джейми без труда нашел нужный отрывок.

– «Истинно храбр лишь тот, кто ясно видит все, ожидающее его – славу и опасности равно, – и тем не менее, не дрогнув, выходит им навстречу».

Мне казалось, что Джейми читает их не из книги, а по памяти, из открытой книги души.

Хлопнула дверь, снаружи послышался голос Роджера – хриплый предостерегающий крик, обращенный к Джемми, а потом смех, низкий и сдавленный, в ответ на слова Брианны, и какой-то далекий неразличимый звук.

Они ушли, и, если не считать легкого шелеста листьев, настала тишина.

– «Истинно храбр лишь тот, кто ясно видит все, ожидающее его». Ну, тебе-то лучше знать? – тихо сказала я и положила руку ему на плечо. Провела большим пальцем по крепкой шее, поглядывая на исписанную извилистыми червяками страницу. Он знает, и я тоже, ведь это я показала ему, что нас ждет.

Не выпуская книгу из рук, Джейми склонил голову, коснувшись щекой моей ладони, а густыми и мягкими волосами – моего запястья.

– Нет, – ответил он. – Не мне. Истинно храбр лишь тот, у кого есть выбор.

Я засмеялась, фыркнула и свободной рукой вытерла глаза.

– Думаешь, у тебя нет выбора?

Джейми молчал, затем закрыл книгу и, все еще держа ее в руках, наконец сказал:

– Нет. – В его голосе было что-то странное. – Не сейчас.

Сидя на стуле, он повернулся к окну. Была видна только красная ель у поляны, а за ней – густая тень от дубовой рощи с вкраплениями кустов дикой ежевики, которая разрослась из сада. Почерневший участок, где стоял огненный крест, теперь густо зарос диким ячменем.

Воздух вибрировал, и я вдруг поняла, что здесь вовсе не тихо. Нас окружали звуки гор, крики птиц, плеск воды вдалеке, а еще голоса, бормотание которых слышалось каждый день – то кто-то позовет из свинарника, то кто-то крикнет из уборной. И на фоне всего этого – детский смех и крики, принесенные непоседливым ветром.

– Наверное, ты прав, – немного помолчав, сказала я.

Он действительно был прав, в тот момент выбора и правда не

оставалось, и осознание этого немного меня успокаивало. Что будет, то будет. Нам остается лишь подготовиться получше и надеяться, что мы выживем. Если не мы, то, может, выживут они. Я собрала волосы Джейми в хвост и крепко схватилась пальцами, будто за якорный трос.

– А как же все то, что ты выбирал раньше? – спросила я, глядя на безлюдный дворик и тени леса позади него. – Все то, что привело тебя сюда? Ты делал настоящий выбор – и, на мой взгляд, чертовски храбро.

Кончиком указательного пальца я нащупала под рыжими локонами тонкую линию давнего шрама. Он повернул голову, чтобы коснуться моей руки, и теперь моя ладонь была на его подбородке.

– Ну, что ж, – Джейми взял меня за руку и переплел свои пальцы с моими, – тебе-то лучше знать, саксоночка.

Я села рядом с ним, положила руку на его ногу, а он – на мою. Мы сидели бок о бок и смотрели, как над рекой угрожающе собираются тучи, будто предвещающая далекую войну. Есть выбор или нет, вполне вероятно, что закончится все одинаково.

Его рука немного напряглась, и я повернула голову. Взгляд Джейми был сосредоточен на чем-то вдалеке за нашим двориком, за горами и за тучами. Он сжал мою руку еще сильнее – так, что кольцо на пальце впилось в кожу.

– Если в тот день, что разлучит нас, – прошептал он, глядя на меня, – я не скажу напоследок «Я люблю тебя», знай – я просто не успел.

Примечания

Стишок из детской книги «Зеленые яйца с ветчиной» Доктора Сьюза.

Замок Дауни (гэльск.) – боевой клич клана Фрейзеров из Ловата.

Дурак (гэльск.)

Не волнуйся, сердце мое. Тише, я здесь (гэльск.).

Твое здоровье, девочка моя (*гэльск.*).

Иди сюда, кровинка! (гэльск.)

Маленький зануда (*фр.*).

Здравствуйте (чероки).

Намек на мультфильм «Мишка Йogi», популярный в США в 1960-е годы.

Крылатая фраза Мишки Йоги.

Птицы! (*чероки*)

Лютер Бербанк (1849–1926) – американский селекционер.

«Я – француз, путешественник» (*фр.*).

Марк Твен. Из писем.

Леди, госпожа (гэльск.).

Поуп Александр, «Опыт о критике» (Пер. А. Субботина).

Настороже; в стойке; «к бою» (фехтовальный термин) (*фр.*).

Защищайтесь (*фр.*).

Мой рыжеволосый мальчик, как у тебя дела? (гэльск.)

Вперед! (*фр.*)

Милая (обращение к ребенку или младшей женщине) (гэльск.).

Дорогая (гэльск.).

Мое сердце (гэльск.).

Ban-sidhe – в ирландской мифологии «баныши» появляется у домов обреченных на смерть людей и своими стонами предвещает их скорую кончину. Также считается, что это дух – покровитель семьи.

Здравствуй, Певчий Дрозд (гэльск.).

Рыжий Джеймс (гэльск.).

Покрасневшая малютка (*фр.*).

Морская сажень – английская единица длины, равная 6 футам или 182 см.

Двухмачтовое парусное судно.

Прошу прощения, мадемуазель (*фр.*).

Кто вы, мадемуазель? (*фр.*)

Кто вы такие? (*нем.*)

Как дела? (*фр.*)

Вы говорите по-французски? (*фр.*)

Немного (*фр.*).

Свиньи. Для месье Уайли (фр.).

Господи! (гэльск.)

Бабушка (*фр.*).

Кто там? (гэльск.)

Из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Моя тень», перевод
И.Ивановского.

Согласно астрономическим временам года, осень начинается с осеннего равноденствия 22–23 сентября – в некоторых странах используется такой отсчет.

Парфюм женщины. Мой маленький цветочек (*фр.*).

Парфюм мужчины? (*фр.*)

Парфюм козла (*фр.*).

Скунс Пеппе Ле Пью – герой серии мультфильмов «Луни Тюнз», впервые появился на экране в 1945 г.

46

Около 1 м и 90 кг соответственно.

Высокий холм (гэльск.) – боевой клич клана Маккензи.

Палка, ветка (гэльск.).

Кот (гэльск.).

Племянник (гэльск.).

Материал, котелок, каша (гэльск.).

Прометей возвращается (*лат.*).

Мне очень жаль, дамы. И месье (*фр.*).

«Братец Якоб, братец Якоб...» – французская детская песенка.

Зять (гэльск.).